СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

К II (4)

XXV

Ишик
Дл. польз

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

XXV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1956

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор

Б. А. Рыбаков

Заместитель ответственного редактора

А. Я. Брюсов

Ответственный секретарь

И. Т. Кругликова

Члены редколлегии:

А. Л. Монгайт, Б. Б. Пиотровский, Д. Б. Шелов

СТАТЬИ

ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ГОРОДЦОВА
(1860—1945)

Е. И. КРУПНОВ

О ЖИЗНИ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. А. ГОРОДЦОВА[1]

3 февраля 1945 г. на 85-м году жизни скончался заслуженный деятель науки, доктор археологии, профессор, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры Академии наук СССР, член КПСС Василий Алексеевич Городцов. В его лице советская историческая наука потеряла неутомимого и талантливого ученого, крупнейшего русского и советского археолога, отдавшего своей любимой науке—археологии — около 60 лет творческого труда.

Жизнь и научная деятельность В. А. Городцова настолько тесно, органически связаны с развитием отечественной археологии, что его творчество навсегда включилось в общую цепь развития нашей науки. Поэтому невольно, даже при беглом описании творческого пути этого ученого, приходится отмечать существенные моменты в развитии русской, а затем и советской археологии, и, наоборот, говоря об общем историческом фоне развития русской археологической мысли,— показывать тот ценный вклад, который внес В. А. Городцов в нашу науку. Действительно, каких бы успехов в будущем ни достигла советская археологическая наука, какие бы новые имена ни украсили славный путь ее развития, имя Городцова навсегда останется одним из самых светлых имен в списке деятелей советской исторической науки, ибо оно неразрывно слилось со всем развитием русской и с началом расцвета советской археологии.

Говоря об археологической науке и о Городцове, нельзя не оценить по достоинству всего огромного значения археологически универсальной, многогранной деятельности Василия Алексеевича — учителя нескольких поколений русских и советских археологов. Круг его научных интересов был настолько широк, а запас знаний настолько велик и фундаментален, что люди с различным научным профилем и интересами находили в лице Василия Алексеевича своего научного руководителя, советчика и консультанта.

Им подготовлены десятки специалистов, из которых многие занимают ведущие места в разработке особых разделов отечественной археологии, ставших теперь отдельными научными дисциплинами.

Родился Василий Алексеевич Городцов 11/23 марта 1860 г. в с. Дубровичи, бывш. Рязанской губернии, на р. Оке, в семье сельского дьячка.

---

[1] Доклад, прочитанный 8 февраля 1955 г. на совместном заседании Ученых советов Института истории материальной культуры Академии наук СССР, Истфака Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и Государственного Исторического музея, посвященном памяти В. А. Городцова по случаю десятилетия со дня его смерти.

Образование получил в Рязанской духовной семинарии и, чтобы избавиться от духовной карьеры, поступил в военное училище, из которого вышел офицером. На военной службе он пробыл 26 лет и в отставку вышел лишь в 1906 г.

Состоя еще на военной службе, он в то же время сотрудничал в ряде научных обществ и учреждений: в Рязанской ученой архивной комиссии (1891—1892 гг.), в Ярославской ученой архивной комиссии (1898—1899 гг.), в Историческом музее (с 1903 г.), где продолжал сотрудничать до 1929 г.

Научную археологическую работу он начал в 1888 г. открытием и исследованием близ г. Рязани окских дюнных стоянок эпохи неолита, на которых им были собраны и впервые изучены коллекции каменных орудий и керамики. С тех пор почти шесть десятилетий были отданы Василием Алексеевичем бескорыстному служению науке.

Таким образом, выйдя из среды «разночинцев», Городцов исключительно благодаря своим личным качествам — бесспорной талантливости, огромной работоспособности и неиссякаемой энергии — сумел в условиях дореволюционной России завоевать себе право заниматься научной работой.

Весь характер дореволюционной научной деятельности Василия Алексеевича отличается демократическим и материалистическим направлением. Вспомним, что к 80 и 90-м годам XIX столетия в России относится начало борьбы марксистской исторической мысли с народническими концепциями и господствовавшим тогда буржуазным «экономическим материализмом». Одновременно этот период характеризовался и заметным подъемом естествознания. Следует учитывать возможность влияния всех этих факторов на формирование Василия Алексеевича как молодого исследователя. Так, думается, не случайно, сложившись как ученый в период расцвета естественных наук, В. А. Городцов навсегда сохранил глубокий интерес к естественно-историческим дисциплинам, особенно к геологии.

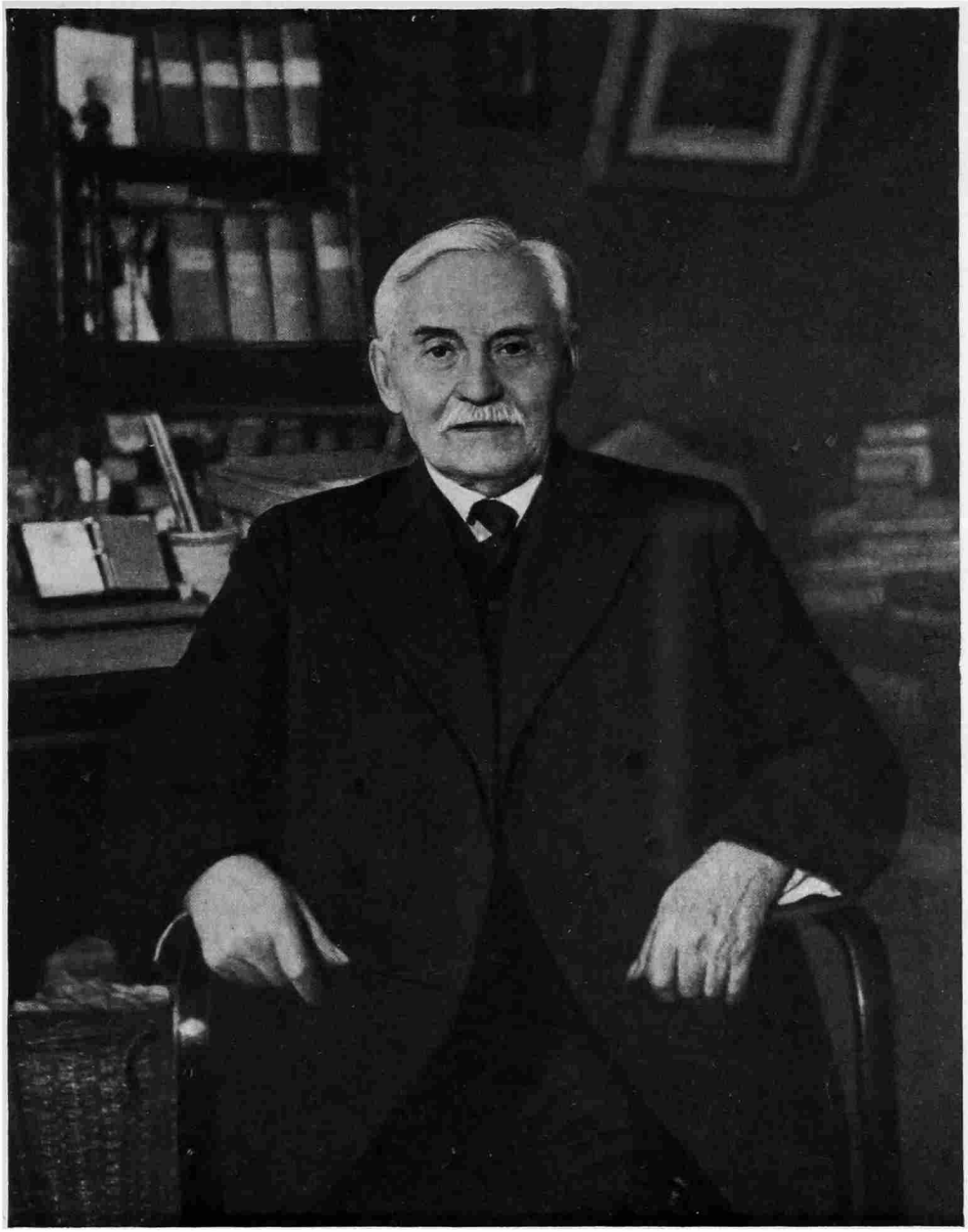
Всего им написано более десятка статей по геологическим вопросам. Знания геологии у него были настолько основательными, что в 1924 г. Василий Алексеевич даже читал курс четвертичной геологии для студентов-археологов 1 МГУ. И в своих научных трудах, и в университетских курсах он удачно и плодотворно связывал археологию палеолита с четвертичной геологией.

Являясь горячим поклонником естествознания, он первый из археологов постоянно регистрировал при раскопках остеологический материал (кости диких и домашних животных и птиц), помогавший ему судить о хозяйстве изучаемых племен.

Углублению естественно-исторических знаний и интересов Василия Алексеевича, несомненно, способствовали личный контакт и тесное научное общение с виднейшими геологами-четвертичниками, палеонтологами и зоологами нашей страны — проф. Н. И. Криштофовичем, академиками А. П. и М. В. Павловыми, проф. Г. Ф. Мирчинком, проф. С. Н. Боголюбским и др. Василий Алексеевич был старейшим, почетным и деятельным членом Московского общества испытателей природы.

Но, конечно, наиболее глубокий след оставили исследования В. А. Городцова в изучении ранних эпох истории нашей Родины. Его творческий вклад в разработку отечественной археологии подлинно велик и многообразен.

Впервые выступив на научном поприще еще при зарождении археологических знаний в царской России, в период, когда археология находилась всецело в руках эстетствующих сановных дилетантов и не выходила



В. А. Городцов

за пределы простого любительства и коллекционерства, В. А. Городцов очень скоро проявил себя ученым, твердо стоящим на серьезной научной базе. Он активно способствовал превращению археологии из собирательства и коллекционерства в настоящую научную дисциплину.

Давно оценив по достоинству рядовой археологический материал (керамику и орудия труда), он признал огромное научное значение массового бытового материала как важнейшего исторического источника. Ему, одному из немногих археологов старшего поколения, было присуще материалистическое понимание исторического процесса. В. А. Городцов считал, что история человечества есть дальнейший этап развития животного мира, дальнейшее развитие материи, в том числе и орудий труда. Никто из археологов до В. А. Городцова не осознавал в такой яркой и отчетливой форме основополагающей роли орудий труда и техники в культурном развитии человечества. Орудия труда он считал «настоящими рычагами, посредством которых человек двигает культуру вперед, к большему совершенствованию».

Конечно, Василий Алексеевич не был последовательным марксистом. Так, в историко-археологических построениях, в оценке развития материальной культуры и истории первобытного общества он признавал действие борьбы за существование и естественного отбора основой эволюции, т. е. дарвиновский принцип механически переносился из естественной истории в историю человеческого общества. Но, будучи превосходным знатоком археологии — науки, самой материальной из всех общественных наук, — он пришел к материалистическому пониманию законов общественного развития. Последние два десятилетия своей жизни Василий Алексеевич усиленно занимался изучением произведений классиков марксизма-ленинизма. В 1938 г. он вступил в ряды Коммунистической партии.

Первоклассный археолог, он никогда не был чистым эмпириком и вещеведом, а всегда проявлял склонность к широким историческим обобщениям, основанным на серьезной источниковедческой базе. В. А. Городцов обладал подлинно научной интуицией, что обычно отличает только талантливых, истинно творчески одаренных исследователей.

Многочисленные полевые исследования памятников материальней культуры, организованные и систематически проводившиеся Василием Алексеевичем, дали огромнейший археологический материал, заполнивший ряд музеев нашей страны. Немного можно назвать краев и областей нашей страны, где не поработал бы Василий Алексеевич. Центральные и южные области РСФСР, Поволжье, Украина, Крым, Северный Кавказ, Закавказье, Сибирь — вот широкое поле экспедиционной деятельности этого ветерана русской археологии.

На основе своего богатейшего полевого опыта В. А. Городцов создал методику полевых исследований археологических объектов и написал соответствующее руководство; в настоящее время она, конечно, уступает современной методике полевых исследований в точности фиксации исследуемых памятников, но ее относительная точность во сто крат компенсировалась исключительной зоркостью и наблюдательностью самого исследователя, его поразительным уменьем прежде всего видеть в исследуемом памятнике главное, а не второстепенное. Сохранившиеся полевые дневники Василия Алексеевича, в которых он делал записи, не отходя от раскопа, поражают глубиной проникновения в реальные картины прошлого и служат образцом наблюдательности в чтении и оценке материальных остатков прошлой жизни. С особой тщательностью им разработаны приемы исследования неолитических памятников, в частности раскопок землянок.

До последних лет своей жизни Василий Алексеевич был неустанным пропагандистом разработанного им в русской археологии типологического метода, серьезное значение которого как вспомогательного и необходимого метода признается и современной советской археологической наукой.

Городцовым впервые в русской науке была создана научная классификация древностей нашей страны, имеющая крупные научные достоинства и не потерявшая своего значения до наших дней. Им впервые на территории СССР были открыты и исследованы жилища, кладовые и мастерские палеолитического человека (на Тимоновской стоянке, в 1928 г.), что помогло и другим исследователям осознать и правильно интерпретировать ранее открытые, но не понятые остатки жилищ на других стоянках. Значительна его роль в изучении русского неолита, до него мало исследованного. Одна из его ранних и крупных работ по неолиту — «Русская доисторическая керамика» (1901 г.) до сих пор сохраняет интерес для исследователей.

Но особенно большое значение для истории всей Евразии имеет научная разработка В. А. Городцовым материалов эпохи бронзы. В изучении этой эпохи (эпохи палеометалла, по его терминологии) труд Василия Алексеевича оказался особенно плодотворен. Такие большие его работы, как, например, «Культуры бронзовой эпохи в Средней России» (1915 г.) и др., где обобщены итоги его крупных открытий в изучении памятников эпохи бронзы, имеют широкое международное значение. Им лично была открыта и научно определена целая серия культур эпохи бронзы, установлена их периодизация, которая до наших дней сохранила свое значение прочной, научно обоснованной шкалы по древнейшим периодам истории Европейской части СССР. Несмотря на неоднократные попытки, в том числе и с позиций марризма, поколебать и даже развенчать положения В. А. Городцова, до сих пор остаются нисколько не поколебленными выделенные им три этапа археологической истории нашего Юга, представленные им же открытыми культурами — ямной, катакомбной и срубной. Кстати, Василий Алексеевич всегда резко отрицательно относился к учению Н. Я. Марра и трудам его последователей, считая их антинаучными.

В. А. Городцовым впервые были выделены такие древние культуры лесной полосы, как фатьяновская, панфиловская, которая теперь называется волосовской, и др. Его роль в исследовании археологических культур эпохи бронзы столь велика, а его главные положения столь весомы, что до наших дней специалисты продолжают вести изучение памятников этой эпохи в основном почти в тех же направлениях, которые в свое время были намечены и определены Василием Алексеевичем. Так, например, главные вопросы, связанные с изучением, скажем, фатьяновской культуры, этой старой «загадки, наиболее трудной из всех археологических загадок», только теперь проясняются и уточняются, но все они в основном намечены еще В. А. Городцовым (происхождение культуры, ее хронология, экономическая основа и связи фатьяновцев).

Не менее трудной археологической загадкой являлась киммерийская проблема. Остроумно и убедительно выделив соответствующий комплекс бронзовых предметов на нашем степном Юге, Василий Алексеевич впервые облек материальной, археологической плотью ранее казавшихся мифическими предшественников скифов — киммерийцев.

Не будучи скифологом, но понимая важность и значение бытовых памятников для характеристики древних племен со скифской культурой, В. А. Городцов провел крупнейшие в дореволюционные годы раскопки Бельского городища. Полученный им материал обогатил археологию

достоверными знаниями о жизни, хозяйстве и быте степных племен, близких скифам-пахарям. Трудно переоценить значение даже для античной археологии таких его раскопок, как раскопки Елизаветинского городища на Кубани.

Специально не занимаясь археологией Кавказа, но обладая исключительной широтой кругозора и большими знаниями сравнительного материала, Василий Алексеевич еще в начале XX в. правильно оценил значение древнего Кавказа и решительно выступил против ошибочного утверждения В. Ф. Миллера о якобы исконной культурной отсталости Кавказа. Единственный раз побывав на Кавказе в 1911 г. и раскопав близ г. Боржоми замечательную металлургическую мастерскую конца бронзовой эпохи, Городцов оценил ее по достоинству и тогда же прозорливо усмотрел местный, а не привнесенный извне характер кавказской металлургии меди, что окончательно только в наши дни было блестяще доказано работами А. А. Иессена, Б. А. Куфтина и др.

Особенно значительны были исследования В. А. Городцова памятников дославянских культур средней полосы Европейской части СССР (дьяковской и городецкой культур), городища которых он заново осветил в культурно-историческом отношении. Раскопками таких городищ, как Старо-Каширское и Огубское, он установил планировку поселений, доказал наличие на них жилищ и датировал их. Это был новый шаг в изучении дьяковской культуры. Важное значение для истории средней полосы имели его раскопки Подболотьевского могильника VII—XI вв. (близ г. Мурома), оставленного летописным племенем мурома.

В южных областях В. А. Городцовым были изучены кочевнические могилы и намечены типы погребений печенегов и половцев, а также исследованы кирпичные постройки татарского города Маджары на Ставропольщине.

Немалый вклад сделал Василий Алексеевич и в изучение славянских древностей. Им раскопано и исследовано множество славянских курганов и селищ, изучено и опубликовано много замечательных образцов русского ремесла XII — XVII вв. Он впервые и в больших масштабах произвел раскопки столицы Рязанского княжества, сожженной Батыем в 1237 г.,— Старой Рязани, в результате которых удалось проследить планировку части города и добыть большой и важный археологический материал.

Самый перечень археологических объектов, исследованных В. А. Городцовым, распределяющихся во времени от палеолита до эпохи позднего средневековья (от Тимоновской стоянки до Старой Рязани и Маджар), наглядно рисует диапазон его глубоких знаний, огромного опыта и научных интересов.

Перу Василия Алексеевича принадлежит более двухсот опубликованных научных работ по самым различным вопросам изучения прошлого человечества и истории нашей Родины. Они прекрасно иллюстрируют широту кругозора и эрудицию автора. Среди его работ можно встретить и статьи о технике каменных орудий и о маршруте атамана Волошенинова в 1770 г. по пути к китайской границе, о древней нижнедунайской культуре в Болгарии и об археологических проблемах Афганистана. Это был археолог-энциклопедист, один из создателей у нас археологической науки.

К фундаментальным работам В. А. Городцова — таким, как «Культуры эпохи бронзы», ставшим краеугольным камнем в изучении ранних периодов нашей Родины,— относятся изданные курсы лекций, читанные им еще в Московском археологическом институте («Первобытная археология», 1908 г. и «Бытовая археология», 1910 г.). Эти работы долгое время остава-

лись у нас сводными археологическими курсами. В них наиболее квалифицированно был подытожен весь опыт изучения российских древностей. Уже эти дореволюционные работы, даже при наличии в них ряда спорных и ныне устаревших положений, безусловно, отмечены печатью яркой талантливости, смелости мысли и оригинальности автора.

В 1923 г. В. А. Городцов выпускает первый том крупного исследования «Археология» («Каменный период»). Ряд его работ, иногда крупного объема, вполне законченных, до сих пор не увидел света. Так, например, буквально до последних дней своей жизни (даже в условиях войны) В. А. Городцов усиленно работал над завершением и отделкой второго тома «Археологии» («Бронзовая эпоха»), который так и не вышел из печати.

Во всей своей научно-исследовательской работе Василий Алексеевич никогда не замыкался в узких рамках одной археологии. Он прекрасно был ориентирован и в смежных дисциплинах — геологии, палеонтологии, антропологии, истории, этнографии, нумизматике и др. Его смелая по приемам и ценная по выводам работа «Дако-сарматские элементы в русском народном творчестве» (1926 г.) сделалась отправной в изучении русского народного творчества. В ней он мастерски выявил глубочайшие истоки русского народного изобразительного искусства.

Ни один ученый не может претендовать на извечность и незыблемость своих положений. В этой связи следует отметить, что лишь немногое из высказанного Городцовым требует серьезных исправлений и уточнений, настолько его мысли и положения были им прочно обоснованы. Его основные воззрения успешно выдержали и выдерживают испытание временем.

На протяжении десятилетий Василий Алексеевич блестяще сочетал свою научно-исследовательскую работу с педагогической деятельностью. С 1907 г. по 1914 г. он преподавал археологию в Московском археологическом институте, с 1915 г. по 1918 г. работал в Народном университете им. Шанявского. Это был тогда уже вполне сложившийся, авторитетный ученый.

После Великой Октябрьской социалистической революции В. А. Городцов не занялся изучением частных вопросов своей науки, а весь, с присущей ему энергией и энтузиазмом, отдался строительству новой археологии и музейного дела, постепенно переходя на позиции марксистской методологии.

В 1918 г. Василий Алексеевич получил звание профессора и с тех пор почти до последних дней жизни руководил кафедрой археологии сначала в 1 МГУ, а затем в ИФЛИ имени Чернышевского. Это был изумительный лектор, превосходный педагог, подлинный энтузиаст археологии. Не каждому дано уменье так увлекать и заражать своим отношением к любимому делу, как это делал он. Известно, например, что некоторые из его учеников твердо решили стать археологами, прослушав его вводные лекции на первом курсе университета.

Еще с 20-х годов, с момента организации РАНИОН, В. А. Городцов возглавил археологическую секцию этой научной ассоциации. Несколько лет подряд он руководил археологическим отделом Главнауки Наркомпроса РСФСР. Последние два десятилетия своей жизни В. А. Городцов был одним из ведущих и самых активных сотрудников Института истории материальной культуры Академии наук СССР. Он состоял почетным членом многих отечественных и зарубежных научных обществ и учреждений.

Почти 60 лет творческого, научного труда — это целая жизнь в науке. У Городцова она была большая, богатая, плодотворная. Глубокая принципиальность, покоряющая убежденность в правоте своих суждений, не-

поколебимая твердость и постоянство взглядов были отличительной чертой его характера. Это была цельная, по-русски широкая натура большого человека, крупного ученого. Только такие ученые и способны быть настоящими руководителями научных направлений и созидателями научных школ. Своя археологическая школа была создана и В. А. Городцовым.

Человеку в высшей степени отзывчивому и чуткому ко всему новому, Василию Алексеевичу был присущ дух новаторства и дерзания, что в сочетании с исключительным трудолюбием и настойчивостью позволяло ему любое новое дело доводить до успешного конца. Невероятно требовательный к себе и другим в работе, он был до крайности скромен и неприхотлив в своих личных требованиях к бытовым удобствам и жизненным благам. Василий Алексеевич мог напряженно работать в любых условиях — дома, в поле, в сельской школе, в деревенской избе. Когда узнаешь, что даже в преклонном возрасте Василий Алексеевич работал по 12—14 часов в сутки, классифицируя огромные коллекции каменных орудий с Тимоновской стоянки, нельзя не поражаться его работоспособностью и преданностью делу. А это только один из примеров его истинно бескорыстного и беззаветного служения науке. Всегда он был самым деятельным, инициативным членом любого научного коллектива и заслуженно имел огромный авторитет ученого.

Нельзя не остановиться и на другой стороне облика В. А. Городцова как ученого-общественника. Будучи большим ученым, он, однако, не замыкался в скорлупу «жрецов науки». Его обширные и глубокие познания, его колоссальный археологический опыт всегда были доступны для всех интересующихся прошлым нашей страны. С большим моральным удовлетворением нес он свои знания в широкие слои трудящихся — через научно-исследовательские учреждения, через университетские и музейные залы и аудитории, а также путем публичных лекций для населения в полевых условиях. Кто из нас, его учеников, не помнит его бесед с крестьянами на месте раскопок, бесед, являвшихся образцами научной популяризации!

Научное общение с Городцовым для каждого молодого ученого само по себе было значительным моментом в собственной научной биографии. Об исключительной популярности Василия Алексеевича в широких кругах нашей исторической и музейной общественности можно судить по целому потоку приветствий, полученных им в 1938 г. по случаю 50-летия его научной деятельности, когда многочисленные его почитатели, начиная от маститых академиков и профессоров и кончая молодыми краеведами, сплели ему венок в знак глубокого уважения и благодарности за все сделанное им на благо советской науки.

Советское Правительство высоко оценило большие заслуги В. А. Городцова. 14 января 1943 г. ему было присвоено звание Заслуженного деятеля науки. 4 ноября 1944 г., за выдающиеся заслуги в деле подготовки специалистов для культурного строительства нашей Родины, Указом Президиума Верховного Совета СССР В. А. Городцов был награжден орденом Ленина. Будучи крупнейшим советским археологом, Городцов первый из археологов заслуженно получил высшую награду.

Во время Великой Отечественной войны, не выезжая из Москвы, несмотря на мучительную болезнь, Василий Алексеевич до конца оставался на своем посту мужественного патриота, ученого-коммуниста.

В ночь на 3 февраля 1945 г. Василия Алексеевича не стало. Он немного не дожил до светлого дня победы над фашизмом, в которую он твердо верил.

Поистине глубоко был прав один из учеников Городцова, сказав в своем надгробном слове: «Кончилась жизнь Василия Алексеевича. Началось научное бессмертие!».

Долго еще советские археологи будут работать над проблемами, поставленными Василием Алексеевичем Городцовым. Наследие его сейчас находится в твердых, надежных руках ученых, историков-марксистов. Имя В. А. Городцова навсегда останется в списке лучших представителей отечественной исторической науки.

Д. А. КРАЙНОВ

ЖИЛИЩА ТИМОНОВСКОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ[1]

(По раскопкам В. А. Городцова)

Успехи советской археологии неотделимы от имени Василия Алексеевича Городцова и имен плеяды его учеников. Почти всю свою жизнь он посвятил горячо любимой им археологии. Какую бы часть этой науки мы ни взяли, всюду найдем его работы и высказывания.

Большую ценность представляют труды В. А. Городцова по исследованию памятников палеолита. Его сводная работа — первый том «Археологии» («Каменный период»)— была первым обобщающим трудом по палеолиту СССР. Им исследованы и опубликованы материалы Гонцовской, Ильской, Супоневской и Тимоновской стоянок. Из этих работ особого внимания заслуживает результат пятилетних раскопок Тимоновской палеолитической стоянки. По своему научному значению эта стоянка находится в одном ряду с такими, как Авдеево, Афонтова Гора, Буреть, Гагарино, Костенки, Елисеевичи, Мальта. По раскопанной площади (1178 кв. м) Тимоновская стоянка исследована полнее всех других памятников этого времени.

К числу важнейших достижений советских археологов в области изучения памятников палеолита следует отнести открытие и исследование жилищ палеолитического человека. Приоритет и честь этого открытия принадлежат В. А. Городцову.

К глубокому сожалению, до сих пор не опубликована его сводная работа о результатах исследований Тимоновской палеолитической стоянки, сданная им в печать в 1934 г.

Отдельные небольшие публикации о Тимоновской стоянке, с кратким и схематическим описанием жилищ и других бытовых комплексов, вызвали со стороны ряда исследователей памятников палеолита несколько непонятное и странное отношение, выразившееся или в замалчивании этих работ, или в необъективной критике.

Трудно объяснить подобное отношение к трудам и открытию такого крупного ученого, как В. А. Городцов, тем более, что за всем этим стоит также вопрос о приоритете открытия палеолитических жилищ. Так, например, П. П. Ефименко в своей сводной работе «Первобытное общество», пишет, что «открытые мною в 1933—1934 гг. два больших полуподземных помещения... явились первыми подобными памятниками, ставшими извест-

[1] Доклад, прочитанный 8 февраля 1955 г. на совместном заседании Ученых советов Института истории материальной культуры Академии наук СССР, Истфака Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и Государственного Исторического музея, посвященном памяти В. А. Городцова по случаю десятилетия со дня его смерти. Все рисунки воспроизводятся по зарисовкам в полевых дневниках В. А. Городцова.

ными нам для ориньяко-солютрейской эпохи», и далее: «Палеолитическое жилище, открытое в Костенках..., проливает свет на такую сторону существования палеолитических общин, которая в имеющейся литературе нигде и никем до сих пор не была описана»[1]. (Подчеркнуто мною.— *Д. К.*).

А. В. Арциховский закрепляет приоритет П. П. Ефименко следующим утверждением: «Создав новую методику раскопок первобытных стоянок, П. П. Ефименко выявил на Верхнем Дону палеолитические жилища, а жилища этой эпохи вообще до того были неизвестны в науке»[2]. (Подчеркнуто мною.— *Д. К.*).

Если говорить о приоритете в этой области, то первое палеолитическое жилище было открыто в 1927 г. С. Н. Замятниным на стоянке Гагарино, но автор раскопок описал его только в 1935 г.[3]. Между тем сведения о жилищах Тимоновской стоянки были опубликованы в работах В. А. Городцова в 1929 г. и в последующие годы[4]. Только после этого, в 30-х годах, археологи, и, в частности, П. П. Ефименко, стали открывать жилища на палеолитических стоянках. Таким образом, открытия В. А. Городцова дали толчок к широкому и новому исследованию поселений времени палеолита.

Можно было бы на этом вопросе не останавливаться так подробно. Но отсюда, повидимому, вытекает и дальнейшее отношение к тимоновским жилищам, поэтому я вынужден был сказать об этом.

Незаслуженная и необъективная оценка тимоновских жилищ особенно ярко выражена в книге П. П. Ефименко «Первобытное общество». Такой стоянке, как Тимоновская, которая может служить опорной стоянкой, отведено несколько строчек, написанных в пренебрежительном тоне.

Кратко описав тимоновские землянки, П. П. Ефименко выражает сомнение в их прямоугольной форме и облицовке деревом (кстати, В. А. Городцов говорит, что облицовка осталась невыясненной) и в сноске указывает, что «тимоновские жилища не имеют никаких параллелей в других подобных памятниках. Это относится как к прямоугольному плану описанных В. А. Городцовым сооружений, так и к сохранности их деревянных конструкций»[5]. Далее, в другом месте, П. П. Ефименко отмечает: «Описанные В. А. Городцовым многочисленные странные жилища из Тимоновки,— судя по его чертежам, всегда одной и той же правильной четырехугольной формы, совершенно несвойственной известным нам палеолитическим полуподземным жилищам,— не имеют никаких аналогий. Поскольку сооружение землянок подобного типа требует, как об этом можно судить на основании многочисленных наблюдений, применения металлических инструментов, мы лишены возможности сказать об этих жилищах что-либо определенное»[6]. Я привел эти тексты полностью потому, что они содержат все основные возражения не только П. П. Ефименко, но и некоторых других исследователей. Таким образом, возражения основываются на следующем:

---

[1] П. П. Ефименко. Первобытное общество. Изд. 3-е. Киев, 1953, стр. 429, 430.

[2] А. В. Арциховский. Основы археологии. М., 1954, стр. 16.

[3] Беглое упоминание о неясных следах жилища в Гагарине, сделанное С. Н. Замятниным в статье, опубликованной в 1927 г. в Сообщениях ГАИМК (т. II), нельзя считать первой публикацией палеолитических жилищ.

[4] В. А. Городцов. Брянский палеолит. Журн. «Хочу все знать», 1929, июль, № 13, стр. 396, 397; его же. Тимоновская палеолитическая стоянка. Результаты археологических раскопок в 1933 г. Труды ИАЭИА, вып. 3, 1935.

[5] П. П. Ефименко. Указ. соч., стр. 362.

[6] Там же, стр. 547.

1) несогласии с тем, что землянки имели прямоугольную форму;
2) несогласии с трактовкой деревянных конструкций землянок;
3) отрицании прямых стенок жилищ из-за отсутствия у палеолитического человека соответствующих землекопных орудий для устройства отвесных стенок;
4) отсутствии этнографических аналогий;
5) отсутствии археологических параллелей.

На этих вопросах нам и придется остановиться в разъяснении устройства тимоновских жилищ, базируясь на неопубликованных дневниковых данных раскопок стоянки[1].

За 5 лет раскопок на территории Тимоновской палеолитической стоянки были открыты и исследованы различные бытовые памятники палеолитического человека, к которым относятся: 6 полуподземных жилищ (землянок); 4 кладовки-хранилища; 2 углубленных очага, обнаруженных вне землянок; костище; 2 мастерские по выработке кремневых орудий; кострища.

Форма открытых и исследованных В. А. Городцовым землянок прямоугольная, но размеры и устройство их различны.

Площадь землянки I—12×3 м, глубина — 2,5 м от современной поверхности почвы; площадь землянки II—12×3 м, глубина — 3 м; землянка III оказалась кладовой, как выяснилось при дальнейшем исследовании; площадь землянки IV—11,5×3 м, глубина — 2,6 м; землянка V не докопана, но размеры приблизительно те же; площадь землянки VI — 11,5×3 м, глубина — 3 м; площадь землянки VII — 11×3 м, глубина — 3 м.

В указанные размеры включены и выходы из землянок. В. А. Городцов делит эти землянки на 2 типа: с концевыми выходами и с боковыми выходами. Длина выходов различна — от 2 до 3 м, при ширине от 1 до 1,5 м. Эти выходы имели вид скатов (аппарелей). Ступени, если не считать намеков на них, не прослежены; возможно, они существовали, но были смыты водой. Дно землянок, как правило, у́же, чем верх. Стенки землянок сходили ко дну с некоторым наклоном.

При раскопках удалось проследить, что крыши землянок были плоскими и состояли из бревен, положенных поперек землянок в один ряд, слоя земли и различных домашних отбросов (кости, кремни, зола, угли и т. д.). Остатки потолочных бревен носили следы обугливания, возможно, от пожара. Внутреннее устройство землянок (облицовка, нары и пр.) не выяснено; только в землянке II были отмечены остатки 3 вертикальных столбов: двух — у входа и одного — в восточном конце. В землянках I и VI обнаружены углубленные очаги с углем и золой. Очаг в землянке VI имел диаметр 1,1 м и глубину 0,5 м; над ним прослежена труба, обмазанная глиной. Над входами землянок были, повидимому, крыши из легкого строительного материала. В землянках II и VI найдены обломки каменных ламп.

Наряду с прямоугольными землянками, открыты и ямы-хранилища (кладовки). Форма их округлая и величина различная.

Кладовая	Диаметр, м	Глубина, м
I	3,6	2
II	3,6	2,15
III	4,5	2
IV	3,5	2

[1] Пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность М. В. Городцову, передавшему мне дневники В. А. Городцова по раскопкам Тимоновской палеолитической стоянки зарисовки и другие материалы, послужившие основой данной работы.

Интересно отметить соотношение всех этих бытовых сооружений.

Отдельные кладовки, очаги, кострища и мастерские связаны с определенными землянками в хозяйственные комплексы. Таких комплексов к настоящему времени можно выделить четыре:

1 Землянка IV — кладовая IV, углубленный очаг и мастерская с кострищем;

2) землянка VI — кладовая I, углубленный очаг;

3) землянка VII — кладовые II и III, наружный углубленный очаг;

4) землянки I и II, рядом — кострище и мастерская.

Землянки располагаются парами. Расстояние между каждой парой — 22—30 м. Возможно, вокруг кострищ и мастерских существовали легкие летние наземные жилища в виде шалашей. На это указывают большая мощность культурного слоя в этих местах и расположение вокруг мастерской остатков черепов мамонтов; эти остатки служили для сидения. Здесь уместно отметить, что только благодаря огромному опыту, острой наблюдательности, прекрасному знанию геологии, упорству и прозорливости В. А. Городцову удалось открыть, изучить и восстановить бытовые сооружения палеолитического человека, дотоле неизвестные в науке. В течение 5 лет я принимал участие в раскопках Тимоновской палеолитической стоянки, сначала в качестве студента-практиканта, а потом помощника В. А. Городцова. За эти годы совместной работы я убедился в правильности трактовки В. А. Городцовым тимоновских жилищ, за исключением некоторых мелких деталей их реконструкции. Есть и другие свидетели их открытия и участники раскопок — Е. И. Крупнов, Б. А. Рыбаков, Н. В. Пятышева, Н. Н. Гурина и др. Они помнят то впечатление, которое произвело на всех нас открытие землянки I.

В неизданном труде В. А. Городцова[1] приведены неоспоримые доказательства правильности его определений формы и характера открытых и исследованных им жилищ. Чтобы понять и оценить это крупное открытие, необходимо остановиться на характеристике площади Тимоновского палеолитического поселения и особенностей залегания культурных остатков.

Площадь стоянки занимает террасообразный склон, расположенный на высоте 30—50 м над современной меженью р. Десны; с севера она ограничивается оврагом «Прилавок», с юга — «Монастырским оврагом», а на западе сливается с возвышенным плато. Поверхность стоянки подвергается смыванию. С момента образования оврага «Прилавок» смывание пошло интенсивнее. Благодаря смывам во многих местах стоянки кремни и кости оказались в самых поверхностных слоях почвы. Мощность культурного слоя неодинакова — от 0,3 до 1 м. Это объясняется различными причинами (присутствием бытовых сооружений, смывами и пр.).

Многолетние исследования показали, что культурный слой не совсем однороден. В ряде мест раскопа наблюдалось несколько тонких кострищных прослоек, вероятно, разновременных. В. А. Городцов считал возможным отнести прослойки, прослеженные на глубине 0,7 м, к более раннему времени, а верхние — ко времени бытования землянок, хотя существенных различий в вещах и не наблюдалось. Здесь, конечно, приходится учитывать и возможность вторичного залегания под влиянием смывов, действия корней деревьев, землероек, деятельности современного человека и т. д.

Как правило, наибольшей мощности культурный слой достигал в зоне бытовых сооружений (землянок, кладовок, очагов, мастерских и пр.). За их пределами находки редки. Почти 80% всех предметов найдено в землянках. Например, землянка VI дала свыше 40 000 предметов. Мастер-

[1] В. А. Городцов. Тимоновская палеолитическая стоянка. Рукопись.

ские, очаги, кострища, землянки и кладовки начинались приблизительно с глубины 0,5 м от современной поверхности, а в некоторых случаях и еще выше. По всей площади стоянки, исключая землянки и кладовки, культурный слой заканчивался в среднем на глубине 0,5—0,6 м. Однако в некоторых местах находки шли глубже, но не в массовом порядке, а главным образом около очагов, мастерских и кострищ, где, возможно, были

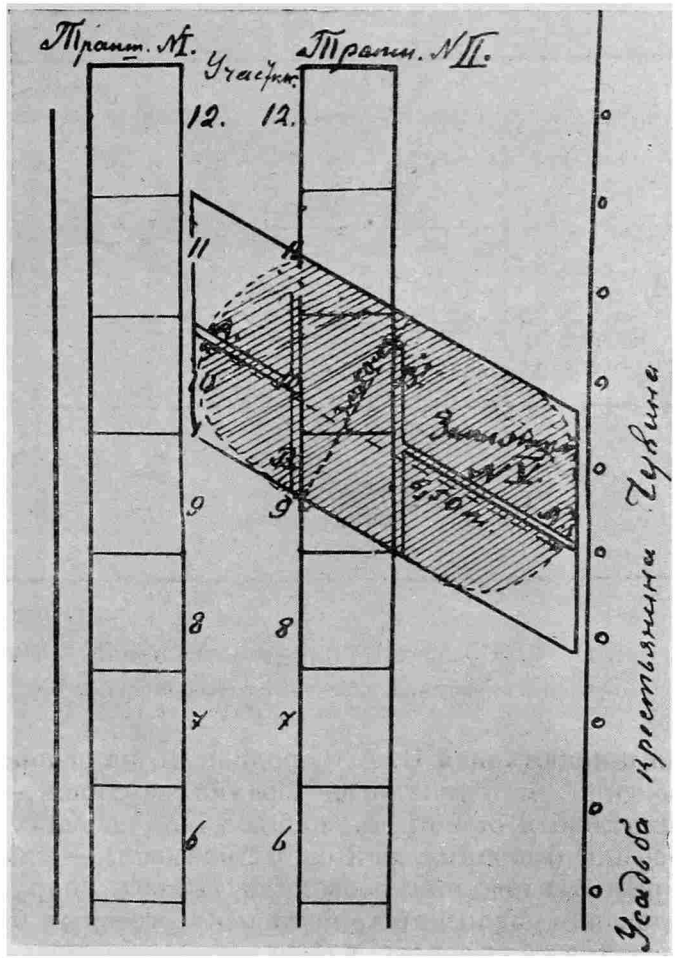


Рис. 1. Пятно землянки V (AA¹ — продольный разрез; BB¹ — поперечный разрез)

Дневник раскопок Тимоновской палеолитической стоянки, 1932 г.

легкие наземные бытовые сооружения. Только в местах землянок и кладовок находки шли до глубины 2,6—3 м (в зависимости от глубины ям), врезаясь в толщу лёссовидных суглинков. Перед исследователями только вначале встал вопрос,—не являются ли эти ямы (землянки) тальвегами или овражками естественного происхождения. Такие древние овражки были обнаружены и исследованы. В одном из них прослежено кострище. Дальнейшие раскопки убедили нас в искусственном происхождении обнаруженных ям. Доказательством этого служат следующие факты и наблюдения:

1. Наличие в плане пятен — следов землянок и кладовых, выявленных и прослеженных на древнем рельефе стоянки (рис. 1). Эти пятна имели

определенную форму, почти одинаковую во всех случаях, и были неоспоримым доказательством искусственного происхождения ям.

2. Заполнение ям резко отличалось от окружавшего грунта не только цветом, составом почвы, но и наличием находок. В окружавшем ямы грунте (материке), начиная с глубины 0,7—0,8 м, никаких находок не встречено, и слои материка, в отличие от ямы, шли ровно и спокойно, ничем не потревоженные.

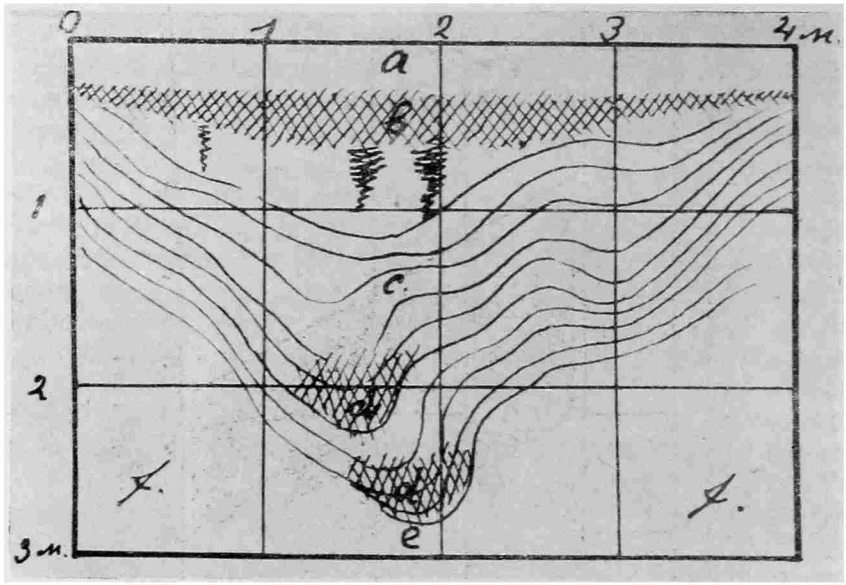


Рис. 2. Поперечный профиль землянки V
Дневник Тимоновской палеолитической стоянки, 1932 г.

3. Благодаря выработанной В. А. Городцовым, на основе многолетнего опыта и наблюдений, методике исследования землянок,— в частности, оставления контрольных стенок для наблюдения, дающих поперечные и продольные профили («экраны», как он их называл),— удалось добиться изумительных результатов; они позволили выявить нарушения в правильности чередования наслоений на месте искусственных бытовых сооружений, отразившихся на «экранах» в виде зигзагообразных линий, темных пятен, углистых прослоек и т. д., резко разграничивающих грунт и почву заполнения землянок.

4. Ярким доказательством наличия искусственных сооружений могут служить профили землянки V и грунта рядом с ней. В окружавших землянку V раскопах были прослежены совершенно одинаковые профили, показывающие следующий порядок отложений (сверху вниз):

а) пахотный, слегка подзолистый слой, толщиной 0,2 м;

б) более светлый слой с зольными и углистыми пятнами, толщиной 0,5 м;

в) красновато-темнобурый суглинок с очень редкими (вверху) зольными и углистыми пятнами, толщиной 0,4 м;

г) желтоватые лёссовидные суглинки, в которых нет никаких находок.

В то же время в самой землянке V (и в других тоже) продольный и поперечный профили дают совершенно иную картину заполнения ямы наслоениями делювиального характера. Поперечный профиль землянки V (рис. 2) показывает следующие отложения землянки:

a) пахотный слой, толщиной 0,2 м;

b) темный слой с отходящими вниз темными полосками, средней мощностью 0,5 м;

c) красноватый суглинок с ярко выраженными волнистыми прослойками, указывающими на процесс заполнения ямы отложениями почвы. У стен ямы и на дне отложились более светлые почвы *f* — *f*. В середине ее образовалось воронкообразное углубление *e*, на дне которого идет темное пятно *d*; глубина землянки — 2,8 м. При сравнении (на «экране»)

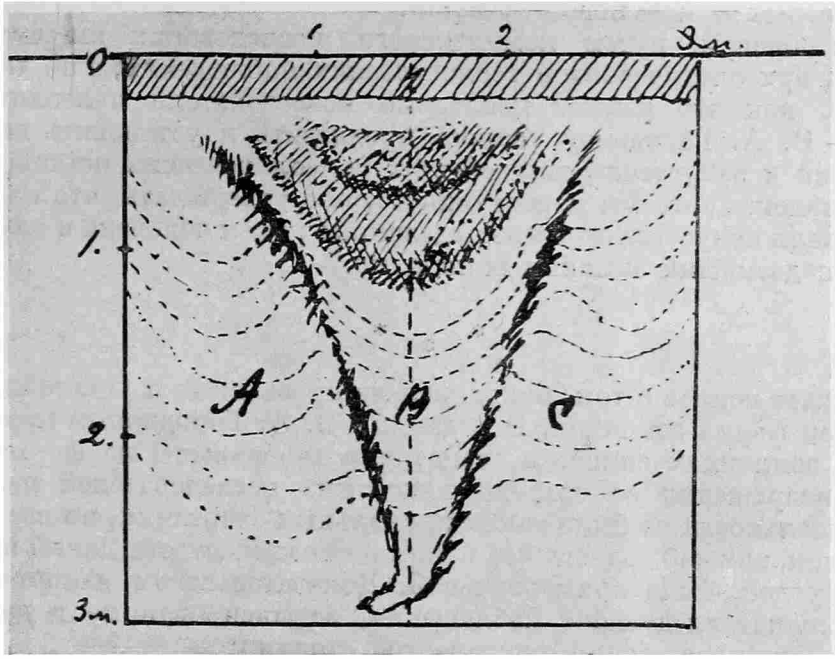


Рис. 3. Поперечный профиль землянки I.
Дневник Тимоновской палеолитической стоянки. 1931

заполнения землянки с обнажениями грунта легко было заметить разницу между ними и по этой разнице определить края ямы.

5. Находки вещей, темные углистые прослойки, прихотливые волнистые линии почвы, получившиеся от постепенного или быстрого заполнения ям, оставленных человеком, были ярко выражены и указывали исследователю не только на присутствие ям, но и на их длину и ширину, а, следовательно, и на их форму.

6. «Экраны» с отображением на них упавших остатков крыш землянок дают ясное представление об устройстве жилищ и их разрушении. Сгоревшие бревна крыши, кости животных и пр. находились в вертикальном положении, что могло произойти только при условии существования ямы (рис. 3).

7. Замкнутость ям со всех сторон, определенная, почти одинаковая протяженность их, а также находки замкнутых среди грунта линз с культурными остатками и очагами, залегавшими in situ на глубине 2,6—3 м, бесспорно указывают на искусственное происхождение ям. Кроме того, днища ям-землянок отличались не только разницей цвета почвы, но и большим количеством находок костей животных, кремневых изделий, каменных ламп и т. д. Так, например, на полу землянки VI в пространстве

около 35 кв. м найдено 1604 кремневых орудия и осколка, не считая костяных поделок и костей животных.

Особый интерес в этом отношении представляет исследование землянки II. Вследствие того, что крыша не была разрушена, основные находки здесь сделаны на поверхности землянки; ниже они почти прекратились, и только зигзагообразные линии заполнения землянки указывали, что здесь идет яма. Благодаря уверенности и настойчивости В. А. Городцова исследование ее продолжалось, и на глубине 3 м работавшие в качестве землекопов студенты увидели пол землянки с большим количеством костей животных и кремневых изделий.

Таким образом, путем комплексного исследования ям-землянок — сочетания археологических и геологических наблюдений, а не только по находкам, как это делают некоторые исследователи палеолитических жилищ,— В. А. Городцову удалось проследить и установить все детали сооружения и запустения тимоновских палеолитических жилищ. На основании изложенного мы можем определенно утверждать, что на стоянке существовали искусственные ямы, сделанные рукой человека и служившие ему полуподземными зимними жилищами.

* * *

Возникает вопрос о том, правильно ли прослежена и установлена прямоугольная форма землянок. В изданных В. А. Городцовым кратких заметках о землянках слишком схематично изображены их формы, что и вызвало возражения со стороны некоторых исследователей палеолита. В действительности не было таких правильных очертаний, но все же форма землянок, при наблюдавшейся некоторой извилистости линий и закругленности углов, была прямоугольной. Доказательством данного утверждения служат следующие наблюдения, зафиксированные в дневниках раскопок Тимоновской палеолитической стоянки:

1. При зачистке дна наслоений в местах землянок хорошо были видны края ям («заколы», как их называл В. А. Городцов). В самом верху они были волнистые, что объясняется выбросами почвы при устройстве ямы и обвалами во время разрушения, а ниже — прямые. Пятна землянок в плане отличались от окружающего грунта темной окраской. Вверху они имели несколько расплывчатые очертания, а ниже становились прямоугольными. (Такая же картина наблюдается при вскрытии фатьяновских могил). В своей неопубликованной работе В. А. Городцов указывал, что «обнаженное пятно ямы почти никогда не выражает всего плана землянки, а только некоторую часть его... Даже правильная четыреугольная форма ямы, при ее заполнении, перекрывается овальным пятном, иногда с прихотливыми контурными очертаниями»[1]. Это заключение основано на изучении и наблюдениях заполнения ям различной формы. Поэтому и важно при изучении ям оставлять продольные и поперечные стенки — «экраны».

2. Исследование землянки VII при помощи контрольных стенок дало неопровержимые доказательства ее прямоугольной формы. В материковых разрезах, прилегавших ко всем стенкам землянки, выявились только 2 слоя, ничем не нарушенные, с обычной спокойной слоистостью, почти незаметно переходившие один в другой; вверху шел лёссовидный суглинок, слегка красноватый, а ниже — лёссовидный сероватый суглинок. Заполнение же землянки было многослойным и разноцветным, с прихотливо

[1] В. А. Городцов. Тимоновская палеолитическая стоянка. Рукопись.

изогнутыми контурами слоев. Пол землянки представлял собой ровную прямоугольную площадку, отличавшуюся темным цветом и содержавшую находки, которые за пределы землянки не выходили. Благодаря этому удалось очистить стенки землянки от слоев нетронутого грунта и установить ее прямоугольную форму. Кроме того, прямые стенки выявились

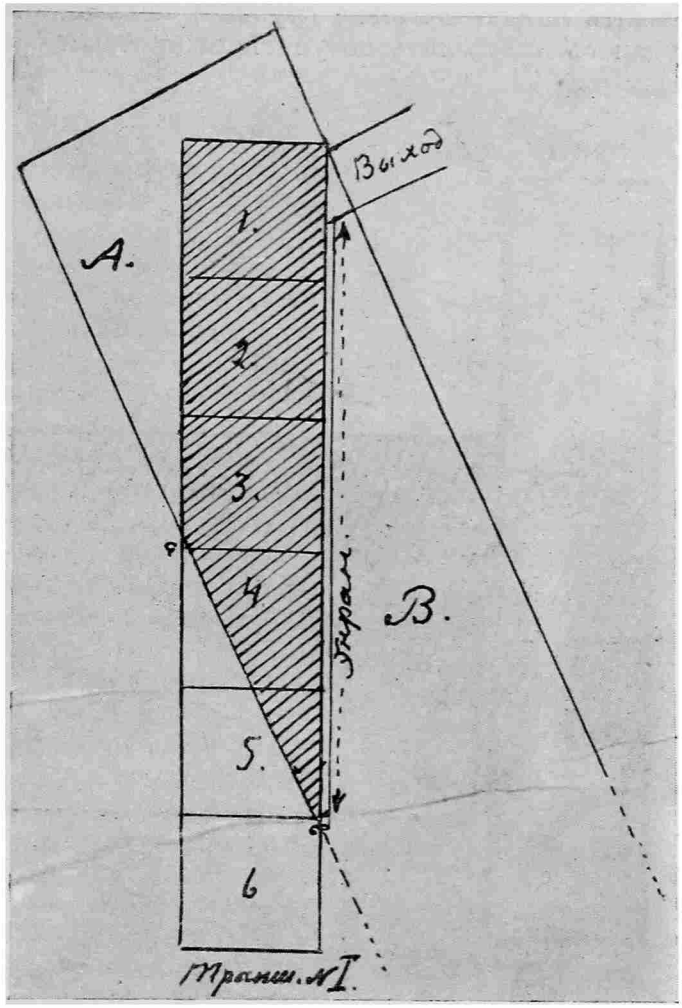


Рис. 4. Землянка VII (*a* — *b* — прямая линия края землянки; очерченные контуры показывают направление прямоугольной землянки; штрихами обозначена часть пятна землянки, обнаруженная траншеей).

Дневник раскопок Тимоновской палеолитической стоянки, 1933 г.

вследствие частичных разрушений крыши в углах и по краям. Следы этих разрушений отразились на стенке темным цветом, резко выделявшимся на фоне светложелтого лёссовидного суглинка материка.

Верх землянки был определен по упавшему бревну крыши, а низ — по прямоугольной форме пола. Остатки бревен лежали на глубине 0,5 м от поверхности по краю землянки в виде темной массы толщиной 0,1 м и дальше отвесно спускались вниз.

3. Прямая линия края землянки хорошо видна на рис. 4.

4. Пятно и линии краев землянки VI также указывают на прямоугольную форму. Первоначально вверху были обнаружены расплывчатые очертания части пятна, а ниже, на глубине 0,7 м, оно выявилось отчетливо, выделяясь темным цветом и прямыми очертаниями на фоне материкового светложелтого лёссовидного суглинка (рис. 5). Три оставленных «экрана» ясно определили разницу между грунтом и заполнением ямы и дали возможность установить линию контакта грунта с землянкой. Ширину землянки вверху удалось определить по упавшим краевым бревнам. Благо-

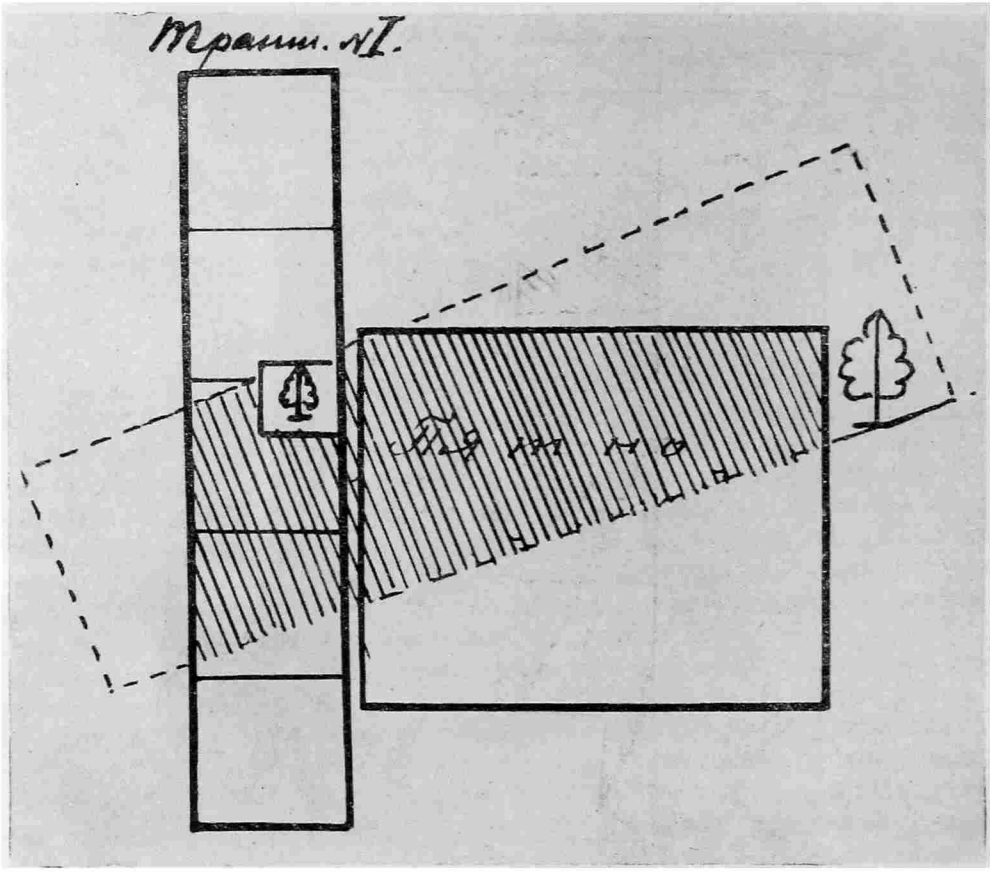


Рис. 5. Землянка VI. (Контуры землянки показаны пунктиром; часть пятна землянки, обнаруженная траншеями, обозначена штриховкой).

Дневник раскопок Тимоновской палеолитической стоянки, 1932 г.

даря оставленной контрольной перемычке установили по профилю наличие трубы, помещавшейся над очагом.

5. При доследовании землянки IV в 1932 г. наблюдались те же прямоугольные очертания (рис. 6, *abc*).

6. Пятно землянки V дает также форму прямоугольника, но с округленными углами (рис. 1).

Можно было бы привести еще ряд доказательств, подтверждающих правильность определения форм тимоновских полуподземных жилищ. Но я полагаю, что и указанных фактов вполне достаточно, несмотря на то, что невозможность ведения раскопок широкими площадями (из-за ограниченности арендованных участков и наличия на них посевов и фруктовых деревьев) помешала В. А. Городцову раскрыть землянки полностью.

При исследовании жилищ и кладовых В. А. Городцову удалось выявить остатки деревянных конструкций, по которым, с помощью археологических и этнографических параллелей, стало возможным восстановление их вероятного первоначального вида. Особенно хорошо эти остатки прослеживались в землянках I, II, VI и VII.

Пятно землянки II состояло из слоя темной почвы, толщиной в середине 0,3 м, к концам несколько тоньше. Профиль восточной стенки этой землянки показал следующую картину (рис. 7): вверху — темный пахотный слой толщиной 0,15 м; от него спускались вниз остатки двух столбов *A* и *B*. На глубине около 0,6 м обозначались линии «заколов» — краев ямы — *ab* и *cd*. Расстояние между ними внизу равнялось 4 м, а все пятно имело вверху ширину 4,75 м. Сгнившее дерево крыши выделялось в темной почве в виде темнобурого торфообразного вещества. Оно производило полное впечатление крыши, состоявшей из бревен с насыпанной на них землей и домашними отбросами. Крыша землянки не обрушилась, а истлела на месте, и землянка в основном заполнилась почвой через вход. Это положение подтверждают и находки, большая часть которых обнаружена на крыше. Внутри землянки вещи встречались в единичных случаях и появились в большом количестве только на глубине 3 м, на дне ее. В противоположной от входа стороне землянки обнаружилось темное углистое пятно диаметром 0,2 м, почти вертикально спускавшееся ко дну ямы на протяжении до 2 м. Пятно это оказалось следом от деревянного столба. Выход из землянки был точно прослежен и по почве, и по вещам (рис. 8).

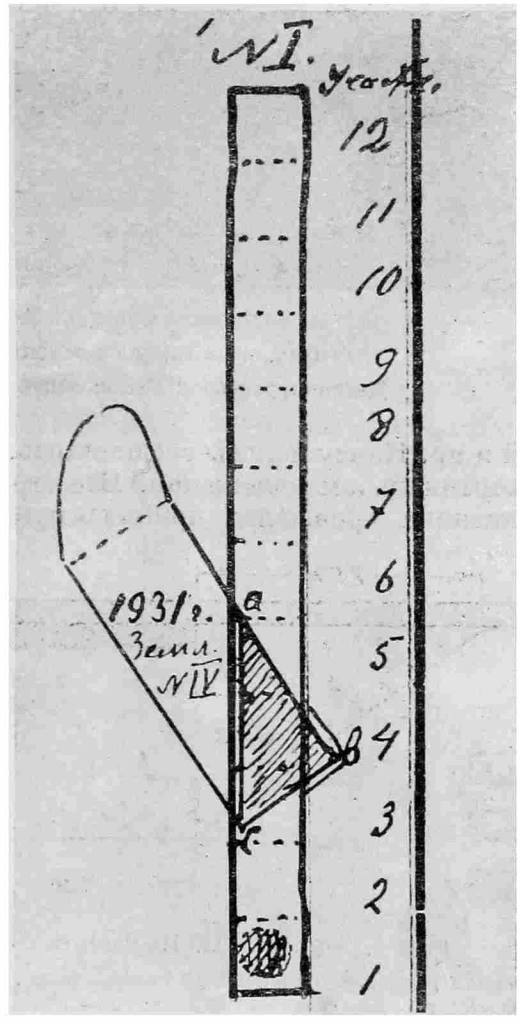


Рис 6. Землянка IV

Дневник раскопок Тимоновской палеолитической стоянки, 1932 г.

Почти такая же картина неупавшей крыши была выявлена и в землянке VI (рис. 9). Остатки прогнившейся крыши (рис. 9, *AA*) представляли собой темную массу, прослеженную в траншее на протяжении 3,5 м; при дальнейших раскопках выяснилась окончательная ширина — 5 м. Кости животных (бивни и др.), лежавшие наклонно под углом 40° по входу, ясно обозначили наклон его ската и нижнюю ступеньку высотой 0,25 м. При зачистке входа были выявлены остатки обуглившегося бревна, диаметром около 0,2 м, служившего, вероятно, опорой крыши над входом.

Особенно интересные наблюдения были сделаны при раскопках землянки I, на «экране» которой отразилась картина упавшей крыши (рис. 10):

А — профиль темного пятна, *В* и *С* — темные полосы, *D* — темная полоса по плану землянки на глубине 2,4 м. Темные полосы *В* и *С*, представлявшие собой, вероятно, остатки сгнивших бревен крыши, шли посередине землянки до глубины 1,8 м. Между ними было много костей, кремней, уг-

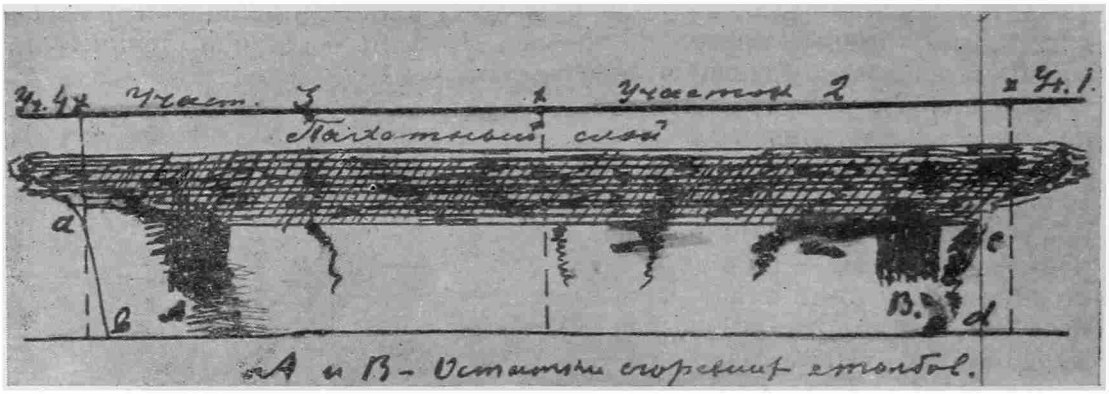


Рис. 7. «Экран» восточной стенки землянки II.
Дневник раскопок Тимоновской палеолитической стоянки, 1929 г.

лей и пр. Книзу полосы соединялись. Упавшие с крыши кости находились в вертикальном положении. Все это говорит о том, что перелом крыши накатника произошел приблизительно посередине, и между упавшими концами бревен был стиснут материал, лежавший на крыше (среди костей много зубов и обломков челюстей мамонта). Бревна накатника не только сломались, но и провисли вниз под тяжестью угля, золы, земли и вещей. Крупные фрагменты углей свидетельствуют или об обжигании дерева, или о пожаре.

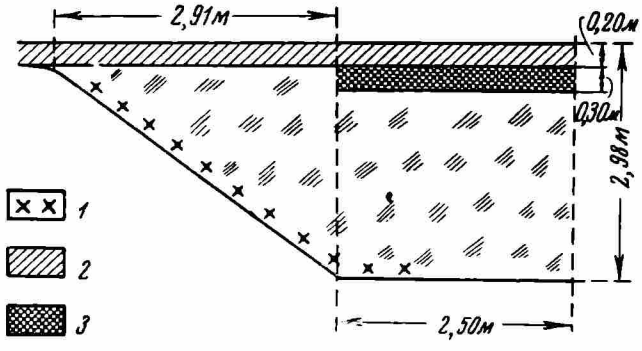


Рис. 8. Землянка II. Профиль входа.
Дневник раскопок Тимоновской палеолитической стоянки 1931 г. *1* — находки по выходу; *2* — пахотный слой; *3* — темный слой (остатки крыши).

По всей землянке I в профиле прослеживались остатки упавшей крыши в виде почти вертикальных темных полос. В конце землянки, у входа профиль показывает совершенно иную картину (рис. 3 и 11). Здесь существовала перегородка, отделявшая землянку от входа. Возможно, перегородка была сделана из легкого строительного материала.

Перечисленные выше явления, наблюдавшиеся почти во всех землянках, говорят о каких-то деревянных конструкциях в них. Темный углистый слой толщиной 0,3 м и шириной около 5 м, лежавший над землянкой II и не выходивший за ее пределы, и подобные же остатки над землянкой VI не могут быть истолкованы иначе, как остатки крыши. Вертикальные темные полосы, наблюдавшиеся в землянках I и V—VII, также не могут быть поняты иначе, как остатки рухнувшей крыши. Зажатые между этими темными полосами вещи тоже подтверждают это предположение. Цвет

темных полос, их состав и наличие древесных углей в них указывают, что это остатки дерева. Другого толкования и не может быть. В. А. Городцов нигде не писал, что в тимоновских жилищах сохранились деревян-

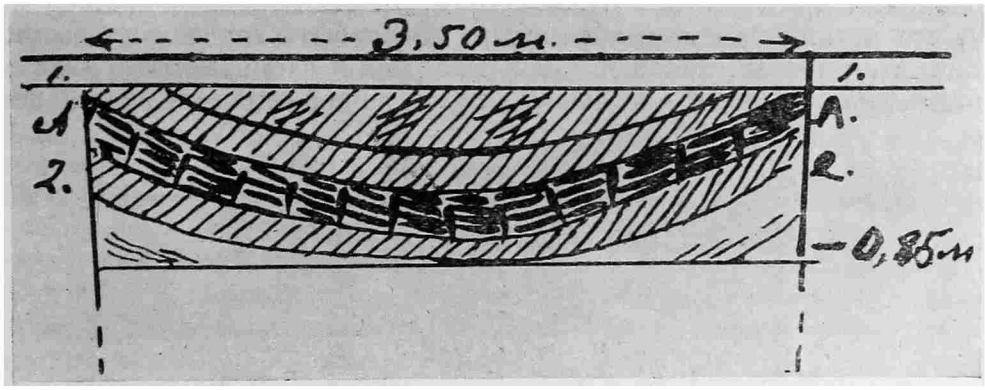


Рис 9. Землянка VI. Поперечный разрез верхней части.
Дневник раскопок Тимоновской палеолитической стоянки, 1932 г.

ные конструкции, а только упоминал об остатках, по которым можно судить о конструкции жилища.

Обосновывая свой метод исследования полуподземных жилищ (землянок), В. А. Городцов отмечал, что «синтезом и отчасти проверкой степени

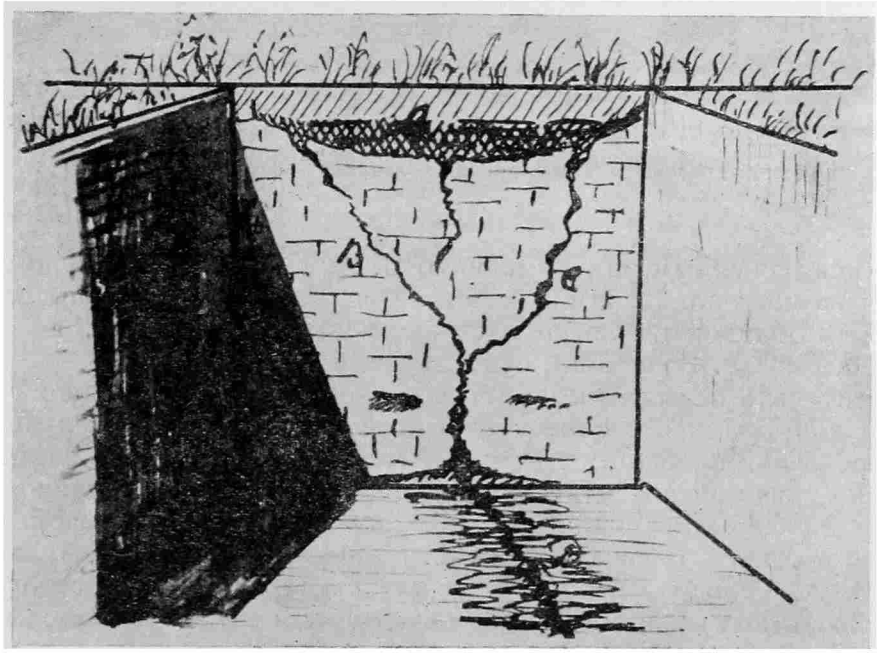


Рис 10. Стенка и дно землянки I.
Дневник раскопок Тимоновской палеолитической стоянки, 1928 г.

совершенства техники раскопок и внимания исследователя служит реконструкция первоначального вида землянок на основании добытых раскопками материалов. Чем больше в процессе раскопок понято и обсле-

довано деталей, тем легче реконструкция и тем ближе она к истине»[1]. Только путем тщательного изучения добытых раскопками фактов и наблюдений, а также привлечения этнографических и исторических данных по внутреннему и внешнему устройству полуподземных жилищ, подобных тимоновским прямоугольным землянкам, В. А. Городцов пришел к выводу, что крыши тимоновских жилищ могли быть горизонтальными, состоящими из бревен, положенных в один ряд и засыпанных землей и домашними отбросами. Что же касается внутренней отделки, то этот вопрос

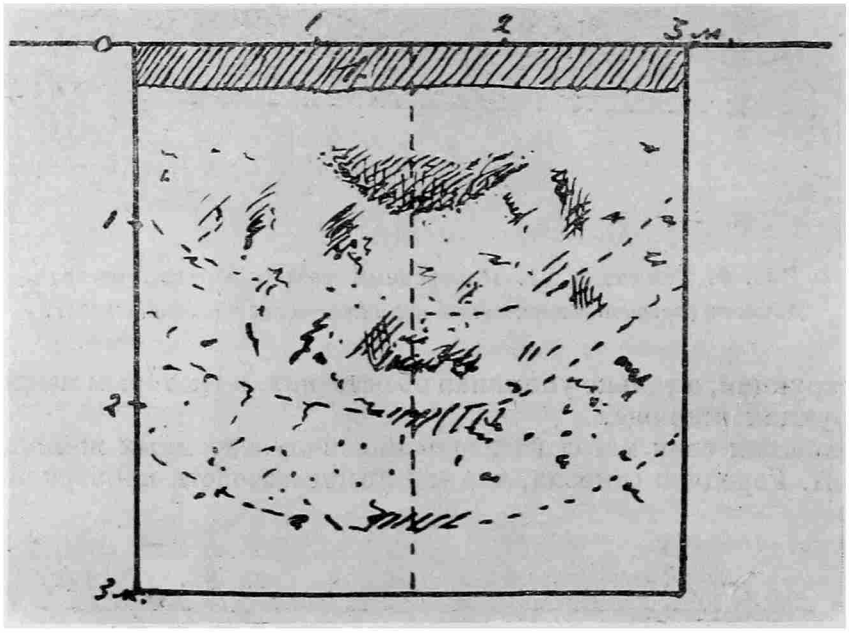


Рис. 11. Поперечный разрез у входа землянки I.
Дневник раскопок Тимоновской палеолитической стоянки, 1931

остался невыясненным, но, по мнению В. А. Городцова, судя по поздним археологическим аналогиям и этнографическим данным, стены землянок могли быть облицованы легким строительным материалом, не оставившим ясного следа. Возможно, существовали и нары.

Относительно перекрытия округлых кладовок В. А. Городцов говорил, что «они покрывались конической крышей из легкого строительного материала вроде примитивного шалаша»[2]. На обломке кости из тимоновской коллекции, хранящейся в ГИМ, имеется изображение, сделанное тонкими резными линиями, напоминающее кладовку с конической крышей и крытым выходом. Воссоздавая конструкцию тимоновских жилищ и кладовок, В. А. Городцов базировался на археологических и этнографических наблюдениях и фактах. В своем неизданном труде о Тимоновской стоянке он предупреждал, что его реконструкция «возможно, не совсем точная, и будущие исследователи поправят его».

П. П. Ефименко и некоторые другие исследователи палеолитических жилищ, отвергая реконструкцию тимоновских землянок и отрицая в них

[1] В. А. Городцов. Метод археологических раскопок древних землянок. Рукопись.

[2] В. А. Городцов. Тимоновская палеолитическая стоянка. Труды ПАЭИА, вып. 3, стр. 10.

наличие дерева, сами, в то же время, не имея никаких данных, восстанавливают огромные наземные жилища со сложными деревянными конструкциями. Основываясь на таких данных, как «ямы от столбов», где нет никаких признаков дерева, как предполагаемые насыпи вокруг жилищ, служившие «опорой для жердей, державших на себе перекрытие всего сооружения в целом», и других «вероятностях» и «возможностях», эти исследователи возводят в степень действительности огромные «сараеобразные», «в основном, очевидно, деревянные постройки» и, утверждая факт их существования, называют их «обычным типом жилища палеолитического человека»[1]. В частности, для постройки и перекрытия таких громадных жилищ, как в Костенках I и Авдееве, площадью около 600—800 кв. м, потребовалось бы огромное количество дерева, добывание которого, как признает сам П. П. Ефименко, «при степном характере местности... было сопряжено с большими трудностями»[2]. Не учитывая этого обстоятельства и не обнаружив даже остатков дерева, восстанавливают не только общие конструкции, но и отдельные детали. Для землянок допускается существование нар, столбов, облицовки стен из плетня или жердей[3], а для крыши—сводчатое перекрытие из жердей, ветвей и пр.[4] В то же время пишется, что «полное отсутствие дерева в культурных отложениях стоянки... ограничивает нашу возможность суждения о деталях устройства жилых сооружений»[5]. И все же эти жилища, восстанавливаемые исследователями на недостаточно обоснованных материалах, считаются обязательными для палеолита, а действительно прослеженные формы тимоновских жилищ отрицаются.

А. И. Москвитин, обследовавший геологические условия залегания Авдеевской палеолитической стоянки, на основании веских доказательств пришел к заключению, что окрестности стоянки имели вид холодной безлесной пустыни. В кострищах стоянки встречены только костный уголь и пепел, но не найдено древесного угля, и культурный слой не содержит даже пыльцы[6]. Уже одно это указывает на невозможность построения там больших жилищ с деревянными стенами и перекрытиями. Странным и противоречивым является факт, отмеченный А. А. Формозовым[7], что большие жилища, по мнению исследователей Костенок I и Авдеева, были покрыты деревом, а землянки почему-то имели перекрытия из костей животных (бивни мамонта). Можно было бы привести десятки противоречивых положений в реконструкциях жилищ Костенок, Авдеева, Пушкарей и других стоянок. Смелые реконструкции при отсутствии документальных фактов всегда неверны и шатки. В. А. Городцов неоднократно восставал против таких «сочиненных» конструкций, выданных за «фактически» установленные, и считал, что «они приносят не пользу, а вред науке», так как исправлять их очень трудно[8].

Условия жизни тимоновского палеолитического человека были иными, чем на стоянках Костенки I и Авдеево. Огромное количество найденного древесного угля и фактически прослеженные остатки дерева в землянках

---

[1] П. П. Ефименко. Указ. соч., стр. 427, 429 и 369.

[2] Там же, стр. 426.

[3] П. П. Ефименко. Из материалов палеолитического поселения Костенки I СА, XI, 1949, стр. 117.

[4] П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 369.

[5] Там же, стр. 426, 427.

[6] А. И. Москвитин. О геологических условиях Авдеевской верхнепалеолитической стоянки. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 32.

[7] А. А. Формозов. Новые работы по каменному веку СССР ВДИ, 1954, № 3, стр. 102.

[8] В. А. Городцов. Тимоновская палеолитическая стоянка. Рукопись, стр. 54.

дают возможность восстановления действительно существовавших, а не «очевидных» конструкций крыш и жилищ в целом. Наличие древесного, а не костного угля в кострищах свидетельствует о том, что стоянка была окружена лесом. Среди кремневых орудий найдены в достаточном количестве примитивные топоры[1], при помощи которых тимоновцы могли обрабатывать дерево.

Возражения В. А. Городцову против того, что возможно выкопать прямоугольные ямы с прямыми стенками при помощи тех орудий, какие имел тимоновский палеолитический человек, также неосновательны. Сам П. П. Ефименко, возражая В. А. Городцову, в то же время, для оправдания реконструкции костенковских жилищ, высказывает противоположное мнение, т. е. считает ошибочными представления о низком уровне развития палеолитического населения приледниковых пространств Северного полушария, так как, пишет он, «оставалось бы совершенно непонятным, с помощью каких технических средств могли быть вырыты такие обширные помещения с ровными стенами, гладким полом и хорошо устроенными входами»[2]. С этим утверждением П. П. Ефименко можно согласиться, т. е. признать существование в палеолитическое время землекопных орудий.

Таким образом, возражение В. А. Городцову разбивается самим возражающим.

На Тимоновской стоянке из-за плохой сохранности кости не найдены землекопные орудия, но в других палеолитических стоянках они обнаружены. В стоянке Пушкари I П. И. Борисковский отмечает находку мотыги, которая, по его мнению, могла употребляться при сооружении земляных жилищ[3], а также находки костяных лопаточек, «часть которых использовалась как землекопные орудия»[4]. Даже в более поздние эпохи неолита и ранней бронзы, когда еще не было металлических землекопных орудий, люди копали прямоугольные с прямыми стенками землянки при помощи костяных, каменных и, возможно, деревянных землекопных инструментов. П. А. Дмитриев на основании исследования жилищ Калмацкого Брода пришел к выводу, что «ямы выкапывались при помощи кирки и мотыг... и, возможно, лопат из рога лося»[5]. Среди исследованных им землянок были и прямоугольные с отвесными стенками. Этнографические параллели дают много фактов, подтверждающих наше положение, что без применения металлических орудий люди выкапывали и прямоугольные, и круглые, и овальные подземные жилища.

Известный исследователь Камчатки Степан Крашенинников[6], описывая быт камчадалов XVIII в., упоминает, что до прихода русских они не знали употребления металлов. При помощи костяных и каменных орудий, заменявших им металлические, они «строили, рубили, долбили» и т. д., а землянки у этих камчадалов были прямоугольные, с прямыми стенками. Археологические исследования древних камчадальских прямоугольных жилищ также обнаруживают только каменные и костяные орудия. При раскопках камчадальских прямоугольных жилищ в устье р. Кавран экс-

---

[1] В. А. Городцов. Тимоновская палеолитическая стоянка. Рукопись, стр.
П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 430.

[3] П. И. Борисковский. Палеолит Украины. Историко-археологические очерки. (Автореферат докторской диссертации). Л., 1951, стр. 19.

[4] П. И. Борисковский. Основные этапы развития верхнего палеолита Украины. СА, XV, 1951, стр. 102.

[5] П. А. Дмитриев. Жилища Калмацкого Брода на р. Исети. МИА, № 21 1951, стр. 14—16.

[6] С. Крашенинников. Описание земли Камчатки. ОГИЗ, 1948, стр. 170.

педицией В. И. Иохельсона были найдены три целые костяные лопаты вместе с каменными орудиями[1].

Самый факт существования прямоугольных подземных жилищ в палеолите и неолите указывает на наличие каких-то инструментов, еще неизвестных нам, с помощью которых выполнялись все земляные работы.

В. А. Городцов считает возможным, что тимоновские землянки сооружались посредством мотыг и заостренных палок, которыми разрыхляли почву. Что же касается отделки стен, то лёссовые стенки можно было очистить и сделать прямыми при помощи крупных осколков кремня, ребер и лопаток животных и т. д.

Рассмотрим этнографические и археологические параллели тимоновских жилищ.

Землянки — подземные жилые помещения, большая часть которых врыта в землю и составляет пол и боковые стены, а крыши состоят из деревянного каркаса, сверху засыпанного землей,— и сейчас сохранились у современных народов Севера как основные зимние жилища. В глубокой же древности они были обычным видом зимнего жилища. Землянки, встречающиеся у малемутов Северной Америки, ингаликов Юкона, алеутов, чукчей, коряков, камчадалов, курилов и других народов Северной Азии, всегда имеют какую-то определенную форму — овальную, округлую или прямоугольную. Каждой форме землянок соответствует определенный вид перекрытия. Этнографическими аналогиями тимоновских землянок могут служить прямоугольные полуподземные жилища камчадалов, коряков, чукчей, курилов и пр., которые живут приблизительно в тех же климатических условиях, в каких жил и тимоновский палеолитический человек.

С. Крашенинников[2] приводит подробное описание камчадальских жилищ. Для их устройства камчадалы выкапывают яму до 1,5 м глубиной. Длина и ширина землянки зависит от числа живущих; длина некоторых землянок достигает 9 м. Деревянная крыша засыпается землей из выкида, и землянка имеет вид округлого холма, но внутри она четыреугольная, причем почти всегда две стороны бывают длиннее (прямоугольная). Выходы из землянки помещаются в верху крыши и сбоку. Подобные же дома встречаются у оседлых коряков и чукчей, но у последних они больше, чем у камчадалов. Таким образом, форма этих землянок, отделка стенок, деревянные крыши, наличие в них очагов и жировых каменных ламп — все удивительно напоминает тимоновские жилища. Г. Кларк[3], описывая тимоновские жилища, отмечает их большое сходство с современными жилищами Заполярья и особенно с камчадальскими.

Г. И. Феофилов, побывавший на Камчатке в наше время, наблюдал у камчадалов длинные (до 12 м) прямоугольные жилища, вытянутые цепочкой вдоль берега реки. Крыши землянок деревянные, плоские, засыпанные землей[4].

Археологические раскопки на Камчатке показывают, что древние камчадальские жилища были также прямоугольными. К. Дитмар[5], описывая

---

[1] В. И. Иохельсон. Археологические исследования на Камчатке. Известия РГО, т. XII, вып. 3—4, 1930.

[2] С. Крашенинников. Указ. соч., стр. 166.

[3] Г. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953, стр. 141.

[4] Г. И. Феофилов, врач из Ярославля, рассказывал мне лично о путешествии по Камчатке.

[5] К. Дитмар. Поездки и пребывание на Камчатке в 1851—1856 гг., ч. I. СПб., 1901, стр. 210.

камчадальское древнее юртовище, упоминает о правильных квадратных ямах, имевших стенки длиной до 20 футов. Располагались они недалеко от берега реки, в некотором отдалении друг от друга. Несмотря на то, что они были разрушены, они еще имели от 2 до 3 футов глубины. Выходы из них (один, реже — два) напоминали рвы.

В. И. Иохельсон[1], производивший раскопки древних камчадальских жилищ, утверждает, что они чаще всего имели форму удлиненного прямоугольника, но, наряду с такими, встречались жилища четыреугольной и круглой формы, подобные полуподземным жилищам коряков. Выход находился в одних случаях в средней части длинной стенки, а в других — в средней части короткой стенки. Длина выхода колеблется между 2 и 4,8 м. В этих прямоугольных жилищах обнаружены каменные орудия и каменные жировые лампы. Тем же исследователем на мысе Сивуйском было раскопано поселение из 18 четыреугольных жилищ. Инвентарь, сопровождавший их, состоит также из костяных и каменных орудий.

Таким образом, этнографические и исторические аналогии, отрицаемые П. П. Ефименко в отношении тимоновских жилищ, имеются в достаточном количестве.

Что касается археологических параллелей тимоновским жилищам в других палеолитических стоянках, то с этим вопросом дело обстоит сложнее. П. П. Ефименко признает странным то обстоятельство, что тимоновские жилища всегда были одной и той же прямоугольной формы, несвойственной, по его мнению, другим палеолитическим жилищам (т. е., повидимому, надо понимать, жилищам, раскопанным им или другими по его методу). В связи с этим возникает вопрос: или тимоновские жилища неверно поняты исследователем, или же костенковские и авдеевские жилища, имеющие странную, неправильную форму, реконструированы ошибочно.

Учитывая целесообразную деятельность палеолитического человека, проявившуюся в его прекрасных изделиях из кости и камня, мы не можем приписывать ему неразумную деятельность в построении жилищ, т. е. допустить неправильность их форм. Рисунки на скалах, правильные геометрические узоры на костяных изделиях, прямые линии в изображении жилищ, оставленных палеолитическим человеком, свидетельствуют о знании и чувстве формы. Можно согласиться с П. П. Ефименко, что тот же тип полуподземных жилищ, что и в палеолите, «на долгое время завоевывает северные лесные области Европы и Северной Азии в эпоху раннего неолита, с переходом их обитателей сначала к оседлому рыболовству, а затем, значительно позже, к земледельческому хозяйству»[2]. Но эти поздние жилища времени неолита, бронзы и железа всегда имеют правильные очертания. Таковы, например, жилища неолитической стоянки «Обсерватория», имеющие прямоугольную форму и отвесные стенки[3]. Четыреугольные землянки были открыты и исследованы в устье р. Чусовой у хутора Астраханцева[4], на стоянках Калмацкого Брода[5], на стоянке Лука-Врублевецкая[6] и т. д.

К вопросу о несхожести тимоновских жилищ с жилищами других палеолитических стоянок надо подходить следующим образом. По мнению В. А. Городцова, высказанному им на Воронежской геологической конфе-

[1] В. И. Иохельсон. Указ. соч., стр. 372.
[2] П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 370.
[3] Сообщение А. Х. Халикова на сессии ИИМК в 1954 г.
[4] Н. А. Прокошев. Жилища эпохи бронзы в Пермском Прикамье. КСИИМК, вып. II, 1939, стр. 15—21.
[5] П. А. Дмитриев. Указ. соч., стр. 14—16.
[6] С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. МИА, № 38, 1953, стр. 23, 24.

ренции в 1941 г., костенковские и другие жилища имеют неправильную форму потому, что границы их прослеживались не по отложениям заполнения ям, а только по находкам, которые никогда не дадут действительных очертаний жилищ. Поэтому, и только поэтому, не может быть сходства их с тимоновскими жилищами. Мне также приходилось неоднократно выступать на археологических и геологических конференциях по поводу реконструкции и методики раскопок костенковских и пушкаревских жилищ. М. В. Воеводский тоже указывал в своих выступлениях на неправильность метода раскопок и определения формы жилищ, прослеженных в Костенках и Пушкарях[1].

Метод исследования палеолитических поселений, применяемый П. П. Ефименко и некоторыми другими исследователями, безусловно, имеет свои положительные качества, потому что он позволил выяснить такие детали, которые ранее ускользали от исследователя; но, наряду с этим, он не дает возможности правильного выявления очертаний жилищ, так как при подобном методе исследователь, обращая внимание в основном на расположение находок, пропускает главное.

Упуская из виду условия заполнения, П. П. Ефименко, А. Н. Рогачев и П. И. Борисковский пришли к неправильному определению формы исследованных ими жилищ. При описании ими жилищ почти нигде не упоминается об исследовании самой ямы. П. П. Ефименко даже обрезы стен землянки А устанавливает не по слою, а по находкам костей и костного угля[2]. А. Н. Рогачев, составляя общий сводный план поселения, восстанавливал форму землянок только по расположению находок, отмечая на планах и глубину залегания их[3]. Отсюда и произошли ошибки в определении очертаний землянок, отсюда и возникли их причудливые формы — восьмеркообразные, грушевидные и совершенно неясные. Кроме того, некоторые выводы М. В. Воеводского[4] и А. И. Москвитина[5] ставят под сомнение правдоподобность картины жизни на Авдеевской стоянке, нарисованной А. Н. Рогачевым. Наличие вечной мерзлоты, установленной ими, могло сильно деформировать стоянку, а многие ямы, интерпретируемые А. Н. Рогачевым как жилища, кладовки и ямы от столбов, рассматриваются ими как мерзлотные ямы, образовавшиеся при таянии ледяных клиньев.

Повидимому, землянки, установленные в Костенках I и Авдееве, являются жилищами, но формы их и границы прослежены неточно; вызывают сомнение их слишком малые размеры — в таких землянках могло помещаться не более 2—3 человек, что не соответствует социальному устройству первобытно-родового коллектива. Все землянки различны по форме. Трудно допустить, чтобы человек того времени строил как придется, не соблюдая обычной формы.

Реконструированные крыши этих жилищ не соответствуют их форме и высоте. Если такие землянки — наиболее утепленные, места на поселении, как их характеризуют исследователи, то почему в большинстве из них не обнаружены очаги или кострища? У многих авдеевских землянок

---

[1] М. В. Воеводский. Тезисы доклада на Киевской археологической конференции в 1941 г.

[2] П. П. Ефименко. Из материалов палеолитического поселения Костенки I. СА, XI, 1949, стр. 117.

[3] А. Н. Рогачев. Исследование остатков первобытно-общинного поселения верхнепалеолитического времени у с. Авдеево на р. Сейм в 1949 г. МИА, № 39, 1953, стр. 166.

[4] М. В. Воеводский и А. Е. Алихова. Авдеевская палеолитическая стоянка. КСИИМК, вып. XXXI, 1950.

[5] А. И. Москвитин. Указ. соч.

очаги располагаются вне их. Все эти неясности объясняются, повидимому, неправильным методом исследования.

Что касается больших наземных жилищ Костенок I, Авдеева, Пушкарей и др., то они, скорее, представляют собой не жилища, а жилые площадки поселения. А. Н. Рогачев, повидимому, несколько усомнившись в этом, считает нужным называть их не «жилищами», а «поселениями»[1]. Ямы от столбов, очаги и замкнутые линзы культурного слоя не дают никаких оснований для реконструкции над ними огромных жилищ. Если брать за основу жилища замкнутую линзу культурного слоя и считать ее зоной жилища, то где же будет поселение? Прав А. А. Формозов, указывая, что люди жили не только в жилищах, но и рядом с ними[2]. Форма замкнутых линз культурных слоев, извилистая и неровная, скорее указывает на жилую площадку, чем на жилище. Иначе мы должны будем многие стоянки с мощным культурным слоем заключать под огромную крышу. Наличие очагов может указывать и на небольшие жилища в виде шалашей, чумов и т. д. Отдельный очаг в Костенках I, выступающий из общей линии очагов, заставляет исследователя прийти к неправильному заключению о пристройке к основному помещению[3]. Невольно возникает вопрос о смысле устройства таких жилищ. Для зимнего жилья они непригодны, даже при наличии очагов, а для лета их сооружение, сопряженное с огромными трудностями, бессмысленно. И П. П. Ефименко, и А. Н. Рогачев считают, что зимними жилищами служили землянки, как наиболее утепленные места. П. И. Борисковский придерживается иной точки зрения, считая, что большие наземные жилища служили зимним помещением, так как «их многоочажность была, вероятно, главным образом, обусловлена стремлением людей обогреть такое, достаточно холодное, жилье»[4].

Неясно и соединение большого наземного жилища в один комплекс с краевыми ямами и землянками, которые будто бы облегчали сооружение внешних стен хижины. Судя по плану Авдеевского поселения, землянки большей своей частью входят в черту большого наземного жилища и имеют перекрытия. Тогда зачем, спрашивается, делать над ними вторую крышу большого жилища? Изогнутые формы «большого дома» также кажутся странными. Оправдывая отсутствие ясной формы этих жилищ, П. И. Борисковский пишет, что «примитивная, только возникшая техника домостроительства еще не выработала наиболее удобной формы большого общинного жилища. Поэтому, при сооружении последнего, обитатели Пушкарей I попросту прилепляли друг к другу небольшие полуземлянки типа гагаринской и тельманской»[5]. Нам же кажется, что первобытному человеку было проще сделать землянку гагаринского типа, чем трехконусное, сложное жилище, созданное автором на основании предположений.

Бесспорен факт существования на Костенковской и Авдеевской стоянках зимних жилищ — полуземлянок, не прослеженных исследователями до конца. Большие же наземные жилища вряд ли существовали. Скорее это были жилые площадки с легкими небольшими наземными постройками (в виде шалашей) вокруг очагов.

В. А. Городцов, разработав методику раскопок землянок, неоднократно указывал в своих докладах на несовершенство метода исследования жилищ по находкам и только по горизонтали, так как подобное изучение

---

[1] А. Н. Рогачев. Указ. соч., стр. 143.
А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 102.
[3] П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 426.
[4] П. И. Борисковский. Палеолит Украины. (Автореферат), стр. 18.
Там же.

ведет к заблуждениям и неправильным выводам. Оставление контрольных стенок — перемычек дает блестящие результаты не только для выяснения формы, глубины, условий залегания, но и позволяет проследить такие детали, которые при изучении большими площадями без профилей ускользают от исследователя.

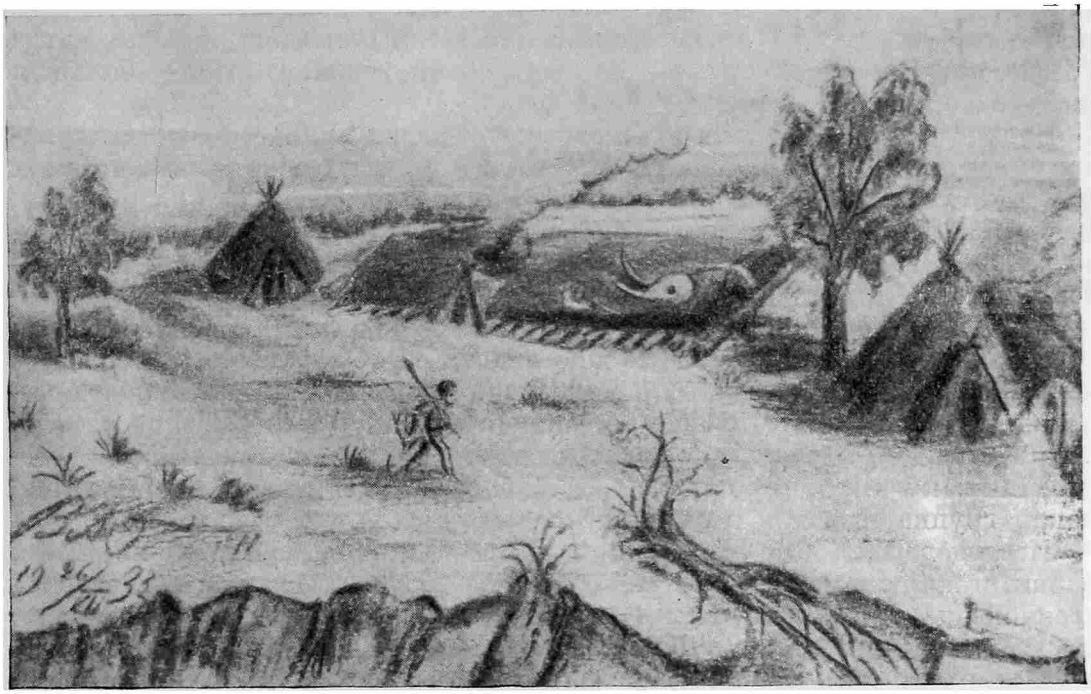


Рис. 12. Тимоновская палеолитическая стоянка (реконструкция жилищ). Рисунок В. А. Городцова. 1933 г.

«Правильные археологические раскопки землянок, — писал В. А. Городцов,— должны представлять процесс, обратный процессу заполнения искусственных разрезов почвы»[1]. Для этого нужно знать, как происходит процесс заполнения ямы. Яма, запустев, обычно быстро заполняется почвой. В первую очередь дождями и полыми водами сносится почва, выброшенная из ямы. Сначала заполняются углы и края, а середина зарастает медленнее, благодаря чему внутри ямы образуются «котлы» с округлыми днищами. Если яма продолговатая, то на дне ее могут образоваться два «котла» и более, в которых, при последующих отложениях почвы, оседают концентрические слои, напоминающие в разрезе строение луковицы. Когда яма почти вся заполнена почвой и от нее остаются неглубокие впадины, зарастание их значительно замедляется. Зарастая, яма постепенно сливается с местностью. «Зная этот процесс,— писал В. А. Городцов,— можно предвидеть и характер ямы, что очень важно при выработке правильного метода ее исследования»[2]

Обладая острой наблюдательностью и огромным опытом практической полевой работы, В. А. Городцов исследовал разнообразные формы жилищ в различных археологических культурах. Открыв первым полуподземные жилища дьяковской культуры, он прекрасно изучил их овальные и

[1] В. А. Городцов. Метод археологических раскопок древних землянок. Рукопись, стр. 42, 43.
[2] Там же.

округлые формы. Исследуя тимоновские палеолитические жилища, он на основании неоспоримых фактов установил для них прямоугольную форму, а для кладовых — круглую (рис. 12).

Можно не соглашаться с отдельными деталями в реконструкции тимоновских жилищ, но отвергать их достоверность нельзя. Такой серьезный ученый, как Г. Кларк, отводит в своей книге[1] значительное место тимоновским жилищам и не находит их странными. Он отмечает большую ценность открытия в СССР древнейших искусственных жилищ, которые нигде в Западной Европе до сих пор не были обнаружены. В этом — большая заслуга советских ученых.

Вопрос о жилищах первобытного человека не является частным вопросом в исторической науке, а относится к области важных и серьезных проблем, так как изучение жилищ может открыть завесу над различными сторонами жизни первобытно-родовой общины. До сих пор, например, не решены вопросы четкой периодизации первобытной истории, становления и развития родовой общины и т. д. Детальное исследование поселений в целом и жилищ на них даст ключ к разрешению этих проблем. По форме и величине жилищ можно судить об общественном устройстве первобытно-родовой общины, а длительно существовавшее оседлое поселение дает понятие о величине этой общины. С такой точки зрения небольшие землянки Костенковской и Авдеевской стоянок возбуждают недоверие, так как в них могло помещаться не более 2—3 человек. Спрашивается, какая группа людей в них жила?

Исследованные верхнепалеолитические жилища вряд ли являются первыми жилищами первобытного человека. Существование мустьерских стоянок на открытых местах, в условиях холодного климата, позволяет сделать предположение о более раннем возникновении искусственных жилищ. Поэтому вопрос о происхождении и развитии жилища приобретает особо важное значение.

Дальнейшее исследование палеолитических жилищ и поселений должно, мне кажется, пойти несколько иным путем, чем это практиковалось до сих пор. Нам представляется, что метод В. А. Городцова в сочетании с методом П. П. Ефименко может дать более правильное понимание поселений первобытного человека. В. А. Городцов, зная, что наука развивается, а не стоит на месте, никогда не считал непреложными все свои выводы. Поэтому, заканчивая в 1933 г. исследование Тимоновской палеолитической стоянки, он высказал пожелание, чтобы его наблюдения и выводы были проверены другими исследователями и, как писал он, «если я допустил ошибки, то меня исправят продолжатели». Читая дневники В. А. Городцова по исследованию Тимоновской палеолитической стоянки, я с глубоким волнением и уважением следил за развитием его мысли и удивлялся его наблюдательности, упорству, огромной работоспособности и юношескому энтузиазму, которые могут служить примером любому исследователю.

Приступая к обработке огромной тимоновской коллекции, В. А. Городцов записал в своем дневнике следующие слова: «Работа предстоит едва ли не самая тяжелая и головокружительная, но я берусь за нее с мужеством и добрым вожделением. Что делать: так создала меня природа, что я не могу относиться к археологическим предметам «слегка» и «как-нибудь», но мне хочется всегда заглянуть поглубже и посерьезнее в тайну глубины веков»[2].

[1] Г. Кларк. Указ. соч., стр. 140, 141.

[2] В. А. Городцов. Дневник раскопок Тимоновской палеолитической стоянки, 1933 (черновая рукопись).

А. Я. БРЮСОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОБ ЭКОНОМИКЕ ДОКЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА В НЕОЛИТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ НЕОЛИТА[1]

Восстанавливая по археологическому материалу, а иногда даже по одному археологическому памятнику, состояние производительных сил общества в границах определенной археологической культуры или нескольких близких друг к другу культур, мы, естественно, обращаемся прежде всего к анализу имеющихся в коллекции средств производства, реже — к некоторым характерным чертам топографии поселений, техническим приемам строительства, а там, где это возможно, — к анализу остеологических и палеоботанических остатков.

Обычно имеются орудия производства, хотя и не во всей полноте ассортимента. Реже удается проследить приемы строительства и еще реже — исследовать костные остатки, зерна растений и т. д. Топография поселений, их планировка, поддающееся подсчету количество населения в поселке или поселках, почвенные условия времени существования поселения привлекаются для анализа очень редко.

О непосредственных производителях материальных благ, о их трудовом опыте, о системе организации труда мы можем судить только на основании косвенных заключений.

Поскольку «экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда», а средства труда представляют собой «не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд»[2], то естественно, что при суждении о производительных силах необходимо прежде всего исследовать орудия производства.

Обратим прежде всего внимание на состав орудий производства, представленный в коллекциях предметов из неолитических стоянок, могильников, поселений, мастерских, кладов. Даже суммируя все категории

---

[1] Глава из монографической работы «Некоторые теоретические вопросы археологии (неолитическая и бронзовая эпохи)»; см. также СА, XVIII, 1953.

[2] К. Маркс. Капитал. Госполитиздат, 1953, т. I, стр. 187.

При этом следует оговорить одно обстоятельство. Известно, что К. Марксом сделано к этим словам примечание, что «из всех товаров предметы собственно роскоши имеют наименьшее значение при технологическом сравнении различных эпох производства». Очевидно, что К. Маркс рассматривает здесь предметы роскоши, как таковые, как «товар». Для археолога же предметы роскоши, найденные при раскопках, могут иметь большое значение и в отношении характеристики уровня производства: о нем можно судить по приемам выделки этих предметов и по применявшимся орудиям, которые часто можно определить по технике выделки этих предметов.

вещей, найденных при раскопках различных памятников неолитической эпохи и относящихся к самым разным археологическим культурам, мы получим в итоге довольно ограниченный список простейших инструментов и орудий охоты и рыбной ловли: каменные отбойники и ретушеры, пилы, сверла и шлифовальные плиты—для производства самих орудий производства, каменные, роговые и костяные бойки топоров (часть их могла служить также бойками мотыг), долота, стамески, кирки или пешни, клинья, скребла, скребки, скобели, лощила, ножи и шилья — для всевозможных домашних работ, каменные, костяные и деревянные наконечники копий, дротиков и стрел, деревянные луки, костяные выпрямители древков, гарпуны, иглы и дощечки для вязанья сетей, каменные и глиняные грузила, деревянные поплавки и вентили, костяные и каменные рыболовные крючки, сети из волокнистых растений, верши и другие ловушки на зверя и рыбу—для охоты и рыболовства. К этому списку можно добавить каменные утюжки (в Зауралье), рыболовные приманки в виде каменных изображений рыб (в Восточной Сибири), каменные и костяные рукоятки орудий, колотушки для раскалывания орехов (в Латвийской ССР), деревянный жом для выжимки масла (Горбуновский торфяник в Среднем Зауралье), деревянный бумеранг (там же). Напомним о простейших средствах передвижения — санях, лодках, лыжах.

Несомненно, что при сравнении этого набора орудий производства с набором орудий предшествовавшего времени, палеолитической и мезолитической эпох, средства труда неолитического человека представляются нам неизмеримо более совершенными; они в значительной степени удовлетворяли уже самые насущные потребности производства и воспроизводства материальной жизни в меру скромных потребностей общества того времени. Однако так же несомненно, что и по составу, и по технологическому качеству эти орудия требовали от работавшего приложения максимума труда для достижения весьма незначительных результатов.

О трудоемкости работы перечисленными инструментами свидетельствуют следы от работы ими, наблюдаемые на некоторых изделиях, и отбросы производства. Можно также, рассматривая постепенные изменения в форме орудия одного назначения в границах одной археологической культуры, видеть, как медленно человек того времени придавал этому орудию все более и более целесообразную форму, что, несомненно, облегчало и ускоряло труд и повышало производительность труда.

Если мы обратимся к рассмотрению приемов обработки дерева как наиболее часто применявшегося материала для самых разнообразных целей, то мы можем заметить много интересных подробностей, позволяющих судить о степени производительности труда и реальных возможностях того времени в области домостроительства и иной хозяйственной деятельности неолитического человека.

Какое бы впечатление ни производили на нас тщательно отшлифованные и нередко даже отполированные каменные топоры, долота и стамески с геометрически правильными формами, тем не менее нельзя отделаться от мысли, во-первых, о большом практическом несовершенстве этих орудий, а, во-вторых, и главное, о их крайней недолговечности. Уже одно то, что, повидимому, все или, по крайней мере, большинство бойков так называемых топоров применялось, вероятно, в качестве бойков тесел (судя по их профилю и по находкам деревянных рукояток от них), говорит об ограниченности действия этих орудий. И действительно, там, где благодаря особым почвенным условиям сохраняются части крупных деревянных сооружений и изделий, остатки домов, части лодок и саней, весла, идолы и т. п., мы только в самых исключительных случаях видим использо-

вание стволов больших деревьев и пород с твердой древесиной. Четырешесть метров — обычный предел для длины бревен при средней их толщине 15—20 см (свайное поселение на р. Модлоне в Вологодской области, поселения на Горбуновском торфянике в Среднем Зауралье, постройки в Сарнате Латвийской ССР). Обломки колотых досок, толстые и короткие деревянные и каменные клинья ясно обрисовывают приемы получения досок, как кажется, исключительно из таких пород деревьев, которые имеют длинные параллельные волокна, вроде сосны. Доски, полученные при помощи такого расклинивания бревна, имели выпукло-вогнутый поперечный разрез и очень неровные края. Если из такой доски надо было изготовить полоз для саней или весло, то нужна была еще длинная и трудная работа, как то можно видеть по не законченным обработкой экземплярам (например, заготовка весла из Горбуновского торфяника в экспозиции ГИМ).

Можно себе представить, какое количество времени и труда надо было затратить, чтобы сделать, например, сани для собачьей упряжки с полозьями длиной около 2,5 м, двойным рядом копыльев и т. д., подобные тем, которые мы видим из раскопок на Шигирском и Горбуновском торфяниках. Еще более трудоемкой была работа над твердой древесиной. Несмотря на применение огня и выжигание углубленных частей, изделия получались грубоватыми, как можно видеть по остаткам челна из Ладожской стоянки или по лодкам, найденным в Оке и хранящимся в Рязанском музее. А ведь, судя по карельским петроглифам, такого вида лодки были иногда очень больших размеров и вмещали помногу гребцов. Для того, чтобы придать лодке бóльшую остойчивость, добиться ее высыхания (на что нужно не менее года) без растрескивания дна и бортов, снабдить ее веслами, требовалось затратить много труда и времени. Между тем лодка была предметом первой необходимости в это время и вряд ли могла служить более нескольких лет, как и сани.

Да и каменные орудия, служившие не менее важными и необходимыми средствами производства, постоянно требовали подточки, а зачастую и замены новыми. Недаром на всех неолитических стоянках оказывается большое число отбросов такого производства — кремневых, сланцевых и иных осколков и обломков от вышедших из строя шлифованных орудий.

Поэтому мы неизбежно должны прийти к выводу, что возможность выделки этими орудиями различных совершенно необходимых в хозяйстве вещей, и притом хорошего качества, какие мы видим в отдельных находках, отнюдь не означает, что такие вещи находились в достаточном количестве в распоряжении неолитического человека. По большей части люди этого времени принуждены были удовлетворяться средним, если даже не плохим, качеством изделий. Примером могут служить открытые при раскопках остатки жилых домов.

Мы видим, что стволы деревьев, срубленных для постройки дома, чаще всего даже не очищаются от коры; заострение вбитых в землю столбов делается в расчете на минимальную затрату труда, грубо, иногда только с одной стороны; самый подбор деревьев случаен, а толщина бревен бывает самой различной, по большей части не толще 18—20 см в диаметре, а нередко и меньше. Неровная вымостка пола из бревен различной толщины, маскируемая глиняной обмазкой, применение в одной и той же постройке различных приемов укрепления переводин на вбитых в землю столбах (на развилке, образуемой стволом и примыкающей к нему толстой частью сучка, между двух кольев на вязке из вицы и т. д.) свидетельствуют о том же. Несомненно существовавшее укрепление стенок землянок (без чего

такое жилище не могло бы иметь даже минимальной прочности из-за осыпания песка или суглинка; исключением могли быть только землянки в лёссовой почве) также состояло, вероятно, из тонких прутяных переплетений, так как иначе укрепление прочными бревнами оставило бы в почве следы, которые не могли бы остаться не замеченными при раскопках.

Эти факты с очевидностью показывают, что неолитический человек в климатических условиях северной и средней полос Евразии отнюдь не располагал большим количеством времени даже для таких жизненно необходимых работ, как постройка жилища или выделка средств передвижения.

К тем же выводам мы придем, рассматривая любую другую категорию производства в неолитическую эпоху. Если мы обратимся, например, к производству самих орудий производства, т. е. главным образом к обработке камня, то мы легко подметим те же самые особенности. Раскопки любой стоянки дают только в виде единичных экземпляров (не считая, конечно,кладов)особенно тщательно выделанные орудия. И если еще можно утверждать, что целые орудия такого рода хранились тщательно и редко терялись, то нельзя отрицать того, что и обломки таких орудий также встречаются очень редко.Следовательно, такие орудия вообще употреблялись редко. В этом отношении нас не должны вводить в заблуждение блестящие коллекции вещей с той или другой стоянки, выставленные в залах музея. Хорошо известно, что это отборные вещи, взятые из тысяч других рядовых вещей, экспонирование которых во всей их массе произвело бы совсем другое впечатление на зрителя — впечатление бедности, чтобы не сказать убогости материальной культуры того времени.

Окончательным выводом из всего этого может быть только убеждение в очень малой практической действенности применявшихся в неолите орудий труда и в большом расходе человеческой энергии для удовлетворения человеком своих потребностей, или, точнее, производство находилось на таком низком уровне, что у человека того времени могли возникать только самые ограниченные потребности[1].

Несомненно, что с течением времени неолитический человек совершенствовал свои орудия производства, придавая одним из них более целесообразную форму, изготовляя другие из более прочного материала и т. д. Существовали и местные различия в составе и степени совершенства этих орудий. Но как бы ни были велики эти различия, они, тем не менее, не были настолько существенными, чтобы послужить мерой для различий в степени производительности труда у разных племен неолитической эпохи в северной и средней полосах Евразии. Во всяком случае, невозможно проследить для этого времени повышение производительности труда в зависимости от усовершенствования орудий. В этом отношении гораздо бо́льшую роль играл в неолитическую эпоху географический фактор.

Археологический материал показывает, что при слабом развитии производительных сил общества человек в значительной мере зависел от природного окружения, во всяком случае, в отношении удовлетворения своих непосредственных потребностей в пище, жилище, материале для выделки средств производства. Несомненно, что уже в неолите он в известной мере преодолевал препятствия, которые ставила ему природа, но, тем не менее, его зависимость от природы выступает вполне отчетливо. Так, в некоторых случаях наблюдается бросающееся в глаза различие в составе находимых при раскопках средств производства и оружия, справедливо от-

[1] К. Маркс. Нищета философии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V стр. 300 и сл.

мечаемое различными исследователями как показатель различия в занятиях населения. Несомненно, права Н. Н. Гурина, указывающая, что неолитическое население Кольского полуострова жило преимущественно морским рыболовством[1]; М. Е. Фосс отмечает, что такое же явление можно наблюдать на восточном побережье Белого моря, на Летнем и Зимнем берегах[2], в лесах современной Вологодской области, в районах озер Лача и Вожа, в Карелии. В Прибайкалье на первое место выступает охота на лесного зверя, преимущественно на лося[3], и т. д. Грузила для сетей и рыболовные крючки, каменные изображения рыб, служившие своеобразной приманкой, остатки вершей, расположение стоянок в местах, богатых рыбой (у истоков или устьев рек, у протоков), удобных для устройства заколов и других ловушек, скопления костей рыб дают основания для предположения о большой роли рыболовства. Остатки луков и большое количество наконечников стрел, обилие костей диких животных, изображения этих животных позволяют говорить о ведущей роли охоты. Но при этом не следует забывать, что используемый нами материал часто бывает неполным. Так, известные нам стоянки на Летнем берегу Белого моря могли представлять собой временные летние стойбища, и не исключена возможность открытия вдали от берега, около внутренних озер, в необследованной глубине леса, более долговременных поселений с иным составом находок. А это может в большой мере изменить сделанный первоначально вывод.

Устанавливая возможность по анализу находимых при раскопках средств производства представить себе в основном характер производственной деятельности данного общества, следует помнить, что до нас доходит от древности только часть средств труда и орудий охоты неолитического человека. Вопрос же о том, как относиться к не дошедшим до нас изделиям, только предполагаемым в наличии у древнего человека, весьма сложен. Конечно, было бы очень просто отказаться от обсуждения того, чего нет. Так в большинстве случаев и поступают. Однако это простое решение вопроса нельзя признать правильным. В археологии древних эпох многие проблемы решаются не по наличию предметов материальной культуры, а по косвенным данным, играющим в некоторых случаях не меньшую роль, чем непосредственно данные вещи.

Так, весьма острым и важным вопросом для суждения о производительных силах общества в неолитическую эпоху, особенно в поздненеолитическое время, является проблема существования или отсутствия в это время скотоводства и земледелия. Вопрос о наличии скотоводства решается обычно по присутствию или отсутствию в культурном слое либо в погребении костей домашних животных или — реже — изображений таких животных в скульптурной резьбе или на наскальных рисунках. Наличие скотоводства на Севере и в средней полосе отрицается почти до самого конца существования здесь неолитических культур. Только к концу II тысячелетия до н. э. относятся отдельные стоянки в средней полосе Европейской части СССР, на которых были найдены кости лошади (Младший Волосовский могильник, Алеканово). При этом надо полагать, что скотоводство было там возможно и ранее, о чем красноречиво свидетель-

---

[1] Н. Н. Гурина. Неолитические поселения северного побережья Кольского полуострова. МИА, № 20, 1951, стр. 158 и сл.

[2] М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1952, стр. 135.

[3] А. Я. Брюсов. Свайное поселение на р. Модлоне. МИА, № 20, 1951; его же. История древней Карелии. Труды ГИМ, вып. IX, 1940; А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 18, 1950.

ствуют находки костей домашних животных в некоторых погребениях фатьяновской культуры. Эти погребения находятся даже севернее некоторых из неолитических поселений того же времени. Факт этот лишний раз подтверждает, что географическая среда, оказывая большое влияние на производство неолитического человека, тем не менее, не была главным фактором, определявшим характер этого производства.

На юге несомненные признаки скотоводства наблюдаются уже в III тысячелетии до н. э., и притом в таком виде, что заставляют отнести его возникновение к значительно более раннему времени. Уже в Мариупольском могильнике имеются две фигурки, повидимому, домашних быков. Но археологические находки на поселениях III тысячелетия до н. э. дают кости давно прирученных и даже одомашненных животных, и нам неизвестно, как долго происходило одомашнивание животных у неолитического человека. Уже один тот факт, что многочисленные попытки установить исходные виды домашних животных на основании изучения ископаемых до настоящего времени не привели к бесспорным результатам, доказывает, что между началом приручения и выработавшейся к III тысячелетию до н. э. породой прошло очень большое время.

Конечно, можно предположить, что скотоводство на Юге СССР было заимствовано из культурных стран древнего Востока, но это еще не доказано, как, впрочем, не доказано и местное происхождение домашних животных. Однако за последнее говорит постепенное включение в состав стада новых видов животных.

Большое значение придается некоторыми археологами характеру скотоводства, его большему или меньшему развитию, способу его ведения, составу стада и т. д. Правильность такой постановки вопроса отрицать нельзя, но нельзя также сказать, что приводимые при этом факты и сделанные на их основании выводы всегда оказываются убедительными. Конечно, обилие костей домашних животных или резкое уменьшение их количества, естественно, приводят к выводу о большой роли скотоводства или о падении его значения. Признаки полустойлового содержания скота (оградки для скота, примыкающие к дому, как это наблюдалось О. А. Кривцовой-Граковой в Алексеевском поселении в Казахстане[1]), наличие костей домашней свиньи и т. п. характеризуют относительно прочную оседлость населения и могут служить для характеристики системы скотоводства и развития производительных сил общества. Но много слабее звучат утверждения, основанные на определении состава стада, на основе подсчета костей тех или иных видов животных. Прием этот общеупотребителен, но может дать ошибочные выводы. Действительно, малое количество костей какого-либо из видов домашних животных, например, лошади, может означать не только то, что лошадей было мало, но и то, что лошадиное мясо не употреблялось или редко употреблялось в пищу. Значительное количество свиных костей может означать не только то, что население в большом количестве разводило свиней, но и то, что свиньи особенно подвержены эпизоотиям. Кроме того, свиноводство имеет одну особенность. Большая плодовитость свиньи, ежегодно приносящей несколько поросят, делает возможным при весеннем опоросе вырастить за лето приплод на естественном корму и поздней осенью произвести убой всего или почти всего приплода для запаса мяса на зиму. В таком случае количественный подсчет костей свиньи, найденных при раскопках, без учета возрастного состава убитых свиней, не может служить доказатель-

[1] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып. XVII, 1947, стр. 99.

ством преобладания свиней в стаде. Вообще при таких подсчетах следует обратить внимание на указанную Г Кларком[1] особенность примитивного скотоводства: трудность заготовки корма для скота на зиму заставляла осенью производить массовый убой скота с оставлением только того количества, которое могло быть прокормлено. Жертвой этого осеннего забоя скота были по преимуществу молодые особи.

Более того, сравнение цифр, полученных при количественном подсчете костей (разумеется, особей) для разных периодов существования данного общества, не позволяет делать многих из тех выводов, которые мы нередко встречаем в археологических статьях и монографиях. В тех случаях, когда количество костей домашних животных оказывается в процентном отношении более низким в ранний период и более высоким в последующий период, нельзя делать обычного вывода об уменьшении роли охоты и увеличении роли скотоводства. Ведь те же самые цифры могут получиться и при увеличении роли охоты, если одновременно и в еще большей степени возросла роль скотоводства, или, наоборот, при уменьшении роли скотоводства и еще большем уменьшении роли охоты, например, при развитии земледелия. Количество костей домашних животных может также сильно возрасти вследствие удачных грабительских набегов и угоне скота; оно может упасть в противоположном случае, если племя систематически подвергалось нападению соседних племен. Из этого следует, что при использовании подсчетов по остеологическому материалу желательна более тщательная проверка делаемых на этом основании выводов, чем мы это обычно видим.

При анализе системы скотоводческого хозяйства некоторые авторы пытались выяснить по археологическому материалу наличие эйлажного скотоводства в условиях горных местностей. Однако приводимые при этом доказательства мне кажутся недостаточными[2].

Сравнивая данные, которые накоплены мировой археологической литературой по вопросу о древнем скотоводстве, можно заметить, с одной стороны, большое разнообразие в отношении различных областей Евразии, а с другой стороны, стереотипность описаний формы скотоводческого хозяйства для всей этой огромной территории. Авторы по большей части ограничиваются указанием на состав стада и на относительную роль скотоводства в общей системе хозяйства. Только некоторые из археологов, вроде Г. Кларка, пошли в этом отношении далее и попытались установить, в очень общем виде, ход постепенного развития скотоводства, заготовки кормов, системы содержания скота и т. д.

Между тем несомненно, что лесное, степное и горное скотоводство даже в те отдаленные времена должны были значительно отличаться друг от друга. Отличались, повидимому, системы скотоводства, даже находившиеся приблизительно в одинаковых географических условиях. Так, например, система скотоводства у племен трипольской культуры с их безусловно прочным оседлым образом жизни должна была быть иной, чем у племен ямной и раннекатакомбной культур.

Нельзя не отметить также, что характер использования домашних животных остается еще во многих отношениях неясным. Часть их, несомненно, шла в пищу, но какие-то животные уже в конце III тысячелетия — начале II тысячелетия до н. э. использовались в качестве тягловой силы, на

[1] Г. Кларк. Доисторическая Европа. Экономический базис. Перев. с англ. М., 1953, стр. 128.

[2] См. С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. МИА, № 9, 1949, стр. 94, 95; Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев реки Терека и бассейна реки Сунжи. Труды ГИМ, вып. XVII, 1947, стр. 34.

что определенно указывают находки колесных повозок в курганах ямно-катакомбной культуры и глиняных моделек колес в погребениях фатьяновской культуры.

Таким образом, мы приходим к заключению, что в вопросе о скотоводстве в неолитическую (и бронзовую) эпоху очень многое остается еще невыясненным и требует дальнейшей углубленной работы.

Много труднее разрешить вопрос о наличии или отсутствии земледелия. Конечно, постоянные находки зернотерок и даже семян злаковых и остатков других растений, например, на поселениях трипольской культуры и в могилах ямно-катакомбной культуры с несомненностью доказывают выращивание проса, пшеницы, ячменя. Но в каких условиях происходила обработка почвы, какими орудиями, на каких площадях,— остается неясным. Если попробовать детальнее разобраться в этих вопросах, то возникает ряд недоумений, касающихся не только одного Юга, где признаки наличия земледелия в конце неолита совершенно очевидны уже с III тысячелетия до н. э., но и средней полосы Европейской части СССР.

Нет сомнения, что при определении уровня развития производительных сил какого бы то ни было древнего общества переход от рыболовецко-охотничьего к скотоводческо-земледельческому хозяйству должен рассматриваться как огромный шаг вперед. Находки костей домашних животных и семян культурных растений в материалах из археологических раскопок свидетельствуют о наличии развитого скотоводческо-земледельческого хозяйства, но не о начале его. Когда, где и как был совершен переход от присваивающего к производящему хозяйству,— мы почти не знаем.

Земледельческие орудия либо не сохранились, либо мы не можем отличить их от орудий другого назначения. Зернотерки, мотыжки, так называемые палки-копалки Урала, жом для выжимки масла, найденный при раскопках Горбуновского торфяника, еще не доказывают, по мнению многих, возделывания культурных растений. Эти орудия могли применяться и для иных целей: зернотерки и жом — для обработки диких растений, палки-копалки и мотыжки—для копки ям различного назначения; тупики для обработки шкур могли применяться для обработки шкур диких животных; найденные до сих пор части саней принадлежат, судя по их типу, саням с собачьей упряжкой. Петроглифы и писаницы с изображениями пахоты и домашних животных относятся ко времени, когда скотоводство и земледелие засвидетельствованы уже находками костей домашних животных.

Следовательно, решение проблемы возникновения скотоводства и земледелия в разных областях СССР весьма затруднительно. В буржуазной западноевропейской археологии возникновение земледелия нередко связывается с появлением каменных шлифованных топоров, которые рассматриваются как орудия, служившие частью топорами, частью мотыгами для обработки почвы. Основанием для такого предположения могут служить швейцарские и южногерманские свайные поселения, где, при несомненном наличии признаков земледелия, отсутствуют (кроме упомянутых топоров) орудия земледельческой техники. Кроме того, этнографические наблюдения показывают, что идентичные неолитическим шлифованные каменные топоры часто применяются в качестве наконечников земледельческих мотыг. Но и такое предположение является только гипотезой [1].

[1] Довольно подробный перечень гипотез о типах древнейших земледельческих орудий см. B. Brentjes. Untersuchungen zur Geschichte des Pfluges, I (Bronzezeit). Wissenschaftliche Zeitschrift Martin-Luther Universität, Halle, 1952—1953, Bd. 10.

За последнее время некоторыми археологами[1] было высказано предположение, что начало земледелия даже в относительно северных областях СССР надо относить к значительно большей древности, чем предполагалось ранее. Предположения такого рода исходят из наиболее вероятной гипотезы, что начальное земледелие было мотыжным. Отсюда следует, что под обработку поступали только участки с мягкой почвой, так как твердые почвы едва ли могли быть обработаны довольно тупыми каменными и костяными или роговыми — мотыгами того времени. Участками с мягкой почвой могли служить заливные берега рек и озер. Кроме того, значительная облесенность Европы в неолитическую и бронзовую эпохи делала затруднительной, при тогдашних орудиях производства, расчистку леса под посевные участки. Не без основания Д. Виолье[2] считает, что выбор места под свайные поселения Швейцарии и Южной Германии на заболоченных участках был вызван желанием сохранить немногие сухие безлесные берега для обработки под посевы и выпаса скота. Именно в таких местах, которые в неолитическую эпоху представляли собой низкие берега рек и озер, а в настоящее время покрыты торфяниками, были найдены предметы, которые могли быть земледельческими орудиями, хотя некоторые археологи считают их предназначенными для других целей,— десятки роговых мотыг на «Стрелке» Горбуновского торфяника, жом для выжимки масла на 6-м разрезе того же торфяника, палки-копалки на Шигирском торфянике, часть прялки на свайном поселении на р. Модлоне в Вологодской области; на том же свайном поселении были найдены семена культурного льна. Напомню, что на многих стоянках неолитической эпохи на Севере СССР были найдены черепки глиняных сосудов с отпечатками на них сетей и, повидимому, льняной ткани[3].

Мною[4] был поставлен вопрос о возможности предположить наличие земледелия у некоторых древних окских племен на том основании, что наблюдающиеся там большие размеры неолитических поселений и относительная густота их делают невозможным предположение о пропитании этой массы населения на ограниченном пространстве путем чистого охотничье-рыболовецкого хозяйства, а отсутствие в раскопках костей домашних животных исключает в данном случае наличие скотоводства. Перечисленные выше факты находок в различных местах на севере орудий, возможно, связанных с земледелием, подкрепляют такую гипотезу.

Возможность предполагать наличие земледелия у племен, живших на обширных поселениях, подкрепляется также сравнением этих поселений с поселениями, несомненно, чисто охотничье-рыболовецких племен на Крайнем Севере. Эти охотничьи поселения, как правило, занимают очень небольшую площадь (около 100—120 м в длину, при ширине 8—10 м), на которой располагалось несколько маленьких домов. Таковы, например, 1, 2, 3, 4 и 5-я Сунские стоянки в Карелии на р. Суне. На Галичской стоянке

---

[1] См., например, К. В. Сальников. В глубине веков. Свердловск, 1949, стр. 51; А. Я. Брюсов. Очерки истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 159.

[2] D. Viollier. Der gegenwärtige Stand der schweizerischen Pfahlbauforschung. Pfahlbäuten-Bericht, Zürich, 1924, стр. 153 (9).

[3] О палках-копалках как о земледельческих орудиях см. П. А. Дмитриев. Шигирская культура на восточном склоне Урала. МИА, № 21, 1951; В. Я. Толмачев. Древнейшие заступы, найденные на восточном склоне Среднего Урала. ПАК, вып. 60, 1916. О семенах культурного льна, найденных на свайном поселении на р. Модлоне, см. А. Я. Брюсов. Свайное поселение на р. Модлоне, стр. 21. Об отпечатках льняной ткани на глиняных сосудах см. там же, стр. 83.

[4] А. Я. Брюсов. Очерки истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, стр. 83.

у сел. Вахнецы на Галичском озере, в Костромской области[1], было открыто всего 7 небольших полуземлянок. Тоже небольшие стойбища обнаружены на побережье Кольского полуострова[2] На Летнем берегу Белого моря протяженность площади стоянок хотя и доходила до полукилометра, однако, это объясняется, вероятно, перемещением поселений временного характера вдоль узкой полосы морского побережья.

Несколько десятков людей, живших на таких поселениях, вполне могли обеспечить свое пропитание, используя близлежащие озера, реки, морское побережье и прилегающие леса. Иное дело, когда площадь поселения охватывает 10 000 кв. м и имеет мощный культурный слой, насыщенный находками (как большое число окских стоянок), доказывающий, что эта стоянка была местом интенсивной жизни достаточно многочисленного населения в течение долгого времени.

Можно сделать, конечно, предположение, что на площади больших стоянок находилось очень мало жилых сооружений, и тогда все соображения относительно значительного числа людей на этих поселениях и невозможности для них прокормиться одной охотой и рыбной ловлей окажутся несостоятельными. Возможность такого возражения заставляет сделать экскурс по вопросу о типах жилищ в неолите.

За последние годы некоторые из английских археологов выступили с решительным протестом против гипотезы о жилищах-землянках в неолитическую эпоху[3], считая, что открываемые при раскопках ямы имели чисто хозяйственное, но не жилое назначение. В общей форме отрицание существования в неолитическую эпоху жилищ-землянок и несколько углубленных в землю жилищ, безусловно,неправильно. Мы имеем на почве СССР прекрасные доказательства существования таких жилищ в неолите. В качестве примера можно привести раскопанную В. А. Городцовым на Панфиловской стоянке близ г. Мурома огромную жилую яму, диаметром до 8 м и глубиной более 2 м, посередине которой находился прочный каменный очаг, а по стенкам у коридорообразного выхода были обнаружены длинные земляные нары. Меньшего размера были 3 землянки, открытые при раскопках Федоровской стоянки на берегу Чухломского озера (точнее, вблизи от истока из этого озера р. Вексы). Диаметр этих землянок — около 4 м, глубина — 1,5 м, причем посередине их также находились плотно сложенные из камней очаги; за пределами этих ям были обнаружены следы от столбов покрытия. Земляночные ямы с каменными очагами посередине были открыты также на Галичской стоянке, в Волосове и других местах.

Надо полагать, что нижние части таких жилищ, особенно если они были вырыты в песке, укреплялись во избежание осыпания стенок. Вероятнее всего, для этого сооружался плетень, так как более солидные сооружения, несомненно, оставили бы заметные следы. Верх, безусловно, был деревянным. Даже полы не всегда были земляными. По крайней мере, на очень древней Льяловской стоянке в верховьях р. Клязьмы сохранились следы покрытия пола толстым слоем луба. Только в редких случаях (Панфиловская стоянка) эти жилища были целиком погружены в землю. По большей части они были только несколько углублены в нее, и потому называть такие жилища землянками можно только условно.

Однако в последнее время за остатки жилых землянок принимаются

---

[1] Раскопки В. А. Городцова.

Раскопки Н. Н. Гуриной.

[3] V. G. Childe. Neolitic hause-tipes in temperate Europa. Proceeding of the Prehistoric society, 1949, № 8, стр. 77—86

ления перенести свое поселение выше. Древнейшая часть стоянки стала постепенно затягиваться торфом; остатки ее оказались в наше время уже под торфом. На более поздней части стоянки торф отлагался медленнее в течение всего времени существования ее, и здесь остатки стоянки оказались в торфе.

Следовательно, во время существования древней части стоянки она располагалась на широком песчаном пляже (в настоящее время часть этого пляжа уходит под воду реки[1]), соответствуя таким же поселениям на так называемых дюнных стоянках, существующим в том же районе, но по условиям топографии не подвергавшимся заторфованию. Было бы странным и неестественным предполагать, что поселение в пониженной части Караваихи представляло собой исключение, что только здесь неолитический человек строил деревянные наземные дома (впрочем, как я говорил, в в 10 км оттуда, на р. Модлоне, стояли также деревянные наземные дома несколько более позднего времени — начала II тысячелетия до н. э.).

Еще невероятнее предполагать, что, перенеся поселение выше на несколько десятков метров, жители его, строившие до того наземные деревянные дома, перешли к устройству землянок, не обнаруженных, впрочем раскопками; очевидно, что и на высоком месте также строились наземные деревянные дома, но из-за почвенных условий остатков их не сохранилось. Этим обстоятельством, вероятнее всего, и объясняется не только то, что при всех стараниях не удалось обнаружить остатков землянок на повышенной части Караваихи и на многих других стоянках северной полосы Европейской части СССР, которые мне приходилось раскапывать, но и то, что остатки землянок очень редко обнаруживают и другие археологи, имеющие дело с «дюнными» стоянками. Или же «землянками» объявляются ямы разнообразного назначения, но менее всего имеющие характер остатков жилых сооружений.

Основным типом неолитических жилищ были, очевидно, наземные деревянные дома, не сохранившиеся там, где их не законсервировал слой торфа. Косвенно это подтверждается соображением, высказанным Г. Чайлдом в упоминавшейся мной статье. Странно было бы предполагать, что неолитический человек, имевший в своем распоряжении хотя и несовершенные, но тем не менее неплохие каменные топоры, разнообразные долота, клинья, стамески, молоты и выполнявший ими сложные столярные работы вроде выделки лодок, саней, весел, лыж и т. д. и даже тонкие скульптурные работы (сосуды со скульптурными изображениями и резные фигурки, как, например, найденные на Шигирском и Горбуновском торфяниках),— странно предполагать, что этот человек не мог или не хотел построить себе деревянный дом, срубить дерево, заострить кол, оплести стены дома прутьями. Как бы ни был мягок климат атлантического и суббореального периодов, летние непогоды и зимние холода должны были побудить неолитического человека к постройке более или менее прочного дома.

Эти соображения и факты показывают, что было бы рискованно,— как это нередко делается,— судить о количестве населения какой-либо стоянки по числу и размерам обнаруженных на этой стоянке землянок. Наряду с этими землянками могли существовать и, вероятно, существовали наземные дома. О количестве населения на стоянке лучше судить, как мне

[1] Древний берег реки хорошо отмечен крутым падением дна ее. До этой линии дно реки топкое, покрытое торфом; за этой линией, в глубокой части реки, дно песчаное. Это соответствует положению, наблюдавшемуся при раскопках свайного поселения на р. Модлоне, где часть свайных построек (вбитые в землю сваи, выпавшие из культурного слоя вещи) находится в настоящее время под водой, вблизи от берега.

кажется, по размерам площади, занятой этой стоянкой, и по насыщенности находками культурного слоя. В этом отношении окские стоянки позволяют предполагать, что количество живших там людей было довольно значительным.

Учитывая, что «дюнные» стоянки ничем по существу не отличаются от торфяниковых, за исключением только того, что на торфяниковых стоянках лучше сохраняются предметы из органических веществ, попробуем, сравнивая те и другие, определить количество населения на больших неолитических стоянках.

При раскопках торфяниковых стоянок, как правило, обильное скопление вещей оказывается около остатков жилых сооружений. Вне их количество находок резко снижается, а иногда сводится почти к нулю. В соответствии с этим надо думать, что на больших «дюнных» стоянках с насыщенным находками мощным культурным слоем дома стояли довольно тесно. Вряд ли можно предполагать, что повсеместная насыщенность культурного слоя находками зависит только от того, что в разное время дома стояли в различных местах стоянки; если бы это было так, то в разных местах стоянки керамика была бы разновременной. Если бы дома были удалены друг от друга в среднем, предположим, на 10—15 м, едва ли более, то и тогда на площади в 10000 кв.м должно было бы поместиться 35—60 домов с населением минимум в 200 — 300 человек. Конечно, в виде исключения, в особо благоприятных географических условиях, такие поселения могли быть и у охотничье-рыболовецких племен, но обычно, как я говорил, поселения северных охотничье-рыболовецких племен состоят из нескольких домов с населением в несколько десятков человек[1]. Если мы обратимся к анализу вещей из раскопок больших «дюнных» и торфяниковых стоянок, то заметим, что эти поселения росли довольно быстро. Так, на той же стоянке Караваиха западный приречный край стоянки, в его древнейшей части (я говорю здесь только о стоянке на повышенной части берега), был заселен в конце III тысячелетия или начале II тысячелетия до н. э. Восточный же край стоянки, в его древнейшей части, датируется не позднее середины II тысячелетия до н. э. Точно так же значительно большее пространство занимало поселение Верхнее Веретье на р. Кинеме в Архангельской области по сравнению с существовавшим на том же месте более древним поселением Нижнее Веретье, как это отмечает М. Е. Фосс[2].

Это свидетельствует об относительно быстром росте количества населения в неолитическую эпоху, чему соответствует и тот факт, что часть избыточного населения, как это установлено работами последних лет, постоянно переходила на новые места, заселяя неосвоенные ранее земли. И все-таки население старых поселений возрастало.

В настоящее время накопилось достаточно фактов, которые,— вместе взятые,— позволяют предположить, что не только на юге (в III тысячелетии, а может быть, в IV тысячелетии до н. э.), но и в средней полосе в начале II тысячелетия до н. э. уже существовало примитивное земледелие. Собирание же и обработка диких растений, как показывают этнографические примеры, могли существовать и много ранее, благодаря чему накапливался некоторый опыт для культивации знакомых видов растений. А к этой культивации толкал человека недостаток пищи, отчасти вызывавшийся ростом населения. Поэтому можно предполагать, что у насе-

---

[1] См. примеры в моей работе «История древней Карелии». Труды ГИМ, вып. IX, 1940, стр. 76, 77.

[2] М. Е. Фосс. Указ. соч., стр. 206.

ления средней и отчасти северной полосы Европейской части СССР было достаточно оснований и возможностей для перехода к земледельческому хозяйству при сохранении еще очень большой роли за охотой и рыболовством, и нет необходимости предполагать заимствование земледельческой техники целиком откуда-то со стороны.

Я уже говорил, что с вопросом о древнем земледелии тесно связан вопрос о почвах, которые были годны для посева в то время. Очень вероятно, что для этого избирались мягкие почвы, осушившиеся в атлантическом и суббореальном периодах по берегам крупных рек и озер и покрытые плодородной торфяниковой почвой. Целинные поля были бы слишком неподатливы для обработки их примитивными орудиями. Поэтому мне кажется весьма вероятным предположение С. Н. Бибикова, что, судя по количеству населения в трипольских поселках (по расчету Т. С. Пассек, число жителей доходило до нескольких тысяч человек в поселении[1]), эти племена знали уже пашенное земледелие с применением тягловой силы скота[2], если только обрабатывались земли на плато, а не широкие плавни по берегам рек Днепро-Днестровского бассейна.

В итоге мы приходим к заключению, что земледелие возникло разновременно: на Юге — еще в IV тысячелетии до н. э., на Севере — несколько позднее. Во всяком случае это было крупным переломным моментом в развитии производительных сил общества. В распоряжении человека оказались новые, постоянные и неистощимые запасы питания, которые могли обеспечить пищей значительно большее количество людей, чем охота и рыбная ловля.

Нельзя не отметить, говоря о древности земледелия, некоторых открытий последнего времени, доказывающих возможность обработки земли при крайне низком уровне развития производительных сил. Таковы признаки несомненного земледелия, обнаруженные в древнейших слоях Сиалка (Сиалк I) на севере Центрального Ирана, в нижних слоях Амука, неолитических слоях Мерзина в Сиро-Киликии, Иерихоне IX в Палестине, Файюме А в Нижнем Египте, нижних слоях Ярмо в Ираке[3]. Р Брайдвуд датирует нижние слои Ярмо временем между натуфийской и хассунской культурами, т. е. временем перехода от мезолита к неолиту. По С. Пиготту[4], Ярмо датируется по C^{14} временем около 5260 и 4620 гг. до н. э.

Древнейшие следы земледелия открыты не только в странах древнего Востока. В. Милойчич, перечисляя те же факты открытия в Иерихоне, Ярмо и Карми-Шахире признаков земледелия в мезолитических слоях этих поселений, указывает на аналогичные данные пыльцевого анализа для мезолитических стоянок на Федерзее в Германии[5]. Последнее замечание заставляет обратить особое внимание на приложение пыльцевого метода к археологическим раскопкам[6].

---

[1] «По предварительным данным разведки, здесь открыто 162 жилища». «В каждом из них жило несколько парных семей». (Т С. Пассек. Трипольское поселение у Владимировки в свете новых исследований. КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр: 65, 70).

[2] С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. МИА, № 38, 1953, стр. 282.

[3] R. J. Braidwood. Jarmo village of early farmers in Irak. Antiquity, 1950, № 96, стр. 189—195.

[4] S. Pigott. The Zürich-congress. Antiquity, 1950, № 96, стр. 172.

[5] V. Miloječič. Die frühesten Ackerbauern in Mitteleuropa. Germania, 1952, № 30, вып. 3/4, стр. 313—318.

[6] К величайшему сожалению, морфология пыльцевых зерен злаковых такова, «что не представляется возможным наметить более или менее отчетливые различия даже между родами». (В. П. Гричук и Е. Д. Заклинская. Анализ ископаемой пыльцы и спор и его применение в палеогеографии. М., 1948, стр. 9). Можно,

Нельзя умолчать также о неоспоримо большом достижении полевой археологии в некоторых странах, где в ряде мест были открыты следы древней плужной вспашки. Это особенно важно, так как позволяет установить не только наличие земледелия, но и характер обработки почвы и применяемые для этого типы орудий [1].

Не менее важным поворотным пунктом в развитии производительных сил общества было приручение и одомашнение животных. К сожалению, для установления времени возникновения скотоводства мы не имеем даже тех скудных данных, какими мы располагаем для земледелия, и принуждены ограничиться тем, что было сказано выше.

Говоря о крупнейших достижениях в области производства первобытно-общинного общества, нельзя не обратить внимания на одно обстоятельство, имевшее, повидимому, очень большое значение в развитии техники и экономики неолитической эпохи. Оно заключается в поразительно быстром и широком распространении сделанных изобретений. В этом легко убедиться по большому числу известных нам фактов.

Не будем затрагивать спорного, быть может, вопроса о повсеместном переходе к использованию, наряду с кремнем, других пород камня и о повсеместном распространении способов пиления, сверления и шлифования их. Допустим, что это было везде и всегда только естественным м е с т н ы м изобретением. Но уже изобретение лука,— произошло ли оно в одном, или в нескольких местах, но, несомненно, не в тысяче мест одновременно,— распространилось почти по всему земному шару с быстротой, с археологической точки зрения, необычайной. Еще с большей быстротой распространилось искусство выделки глиняных сосудов. Всякие попытки найти место или места изобретения керамического искусства, как и аналогичные попытки в отношении каменных сверленых молотков, остались безуспешными. При этом повсюду керамика появляется уже в достаточно развитом виде, свидетельствуя о длительном процессе ее развития. Ткацкое дело также осваивается в конце неолита в Европейской части СССР почти одновременно повсюду. Едва ли удастся также отыскать очаг, где впервые возникло искусство металлургии бронзы. Одни из этих изобретений очень скоро стали достоянием всего человечества, другие, в зависимости от хозяйственных и географических условий, распространились на ограниченной, но очень большой территории. Однако все они охватили огромную массу самого различного населения.

Из этих фактов можно сделать, по-моему, только один вывод. Как ни слабы были связи между отдельными племенами и группами племен,

---

однако, надеяться, что дальнейшее развитие методов анализа ископаемой пыльцы исправит это положение. Но не меньшего сожаления заслуживает также отношение к возможностям использования этого метода в археологии. По крайней мере, я нигде в археологической литературе не встречал даже указаний на попытку определить путем такого метода, не являлись ли какие-либо ближайшие к неолитическим стоянкам участки возделывавшимися некогда полями (разумеется, наиболее подходящие для этого).

[1] Так, под курганом в приходе Севель в Дании (основное погребение в этом кургане датируется бронзовым веком) обнаружены следы древней плужной вспашки в виде перекрещивающихся борозд, заполненных гумусом. Профиль этих борозд указывает, что сошник имел в поперечном разрезе треугольную форму. Аналогичное явление наблюдалось в 1952 г. при раскопках кургана в Торупе в Зеландии. (Mogens O r s n e s-C h r i s t e n s e n. En gravhoy i Sevel sogn. Kuml, 1952). См. также G. K l a r k. Prehistoric Europe. London, 1953, стр. 98 и сл. и G. H a t t. Prehistoric fields in Jutland. Acta archeologica, v. II, 1931, стр. 161 и сл. В 1953 г. следы плужной вспашки были обнаружены около поселения культуры ленточной керамики близ сел. Валипы в Германской Демократической Республике, а в 1954 г.— под погребениями VII—VIII вв. н. э. близ г. Ольберга в Дании.

как ни затруднены были передвижения, особенно в лесной зоне, тем не менее условия жизни в неолитическую эпоху давали возможность относительно быстрого распространения передового опыта, а потребности практической жизни, побуждали немедленно этот опыт использовать. Эти факты можно привлечь и для разрешения некоторых противоречий между показаниями археологии и сравнительного языкознания.

Усвоение на огромных пространствах многоязычным населением открытий и изобретений не могло не сопровождаться, во многих случаях, усвоением названий, связанных с этими открытиями и изобретениями. Было бы невероятным предполагать, что каждое племя или группа племен, говоривших на близких друг к другу диалектах, изобретали каждый раз для воспринятых новшеств свое особое название. Естественнее думать, что названия устанавливались те, которые были даны в области первоначального открытия или изобретения, конечно, несколько видоизмененные согласно требованиям и законам местного языка или диалекта, в зависимости от фонолексики языка тех, кто усваивал новые названия. Поэтому языковые соответствия, например, в терминах скотоводства, получившего чрезвычайно большое распространение на огромном пространстве, может быть, не следует возводить ко времени этнической общности всех тех народов, в языках которых эти соответствия обнаружены; последние могли возникнуть много позднее тем путем, о котором я говорил. Освоение этих новых терминов должно было происходить очень быстро, так как язык сразу и непосредственно, отражает изменения в производстве не дожидаясь изменения в базисе. Вследствие этого гипотеза об индоевропейском единстве в эпоху развития у индоевропейских племен скотоводства и отнесение этого единства ко времени раннего скотоводства в Евразии лишается опоры. Это этническое единство может быть отнесено к более раннему и даже значительно более раннему времени.

Такая постановка вопроса разрешила бы противоречие между датировками возможного индоевропейского единства, устанавливаемыми предположительно археологами и лингвистами.

Относительно быстрое распространение уже в неолите крупнейших открытий и изобретений ставит также вопрос о характере связей между различными племенами, населявшими в это время Афревразию. С одной стороны, это, казалось бы, доказывает наличие постоянных и налаженных связей, с другой стороны, противоречит этнографически засвидетельствованной значительной разобщенности отдельных племен, доходящей в некоторых случаях почти до изоляции.

Противоречие это разрешается, если мы обратим внимание на двойственный характер связей между древними племенами. Даже на основе одних археологических фактов можно доказать, что замкнутость отдельных племен или племенных групп очень часто нарушалась. Об этом свидетельствуют многочисленные факты находок отдельных предметов, абсолютно нетипичных для области, где они были найдены, и, наоборот, имевших широкое распространение в областях, нередко отстоящих на тысячи километров от места находок. Эти изолированные предметы показывают, что непосредственно или этапным путем различные вещи доходили в самые глухие, по тогдашнему времени, места. Вполне понятно, что такие изобретения, как лук и стрелы, гончарство, ткацкое дело, скотоводство и земледелие, имевшие колоссальное значение в производстве материальной жизни человечества, с быстротою усваивались сначала в ближайших, а затем в более отдаленных местах.

Противоречивость между племенной замкнутостью и далеко шедшими связями объясняется тем, что племенная замкнутость вовсе не означала

изоляции. Неприемлемо было только то, что противоречило племенной традиции, что могло нарушить эти традиции и, конечно, то, что могло нарушить интересы племени или рода. В одной из своих работ[1], ссылаясь на этнографические примеры, я отмечал уже, что даже экзогамные правила могли быть обойдены, если не нарушался самый принцип экзогамии: нарушением экзогамии было бы взять жену из несоответствующего рода, но брак с чужеплеменкой никак не нарушал принципа экзогамии и, как сообщают этнографы, широко практиковался[2]. Точно так же заимствование какого-либо открытия или изобретения или употребление в быту чужих для данного племени и для известных ему других племен украшений и необычных орудий труда или оружия ничего не нарушало в традициях племени и могло быть воспринято без колебаний. Особенно это должно было относиться к заимствованию чего-либо явно практически полезного. Археологический материал полностью подтверждает это.

Следовательно, исследуя степень развития производительных сил у неолитических племен и прослеживая ход их развития, никак нельзя представлять себе это развитие изолированным от развития производительных сил в соответствующую эпоху на значительном пространстве, охватывающем многочисленные, даже неродственные племена. Нельзя объяснять отсутствие того или иного достижения данной эпохи в культуре того или другого племени только отсталостью этого племени.

Скотоводство и металлургия являются теми новыми элементами производительных сил, которые по их последствиям нарушили соответствие между производительными силами и производственными отношениями в первобытно-общинном обществе. Земледелие само по себе не играло такой роли. Примитивное земледелие существовало, например, в Новом Свете в течение столетий до прихода туда европейцев. Но земледелие в связи со скотоводством и металлургией, позволявшими использовать тягловую силу животных и прочность металлических орудий для вспашки земли, увеличить эту вспашку до огромных размеров, также становилось элементом тех новых производительных сил, которые составили основу для новых общественных отношений, подрывавших древний строй. Этот факт был отчетливо отмечен Ф. Энгельсом в его конспективном описании того переворота, который развитие скотоводства произвело в отношениях между членами первобытного общества. К этому прекрасному описанию даже в наше время, через полстолетия, нельзя добавить ни одного слова[3].

---

[1] Очерки истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, стр. 68. Н. Г. Тан-Богораз. Чукчи. Л., 1934, стр. 128.

[3] «Следующий шаг ведет нас к высшей ступени варварства, к периоду, во время которого все культурные народы переживают свою героическую эпоху,— эпоху железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора. Человеку стало служить железо, последнее и важнейшее из всех видов сырья, сыгравших революционную роль в в истории, последнее — вплоть до появления картофеля. Железо сделало возможным полеводство на крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из известных тогда металлов. Все это не сразу; первое железо бывало часто мягче бронзы. Каменное оружие поэтому исчезало лишь медленно; не только в песне о Гильдебранде, но и в сражении при Гастингсе в 1066 г. пускались еще в ход каменные топоры. Но прогресс продолжался теперь неудержимо, с меньшими перерывами и быстрее. Город, окружающий своими каменными стенами, башнями и зубцами каменные или кирпичные дома, сделался средоточием племени или союза племен,— огромный прогресс в строительном искусстве, но вместе с тем и признак увеличившейся опасности и потребности в защите. Богатство быстро возрастало, но как богатство отдельных лиц; в ткачестве, в обработке металлов и в других ремеслах, все более и более обособлявшихся друг от друга, развивалось во все возраставшей степени разнообразие и искусство изготовления изделий; земледелие стало теперь давать наряду с хлебом, стручковыми растениями и плодами также масло и вино, изготов-

Конец первобытной общины совпадает, очевидно, с моментом образования государства.

Отличительными признаками государства являются: разделение подданных государства по территориальным делениям в отличие от старого деления по родовым связям; организация общественной власти, выделенной из общества в целом; налоги для содержания этой власти; наличие чиновников, которые, как органы общества, становятся над этим обществом; организация вооруженной силы[1], тюрем и других принудительных учреждений, которые были неизвестны родовому обществу[2].

Если мы при этом вспомним, что «ни одна экономическая формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условиях их существования в лоне самого старого общества»[3], то станет ясным, что определить по археологическому материалу, имеем ли мы дело с первобытно-общинным строем на пороге его гибели или с только что возникшим классовым обществом и государством, далеко не просто, во многих случаях спорно, а иногда невозможно. При отсутствии письменных источников мы едва ли сможем установить по археологическому, и только по археологическому материалу существование хотя бы одного их характерных признаков государства, перечисленных Ф. Энгельсом для начальной стадии развития классового общества и государства. Ни наличие укрепленного города, ни явно прослеживаемое и значительное имущественное неравенство, ни существование рабства и даже небольших мастерских, обслуживаемых рабским трудом (если бы даже было возможно определить, что в этих мастерских работали рабы) не представит такой возможности. Можно ли, например, по предсолоновским и послесолоновским древностям Греции, без указаний письменных источников, доказать переход к рабовладельческой формации?

лению которых научились. Столь разнообразная деятельность не могла уже выполняться одним и тем же лицом; произошло *второе крупное разделение труда*: ремесло отделилось от земледелия. Непрекращающийся рост производства, а вместе с ним и производительности труда, повышал ценность человеческой рабочей силы; рабство, только возникавшее и бывшее спорадическим на предыдущей ступени развития, становится теперь существенной составной частью общественной системы; рабы перестают быть простыми помощниками; десятками их гонят теперь работать на поля и в мастерские. С разделением производства на две крупные основные отрасли, земледелие и ремесло, возникает производство непосредственно для обмена, — товарное производство, а вместе с ним и торговля не только внутри племени и на его границах, но уже и заморская. Все это, однако, еще в весьма неразвитом виде; благородные металлы начинают становиться преобладающим и всеобщим товаром-деньгами, но металл еще не чеканят, а обменивают просто по весу.

Различие между богатыми и бедными выступает наряду с различием между свободными и рабами, с новым разделением труда — новое разделение общества на классы. Имущественные различия между отдельными главами семей взрывают старую коммунистическую домашнюю общину везде, где она еще сохранилась; вместе с ней исчезает и совместная обработка земли за счет этой общины. Пахотная земля предоставляется в пользование отдельным семьям — сперва на время, потом раз навсегда, переход к полной частной собственности совершается постепенно и параллельно с переходом парного брака в моногамию. Отдельная семья становится хозяйственной единицей общества». (Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1953, стр. 168, 169).

[1] «Писистрат, захватив окончательно власть в Афинах, укрепил эту власть многочисленным войском и доходами». (Herod. I, 64). Ликург, дав законы, «устроил военное дело, составивши сплоченные клятвой дружины» (Herod. I, 65).

[2] Ф. Энгельс. Указ. соч., стр. 176—178.

[3] К. Маркс. К критике политической экономии — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. I, стр. 7.

Следовательно, при суждении по археологическому материалу о переходе изучаемого общества от первобытно-общинного строя к классово-государственному необходимо соблюдать крайнюю осторожность и, особенно, не преувеличивать значения таких явлений, как наличие имущественного неравенства и рабства. Ниже, при рассмотрении проблемы определения по археологическим данным общественных отношений, мы еще вернемся к этому вопросу в той мере, насколько он касается истории первобытно-общинной формации. Сейчас же важно отметить тот факт, что задолго до полного крушения первобытно-общинного строя производительные силы создавали в его недрах, независимо от воли общества, такие условия, которые коренным образом меняли экономику общества и тем самым — вытекавшие из ее состояния и предъявляемые к обществу требования, заменяя их постепенно новыми, в корне противоречившими старым.

Как мы видели, наши заключения о производительных силах в первобытном обществе, основанные на анализе средств производства, довольно неопределенны даже в отношении крупных моментов их развития. Суммируя то, что мы знаем об этой общественной формации с эпохи раннего неолита до освоения человечеством скотоводства и металлургии, можно говорить только о постепенном, медленном совершенствовании орудий труда весьма примитивных типов. Конечно, введение в технику приемов пиления, сверления и шлифовки камня было в свое время громадным техническим достижением, повлекшим за собой значительные изменения в быте и сильно повысившим производительность труда; вместе с улучшениями в типах оружия и орудий труда оно способствовало расширению и расцвету родовой общины, но ничего не меняло по существу в производственных отношениях. То же самое значение имел переход к первоначальному земледелию. Эти и другие усовершенствования, повышавшие производительность труда, улучшавшие условия быта, создававшие,— вместе взятые,— предпосылки, и только предпосылки для будущих новых открытий и изобретений, не изменяли основного экономического закона первобытной общины, который можно сформулировать следующим образом: удовлетворение минимальных жизненных потребностей всех членов количественно ограниченной и экономически замкнутой родо-племенной группы путем совместного труда на базе общей собственности на средства производства при низкой ступени развития техники.

Отражая медленное и неуклонное развитие производительных сил, экономика укрепляла первобытную общину (благосостояние каждого отдельного члена этой общины улучшалось в меру тогдашних возможностей), все более и более удовлетворяла еще очень малые потребности в пище, одежде, жилище, охраняла всю первобытную общину от опасностей голодовки, от нападения хищных животных и, содействуя возникновению всеобщего закона гостеприимства, в значительной мере охраняла от нападения соседних обществ.

Именно с этой точки зрения необходимо, как мне кажется, производить анализ орудий производства, обычно помещаемый в разделах, носящих название «хозяйство» или «хозяйство и быт». От описательной характеристики хозяйства нужно перейти к анализу экономики изучаемого общества, ставя ее в связь со ступенью развития производительных сил, с одной стороны, и с ее воздействием на общественные отношения, с другой стороны, и vice versa в связи с обратным воздействием системы организации первобытной общины на экономику. Вопрос об этом обратном воздействии, как кажется, никогда не рассматривался в археологической литературе по отношению к первобытно-общинной формации. Неразработан-

ность этого вопроса делает затруднительным анализ методом разрешения этой проблемы на археологическом материале, однако, некоторые общие соображения могут быть изложены, хотя бы в дискуссионном порядке.

Производительные силы при первобытно-общинном строе имели, как мы видели, общественный характер, и соответственно этому такой же характер имела форма собственности на средства производства. В течение долгого времени усовершенствования в области техники, как бы велики они ни были (с археологической точки зрения), были не в состоянии изменить это положение. Ни одно из них не могло изменить производственные отношения в условиях охотничье-рыболовецкого хозяйства, ведущегося количественно ограниченной и экономически самодовлеющей группой людей. Повышая производительность труда, все эти новшества могли только содействовать некоторому большему удовлетворению потребностей членов общества. Реально ощущаемые при этом во многих областях повседневной жизни улучшения должны были даже укреплять убеждение членов общины в целесообразности существовавшего строя. Это сознание укрепляло самою общину, ее учреждения и ее порядки.

Для того, чтобы совершился переход к классовому строю и государству, необходимо было, чтобы рост техники и производительности труда внес существенные изменения в отношения между членами первобытной общины. Какие же археологические факты позволяют судить, что в экономике первобытного общества начинают складываться элементы таких изменений? Мы уже видели, что крупные сдвиги в производстве, в виде перехода к примитивному земледелию и начаткам скотоводства, можно проследить на очень ранней ступени развития общества, в некоторых местах—еще в неолите, почти повсеместно—в бронзовую эпоху. Однако нет необходимости приводить известный всем археологам фактический материал ямно-катакомбной, трипольской, афанасьевской и других археологических культур, вплоть до срубной и аналогичных ей, доказывая наличие у племен, характеризуемых этими культурами, полного расцвета первобытно-общинного строя. Мы не сможем привести никаких фактов, которые обнаруживали бы появление значительного имущественного неравенства между членами первобытных общин, представленных этими культурами. Довольно скромные по количеству, клады бронзовых изделий (ср., например, клады, найденные у селений Скакун, Мазурки, Колонтаевка и др.) еще недостаточны для вывода о накоплении богатств в руках отдельных лиц, равно как и так называемые «богатые» погребения с несколькими бронзовыми орудиями труда и украшениями. Такие клады, как мазинский, скорее составляют склады общинных мастеров-литейщиков. Отдельные, обнаруживаемые в погребениях, захоронения рабов, как, например, погребение раба в дольмене у сел. Войцеховки[1], могут свидетельствовать только еще о патриархальном рабстве.

Мы видим, таким образом, что сами по себе земледелие и скотоводство и возникновение рабства еще не вносили в экономику первобытной общины с самого начала элементов, противоречивших существовавшему строю, который сохранял полностью свою значимость. Но среди этой однообразной картины мы встречаем памятники иного рода — курганные погребения с богатейшим инвентарем и погребениями многих рабов вместе с их хозяином. Таковы погребения типа Майкопского кургана, кургана в станице Новосвободной (бывш. Царской), курганы Цалки и т. д. Характерно,

---

[1] И. Левицький. Пам'ятки мегалітичної культури на Волині. «Антропологія», т. 2, Київ, 1929.

что к тем же культурам, к которым относятся эти курганы, принадлежат и обыкновенные, рядовые погребения с очень небогатым, а иногда и бедным инвентарем. Можно ли говорить здесь об имущественном неравенстве и о каком?

В этом отношении можно почти полностью согласиться с А. А. Иессеном, который писал: «Мне представляется, что для решения вопроса о социальной значимости «больших курганов» важны следующие соображения. Во-первых, бесспорно наличные в них признаки имущественной и социальной дифференциации все же говорят об очень раннем, начальном этапе в развитии этого процесса, резко отличном от тех его форм, которые мы можем наблюдать в ранних скифских курганах. Об этом свидетельствует, например, отмеченное еще В. И. Равдоникасом отсутствие в погребальном инвентаре основных средств производства, прежде всего скота, появляющегося впервые, и то в редких случаях, в погребениях среднекубанского времени. «Богатство» погребений создается положением в могилу многочисленных предметов личного убора и украшений, предметов ритуального значения и орудий труда личного, индивидуального пользования, при относительно малом удельном весе оружия. Все это позволяет видеть в раннекубанской группе памятников культуру, характеризуемую еще полностью коллективным производством, когда выделение богатых погребений обусловлено, вероятно, не столько экономической силой погребенного, его семейной и личной собственностью, а скорее лишь его общественной ролью в рамках родового коллектива. Вместе с тем появление подобных богатых погребений становится возможным лишь в условиях общего роста благосостояния всего общества, роста, основанного в данном случае, несомненно, на развитии скотоводства и, параллельно, земледелия»[1].

В одном только нельзя согласиться с А. А. Иессеном, что наличие в таких погребениях многочисленных дорогих вещей следует относить лишь за счет «общего роста благосостояния всего общества». В этом случае оно было бы распределено более равномерно, во всяком случае отдельные такие же дорогие изделия встречались бы в других могилах. Очевидно, что золотые диадемы и бусы из золота, лазури, бирюзы, золотые височные кольца, золотые и серебряные сосуды и т. д., находящие себе «наиболее близкие аналогии в памятниках второй половины и конца III и отчасти самого начала II тысячелетия до н. э. в странах Передней Азии»[2], могут быть характерными только для некоторой части первобытной общины и должны рассматриваться как результат грабительских войн, которые закладывали основы наследственной власти[3].

По А. А. Иессену, богатые кубанские погребения характеризуют, вероятно, только «вспышку ускоренного развития варварского общества на Кубани» в связи с «идущими с юга культурными влияниями». Перерыв этих связей повлек за собой «затухание этого временного явления»[4]. В разрезе нашей темы несущественно, так ли это было, или нам еще неизвестны памятники, связывающие это явление с более поздними скифскими богатыми погребениями. Существенно то, что мы имеем в данном случае дело с погребениями вождей в эпоху первобытно-общинного строя и находим свидетельство того, что в данном обществе произошли какие-то важные изменения в отношении распределения продуктов производства.

---

[1] А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII, 1950, стр. 195.
[2] Там же, стр. 192.
[3] Ф. Энгельс. Указ. соч., стр. 170.
[4] А. А. Иессен. Указ. соч., стр. 196.

Чрезвычайно отчетливо видно это из сопоставления таких погребений с «богатыми» погребениями в неолитических могильниках Севера, например, Оленеостровского на Онежском озере[1]. Там одно из вертикальных погребений содержало орнаментированный кинжал с кремневыми вкладышами, колчан со стрелами, сланцевые ножи, привески, гарпуны и пр. Но каждая из таких вещей в отдельности могла сопровождать любого из других покойников. Каждый мог иметь такие вещи и притом в любом количестве; они удовлетворяли только минимальные потребности члена общины, и излишнее количество их было бы для него бесполезно. В больших кубанских курганах мы видим совсем иное: вещи, положенные с покойником, предназначены явно не для того, чтобы удовлетворять только минимальные потребности умершего. Или, иначе говоря, некоторые члены тех племен, которым принадлежали большие кубанские курганы, уже не удовлетворялись средним минимумом, а требовали большего.

Перед нами — факты, доказывающие накопление сокровищ в руках отдельных лиц, повидимому, в руках военных вождей, что, вероятно, было результатом грабительских войн. Мы сталкиваемся здесь с самым начальным этапом появления в родовой общине той категории «первобытной аристократии», которая в дальнейшем сыграла большую роль в образовании классового общества и государства. Разумеется, предпосылкой для этого служило развитие производства, прежде всего переход к земледелию и скотоводству, обеспечившим возможность появления богатств.

Следует подчеркнуть, что все эти и дальнейшие соображения касаются только древнейшей истории Европы и преимущественно средней и северной полосы Европейской части СССР. Ввиду этого уместно поставить вопрос, почему описанные выше явления наблюдаются на юге этой области, и не нужно ли в силу этого согласиться с выдвигаемой за последнее время в западноевропейской археологии некоторыми учеными[2] гипотезой диффузии культурных явлений из стран древнего Востока или, как раньше говорили, с гипотезой «влияния культурных очагов»[3].

Нет никакой необходимости отрицать, что продвинувшиеся в своем культурном развитии племена и тем более ранее других сложившиеся в народности политические образования древнего Востока могли и во многих случаях должны были оказывать влияние, не только положительное, но и отрицательное, прямо или косвенно, на своих соседей и более отдаленное население. Но очень часто истолкование этих влияний, иногда в зависимости от политических взглядов автора, принимает гротескный характер. Таковы «теории» культурных кругов Шмидта-Менгина, походов нордической расы у Коссины, западноевропейского культуртрегерства у Штурма и т. д. В угоду своим политическим взглядам эти буржуазные археологи нередко искажали факты, нарушали хронологию, иногда даже не останавливались перед подлогом. Но, борясь с антинаучными толкованиями, мы не можем только опровергать их. Необходимо их правильно объяснить, не вдаваясь, подобно Н. Я. Марру и его последователям, в противоположную крайность и не сводя развитие всех культурных явлений в каждом конкретном историческом обществе к голой «стадиальности» и замкнутому в себе саморазвитию.

Несмотря на большое количество фактов, которые разными авторами приводятся в подтверждение их гипотез, вопрос о культурных взаимодействиях Запада и Востока разработан очень слабо и многое остается еще

[1] В. И. Равдоникас. Неолитический могильник на Онежском озере. СА, VI, 1940.
[2] Например, Г Чайлд.
[3] Например, В. А. Городцов.

неизвестным. Начиная с конца неолита в Европе наблюдаются явления, которые нельзя причислить к заимствованию или, точнее, к распространению практически полезных открытий и изобретений. Явления эти наблюдаются почти исключительно на юге (т. е. в областях, близких к Средиземноморью) и в приокеанических областях. Так, можно назвать вызывавшее и вызывающее много гипотез распространение от Восточного Средиземноморья до Англии, Шотландии и Скандинавии каменных мегалитических гробниц, сходство каменных идольчиков на пространстве от Кипра до Пиренейского полуострова, находки в разных археологических культурах рогатых жертвенников, несомненное единство форм ряда украшений и пр.

Объяснения этим фактам давались самые различные. Распространение мегалитических гробниц объясняли заимствованием «мегалитической идеи», поездками «детей солнца» в поисках золота (Э. Смит), миграцией какого-то народа (Г. Чайлд), спонтанным возникновением аналогичных религиозных верований в разных местах независимо друг от друга (М. Мух). Но ни одна из этих гипотез в том виде, как она предлагалась, не может быть принята. И вместе с тем совершенно правильно многие авторы утверждают, что ряд деталей в устройстве мегалитических гробниц никак нельзя объяснить, приняв гипотезу о независимом друг от друга происхождении мегалитических гробниц в разных областях Европы, Азии, Африки — круглое или прямоугольное отверстие в плите, прикрывающей вход, совпадения в сложных планах постройки (галереи, дворики и пр.). Несомненно, что в основе этих построек лежит нечто единое, хотя и переработанное в разных местах. То же самое можно сказать о других аналогичных явлениях, где случайное совпадение форм также, несомненно, исключается. Остается признать, что такого рода явления, действительно, были результатом заимствования или влияний со стороны более развитых в культурном отношении стран. Но, давая такое толкование, мы, по существу говоря, ничего не объясняем, а только констатируем факт. А этого слишком мало.

Такая констатация оставляет без ответа вопрос, почему эти заимствования проникали в одни области и не проникали в другие.

Древние племена чаще всего брали, а не заимствовали друг от друга и от населения древнего Востока. Брали только то, что им было нужно и что или было практически полезно, или соответствовало характеру их культуры. Иное заимствование приводит к употреблению предмета чаще всего не по назначению, как, например, монет и крестов в качестве украшений. Культурное «влияние», т. е. принятие чуждых племенным традициям форм и обрядов, могло в то время происходить только под прямым давлением. Это хорошо понимал Г. Чайлд, когда он писал: «Таким образом, генетически северную культуру можно представить как усвоение лесными дикарями начал более высокой культуры под влиянием пришельцев из дунайских областей. Затем, повидимому, новые земледельческие племена, прокладывая себе путь огнем и мечом, распространились далеко, пройдя Швецию и Данию, где они создали диссы и культуру второго периода, по Монтелиусу» [1].

Характерно, что, переходя к конкретным примерам, Г. Чайлд попадает в ложное положение. Так, описывая характер раннемакедонской культуры (бронзовая эпоха) и называя дома из сырцового кирпича, бофры в полах домов, проушные топоры, появление металлургии бронзы (т. е. практически полезные изобретения), Г. Чайлд предполагает, что

[1] Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, стр. 254, 255.

здесь могло иметь место переселение в Македонию части анатолийских племен, и допускает даже, что этих переселенцев привлекали сюда золотые, серебряные и медные рудники[1]. Однако дальше он пишет: «Но анатолийские пришельцы не ввели в Македонии своей городской экономики. Подобно их неолитическим предшественникам, они жили в маленьких селениях и вели простой деревенский образ жизни. Они довольствовались каменными орудиями (топором с отверстием для рукоятки и без отверстия) и оружием (камни для пращи и наконечники стрел с выемкой в основании). Металл был большой редкостью, сохранилось только несколько булавок...»[2].

Всякий не увлеченный теорией диффузии читатель, конечно, не поверит, что «вооруженные орды», вторгшись в Халкидику и завладев там «золотыми, серебряными и медными рудниками», перешли затем к «простому деревенскому образу жизни», довольствуясь каменными орудиями и оружием. Проще и естественнее видеть здесь только активное заимствование практически полезных технических достижений.

Нередко эти заимствования даже переосмысливались, прекрасным примером чего могут служить те же мегалитические гробницы, если вести их, как делают многие (но что сомнительно), от египетских мастаба и пирамид. Нетрудно видеть, что, если отвлечься от их внешней формы, то окажется непроходимая пропасть между индивидуальным погребением в мастаба или пирамиде и местом погребений представителей целого рода в дольмене или гробнице с ходом. Вместо заимствования «мегалитической идеи» мы снова оказываемся перед фактом заимствования технического достижения — создания прочного жилища мертвых, что соответствовало верованию в загробную жизнь как древних египтян, так и неолитических племен Европы.

Интересно, что волна таких заимствований возникает в конце неолитической эпохи, и это нельзя не поставить в связь с усилением отношений между различными племенами. А археологический материал отчетливо отмечает причину этого — развитие обмена, вызванное намечающимся разделением труда при возникновении скотоводства. Там, где эта причина отсутствовала, заимствования проявляются очень слабо или их совсем нет. Там, где скотоводство получало достаточно широкое распространение, так же широко представлены в археологическом материале и признаки междуплеменного обмена.

В Восточном и Западном Средиземноморье обмен сильно возрастает с возникновением первых городов. Многочисленные примеры этого можно найти в любой сводной, особенно в хронографической, археологической монографии, где эти примеры используются для датировок[3].

Мы подошли к одному из важнейших моментов в истории экономики древнего общества, к вопросу о производстве не только для непосредственно собственного потребления, но и для регулярного обмена. Теоретически вопрос этот был блестяще разработан К. Марксом, и мне остается только напомнить сказанное им по этому поводу[4].

---

[1] Там же, стр. 124.

[2] Там же, стр. 125.

[3] См., например, V. Milojčič. Chronologie der jüngeren Steinzeit Mittel- und Südosteuropas. Berlin, 1949.

[4] «Первая предпосылка, необходимая для того чтобы предмет потребления стал потенциальной меновой стоимостью, сводится к тому, что данный предмет потребления утрачивает свою потребительную стоимость, имеется в количестве, превышающем непосредственные потребности своего владельца. Вещи сами по себе внешни для человека и потому отчуждаемы. Для того чтобы это отчуждение стало взаимным, люди должны лишь молчаливо относиться друг к другу как к частным собственникам этих отчуждаемых вещей, а значит, и как к не зависимым друг от друга личностям. Однако

Различные виды и ступени развития первобытного обмена во многих случаях могут быть прослежены на археологическом материале. Действительно, если присмотреться к фактам нахождения на неолитических стоянках различных чуждых данной культуре вещей, то без труда можно убедиться, что на стоянках охотничье-рыболовецких племен эти находки встречаются обычно в единичных экземплярах и только на некоторых стоянках. Так, можно найти в коллекциях со стоянок волосовской культуры пару валикообразных каменных топоров, черешковый каменный топор и часть глиняного сосуда южного типа на самой Волосовской стоянке. В области распространения каргопольской культуры в свайном поселении на р. Модлоне найдены восточнобалтийские янтарные украшения; такие же украшения обнаружены близ с. Кончанского в Новгородской области. В погребении на Владыченской стоянке волосовской культуры найден бронзовый браслет (манжета) унетицкого типа и т. д.

Во всех таких случаях определенный тип какого-либо изделия чуждого для данной области происхождения встречается среди вещей одной-двух-трех стоянок и отсутствует на всех других стоянках той же археологической культуры. Исключение составляют некоторые типы вещей, которые в противоположность этому, имеют широкий ареал распространения и встречаются на многих, иногда на большинстве стоянок (или в погребениях) и даже в разных археологических культурах. Но эти предметы всегда оказываются изготовленными из какой-нибудь особой породы камня, залежи которого нередко далеко отстоят от мест находок. Буржуазные археологи часто используют эти факты не только для того, чтобы на основании их утверждать уже для неолитической эпохи существование развитой «торговли» и индивидуальных «торговцев», зарабатывавших себе средства к жизни торговлей, но и для заключения о захвате якобы контроля над этими залежами камня каким-то воинственным племенем[1].

Нельзя сказать, однако, чтобы буржуазные археологи не допускали других возможностей решения вопроса о том, каким путем распространялись в «доисторическую» эпоху различные предметы. Тот же Г. Кларк допускает, что, наряду с «торговлей», южноскандинавские топоры могли также распространяться в Скандинавии путем «посещений мастерских (т. е. мест залежей камня.— *А. Б.*) представителями потребителей». Он даже указывает, что такое предположение может «помочь объяснению слабых следов поселений там (в районе залежей.—*А. Б.*) различных групп».

такое отношение взаимной отчужденности не существует между членами естественно выросшей общины, будет ли то патриархальная семья,древнеиндийская община, государство инков и т. д. Обмен товарами начинается там, где кончается община, в пунктах ее соприкосновения с чужими общинами или членами чужих общин. Но раз вещи превратились в товары во внешних отношениях, то путем обратного действия они становятся товарами и внутри общины. Их количественное меновое отношение первоначально совершенно случайно. Они могут обмениваться лишь благодаря тому, что владельцы желают взаимно отчудить их друг другу. Между тем потребность в чужих предметах потребления мало-помалу укрепляется. Постоянное повторение обмена делает его регулярным общественным процессом. Поэтому с течением времени по крайней мере часть продуктов труда начинает производиться преднамеренно для нужд обмена. С этого момента, с одной стороны, закрепляется разделение между полезностью вещи для непосредственного потребления и полезностью ее для обмена. Ее потребительная стоимость отделяется от ее меновой стоимости. С другой стороны, то количественное отношение, в котором обмениваются вещи, делается зависимым от самого их производства. Обычай фиксирует такие количественные отношения как величины стоимости». (К. Маркс. Капитал. Госполитиздат, 1953, т. I, стр. 94, 95).

[1] Например, G. Klark. Prehistoric Europe. The economic basis. London, 1952. стр. 249—252; G. Childe. The dawn of European civilisation. London, 1924, стр. 47. 57, 187, 264, 294; O. Montelius. Bronzezeit — посмертная статья в Ebert-Reallexikon der Vorgeschichte. Dühn. Bologna — там же.

Этнографические наблюдения показывают, однако, что такие «посещения представителями потребителей» мест залежей нужной им породы камня — вообще обычное явление. У В. Стефансона приведено интересное словесное сообщение Р. Макферлана[1] о том, что еще во 2-й половине XIX в. эскимосы регулярно совершали поездки на 600 км по р. Мэкензи к форту Доброй Надежды, даже через область враждебных им индейцев, только для того, чтобы привезти оттуда камень, необходимый им для изготовления ножей и наконечников стрел. Но, как показывают наблюдения над австралийскими племенами, получение нужного материала нередко происходит также не путем личного добывания его прибывшими представителями племен, а путем обмена на какие-либо другие предметы с племенем, на территории которого находятся залежи камня. Само собой разумеется что такой обмен никак нельзя назвать торговлей.

Итак, археологический и этнографический материалы позволяют допустить в каменном веке только случайный обмен между общинами или отдельными лицами. При этом отчуждаемые вещи имеют лишь потребительскую стоимость.

Иное положение наблюдается при анализе археологического материала, характеризующего племена, развивавшие раннее скотоводство. Так, например, известно широкое распространение в причерноморских степях различных вещей северокавказского типа и предметов, характерных для племен катакомбной культуры на Северном Кавказе в 1-й половине II тысячелетия до н. э. Такие вещи встречаются уже не в одном-двух-трех погребениях, а во многих, и составляют специфическую черту данной культуры. Здесь мы находимся у порога товарного обмена, а, следовательно, у истоков образования эквивалентной формы стоимости.

И, наконец, иной тип обмена мы наблюдаем в областях Восточного Средиземноморья незадолго до образования там ранних государств. Здесь уже в бронзовую эпоху с ростом первых городов возникает довольно широкий регулярный обмен разнообразными продуктами производства. Особенно резко это проявляется, разумеется, ближе к центрам возникающей городской жизни. Уже в Трое VI встречается привозная критомикенская керамика разных типов, от позднеминойской 1 до позднеминойской 3 (середина II тысячелетия до н. э.). Вскоре аналогичное явление наблюдается и в материковой Греции. В элладических погребениях этого времени оказываются те же признаки накопления богатств, что и в Майкопском кургане; это явления одного порядка, но между ними существует большое различие. Погребения в Майкопском кургане или в дольменах станицы Новосвободной характеризуют вождей далекого (по отношению к Восточному Средиземноморью) севера, вождей племен, еще не втянутых в регулярный обмен; крайняя скудость находок привозных вещей того времени в рядовых погребениях говорит о том, что привозные вещи были приобретены, вероятно, в результате войн. В материковой Греции привозные изделия к середине II тысячелетия до н. э. распространены на значительных пространствах. Находки не особенно дорогих вещей чужого происхождения, в частности керамики (очевидно, в качестве вместилищ для продуктов), встречаются в разных местах, не только в погребениях, но и на поселениях Балканского полуострова. Из массы примеров, которые можно было бы привести, беру только некоторые.

В Фессалии в памятниках досесклского периода (2-я половина III тысячелетия до н. э.) были найдены египетские печати, амулеты, фаянсовые бусы (в Зигурисе, Агиос Космосе, Азине и др.); во Фракии, в Хумска Чука

[1] В. Стефансон. Охотники Крайнего Севера. М., 1929, стр. 23, 24.

и Чесма,— минойская керамика и бронзовый микенский кинжал; в древнем слое Юнатицы — раннеэлладический аск; в памятниках культуры Веселиново — троянские (Троя 1 и 2) металлические изделия, каменные боевые топоры, двуручные кубки; в Тель-Мечкуре (культура Гумельницы) —аски. На нижнем Дунае аски были найдены в Гумельнице, Видре, Черноводе, Пилаве. В Касчиоареле обнаружены троянского или кикладского типа шарообразный сосуд на ножке и жертвенная чаша на четырех ножках с головой быка (эгейский мир); в Фидалезани — черепки минойских сосудов; в Гумельнице двуручная миска, типичная для культуры Салькуци — Бабани — Гнилани, алтарик с изображением глаз, идентичный такому же из Свято-Кириллова. В пещере Моравица (культура Гнилани) оказались вещи гумельницкого типа; в памятниках культуры Салькуци — Бабани — Гнилани — аски, двуручные миски, амфоры и другие предметы[1].

Таким образом, мы подошли к трудному и запутанному вопросу о времени возникновения товарного производства и о возможности его существования при первобытно-общинном строе. С этим вопросом отчасти связан вопрос о существовании городов при первобытно-общинном строе.

Мне представляется, что этот вопрос не столько труден, сколько запутан вследствие различного понимания того, что надо считать гранью между первобытной общиной и ранним классовым государством.

Несмотря на то, что Ф. Энгельс, как я уже отметил выше, и В. И. Ленин[2] совершенно отчетливо определили основные признаки государства, тем не менее в археологической литературе еще нередко можно встретить заключения о наличии у того или иного общества государства только на том основании, что археологический материал указывает на существование в данном обществе довольно развитого рабства и товарного производства[3].

Такой способ доказательства мне представляется неправильным, если бы даже вывод о наличии классового государства и соответствовал действительности. Метод доказательства наличия классовой общественно-экономической формации и государства на основании только таких признаков, как рабский труд и товарное производство, или отрицание наличия первобытно-общинного строя только на основании существования в данном обществе рабского труда и товарного производства противоречит основному марксистскому положению о том, что ни одна общественно-экономическая формация не может возникнуть до тех пор, пока в недрах старого общественного строя не разовьются полностью элементы нового, противоречия которых со старым общественным строем в конце концов взрывают старую оболочку. Следовательно, рабовладение, рабский труд, товарное производство, разделение общества на классы и прочие элементы классового общества должны развиться до известной степени еще в недрах первобытно-общинного строя. К сожалению, приходится повторять эти положения, так прекрасно изложенные в 9-й главе труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Не рабо-

---

[1] V. Milojčič. Chronologie der jüngeren Steinzeit, стр. 38, 39, 56, 58. 59, 63, 64.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 437, 438.

[3] Например, у А. П. Смирнова (Путеводитель по V—VII залам Гос. Исторического музея. М., 1939, стр. 11), Б. Н. Гракова, М. И. Артамонова и др. (См. А. И. Мелюкова. Конференция ИИМК, посвященная вопросам скифо-сарматской археологии. КСИИМК, вып. XLIX, 1953). Характерна в этом отношении рецензия Б. Гарданова на книгу С. А. Токарева «Общественный строй якутов в XVI — XVIII вв.», Якутск, 1945 (см. СЭ, 1946 № 2, стр. 218 и сл.).

владение и не товарное производство отмечают грань между первобытно-общинным строем и первой классовой общественно-экономической формацией и государством, а овладение государственной властью классом-эксплуататором — рабовладельцами или феодалами.

Не рабовладение (или крепостничество) и развитие товарного производства (а, следовательно, и города) являлись необходимыми условиями для возникновения государства. Необходимо было второе великое общественное разделение труда — отделение ремесла от земледелия[1].

В данный момент нас интересует вопрос о том, как долго, судя по археологическому материалу, мог продолжаться период начального развития товарного производства в недрах первобытно-общинного строя.

Уже из приведенных примеров можно видеть, что в Восточном Средиземноморье первые признаки товарного производства относятся к большой древности. Установить же продолжительность переходного периода от первобытно-общинного строя к классовой общественно-экономической формации представляется более чем затруднительным, если мы не располагаем для данного конкретного случая письменными источниками. Археологический материал как таковой не может осветить вопроса, когда фактически и формально власть переходила от разлагавшихся органов древнего общинного самоуправления к представителям класса-эксплуататора. Но можно с уверенностью сказать, что этот переходный период длился не одну сотню лет. Примером может служить Греция, где рабовладение и товарное производство просуществовали и развивались в недрах первобытно-общинного строя, по меньшей мере, с гомеровской эпохи до реформ Солона или Клисфена.

---

[1] Поэтому ни земледелие, ни скотоводство сами по себе не могли служить базой для возникновения государства. Племена Нового Света столетиями практиковали земледелие, основой производства материальной жизни древних германцев было скотоводство, но ни те, ни другие не поднялись выше военной демократии.

В. В. ЧЕРДЫНЦЕВ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ АБСОЛЮТНОГО ВОЗРАСТА ПАЛЕОЛИТА

I. ОСНОВЫ РАДИОАКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОПРЕДЕЛЕНИЯ АБСОЛЮТНОГО ВОЗРАСТА

Определение абсолютного возраста природных объектов стало возможным после того, как был открыт радиоактивный распад неустойчивых атомных ядер, поскольку вероятность радиоактивных процессов в термодинамических условиях земной коры практически не зависит от внешней среды. Математическим выражением этого является закон радиоактивного распада, описывающий уменьшение содержания данного изотопа от начальной величины n_0 до современной величины n, согласно уравнению:

$$n = n_0 e^{-\lambda t}, \tag{1}$$

где λ — константа радиоактивного распада — величина постоянная для каждого радиоактивного элемента, выражающая вероятность распада одного атома в единицу времени.

Часто пользуются более наглядной величиной — периодом полураспада T, определяющим время, за которое начальное содержание данного радиоэлемента уменьшится наполовину. Это время не зависит от концентрации радиоэлемента и связано с константой распада простым выражением:

$$T = \frac{\ln 2}{\lambda} \approx \frac{0{,}693}{\lambda}. \tag{2}$$

Для различных радиоактивных веществ период полураспада изменяется в очень широких пределах: от ничтожных долей секунды до многих миллиардов лет, но радиоэлементы со столь различными свойствами подчиняются одному и тому же закону распада вида (1), с различными значениями λ.

В природе известно большое число как естественных радиоэлементов, существующих в земной коре со времени образования Земли, так и искусственных радиоэлементов, непрерывно образующихся в ходе некоторых ядерных реакций.

К тяжелым естественным радиоэлементам относятся торий и уран. Элемент уран состоит из двух независимых и генетически не связанных изотопов, т. е. атомов одного элемента, обладающих различным атомным весом и разными радиоактивными свойствами при одинаковом заряде ядра. Это собственно уран UI, с атомным весом 238 (U^{238}) и актиноуран AcU с атомным весом 235 (U^{235}). Природный уран земной коры представляет смесь этих изотопов с постоянным отношением $\frac{AcU}{U} = 0{,}715\%$, но активность актиноурана, т. е. число атомов, распадающихся в единицу времени, составляет 4,6% от активности урана ввиду большей вероятности распада актиноурана.

Торий, уран и актиноуран, распадаясь, образуют продукты, которые сами являются неустойчивыми и, в результате ряда последовательных превращений с испусканием альфа-лучей (атомных ядер гелия) или бета-лучей (быстрых электронов), переходят в некоторые конечные устойчивые продукты распада — изотопы свинца. Таким образом, в природе имеются три ряда естественных радиоэлементов. Для достаточно древних систем, для большинства первичных минералов земной коры, радиоэлементы успевают прийти в состояние радиоактивного равновесия. В этом состоянии число атомов отдельных элементов n прямо пропорционально периоду полураспада T, т. е. отношение:

$$\frac{n_1}{T_1} = \frac{n_2}{T_2} = \frac{n_3}{T_3} \text{ и т. д.} \tag{3}$$

является постоянным для данного ряда радиоактивного распада (индексы 1, 2, 3... относятся к различным членам ряда). Поэтому, например, в случае равновесия уранового ряда долгоживущего родоначальника — урана оказывается в три миллиона раз больше, чем короткоживущего радия, и почти в пятьсот миллиардов раз больше, чем еще более короткоживущей эманации радия — радона. Активности отдельных радиоэлементов в состоянии равновесия становятся равными, несмотря на большое различие в периодах распада и в других свойствах отдельных изотопов.

Процессы миграции элементов вызывают значительное отклонение радиоэлементов от равновесного состояния. В этом случае количественное содержание изотопов определяется сложными соотношениями, которые зависят как от времени существования системы, так и от условий миграции.

Рассмотрим идеальный случай выделения материнского вещества, например, родоначальника уранового ряда — урана, и образования вторичного минерала, в котором в начальный момент из всех возможных радиоэлементов содержится только уран. Будем считать, что после образования этого минерала он уже не подвергается физико-химическим воздействиям внешней среды. При распаде урана накапливаются продукты распада, которые стремятся к некоторому предельному содержанию, отвечающему состоянию радиоактивного равновесия. Наиболее долгоживущие продукты распада урана: изотоп тория ионий Io и радий Ra. Накопление этих радиоэлементов происходит по следующим законам:

$$\mathrm{Io} = \mathrm{U}\,(1 - e^{-\lambda_{\mathrm{Io}} t}); \tag{4}$$

$$\mathrm{Ra} = \mathrm{U}\left(1 - \frac{\lambda_{\mathrm{Ra}}}{\lambda_{\mathrm{Ra}} - \lambda_{\mathrm{Io}}}\, e^{-\lambda_{\mathrm{Io}} t} + \frac{\lambda_{\mathrm{Io}}}{\lambda_{\mathrm{Ra}} - \lambda_{\mathrm{Io}}}\, e^{-\lambda_{\mathrm{Ra}} t}\right), \tag{5}$$

где λ_{Io}, λ_{Ra} — константы распада иония и радия.

Для достаточно большого времени эти выражения переходят в равновесные соотношения:

$$\mathrm{Ra} = \mathrm{Io} = \mathrm{U},$$

при которых активности радиоэлементов равны.

Скорость перехода в состояние равновесия определяется периодом полураспада наиболее долгоживущего продукта распада. В данном случае таковым является ионий с периодом полураспада $T_{\mathrm{Io}} = 80$ тыс. лет, и время перехода в состояние практического равновесия для урана составляет несколько сот тысяч лет.

При распаде актиноурана образуется актиниевый ряд распада, названный так по одному из продуктов распада — элементу актинию. Во

вторичном минерале, содержащем уран, происходит накопление не только продуктов уранового ряда, но и продуктов актиниевого ряда, причем накопление актиния следует закону, аналогичному законам (4; 5):

$$Ac = AcU(1 - e^{-\lambda_{Pa} t}), \qquad (6)$$

где λ_{Pa} — константа распада протактиния, наиболее долгоживущего промежуточного продукта распада актиниевого ряда. Период полураспада протактиния составляет $T_{Pa} = 3{,}4 \cdot 10^4$ лет, и актиниевый ряд приближается к состоянию равновесия за 200—300 тыс. лет.

После установления радиоактивного равновесия соотношение радиоэлементов не изменяется, но происходит постоянное накопление конечных устойчивых продуктов распада — гелия и изотопов свинца. Определив содержание начального и конечного продуктов распада и зная закон распада, легко установить время существования данной системы. Идея применения радиоактивного распада как эталона времени была высказана еще в 1902 г. Пьером Кюри и легла в основу радиологических методов определения абсолютного возраста древних минералов земной коры по накоплению в них свинца или гелия. В Советском Союзе работы по абсолютному возрасту были широко развиты основоположниками геохимии радиоэлементов академиками В. И. Вернадским и В. Г. Хлопиным. Разумеется, термин «определение абсолютного возраста» означает только то, что при этом возраст дается в абсолютных единицах, например, в тысячах или миллионах лет, а не предполагает абсолютно точного определения возраста.

В результате работ В. Г. Хлопина, И. Е. Старика и др. установлено следующее важное положение. Для определения абсолютного возраста пригодны только такие природные объекты, на которые воздействие внешней среды было малым. Привнос или уход радиоэлементов и продуктов распада смещает соотношение изотопов, установившееся за время существования данного объекта. Миграция элементов является основным фактором, затрудняющим исследования по геохронологии, и для определения абсолютного возраста пригодны только минералы, обладающие весьма хорошей сохранностью. Школой академика В. Г. Хлопина были детально разработаны критерии, определяющие условия пригодности геохронологических методов для конкретных случаев установления абсолютного возраста. В настоящее время при работах по определению возраста древних минералов используются распад и накопление различных радиоэлементов. Известно несколько вариантов «свинцового» метода определения возраста, гелиевый метод, ксеноновый метод, предложенный В. Г. Хлопиным, аргоновый метод, развитый учеником В. Г Хлопина — Э. К. Герлингом, рубидиевый метод, использующий распад неустойчивого изотопа Rb^{87} и т. д.

Наряду с естественными радиоэлементами в земной коре непрерывно образуются и распадаются искусственные радиоэлементы. В наибольших масштабах этот процесс происходит в земной атмосфере. Нейтроны, входящие в состав вторичных космических лучей, активно взаимодействуют с основным компонентом атмосферы — азотом, согласно реакциям:

$$\underset{\text{азот}}{N^{14}} + \underset{\text{нейтрон}}{n^1} = \underset{\text{радиоуглерод}}{C^{14}} + \underset{\text{протон (ядро водорода)}}{H^1} \qquad (7)$$

или

$$\underset{\text{азот}}{N^{14}} + \underset{\text{нейтрон}}{n^1} = \underset{\text{углерод}}{C^{12}} + \underset{\text{тритий (радиоводород)}}{H^3} \qquad (8)$$

Изотопы C^{14} и H^3 неустойчивы и в дальнейшем распадаются по схеме:

$$\left.\begin{array}{ll} C^{14} \rightarrow N^{14} & + e^-; \\ H^3 \rightarrow He^3 & + e^- \\ \text{легкий изотоп гелия} & \text{бета-частица (электрон)} \end{array}\right\} \quad (9)$$

Периоды полураспада достаточно велики ($T_{C^{14}}=5568$ лет и $T_{H^3}=12{,}262$ лет), что приводит к заметному накоплению этих изотопов, особенно радиоуглерода, в поверхностных слоях земли. Атом тяжелого углерода C^{14} окисляется до углекислоты и вместе с ней активно участвует в круговороте углерода. Ежегодно за счет ядерных реакций образуется около 10 кг радиоуглерода. Установившаяся реакция привела к накоплению на Земле массы радиоуглерода в 80 тонн. Это количество невелико, но оно концентрируется только в том углероде, который участвует в процессах биосферы, входя в углекислоту и карбонатные ионы морской воды, в органические соединения растительного мира,в карбонатные скелеты организмов и углекислоту атмосферы. Относительное содержание C^{14} в углероде биосферы составляет $1{,}5\cdot10^{-10}\%$, что соответствует значительной активности в 15—16 актов распада в минуту на 1 г углерода. К сожалению, ничтожная энергия распада C^{14} (в среднем — около 150 килоэлектронвольт, что в 100 раз меньше энергии альфа-лучей естественных радиоэлементов) сильно затрудняет исследование радиоуглерода.

В углеродистых телах, вышедших из активного круговорота вещества, например, в древесине, костях и т. д., происходит распад радиоуглерода по схеме:

$$C^{14} = C_0^{14} e^{-\lambda_{C^{14}} t} \quad (10)$$

где C_0^{14}, C^{14} — относительные концентрации радиоуглерода в момент образования данного объекта и в настоящий момент.

Это выражение, как мы увидим ниже, можно использовать для определения возраста.

При определении абсолютного возраста следует различать две связанные, но различные задачи: 1) определение возраста данного объекта и 2) установление хронологической шкалы отдельных исторических эпох. Очевидно, что для решения второй, более общей задачи необходим тщательный отбор образцов, каждый из которых должен служить репером, тесно связанным с определенной стадией развития Земли или человеческого общества. Только правильный выбор образцов, удовлетворяющих радиолога с точки зрения возможности применения радиологических методов определения возраста и привязанных к относительной геохронологической шкале, может обеспечить успех исследований. Поэтому работы по установлению абсолютного возраста требуют постоянного и тесного контакта радиологов и представителей исторических и естественных наук — геологов, археологов, палеонтологов и т. д.

Выполняя подобные работы, следует широко применять различные методы определения возраста и проводить измерения на разных природных объектах, относящихся к одной и той же исторической стадии. Вообще говоря, нельзя указать какого-либо универсального метода определения абсолютного возраста, который заведомо лучше других методов и приложим ко всем природным телам различного вида и возраста. Отдельные методы оказываются пригодными только для некоторых природных образований и для определенных временных интервалов. Так, например, наиболее надежные значения абсолютного возраста древних геологических

эпох найдены из критического сравнения данных, полученных для различных минералов при комбинированном применении различных методов (многообразные вариации свинцового метода, аргоновый, рубидиевый и гелиевый методы).

Сейчас на основании достаточно достоверных данных по абсолютному возрасту построена шкала геологической хронологии. С несколько меньшей точностью устанавливаются такие космогонические вехи, как время образования элементов, солнечной системы и земной коры. Гораздо хуже разработана хронология четвертичного времени и истории первобытного общества. Однако в последние годы появился ряд методов, позволяющих разрешить эту задачу, и можно надеяться, что абсолютное время основных периодов археологической шкалы будет установлено в недалеком будущем.

2. ОПРЕДЕЛЕНИЕ АБСОЛЮТНОГО ВОЗРАСТА МОЛОДЫХ ПРИРОДНЫХ ОБЪЕКТОВ, РАДИОУГЛЕРОДНЫЙ МЕТОД

Определять возраст молодых объектов радиологическими методами можно, изучая и короткоживущие продукты распада естественных радиоэлементов, и искусственные радиоэлементы земной коры. При этом используют процессы распада и накопления некоторых неустойчивых изотопов. В этом разделе мы рассмотрим возможности, которые открывает изучение распада короткоживущих радиоэлементов.

Допустим, что данный природный объект в момент образования, благодаря подходящим физико-химическим условиям, захватывает некоторый радиоэлемент в чистом виде, т. е. без материнских веществ. Тогда его количество убывает со временем согласно простому закону распада, типа (1). Для радия, например:

$$\mathrm{Ra} = \mathrm{Ra}_0 e^{-\lambda_{\mathrm{Ra}} t} \tag{11}$$

Очевидно, зная начальное и современное содержание радия Ra_0 и Ra, из выражения (1) легко вычислить возраст существования системы:

$$t = \frac{1}{\lambda_{\mathrm{Ra}}} \ln \frac{\mathrm{Ra}_0}{\mathrm{Ra}} = 5390 \lg_{10} \frac{\mathrm{Ra}_0}{\mathrm{Ra}} \text{ [лет]} \tag{12}$$

Определять возраст по накоплению устойчивых продуктов распада практически невозможно, так как абсолютное содержание короткоживущих продуктов распада очень мало. Основная трудность метода — оценка начального содержания радиоэлемента; это требует критического исследования физико-химических условий состояния системы и всегда связано с некоторой неопределенностью. Радиевый метод, как это следует из уравнения (12), позволяет изучать природные объекты с возрастом приблизительно до 10 тыс. лет. Метод прост и удобен из-за сравнительной легкости экспериментального определения малых количеств радия.

Впервые радиевый метод был предложен в 1936 г. советским физиком Л. М. Курбатовым для определения возраста железистомарганцевых конкреций морских отложений[1]. Радий, образующийся в морской воде из находящегося в ней урана, неустойчив в сульфатной среде и легко соосаждается с марганцем и железом при образовании конкреций. В первом приближении допустимо полагать, что относительное содержание радия в осаждающемся веществе остается постоянным на всем протяжении про-

[1] Л. М. Курбатов — «Nature», 1936, № 137, стр. 949; Л. М. Курбатов и М. М. Ермолаев — ИАН, серия геол., 1948, № 1, стр. 131.

цесса. Исследования показали, что содержание радия уменьшается при переходе от внешних слоев конкреции к внутренним слоям. Это можно объяснить тем, что радий в этих более старых слоях уже успел распасться. Применяя выражение (12), Л. М. Курбатов определил время роста одной конкреции в 4 тыс. лет. Также доказано уменьшение содержания радия в древних травертинах, отложениях вод горячих источников. Глубинные воды обычно обогащаются радием за время длительной подземной циркуляции. По химическим свойствам радий — близкий аналог бария —также образует хорошо растворимые хлориды и трудно растворимые сульфаты и карбонаты. Поэтому радий неустойчив в щелочной среде подземных вод и удерживается в них только из-за крайне малого количественного содержания. Однако он легко осаждается из раствора при выходе на поверхность, когда резкое изменение температуры и потеря газовой фазы вызывают обильное выпадение железистых или карбонатных травертинов. В табл. 1 приведено содержание радия и его короткоживущих изотопов AcX и ThX, генетически относящихся к другим рядам радиоактивного распада, в отложениях, воде и вмещающей породе термального источника Джермук (Арм. ССР) по данным, полученным нами совместно с Н. С. Страшниковым и О. Л. Асановой.

Таблица 1

Объект	Содержание			
	Ra	AcX в эквивалентных единицах	ThX в единицах равновесного тория 10^{-10}%	$\frac{ThX}{Ra}$ в единицах равновесного тория и урана
	10^{-10} %			
Молодые травертины	29	0,7	11	0,13
Древние »	0,27	<0,07	<0,02	<0,03
Вода, отлагающая травертины	—	—	—	1,1
Вмещающие горные породы	0,9	1	5,8	2,0

Содержание радия уменьшается в 100 раз при переходе от молодых к древним травертинам, и возраст древних травертинов составляет около 10 тыс. лет, если принять, что начальное содержание радия в выпадающих травертинах было постоянным. Возможные колебания этой величины способны изменить найденное значение возраста только незначительно, едва ли более, чем на 10%. Отношение тория-икс к радию уже для молодых травертинов значительно меньше, чем для воды и вмещающих пород, что косвенным образом связано с малым периодом распада продуктов ториевого ряда. Очень существенно, что для древних травертинов содержание ThX падает ниже измеримой величины. Это свидетельствует о том, что травертины не засорены частицами пыли и почвы, которые образуются при разрушении горных пород и содержат долгоживущие родоначальники ряда распада — торий и уран. Таким образом, торий-икс выступает здесь как своеобразный радиоактивный индикатор, указывающий на применимость радиевого метода к данному объекту. Травертин в момент образования не содержал урана за счет посторонних включений, и радий, наблюдаемый в древних травертинах, вероятно, есть остаток начального обогащения.

Мы привели примеры определения абсолютного возраста морских конкреций и травертинов. Эти данные далеко не всегда могут быть увязаны с относительной хронологией четвертичного периода, но некоторые шаги в этом направлении намечаются. Желательно совмещать исследование радия в травертинах с изучением находящейся в них пыльцы, пользуясь хорошо разработанными методами пыльцевого анализа. В некоторых случаях имеются другие возможности сопоставления. Так, на травертинах курорта Арзни А. П. Демехин обнаружил орудия палеолитического времени[1].

Помимо содержания радия, для определения возраста молодых объектов можно использовать соотношение радия и мезотория (В. В. Чердынцев и А. А. Попов[2], В. П. Савченко[3]), тория-икс и радия (Л. В. Комлев и В. В. Чердынцев[4]), радия и радона[4]. Эти методы эффективны для определения интервалов времени от нескольких дней до десятков и сотен лет, т. е. не представляют интереса для археологии.

Пиггот и Юрри[5] предложили «ониевый» метод определения возраста морских илов, исходя из той предпосылки, что илы увлекают оний (изотоп тория), образующийся из урана морской воды. Однако непосредственно ония авторы не определяли, а ограничились более легкой задачей — изучением продукта его распада — короткоживущего радия. При переходе от поверхностных к глубинным, более старым слоям морских отложений обычно наблюдается сначала некоторое увеличение содержания радия (по объяснению Пиггота и Юрри,— за счет его накопления из ония), а в дальнейшем — уменьшение, вызываемое распадом ония. При этом предположении содержание радия определяется выражением:

$$\mathrm{Ra} = \mathrm{Io}\frac{\lambda_{\mathrm{Ra}}}{\lambda_{\mathrm{Ra}} - \lambda_{\mathrm{Io}}}\left(e^{-\lambda_{\mathrm{Io}}t} - e^{-\lambda_{\mathrm{Ra}}t}\right) + \mathrm{U}. \qquad (13)$$

При полном распаде ония некоторое небольшое остаточное содержание радия в древних морских илах обусловливается следами урана U. Метод представляет значительный интерес, так как его данные можно сопоставить с относительной хронологической шкалой, изучая животные остатки илов. Однако исследования, проведенные в 1953 г. за рубежом[6] и в Советском Союзе, показали, что в морских илах нет того равновесия между ионием и радием, которое следует из выражения (13), а имеется сложное соотношение изотопов, вероятно, определяемое активными процессами миграции радиоэлементов в поверхностной пленке морского дна. В табл. 2, в качестве примера, приведено радиохимическое исследование двух образцов морского ила, взятых с различной глубины одной колонки, по данным Л. И. Шмонина, Б. М. Найденова и В. В. Чердынцева.

Относительный возраст образцов ила, полученный по содержанию радия, актиния и ония, сильно расходится. Повидимому, определение воз-

---

[1] А. П. Демехин. Арзни. Труды Армянского геол. управления. Ереван, 1940; М. З. Паничкина. Палеолит Армении. Гос. Эрмитаж, 1950.

[2] В. В. Чердынцев и А. А. Попов — Труды Гос. радиевого института, 1937, № 3, стр. 278.

[3] См. И. Е. Старик. Радиоактивные методы определения геологического времени. ОНТИ, 1938.

[4] Л. В. Комлев и В. В. Чердынцев — Труды Гос. радиевого института, 1937 № 3, стр. 270; В. В. Чердынцев — Вестник Академии наук Каз. ССР, 1946, № 16—17, стр. 10.

[5] C. Piggot and W. Urry — American Journal of Sciences, 1941, № 2, стр. 239; W. Urry — American Journal of Sciences, 1948, № 246, стр. 684.

[6] N. Isaac and E. Picciotto — «Nature», 1952, № 171, стр. 742.

раста морских илов по радию совершенно невозможно из-за большой миграции этого подвижного элемента. Без дополнительных исследований остается неясным, возможно ли определение возраста морских илов непосредственно по ионию, но, во всяком случае, перспективы метода не слишком велики.

Таблица 2

Образцы морского ила	Глубины от поверхности, в см	R, содержание радиоэлемента в эквивалентных единицах R		
		радия	иония	актиния
1	8—14	5,8	33,3	28
2	21—31	3,9	9,4	22
$\frac{R_1}{R_2}$		1,5	3,6	1,3
Возраст в тысячах лет, вычисленный по распаду изотопа		50	150	10

Обратимся к применению искусственных природных радиоэлементов для определения абсолютного возраста молодых объектов. Либби и его сотрудники предложили метод, основанный на определении содержания радиоуглерода, поступающего в состав организмов на протяжении их жизнедеятельности [1]. Не подлежит сомнению, что основная часть углерода органического происхождения (древесина, уголь, кости) связана с углекислотой, ассимилированной из атмосферы, так что начальная концентрация C^{14} в нем является приблизительно постоянной величиной.

Радиоуглерод образуется под действием космических лучей, которые существенно отклоняются в магнитном поле земли. Однако относительное содержание радиоуглерода в современной растительности не обнаруживает зависимости от геомагнитной широты, что указывает на быстрое распределение радиоуглерода по всей земной поверхности [2]. Были предприняты исследования содержания радиоуглерода в древесине с известным возрастом (внутренние части старых деревьев, продолжительность жизни которых устанавливается по подсчету годовых колец; древесина хорошо датированных археологических памятников; табл. 3). Работы обнаружили уменьшение содержания радиоуглерода в древних образцах в полном соответствии с выражением (10):

$$C^{14} = C_0^{14} e^{-\lambda_{C^{14}} t},$$

т. е. показали применимость определения абсолютного возраста по радиоуглероду.

Это заключение имеет большое научное значение, так как свидетельствует о постоянстве относительного содержания радиоуглерода, а, следовательно, и о постоянстве интенсивности космических лучей на

[1] W. Libby — Report of the Committee of the measurement of geological time, Washington, 1948.

[2] E. Anderson and W. Libby — Physical Review, 1951, № 81, стр. 64.

протяжении ряда тысячелетий. Этот весьма важный для ядерной физики факт находит неожиданное доказательство на археологическом материале.

Следующим этапом работ, естественно, было приложение радиоуглеродного метода к определению абсолютного возраста объектов, для которых историческая хронология отсутствует (табл. 4[1]). Так было определено вре-

Таблица 3

Образец	Активность радиоуглерода (число актов распада на 1 г углерода)	Возраст, в годах	
		по активности	по археологическим данным
Дерево из раскопок VI в. (ель)	10,99±0,15	1042±80	1371±80
Египетский саркофаг птолемеевской эпохи	9,50±0,4	2190±150	2149±150
Древесина из раскопок дворца (Сирия)	9,18±0,13	2600±150	2642±50
Внутренняя часть древесины секвойи	8,68±0,17	2710±130	2928±52
Погребальная ладья гробницы Сенусерта III (Египет, Среднее царство)	7,97±0,30	3621±180	3792±55
Гробницы Снофру и Джосера (Египет, Древнее царство)	7,04±0,20	4500±250	4600±75

мя последних оледенений Северной Америки, время появления человека в отдельных районах американского континента, возраст некоторых культур (мезолит в Иране, древние культуры Америки, верхний палеолит Франции и т. д.). Эти данные заставили пересмотреть многие даты, принятые в археологии и четвертичной геологии. Так, например, время последнего оледенения Северной Америки может быть удалено от нас на 11 тыс. лет, а не на 20—30 тыс. лет, как принимали раньше. Человек в Перу появился, по крайней мере, 8,5 тыс. лет, а не 5 тыс. лет тому назад, как считали американские археологи. Значительно раньше, чем это предполагалось, возникли первые земледельческие культуры в Мексике и Перу.

Основное достоинство радиоуглеродного метода — практическое постоянство начального содержания C^{14} в углероде, ассимилированном из атмосферы. Усвоение радиоуглерода происходит при жизни организма, т. е. определяемый возраст с достаточной точностью указывает на время его жизни.

Малая энергия излучения радиоуглерода затрудняет его исследование. При современной лабораторной технике концентрация C^{14}, в сотни раз меньшая, чем в современном углероде биосферы, уже лежит на пределе возможности измерения. Это определяет верхний предел применимости радиоуглеродного метода приблизительно в 45 тыс. лет. Дальнейшее развитие метода возможно и в направлении совершенствования современной аппаратуры, и путем предварительного обогащения исследуемого углерода тяжелым изотопом. Однако даже значительное уточнение метода может привести только к сравнительно небольшому сдвигу указанного верхнего предела возраста.

Радиоуглеродный метод оказывается весьма перспективным для установления абсолютного возраста объектов в интервале до 10—15 тыс. лет, что по археологической шкале охватывает неолит, мезолит и последние периоды верхнего палеолита. Это определяет повышенный интерес

[1] F. Johnson. Radiocarbon dating. American Antiquity, 1951, XVII, № 1, стр. 2.

археологов к радиоуглеродному методу. В настоящее время работы с C^{14}, несмотря на их сравнительную сложность и трудоемкость, успешно ведутся за рубежом и в нескольких лабораториях Советского Союза. Следует, однако, отметить, что американские обзоры, обсуждающие данные радиоуглеродного метода, склонны замалчивать некоторые теневые стороны этого метода. Прежде всего, помимо точности, определяемой методикой измерения, возможны ошибки, обусловленные методикой исследования, пред-

Таблица 4

Образец	Глубина, в футах	Возраст, в годах
1. Нью-Мексико. Бэт-кэв	0—1	1752±250
Уголь	1	1610±200
Дерево	1—2	1907±250
»	2—3	2239±250
Уголь	2—3	2816±200
Зерно	3—4	2249±250
Уголь	3—4	2048±170
Дерево	4—5	2862±250
Уголь	5—5,5	5931±310
2. Перу. Ниаса Приета	6	2966±300
Дерево	22	3550±600
Контроль	22	1989±196
Дерево	30	4380±270
Раковины	36	3572±220
Дерево	36	4257±250
3. Ирак. Ярмо. Докерамические слои	—	6707±320
4. Англия. Кимберленд. Ихенсайд. Неолит	—	4964±300
5. Египет. Эль-Омари. Уголь. Средний додинастический период	—	5256±230
6. Англия. Стар-кэр. Мезолит	—	10167±560
Контроль	—	8808±490
Среднее	—	9488±350
7. Иран. Бэлт-кэв. Обожженные кости. Мезолит	—	8085±1400
Слой	10	10560±1200
»	15—16	8545±500
8. Чили. Пещера Милодона. Животные остатки	—	10800±570
Контроль	—	10864±720
Среднее	—	10832±400
9. Ангола. Дерево, пропитанное карбонатами. Поздний верхний плейстоцен	—	11189±490
10. Франция. Дордонь. Пещера Ласко. Уголь. Верхний палеолит	—	15516±900

посылками, лежащими в ее основе. Современное содержание C^{14} в углероде растительности подвержено некоторым, сравнительно небольшим колебаниям. Это понятно хотя бы потому, что углекислота атмосферы не является единственным источником, снабжающим живые организмы углеродом. Определенная часть его поступает в результате усвоения бикарбонатного иона природных вод, а в углероде этих вод содержание

радиоуглерода, во всяком случае, гораздо меньше, чем в атмосфере, если только не падает до нуля. Доказано разделение изотопов углерода при усвоении его растительными и животными организмами. Углерод растительности обогащается легким изотопом устойчивого углерода C^{12}, а углерод животного мира—тяжелым устойчивым изотопом C^{13}. Если отношение устойчивых изотопов углерода в среднем для пород земной коры (а также для метеоритов) составляет $\frac{C^{12}}{C^{13}} = 92$, то для растительного углерода это отношение равно 93, а для животного углерода — 90. Эффект является одним из подтверждений блестящего прогноза академика В. И. Вернадского о разделении изотопов живым веществом[1]. Еще больше разница содержания C^{14} в растительном и животном углеродах. Опыты показывают, что последний относительно обогащен радиоуглеродом, приблизительно на 9%.

Предположение, что в неживом органическом веществе не происходит обмена изотопов углерода с окружающей средой, пригодно только в качестве первого приближения. Влияние внешней среды выступает в радиоуглеродном методе, так же как и в других методах определения абсолютного возраста, в качестве фактора, нарушающего те соотношения изотопов, которые установились только за счет радиоактивного распада, и затрудняет применение радиологических методов хронологии. Ряд нарушений в последовательности возраста для объектов с различной глубины одного археологического раскопа, приведенных в табл. 4, вероятно, объясняется особенностями миграции изотопов углерода. Вряд ли следует считать эти расхождения случайными. С такой же убедительностью можно утверждать случайность достаточного соответствия отдельных определений. На самом деле исследователь встречается с фактором, кладущим принципиальный предел применимости радиоуглеродного метода в современном его состоянии. Особенно велика должна быть погрешность для достаточно древних образцов. Следует заметить, что американские авторы приводят значение возраста с такой точностью, которая далеко не гарантируется даже точностью измерения. Так, например, возраст костного угля из пещеры Ласко оценивается в 15516 ± 900 лет. Очевидно, что погрешность определения затрагивает вторую значащую цифру этой величины, и приводить последние значащие цифры не имеет смысла. Однако это касается только точности измерения. В действительности точность исследования значительно меньше вследствие действия геохимических факторов миграции углерода.

3. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ АБСОЛЮТНОГО ВОЗРАСТА ПАЛЕОЛИТА

Радиоуглеродный метод «захлебывается» в верхних слоях верхнего палеолита, и для оценки возраста палеолита в целом необходимо применение иных методов определения абсолютного возраста. Прежде всего остановимся на относительной хронологии палеолита. Палеолит археологов приблизительно соответствует четвертичному периоду геологии. Несмотря на то, что развитие археологии, четвертичной геологии и палеозоологии тесно связано, различные научные дисциплины создают самостоятельные шкалы относительной периодизации, причем эта работа далеко не завершена, а тем более не выполнены сопоставление и синхронизация отдельных хронологий.

Самостоятельную периодизацию имеют гляциология, палеонтология,

[1] В. И. Вернадский. Очерки геохимии. 1926.

антропология и археология. Не касаясь подробностей этого сложного вопроса, отметим, что, например, в гляциологии еще нет единой точки зрения на число и интенсивность оледенений земной поверхности. Палеонтологический метод, давший блестящие результаты в применении к стратиграфии древних геологических эпох, встречает значительные трудности для относительно короткого четвертичного периода, так как его продолжительности недостаточно для существенной эволюции животного мира. Что касается пыльцевого анализа, который успешно развивает четвертичная палеоботаника, то с его помощью в основном отмечают колебания климатического режима. Скудость следов первобытного человека приводит к тому, что антропологическая и археологическая шкалы до сего времени существуют независимо, и некоторые детали их синхронизации еще являются дискуссионными.

Существующее положение настоятельно требует применения объективных методов, опирающихся на физико-химические изменения исследуемых образцов. Относительная шкала четвертичного времени строится, главным образом, на остеологическом материале. Этот материал весьма важен для построения археологической шкалы, при котором основная роль принадлежит памятникам материальной культуры. Археологическая шкала допускает наиболее детальное расчленение из-за наибольшей изменчивости параметров, характеризующих развитие человеческого общества, по сравнению с параметрами других относительных шкал четвертичного времени. Поэтому археологическая шкала, как нам кажется, должна лежать в основе четвертичной периодизации, независимо от области применения.

Ископаемые кости подвержены в той или иной мере минерализации. Если бы этого процесса не происходило, то подавляющее большинство костного материала было бы разрушено под физико-химическим воздействием внешней среды, за исключением специфических условий, например, вечной мерзлоты. Минерализация костей изучена весьма слабо. Этот процесс безусловно связан с разрушением органических соединений кости (коллагена) и с привносом некоторых посторонних веществ — сульфатов и карбонатов, а также некоторых микрокомпонентов природных растворов, как, например, фтора, урана и т. д. Процесс минерализации различными веществами протекает неравномерно и с различной средней скоростью. С увеличением возраста в окаменелых костях в среднем возрастает содержание фтора, что, вероятно, связано с переходом фосфатов кости в устойчивое состояние минерала фторапатита. Возможно, что обогащение фтором происходит за счет не только природных вод, но и подземных газов, несколько обогащенных летучими соединениями этого элемента. Однако концентрация фтора в гипергенной зоне, вообще говоря, невелика. По академику А. П. Виноградову, среднее содержание фтора в почвах составляет около 0,02%, причем большее количество находится в неактивной форме, входя в трудно растворимые минералы[1]. Накопление фтора в ископаемых костях происходит весьма медленно, заканчиваясь, повидимому, только ко времени мезозоя, что соответствует абсолютному возрасту около 100 млн. лет. Работы ряда исследователей, например, В. В. Даниловой, показали, что содержание фтора в среднем увеличивается с возрастом костей, хотя пределы колебаний относительного содержания фтора в костях различных эпох широко перекрываются[2].

---

[1] А. П. Виноградов. Геохимия редких и рассеянных химических элементов в почвах. Изд. Академии наук СССР, 1950.

[2] В. В. Данилова — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода, 1946, № 8, стр. 38.

Гораздо быстрее происходит разложение органических веществ ископаемых костей. Этот процесс обычно заканчивается к низам четвертичного периода. И. Г. Пидопличко обнаружил, что в среднем содержание органических веществ, которое находится простым и обычным в аналитической практике методом определения потерь при прокаливании, уменьшается с увеличением возраста, хотя пределы колебаний потерь при прокаливании костей одного периода также широко перекрываются[1].

Очевидно, методы определения возраста по фтору и потерям при прокаливании дают только вспомогательные, ориентировочные сведения. Разные условия внешней среды приводят к различной скорости изменения минерализованных костей при однозначной направленности процессов увеличения фтора и потерь органических веществ. Тем более эти методы не могут претендовать на определение абсолютного возраста.

Что касается абсолютной продолжительности четвертичного периода, то она оценивается различными авторами приблизительно от 200—300 тыс. до 1 млн. лет. Порядок этой величины не вызывает сомнения, но развитие археологии и четвертичной геологии невозможно без точного знания продолжительности отдельных стадий четвертичного периода. Для археологии крайне важно располагать сведениями не только об одновременности или разновременности различных культур, но и об их абсолютном возрасте, что, повидимому, остается неразрешимой задачей, пока археология не овладеет методами установления абсолютной хронологии палеолита. Почти единственным методом абсолютной геохронологии является использование радиоактивных процессов. Кроме того, можно указать специфические методы определения абсолютного возраста по годовым кольцам деревьев и годовым отложениям ленточных глин. Метод ленточных глин представляет значительный интерес при установлении возраста до 10—12 тыс. лет, но теряет применимость для палеолита.

Накопление урана в окаменелых костях связано с циркуляцией капиллярных поверхностных вод, которые обычно относятся к сульфатному типу, что благоприятствует нахождению в них урана. Вероятно, в некоторой мере процессы накопления сульфатов и обогащение окаменелых костей ураном протекают параллельно, хотя содержание урана зависит от большого числа факторов, которые сейчас еще не изучены, и подвержено сильным колебаниям. Содержание урана в костях невелико и редко существенно превосходит его среднюю распространенность в породах земной коры, но его геохимическое состояние совершенно отлично. Уран привносится в процессе минерализации в достаточно чистом виде, без своих продуктов распада и без продуктов ториевого ряда, с которыми он неразрывно связан в горных породах. Достаточно долгоживущими продуктами распада изотопов урана являются радий, ионий, протактиний и изотоп свинца — RaD. Радий (а также RaD) по своим химическим свойствам неустойчив в сульфатных растворах. Поэтому геохимическое поведение урана и радия в гипергенной зоне в известной степени антагонистично. Следует, однако, отметить, что начальное обогащение радием не слишком важно при изучении достаточно старых окаменелых костей ввиду сравнительно большой скорости распада радия (T_{Ra} = 1622 года). Еще меньше период полураспада у RaD (22 года).

По определениям В. И. Мешкова и автора, содержание тория в окаменелых костях обычно лежит за пределами измерения. Эффективное отношение торий-уран, найденное по содержанию тория-икс и радия, обычно

[1] И. Г. Пидопличко. Новый метод определения геологического возраста ископаемых костей четвертичной системы. Киев, 1952.

меньше 0,1. Только в исключительных случаях, например, в ожелезненных костях Ильской стоянки, отношение повышается до 0,2. Это, вероятно, связано с тем, что торий увлекается вместе с железом в циркулирующих растворах. Как мы увидим ниже, радиоактивное равновесие ископаемых костей сильно смещено в сторону урана, так что истинное отношение торий-уран в них еще меньше, чем указанные значения. Практическое отсутствие тория в окаменелых костях свидетельствует о двух важных обстоятельствах.

1. Содержание урана в костях связано с привносом природными водами. Если бы уран входил в кости вместе с частицами окружающей почвы, продуктами разрушения горных пород, то этот процесс неминуемо сопровождался бы также привносом тория, поскольку содержание тория в горных породах всегда в несколько раз больше, чем содержание урана.

2. Минерализация не была связана с обогащением ионием. Иоиий — изотоп тория, и отношение иония к торию не может для природных вод сильно отклоняться от того, которое существует во вмещающих горных породах, а тория в минерализирующих растворах практически не было. Отсутствие тория объясняется тем, что этот элемент, как показал академик В. И. Вернадский, в природных условиях практически не дает растворимых соединений[1]. Это же относится и к протактинию.

Таким же образом начальная активность окаменелых костей обычно определяется присутствием изотопов урана, почти свободных от продуктов распада.

Средняя активность костей несколько повышается с увеличением возраста костного материала, как это показывают данные о среднем содержании актиния в окаменелых костях различных эпох, приведенные в табл. 5 (по В. В. Чердынцеву и В. И. Мешкову). Максимальное содержание актиния уменьшается при переходе к молодым образованиям в 2—3 раза. Однако для молодых образований актиний еще не находится в равновесии с ураном, так что количества максимального содержания урана в окаменелых костях различного возраста — одного порядка величины и не обнаруживают систематического увеличения с возрастом.

Таблица 5

Относительный возраст	Число исследованных образцов	Содержание актиния в 10^{-3}% эквивалентного урана.		
		минимальное	максимальное	среднее
Третичный период		3,9	19,1	8,8
Четвертичный период:				
Q_1	7	1,7	7,0	4,0
Q_2	17	0,01	24,5	4,8
Q_3	5	0,6	15,6	2,0
Q_4	4	1,4	11,0	3,1
Средний палеолит	12	0,1	7,0	2,6
Верхний	14	0,3	4,9	1,0

Среднее содержание актиния также мало увеличивается с возрастом, но эти данные не имеют объективного характера. В табл. 5 приведены окаменелые кости, для которых выполнен радиохимический анализ.

[1] В. И. Вернадский. Указ. соч.

Количественному определению радиоэлементов предшествовала качественная проверка активности. Большая часть образцов (около $^2/_3$) не обнаруживала повышенной активности и не поступала на полный анализ. В среднем процент слабоактивных образцов увеличивается для молодых формаций. Однако эти образцы исследовались в большей мере, чем более старые образцы равной активности, так как они часто важны для решения конкретных задач, а значительное нарушение радиоактивного равновесия для молодых образцов облегчает измерения. Средние данные табл. 5 относятся только к образцам повышенной активности и, следовательно, завышены, причем условия отбора материала затрудняют сопоставление средних величин. Повидимому, активность древних костей несколько выше, чем молодых, но содержание урана возрастает не пропорционально возрасту, а в гораздо меньшей степени.

Для уточнения этого вопроса необходимы дальнейшие исследования. Разброс значений активностей окаменелых костей очень велик. Часто достаточно древние кости, например, остатки из пещеры Киик-Коба почти не обнаруживают активности (содержание радия $4 \cdot 10^{-12}$%). Может быть, намечающийся эффект увеличения активности древних костей оказывается иллюзорным, связанным с тем, что от древних периодов сохранились только достаточно минерализованные и, вообще говоря, более активные окаменелые кости.

Как мы уже упоминали, из общего числа ископаемых костей животных сохранилась в минерализованном состоянии только ничтожная часть. Повидимому, минерализация является сравнительно редким процессом. Близость максимальной активности окаменелых костей для различных стадий четвертичного периода лучше согласуется с представлением, что минерализация кости (в смысле привноса сульфатов и урана)— сравнительно недолгий процесс, происходящий вскоре после гибели организма, а костный материал, не подвергшийся минерализации, бесследно разрушается.

Активность окаменелых костей допускает возможность определения их абсолютного возраста методами, основанными на измерении изотопов урана и продуктов их распада.

Применение «классических» методов геохронологии — свинцового и гелиевого метода — к четвертичным минералам практически невозможно по двум причинам:

1. Продукты радиоактивного распада — изотопы свинца и гелий — на небольшом протяжении четвертичного периода не успели накопиться в достаточных количествах, и их концентрация в минералах может быть много меньше содержания свинца и гелия нерадиоактивного происхождения.

2. Первичные минералы хорошей сохранности, пригодные для определения абсолютного возраста по свинцовому и гелиевому методам, образуются на большой глубине, и процессы эрозии не успели вынести их на земную поверхность.

Вторичные минералы, возникающие на протяжении четвертичного времени в поверхностных слоях земной коры, будь то вторичные минералы рудных месторождений, осадочные формации или окаменелые кости,— все являются нестойкими образованиями и достаточно активно взаимодействуют с окружающей средой. Это делает определение возраста молодых минералов принципиально трудной задачей, при разрешении которой необходимо учитывать сложный комплекс миграционных процессов.

Еще в первые годы после открытия радиоактивности Мария Кюри, исследуя содержание урана и радия во вторичных урановых минералах,

обнаружила, что в них отношение $\frac{Ra}{U}$ бывает меньше, чем в древних минералах. Это качественно было объяснено тем, что радий в молодых образованиях не успел накопиться до равновесного состояния. В дальнейшем академик В. Г. Хлопин указал, что по отношению радия и урана можно определить абсолютный возраст, применяя закон накопления радия из урана вида выражения (5) [1]. Однако пользоваться этим выражением можно только в тех случаях, когда не происходит миграции радиоэлементов. Геохимические свойства радия таковы, что он наиболее подвижен в поверхностных слоях Земли. Миграция радия приводит к тому, что отношение $\frac{Ra}{U}$ часто отклоняется для однотипных минералов даже в пределах одного и того же месторождения, и определение возраста по радию и урану для вторичных урановых минералов трудно выполнимо. Академик В. Г. Хлопин показал, что гораздо более надежно определение возраста молодых минералов по соотношению ионня и урана ввиду малой подвижности ионня — изотопа тория [2]. Позднее Л. И. Шмонин предложил использовать для определения возраста молодых минералов соотношение актиния и радия [см. выражения (4) и (6)]:

$$\frac{Ra}{Ac} = \frac{1 - \frac{\lambda_{Ra}}{\lambda_{Ra} - \lambda_{Io}} e^{-\lambda_{Io} t} + \frac{\lambda_{Io}}{\lambda_{Ra} - \lambda_{Io}} e^{-\lambda_{Ra} t}}{1 - e^{-\lambda_{Pa} t}} \qquad (14)$$

Удобство этого способа состоит в том, что определение радия и актиния (точнее, продукта его распада — изотопа радия, короткоживущего AcX) производится по изотопам одного элемента. При этом возможные потери при химической обработке образца не сказываются на отношении изотопов радия AcX и Ra, по которым определяется возраст. Недостатком актиний-радиевого метода является то, что отношение $\frac{Ra}{Ac}$ меньше зависит от времени, чем отношения $\frac{Ra}{U}$ или $\frac{Io}{U}$, так что значительное изменение времени вызывает только сравнительно малые изменения актиний-радиевого отношения. Это требует измерения актиния и радия с большой точностью.

Мы коротко рассмотрели методы определения возраста молодых образований по накоплению продуктов распада изотопов урана. Допустимо определять возраст по степени накопления продуктов распада изотопов урана — ионня, радия и актиния. Эти методы приложимы к минерализованным костям, поскольку объекты удовлетворяют основной предпосылке метода — минерализующие растворы привносят уран практически без продуктов его распада.

Эти методы пригодны для определения возраста в интервале до нескольких сот тысяч лет, т. е. верхний предел их приложимости значительно выше, чем для радиоуглеродного метода, и приблизительно совпадает с продолжительностью палеолита.

4. ОПРЕДЕЛЕНИЕ АБСОЛЮТНОГО ВОЗРАСТА ОКАМЕНЕЛЫХ КОСТЕЙ ПО НАКОПЛЕНИЮ ПРОДУКТОВ РАСПАДА РАДИОЭЛЕМЕНТОВ

В основе определения абсолютного возраста окаменелых костей по методу накопления радиоэлементов лежат следующие предпосылки:

[1] В. Г. Хлопин — Доклады Российской Академии наук, вып. 73, 1925.
[2] В. Г. Хлопин — ДАН, вып. 178, 1926; Н. Е. Старик и О. С. Меликова — ДАН, т. 30, № 9, 1941.

1) минерализующие растворы содержали только уран без продуктов распада его изотопов;

2) минерализация началась вскоре после смерти организма;

3) продолжительность процесса минерализации невелика;

4) миграционного уноса радиоэлементов на протяжении существования объекта не происходило.

Повидимому, только первое условие можно считать достаточно обоснованным. Если последнее условие не соблюдается, то объекты вообще непригодны для определения абсолютного возраста. Несоблюдение второго и третьего условий приводит к тому, что найденный возраст не совпадает со временем жизни организма, а меньше его. Строго говоря, метод позволяет установить только время середины процесса минерализации. Допустим, что он происходит в течение времени t_m, причем для простоты примем линейный закон накопления урана:

$$U = at,$$

где U — содержание урана, t — время от начала минерализации и a — некоторая константа.

Легко показать, что содержание продуктов распада изотопов урана (иония или протактиния) к концу минерализации достигает величины:

$$n = n_0 \frac{e^{-\lambda t_m} + \lambda t_m - 1}{\lambda t_m} \tag{15}$$

где n_0 — содержание продукта в равновесии с материнским веществом. Накопление продукта распада за дальнейшее время существования системы происходит по закону:

$$n = n_0 \left(1 - \frac{1 - e^{-\lambda t_m}}{\lambda t_m} e^{-\lambda t_p}\right), \tag{16}$$

где истинный возраст кости: $t = t_m + t_p$ и t_p — время существования кости после конца минерализации.

Не зная значений компонентов истинного возраста (t_m и t_p) и пользуясь вместо выражения (16) выражением вида (4) или (6):

$$n = n_0 (1 - e^{-\lambda t_{эфф}}),$$

мы определяем некоторое эффективное время:

$$t_{эфф} = t_p - \frac{1}{\lambda} \ln \left(\frac{1 - e^{-\lambda t_m}}{\lambda t_m}\right). \tag{17}$$

При малых значениях

$$t_{эфф} = t_p + \frac{t_m}{2} - \frac{\lambda t_m^2}{24}, \tag{18}$$

т. е., как мы указывали, определяемое время приблизительно совпадает с серединой процесса минерализации.

Сравнивая величины $t_{эфф}$ при накоплении иония и актиния, находим, что они не равны и отличаются на следующую величину:

$$\Delta = t_{эфф}(\mathrm{Io}) - t_{эфф}(\mathrm{Ac}) = \frac{1}{\lambda_{Pa}} \ln \left(\frac{1 - e^{-\lambda_{Pa} t_m}}{\lambda_{Pa} t_m}\right) - \frac{1}{\lambda_{Io}} \ln \left(\frac{1 - e^{-\lambda_{Io} t_m}}{\lambda_{Io} t_m}\right) \tag{19}$$

Эта величина не зависит от t_p — времени существования кости после минерализации. Для малых t_m

$$\Delta = \frac{\lambda_{Pa} - \lambda_{Io}}{24} t_m^2 \approx 4{,}8 \cdot 10^{-4} t_m^2, \qquad (20)$$

где Δ и t_m даны в тысячах лет.

К сожалению, разница величин эффективного возраста есть величина второго порядка малости, и определение времени минерализации по этому способу в настоящее время вряд ли выполнимо.

Первые исследования возраста окаменелых четвертичных костей были проведены нами и В. И. Мешковым по актиний-радиевому методу. Для некоторых образцов дополнительно определялся возраст по отношению $\frac{Ra}{U}$. При исследовании возраста молодых образований, как вообще при геохронологических работах, весьма существенно пользоваться несколькими методами определения возраста, так как только совпадение данных, полученных независимыми методами, свидетельствует о том, что миграция радиоэлементов не исказила найденного значения, и оно является истинным возрастом объекта, а не только цифрой с размерностью времени. Первые наши работы ставили задачей выяснение пригодности метода для определения возраста окаменелых костей. Результаты измерений приведены в табл. 6. Величина $\frac{Ra}{Ac}$ в согласии с теорией возрастает по мере перехода от молодых объектов к более древним и достигает равновесного значения $\frac{Ra}{Ac} = 1$ для костей третичного периода. Это объясняется тем, что промежуточный продукт уранового ряда — иоиний — обладает бо́льшим периодом распада и накапливается медленнее, чем промежуточный продукт активного ряда — протактиний.

Таблица 6

Эпоха	Число образцов	Среднее значение $\frac{Ra}{Ac}$, в эквивалентных единицах	Возраст, в тысячах лет
Третичный период	4	1,00	∞
Q_1, эпоха слона-трогонтерия	4	0,92	Больше 250
Q_2, эпоха мамонта	12	0,81	200
Q_4, новейшие отложения	5	0,21	4

Некоторые палеонтологические и археологические образцы окаменелых костей были подвергнуты детальному исследованию, результаты которого приведены в табл. 7.

Исследования обнаруживают в ряде случаев достаточное совпадение определений возраста по отношению $\frac{Ra}{Ac}$ и $\frac{Ra}{U}$. В особенности следует отметить молодую кость архара (образец № 7), для которой величины этих отношений сильно отличаются, а возраст, найденный на основании отношений, находится в удовлетворительном соответствии. Полученные

Таблица 7

№ п/п	Шифр	Образец	Ra/Ac	t, в тысячах лет	Ra/U	t, в тысячах лет
		1. Палеонтологический материал				
1	43-А	Армения, Эйджи-Эйласс. Слон-трогонтерий	1,03	∞	1,04	∞
		То же. Контроль	1,03	∞	—	—
2	—	Казахстан, р. Иртыш. Слон-трогонтерий	1,06	∞	—	—
		» оз. Боровое. Мамонт	0,72	140	—	—
3	Q-28	» р. Или. Антилопа	0,69	130	—	—
4	Б-28	То же. Контроль	0,66	115	—	—
5	Б-27	Казахстан. Мамонт	0,64	106	0,66	133
6	Б-31	» р. Или. Носорог. (Rhin. Mercki ?)	0,70	130	0,63	122
		То же. Контроль	0,61	90	—	—
7	Б-33	Казахстан, Заилийский Алатау, вюрмские террасы. Архар	0,27	7	0,06	10
		То же. Контроль	0,25	6	—	—
8	Б-23	Казахстан, р. Иртыш. Equus caballus	0,27	7	—	—
9	Q-23	Северный Казахстан, современные отложения. Баран	0,10	1,5	—	—
		2. Археологический материал				
10	—	Казахстан, Канайка, зона орудий мустьерского типа. Бизон	0,70	132	0,48	85
		То же. Контроль	0,63	103	—	—
11	ЗИ-7	Узбекистан, Тешик-Таш, раннее мустье, стоянка неандертальца. Козерог	0,64	107	0,58	107
		То же. Контроль	0,63	102	—	—
12	ЗИ-9	Северный Кавказ, Ильская, позднее мустье. Закпрованная кость	0,46	39	0,23	34
		То же. Контроль	0,46	39	—	—
13	12-QT	Воронежская область, Костенки I, солютре. Трубчатая кость мамонта	0,40	23	—	—
14	ЗИ-2	Крым, Сюрень 1. Ориньяк	0,39	21	—	—
		То же. Контроль	0,38	20	—	—
		» » »	0,38	20	—	—

материалы позволяют принять следующие ориентировочные значения для разделов четвертичного периода:

	Тысячи лет
Верхний палеолит	До 20—30
Средний »	30—120
Нижний »	Около 200
Эпоха слона-трогонтерия	Больше 250

Данные табл. 6 показывают, что процессы повторной минерализации, которые должны вызвать эффективное уменьшение показателя возраста, не наблюдаются.

Однако наряду с этим для большого числа объектов обнаружено заниженное значение возраста, связанное с миграционным уходом радия. В табл. 8 приводятся данные об окаменелых костях с аномально низким радий-актиниевым отношением.

Таблица 8

№ п'п	Образец	$\frac{Ra}{Ac}$	Эффективный возраст, в тысячах лет
1	Казахстан. Кости мамонта со дна р. Иртыша	0,03	0,3
2	Армения, оз. Севан, миндель-рисское время. Среднее из 4 определений	0,10	1,0
3	Северный Кавказ. Ильская.		
	Ожелезненная кость	0,23	4,5
	Контроль	0,26	6,0
4	Незакированная кость	0,30	7,5
	Контроль .	0,28	7,0
5	Другой образец	0,31	9,0
6	Неожелезненная кость	0,29	7,5
	Контроль	0,31	9,0
7	Воронежская область. Костенки. Среднее из 5 определений	0,25	6,0

Этот эффект особенно велик для костей, заведомо находящихся в контакте с водой, как, например, для материала, поднятого со дна оз. Севан, или для костей мамонта со дна р. Иртыша. Эффективный возраст по отношению $\frac{Ra}{Ac}$ в последнем случае достигает абсурдной величины в 300 лет. Кроме того, потери радия обнаружены для материала стоянки Костенки и для большинства костей Ильской стоянки, за исключением образца закированной кости, приведенного в табл. 7. Отношение $\frac{Ac}{U}$ для одного образца из Костенок составляет 0,27, что соответствует возрасту около 28 тыс. лет. Это значение близко к ожидаемому, однако применявшаяся нами методика не обеспечивала достаточной точности измерений. Существенно, что это определение подтверждает уменьшение отношения $\frac{Ra}{Ac}$ за счет миграционного ухода именно радия.

Исследования Л. И. Шмонина, Б. М. Найденова и автора показали, что, действительно, в природе встречаются объекты, для которых соотношение урана, иония и актиния близко к равновесному, а содержание радия резко занижено. Нами была исследована окаменелая кость из Талагая (Бурят-Монголия) и хризоколла — вторичный минерал зоны окисления одного рудного месторождения (табл. 9).

Эффективный возраст кости из Талагая по отношению $\frac{a}{Ac}$ равен 6 тыс. лет, а по отношениям $\frac{Ac}{U}$ и $\frac{Io}{U}$ — порядка 160 тыс. лет, что, вероятно, соответствует действительности (см. ниже табл. 10).

Указаний на миграционный уход актиния мы никогда не имели. Актиний — аналог редких земель — принадлежит к числу элементов, слабо мигрирующих в поверхностной зоне Земли. Как все элементы сравнительно

большой валентности, актиний мало способен переходить в природные растворы. Материнское вещество актиния — протактиний, высший химический аналог ниобия, тантала и циркония, практически не дает растворимых соединений в природных условиях и неустойчив в водной среде. Однако если миграция актиния и происходит, то этот короткоживущий элемент значительно скорее восстанавливается в теле минералов земной коры, и его потери за счет миграционного ухода не могут быть велики. Что касается изотопа радия — AcX, то если в результате некоторых природных про-

Таблица 9

Образец	Содержание, в % от равновесного количества		
	ония	актиния	радия
Талагай. Окаменелая кость	70, 82 } 76	106	25
Хризоколла	80	83	35

цессов содержание этого короткоживущего изотопа отклонилось от равновесия с актинием, оно восстанавливается очень быстро — практически за несколько месяцев, что обычно меньше срока хранения образца перед его исследованием.

Детальный радиохимический анализ окаменелой кости слона из Бердянска с учетом отношения изотопов урана[1] показывает, что возраст этого объекта лежит в пределах от 200 до 800 тыс. лет.

Приведенный материал говорит о принципиальной применимости актиний-радиевого метода определения возраста к четвертичным костям, но возможность значительных потерь радия делает метод ненадежным. Более эффективным, в свете указания академика В. Г. Хлопина[2], нам представляется метод определения возраста по отношению изотопов тория — продуктов распада урана и актиноурана: UX_1, Io и Rd Ac[3]. Поскольку короткоживущий UX_1 практически всегда находится в равновесном соотношении с UI и AcU, а RdAc в равновесии с актинием, на основании отношений Io/UX_1 и $RdAc/UX_1$ можно вычислить возраст, пользуясь формулами вида (5) и (6). Часто наблюдается отклонение отношения изотопов урана UI и UII от равновесия в сторону увеличения UII, что необходимо учитывать при определении возраста. Пригодными оказываются только образцы, показывающие соответствие возраста, вычисленного двумя независимыми вариантами метода изотопов тория — ониевым и радиоактивным. Определения изотопов тория обладают высокой точностью, и контрольные измерения обычно сходятся в пределах $+5\%$. Расхождение значений возраста различных образцов из одной точки наблюдается в гораздо больших масштабах; оно обусловлено процессами миграции радиоэлементов —основной помехой при определении возраста природных формаций, особенно сильной для молодых формаций.

[1] В. В. Чердынцев и В. В. Мешков— Труды I сессии Комиссии Академии наук СССР по определению абсолютного возраста геологических формаций в 1952 г Изд. Академии наук СССР, 1954, стр. 69; В. В. Чердынцев — Труды III сессии Комиссии Академии наук СССР по определению абсолютного возраста геологических формаций 25—27 марта 1954 г. Изд. Академии наук СССР, 1955, стр. 175.

[2] В. Г. Хлопин — ДАН, вып. 178, 1926.

[3] Основного изотопа тория — Th^{232}, как мы указывали, в окаменелых костях практически не содержится.

В табл. 10 приведены некоторые определения возраста молодых окаменелых костей по методу изотопов тория, выполненные нами совместно с М. Е. Хитрик, Д. М. Мамбетовым и О. В. Суяровой. Возраст вычислен по формулам (5) и (6), т. е. дает только среднее время минерализации кости. Если минерализация кости продолжалась все время от гибели организма до наших дней, то истинное время по крайней мере в два раза больше возраста, полученного измерением радиологических характеристик окаменелой кости. Соотношения истинного возраста и среднего времени минерализации кости сейчас, как мне кажется,— узловой вопрос работы по абсолютной хронологии палеолита. Для его разрешения необходимо сравнение данных о возрасте по методу накопления радиоэлементов и по радиоуглеродному методу тех относительно молодых объектов, для которых радиоуглеродный метод еще пригоден.

Таблица 10

№ п/п	Образец	Ионий	Радиоактиний	Возраст, в тысячах лет	
		в % от равновесного содержания		по Io	по RdAc
	Нижнечетвертичное время				
1	Серафимовка, Кирг. ССР. Фауна лошади Стеннона	Равновесие	Равновесие	200—800	Больше 100
2	Бердянск. Южный слон	То же	То же	Больше 250	То же
	Нижний — средний палеолит				
3	Тунгуз-Хрящевка, Волга. Гигантский олень	84	»	210	» »
	Средний палеолит				
4	Тешик-Таш, Узб. ССР. Козерог	76	92		
	Контроль	83	90	180	120
	»	81	—		
5	Кодак, Укр. ССР. Козерог	65	90	120	110
6	Ильская, Северный Кавказ. Среднее из 5 определений	71	Равновесие	135±25	Больше 100
7	Сталинград	Потерян	То же	—	То же
8	Староселье, Крым	То же	90	—	110
9	Тирасполь	48	Равновесие	75	Больше 100
10	Ахштырская пещера	50	То же	80	То же
	Верхний палеолит				
11	Восточная Сибирь, Мальта. Среднее из 4 определений	54	Равновесие	90	⩾100
12	Улан-Уде	48	—	76	—
13	Костенки. Среднее из 36 определений	31	50	41±5	35

Табл. 10 дает следующие наиболее надежные значения археологического времени:

	Тысячи лет
Нижнечетвертичное время	250—800
Нижний — средний палеолит	210
Средний палеолит (Ильская, Тешик-Таш, Кодак)	150
Верхний палеолит: Восточная Сибирь	85
Костенки	41

Для некоторых образцов (Сталинград, Староселье) получены заниженные значения возраста по ониевому методу, что, повидимому, объясняется миграционными процессами (уход ония). Значительно расходится возраст верхнепалеолитических стоянок Восточной Сибири и Костенок. Дальнейшие исследования должны показать, вызвано ли это миграционными эффектами, т. е. недостатками метода, или же отражает истинную неодновременность данных культур. Но даже значение, найденное для Костенок, дающее минимальный возраст по способу вычисления, все же оказывается значительно выше определений возраста верхнего палеолита Франции по радиоуглероду.

Развитие техники измерений делает сейчас допустимым определение возраста по радиоуглеродному методу до 45 тыс. лет. Однако измерения природных образцов с действительным возрастом около 6 — 7 тыс. лет (например, культура Бадари)[1] уже обнаруживают заниженные значения возраста. Это омоложение, вероятно, вызвано возможностью обмена углерода органических остатков и окружающей среды, т. е. миграционным привносом C^{14}. Для отдельных органических остатков из Сен-Марселя (верхний палеолит Франции) содержание радиоуглерода изменяется в 2 раза, что, вероятно, указывает на малую пригодность радиоуглеродного метода для объектов с возрастом более 10 тыс. лет.

Мы полагаем, что метод изотопов тория сейчас наиболее перспективен в применении к хронологии палеолита. Необходимо развитие и уточнение возможностей метода, для чего требуются совместные усилия и радиологов, и археологов. Первоочередная задача — установление основных реперных точек хронологической шкалы, и сейчас нежелательно отвлекаться для изучения плохо датированных или сомнительных памятников.

Не следует недооценивать трудностей, но нельзя и уклоняться от этой важной и неотложной работы. Полагаю, что хронология первобытного общества, которая сейчас известна хуже, чем даже хронология космогонических процессов, в ближайшие годы может быть построена. Это даст надежную и объективную базу для дальнейшего развития археологии палеолита.

---

[1] A. de Vries and G. Barendsen — «Nature», 1954, № 174, стр. 1136.

В. Н. СКАЛОН

ОЛЕННЫЕ КАМНИ МОНГОЛИИ И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ОЛЕНЕВОДСТВА[1]

Среди археологических памятников, которыми столь богата Монголия, широкой известностью пользуются оленные камни. Так называются глыбы и плиты, обычно поставленные вертикально, на которых имеются различные более или менее явственные изображения.

Памятники эти встречаются повсюду в Западной Монголии; концентрируясь в районе Южного Хангая, они редеют к югу и не заходят далее Шаргиин-Гоби [2].

Оленные камни приходится в какой-то степени рассматривать вместе с «хэрэксурами», как принято называть широко известные могильники Монголии и Южной Сибири.

В литературе оленные камни известны со времен Георги и Палласа, заимствовавших сведения о них от первых исследователей страны — русских казаков. Эти памятники имеют большое распространение. Клеменц считает, что на востоке они распространены до границ Манчжурии[3]. На западе Г. Н. Потанин встретил их у южной границы Алтая. Н. М. Ядринцев проследил их почти до Большого Алтая и отметил распространение их в Южном Хангае, по Нарин-Голу, на Орхоне к северу от Угей-Нура, на Селенге и за Байкалом [4].

Рассмотрение рисунков на этих памятниках, опубликованных фотографий их и описаний заставляет выделить группу копытных животных, которые ныне не встречаются в данной местности и не могут там обитать в силу непригодности для них физико-географических условий. Это рисунки оленей, лосей и изюбрей, о которых упоминают К. Беркли и Ф. Моррис[5].

Мы знаем, что и лось, и северный олень — типичные таежники, изюбр также мало где встречается вдали от леса, а, следовательно, наличие их изображений в стране, ныне вовсе не пригодной для обитания подобных животных, требует объяснения. Подобные рисунки создавались, как

---

[1] В начальном варианте данная работа была доложена в Монгольском университете им. Чойбалсана в декабре 1946 г. В окончательном виде она была доложена на первом организационном собрании членов Восточносибирского отдела Географического общества СССР в ноябре 1947 г.

[2] Личное сообщение проф. Ринчена, которое совпадает с указаниями Г. Н. Потанина. Г. Н. Потанин. Очерки Северо-западной Монголии. 1881—1883, ч. II, стр. 481.

[3] С. Н. Лаптев. Археологические заметки из дневников Монгольской экспедиции 1924 г. Иркутск, 1926, стр. 8.

[4] Г. Н. Потанин. Указ. соч., стр. 37.

[5] К. Беркли и Ф. Моррис. Геология Монголии. Нью-Йорк, 1927, стр. 393 (на англ. яз.).

принято думать, людьми, связанными хозяйственно с изображаемыми ими животными, поэтому допустимо предположить, что рисунки принадлежат народу, некогда переселившемуся в эти широты из северной тайги. Однако в истории мы не находим указаний на такие переселения.

Второе из возможных предположений—допущение обитания перечисленных видов животных в данной местности в прошлом. Но для того, чтобы оно было вероятным, необходимо предположить, что климат страны был в то время иным, более влажным, допускавшим существование соответствующей растительности.

Вопрос об усыхании Западной Монголии, в особенности, рассматриваемый в более широком масштабе, вместе со Средней Азией и т. д., издавна представляет предмет споров.

Так, например, Л. С. Берг — крупнейший авторитет в этой области — в статье «Об изменении климата в историческую эпоху»[1] категорически утверждает, что со времени ледникового периода не было никакого общего усыхания земной поверхности[2]. В самое последнее время Э. М. Мурзаев, хорошо знающий Монголию, также со всей решительностью подчеркивает свое несогласие с гипотезой об усыхании Монголии за исторический период[3]. Наоборот, известный знаток Центральной Азии и Китая Г. Е. Грум-Гржимайло настаивает на росте пустынь и гибели пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период[4]. В недавнее время с утверждением быстрого прогрессивного усыхания Западной Монголии выступил В. А. Смирнов[5]. Наконец, К. Беркли и Ф. Моррис, признавая наличие усыхания Монголии, высказали гипотезу об изменчивости климата от более сухого к более влажному, с амплитудой в несколько сот лет[6].

В пользу происшедшего усыхания говорят данные всех путешественников, описывающих котловины многочисленных в Западной Монголии озер гораздо большими, чем ныне занимаемые водой участки. Так, например, М. Певцов, посетивший эти места в 1878—1879 гг., обнаружил в берегах озера Хара-Усу пресноводные раковины и другие несомненные признаки прежнего, более высокого стояния вод[7]. В. А. Смирнов, специально исследовавший эти озера, говорит, что усыхание Киргиз-Нура и других озер идет вперед гигантскими шагами[8]. С ботанической точки зрения, в пользу гипотезы усыхания говорит нахождение В. И. Барановым[9] в районе Кобдо насаждений березы, носящих явно реликтовый характер.

Но особенно интересно проследить данные из области зоогеографии.

---

[1] Землеведение, кн. III. 1911.

[2] В превосходной сводке, вышедшей в 1947 г., Л. С. Берг остается при этом же утверждении (Л. С. Берг. Климат и жизнь, 1947).

[3] Э. М. Мурзаев. Основные проблемы физико-географического изучения Монгольской Народной Республики. «Проблемы физической географии», XII, Институт географии Академии наук СССР, 1946, стр. 68. В своей книге «Монгольская Народная Республика» (1948) Э. М. Мурзаев высказывает эту же точку зрения (стр. 106).

[4] Г. Е. Грум-Гржимайло. Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период. Известия РГО, т. LXV, вып. 5, 1933.

[5] В. А. Смирнов. Отчет о работах гидрохимического отряда Монгольской экспедиции 1926 г. Академии наук СССР, 1932

[6] К. Беркли и Ф. Моррис. Указ. соч., стр. 393

[7] М. Певцов. Краткий очерк путешествия по Монголии и Внутреннему Китаю в 1878—1879 гг. Известия РГО, т. XVI, Географические известия, вып. V, 1880, стр. 440.

[8] В. А. Смирнов. Указ. соч., стр. 10 и 23.

[9] В. И. Баранов. Березы Монголии. Труды Монгольской комиссии Академии наук СССР, № 14, 1934.

Наиболее известным фактом этого рода служит своеобразное распространение эндемичного рода рыб-османов (ореолеуцискус), которые встречаются в ряде бессточных озер Западной Монголии и в верховьях рек Русского Алтая, принадлежащих к бассейну Оби. Ни в бассейн Черного Иртыша, ни Енисея они не проникают, если исключить сомнительное указание на одно из озер бассейна р. Селенги [1]. О причинах такого распространения было высказано много гипотез. Еще Н. Варпаховский в 1889 г. ставил его в связь с усыханием монгольских водоемов [2]. А. М. Колосов, говоря об османах верховьев Чуи, высказывается в пользу перемещения водораздела, в связи с чем Чуя переменила свое течение, повернув на север [3]. Наконец, Б. Г. Иоганзен говорит следующее: «В бассейн Оби османы попали благодаря тому, что верховья Аргута, Чуи, Вашкауса и Чульшмана близко подходят к истокам рек внутреннего бассейна Кобдосских озер. Здесь нет бифуркаций, но истоки тех и других рек часто берут начало на общих заболоченных водоразделах, где в период снеготаяния иногда создаются условия для перехода рыб из одного бассейна в другой» [4].

Оценивая данные о распространении османов и высказывания цитированных авторов, приходится сказать следующее. Заселение османами бассейна Оби — явление новое. За это говорят систематическое единство их и узость распространения в бассейне р. Оби, заставляющие принять точку зрения Б. Г. Иоганзена. В противном случае османы должны были бы проникнуть в бассейн Енисея и Черного Иртыша.

Не меньшее значение могут иметь данные о распространении некоторых млекопитающих, например цокора. На распространение цокора указывал А. М. Колосов, хотя с его утверждением, что «распространение этой группы с несомненностью показывает, что цокор проник на Алтай и в смежную область Тарбагатая с юго-востока Азии, где мы наблюдаем большое разнообразие и основной ареал рода миоспалакс», едва ли можно согласиться [5]. Известны следующие виды этого рода:

А. Североазиатская группа: а) цокор алтайский, или типичный, который живет на Алтае и в прилегающих степях; б) цокор тарбагатайский в Тарбагатае; в) цокор Дыбовского, или цокор даурский (в Оловяннинском, Акшинском, Кыринском районах и части Борзинского района, а также в Агинском национальном округе), широко распространен и в Монголии, по крайней мере, до Хангая; не исключена возможность, что цокора удастся обнаружить и на границах, если не в пределах, Тувинской области; г) цокор маньчжурский; западная граница его смыкается с восточной предыдущего вида в низовьях Онона, в основном же он обитает в бассейне Амура, причем заходит в Монголию по р. Халхын-Голу.

Б. Восточноазиатская группа «Псилурус» Мильн Эдвардса — в Маньчжурии и Китае, к югу до широты Пекина. Есть данные, что этот и предыдущий виды тождественны, и тогда мы имеем на востоке единый и очень большой ареал одного вида цокора.

В. Южноазиатская или юго-западноазиатская группа (по Колосову). Известны 4 вида: а) Фонтанус — Шаньси; б) Ганьсу; в) Шмидта; г) Бэйли — Сычуань. Все они описаны Томасом, а поскольку известно о

---

[1] Б. Г. Иоганзен. Новые данные об алтайских османах. Труды биологического института Томского гос. университета, т. 7, Томск, 1940, стр. 151.

[2] Н. Варпаховский. Монография нового рода карповых рыб. СПб., 1889.

[3] А. М. Колосов. Фауна млекопитающих Алтая и смежной области Монголии в связи с некоторыми проблемами зоогеографии. Зоологический журнал, 1939, вып. 2.

[4] Б. Г. Иоганзен. Указ. соч., стр. 151.

[5] А. М. Колосов. Указ. соч., стр. 172.

преувеличенной склонности этого автора к дроблению видов, каждый из них нуждается в пересмотре. Но даже если они и реальны, видовое разнообразие китайской группы не кажется подавляющим.

В целом ареал цокора окружает опустыненную часть Монголии широким кольцом, не замкнутым на юге и западе со стороны Тибета и на севере — со стороны Саян. При этом на долю Южной Азии падает не более половины известных видов, и предполагать по данному признаку центр ареала рода в этой стране едва ли есть основание.

Наоборот, известно, что в некоторых местах Монголии, где ныне невозможно обитание цокора, можно считать вероятным его существование в прошлом. Есть предположение, что некогда имелся огромный общий ареал этого грызуна, центр которого выпал в результате изменения климата. Большая близость существующих видов цокора, странная при наличии огромного их разобщения, говорит за то, что запустение центра его ареала произошло очень недавно [1].

Цокор (во всяком случае, его сибирско-монгольские виды) — типичнейший представитель лесостепи и, как никакой другой вид, позволяет судить о том, какова была природа страны, где он был широко распространен ранее.

Палеонтологические данные говорят о былом заселении большой части Монголии бобром. Он уцелел до сих пор (или истреблен человеком в новейшие времена) всюду по ее окраинам, где позволило ему удержаться изменение климата.

В пользу происшедшего усыхания климата говорят также изолированное ныне обитание тарбаганов на хребте Ихе Богдо и наличие некоторых островных участков ареала сурков в Монголии, прослеженных А. Г. Банниковым, П. П. Тарасовым и мной.

Наконец, любопытные сведения из мира беспозвоночных, подтверждающие новейшие изменения климата Западной Монголии, дает упомянутая работа В. А. Смирнова. Он приводит данные известного энтомолога Мартынова, который определял содержимое гнезд земляных пчел, собранных В. А. Смирновым в опустыненных котловинах монгольских озер. Оказалось, что как сами пчелы, так и сменившие их более сухолюбивые вредители гнезд вымерли в результате высыхания страны. Очевидно, говорит В. А. Смирнов, во времена, когда они существовали, вокруг были цветущие луга, а изменение климата произошло совсем недавно. В пользу новизны явления ясно говорит прекрасная сохранность насекомых, что подчеркивается автором.

К этой же области нужно отнести имеющее еще более широкий интерес исследование, сделанное известным знатоком палеоарктических чешуекрылых Г. Е. Грум-Гржимайло в Западном Китае. Он подчеркивает необыкновенное родство лепидоптерологических фаун южносибирских рек и правого берега Хуанхэ[2].

Обратившись к современной фауне островков лиственничной тайги, заброшенных далеко в степь (особенно в Хангае), травянистая растительность которых подверглась остепнению[3], отметим следующее: насе-

---

[1] Не исключена возможность предположения, что ареал цокора охватывал Центральную Азию кольцом с севера и юга или с одной из этих сторон, подобно тому как это прослежено В. Л. Комаровым для рода карагана (В. Л. Комаров. Введение к флорам Китая и Монголии. СПб., 1908). Однако фактические данные для такой гипотезы отсутствуют.

[2] Г. Е. Грум-Гржимайло. Описание путешествия в Западный Китай, т. II, СПб., 1889, стр. 378.

[3] Личное сообщение А. А. Юнатова.

ляющие их грызуны идентичны своим сородичам, обитающим в сплошной тайге на севере[1]; они не успели изменить ни облика, ни образа жизни, а это, несомненно, имело бы место, если бы их вполне островное существование продолжалось очень долго.

Подытоживая изложенное выше, мы должны признать, что имеется много данных, подтверждающих мнение о недавнем и быстром изменении климата Западной Монголии в сторону усыхания. Они позволяют также предполагать, что ныне опустыненная или остепненная территория была занята ранее цветущими лугами, лесостепью и тайгой, на юг до границ Шаргиин-Гоби.

Возвращаясь к сказанному в начале статьи об изображениях на оленных камнях, мы подчеркиваем указание К. Беркли и Ф. Морриса на то, что в этих изображениях можно различить северных оленей, благородных оленей и, может быть, лосей. Иными словами, следует заключить, что на глазах людей, владевших развитым изобразительным искусством, Западная Монголия была заселена типичными представителями таежной фауны, которые не могли (за исключением изюбрей) обитать даже в условиях степи.

При суждении о том, было ли это явление присуще только интересующей нас части Азии, или распространялось на прилежащие страны, нужно сказать следующее. Известно, что в послеледниковый период Западная Сибирь освободилась от обширных водоемов, ранее ее покрывавших. Однако этот процесс закончился, видимо, очень давно, до того, как по ее территории стали продвигаться на север народы.

На востоке, в Западном Забайкалье, Иркутской области и Якутии (на что обратил мое внимание В. И. Подгорбунский), имеются явные доказательства существования влажного периода, сменившего ранее бывший сухой. На это указывают многочисленные дюнные пески, некогда свободные, а ныне заросшие сосновыми лесами, почвы, растительные ассоциации степняков в Баргузинском грабене и в Якутии. Об этом же говорят и наблюдения Э. М. Мурзаева в Восточном, Хэнтэйском и Селенгинском аймаках Монгольской Народной Республики. Он отмечает там хорошее и быстрое возобновление лесов, а в Норболин-Сомоне — дружное наступление молодого леса на степь[2]; последнее подтверждается и моими личными наблюдениями в 1944 г.

Следовательно, усыхание Западной Монголии — явление местное и вызвано особыми причинами. Искать их нужно в геологии хребтов, разделяющих Сибирь и Монголию. Еще в 1934 г. А. Молчанов в результате длительных исследований пришел к выводу, что «после рисской эпохи Восточный Саян претерпел интенсивное поднятие, не закончившееся до сих пор»[3]. З. А. Лебедева в 1938 г. писала: «Возникновение Тану-Ола и отделение Енисея от Монголии определяется пределами четвертичного периода»[4]. Н. Д. Соболев в 1940 г. опубликовал результаты исследования Тункинских и Китойских альп, где доказывается сравнительно недавнее их поднятие[5]. В другом месте он говорит по этому поводу, что «современный рельеф Саянских альп обусловлен вулканиче-

---

[1] Личное сообщение П. П. Тарасова.

[2] Э. М. Мурзаев. Указ. соч., стр. 63.

[3] А. Молчанов. Восточный Саян. Очерки по геологии Сибири. Академия наук СССР, 1934.

[4] З. А. Лебедева. Основные черты геологии Тувы. Труды Монгольской комиссии Академии наук СССР, № 26, 1938, стр. 263.

[5] Н. Д. Соболев. Материалы для геологии и петрографии Тункинских и Китойских альп. Академия наук СССР, 1940, стр. 79.

ской и ледниковой деятельностью четвертичного периода, к началу которого страна эта достигла состояния типичного плоскогорья»[1]. В. А. Кузнецов, рассматривая тектонику Западной Тувы на стыке с горным Алтаем, также говорит: «Мы приходим к заключению о значительной молодости тектонического рельефа этой страны, о наличии крупных четвертичных поднятий, обновлений и даже перестройки рельефа»[2]. Наконец, изучающий этот вопрос И. В. Арембовский сообщил мне ряд дополнительных данных о дальнейшем поднятии хребтов от Байкала до Алтая. Поднятие их протекало на глазах людей (вюрмская эпоха) и, поскольку процесс не закончился и ныне, играло роль во всей истории человека и прилежащих местностей.

Вся эта система мощных хребтов, поднявшись, определила судьбу климата прилежащих с юга территорий, отгородив их от основных ветров и большинства осадков. Влияние это нетрудно наблюдать и сейчас. странствуя зимой по этим хребтам, невольно отмечаешь тяжелые снеговые заносы северных склонов и бедность ими южных, что резко отражается на поведении диких животных. Особенно это должно сказаться на котловине великих озер Западной Монголии, ибо она оказалась за двойной стеной Саян и Тану-Ола. Крайне важно значение последней преграды, потому что, как говорит Г. Е. Грум-Гржимайло, «хребет Тану-Ола в отдельных своих точках значительно выше противулежащих частей Саянского хребта»[3]. При этом, указывает он далее, Тану-Ола представляет собою как бы высокий вал с насажденными на него высокими гольцами, среди которых аккумулируются осадки, скатываясь на север.

Нужно думать, что изменение климата происходило постепенно в течение весьма длительного периода. Возможно, имели место увлажнения климата и даже периодичность этого явления, о чем говорят К. Беркли и Ф. Моррис. В подтверждение этого приведу сообщенный мне Ю. С. Желобовским случай нахождения им в Гоби погребенных почв. Но в то же время есть данные, позволяющие считать, что происходили и скачкообразные изменения. Об этом свидетельствуют бывшие не раз землетрясения в области Саянской дуги, оставившие после себя следы в виде обширных трещин. То, что мощные явления этого рода происходили в новейшие времена, показывает сообщенный мне Ю. С. Желобовским факт известного ему перекрытия ледниковых морен четвертичными базальтами. Во время усиливавшейся тектонической активности скорее поднимались горы. Крупные вулканические явления оказывали особенно сильное, а главное, резкое влияние на изменение количества осадков, растительности и, в конечном счете, фауны[4].

Сейчас нет возможности хотя бы приблизительно датировать даже важнейшие изменения, но, повидимому, многие из них,— возможно, решающие,— происходили на глазах человека.

---

[1] Н. Д. Соболев. Восточный Саян. «Вестник знания», 1940, № 2, стр. 40.

[2] В. А. Кузнецов. Тектоника Западной Тувы на стыке с горным Алтаем. ИАН, серия геолог., 1948, № 1, стр. 54.

[3] Г. Е. Грум-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, 1914, стр. 410.

[4] Не подлежит сомнению, что новейшее тектоническое поднятие Саян оказало огромное влияние на фауну, до сих пор не оцененное зоогеографами. Не имея возможности развить здесь эти мысли, которым посвящаем особую работу, отметим вкратце следующее. Решающее значение это имело на судьбу тарбагана и длиннохвостого суслика; под этим углом зрения придется пересматривать проблему энзоотии чумы в в забайкальско-монгольском очаге. Несомненным было значение этого фактора для горных баранов, в первую очередь аргали Южной Сибири, а также кулана, доходившего до Красноярска, и т. д.

Что это были за люди и какое хозяйство было им свойственно? Прежде всего обращает на себя внимание обилие памятников и мощность их скоплений — факты, свидетельствующие о былой густоте населения ныне пустынных районов. Проезжая Хангай, убеждаешься, что хэрэксуры не разбрасывались случайно, но представляли собою обширные, длительно служившие кладбища.

Возможность образования таких кладбищ говорит о большой связи их устроителей с определенными местами. Размеры и устройство хэрэксуров весьма различны, что может свидетельствовать о большой разновременности их или, скорее, о различии рангов погребенных [1].

Кроме надгробных памятников и не менее, чем они, интересны для нас многочисленные писаницы с аналогичными изображениями, которые мы и рассматриваем ниже. По мнению О. А. Теплоухова, погребения показывают, что некогда единая культура охватывала Западное Забайкалье, Минусинский край и Алтай[2]. Он относит ее к I в. до н. э., а П. К. Козлов — к III в. до н. э.[3]

Как было сказано, К. Беркли и Ф. Моррис различают на камнях изображения северных оленей, изюбрей и, может быть, лосей[4]. Определенно северные олени изображены на рисунках в книге названных авторов. Они же видны на табл. 14 и 18 в работе И. Грено[5] и на камне, сфотографированном А. Лекоком[6]. Рисунки северных оленей на могильных плитах тех эпох в бассейне Енисея описывает Д. Каррутерс[7]. Осмотренные мною летом 1928 г. многочисленные памятники, разбросанные к юго-западу от г. Абакана по дороге в с. Монок, доказывают, что воспроизведение оленя свойственно и более совершенным художественным памятникам той же или более поздней эпохи. В могильнике же, раскопанном экспедицией П. К. Козлова около Ноин-Ула, примерно в 100 км от Улан-Батора, был найден тончайшей работы ковер с фигурами животных. Одно из них, которое Г. И. Боровка[8] и сам П. К. Козлов[9] называют почему-то лосем, особенно отличается изяществом изображения. Между тем рассмотрение типичной морды и особенно рогов, вовсе не

---

[1] Небезинтересно отметить, что, как указывал еще Н. М. Ядринцев (Предварительный отчет об исследованиях по рр. Толе, Орхону и в Южном Хангае. Сб. Трудов Орхонской экспедиции. СПб., 1892), многие хэрэксуры расположены в весьма трудно доступной местности. Мы находим их на высоких гребнях среди нагромождения скал, встречаем на косогорах, причем камни стоят под углом, словно ставились они не на ровную площадку. Приходится удивляться, зачем понадобилось устроителям памятников выбирать такие участки, если под рукой имелись гораздо более удобные места. Невольно закрадывается мысль, что во времена их закладки поверхность была иная, что она изменилась в результате последующих тектонических процессов.

Нельзя, однако, не остановиться на следующем соображении, на которое обратил мое внимание В. И. Подгорбунский. Оленные камни и надписи на скалах могли сами по себе быть проявлением оленьего культа. Следуя этому взгляду, мы получаем возможность, признавая несомненным былое наличие оленеводства в Западной Монголии, отнести существование последнего ко временам более древним.

[2] О. А. Теплоухов. Раскопки кургана в горах Ноин-Ула. Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии. Академия наук СССР, 1945, стр. 21.

[3] П. К. Козлов. Ноин-улинские памятники. Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии. Академия наук СССР Л., 1925, стр. 9.

[4] К. Беркли и Ф. Моррис. Указ. соч., стр. 393.

[5] И. Грено. Археологические наблюдения. Гельсингфорс, 1912 (на нем. яз.).

[6] А. Лекок. Камни с изображениями людей и животных из Монголии. Восточноазиатский журнал, новая серия, V, тетрадь 6 (на нем. яз.).

[7] Д. Каррутерс. Неведомая Монголия, т. I, Уренхайский край. 1914, стр. 57

[8] Г. И. Боровка. Археологическое обследование среднего течения р. Толы. «Северная Монголия», II. Предварительный отчет. Монгольская комиссия Академии наук СССР, 1927, стр. 24.

[9] П. К. Козлов. Указ. соч.

схожих с лосиными, убеждает в том, что древний художник имел в виду изобразить северного оленя и очень удачно справился со своей задачей.

Самое замечательное, что можно отметить при изучении рисунков оленей,— это несомненная связь некоторых из них с оленеводческой формой хозяйства. Так, в группе фигур на камне, сфотографированном Лекоком вблизи Улясатуя, изображен мужчина, сидящий на ковре, который возложен в виде седла на двух оленей, обращенных головами в разные стороны и покрытых ковром до половины. Говоря о рисунках на скалах по р. Енисею, Каррутерс сообщает: «Между прочим, среди

Писаница из Дурьбильджина на р. Толе

этих рисунков удалось напасть на одну замечательную сцену, изображающую пастухов, объезжающих своих верблюдов и оленей. Интересными представляются также изображения людей, сидящих верхом на оленях»[1]. Автор подчеркивает, что рисунки эти находятся там, где ныне нельзя уже встретить ни одного оленя. Отметим, что фигуры известной «Боярской писаницы» изображают людей, гонящих стадо оленей к жилищам. Наконец, упомянем крайне интересную писаницу из местности Дурьбильджин на р. Толе (см. рисунок), о которой подробно говорится ниже. В ее сложных по композиции рисунках изображение оленя связано с изображением первобытной пахоты. Репродукция этой писаницы, любезно указанная мне тт. Ринченом и Пренлаем, находится в коллекции Монгольского республиканского музея в Улан-Баторе.

Важно отметить при этом (на что также обратил мое внимание т. Ринчен), что фигурки оленей на камнях Западной Монголии можно разбить на две категории: более тщательно сделанные, с подчеркнутыми характерными деталями, и менее ясные, стилизованные изображения. Вполне вероятно, с чем соглашается и т. Ринчен, что рисунки эти относятся к разным эпохам. Можно думать, что более четкие рисунки старше и принадлежат людям, которые были связаны с этим зверем хозяйственно. Наоборот, стилизованные изображения новее и носят культовой характер. Ведь известно, что фигурки животных, которые мы в изобилии находили в шаманском культе, бывают стилизованы до полной неузнаваемости (лучший пример этого — знаменитые «вогульские идолы в виде ящеров», которые на поверку оказываются бобрами), условны и примитивны.

[1] Д. Каррутерс. Указ. соч., стр. 57.

Рисунками на камнях не исчерпываются данные, говорящие о том, что древние обитатели Западной Монголии и прилежащих родственных по культуре территорий были оленеводами.

Хорошо известно скифское погребение II в. н. э. на Алтае, в котором был захоронен конь, одетый в маску оленя; подушка его седла набита оленьими волосами. Этот памятник ясно говорит о том, что в ту эпоху обитатели Алтая уже были лошадниками, но оставленная ими более древняя форма хозяйства, оленеводство, еще жила в памяти народа; она приняла характер культа, заставлявшего надевать на боевого коня маску его «предшественника»[1]. Замечательно, что этот культ и символика задержались у ойротов еще на столетия. Именно т. Ринчену я обязан любопытнейшей исторической справкой. Монгольские хроники содержат следующее известие.

В XVII в. на урочище Дзум-Мут (в 100 км от Улан-Батора) произошло генеральное сражение войск ойротского хана Анудари с маньчжурами. При этом одна из ойротских предводительниц, жена хана Далдын Башиг Ту, выехала в бой на ветвисторогом олене. Так как невозможно думать, чтобы в этих условиях воительница могла пользоваться действительно оленем, следует предположить, что ее боевой конь носил на себе нечто подобное маске, захороненной в одном из древних могильников ее предков.

Нужно особо отметить, что, по наблюдению Л. П. Потапова, некогда существовавшее здесь оленеводство оставило глубокие следы в культе алтайцев[2]. Олени у них—духи, покровители шаманов, рисунки и символические изображения их имеются на бубнах, причем подчеркиваем известный факт, что бубен, по представлениям шаманистов, есть ездовое животное шамана. Важно также, что, по мнению этого автора, жертвенная лошадь алтайцев должна изображать оленя; это замечательно для нас тем, что жертвенное животное в таких случаях всегда должно быть домашним. Таким образом, мы можем говорить не об охотничьем, а оленеводческом происхождении этого обычая. Наконец, необходимо указать на обоснованные догадки Л. П. Потапова о глубоком тотемическом значении оленя у алтайцев.

Исследования Н. М. Ядринцева показывают, что отзвуки этих верований дожили до наших дней, причем оказались воспринятыми буддистами. Он говорит об оленьей маске лам и о танце оленя и быка[3].

Таким образом, становится вероятным, что Западная Монголия (к югу до Шаргиин-Гоби), Алтай и верховья Енисея были ареной древнейшего оленеводства. Оно исчезло под давлением климатических изменений, будучи сменено коневодческой формой хозяйства, но уцелело кое-где в Саянах: в верховьях Енисея у сойотов, далее к востоку у Дархат и на северных склонах Саян и в Тофаларии.

Наличие оленеводства в этих местах известно из китайских хроник, а европейцам поведал о них впервые Эден в 1555 г.[4] Сохранение здесь оленеводства оказалось возможным в силу особенностей высокогорного климата. Участки эти богаты осадками, обилие которых вызывает длительные ненастья, особенно чувствительные на северных склонах хребтов. В силу того, что с повышением рельефа понижается температура, на водоразделах образуются типичные тундры. На плоскогорьях истоков

---

[1] М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950, стр. 39 и рис 16.
[2] Л. П. Потапов. Следы тотемистических представлений у алтайцев. СЭ, 1945, № 4—5, стр. 139 и 145.
[3] Н. М. Ядринцев. Указ. соч., стр. 94 95.
[4] Д. Каррутерс. Указ. соч., стр. 208.

Енисея они простираются на многие десятки километров, и в этих местах оленеводство — единственная возможная форма хозяйства[1].

Замечательно, что, как указывает Г. Е. Грум-Гржимайло, «в Западной Монголии можно подчас встретить на одном и том же горизонте с одной стороны хребта — тундру, с другой — полынную степь»[2]. И далее: «В Западной Монголии наблюдается полный переход от альпийской тундры, весьма близко напоминающей полярную, к степной флоре»[3].

Такие контрасты говорят о многом. Очевидно, что в далеком прошлом постепенно появлявшаяся степь внедрялась в господствовавшую тундру (в тайгу). Постепенно она отвоевывала у нее территорию, и олень, отступая, давал место степным животным, а человек или отходил с оленями, или менял форму хозяйства. Только таким образом можно истолковывать парадоксальное, на первый взгляд, наскальное изображение пастухов, гонящих оленей и верблюдов, описанное Каррутерсом.

Об этом же свидетельствует и Дурьбильджинская писаница. Она состоит из двух явно нарочито сопоставленных групп рисунков. Снизу и слева мы видим яркую сцену охоты. Человек с натянутым луком преследует группу животных, в которых мы узнаем основных диких копытных. Позади — аргали, перед ним, пониже — горный козел, далее—отлично распознаваемый по характернейшей морде, рогам и горбу— лось, впереди всех,— возможно, козуля.

Выше и справа — резко отличная, вполне мирная картина: человек, пашущий примитивным плугом, запряженным каким-то рогатым, видимо, полорогим животным. Над ним в совершенно спокойной позе стоит олень,— как видно по ряду деталей (рога, холка, хвост и пр.), именно северный олень. Ниже справа, повернутое мордой в обратную сторону, изображено спокойно стоящее животное, в котором можно предположить олененка. Ясно, что здесь имеется сопоставление двух форм быта — охотничьего и скотоводческо-земледельческого, притом с достаточно полным изображением основных объектов этих хозяйственных направлений. Замечательно, что среди охотничьих зверей не случайно мы видим совмещение горно-степных (аргали), горных (тэк) и лесных (лось и козуля) видов, а среди домашних — ездовых (олень) и тягловых (полорогий скот).

Очевидно, более ранний оленеводческий быт сменился земледельческим, который в свою очередь уступил место скотоводческому в результате изменения климата. В пользу такого заключения прямо говорят наблюдения многих путешественников. В частности, Н. М. Ядринцев указывает на былое широкое развитие сельскохозяйственной культуры в ныне опустыненных районах Западной Монголии[4].

Куда же ушли древнемонгольские оленеводы и не замерла ли на месте эта форма хозяйства? У Марко Поло есть известное упоминание о «равнине Баргу», лежащей на север от Алтая. Жители ее «занимаются скотоводством, много у них оленей, на оленях, скажу Вам, они ездят»[5].

Вместе с А. Миддендорфом мы считаем, что эти данные относятся к Барабинской степи, точнее — междуречью Оби, Иртыша и Енисея[6].

---

[1] Г. Е. Грум-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. I, СПб., 1914 стр. 412.
[2] Там же, стр. 408.
[3] Там же, стр. 409.
[4] Н. М. Ядринцев. Указ. соч., стр. 169.
[5] Марко Поло. Путешествия. 1940, стр. 67.
[6] А. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, т. I, отд. 1, СПб. 1860, стр. 62.

Известно, что в Западной Сибири дикий олень, экологически близкий домашнему своему родичу, нормально встречается к югу почти до Колывани[1]. Во времена Миддендорфа они стадами выходили в пределы Барабинской степи. Восточнее Оби, по водоразделу с Енисеем, ареал равнинного северного оленя сливается с ареалом южной горной формы, распространенной в Восточном Алтае, Кузнецком Алатау и по всему Саянскому хребту. Следовательно, в этих местах могли с успехом обитать и оленеводы. Но, самое главное, имеются данные, что аборигенные племена Южной Сибири, ныне лошадники, ранее были оленеводами, некоторые — совсем недавно. Так, по словам В. Г Богораза, камасинцы были оленеводами еще в XIX в.[2]

Изложенные материалы приводят к признанию старой теории о саянской природе оленеводства; эту теорию разделяют многие авторы, в том числе и В. Г. Богораз[3].

Однако наряду с этим существует теория множественности центров возникновения оленеводства[4], а некоторые авторитетные авторы, как, например, А. Браунер, признают, что «где впервые был одомашнен северный олень, сказать трудно»[5].

Прежде чем приступить к рассмотрению этого вопроса, остановимся на исходной точке, т. е. на том, не где, а как возникло оленеводство.

Северный олень встречается кругополярно, сохраняя везде весьма устойчивое постоянство признаков. Между тем оленеводство распространено в основном только в Азии, северо-восточной Европе и на крайнем севере Скандинавии. В остальной Европе, где некогда северный олень был распространен очень широко, оленеводства не было, хотя, как показывают раскопки, в жизни древних обитателей Европы (ориньяк, мадленская культура) этот вид играл роль одного из основных охотничьих животных.

В Северной Америке оленеводство не было известно до конца прошлого века. Бурное развитие североамериканского оленеводства, начало которому было положено завозом крошечного стада, показало, что местные условия исключительно благоприятны для развития этой формы хозяйства; однако аборигены, для которых карибу, близкий к нашему северному оленю, в течение тысячелетий был основным охотничьим зверем, не смогли его одомашнить.

Следовательно, одомашнивание оленей произошло в Азии (в Европу эта форма хозяйства, повидимому, занесена с Востока). О времени начала этого явления Е. А. Богданов говорит, что оно идет «по крайней мере от первых веков нашей эры, сохранились о нем китайские источники»[6]. Очевидно, что в действительности это произошло много ранее.

Если считать, что форма дикого и домашнего оленя одна и та же, то, скорее всего, одомашнивание могло происходить повсюду. Оно может и должно возникать в разных местах и в наши дни, в порядке, например,

---

[1] В. Н. Скалон. Материалы к познанию фауны южных границ Сибири. Изв. Противочумн. ин-та Сибири и ДВК, т. III, Иркутск, 1936.

[2] В. Г Богораз. Древние переселения народов в Северной Евразии и Америке. Сб. Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР, т. VI, 1927, стр. 60.

[3] Там же, стр. 42, 49, 61; В. Г Богораз - Тан. Оленеводство. Труды лаборатории генетики Академии наук СССР, вып. 1, 1933, стр. 224.

[4] А. М. Золотарев и М. Г Левин. К вопросу о древности и происхождении оленеводства. Проблемы происхождения домашних животных, т. 1, 1940.

[5] А. Браунер. К вопросу о естественно-историческом и особенно остеологическом обследовании домашних животных СССР и сопредельных местностей. Труды лаборатории генетики Академии наук СССР, вып. 1, 1933, стр. 150.

[6] Е. А. Богданов. Происхождение домашних животных. М., 1937.

пополнения оскудевшего поголовья путем поощрения скрещиваний, отлова диких экземпляров, особенно телят, и т. д. Между тем в действительности этого отнюдь не происходит, вопреки указаниям отдельных авторов. Дикий северный олень, обитающий ныне в Азии, вовсе не поддается приручению во всех своих экологических группировках. Ни в одном из районов его распространения, где мне случалось бывать за последнюю четверть века,— хотя на этот вопрос я всегда обращал особое внимание,— не удалось установить ни одного факта приручения дикого оленя. Будучи пойманным, даже в первые часы жизни, олененок остается диким, отказывается принимать пищу и погибает, не показывая признаков приручения.

В еще меньшей степени пригодны к приручению старые дикие олени. Можно сказать, что дикий северный олень менее пригоден к приручению, чем любое из диких копытных. Факты приручения лосей, изюбрей, козуль и дзеренов известны давно.

Даже помеси диких оленей с домашними (как правило, дикого самца с домашней важенкой) оказываются непригодными в хозяйстве. Их крайне трудно приучить к запряжке и, даже если это удалось, они сохраняют непокорность и дикость, отнюдь не напоминая своего совершенно кроткого родича. Эти помеси настолько хозяйственно неполноценны, что, как правило, забиваются на мясо уже в молодом возрасте, а самый факт скрещивания рассматривается оленеводами как ущерб делу.

Правда, мне известен один район, а именно бассейн р. Б. Сосвы, где оленеводы-манси отчасти ценят помеси своих оленей с дикими. То же говорит В. Г. Богораз в отношении воззрения чукчей на таких гибридов[1]. Однако эти интересные исключения имеют свои причины, и на них мы остановимся дальше.

Одним словом, нет решительно никаких фактов для утверждения возникновения оленеводства из прямого приручения ныне существующего дикого оленя. Неверно утверждение, что на пути приручения оленей вообще дело «совершенно не в природных свойствах, а в том значении, которое имел каждый вид для человека»[2].

Из всех районов оленеводства наиболее своеобразного зверя имеют саянские оленеводы. Он отличается от всех сородичей своей внешностью и исключительно смирен; он совсем ручной и покорный. Об этом говорят знакомые с ним авторы[3]. Есть поэтому основание утверждать, что саянский олень имеет наибольшее право считаться предком современных домашних оленей. Этим путем мы опять-таки приходим к принятию теории саянского происхождения оленеводства и можем сказать вместе с В. Г Богоразом: «Карагасы, вероятно, являются древнейшими оленеводами»[4].

Но принятие такого решения не объясняет загадки происхождения домашнего оленя, ибо саянский олень не меньше, вероятно, отличается от местных диких сородичей, чем олени других районов.

Очевидно, исходную форму приходится искать южнее. Выше мы убедились, что современное саянское оленеводство — лишь осколок обширного монголо-южносибирского оленеводства древности или, как говорит В. Г Богораз, «карагасы являются горными остатками древнейшей культуры, давно отошедшей на север». Следовательно, если еще учесть разницу современных пород тундрового и таежного домашнего оленя, есть

[1] В. Г. Богораз-Тан. Оленеводство, стр. 237.

[2] В. В. Гольмстен. К вопросу о древнем скотоводстве в СССР. Труды лаборатории генетики Академии наук СССР, вып. 1, 1933, стр. 80.

[3] Д. Каррутерс. Указ. соч., стр. 224; В. Г Богораз. Древние переселения народов..., стр. 61

[4] В. Г. Богораз. Древние переселения народов..., стр. 42.

основание для предположения, что истинная исходная форма ныне в диком состоянии не встречается. Она вымерла в древние времена, возможно, вследствие тех же изменений климата. О том, что эта гипотеза имеет фактические основания, говорит описание вымерших форм северных оленей, которое, например, дает К. К. Флеров по палеолиту Сибири[1].

Но если оленеводство возникло из единого корня, оно должно было и распространяться постепенно, и многие оленеводческие народы современности должны были получить его исторически очень поздно. Такое соображение вполне согласуется с историческими фактами. Обратимся к крайнему Северо-Востоку. Эскимосы до наших дней не восприняли оленеводство и остались собаководами. Те же, которые завели оленей, отдают их на выпас приятелям из чукотской среды. Но сами чукчи — оленеводы недавние. Существует мнение, что принятие чукчами оленеводства относится к XVII в.; если это и несколько преувеличено, то все же явных доказательств древности оленеводства у этого народа нет.

Рассматривая сведения о покорении северо-востока Якутии и Чукотской земли русскими (в чем очень помогает, например, тщательно составленная книга В. А. Самойлова), нетрудно убедиться, что в то время оленеводство было очень мало развито в крае. Русские в своих передвижениях пользовались лодками, лошадьми, собаками. К оленьему транспорту прибегали так редко, что эти случаи оговаривались особо. Покоряемых «иноземцев»— юкагиров, чукчей, тунгусов —они встречали главным образом по берегам моря и рек, в жилищах стационарного типа, вроде известных подземных и полуподземных хижин древних обитателей Чукотского полуострова. Наличие оленей у некоторых племен, например у чуванцев, живущих в верховьях Анадыря, оговаривалось особо: «И они, люди оленные, сами ушли и жен и детей увезли» [2].

В подтверждение сказанного нельзя не привести интересные данные В. И. Иохельсона о древнем хозяйстве юкагиров. Домашними животными этого народа, говорит он, были только собаки. Домашний олень пришел на Крайний Север из более южных мест, и юкагирские роды, ставшие впоследствии и оленеводами, получили его, надо полагать, от эвенков[3]. Следовательно, заключение Ф. Врангеля, что народы северо-восточной Сибири в прежние времена ездили только на оленях, нужно признать ошибочным[4].

Не подлежит, между прочим, сомнению, что малое развитие оленеводства на северо-востоке Сибири во времена его покорения было одной из причин сказочной быстроты и легкости завоевания. Привязанные к берегам водоемов, пешие и собаководческие племена не имели транспортных средств, чтобы удалиться в глубь страны, недосягаемую для намного более подвижных казаков.

Возьмем крайний Северо-Запад — Лапландию. Лауфер [5] считает, что лопари — очень поздние оленеводы. Некоторые авторы относят возникновение оленеводства у них к IX в., другие — к XI в. Возможно, что оно и не проникло к ним ранее, ибо между Скандинавией и Уралом оленеводство распространилось очень поздно. Так, А. М. Золотарев и М. Г. Левин[6] указывают, что в XII в. между Северной Двиной и Печорой

---

[1] К. К. Флеров. Северный олень из палеолита Сибири. Палеолит СССР, 1935.
[2] В. А. Самойлов. Семен Дежнев и его время. 1945, стр. 77.
[3] В. И. Иохельсон. По рекам Ясачной и Конкордону. СПб., 1898, стр. 257
[4] Ф. Врангель. Путешествие к северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. СПб., 1841, стр. 110.
[5] Цит. по В. Г. Богораз - Тан. Оленеводство, стр. 224.
[6] А. М. Золотарев и М. Г. Левин. Указ. соч., стр. 184.

была распространена езда на собаках. В 1499 г. русское воинство при походе на Югру пользовалось собачьими упряжками[1]. Сведения же об оленях появляются гораздо позднее. Известно также, что на заре истории все ненецкие племена были собаководами и охотниками на морского зверя, подобно современным эскимосам. Сведения об этом собраны в известной книге М. П. Алексеева[2]. Автор приводит сообщение Плано Карпини (1246 г.), где говорится, что «эти люди живут только охотами; палатки и платье их также сделаны только из шкур зверей»[3]. Оксенев считает вероятным, что ненцы в XIII в. жили только звероловством[4]. Меховский (1517 г.), говоря о морском промысле жителей полярного побережья, не упоминает об оленях[5]. Принтц (1577 г.) упоминает об оленях и собаках вместе, и лишь Финч (1611 г), говоря о пути от Мезени до Печоры, имеет в виду только оленей.

Впрочем, о собаководческом хозяйстве ненцев есть и позднейшие сведения. Так, Исаак Масса в своем сказании о покорении Сибири, написанном со слов русских знатоков Сибири (1612 г.), говорит, что в то время одни из самоедских племен ездили верхом на оленях, другие запрягали их, а третьи пользовались собаками[6]. В 1647 г. Олеарий, данные которого отличаются обстоятельностью, описывает зимние жилища самоедов в виде землянок, заносимых снегом, куда люди попадают снаружи через трубу[7]. Совершенно очевидно, что такой тип зимовок возможен только для прибрежных собаководов и хорошо определяет форму хозяйства племени. О кочевках с оленями и о переносных чумах самоедов,— что свидетельствует о полном переходе к тундровому оленеводству, — сведения появляются только у Мильтона в 1642—1649 гг.[8]

Однако Крижанич (1661—1676 гг.), описывая «климаты Сибири», о «первом климате, омываемом ледовитым морем», говорит, что «там нет иных домашних животных, кроме собак»[9].

Таким образом, очевидно, что ненцы или их предки обосновались на севере как приморские собаководы. Оленеводство они получили с юга, и оно потянуло их от побережья в тундру. Вместе с этим заметим, что приполярное ездовое собаководство, видимо, существовало вдоль всего побережья. Его восприняли русские, поселявшиеся для промысла на берегах «Ледовитого моря».

Археологические следы этих поселений изучены пока очень мало. К ним, очевидно, относятся памятники, исследованные В. Н. Чернецовым[10]. Интересно, что этот автор, найдя кости оленя всюду среди кухонных остатков обитавших в ямальских землянках народностей, не приводит ничего, говорящего в пользу существования у них оленеводства. Между тем обиталища эти относительно поздние.

Среди остяков разных племен оленеводство также не всегда и не одинаково древне. А. М. Золотарев и М. Г. Левин приводят данные, по которым еще в XV и XVI вв. собака у остяков была единственным упряжным

---

[1] М. П. Алексеев. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1941, стр. 41.
[2] М. П. Алексеев. Указ. соч.
[3] Там же, стр. 8.
[4] Там же, стр. 11.
[5] Там же, стр. 80.
[6] Там же стр. 260.
[7] Там же, стр. 294.
[8] Там же, стр. 306.
[9] Там же, стр. 555.
[10] В. Н. Чернецов. Древняя приморская культура на полуострове Ямал. СЭ, 1945, № 4—5.

животным[1]. И доселе у остяков по преимуществу нет оленей. Они — пешие или собаководы. Их стихия — лодка-обласок. Прочное оленеводство мы встречаем по Ваху, в верховьях Агана, на Казыме, словом, там, куда проникают лесного типа олени остяко-ненецкого или пянхазовского происхождения.

Работа Е. Д. Прокофьевой хорошо подтверждает, что древние насельники Сибири были оседлыми (собаководами), а оленеводческие народы пришли к ним с юга[2].

У эвенков оленеводство также появилось в разное время. Бранд (1692—1695 гг.), описывая тунгусов, разделяет их по упряжкам на конных, оленных и собачьих. А. М. Золотарев и М. Г. Левин приводят доказательства того, что эвенки еще в XVII в. были частично пешими[3]. Особенно же интересно, что восточные эвенки (Охота, Лена, Мая) еще в XVIII в. не были оленеводами. Стало быть, идя из Маньчжурии, племена этого корня воспринимали оленей постепенно из того же источника. Проще всего им было получить новую форму хозяйства в районе Байкала, и к этим местам должны относиться сведения китайских хроник об ороченах — оленных людях. Однако проникновение оленеводства в Прибайкалье произошло довольно поздно. Так, Г. Е. Грум-Гржимайло указывает, что неолитические племена в долине Ангары не имели вовсе домашних животных[4]. Между тем по всем данным очевидно, что дикий олень был постоянным объектом их охоты.

Таким образом, возникает предположение, что путь оленеводов с их прародины не был широк. Он, видимо, определялся сначала правобережьем Оби от водораздела с Енисеем, захватывая затем Томь и переходя отчасти на левый берег Оби. Интересно, что, следуя этим путем, мы примерно от широты Чулыма вступим в область бесконечных болот, характерных обширными ягельниками боров, и чем дальше к северу, тем меньше будет облесенная площадь. Между Вахом и верховьями Таза озерно-болотистая страна оставляет лесу узкие полоски. А с севера лесотундра доходит до широты истоков Пура и системы озер Лозль-То, вероятно, южнее, чем где бы то ни было.

Эти пространства, представляющие собой, возможно, остатки древних водоемов, служат (начиная от Ваха) мощным пролетным путем водоплавающих, преимущественно морских, который тянется на верховья Васюгана и Барабинские озера. Этими «воротами» с севера проникают в Нарымский край песцы и тундровые волки. Этим же путем в древности могли воспользоваться уходившие на север племена. Во-первых, здесь повсюду был, как есть и сейчас, корм для оленей, а, во-вторых, в этих условиях они оказывались недоступными для конных врагов, нажимавших на них с юга. Отметим, что остяки и ненцы верхнего Таза пришли, по их преданиям, с Кети с оленями. Точно так же специфический олень пуровских пянхазов показывает некоторую близость к саянскому оленю, а система хозяйства примитивна и, очевидно, достаточно древняя.

Сравнительная непродолжительность периода, в который оленеводство распространилось по евразийскому Северу, не может служить доводом против принятия теории единого корня. Мы знаем ряд примеров, которые показывают, с какой удивительной быстротой может развиваться и охватывать огромные площади эта форма хозяйства, попадая в благо-

---

[1] А. М. Золотарев и М. Г. Левин. Указ. соч., стр. 186.

[2] Е. Д. Прокофьева. Древние жилища на рр. Тим и Неть. СЭ, 1947, № 2, стр. 201, 202.

[3] А. М. Золотарев и М. Г. Левин. Указ. соч., стр. 182 и 183.

[4] Г. Е. Грум-Гржимайло, Указ. соч., т. II, стр. 43.

приятные условия. Более всего говорит об этом успех оленеводства на Аляске. Точно так же зырянское — исторически совершенно новое — оленеводство достигло больших успехов. То же относится и к оленеводству чукчей; развившись быстро, оно потребовало расширения границ, и, как известно[1], с 1867 г. чукчи получили разрешение перенести свои кочевья на запад от Колымы. И что же? Встретив благоприятные условия, чукотское оленеводство стремительно заняло тундру левобережья Колымы, бассейн Алазей, к западу вплоть до Индигирки, и настолько плотно, что совершенно вытеснило дикого оленя, обитавшего там ранее в огромном количестве.

Другое происходит, если население получит оленей, непригодных в данных физико-географических условиях. Пример этого дает нам таежный Урал. Манси (вогулы), исторически недавние насельники северного Приуралья,— исконные лошадники. Лошадь играет выдающуюся роль в их быте, а в культе закрепилась настолько, что безлошадные манси Крайнего Севера для торжественных жертвоприношений покупают и приводят с юга пегих жеребят. Несмотря на крайне неблагоприятную для лошади северо-уральскую тайгу, манси акклиматизировали это животное предельно далеко на севере; так, например, манси верховьев Конды остались лошадниками. Но вытесняемые далее к северу, они должны были изменить излюбленному животному. Частично пришлось использовать собак (мало рентабельное животное в условиях таежного многоснежья), а в основном, начиная с верховьев Тапсуя, воспринять оленеводство. На беду, оленя они встретили типично тундрового — ненецкого, заходящего далеко на юг по горным тундрам Урала. Его пришлось приспосабливать к тайге, ибо таежной формы нигде поблизости не было (ее мы не найдем ближе Васюгана и верховьев Агана), а многочисленный местный дикий олень был и остался неприручаемым.

Но к ненецкому оленю в тайге относится все, что свойственно тундровым оленям в этих условиях. Даже при усердной пастьбе в тайге и дымокурах он плохо переносит таежное сырое лето. Его влечет в уральские тундры. Стадо или разбегается, или тянет за собой хозяина. Так создалась своеобразная форма мансийского оленеводства. Олени приходят с Урала в тайгу в ноябре, наиболее далеко к востоку, и позднее, в конце февраля, идут уже в горные тундры. Таким образом, бóльшую часть года занимает трудная, хозяйственно бесполезная кочевка, делающая эту форму хозяйства вовсе нерентабельной. Ясно, что при таких условиях прилитие крови даже дикого, но таежного оленя может оказаться полезным, и хозяйства, признавая все недостатки гибрида, вынуждены использовать его в хозяйстве. Я не смог, впрочем, заметить, чтобы влияние этого скрещивания существенно сказалось на поголовье. Это отчасти объясняется тем, что самцов гибридов приходится все же кастрировать.

Очевидно, что указываемое В. Г. Богоразом благожелательное отношение чукчей к скрещиванию их оленей с дикими есть следствие молодости данного оленеводства, когда прилитие крови местного оленя может оказаться полезным.

В заключение следует подробнее рассмотреть, как строятся взаимоотношения домашних оленей с дикими, соприкосновение с которыми при их наличии возникает неизбежно. При исследовании распространения диких северных оленей в Сибири, особенно в тундрах, удается установить постепенное затухание ряда очагов, ранее обильных этим зверем. В отношении Чукотки, на основании сопоставления данных Г. Мейделя

[1] В. Г. Богораз-Тан. Оленеводство, стр. 242.

(1870 г.)[1], Г. Дьячкова (1893 г.)[2], Н. И. Сокольникова (начало XX в.)[3], Л. О. Белопольского (1932 г.)[4] и других, можно установить огромное сокращение дикого оленя на всей территории северо-востока Азии. Говорить о том, что он «откочевал» куда-то, не приходится. Причина — в бурно разросшемся примитивном чукотском (на Ямале или на Гыда Яме—ненецком) оленеводстве. По мере роста оленеводства в районе осваиваются и используются пастбища, в которых, при широко распространенном до сих пор первобытном способе пастьбы, скоро начинает чувствоваться недостаток. Это положение, естественно, прогрессирует и чем дальше, тем сильнее ограничивает приволье существования и свободу перекочевок дикого оленя. Таким образом, мощное и примитивное оленеводство является антагонистом дикого оленя и даже совсем вытесняет его из обширных районов.

Развитие и конец этого процесса могут быть различными. Так, на Ямале и Гыданском полуострове он привел к экологическому разобщению и большому количественному сокращению дикого оленя и пока этим ограничился. На крайнем Северо-Востоке дело, повидимому, обстоит хуже. Чукотское оленеводство, массовое, прогрессирующее быстро и сохраняющее до сих пор черты крайней примитивности, оказалось фактором достаточно сильным, чтобы свести на нет дикого оленя в местах его распространения — в земле чукчей и на левобережье Колымы.

Отличаясь всюду от диких оленей, домашние тоже крайне резко распадаются на породы. Основные из них — таежные и тундровые. Они совершенно не схожи экологически.

Всякий, кому приходилось много странствовать на оленях, знает, как чувствует себя тундровый олень в условиях тайги. Известно, к каким результатам приводили попытки прямой переброски тундровых оленей в глубину тайги для снабжения туземцев, лишившихся оленей.

Мелкий, относительно коротконогий, более слабый тундровый олень бессилен в борьбе с глубокими таежными снегопадами. Там, где таежный олень без труда достает себе пищу, тундровый устает раньше, чем достаточно наестся даже на богатом ягельнике. Летом тундровый олень не выносит таежной сырости, что особенно отражается на молодняке. Совершенно невыносим для него таежный гнус: даже такой, который мало еще тревожит оленя-таежника, наводит панику на его тундрового собрата. Наконец, тундровый олень просто боится леса. Характерно, что голый, прозрачный зимний лес мало пугает тундрового оленя, но зеленая летняя тайга положительно враждебна ему Привыкший ориентироваться на зрение, он, по выражению туземцев, «совсем не умеет пастись в тайге». Самые ничтожные шумы, безопасность которых бесспорна для таежного оленя, страшат тундровика. Крайне легко стадо тундровых оленей, пасущихся в лесу, поддается безнадежной панике. Все эти причины в совокупности вызывали гибель целых стад тундровых оленей, загнанных в тайгу. Акклиматизация тундровых оленей в тайге — дело очень неблагодарное, чему наилучшим примером служит оленеводство манси.

---

[1] Г Мейдель. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 гг. Приложение к т. XXIV Записок Академии наук, № 3, СПб., 1894.

[2] Г. Дьячков. Анадырский край. Записки Об-ва изучения Амурского края, т. 2, Владивосток, 1893.

[3] Н. И. Сокольников. Охотничьи и промысловые звери Анадырского края. Бюллетень Моск. Об-ва испыт. природы, отд. биологич., новая серия, т. XXXVI, вып. 1 и 2, М., 1927.

[4] Л. О. Белопольский. Парнокопытные Анадырско-Чукотского края. Труды ЗИНАН, т. I. вып. 3—4, 1933.

Таежный олень в тундре уживается, конечно, лучше; мы видим это у эвенков верховьев Турухана, а особенно у долган на Южном Таймыре. Однако в силу каких-то причин он нигде не вытесняет тундрового оленя. Между тем с хозяйственной точки зрения этот крупный, годный под верх зверь гораздо ценнее мелкого своего собрата.

Различие пород таежных оленей более резко, чем тундровых. Наиболее крупный саянский олень отличается от других, как мы видели, особенно сильно. Различные породы тунгусских оленей от Амура до Васюгана в большинстве годны под верх. Самые, вероятно, мелкие из них — это олени верховьев Лены. Таежные олени верховьев Таза, Пура и Агана представляют особую группу, так сказать, лесотундровых оленей, к которым примыкают олени Ваха. Следует предположить, что их происхождение неоднородно. Гипотетическая, вымершая форма низинного мелкого оленя дала тундровые породы. Саянский олень, исконно горный, был родоначальником таежных оленей (или происходит от общей формы). Можно утверждать, что обособление этих пород изначально.

В пользу этого мнения, кроме приведенных соображений, говорит замечательная находка остатков двух пород северных оленей на стоянке палеолита Афонтова гора II. В. И. Громов определенно указывает, что одна из них — мелкая, неотличимая от современных оленей низовьев Енисея, вторая — крупная[1].

В заключение следует сказать несколько слов об относительной древности верхового и упряжного оленеводства. Как известно, самое старое саянское оленеводство — целиком верховое. Только в наши дни оно успешно модернизируется введением саней. Замечательно, что, как сообщил мне большой знаток сибирского шаманства В. И. Подгорбунский, в шаманских обращениях говорится только о верховых оленях. Это же, как мы видели, характерно и для шаманских песен, сохранивших следы воспоминаний об оленеводстве в местах полного и древнего его исчезновения.

В упряжном оленеводстве использовались олени мелкие, под верх непригодные. Верховые олени там, где это требовалось или территориально совпадало с использованием упряжных пород, приспосабливались к упряжке легко; обратного же быть не может. Кроме того, как мы видели, мелкая, пригодная лишь к упряжному употреблению порода оленей существовала в древнейшие времена. Следовательно, упряжное оленеводство может считаться равным по возрасту верховому оленеводству.

ВЫВОДЫ

1. Так называемые оленные камни Западной Монголии позволяют предполагать, что в прошлом в этой стране был более влажный климат.

2. Рассмотрение гидрогеологических, ботанических, зоогеографических и археологических данных заставляет признать обоснованность теории усыхания климата Западной Монголии в недавнем прошлом.

3. Данные геологии позволяют заключить, что основная причина указанного изменения климата была местной, а не общеазиатской.

4. Рисунки на скалах и камнях, вместе с данными археологии, фольклора и истории, приводят к выводу, что в местах, занятых этими камнями (от Алтая, через верховья Енисея, вероятно, до Селенги и к югу до Шар-

[1] В. И. Громов. Геология и фауна палеолитической стоянки Афонтова гора II. Труды Комиссии по изучению четвертичного периода, 1932.

гиин-Гоби) во времена, когда климат был влажным, была распространена оленеводческая культура.

5. Культура эта переместилась к северу в силу изменения климата.

6. Изложенное служит подтверждением существующей теории саянского происхождения оленеводства.

7. Принятое в животноводстве мнение о том, что родоначальником домашних оленей был ныне существующий дикий олень,— ошибочно. Современный евразийский дикий олень неприручаем, как и североамериканский карибу.

8. Наиболее примитивный саянский олень — самый вероятный прародитель домашних оленей. Однако он вовсе не схож с окружающими его дикими оленями, и следует предполагать, что истинная исходная форма ныне в природе не существует.

9. Теория единого саянского корня оленеводства исключает гипотезу множественности центров возникновения этой формы хозяйства.

10. Теория единого корня хорошо подтверждается историческими фактами неодновременного возникновения оленеводства, притом более позднего у народов, далее находящихся от Саян.

11. Вероятный путь оленеводов с юга — междуречье Оби и Енисея, до водораздела этих рек, и далее — в озерно-болотистую страну Ваха, Пура и Таза. Западноэвенкийские племена могли получить оленей непосредственно из Саян.

12. Оленеводство антагонистично существованию диких оленей; в конечном счете оно исключает последнее, если нет вмешательства человека.

13. Домашние олени, резко отличаясь от диких, распадаются на многие, очень различные породы.

14. Основное различие тундровых и таежных оленей — экологическое. Оно настолько глубоко, что приводит к мысли о независимом их происхождении.

15. Есть основание считать верховое и упряжное оленеводство равными по древности происхождения.

М. Т. ГЕМБАРОВИЧ

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ТРИПОЛЬСКИХ ЖЕНСКИХ СТАТУЭТОК

Трипольские глиняные статуэтки являются одним из важнейших источников изучения культуры раннеземледельческих племен, первобытной идеологии и верований. Следует думать, что как формы орудий или сосудов связаны с их назначением, так и формы статуэток соответствуют роли, которую они играли в верованиях и культовых действиях своего времени. Настоящая статья является попыткой осветить вопрос о значении одной из групп трипольских женских статуэток.

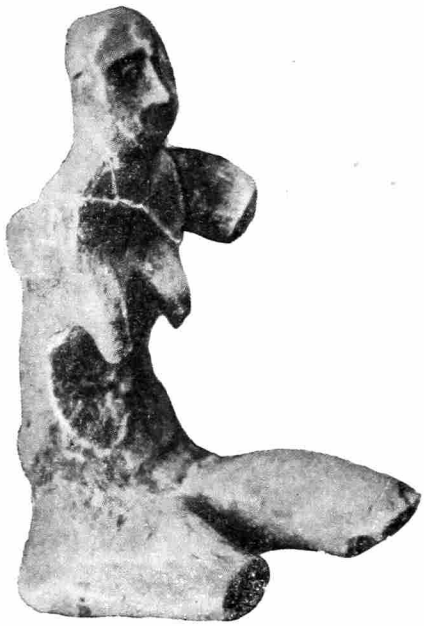


Рис. 1 Триполье. (Раскопки В. В. Хвойко).

Среди трипольских женских статуэток обращает на себя особое внимание тип так называемых сидячих статуэток. Он отличается от других сильно схематизированных трипольских статуэток, в частности, реализмом в передаче анатомических деталей и положения тела (рис. 1). Несмотря на сравнительную немногочисленность фигурок этого типа, они встречаются на всей территории распространения трипольской культуры и одинаково относятся к ее этапам B/II, C/I и C/II (по схеме Т. С. Пассек), причем между более ранними и более поздними фигурками не наблюдается существенной разницы. А. Скриленко, 50 лет тому назад сделавшая попытку классификации всех известных ей трипольских фигурок, выделила особый, третий по ее схеме, вариант «сидячих статуэток наиболее совершенного типа»[1]. Признавая характеристику, данную А. Скрипленко этим статуэткам, в основном правильной, все же следует отметить, что в настоящее время она нуждается в некоторых исправлениях и дополнениях в связи с новыми открытиями. Это в значительной степени уже сделано Т. С. Пассек[2], которая, основываясь на результатах собст-

[1] А. Скриленко. Глиняные статуэтки домикенской культуры, открытой в Среднем Приднепровье. Труды XII АС, М., 1905, стр. 145 и сл.

[2] Т. С. Пассек. К вопросу о древнейшем населении Днепровско-Днестровского бассейна. СЭ, VI—VII, 1947, стр. 32 и сл.

венных раскопок, обратила внимание на ряд особенностей этих статуэток и наметила дальнейшие пути их исследования.

Интересующие нас статуэтки изображают сидящую, чаще всего женскую фигуру в трех различных вариантах: 1) фигурки с вытянутыми вперед ногами (рис. 2); 2) фигурки с ногами, согнутыми в бедрах и коленях (этот вариант получил в литературе название «полусидячих» — Макензи, Маевский) и 3) фигурки, сидящие на каком-нибудь возвышении с сильно согнутыми в коленях ногами.

Рис. 2. Триполье. (Раскопки В. В. Хвойко).

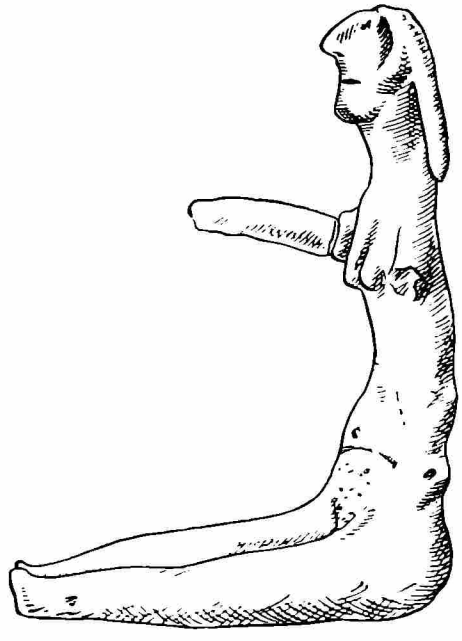


Рис. 3. Колодяжное. (Раскопки С. С. Галиченко, 1927 г.)

Статуэтки первого вида интересны высоким художественным уровнем их выполнения. Они представляют фигуру женщины с вытянутыми вперед ногами, как бы сидящую на земле, так, что ноги с туловищем образуют прямой угол (рис. 3; Коломийщина II[1], Триполье[2], Колодяжное[3], Кошиловцы[4]).

Туловища этих фигурок или вертикально выпрямлены (Колодяжное), или легко наклонены вперед (Триполье[5]) либо назад (Владимировка[6]), или дугообразно изогнуты (Коломийщина I; рис. 4). Отличительной особенностью этих статуэток является также трактовка рук, сложенных на груди (Владимировка, Триполье) или вытянутых вперед (Колодяжное, Триполье, Кошиловцы). Ноги разделены, или слегка намечены (Триполье; рис. 1), или трактованы схематично, образуя одно целое,

---

[1] Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, рис. 31, 1.

[2] N. Makarenko. Sculpture de la civilisation trypillienne en Ukraine. JPEK, 1927, табл. 43, фиг. 24, 25.

[3] Т. С. Пассек. Периодизация..., рис. 90, *2*.

[4] Ch. Hadaczek. La colonie industrielle de Koszylowce de l'époque énéolitique. Album des fouilles. Léopol, 1915, табл. XXIX, фиг 272.

[5] N. Makarenko. Указ. соч., фиг. 25.

[6] Т. С. Пассек. Периодизация..., рис. 49, *6*.

кончающееся одной ступнею или без нее (рис. 2)[1]. Во всех остальных подробностях человеческое тело, особенно у некоторых статуэток, передано с необычайным реализмом, на что обратила внимание еще А. Скриленко: спина хорошо моделирована, причем замечается старание изобразить расположение и даже движение мускулов. Самую любопытную особенность этих статуэток представляет положение тела фигурки, в котором легко можно усмотреть передачу совершенно определенного движения.

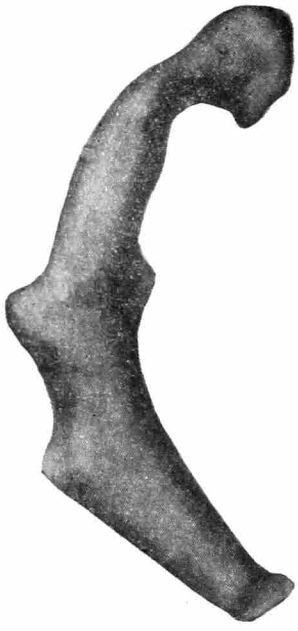


Рис. 4. Коломийщина I. (Раскопки Трипольской экспедиции 1936 г.)

Эта черта особенно отчетливо выступает в тех статуэтках, у которых изогнутое или наклоненное вперед туловище вместе с вытянутыми вперед руками напоминает положение тела во время гребли или качанья. В связи с этим обращают на себя внимание две детали. У статуэтки из Триполья (Киевский исторический музей, № 16139, рис. 1) продолговатые свешивающиеся груди не прилегают к грудной клетке, как у других статуэток; они слегка свисают, как при движении тела более сильном, чем во время гребли. У ряда других статуэток (например, Колодяжное[2]) имеются надбедренные выступы, иногда со сквозными отверстиями, повидимому, предназначенные для подвешивания статуэток. Выступы на бедрах служили для обматывания их шнурком или продевания шнурка через отверстие. О том, что выступы делались из чисто практических соображений, свидетельствуют отверстия такого же назначения на бедрах у статуэток из Агии Триады (см. ниже, рис. 8), а также одна «стеатопигическая» статуэтка из Луки-Врублевецкой, у которой надбедренные выступы без отверстий совершенно не гармонируют с массивными бедрами и композиционно с ними не связаны (см. ниже, рис. 10)[3]. Наличие надбедренных выступов объясняется положением самого тела этих фигурок, в первую очередь — торса и ног. При таком положении тело не может сохранить равновесие без дополнительной подпорки, например, качелей или стульчика. Повидимому, описанные статуэтки изображали женщину на качелях.

Второй вариант представлен только одним фрагментом статуэтки, изображающей фигуру в полусидячем положении (рис. 5). Туловище выпрямлено вертикально, ноги в бедрах и коленях согнуты не так сильно, как в двух других вариантах; в этом положении тоже

---

[1] Такая трактовка ног одной статуэтки из Триполья (В. В. Хвойко. Труды XI АС, 1901, табл. XXII, 7; N. Makarenko. Указ. соч., фиг. 3, *6*) стала причиной недоразумения, так как А. Скриленко, не зная подобных находок и исходя из некоторых стилистических особенностей, свойственных также и статуэткам других типов, считала упомянутую находку из Триполья до некоторой степени случайным явлением: «Повидимому, она именно сделана из стоячей путем сгиба еще мягкой глины, а не вылеплена преднамеренно подобно остальным, имеющим разделенные ноги» (А. Скриленко. Указ. соч., стр. 148).

[2] Т. С. Пассек. К вопросу о древнейшем населении..., фиг. 3.

[3] Фотоснимками статуэтки из Луки-Врублевецкой я обязан любезности С. Н. Бибикова.

нельзя сохранить равновесие без особой подпорки. О том, что такой первоначальной подпоркой были качели, свидетельствуют надбедренные выступы со сквозными отверстиями на фрагменте статуэтки из Коломийщины [1].

Третий вариант изображения сидящей женщины известен по немногим экземплярам статуэток из Владимировки, Сушковки, Попудни, Кри-

Рис. 5. Коломийщина I. (Раскопки Трипольской экспедиции 1935 г.)

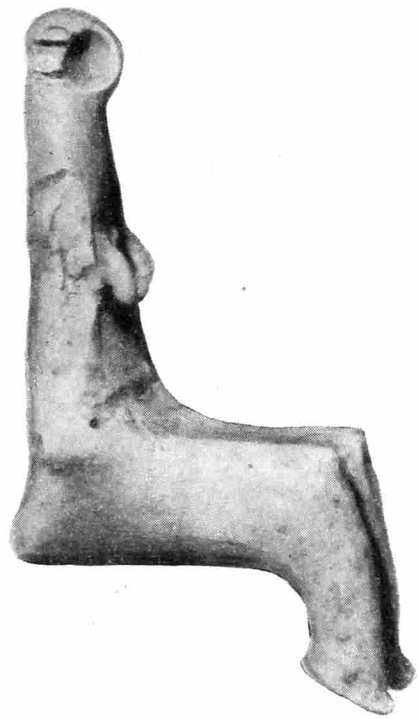


Рис 6. Кошиловцы. (Раскопки К. Гадачека).

ничек и Кошиловец. Он отличается от первого тем, что ноги изогнуты в коленях под прямым углом; выпрямленное вертикально туловище также образует с ногами прямой угол. В тех случаях, когда у статуэтки сохранились руки, они представлены или короткими обрубками, или выступами; в двух случаях они обозначены полностью и прижимают к груди статуэтки изображение ребенка. О том, что и эти статуэтки — по крайней мере, некоторые из них — подвешивались, свидетельствуют надбедренные выступы со сквозными отверстиями, особенно заметные на одном экземпляре из Кошиловец[2] (рис. 6).

Итак, трипольские сидячие статуэтки всех трех вариантов в основном должны были изображать, вероятно, качающуюся фигуру.

Мотив качелей и качающейся фигуры встречается в искусстве вообще очень редко. Поэтому его появление в культуре раннеземледельческих племен Поднепровья, Побужья и Поднестровья представляет большой интерес. Для раскрытия значения этого мотива нельзя ограничиться только трипольским материалом; следует обратиться за аналогиями к другим земледельческим культурам, в которых выступают те же мотивы.

---

[1] Т. С. Пассек. Периодизация..., рис. 93, *3*.
[2] Ch. Hadaczek. Указ. соч., табл. XXIX, фиг. 265, 266.

Впервые эти мотивы в искусстве появляются в классической Греции, в частности в Афинах, где во время ежегодных весенних праздников Диониса— «Антестерий» практиковался так называемый обычай «айора», состоявший в том, что его участники, держа в руках женские статуэтки, раскачивали их в такт песни «Алетис» [1].

Многочисленные сведения о существовании этого обычая сохранились в литературных источниках (Поллион, Гигин, Плутарх, Павсаний и Афиней). Несмотря на то, что эти источники относятся к более поздне-

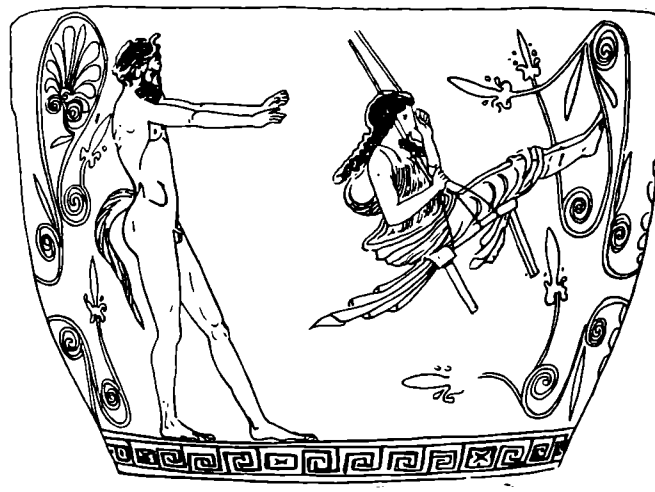


Рис. 7 «Айора». Расписная ваза середины V в. до н. э. (Берлинский музей).

му времени, они, несомненно, отражают очень древний обычай. Нам неизвестны женские статуэтки — непосредственные вещественные доказательства этого обычая, но ряд косвенных указаний подтверждает его существование. К таким материалам в первую очередь относится несколько расписных ваз с изображением женщины на качелях. На одной из них (V в. до н. э.), кроме качающейся женщины, изображен сатир, что вместе с сохранившимся следом надписи «Але[тис]» свидетельствует о дионистическом характере сцены (рис. 7). Кроме того, в описании Дельф Павсания упоминается, что на картине Полигнота «Некия», написанной в 459—447 гг. до н. э., была, между прочим, изображена Федра на качелях; качели в данном случае, как указывает Павсаний, должны были напоминать деликатным и более приличным образом ее самоубийство через повешение[2].

То обстоятельство, что мотив качелей и качания связан с Федрой, которая, прежде чем стала героиней мифа и трагедии Эврипида, была хтоническим божеством на Крите, направило внимание исследователей на поиски объяснения этого мотива в эгейском мире. Результат оказался довольно неожиданным. В юго-восточной, т. е. самой древней части дворца в Агии Триаде, в одном из погребений были обнаружены разные культовые предметы XIV или XV вв. до н. э., происходящие, вероятно, из домашнего святилища. Среди них оказалась фигурка с отбитой головой, представляющая собой изображение сидящей женщины в узорчатом

[1] Ch. Picard. «Phedra à la balançoire» et symbolisme des pendaisons. RA, 1928, XXVIII, стр. 57. и сл.
[2] Paus., X, 29, 3.

платье и корсаже с открытой грудью, с руками, вытянутыми вверх (рис. 8)[1]. Вместе с фигуркой были найдены два столба с птичками наверху, укрепленные на одной подставке, на некотором расстоянии друг от друга. Сквозные, косо опущенные внутрь отверстия в верхней части столбов, а также сквозные проколы на руках и на высоте бедер фигурки указывают на то, что фигурка раскачивалась на продернутом через отверстия шнурке и изображала женщину на качелях.

Французскими раскопками в Мари, на Верхнем Евфрате, в развалинах храма Нинхурсаг была обнаружена женская статуэтка, относящаяся к тому же типу фигурок, что и статуэтка из Агии Триады, и датированная временем около 2500 г. до н. э.[2] Верхняя часть фигурки не сохранилась. Статуэтка изображает роскошно одетую женщину, сидящую на стуле со спинкой, с руками, сложенными на животе. Фигурка со стулом изготовлены из одного куска глины и образуют одно целое. Отверстия у основания и по бокам стула предназначались, вероятно, для продевания шнурка. Повидимому, и эту статуэтку можно было подвешивать и раскачивать[3].

Рис. 8. Агия Триада. «Федра на качелях».

Таким образом, в продолжение целого тысячелетия, с половины III тысячелетия до половины II тысячелетия до н. э., в Двуречье и на Крите встречаются женские статуэтки на качелях. По своему характеру они приближаются к статуэткам, которые, согласно свидетельству классических авторов, были в культовом употреблении в Греции еще в первых веках нашей эры.

К сожалению, мы не имеем других материалов, которые могли бы объяснить значение этих древних фигурок, датированных на основе археологических данных. Поэтому мы вынуждены обратиться к кругу понятий, связанных с обычаем «айора». Как известно, «праздник качелей» существовал только в Афинах, которые принадлежали к главным центрам культа Диониса в Греции. Употребляемые в этот день фигурки качающихся девушек интерпретировались как воспоминание о самоубийстве Эригоны, дочери Икара, который, согласно мифу, был инициатором культа Диониса и виноделия в Аттике, что говорит о связи «айоры» с каким-то древним земледельческим культом. На связь с земледельческим культом указывают и две упомянутые фигурки из Крита и Двуречья. Нин-

[1] Ch. Picard. Указ. соч., стр. 50 и сл.

[2] André Parrot. Les fouilles de Mari. Sixième campagne (automne 1938). Syria, t. XXI, 1 fasc., 1940, стр. 15 и сл.

[3] André Parrot. Archéologie mésopotamienne. Paris, 1946, стр. 499 и сл.; G. Contenau. Manuel d'archéologie orientale, t. IV, Paris, 1947, стр. 1709 и сл., и 2119.

хурсаг, в развалинах храма которой в Мари была найдена фигурка, считалась божеством урожая и плодородия. Так же, очевидно, следует интерпретировать и критскую «богиню на качелях», перешедшую в Грецию в образе Федры, ибо Федра первоначально, как и Деметра Элевсинская, Афродита Гипполития, Элеутия и муза Полигимния,— синоним одного и того же хтонического божества, выразительницы основной идеи земледельческих культур, т. е. вечности жизни и ее постоянного возрождения.

Поразительное сходство мотива качелей в разных культурах древнего мира и его связь с земледельческими культами дают нам право предполагать, что качели в данном случае — не простое развлечение, а магическое действие, связанное с увеличением урожая[1].

Сопоставляя полученные данные с наблюдениями над трипольским материалом, можно отметить, что аналогии к двум упомянутым древневосточным статуэткам мы встречаем среди фигурок из Поднепровья, Побужья и Поднестровья.

Остается еще выяснить вопрос, чем вызвана была такая близость материалов: имеет ли она случайный характер, или отражает какие-то более глубокие исторические процессы? Для выяснения этого вопроса следует снова обратиться к памятникам Греции. Нельзя забывать, что «айора» была обрядом, связанным с праздником Диониса, который, прежде чем был принят на Олимп как бог виноделия, почитался, вероятно, как хтоническое божество. Культ Диониса имеет черты глубокой древности, так как понятие рождающегося и умирающего божества характерно для всех религий, базирующихся на обожествлении сил природы; это божество — символ ежегодно рождающейся и умирающей растительности. Поэтому с культом подобных божеств (Озирис, Таммуз, Адонис и др.) мы встречаемся у всех земледельческих народов, особенно в Восточном Средиземноморье[2].

В связи с этим Фракия, родина Диониса, как территория, соединяющая эгейский мир с Северо-Западным Причерноморьем, заслуживает особого внимания, особенно, если учесть ее богатство памятниками искусства периода позднего неолита и энеолита.

Среди этих памятников одними из самых интересных являются известные 4 фигурки обнаженных женщин, сидящих на своеобразных скамейках, найденные в 1871 г. в Татар-Пазарджике и Папазлине (на Марице)[3].

---

[1] Выступающие в аттическом мифе об Эригоне мотивы голода и самоубийства героини через повешение повторяются и в других земледельческих культах, однако этот вопрос не связан непосредственно с нашей темой.

[2] Следы древнего земледельческого культа, напоминающего культ Диониса, известны в Причерноморье в I тысячелетии до н. э. По Геродоту (Herod., IV, 108), гелоны, скифское земледельческое племя, «через каждые два года совершают празднества с оргиями». Это напоминает греческие дионисии, триэтериды, которые совершались каждый третий год и имели характер оргий. Происхождение этого вида культа у скифов спорно. По мнению одних исследователей (Ганелл), этот культ — более позднего греческого, точнее дельфийского, происхождения; по мнению других (Роде), он является только одним из видов самого древнего культа и отвечает приемам первобытного земледелия (пустование полей каждый третий год). Высказывалось мнение (Фарнелл), что этот культ происходит, так же как сам Дионис, из Фракии. Его существование во Фракии устанавливают такие авторы, как Овидий (Ovid., Met., VI, 587, IX, 642; Rem. am, 593) и Диодор (Diod., IV, 3). Кажется, что этот сложный вопрос невозможно решить, не принимая во внимание малоазиатские культы «Великой матери», которые тоже имели оргиастический характер.

[3] Moritz Hoernes. Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa von den Anfängen bis um 500 vor Christi. III Auflage, durchgesehen und ergänzt von Oswald Menghin. Wien, 1925, стр. 312—319.

Особый интерес представляет самая большая из них, изготовленная очень тщательно, несмотря на сильную схематизацию, и украшенная углубленным орнаментом. Она представляет женщину, сидящую на низкой скамейке, с поднятой вверх головой, на которой обозначены черты лица; груди непропорционально малы: сложенные под ними руки переданы пластически; локти отделены от тела, благодаря чему под ними образуются сквозные отверстия. Ягодицы и бедра, очень полные, свисают с низкой круглой скамейки, голени, непропорционально короткие и худые, кончаются ступнями (рис. 9). В этой фигурке особенно обращает на себя внимание одна подробность: расстояние между сгибом колен и скамейкой заполнено тонкой стенкой или перегородкой. Эта особенность не вызвана технической необходимостью, так как и фигурка, и скамейка достаточно массивны, основательно соединены и не требуют добавочного укрепления. Очевидно, что перегородку добавили для помещения в ней такого же отверстия, как и под плечами фигурки, также служившего для продевания шнурка и для свободного подвешивания фигурки.

Рис. 9. Татар-Пазарджик и Папазлин. (Находка 1871 г.).

Другие фигурки этой группы не отличаются от первой положением тела и рук, однако они меньших размеров и сильнее схематизированы. Нижняя часть тела одной из них сливается в одно целое с четырехгранной скамейкой. Вырезы в нижней части скамейки, представляющие ее ножки, и отверстия под руками статуэтки могли иметь такое же значение, как и в описанной выше фигурке. Любопытно, что все эти фигурки, хронология которых точно не установлена, отличаются от статуэток из Мари и Крита тем, что изображают обнаженную женщину, так же как и трипольские.

Фракийским статуэткам отвечают многочисленные аналогии среди поздненеолитических и энеолитических сидячих статуэток, встречающихся в Юго-Восточной Европе и Передней Азии. На Востоке находим их в Двуречье, где, кроме Мари на верхнем Евфрате, они были найдены на южных и северных поселениях (Телль-Халаф, Арпачия, Шагар-Базар), в архаических слоях, датированных IV и III тысячелетиями до н. э. На Западе подобные находки известны из Винчи, Градац, Чаршие в Сербии и Сескло в Фессалии. На Юге подобные статуэтки происходят из Спарты (1-я половина II тысячелетия до н. э.), с Теген и с Киклад и Теке на Крите (III тысячелетие или 1-я половина II тысячелетия до н. э.); на Севере — из ряда могильников (Телль) и поселений в Болгарии (Мечкюр, Деве-Багран, Ямболь, Осман-Пазар, Коджа-Дермен, Султан, Гюзельдже-Алан), Румынии (Гумельница, Кашноареле, Кукутени) и Молдавской ССР (Петрены, Липканы, Дарибаны, Шипеницы), связанной непосредственно с Поднестровьем.

На всех этих поселениях встречаем разные варианты сидячих фигурок на стульчиках, отдельно от них либо без них, или, наконец, одни

только стульчики разных типов. Назначение этих стульчиков можно интерпретировать по-разному, но этот вопрос настолько важен, что ему должна быть посвящена отдельная работа; поэтому, не входя в подробности, ограничимся предположением, что в основном стульчики употреблялись как подставка для сидячих фигурок, а самостоятельный культовый характер они приобрели несколько позже. В поздненеолитической и раннеэнеолитической пластике существовало два типа сидячих фигурок, различающихся между собой даже техникой изготовления. Первый тип представлен статуэтками, изготовленными вместе со стульчиком из одного куска глины или камня (Месопотамия, Крит, Киклады, Греция, Фессалия, Фракия, Сербия); второй тип — фигурками, изготовленными отдельно от стульчиков, характерными для Северо-Западного Причерноморья, особенно для трипольской культуры. Эти фигурки известны в двойной трактовке: схематической, типичной для раннего триполья, и реалистической, отвечающей более поздним этапам[1].

Сидячие статуэтки, определенные нами как статуэтки, изображающие фигуры на качелях, относятся к поздним этапам триполья.

Глиняные фигурки раннего триполья характеризуются однородностью стиля, что, между прочим, проявляется в абсолютном преобладании,— почти исключительном,— одного типа статуэток, с ограниченным количеством вариантов, а также в соблюдении некоторых определенных основ художественного оформления. В подходе к художественной форме здесь скрещиваются две разные тенденции. С одной стороны, проявляется стремление точно передать и подчеркнуть объемность форм (тазовая часть, ноги); с другой стороны, выступает схематизация формы, что проявляется в трактовке торса, головы и плеч. Эти моменты указывают на то, что мы имеем здесь дело не с примитивизмом или первыми шагами нового искусства, а со стилизацией художественной формы как результатом или, вернее, эпилогом длительного развития, которое привело к закостенению формы и угасанию творческих моментов. Поэтому в раннетрипольских «стеатопигических» статуэтках следует усматривать продолжение одного из типов женских фигурок позднего палеолита.

Вероятно, наиболее древние из раннетрипольских статуэток, с углубленным орнаментом, сплошь покрывающим их и более богатым на оборотной их стороне, не предназначались для сидения на стульчиках: в противном случае орнамент был бы совершенно излишним (рис. 10). Вместе с тем, на Днестре (Тимкова-Александровка) и на Южном Буге (Сабатиновка), а также на Балканах обнаружены, кроме «стеатопигических» статуэток, стульчики. В одном случае, а именно в Сабатиновке II, были найдены такие статуэтки, сидевшие на стульчиках (рис. 11)[2]. Стилистические признаки указанных статуэток и в первую очередь отличие в пропорциях — сильное сокращение торса и ног, вместе с преувеличенной «стеатопигией»— позволяют говорить о некоторой эволюции в круге раннетрипольской пластики[3].

В самом деле, рассматривая богатый материал фигурной пластики из Луки-Врублевецкой и других синхронных поселений, нетрудно установить, что в нем постепенно происходит поворот от традиционной условной формы в направлении натурализма. Наиболее ярко это прослежи-

[1] В последней стадии наступает поворот к крайней схематизации формы (Кошиловцы, Красногорка, Усатово).

[2] Фотоснимки статуэток из Сабатиновки любезно предоставлены мне М. Л. Макаревичем.

[3] Аналогичная трактовка наблюдается в статуэтке из Татар-Пазарджика

вается в трактовке ног. Сначала они имели вид спеленутой «куколки»; со временем разделяющая ноги вертикальная черта начинает углубляться, ноги моделируются и расчленяются. Дальнейшая эволюция приводит

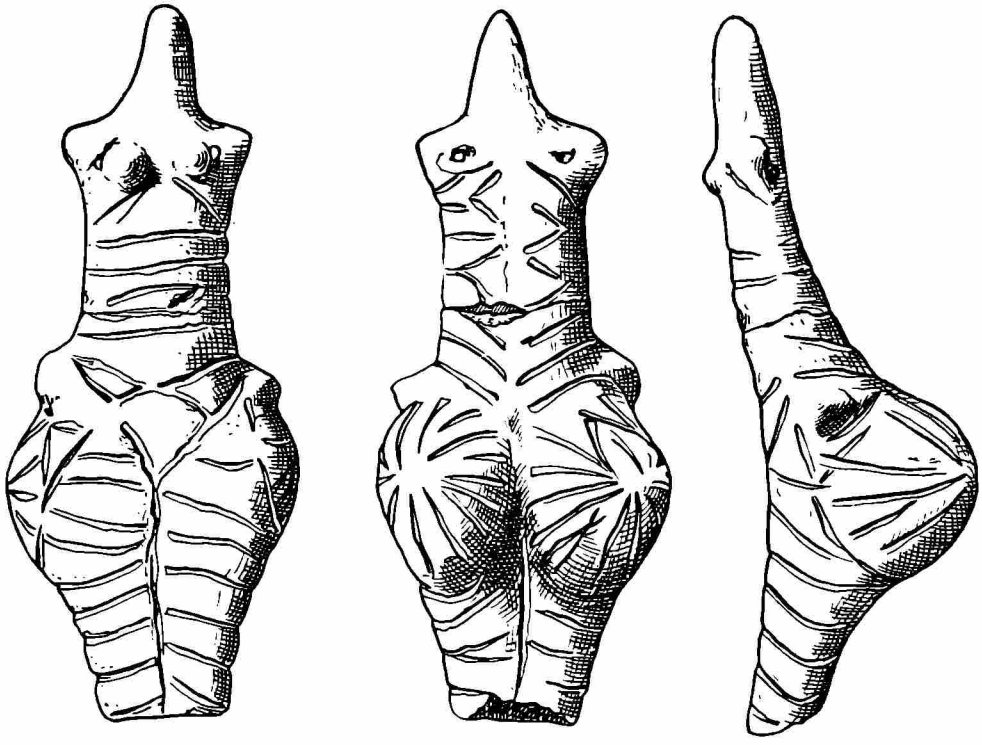


Рис 10. Лука-Врублевецкая. (Раскопки С. Н. Бибикова, 1945 г).

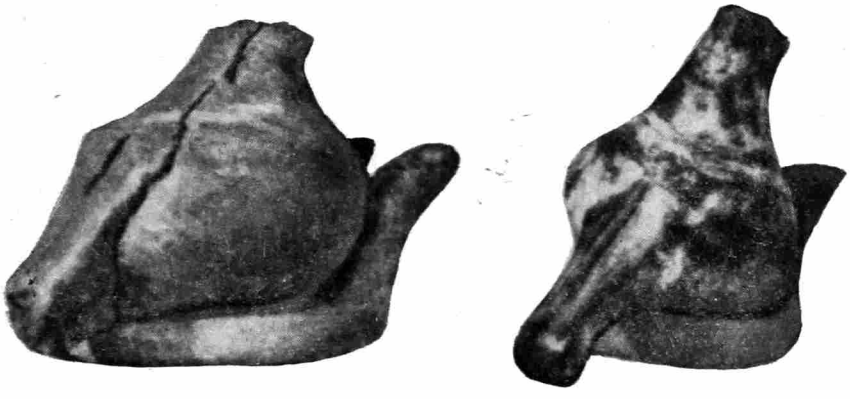


Рис. 11. Сабатиновка II. (Раскопки М. Л. Макаревича, 1948 г.).

к обозначению колен в виде выпуклостей, помещенных более или менее в соответствии с действительностью (например, Ленковцы; рис. 12, *а*), и к изгибу ног в коленях [например, неопубликованные «стеатопигические» статуэтки из Ленковцев (рис. 12,*б*) и хранящиеся ныне в Молдавском институте истории, языка и литературы статуэтки из Голеркан на Днестре][1]. Окончательную фазу этого развития выявляет одна статуэтка

[1] Сведениями, рисунками и разрешением репродуцировать неопубликованные статуэтки я обязан любезности Е. К. Черныш.

из Владимировки (рис. 13), которая, сохраняя некоторые древние черты, изображает фигуру, нормально сидящую, т. е. с согнутыми в бедрах и коленях ногами и с вертикально выпрямленным туловищем. Упомянутые статуэтки красноречиво указывают на то, что эта эволюция была вызвана желанием приспособить форму прежней, согнутой в поясе фи-

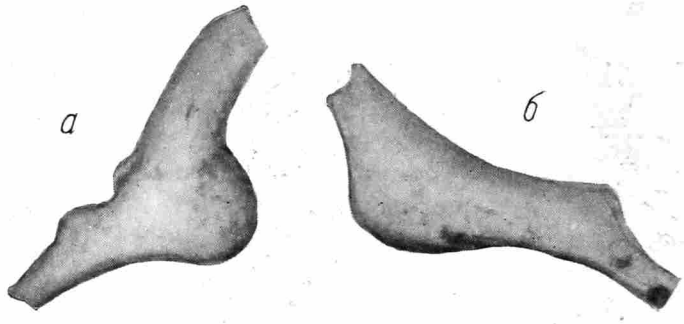


Рис 12. Ленковцы. (Раскопки Е. К. Черныш, *а* — 1952 г., *б* — 1953 г.).

гурки к стульчику, а, следовательно, и к качелям. О том, что речь идет здесь действительно о качелях, можно судить по статуэтке из Луки-Врублевецкой с надбедренными выступами (рис. 10).

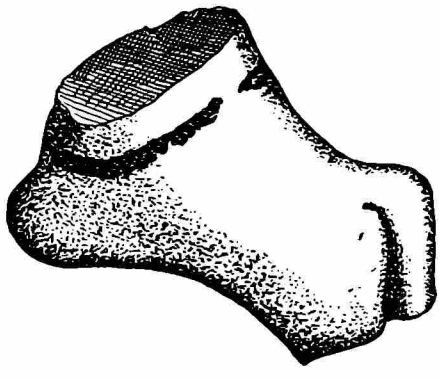


Рис. 13. Владимировка. (Раскопки Т С. Пассек, 1940 г).

В ходе дальнейшего развития исчезает линейная декорация, обогащается тематика (различная трактовка рук, плеч, обозначение на некоторых экземплярах мужского пола; рис. 14) и происходит постепенное уклонение от изображения плоского торса к пластической моделировке. Эта последняя фаза эволюции совпадает с изменением эстетических вкусов, вследствие чего идеалом красоты становится стройная фигура с девичьими пропорциями. Именно таковы фигурки качающихся женщин поздних этапов триполья. Сильное отклонение торса назад у некоторых более поздних сидячих статуэток можно объяснить только как пережиток приемов лепки раннетрипольских фигурок (ср. рис. 2 и 15). Исходя из этого, некоторые особенности трипольских статуэток можно объяснить техническим приемом, рассчитанным на достижение большей устойчивости статуэток, сидящих на стульчиках или качелях. Например, углубления в нижней части бедра, образовавшиеся благодаря чрезмерному удлинению и утолщению икр и ягодиц [Коломийщина I[1], Коломийщина II[2] (рис. 16)] и круглые медальоны [Крпички (рис. 17), Чучинка] [3] могут быть объяснены как отвечающие круглым кускам дерева или

[1] Т С. Пассек. Периодизация..., рис. 79, *1*.
Там же, рис 31, *4*.
[3] Фигурка из Криничек, даже если принять интерпретацию Н. Макаренко (Етюди з обсягу трипільської культури. Трипільська культура на Україні, т. I, Київ, 1926,

роговидным спинкам стульчиков, которые, вместе с прикрепленными к ним шнурками, могли составлять качели, как мы это видим на вазовых изображениях (рис. 7).

Представленная выше эволюция статуэтки от раннетрипольского амулета до позднетрипольского реалистического изображения фигуры на каче-

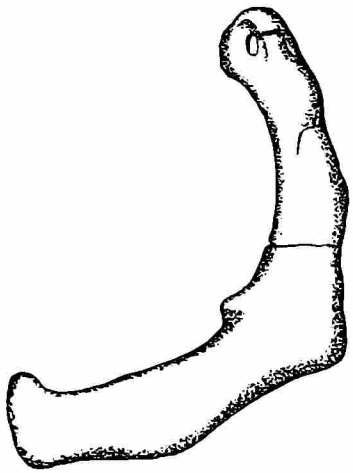


Рис. 14. Лука-Врублевецкая. (Раскопки С. Н. Бибикова, 1945 г.).

Рис. 15. Коломийщина II. (Раскопки Трипольской экспедиции, 1939 г.).

лях объясняет не только само появление этого мотива в искусстве, но также и техническую особенность трипольских статуэток в отличие от аналогичных изображений Западной Азии и Юго-Восточной Европы. Так, нельзя связывать в одно формальное целое трипольские, балканские, критские, кикладские и западноазиатские статуэтки и устанавливать зависимость одних от других, ибо поздненеолитические и энеолитические сидячие фигурки одинаковы только по своей теме или формальному мотиву, интерпретация же их разная. Реализм и схематичность, обнаженность и одежда, обозначение пола, углубленный или расписной орнамент или его отсутствие и ряд других признаков указывают на то, что поздненеолитические и энеолитические сидячие статуэтки Юго-Восточной Европы и Передней Азии появились на основе сходных верований, присущих земледельческим племенам, но на различных территориях

стр. 168 и сл.), была первоначально задумана как сидящая на стульчике. На это указывает круглый, плоский медальон на спине ниже волос, повторяющийся также на фрагменте статуэтки из Чучинки, который Т. С. Пассек считает волосами, завязанными в узел. Он, кажется, отвечает форме стульчика со спинкой в виде двух рогов, подобного найденным недавно в Сабатиновке II (ср. М. Л. Макаревич. Середньобузька експедиція по дослідженню пам'яток трипільської культури. Археол. пам. УРСР, т. IV, 1952, стр. 91, табл. II, 7), или стульчика с треугольным вырезом на спинке, как на экземпляре из Криничек (N. Makarenko. Указ. соч., стр. 36, фиг. 33), на котором, как сообщает Н. Макаренко, была найдена упомянутая фигурка. Возможно, что к этому же типу относилась и одна из фигурок из Попудни; обломок ее нижней половины напоминает интересующую нас статуэтку из Криничек (ср. Marian Himner Étude sur la civilisation prémycenienne dans le bassin de la Mer Noire d'aprés les fouilles personnelles. Swiatowit, XVI, 1930—1931, табл. XXXVI, стр. 169).

нашли разные выражения. Тип сидячей статуэтки, вероятно, вырос на основе идеи качания на качелях как магического действия, которое

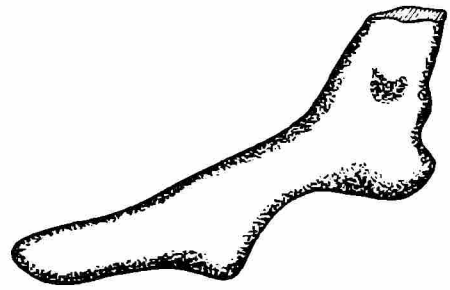


Рис. 16. Коломийщина II. Раскопки Трипольской экспедиции, 1939 г.)

известно в культурах земледельческих племен III—II тысячелетий до н. э., и сохранился до первых веков нашей эры. Мы не имеем возможности заняться здесь вопросом, где следует искать начало этой идеи — в ранних периодах неолита или еще раньше, связывая ее с мадленской статуэткой из Сирейль (Sireuil[1]), представляющей, возможно, тот же мотив. Во всяком случае дата около 2500 г. до н. э., относящаяся к фигурке из Мари, наверное, не является самой древней, а фиксирует уже результат длительного процесса развития[2].

Рис. 17. Кринички. (Раскопки В. Б. Антоновича и Ч. Зборовского, 1891 г.).

Остается еще последний вопрос: как понимали значение фигурок сами их создатели? Большинство исследователей, занимавшихся этим вопросом, согласно в отношении того, что все трипольские фигурки, независимо от их типа, являются идолами. Только отдельные голоса высказались за то, чтобы их считать детскими игрушками, или, по крайней мере частично, амулетами, или по-разному истолковывавшимися погребальными принадлежностями. За последнее время в литературе были высказаны интересные взгляды, объясняющие употребление этих фигурок или от случая к случаю во время весенних празднеств, после чего они, как ненужные предметы, выбрасывались или уничтожались, или тем, что фигурки эти являлись чем-то вроде сибирских онгонов-леканов — местом пребывания духа и как таковые не считались священными и объектом культа не были. Наконец, следует упомянуть еще о других попытках интерпретации, в основном сво-

[1] П. П. Ефименко. Первобытное общество. Изд. 3-е, Киев, 1953, стр. 460.

[2] В отношении триполья особенно важным было бы определение его отношения к Фракии, которая, как известно, сыграла большую роль в истории распространения культа Диониса в Греции. Этот культ в обеих этих странах отличается рядом общих черт. В Дельфах каждый третий год праздновался праздник пробуждения бога. Последнее было одновременно праздником его рождения как ребенка. В связанных с этим праздником обрядах часто выступал ликнон, т. е. корзина для очистки зерна, в которой находились первые плоды и фаллос — символ божества плодородия. В Афинах в месяце Посейдоне, соответствовавшем нашему декабрю, также праздновались так назы-

дящихся к рассматриванию таких статуэток как аксессуаров разных магических действий, связанных с культом плодородия[1].

Если рассматривать сидячие фигурки с точки зрения их композиции, то в отношении одной фигурки из Татар-Пазарджика можно предположить, что она была сразу задумана как идол. Так же следует понимать и характер статуэток из Агии Триады и Мари, которые были связаны с храмом или домашним святилищем. Так рассматривает фигурки из Ашшур и открывший их Андре[2]; он считает их домашними

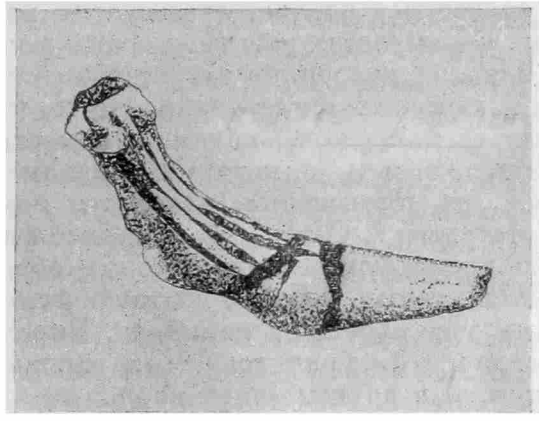


Рис 18. Владимировка. (Раскопк 1 Т С. Пассек, 1940 г.).

идолами, подражающими в некоторых подробностях статуе богини Иштар из главного ее храма в этом городе.

Несколько иначе рассматривает этот вопрос Контено[3] в связи с фигурками периода Обеид. Не разделяя, впрочем, эти фигурки по типам, Контено предполагает, что они, скорее всего, были магическими предметами или талисманами, которые должны были привлекать к дому и полям благотворное влияние, которое приписывалось изображению божества.

В отношении некоторого количества мелких сидячих фигурок, схематизированных в разной степени или имеющих сквозные отверстия в плечах, через грудь или вертикально через всю фигурку, следует предположить, что они были амулетами (рис. 18)[4].

ваемые полевые Дионисии, очень древние по своей традиции. Это были фаллические шествия с земледельческими обрядами, в которых также выступали корзина и фаллос. Эта подробность заслуживает особого внимания ввиду того, что на территории распространения культур расписной керамики в дунайско-балканском бассейне на целом ряде поселений (Коджа-Дермен, Кисберг около Брашова, Гумельница, Кашиоареле) были найдены загадочные глиняные изделия фаллической формы. Возможно, что они имели то же значение, что и в Греции, и являются следом таких же верований и основанных на них форм культа. В связи с находкой в Луке-Врублевецкой фигурок с отпечатками зерен злаков, имеющих аналогии в подобных, хотя и несколько иного типа, фигурках из окрестностей Ямболи в Болгарии, вопрос о родственных верованиях и подобных формах культа в триполье и Фракии получает новое освещение.

[1] С. Н. Бибиков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. МИА, № 38, 1953, стр. 148, 149,247 и сл., 266 и сл., 272 и сл.

[2] Walter Andrae. Die archaischen Ischtar-Tempel in Assur. 39 Wiss. Veröff. d. D. O. G. Leipzig, 1922, стр. 85 и сл., 92 и сл.

[3] G. Contenau. Указ. соч., т. IV, стр. 1948.

[4] Т. С. Пассек. Новые открытия Трипольской археологической экспедиции. ВДИ, 1939, № 4, стр. 186 и сл.; С. Н. Бибиков. Указ. соч., стр. 258 и сл.

Таким образом, на основании формы и места находки можно установить, что некоторая часть сидячих фигурок служила идолами; такая же или даже большая их часть употреблялась как амулеты.

Однако огромное большинство сидячих статуэток своим выполнением или условиями залегания в культурном слое не дают на это никаких указаний. Поэтому следует предположить, что они имели тот же характер и назначение, что и фигурки, употреблявшиеся в Греции во время «айоры».

Возможно, что и на территории Триполья интересующие нас статуэтки имели тройное значение: идолов, аксессуаров магическо-культовых действий и амулетов. Об амулетах уже говорилось выше, поэтому остается поискать более близких указаний относительно применения этих фигурок как идолов и магических аксессуаров. На то, что подобные фигурки могли употребляться как идолы, видимо, указывают две модели жилищ (Попудня, Чичиркозовка), в которых в одном и том же месте — возле печи и дверей, на возвышении, находится идол, напоминающий интересующие нас статуэтки[1]. О том, что подобные фигурки могли употребляться также во время магическо-культовых обрядов вроде аттической «айоры», свидетельствуют, видимо, их технические и другие особенности, на которые мы уже обращали внимание. Впрочем, не исключена возможность, что сидячие фигурки всех трех вариантов употреблялись одновременно и в том, и в другом значении.

Остается неясным вопрос: связывались ли с типом сидячих статуэток как идолов какие-нибудь конкретные идеологические представления? Ответить на этот вопрос утвердительно в настоящее время дает нам право одна статуэтка из Пристерхюгеля в Южном Семиградье. К ее плоскому туловищу, вероятно, соответствующему стоячей фигурке, были прикреплены пластически сформированные ноги, благодаря чему образовалась совершенно исключительная по своему характеру сидячая фигурка[2]. Видимо, значение статуэток,— по крайней мере некоторых,— зависело от вида, который им придавали, и наоборот.

Давая выше характеристику известных вариантов сидячей фигурки, мы предположили, что во многих сидячих фигурках можно отметить изменения, происходившие под влиянием других типов статуэток или в результате изменений в идеологических представлениях.

Одно из наиболее характерных изменений — появление некоторого количества мужских фигурок (рис. 14). С. Н. Бибиков объясняет это эволюцией экономических и родовых отношений, причиной которой было ограничение значения женщины и усиление положения мужчины[3]. Эти существенные изменения нашли свое отражение и в идеологии. Из истории религии средиземноморских раннеземледельческих племен мы знаем, что хтонические божества у этих племен были и женского, и мужского рода, а в последующей эволюции получали мужей и сыновей или жен и дочерей[4]. Они получали названия и круг действий, близкий к прерогативам главного божества, и выступали обыкновенно только вместе с ним. Возможно, что именно так обстоит дело с трипольскими мужскими статуэтками.

---

[1] Т. С. Пассек. Периодизация..., стр. 95 и сл.

Julius Teutsch. Praehistorische Funde aus dem Burzenlande. Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien, XXX, 1900, стр. 196, фиг. 126.

[3] С. Н. Бибиков. Указ. соч., стр. 147. В данном случае мы не затрагиваем вопроса о мужских статуэтках из Луки-Врублевецкой, которые, как нам кажется, имеют совершенно особый характер.

[4] G. Contenau. Указ. соч., т. I, стр. 268 и сл.

Очень интересен, особенно в отношении интерпретации сидячих фигурок, третий вариант, т. е. изображение сидящей на скамейке женщины с ногами, согнутыми в коленях. Он известен не только в Юго-Восточной Европе, но и в Западной Азии. Именно в Азии сидящая женская фигура стала основным типом изображения женского божества. Самые древние (датирующиеся IV тысячелетием до н. э.) такие фигурки не являются однообразными и представляют по крайней мере две стадии развития идеи женщины-символа. Более древние фигурки представляют женщину с руками, сложенными на животе-лоне, источнике жизни. Это самый общий символ, связывающийся, как предполагает С. Н. Бибиков [1], с изображением девушки-зерна, имеющей потенциальные жизненные силы. Второй тип статуэток — это изображение женщины, поддерживающей или прижимающей к груди ребенка, женщины-кормилицы, матери, женщины, дарящей любовь,— символ вечной жизни. Такое изображение, конечно, стоит ближе всего к идеологии земледельческих племен и находит свое выражение в разнообразных магических действиях.

Аналогии, существующие между трипольем и другими близкими культурами в продолжение всего их существования, могли быть часто, в окончательной своей формулировке, результатом того, что они все вырастали из одинаковых представлений, соответствовавших определенному экономическому уровню развития земледельческих племен периода энеолита. Именно этим объясняется, что одинаковые художественные формы и приемы лепки выступают в разных культурах независимо друг от друга. Так, если между женской фигуркой из Агии Триады и сохранившейся нижней половиной одной из статуэток из Кошиловец [2] существует настолько большое сходство формы и стиля, что одну можно считать подражанием другой, то все-таки на общем фоне этих двух культур следует предположить, что изображениям одетой в длинное платье критской дамы на качелях и ее обнаженной подруги с Днестра, благодаря одинаковой моделировке ног, случайно дали одну и ту же художественную форму: связь между ними сводится к общей идее, мотиву, композиционной схеме, а не к каким-то близким историческим предпосылкам.

Таким образом, если рассматривать под этим углом зрения трипольские статуэтки, придется признать, что между ними и западноазиатскими существует больше различий, чем сходства. Характерное для Востока поддерживание или прижимание груди в трипольской пластике отсутствует, за исключением одной довольно спорной статуэтки из Кошиловец[3]. Возможно, следом этого жеста являются треугольные плечевые выступы, характерные для украинских и дунайско-балканских статуэток. Они своим силуэтом напоминают протянутые вперед и согнутые в локтях руки фигурок из более древнего слоя в Сескло и некоторых статуэток из Ашшура. Но если бы даже эта догадка и была правильной, то все же неизвестно, имеем ли мы дело в трипольской пластике с чисто условным формальным мотивом, с подчеркиванием пола или одного из его атрибутов, или культовым жестом. В этом отношении возбуждают сомнение вотивные статуэтки из Петсофа возле Палайкастро. Они изображают воинов с руками, сложенными на груди таким же образом, как и на изображениях «богини любви», с той разницей, что в данном случае этот жест может иметь исключительно культовое значение.

---

[1] С. Н. Бибиков. Культовые женские изображения раннеземледельческих племен Юго-Восточной Европы. СА, XV, 1951, стр. 136.

[2] Ch. Hadaczek. Указ. соч., табл. XXX, фиг. 271.

[3] Там же, фиг. 272.

Что касается мотива женщины на качелях, который может быть отмечен в Северной Месопотамии, на Крите, во Фракии и в Триполье, то следует отметить, что в каждом из этих центров он выступает в ином варианте (одетая женщина на скамейке и на качелях, обнаженная фигура на скамейке и на качелях). Поэтому данный мотив следует рассматривать не как результат заимствования и подражания, а как отражение обычая, господствовавшего на всей восточной территории Средиземноморского бассейна.

Внутри варианта, представляющего сидящую на скамейке фигуру, происходили некоторые изменения, но только на территории Европы. Самым существенным было превращение сидячей фигуры в божество или только символ материнства; для этого прибегали к изображению фигурки ребенка, которого женщина держит на руках. Подобные фигурки известны из Сушковки (Львовский исторический музей, № 1244; рис. 19), Криничек и, возможно, из Попудни, где был найден один фрагмент такой статуэтки, напоминающий предыдущую. Далее на юг подобные изображения известны из поселений в Винчи и Градац возле Злокучан, Сескло в Фессалии и Тегея на Пелопоннесе. В Азии такие фигурки были найдены в Ашшуре; они относятся к концу II тысячелетия или началу I тысячелетия до н. э.

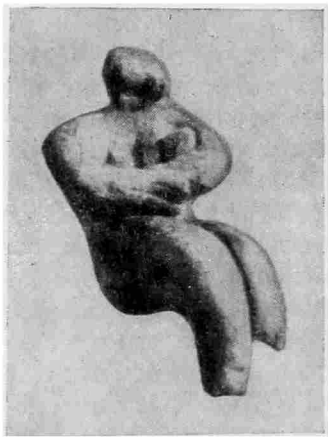


Рис 19. Сушковка. (Раскопки «Укр. наукового товариства» в Киеве, 1916 г.)

Сравнивая европейские фигурки женщины с ребенком с азиатскими изображениями кормящей матери, мы отмечаем, что последние фигурки передают это действие реалистичнее. На этом основании мы приходим к заключению, что интерпретация божества материнства в обоих случаях разная. В Азии женщина с ребенком изображается как мать-кормилица, в Юго-Восточной Европе она выступает как общий символ материнской любви, без особого подчеркивания ее физической стороны. Это понятие выражается только в нежном прижимании двумя руками ребенка к груди (например, в Криничках, Сескло).

В результате наших рассуждений мы приходим к заключению, что к формам неолитической и энеолитической фигурной пластики Юго-Восточной Европы и Передней Азии принадлежит тип фигуры, сидящей на скамейке, известный в Месопотамии уже в IV тысячелетии до н. э.

Сидящая фигура была известна и в Европе (Крит, Киклады, Греция, Фессалия, Сербия, Фракия), с той разницей, что здесь появился также и другой тип статуэтки, моделированной отдельно от стульчика. Только в таком виде известна сидячая фигурка на территории севернее Дуная, прежде всего в трипольской культуре, уже на раннем ее этапе. Появление такой статуэтки, вероятно, объясняется более древними традициями, выражением которых был определенный стиль раннетрипольских и подобных дунайско-балканских сидячих статуэток, вплоть до характерной для них «стеатопигии».

Оба типа сидячих статуэток с возникновением новых или развитием прежних культово-магических обрядов, приспосабливаясь к ним, подвергались разным изменениям. Эти изменения сначала ограничивались только незначительными техническими дополнениями в виде отверстий в боковых стенках стульчиков (Мари), перегородок с отверстиями под

согнутыми коленями (Татар-Пазарджик) или надбедренных выступов (Лука-Врублевецкая).

Таким образом, трипольские сидячие фигурки, особенно более поздних этапов, следует представлять себе качающимися на качелях. Они указывают на существование в Триполье культово-магического обряда, подобного греческой «айоре». Подтвержденный для Северной Месопотамии, Крита и классической Греции на протяжении почти 3000 лет, этот обряд представлял собой, кажется, одну из составных частей религиозных верований раннеземледельческих племен Юго-Восточной Европы и Передней Азии.

Первое назначение сидячих фигурок, определившее эволюцию их формы, не исключает употребления фигурок этого типа, особенно на более поздних этапах, не только как магических аксессуаров, но и как идолов и амулетов.

Н. Н. БОНДАРЬ

ТОРГОВЫЕ СНОШЕНИЯ ОЛЬВИИ СО СКИФИЕЙ В IV—I ВВ. ДО Н. Э.

Как известно, в экономической жизни северочерноморских городов торговые связи со Скифией имели огромное значение. Благосостояние любого из этих городов в значительной мере обусловливалось его взаимоотношениями с местным населением. Неудивительно, что экономическое благополучие греческих колоний в большинстве случаев зависело от правильно налаженных торговых взаимоотношений с племенами Скифии. Совершенно прав был С. А. Жебелев, утверждая, что «без тесных связей с «варварами» Боспор не мог бы существовать»[1]. Эти слова С. А. Жебелева полностью относятся и к Ольвии, расцвет и упадок которой во многом зависел от ее торговых связей с местным населением Северного Причерноморья. Правильные же торговые сношения Ольвии со Скифией в свою очередь определялись характером отношений между ними. Если эти отношения носили мирный характер, то расцветала торговля Ольвии с местным населением, что вызывало, естественно, подъем экономического благосостояния самого города.

Подобные взаимоотношения имели место в VI и V вв. до н. э., благодаря чему город переживал период экономического расцвета и благополучия. Торговые связи Ольвии в VI и V вв. до н. э. простирались на севере до окрестностей Киева, на западе — до Венгрии, а на востоке достигали Уральских гор[2].

В эллинистическое время произошло резкое обострение взаимоотношений Ольвии с окружавшими ее племенами, что было одной из причин, усугубивших острый экономический кризис, переживавшийся Ольвией в то время.

В III. в. до н. э. сарматские племена начали свое продвижение из-за Дона и Волги в Северное Причерноморье[3]. Наступление сарматов, а также ряд причин внутреннего развития скифского государства привели к тому, что скифы перенесли центр своего государства в Крым, где возникший еще в III в. до н. э. Неаполь становится столицей[4].

---

[1] С. А. Жебелев. Основные линии экономического развития Боспорского государства. ИОН, 1934, № 9, стр. 678.

[2] Н. Н. Бондарь. Торговые сношения Ольвии со Скифией в VI—V вв. до н. э. С. А, XXIII, 1955, стр. 63 и сл.

[3] Luc., Tox., 39=ВДИ, 1948, № 1, стр. 309; Diod., II, 43=ВДИ, 1947, № 4, стр. 251.

[4] Подробно о Неаполе см.: П. Н. Шульц. Тавро-скифская археологическая экспедиция в Крыму «Советский Крым», Симферополь, 1946, № 2; его же. Работы Тавро-скифской экспедиции. Памятники искусства (Бюллетень ГМИИ), 1947, № 2, стр. 21 и сл.; его же. Раскопки Неаполя Скифского. КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 16 и сл.; его же. Розкопки Неаполя Скіфського в 1946 р. Археологічні пам'ятки УРСР, т. II, 1949, стр. 116 и сл.; М. И. Артамонов. Скифское царство в Крыму. ВЛГУ 1948, № 8; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949,

К III в. до н. э. в Крыму оформляется Скифское государство, которому уже были присущи все признаки рабовладельческого государства. Скифы, по примеру греков, сооружают укрепленные города, а их цари начинают чеканить монету со своими именами и приглашают к себе на службу специалистов греческого происхождения. Скифские цари уже не удовлетворяются ролью посредников в торговле с городами островной, малоазийской и материковой Греции, когда основные прибыли доставались северочерноморским грекам. Они пытаются подчинить своей власти греческие колонии и тем самым захватить в свои руки выходы к морю для того, чтобы извлекать из греческой торговли возможно больше прибылей.

Тяжелое положение городов Северного Причерноморья усугублялось еще и тем, что они в эллинистический период время от времени переживали острый социально-экономический кризис, вызывавшийся противоречивым характером развития рабовладельческого полиса. При этом следует подчеркнуть, что социально-экономический кризис повсюду выливался в форму социальных потрясений, о которых свидетельствуют эпиграфические памятники [1].

Не менее ярким показателем ослабления греческих городов Северного Причерноморья в эллинистический период является широкое развитие пиратской деятельности в Черном море, о чем нам известно из свидетельств Страбона [2] и надписей [3].

Все эти обстоятельства, так неблагоприятно сложившиеся для греков в Северном Причерноморье в III—II вв. до н. э., отразились в первую очередь на Ольвии. Со 2-й половины III в. до н. э. начался процесс непрерывного нажима на город сарматских и скифских племен. Ольвиополитам приходилось при помощи значительных даров, которые постепенно приобретали характер дани, на некоторое время отодвигать от себя эту опасность. Передвижения местных племен и их непрерывные столкновения, нарушавшие торговые связи Ольвии со скифами, ускоряли наступление кризиса.

Одно из наиболее ранних письменных свидетельств появления первых признаков этого кризиса — почетный декрет ольвиополитов в честь сыновей херсонесца Аполлония [4]. В декрете имеется указание на трудное время, переживаемое Ольвией вследствие общей слабости, что заставило город принять денежную помощь в сумме трех тысяч золотых от Аполлония и его сыновей. Этот декрет, датируемый III в. до н. э., указывает, таким образом, на экономические затруднения, испытывавшиеся Ольвией в то время. Об этом свидетельствует также тот факт, что в III в. до н. э. денежное обращение Ольвии в основном строилось на медной монете [5].

Со II в. до н. э. происходит особенно интенсивное продвижение сарматских племен в Северное Причерноморье [6]. В результате нападений

стр. 298; Э. И. Соломоник. О Скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья. Сб. «Археология и история Боспора» Крымиздат, 1952, стр. 112.

[1] IOSPE, I², № 401; С. А. Жебелев. Херсонесская присяга. ПОН, 1935, № 10, стр. 918 и сл.; его же. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. ВДИ, 1938, № 3, стр. 49 и сл.; В. В. Струве. Восстание Савмака. ВДИ, 1950, № 3, стр. 23 и сл.

[2] Strabo, XI, 2, 12=ВДИ, 1947, № 4, стр. 213, 214.

[3] IOSPE, I², № 27, 28, 340, 672; II, № 1,

[4] Е. И. Леви. Новая ольвийская надпись из раскопок 1951 г. ВДИ, 1953, № 1, стр. 177 и сл.

[5] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 129 и сл.

[6] Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Две археологические культуры в Скифии Геродота. СА, XVIII, 1953, стр. 112.

скифских и сарматских племен Ольвия все более слабеет. Финансы ее сильно расстроены, население часто испытывает голод, особенно в неурожайные годы. Ольвия утрачивает влияние и среди окрестных племен, которым она не могла оказать помощи. В результате сложившейся обстановки многие поселения, расположенные по нижнему течению Буга, прекращают свое существование в начале II в. до н. э. (у сел Чертоватое, Варваровка, Петуховка, у маяка Дидова Хата, а также в Лузановке около Одессы, и др.). Жизнь на них прекратилась внезапно в результате каких-то серьезных обстоятельств,о чем свидетельствуют следы пожаров.

Ольвия, как и другие рабовладельческие полисы, вследствие противоречивости своего развития не сумела предотвратить наступление острого кризиса, который с особой силой обрушился на город в начале II в. до н. э., о чем так ярко рассказывает декрет в честь Протогена[1].

Протоген оказывает городу значительные услуги в тяжелый для Ольвии момент, переживаемый «вследствие войн и неурожаев», как сказано в декрете[2]. Он расходует много средств на урегулирование отношений между Ольвией и окружавшими ее племенами. Из декрета видно, что периоду мирных отношений Ольвии с окружающим населением наступил конец. Город, ослабленный непрерывными войнами с местными племенами, напрягает все свои силы, чтобы отстоять свою независимость.

Тяжелое положение города обострялось еще и тем, что племена, жившие в непосредственной близости к Ольвии, а также ольвийские рабы нередко переходили на сторону ее врагов, значительно ослабляя тем самым рабовладельческий полис. Так, в декрете Протогена сообщается о том, что «все рабы и пограничные миксэллины числом не менее 1500, бывшие в предыдущую войну союзниками в городе, были совращены врагами»[3].

Ольвия, будучи не в силах собственными усилиями справиться с угрожавшей ей опасностью и не имея иного выхода, вынуждена была признать над собой верховную власть скифских царей. Об этом свидетельствуют чеканившиеся в городе монеты с их именами[4].

Подчинившись власти скифских царей, Ольвия, повидимому, получила определенную свободу действий во внутренних делах, на что указывает помещение на монете имени царя и названия города. Ольвийская знать сумела извлечь из этого подчинения для себя существенную пользу. Ей удалось наладить торговые сношения с Неаполем и, пользуясь протекторатом скифских царей, распространить сферу торговой деятельности на сравнительно большую территорию. Установление тесных торговых связей со скифским государством позволило городу получать значительные партии хлеба и других продуктов как из Крыма, так и из Нижнего Побужья и Поднепровья, где в это время существовало множество земледельческих поселений, тесно связанных с Ольвией.

На тесные связи, существовавшие между Ольвией и скифским государством, указывает археологический и особенно эпиграфический материал. Так, в Неаполе найдены три надписи, представляющие собой посвящения Посидея, сына Посидея, Зевсу Атабирийскому, Афине Линдий-

---

[1] IOSPE, I², № 32. Подробно о времени издания декрета см. Н. В. Шафранская. К вопросу о кризисе Ольвии в III в. ВДИ, 1951, № 3, стр. 9 и сл.

[2] В. В. Латышев. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб., 1887, стр. 56 и сл.; Ф. Слюсаренко. Грецько-скитські взаємовідносини II ст. пер. Хр. Прага, 1925, стр. 268 и сл.; В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 299, прим. 4.

[3] IOSPE, I², № 32.

[4] А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 137.

ской и Ахиллу[1]; четвертая надпись с его именем была обнаружена в Ольвии[2]. Эти надписи указывают на то, что в Неаполе проживало много иностранцев, преимущественно греков, типа ольвиополита Посидея. Последние занимались различными ремеслами, а также осуществляли крупные торговые операции, являясь вместе с тем связующим звеном между этим царством и греческими городами.

* * *

Если архаический и классический периоды являлись для ольвийской торговли со Скифией временем расцвета, когда торговые сношения этого города простирались далеко за пределы Северного Причерноморья, то эллинистический период знаменует собой резкое сокращение этих торговых связей.

Начиная с IV в. до н. э. ольвийские товары уже не проникают на такую обширную территорию. Граница распространения ольвийских товаров в основном ограничена территорией правобережной Скифии, причем и на этой территории торговое влияние Ольвии значительно упало в результате сильной конкуренции со стороны боспорских купцов. Если в предыдущий период население правобережной и левобережной Скифии в основном находилось под торговым влиянием Ольвии, то в эллинистический период пантикапейские товары начинают постепенно вытеснять ольвийские не только с территории Левобережья, но и правобережной лесостепной Скифии.

Археологический материал, найденный на указанной территории, убедительно свидетельствует об этом процессе. Так, если в VI и V вв. до н. э. ольвийские товары получили широкое распространение на территории современных Киевской, Винницкой, Кировоградской, Полтавской и Сумской областей, то в IV и последующие века туда в значительном количестве проникают боспорские товары.

Для примера рассмотрим погребальный инвентарь только некоторых курганов, раскопанных на указанной территории.

В кургане № 4 около м. Рыжановка, Звенигородского района, Киевской области, были найдены: золотая диадема; четыреугольная золотая пластинка с изображением цветов и грифа; 2 золотых перстня с монетами; 2 золотые печати; 3 золотых гладких перстня; золотые и серебряные браслеты; бронзовое ведерце и зеркало; небольшая греческая ваза[3]. Среди предметов этого кургана следует отметить золотую диадему, украшенную изображениями менад и своим исполнением напоминающую головной убор из Деевского кургана, а также предметы всей группы степных приднепровских курганов. Изделия ювелирного искусства, как, например, височные привески, ожерелья, кольца и браслеты, золотые бляшки, круглодонный серебряный сосуд, техникой их исполнения сближаются с такими же изделиями, найденными в степных приднепровских курганах. Щитки перстней состоят из вделанных в кольца золотых монет — пантикапейских статеров IV в. до н. э.[4]

В кургане № 3 в урочище Дарьевка, недалеко от Шполы, были найдены: золотой браслет, заканчивающийся двумя львиными головками с разинутыми пастями; золотой перстень с изображением двух хищников; 270 золотых нашивных бляшек с изображениями оленей и львов; височные

[1] IOSPE, I², № 670—672.
[2] IOSPE, I², № 168.
[3] А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. II, СПб., 1894, стр. 138 и сл.; табл. XVI, *3—5*, *9—11*; XVIII, *1—5*, *9—11*, *13*; XIX, *2*, *7*.
[4] Там же, стр. 144.

привески в форме дисков с 11 привесками на каждом диске; бронзовое зеркало нового эллинистического типа, имеющее ручку, лишенную каких-либо украшений и оканчивающуюся полукруглой плоскостью; два чернолаковых сосуда[1]. Височные подвески по своему исполнению напоминают такие же ювелирные изделия из Куль-Обы и Большой Близницы, а золотые бляшки с изображением грифона аналогичны чертомлыцким.

Из кургана № 9 у с. Пруссы, Каменского района, Кировоградской области, происходят: позолоченная бронзовая пластинка от колчана с изображениями крылатых грифонов и Артемиды, убивающей лань; 2 золотые серьги; массивное золотое кольцо; 3 электровые ажурные бляшки с изображениями грифонов[2].

В одном из курганов, раскопанных А. Быдловским в с. Новоселки, Монастырищенского района, Винницкой области, обнаружены: золотая диадема[3] и 26 золотых бляшек с изображениями крылатого сфинкса, украшавших женский головной убор и своим исполнением напоминающих находки в степных приднепровских курганах; 2 золотые серьги, имеющие близкие аналогии с серьгами из Чмырева кургана; бронзовое зеркало.

В м. Ильинцы, Ильинецкого района, Винницкой области, Н.Е. Бранденбург раскопал курган, в котором обнаружил золотую обивку горита, имеющую близкие аналогии с обивкой горита из Чертомлыка[4]; золотой налобник в форме рыбы; 15 серебряных штампованных бляшек и обломки амфор. Золотые и серебряные изделия, украшавшие сбрую коня, имеют ближайшие аналогии в степных приднепровских курганах типа Солохи и Цымбалки. Большинство советских археологов совершенно правильно считает, что упомянутые нами изделия происходят из одного центра, а именно из Пантикапея, и датируются IV в. до н. э.[5]

Близ с. Берестняги, Каневского района, Киевской области, Е. А. Зноско-Боровский в кургане № 4 обнаружил золотой массивный шейный обруч, бронзовое зеркало, 2 бронзовые бляхи с изображением львиных голов с раскрытыми пастями, чернолаковый килик[6] и лекиф[7] М. И. Ростовцев относит этот курган к III—II вв. до н. э.[8], в то время как его следует датировать IV в. до н. э.

Из кургана № 63 у с. Бобрицы того же района происходят серебряный убор, состоящий из 4 круглых узорчатых блях[9], 2 меньших блях[10], 2 длинных блях с изображением дерева и каких-то зверей[11]; серебряная бляха[12]; чернолаковый лекиф[13].

В кургане № 1 у с. Волковцы, Роменского района, Сумской области, найдены: золотая гривна; золотая трубка и золотая лента; 200 золотых

---

[1] А. Бобринский. Указ. соч., стр. 128.
ДП, вып. III, стр. 10.
[3] ПАК, вып. 14, 1905, стр. 41.
[4] Б. В. Фармаковский. Золотые обивки налучий из Чертомлыцкого кургана и из кургана в м. Ильинцах. Сб. археологич. статей в честь А. Бобринского. СПб., 1911, стр. 53 и сл.
[5] Б. М. Граков. Скіфи. Київ, 1947, стр. 62; В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 121 и сл.; В. Д. Блаватский. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1947, стр. 34; А. П. Иванова. Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л., 1953, стр. 74 и сл.
[6] А. Бобринский. Указ. соч., т. III, стр. 94, рис. 44 и 46, табл. XX, *1*.
[7] Там же, стр. 96, табл. XX, *3*; ДП, вып. III, табл. LVI.
[8] М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. 1925, стр. 492.
[9] А. Бобринский. Указ. соч., стр. 127, рис. 64.
[10] Там же, рис 65.
[11] Там же, рис 66.
[12] Там же, рис 67
[13] Там же, табл. XX, рис 4.

бляшек с изображениями лежащего сфинкса, грифона, стилизованных в зверином стиле пальметок; серебряный круглодонный сосуд; остатки чешуйчатого панцыря, чернолаковый канфар и амфора[1]. Инвентарь этого погребения сближается с изделиями Чмырева и Огузского, а также и других царских степных приднепровских курганов.

К этому же типу относится курган, раскопанный Мазараки в 1905 г. в том же районе, содержавший 2 золотые гривны; 3 куска золотой ленты, украшенной изображениями грифонов и львов; 15 золотых трубочек, украшенных геометрическим орнаментом, аналогичных найденным в Чертомлыке и Деевском кургане; 2 золотых височных кольца; 24 золотых бляшки; бронзовое зеркало; бусы из египетской смальты; 6 чернолаковых сосудов и амфору[2].

В одном из курганов у с. Будки, Недригайловского района, Сумской области, найдены: 2 золотые серьги; золотое кольцо; золотые бляшки с изображениями оленей и грифонов; серебряный круглодонный сосуд, типичный для степных приднепровских курганов; 4 бронзовых зеркала и 3 чернолаковых сосуда[3].

При исследовании В. А. Городцовым курганов в Оснягах, расположенных к юго-западу от Бельского городища, были обнаружены золотые треугольные бляшки в форме пальметок, человеческих масок и зайчиков и железный меч с рукояткой, обложенной золотой бляхой[4]. Меч по форме близок к чертомлыцкому, но отличается от него бедностью орнаментальных мотивов на рукоятке.

Инвентарь посульских курганов показывает то же сближение с инвентарем степных приднепровских курганов, что и ильинецко-липовецкая группа.

Перечисленный выше вещественный материал, найденный на территории Киевской, Кировоградской, Винницкой, Сумской и Полтавской областей, достаточно убедительно указывает на проникновение предметов, изготовленных в мастерских Пантикапея. Торговые связи городов Боспорского царства с населением указанной территории в первую очередь выявляются при сравнительном анализе предметов, найденных на территории лесостепной Скифии, с типами изделий, происходящими из царских курганов степной приднепровской группы[5]. Обилие золотых и серебряных изделий в погребениях лесостепной Скифии, инвентари которых близко напоминают инвентарь степных приднепровских курганов, указывает на все усиливавшееся торговое значение Боспора, правители которого, наладив вывоз значительного количества хлеба в Афины, не удовлетворялись больше приобретением сельскохозяйственной продукции только из Восточной Скифии, а начали с IV в. до н. э. распространять свои торговые операции и на те территории, где раньше преобладал ввоз из Ольвии.

Ольвия, товары которой постепенно вытеснялись из правобережной и левобережной лесостепной Скифии, вынуждена была сосредоточить все свое внимание на торговле с населением, жившим в основном в низовьях Буга и Днепра. Здесь в течение эллинистического, а отчасти и римского

---

[1] ДП, вып. II, стр. 6, табл. IX, *219*; XXX, *451*; XXXIV, *797*
Отчет Историч. музея за 1906 г., стр. 14 и сл., табл. I и II.

[3] ДП, вып. II, стр. 8, табл. XIII, *228—231*; XXV, *428*; XXVII, *421*, XXX, *452*.

[4] В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губ. в 1906 г. Труды XIV АС, т. III. М., 1911, стр. 130 и сл.

[5] П. Д. Либеров. Скифские курганы Киевщины. КСИИМК, вып. XXX, 1949, стр. 103.

периодов существовало множество поселений, находившихся в оживленных и регулярных торговых сношениях с этим городом.

Наиболее постоянные и деятельные торговые связи Ольвия установила с населением, обитавшим в непосредственной близости к городу, т. е. с поселениями, расположенными по обоим берегам Бугского лимана. Эта территория в эллинистический период была густо заселена потомками геродотовых каллипидов или эллино-скифов, т. е. миксэллинами.

По предварительным и далеко не полным подсчетам, на обоих берегах Бугского лимана зафиксировано свыше 50 населенных пунктов[1], относящихся к эллинистическому, а частично и к римскому периодам. На большинстве из этих населенных пунктов были встречены греческие изделия как импортные, так и местного ольвийского производства.

Импортные изделия, обнаруженные на городищах, поселениях и в могильниках правого берега Бугского лимана, свидетельствуют о том, что здесь с наибольшей силой сказалось влияние ольвийской торговли.

Так, на поселении в Лузановке около Одессы, на левом берегу Куяльницкого лимана[2], было найдено большое количество привозных амфор (гераклейские, фасосские, книдские, синопские), фрагменты краснофигурного сосуда, а также обломки сероглиняных, красноглиняных и чернолаковых сосудов, 13 медных ольвийских монет[3], среди которых две литые конца IV в. до н. э. с Горгонеем на лицевой стороне и орлом, клюющим в голову дельфина,— на оборотной[4] и 11 чеканенных монет конца IV в.— начала III в. до н. э. с изображением головы Деметры на лицевой стороне и орла, клюющего дельфина в голову,—на оборотной[5]. Эти монеты были снабжены именем города в форме ΟΛΒΙΟ. Перечисленный археологический материал, найденный в Лузановке, позволяет датировать это поселение концом IV в.— III в. до н. э.

Обломки амфор, фрагменты чернолаковых, сероглиняных и красноглиняных сосудов, а иногда монеты и обломки краснофигурных и других импортных сосудов были найдены на поселениях эллинистического времени, расположенных на правом берегу Бугского лимана,— у сел Ближний Бейкуш[6] и Куцуруб[7], на городище у Верхне-Аджигольского маяка между селами Петуховка и Дмитриевка[8], на территории Очакова[9] и у с. Петуховка[10], на поселении южнее с. Аджигол, в курганах восточнее

---

[1] Ф. М. Штительман. Городища, поселения и могильники Бугского лимана в VII—II вв. до н. э. (Кандидатская диссертация). М., 1952, стр. 289 и сл.

[2] Коротке звідомлення про розвідку з розкопуваннями в Лузанівці біля Одеси року 1929. ВОКК, ч. 4—5, 1930, стр. 135 и сл.; Н. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР Киев, 1951, стр. 49, § 82.

[3] А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 128, прим. 2.

[4] Там же, табл. XXXI, *5*.

[5] Там же, табл. XXXII, *11—13*.

[6] Н. В. Фабрициус. Указ. соч., стр. 41, § 66.

Там же, стр. 65, § 143.

[8] Там же, стр. 66, § 146.

[9] В прибрежной части Очакова, по сообщению Н. К. Суручана, были найдены обломки амфор и 50 ольвийских медных монет. Н. К. Суручан. Опыт доказательства местонахождения скифского укрепления Алектор и Золотого берега Константина Багрянородного. Труды VI АС, т. II, Одесса, 1888, стр. 130.

[10] Л. М. Славін. Основні підсумки вивчення Ольвії за радянський період. Наукові записки, т. I, Київ, 1943, стр. 79, его же. Древний город Ольвия. Киев, 1951, стр. 63. Петуховское поселение интересно еще тем, что к северу от него в 1910 г. М. Эберт раскопал 59 погребений. Хронологически М. Эберт распределяет их следующим образом: конец IV в. до н. э.— погребения 19 и 25; конец IV в.— начало III в. до н. э.— погребения 2, 6, 7, 10, 12, 26 и 55; III в. до н. э.— погребения 22, 27, 34 и 38; конец III в.— начало II в. до н. э.— погребения 33 и 41; II в. до н. э.— погребения 40, 49, 51—53, 56—57. M. Ebert. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, Gouv.

с. Аджигол[1], на городище между селами Сары-Камыши и Аджигол в 7 км к югу от Ольвии, у Большого Бугского маяка[2], Закисовой балки[3], Широкой балки, Волошской косы, к северу от с. Парутино[4], у с. Кателино, около хутора Чертоватое[5], на 4 поселениях и могильнике между селами Козырка и Кателино[6], на городище у с. Старая Богдановка[7], на поселении у хутора Бугского (б. Топчия)[8], у с. Малая Кореиха[9], около хутора Дидова Хата[10], у с. Большая Кореиха[11], у с. Варваровка, где были открыты фундаменты каменных построек[12].

В эллинистическую эпоху был густо заселен также левый берег Бугского лимана. Здесь тянулась непрерывная цепь поселений от с. Станислава и до Николаева. На этих поселениях также в значительном количестве находили предметы импорта. Так, обломки амфор, сероглиняных, красноглиняных и чернолаковых сосудов найдены на берегу Днепровского лимана около с. Станислава[13], на двух поселениях у с. Александровка, где, кроме того, обнаружены медные ольвийские монеты[14], на поселении у мыса Пугач[15] и в 3 км к северу от него у Бубликовой балки, а также в урочище Широкая балка[16] (в последнем найдены обломки амфор).

На берегу Бугского лимана, в 8 км севернее с. Александровка, в урочище Скелька еще в 1895 г. были отмечены следы большого городища,

---

Cherson; PZ V, 1—2, 1913, стр. 39). В большинстве погребений были встречены импортные изделия. Так, обломки остродонных амфор (некоторые из них были снабжены энглифическими клеймами) были найдены в погребениях 2, 6, 7, 10, 12, 22, 27, 33, 37, 40, 41, 49 и 51, а целые чернолаковые сосуды и обломки их — в погребениях 6, 7, 12, 19, 22, 26, 27, 34, 37, 38, 51 и 52, в то время как краснофигурные сосуды обнаружены в погребении 19, а «мегарские» чаши — в погребениях 33 и 40. В погребениях 51, 53, 55—57 найдено 9 медных ольвийских монет, а в погребениях 40, 41 и 49— золотая подвеска, обломки серебряного ожерелья, серебряные и бронзовые серьги, бронзовое зеркало.

[1] И. В. Фабрициус. Указ. соч., стр. 66, § 146, и стр. 67; Ф. М. Штительман. Указ. соч., стр. 69; M. Ebert. Указ. соч., стр. 23, 109, рис. 29, 31.

[2] И. В. Фабрициус. Указ. соч., стр. 68, § 147; Ф. М. Штительман. Указ. соч., стр. 66, 67.

[3] А. Н. Зограф. Указ. соч., табл. XXXII, *14—22*; табл. XXXIII, *1*, *2*.

[4] Л. М. Славин. Древний город Ольвия, стр. 63; Ф. М. Штительман. Указ. соч., стр. 64.

[5] И. В. Фабрициус. Указ. соч., стр. 71, § 149, 150 и 151; Л. М. Славин. Древний город Ольвия, стр. 63; Ф. М. Штительман. Указ. соч., стр. 244; А. С. Уваров. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря, т. I. СПб., 1851, стр. 45.

[6] И. В. Фабрициус. Указ. соч., стр. 72, § 153 и приложение, 4; Ф. М. Штительман. Указ. соч., стр. 236.

[7] В Старой Богдановке в 1913 г. были произведены раскопки могильника. Среди находок следует указать голову мраморной статуи женщины и 14 чернолаковых сосудов [В. И. Гошкевич. Летопись музея (Херсонского городского музея древностей). Херсон, 1913, стр. 18].

[8] И. В. Фабрициус. Указ. соч., стр. 73, § 156 и приложение, 5.

Там же, стр. 77, § 170 и приложение, 10.

[10] Там же, стр. 79, § 174 и приложение, 12.

[11] Там же, стр. 80, § 175; Ф. М. Штительман. Указ. соч., стр. 216.

[12] П. Н. Шульц. Ямы-жилища в скифском поселении близ г. Николаева. КСИИМК, вып. V, 1940, стр. 72; Л. М. Славин. Научная конференция археологов, изучающих историю Украины в скифо-сарматский период. ВДИ, 1940, № 1, стр. 205; его же. Основні підсумки..., стр. 79; его же. Древний город Ольвия, стр. 62.

[13] Ф. М. Штительман. Указ. соч., стр. 207

[14] А. С. Уваров. Указ. соч., стр. 46. Следует отметить, что на поселениях у сел Станислава и Александровка были прослежены слои и более раннего архаического и классического времени.

[15] И. В. Фабрициус. Указ. соч., стр. 106, § 158.

[16] Ф. М. Штительман. Указ. соч., стр. 188.

на котором выявлены обломки амфор, сероглиняных, красноглиняных и чернолаковых сосудов IV—III вв. до н. э.[1]

В этом же году В. И. Гошкевич открыл городище в урочище Семенов Рог [2]. В 1948 г. Ольвийская экспедиция установила здесь наличие большого городища эллинистического и римского времени, на котором были собраны обломки амфор, сероглиняных, красноглиняных и краснолаковых сосудов [3].

Медные ольвийские монеты найдены в с. Кисляковка. В. И. Гошкевич сообщает о том, что здесь обнаружены «серебряная статуэтка и головка от глиняной античной статуэтки» [4].

Значительное количество обломков амфор, сероглиняных и красноглиняных сосудов IV—III вв. до н. э. найдено у сел Ефимовка[5] и Богоявленск [6].

В 8 км южнее Николаева, у Сиверсова маяка, расположено поселение IV в. до н. э.— II в. н. э., на котором встречены обломки амфор с фасосскими и астиномными клеймами, фрагменты краснофигурного сосуда и «мегарской» чаши, а также обломки красноглиняных, чернолаковых и краснолаковых сосудов[7] На территории г. Николаева[8] обнаружены несколько поселений, городище и могильник, на которых найдены обломки амфор, чернолаковых и краснолаковых сосудов.

К северу от с. Матвеевка, на берегу Южного Буга, были открыты следы поселения с обломками амфор[9].

Количественное соотношение импортных изделий, найденных на правом и левом берегах Бугского лимана, говорит о том, что Ольвия в эллинистический период поддерживала наиболее тесные торговые связи с населением правого берега Бугского лимана. Здесь в наибольшем количестве представлены все группы импортных изделий и особенно ольвийские керамические изделия и медные монеты.

О более оживленных экономических и культурных связях Ольвии с населением правого берега Бугского лимана свидетельствует и наличие на поселениях этого берега широкого каменного строительства, чего мы не встречаем на противоположном берегу.

Говоря о торговых связях Ольвии с городищами и поселениями Нижнего Побужья, следует отметить, что некоторые из последних — поселения в Петуховке, у Закисовой балки, у сел Большая Корениха, Варваровка, Ефимовка, у хуторов Чертоватое и Дидова Хата и др.,— прекращают свое существование во II в. до н. э. Жизнь на этих поселениях,

---

[1] И. В. Фабрициус. Указ. соч., стр. 74, § 160. Данное городище существовало начиная с VI в. до н. э. и до I—II вв. н. э.

[2] Там же, стр. 74, § 163.

[3] Ф. М. Штительман. Указ. соч., стр. 174 и сл.

[4] А. С. Уваров. Указ. соч., стр. 46; В. И. Гошкевич. Клады и древности Херсонской губ. Херсон, 1903, стр. 37 и 73; И. В. Фабрициус. Указ. соч., стр. 75, § 166.

[5] Ф. М. Штительман. Указ. соч., стр. 168. В. И. Гошкевич сообщает, что вблизи села после дождей находили медные и золотые монеты (И. В. Фабрициус. Указ. соч., стр. 75, § 165).

[6] И. В. Фабрициус. Указ. соч., стр. 76, § 168. Близ этого села обнаружена также надгробная стела Стратона, сына Протомаха, с двухъярусным рельефным изображением (IOSPE, I², № 229).

[7] И. В. Фабрициус. Указ. соч., стр. 76, § 169 и приложение, 9.

[8] Там же, стр. 77, § 171 и приложение, 11. Городище находилось у Международной пристани. Около него вскрыто 18 погребений, в которых встречены обломки остродонных амфор, красноглиняных, чернолаковых и краснолаковых сосудов, а также черепица ольвийского типа (В. И. Гошкевич. Летопись музея за 1912 г., вып. IV Херсон, 1914, стр. 6, 7).

[9] И. В. Фабрициус. Указ. соч., стр. 81, § 178 и приложение, 14.

как уже указывалось, насильственно оборвалась в результате военных столкновений. Грозные военные события, происходившие в Северном Причерноморье в III—II вв. до н. э., передвижение племен и их частые столкновения отразились не только на экономическом и политическом положении Ольвии, но и на жизни указанных поселений; часть их была разрушена и прекратила свое существование, что нанесло ощутительный удар по ольвийской экономике. Гибель этих поселений заставила ольвийскую знать искать выхода из создавшегося положения и признать над собой верховную власть скифского царя. Этим ольвиополиты сумели на некоторое время поправить свое положение. Повидимому, во II в. до н. э. в состав Скифского государства, кроме территории Крыма и Ольвии, входила значительная часть Нижнего Побужья и Поднепровья, что доказывается сообщением Страбона о Малой Скифии, в которую он включал не только Крым, но и область «за перешейком до Борисфена» [1].

Ольвия, попав под протекторат скифских царей, сумела упрочить торговые связи не только с Неаполем, но и с населением, жившим вдоль нижнего течения Днепра, наладив регулярный подвоз в город хлеба и других сельскохозяйственных товаров.

Ольвия, в противоположность Боспору, не располагала большими хлебородными полями [2], и поэтому хлеб, предназначавшийся для города и особенно экспортировавшийся отсюда в островную и материковую Грецию, поступал преимущественно из лесостепной и отчасти из степной Скифии. В связи с этим город в значительной степени зависел от состояния местного хлебного рынка и нередко испытывал недостаток в хлебе. Нужда в зерне стала особенно ощутимой в эллинистический период, о чем так красочно рассказано в уже не раз упоминавшемся декрете в честь Протогена [3].

В архаический и классический периоды Ольвии удалось захватить в свои руки основные нити торговых связей с населением правобережной и частично левобережной Скифии. В это время ольвийские товары в огромном количестве проникали на значительную территорию и в особенности в область правобережья Среднего Поднепровья, которую во времена Геродота населяли скифы-пахари, сеявшие хлеб не только для себя, но и на продажу [4]. Оттуда Ольвия получала огромные партии хлеба и других сельскохозяйственных продуктов.

Но положение резко изменилось в эллинистический период. Как уже отмечалось, в это время, с одной стороны, происходили существенные изменения в жизни местного населения Северного Причерноморья, и с другой,— ольвийская торговля постепенно вытеснялась боспорской не только с территории левобережной, но и правобережной лесостепной Скифии. Упадок ольвийской торговли нанес заметный удар по ольвийской экономике вообще и по экспорту хлеба — в частности.

Поэтому Ольвия предприняла ряд мер, направленных на подъем торговли с местным населением, что и было ею достигнуто путем установления тесных и оживленных связей с правобережной степной Скифией. Город получал отсюда значительное количество хлеба и других товаров, сбывая в обмен греческие импортные и ольвийские изделия. Но благополучие города продолжалось недолго. В начале II в. до н. э. происходило

---

[1] Strabo, VII, 4, 5=ВДИ, 1947, № 4, стр. 205; Э. И. Соломоник. Указ. соч., стр. 112.

[2] В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 54.

[3] IOSPE, I², № 32.

[4] Herod., IV, 17=ВДИ, 1947, № 2, стр. 261.

интенсивное продвижение сарматских племен из-за Дона и Волги в Северное Причерноморье. Результаты этого продвижения очень скоро сказались не только на положении греческих городов, но и на их ближайшем окружении. Целый ряд населенных пунктов, расположенных по берегам Бугского и Днепровско-Бугского лиманов, прекратил свое существование.

Ольвия теперь проявляла особое внимание к земледельческому населению, жившему в Нижнем Поднепровье, стремясь вовлечь его в орбиту своих торговых интересов, что дало бы ей возможность получать оттуда большие партии хлеба и тем самым обезопасить себя от нужды в нем. Эта возросшая заинтересованность Ольвии в Нижнем Поднепровье привела к значительному расширению цепи земледельческих поселений, раскинувшихся вдоль по Нижнему Днепру.

В Нижнем Поднепровье в позднеэллинистический и римский периоды существовало значительное количество земледельческих городищ и поселений, поддерживавших с Ольвией тесные торговые связи. Так, на Белозерском городище Г. Д. Скадовским найдены обломки амфор и медная ольвийская монета с изображением человеческой головы в профиль, украшенной венком с надписью «Ольвия»[1]. Остатки поселения с обломками амфор и сероглиняных сосудов были открыты на левом берегу Ингульца у с. Никольское[2] У с. Дарьевка обнаружены остатки поселения, на котором встречены обломки амфор[3]. В 1824 г. около с. Понятовка был найден клад, состоявший из 600 ольвийских монет[4]— «борисфенов» III в. до н. э.[5] В. И. Гошкевич на месте находки клада обнаружил следы городища, где собрал обломки амфор[6].

Ряд поселений открыт А. В. Добровольским на берегу Ингульца в Снегиревском районе Николаевской области[7]. Так, на одном из поселений у с. Отбедо-Васильевка в 1917 г. найдены обломки амфор, фрагменты сероглиняной посуды и медная ольвийская монета с изображением Борисфена. У сел Павловка, Кеппено и Марценово также были встречены остатки поселений, на которых попадались обломки амфор и найдена медная ольвийская монета III—II вв. до н. э.[8]

Значительное число городищ обнаружено В. И. Гошкевичем на правом берегу Днепра у сел Козацкое, Саблуковка, Гавриловка, Золотая Балка, Консуловка, Бизюков Монастырь, Старо-Шведское, у хутора Яковлевых и др.[9] На всех этих городищах найдено значительное количество обломков амфор, фрагментов сосудов, покрытых плохим черным лаком с металлическим оттенком, а также сероглиняной, красноглиняной и леп-

---

[1] Недалеко от этого городища Г Д. Скадовский раскопал могильник, в котором выявил значительное количество остродонных амфор и черепицы (некоторые из них — со следами клеймения, носящие имена астиномов), а также несколько целых и обломков чернолаковых сосудов и предметов украшения в виде серебряных серег и бус из сердолика, горного хрусталя и пасты (Г Д. Скадовский. Белозерское городище Херсонского уезда Белозерской области и соседние городища и курганы между низовьем р. Ингульца и началом Днепровского лимана. Труды VIII АС, т. III, 1897, стр. 84 и сл., табл. XI).

[2] Літопис музею, вып. IX, Херсон, 1929, стр. 17

[3] Там же, стр. 16.

[4] В. И. Гошкевич. Клады..., стр. 41 и 73.

[5] А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 131., табл. XXXII, *17—21*.

[6] В. И. Гошкевич. Древние городища по берегам низового Днепра. ПАК, вып. 47, 1913, стр. 117.

[7] А. В. Добровольский. Древние земледельческие поселения по берегам Ингульца. ВОКК, ч. 2—3, 1925, стр. 77—79.

[8] Там же, стр. 78. Следует отметить, что на большинстве из этих поселений жизнь протекала и в первые века нашей эры (А. В. Добровольський. Землеробське поселення перших століть н. э. на р. Інгульці. «Археологія», т. III, 1950, стр. 167 и сл.)

[9] В. И. Гошкевич. Древние городища..., стр. 117 и сл.

ной посуды. На одном из городищ, у Бизюкова Монастыря, обнаружена золотая ольвийская монета[1], а на городище в с. Золотая Балка — обломок мраморной статуи, воспроизводящей фигуру бородатого мужчины с венком на голове[2]. При исследовании указанных городищ не было встречено ни одного обломка краснофигурного сосуда или посуды, покрытой блестящим черным лаком.

В. И. Гошкевич считает, что упорядочение и упрочение торговых связей Ольвии с местными племенами завершилось в эллинистический период основанием по Днепру ряда подвозных пунктов-городищ на протяжении 200 верст от Ольвии[3]. Он рассматривает раскопанные им городища как ольвийские фактории. С этим мнением нельзя согласиться, так как эти городища и находящиеся около них могильники, как правильно отмечал М. И. Артамонов, по своему характеру свидетельствуют о том, что здесь жили не греки, а скифы[4] На этих городищах обитало земледельческое население, и, возможно, они возникли в результате оседания части кочевников.

Перечисленные городища существовали и в первых веках нашей эры, на что указывают находки краснолаковой керамики этого времени и медной монеты императора Феодосия.

На всех этих городищах и поселениях, исследованных по берегам низовий Ингульца и Днепра, было встречено значительное количество зерновых ям с остатками зерен, а также многочисленные зернотерки, жернова и мотыги, что свидетельствует о том, что основой хозяйственной деятельности населения было земледелие. Наряду с земледелием немаловажную роль играло рыболовство, на что указывают большие отложения костей рыб и чешуи, а также находки многочисленных грузил от сетей.

Подводя итоги всему изложенному, следует подчеркнуть, что в эллинистический период Ольвия значительно сократила сферу своей торговой деятельности. Ей не удалось удержать нити торговых связей с населением правобережной и левобережной лесостепной Скифии, которые оказались в руках боспорских купцов. Городу пришлось сосредоточить свое внимание на торговле с правобережной степной Скифией. Поэтому Ольвия в IV—I вв. до н. э. наладила наиболее тесные и оживленные торговые связи с населением Нижнего Побужья и Поднепровья, т. е. с теми племенами, которые были известны Геродоту под именем каллипидов и скифов-земледельцев, или борисфенитов.

Ольвийские купцы снабжали эти племена значительным количеством керамической продукции привозного греческого и местного ольвийского производства. Но если в VI—V вв. до н. э. Ольвия ввозила в Скифию в большом количестве дорогие керамические изделия первоклассных мастеров островной и материковой Греции, то в IV—I вв. до н. э. на эту территорию проникает дешевый керамический товар массового производства. Ольвийские мастера стремились в это время выпустить побольше керамической продукции, мало обращая внимания на ее качество. Керамический материал ольвийского производства в виде сероглиняных и красноглиняных сосудов преобладает в это время на всех указанных городищах, поселениях и в могильниках, количество же краснофигурной и чернолаковой посуды по сравнению с ним ничтожно.

---

[1] В. И. Гошкевич. Клады..., стр. 34.

В. И. Гошкевич. Древние городища..., стр. 142; его же. Летопись Херсонского музея, вып. II, Херсон, 1912, стр. 10.

[3] В. И. Гошкевич. Древние городища..., стр. 144.

[4] М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 61.

Помимо керамической продукции, Ольвия снабжала население Нижнего Побужья и Поднепровья металлическими изделиями, бытовой утварью, различными украшениями из драгоценных металлов, тканями и другими товарами.

Находки огромного количества амфор на городищах, поселениях и в могильниках свидетельствуют о том, что одним из важнейших объектов ольвийской торговли было вино. Однако ольвийские купцы импортировали преимущественно вино второстепенного качества, главным образом, синопское и гераклейское.

В обмен на греческую импортную продукцию ольвийские купцы получали зерно, рыбу, продукты животноводства, мед, воск, рабов и т. д.

Основным предметом экспорта являлось зерно вследствие того, что главным видом хозяйственной деятельности жителей Нижнего Побужья и Поднепровья было земледелие. На каждом городище или поселении в значительном количестве встречаются остатки злаков, сельскохозяйственные орудия, а также зерновые ямы.

Наличие на поселениях многочисленных зерновых ям большой вместимости и их расположение целыми группами (городища у с. Варваровка, у хутора Чертоватое и др.) убедительно свидетельствуют о том, что их использовали для хранения зерновых продуктов, предназначенных не для личного потребления отдельной семьи, а для экспорта.

Следовательно, в IV—I вв. до н. э. области, расположенные в низовьях Буга и Днепра и принадлежавшие земледельческому населению, являлись основной питательной артерией Ольвии и снабжали город хлебом, рыбой, продуктами животноводства и другими товарами.

Количественное соотношение импортной продукции, найденной здесь, говорит о том, что наиболее тесные и регулярные торговые связи Ольвия поддерживала с поселениями, расположенными в непосредственной близости к ней, т. е. с населением, жившим на правом берегу Бугского лимана.

Вероятнее всего, что только ближайшие к Ольвии поселения — у Широкой и Закисовой балок — входили в ольвийскую хору[1], а остальные населенные пункты Бугского лимана принадлежали миксэллинам, которые, судя по декрету в честь Протогена, выступали в качестве то союзников, то врагов города и не находились у последнего в подчинении.

Сфера торговой деятельности Ольвии в эллинистический период простиралась на севере до современного г. Вознесенска, а на северо-востоке достигала окрестностей г. Никополя[2], о чем свидетельствуют находки медных ольвийских монет в этих пунктах[3].

В эллинистический период торговля греков со Скифией в основном продолжала сохранять черты натурального обмена. Так, например, у Страбона имеется указание на натуральный обмен между местным населением и греками, приезжавшими из Боспора в Танаис. Местные племена выступают в этом сообщении в роли кочевников, сбывающих ра-

---

[1] В. Д. Блаватский. Указ. соч., стр. 53.

А. С. Уваров. Указ. соч., стр. 24; П. О. Бурачков. О местоположении древнего города Каркинитеса и монетах, ему принадлежащих. 300, т. IX, 1875, стр. 34; ОАК за 1895 г., стр. 80; Н. В. Фабрициус. Указ. соч., стр. 84, § 193.

[3] Судя по суммарному описанию А. С. Уварова, 2 медные ольвийские монеты, найденные у с. Большая Знаменка на Каменских кучугурах, относятся к эллинистическому времени. Так, одна из этих монет, воспроизводящая голову Артемиды на лицевой стороне и колчан с буквами ΒΣΕ — на оборотной, датируется концом III в. до н. э. (см. А. Н. Зограф. Указ. соч., табл. XXXIII, *3*); другая монета с типом головы Деметры в покрывале (а не Аполлона, как считал А. С. Уваров) на лицевой стороне и орла на дельфине — на оборотной относится к началу III в. до н. э.

бов, шкуры и разные другие товары, в то время как греки взамен привозят в Танаис платье, вино и др.[1]

Но, несмотря на наличие натурального обмена, торговля Ольвии со Скифией в это время постепенно приобретала денежный характер. Это в первую очередь касается поселений, расположенных вблизи Ольвии, на которых в сравнительно большом количестве встречены медные ольвийские монеты [2]. В денежные отношения втягивалось также население Нижнего Поднепровья [3], хотя и не в такой степени, как население Бугского лимана. Находки ольвийских монет на этой территории указывают на распространение здесь, наряду с натуральным обменом, и денежных отношений.

---

[1] Strabo, XI, 2, 3=ВДИ, 1947, № 4, стр. 210.

[2] Медные ольвийские монеты эллинистического времени здесь найдены на территории современного Очакова, на поселениях у Закисовой и Лупаревой балок, у хуторов Чертоватое и Дидова Хата, у сел Варваровка, Александровка, Кисляковка и в Петуховском могильнике, а также в Лузановке.

[3] Находки медных ольвийских монет здесь зафиксированы на Белозерском городище, на поселениях у Кеппено и Отбедо-Васильевки, у с. Понятовка, на городище у с. Бизюков Монастырь, возле сел Збурьевка, Рыбачье, Большая Кардашинка и Большая Знаменка (П. О. Бурачков. Указ. соч., стр. 34).

Г. Ф. СОЛОВЬЕВА

СЛАВЯНСКИЕ СОЮЗЫ ПЛЕМЕН ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ VIII—XIV ВВ. Н.Э. (ВЯТИЧИ, РАДИМИЧИ, СЕВЕРЯНЕ)

В настоящее время в советской исторической науке установился взгляд на племена, упомянутые в «Повести временных лет», как на обширные племенные союзы, образование которых восходит к 1-й половине I тысячелетия н. э., к эпохе разложения первобытно-общинного строя, когда, по словам летописца, «живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ» [1].

Но имена этих первичных племен, вошедших в состав крупных племенных союзов, не сохранились в русских источниках, их не упоминает уже составитель «Повести временных лет», хотя Баварский географ (IX в.) и Константин Багрянородный (X в.) называют несколько славянских племен, неизвестных в русских источниках (вервпаны, лензенины и др.). Сравнивая территорию племенного союза лютичей у западных славян с приблизительно равной ей территорией радимичей у восточных славян, Б. А. Рыбаков пришел к выводу, что тщательное изучение курганных инвентарей и погребальных обрядов радимичей и других «племен», повидимому, позволит выделить целый ряд локальных групп, т. е. те первичные племена, названия которых остались неизвестными у радимичей, но известны у лютичей: ране, хижане, черезпеняне, моричане, доленчане, ратари, гаволяне, шпреване [2].

Картографирование различных видов погребальных памятников I тысячелетия н. э. дало возможность П. Н. Третьякову выделить ряд локальных групп, сопоставление которых с данными «Повести временных лет» позволило сделать вывод о принадлежности их к перечисленным в летописи восточнославянским племенам.

Выяснились погребальные памятники: кривичей — длинные курганы, содержащие остатки многих трупосожжений; вятичей — курганы с деревянными камерами внутри ограды, также с сожжением умершего, представляющие собой миниатюрные «домики мертвых», заключенные в курганную насыпь; на территории северян — «поля погребальных урн». «Поля погребений» несколько иного типа, встреченные на Днепре и Припяти, принадлежат, вероятно, дреговичам. Ранние памятники радимичей, начала и середины I тысячелетия н. э., изучены еще очень

---

[1] ПВЛ, тт. I—II, текст и комментарий. М.— Л., 1950, стр. 12.

[2] Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне. СЭ, VI—VII, 1947, стр. 97, прим. 1; его же. Древние русы. СА, XVII, 1953, стр. 25 и сл.; его же. Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина. ВИ, 1952, № 9, стр. 40—62.

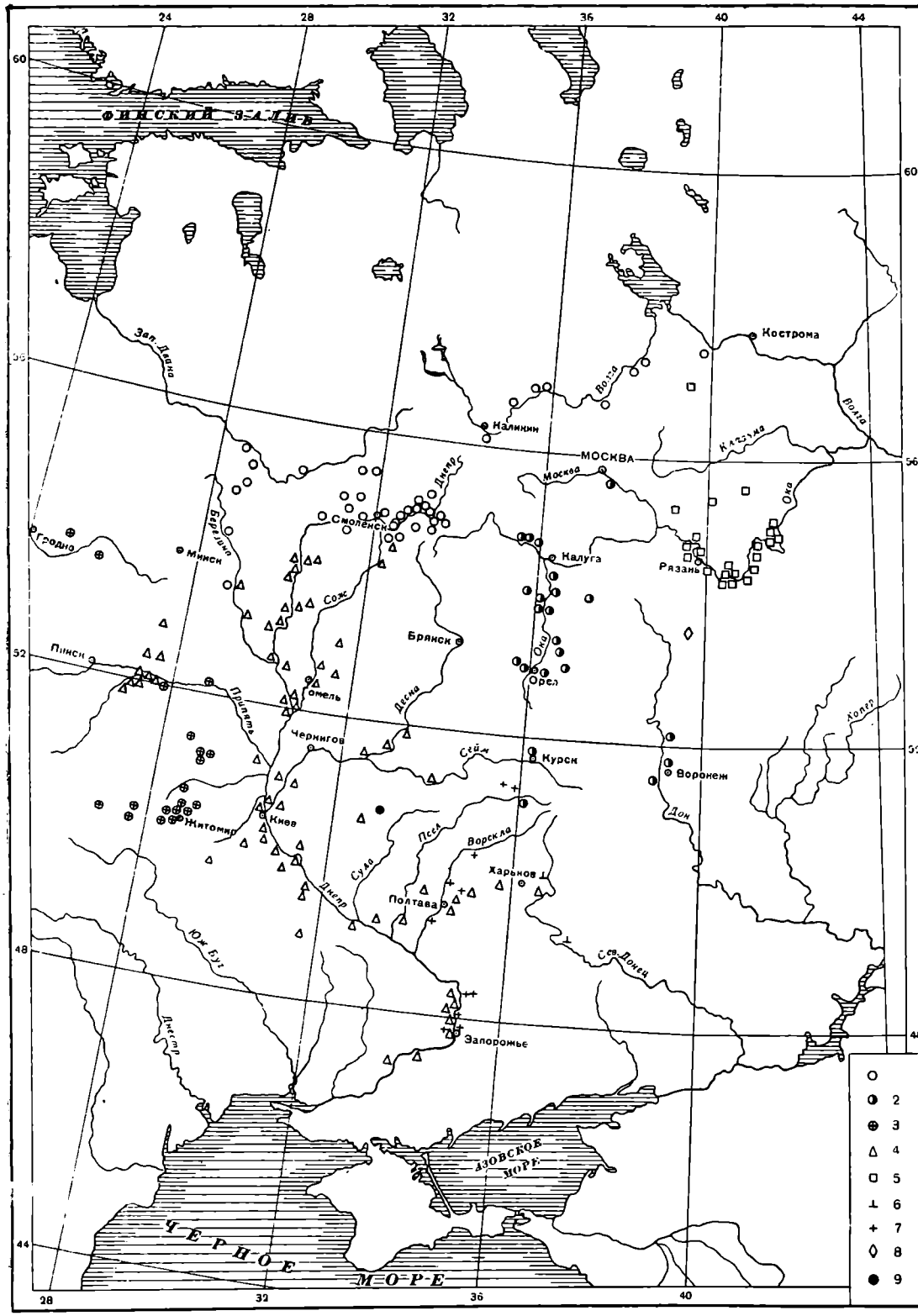


Рис. 1. Погребальные памятники I тысячелетия н. э.

1 — длинные курганы; *2* — курганы верхнеокского типа; *3* — курганы житомирского типа; *4* — поля погребений; *5* — рязанские могильники; *6* — салтово-маяцкие могильники; — сарматские погребения; *8* — кочевнические погребения; *9* — Талалаевка

плохо[1] (рис. 1), хотя «поля погребений» в области Верхнего Поднепровья и Посожья были известны А. А. Спицыну, Е. Р. Романову и другим ученым с начала XX в.[2]

* * *

В настоящей статье изучены и картографированы погребальные обряды вятичей, радимичей и северян по курганным материалам VIII—XIVвв. Для убедительности выводов и полноты картины привлекаются курганы пограничных областей на территории полян, древлян, дреговичей и кривичей. Всего, таким образом, статистической обработке и картографированию подверглось 450 курганных групп, заключавших более 5000 курганов (список курганных групп приведен в приложении к статье, стр. 167).

В конце I тысячелетия н. э. широкое распространение получили курганы с трупосожжением.

Изучение особенностей погребального обряда в курганах с трупосожжением VIII—X вв. позволило выделить ряд локальных групп.

I. Первая группа (Седнев, Сетново, Волокитино, Клюква, Марьяновка, Александровка, Городище[3], Кветунь[4], Дорошивка[5], Шмырево[6], Веревка[7]) занимает все течение Сейма, заходит на Среднюю Десну и верховья Сулы (рис. 2). Курганы этой группы представляют собой обычные полусферические насыпи высотой от 0,7 до 2 м при диаметре 7—9 м. Многие курганные насыпи распаханы.

Сожжение умершего происходило на стороне, а прах сожженного заключали в урну, которую помещали затем в курганную насыпь. Вместе с пережженными костями в урне находились остатки погребального инвентаря. Иногда инвентарь помещали в другой сосуд, который ставили рядом с урной.

В большинстве рассмотренных курганных групп этот обряд является преобладающим, а иногда и единственным.

В дер. Волокитино курганная группа состояла из 31 кургана, из них было раскопано 20. Из 20 курганов 17 содержали урны с пережженными костями, а 3 кургана — погребения умерших в земле, на горизонте[8]. В Марьяновке из 30 раскопано 7 курганов; все с трупосожжением на стороне[9]. В Сетнове из 24 раскопано 8 курганов; из них семь — с трупосожжением на стороне, один — с погребением на горизонте[10]. В Клюкве, Александровке, Городище — всего 50 курганов, из которых раскопано 24; все они — с трупосожжением на стороне, лишь в 2 курганах Александровки умершие были погребены в сидячем положении, лицом к востоку[11].

---

[1] П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941, стр. 9—53; его же. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 103 и сл.

[2] А. А. Спицын. Памятники латенской культуры в России. ПАК, вып. 12, 1904, стр. 78—86.

[3] Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. М., 1908, стр. 201 и сл.

[4] В. А. Падин. Поселения домонгольского времени в районе Трубчевска. КСИИМК, вып. XXIII, 1948, стр. 86.

[5] Д. Т. Березовець. До питання про літописних сіверян. «Археологія», т. VIII, 1953, стр. 32; его же. Дослідження слов'янских пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр. Арх. пам. УРСР, т. V, Київ, 1955, стр. 56—57, рис. 9—10; Д. Я. Самоквасов. Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1916.

[6] Раскопки Л. Н. Соловьева. Архив ИИМК, ф. 5, д. № 329; см. П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 244, прим. 1.

[7] ДАК, 1888, № 15, лл. 18—22.

[8] Д. Я. Самоквасов. Указ. соч., стр. 210.

[9] Там же, стр. 211.

[10] Там же, стр. 212.

[11] Там же.

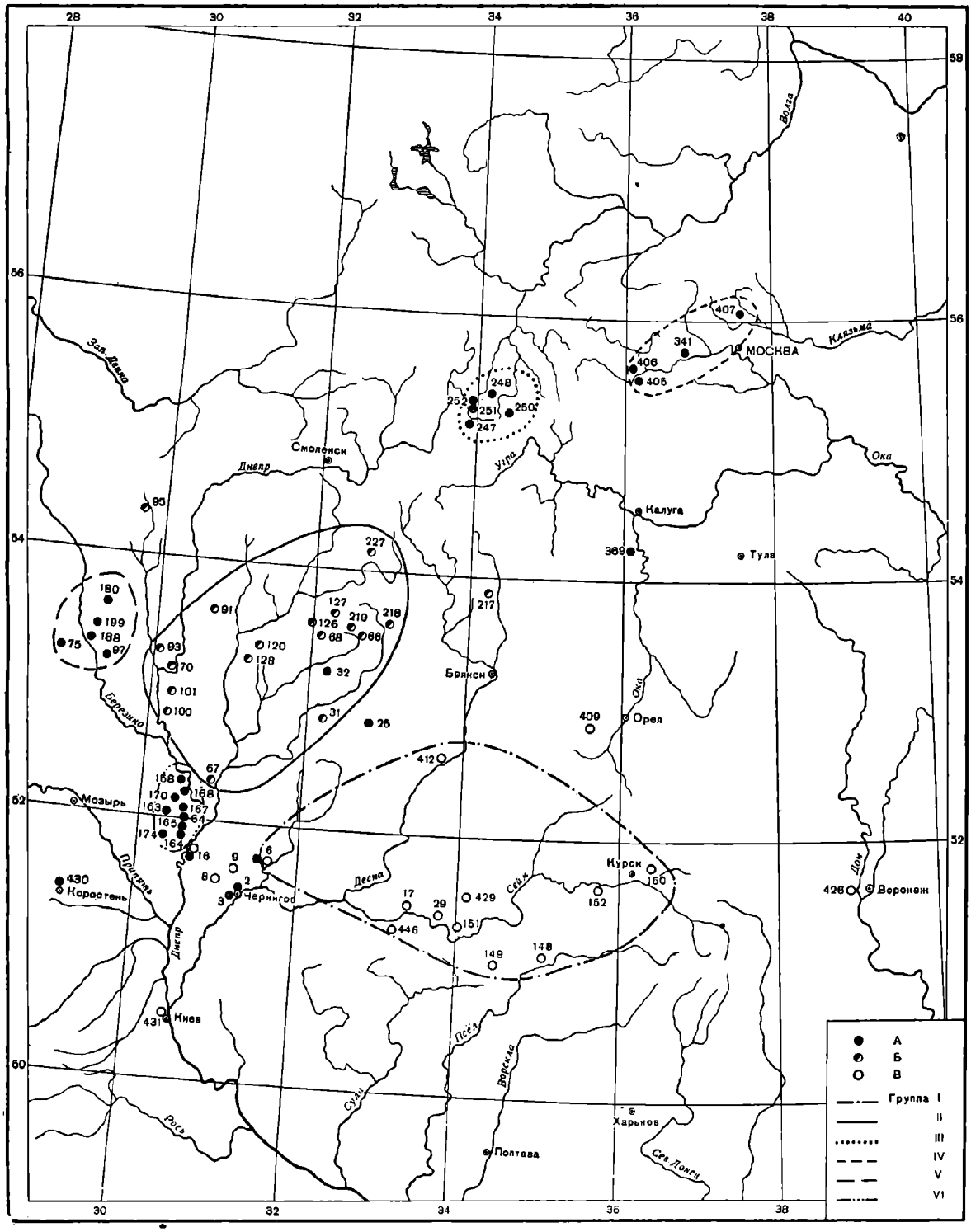


Рис. 2. Славянские курганы с трупосожжением VIII—X вв. н. э.

А — курганы с кострищем на горизонте; *Б* — курганы с кострищем в насыпи; *В* — курганы с трупосожжением на стороне.

Преобладание обряда сожжения умершего на стороне в этих курганных группах говорит о том, что здесь мы встречаемся с определенным погребальным ритуалом, характерным для Посеймья.

О трупосожжении на стороне сообщает в своем сочинении автор X в. Ибн-Русте: «Когда умирает кто-нибудь из них (славян.— *Г С.*),— писал он,— они сожигают труп его. Женщины их, когда случится у них покойник, царапают себе ножом руки и лица. На следующий день по сожжении покойника отправляются на место, где оно происходило, собирают пепел и кладут его в урну, которую ставят затем на холм» [1].

Территория распространения курганов с трупосожжением на стороне почти полностью совпадает с территорией распространения спиральных височных колец, характерных для северян. Поэтому курганы Сейминской группы можно считать древнейшими северянскими курганами.

II. Вторая группа курганов (Мадора, № 101; Вищин, № 70; Грязивец, № 91; Загородье, № 95; Хотимск, № 66; Софиевка, № 128; Городок, № 125; Кубарки, № 227; Закурье, № 93; Корма Долгая, № 425; Климовичи, № 126; Смяличи, № 31) занимает среднее течение Днепра и бассейн Сожа (Днепровско-Сожская группа; рис. 2) [2].

Курганы высотой от 1 до 3,5 м и диаметром от 5 до 13 м содержат кострище с пережженными костями умершего. Сожжение происходило на месте будущего кургана. Кострище расположено в насыпи кургана:

Курганная группа	Высота кургана, м	Высота подсыпки, м
Вищин [3]	2,00	0,40—0,45
Грязивец [4]	3,50	0,70
Загородье [5]	1,75	0,75
Хотимск [6]	2,00	0,40
Софиевка [7]	1,75	1,00
Закурье [8]	2,80	1,40
Корма Долгая [9]	1,50	0,35
Климовичи [10]	1,50	0,70—0,80

Для остальных курганных групп в отчете не указаны размеры кургана или высота подсыпки.

Как видно из приведенных данных, высота подсыпки колеблется от 0,35 до 1 м.

Пережженные кости всегда располагаются в самом кострище, в некоторых случаях (Загородье, Закурье) в кострище же найдены черепки горшка, возможно,— урны. В кургане у дер. Хотимск кости были собраны в кучку и лежали в северо-западном углу кострища.

---

[1] А. Л. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 264, 265.

[2] Раскопки Е. Р Романова, М. В. Фурсова и С. Ю. Чоловского.

[3] М. В. Фурсов и С. Ю. Чоловский. Дневник курганных раскопок в уездах Рогаческом, Быховском, Климовическом, Черниковском и Мстиславльском Могилевской губернии летом 1892 г. Могилев, 1892, стр. 6 и сл.

[4] Е. Р. Романов. Археологические разведки в Могилевской губернии. Вильна, 1911, стр. 29, 30.

[5] Е. Р Романов. Раскопки в Могилевской губернии в 1888 г. Древности, т. XIII, вып. 1, М., 1889, стр. 144—146.

[6] М. В. Фурсов и С. Ю. Чоловский. Указ. соч., стр. 22 и сл.

[7] Там же, стр. 14, 15.

[8] Е. Р Романов. Раскопки в Могилевской губернии в 1888 г., стр. 148—150.

[9] М. В. Фурсов и С. Ю. Чоловский. Указ. соч., стр. 12.

[10] Е. Р Романов. Археологический очерк Гомельского уезда. Записки Северо-западного отд. РГО, кн. 1. Вильна, 1910, стр. 114 и сл.

Инвентарь погребений довольно беден: из вещей здесь найдены бронзовое кольцо (Мадора)[1], горшок и слитки сплавленного стекла (Вищин), 2 горшка и часть ножа (Софиевка). Остальные курганы вещей не содержали.

Характерной особенностью рассматриваемой группы являются сожжение умершего на месте будущего кургана и расположение погребального кострища на подсыпке. Следует также отметить, что в 2 курганах этой группы — Грязивец и Закурье — сохранились остатки погребального костра. В кургане у дер. Закурье площадь кострища со всех сторон была обложена обуглившимися сосновыми плахами; в кургане у дер. Загородье под кострищем обнаружена подсыпка из песка. Возможно, величина подсыпки, размеры кострища, а также и размеры самого кургана зависят от социального положения умершего и от его пола.

Район распространения курганов этого вида (бассейн р. Сож) совпадает в основном с районом распространения семилучевых височных колец, характерных для радимичей.

III. К западу от Днепровско-Сожской группы на правом берегу Днепра и по нижнему течению Березины расположена следующая, третья группа, которую я условно называю Бобруйской[2].

Сожжение умершего здесь в большинстве курганов происходило на месте. Курганы с трупосожжением на стороне были встречены лишь в одной курганной группе — Большая Ольса[3]. Курганы с трупосожжением на месте представляют собой насыпи высотой от 1 до 2 м, диаметром от 7 до 12 м и содержат кострище, которое всегда располагается на горизонте.

Расположение пережженных костей различное: Красный Берег[4] — пережженные кости находятся в насыпи кургана, Большая Ольса — на горизонте и в насыпи, Волосовичи[5] — в насыпи, Устье[6] — в кострище, Любоничи[7] — в кострище.

Особенный интерес для нас представляет курган № 130 у дер. Большая Ольса. Здесь на горизонте обнаружены остатки сруба из сильно обуглившихся бревен. Размеры сруба — 4,25 м в длину (с востока на запад) и 3,5 м в ширину. В центре сруба сохранились следы сгоревшего дерева; никаких предметов в этом кургане, к сожалению, не найдено. Но погребения в срубах —«теремках»— характерны для поздних курганов этой группы с погребением умершего в земле.

В кургане № 25 курганной группы Устье под кострищем обнаружена каменная выкладка со следами сильного действия огня.

Инвентарь погребений довольно беден. В большинстве курганов он вообще отсутствует (Красный Берег, Устье, Любоничи); лишь в курганной группе Большая Ольса, в кургане № 131, найдены кольцо, перстень проволочный и горшок, в кургане № 132, в насыпи — черепки, в курганной группе Волосовичи (курган № 107)— пряжка и бронзовая пластинка с орнаментом.

---

[1] А. Ляўданскі. Кароткае паведамленьне аб досьледах культур эпохі жалеза у БССР у 1930—1931 гг. Працы сэкцыі археолёгіі, т. III, Менск, 1932, стр. 233.

[2] Красный Берег, № 180; Большая Ольса, № 199; Волосовичи, № 197; Горожа (урочище Устье, № 175 и 189; Любоничи, № 188 (рис. 2); В. З. Завитневич. Археологические разыскания в бассейне реки Березины. ОАК за 1892 г.; Отчет о раскопках В. З. Завитневича см. ДАК, 1892, № 69 (карта, л. 114).

[3] Раскопки В. З. Завитневича. ДАК, 1892, № 69, лл. 23, 24.

[4] Там же, л. 23.

[5] Там же, л. 32.

[6] Там же, л. 12а.

[7] Там же, л. 25.

В одном из курганов (у дер. Большая Ольса, № 133б) с трупосожжением на стороне пережженные кости лежали непосредственно на горизонте, в другом (№ 129)— в насыпи, без урн. В кургане № 133б вместе с пережженными костями обнаружены куски медной и серебряной окиси и слитки сплавившегося стекла; второй курган был без вещей [1].

IV К югу от Бобруйской группы расположена следующая, четвертая группа курганов, которую я условно называю Речицкой [2]. Здесь, так же как и в Бобруйской группе, мы встречаемся с двумя видами погребального обряда — трупосожжением на стороне и на месте; последний преобладает. Рассмотрим курганы этого вида.

Размеры курганов с трупосожжением на месте: высота — от 0,75 до 3,5 м, диаметр — от 5 до 23 м. По размерам здесь можно выделить две группы: 1) обычные небольшие курганы высотой от 1 до 1,5 м и диаметром от 5 до 10 м (Заужелье, Леваши, Пожарки, Сенское) и 2) курганы высотой от 1 до 3,5 м и диаметром от 7 до 23 м (Дубовцы, Степановка, Мохов, Малейки, Курганье) [3].

В расположении кострища также нет единства: в курганных группах Заужелье, Леваши, Дубовцы, Пожарки, Сенское, Курганье, Малейки кострище находилось на горизонте; в группах Степановка (№ 222) и Мохов (№ 33) встречены курганы с кострищем в насыпи. Высота подсыпки в первом случае равна 0,7 м, во втором — 0,18 м.

Пережженные кости в большинстве случаев находятся в кострище (Заужелье, Леваши, Дубовцы, Степановка, Мохов, Сенское, Малейки), причем иногда они бывают собраны в южной части (Заужелье, № 135), или в северо-восточном углу кургана (Заужелье, № 141), или же в северо-западном (Степановка, № 192). В некоторых курганах пережженные кости расположены в насыпи (Мохов, № 21, 29; Пожарки, Курганье).

Инвентарь погребений беден; в курганных группах Заужелье, Леваши, Степановка, Пожарки — лишь черепки разбитых горшков, причем на одном из них (Леваши) с внутренней стороны сохранились следы угля.

В кургане № 131, курганной группы Дубовцы, в ямке находились кости животных — быка, свиньи, собаки и птиц.

В курганных группах Сенское, Малейки, Курганье вообще никаких предметов не было. В курганах Мохова обнаружены стеклянные бусы, нож (№ 26), ножницы (№ 27), пряжки, браслет (№ 30).

Следует отметить одну интересную особенность Речицких курганов: в курганных группах Пожарки и Малейки в центре курганов находились ямки от столбов, вбитых в середину кургана. Возможно, это были столбы с доской, на которой написано имя умершего (о чем сообщает Ибн-Фадлан) [4].

Курганы с трупосожжением на стороне были встречены в курганных группах Пожарки и Сенское (№ 63 и 65). Невысокие насыпи (от 1 до 1,5 м) диаметром 7—9 м содержат кости сожженного на стороне умершего. Пережженные кости расположены в насыпи кургана, иногда в урне; вещей нет.

Погребальный ритуал в Речицкой и Бобруйской группах имеет много

---

[1] Раскопки В. З. Завитневича, ДАК, 1892, № 69, л. 24.

[2] Заужелье, № 162; Леваши, № 161; Дубовцы, № 163; Степановка, № 170; Мохов, № 167; Пожарки, № 165 и 168; Сенское, № 164; Малейки, № 174; Курганье, № 158 (см. рис. 2).

[3] Раскопки В. З. Завитневича, ДАК, 1890, № 32.

[4] Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарий под редакцией академика И. Ю. Крачковского. М.— Л., 1939, стр. 83.

общих черт. И в той, и в другой группе бытуют оба вида сожжения умершего — на месте и на стороне; преобладает трупосожжение на месте. Кострище расположено на горизонте; пережженные кости находятся в кострище или в насыпи кургана.

Район распространения курганов этих двух групп (Припять и Березина)— область летописных дреговичей. Вероятно, эти курганы являются дреговичскими, пограничное же расположение их объясняет смешанный характер погребального ритуала. Изучение погребального обряда дреговичей в целом даст возможность установить, какой из этих двух видов трупосожжения типичен для дреговичей[1].

V. Пятая, Окская группа (Немиричи, № 270; Ивановичи, № 271; Загорье, № 273; Козловка, № 278; Мценск, № 267)[2] расположена по верхнему течению р. Оки, к востоку от Днепровско-Сожской группы (см. рис. 2).

Размеры большинства курганов неизвестны. Сожжение совершалось на месте будущего кургана. Кострище расположено на горизонте, пережженные кости — в кострище. Никаких предметов не найдено.

VI. Шестая группа — Московская (Дюдьково, № 341; Красный Стан, № 422; Новинки, № 425; Кузнецовка, № 324; см. рис. 2). Сожжение умершего происходило на месте, кострище расположено на горизонте, пережженные кости находятся в кострище.

В кургане № 9 у с. Дюдьково[3] вместе с пережженными костями в кострище обнаружены различные украшения — семилопастные височные кольца, гривна, пластинчатый браслет. Во втором кургане этой группы кострище расположено несколько выше горизонта, из вещей же найдено лишь одно железное кольцо. Возможно, в первом случае была погребена женщина, во втором — мужчина. Инвентарь первого погребения дает возможность установить принадлежность кургана вятичам и датировать его XII в. Этот курган подтверждает известное сообщение летописца о сохранении обряда сожжения у вятичей в XI в. и начале XII в.[4]

VII. К западу от Московской группы в районе г. Вязьмы курганы с трупосожжением близки по своему устройству к курганам Московской группы (Вязьма, № 250; Литвиново, № 248; Смелево, № 247; Хожаево[5], № 251; рис. 2). Здесь также сожжение умершего происходило на месте будущего кургана; кострище находилось на горизонте. Пережженные кости обнаружены в кострище; вместе с ними оказались расплавившиеся слитки стекла и металла[6].

В кургане № 2 у г. Вязьмы инвентарь сохранился полностью и состоял из браслетообразного кривичского височного кольца, обломка витого браслета, бубенчиков, лунницы, обломков железных предметов

---

[1] А. В. Успенская. Курганы Южной Белоруссии X—XIII веков. Труды ГИМ, вып. XXII, 1953, стр. 97—124.

[2] Раскопки А. Н. Шульгина и П. М. Еременко. См. П. М. Еременко и А. А. Спицын. Радимичские курганы. ЗРАО, т. VIII, вып. 1—2, 1896, стр. 65—102; А. Н. Шульгин. Исследование в северо-западном углу Орловской губернии. Труды Орловской ученой архивной комиссии, 1904—1905 гг. Орел, 1906.

[3] К. Я. Виноградов. О курганных раскопках Звенигородского уезда. Бюллетень Звенигородского общества изучения местного края, 1926, № 3—4.

[4] ПВЛ, т. I, стр. 15.

[5] Е. Н. Клетнова. Мерянское погребение при деревне Хожаево близ села Сережани Вяземского уезда. Смоленск, 1910, стр. 8 и сл.

[6] Е. Н. Клетнова. Археологические разведки и раскопки в Вяземском уезде. «Смоленская старина», вып. III, ч. 2, Смоленск, 1916, стр. 8 и сл.

и амулета из витой проволоки с привешенным к ней зубом[1]. Судя по амулету, курган относится к XI в.

Особый вид курганов представляют собой известные Боршевские курганы, раскопанные П. П. Ефименко и П. Н. Третьяковым в верховьях Дона[2]. Здесь же, в верховьях Дона, недалеко от Воронежа, на так называемой Лысой горе находится курганный могильник, аналогичный Боршевскому. Согласно описанию А. И. Мартиновича[3], сожжение происходило на месте кургана, пережженные кости складывались в сосуд, который ставился в восточной части кургана. Это индивидуальные погребения; исключением является курган № 8, в котором найдено 5 горшков. В трех из них находились зола и пережженные человеческие кости, два оказались пустыми (возможно, в них первоначально была пища).

В 1928 г. на Лысой горе был вновь раскопан один курган; высота его равнялась 1,03 м, диаметр — 6,5 и 7 м[4]. В восточной полѐ кургана на горизонте обнаружены остатки погребального ящика прямоугольной формы, как и в Боршевских курганах. Ящик был сложен из дубовых плашек. С восточной стороны, там, где ящик примыкал к полѐ кургана, стенка отсутствовала. Внутри ящика находилось много мелких пережженных человеческих костей.

Особенностью Лысогорского кургана является то, что ящик оказался обугленным, а под центром насыпи находился зольный слой толщиной до 0,25 м, с вкраплением угля. По мнению П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова, этот слой золы не был погребальным кострищем, а мог явиться «результатом разведения большого огня на месте кургана с иными ритуальными целями»[5]. Вторая особенность — наличие ямы диаметром 0,50—0,65 м и глубиной 0,45 м, с плоским дном, расположенной перед ящиком с восточной стороны кургана. В яме обнаружено несколько костей крупного рогатого скота.

Рядом были раскопаны два кургана. Высота первого — 1 м, диаметр — 9 м; высота второго — 0,7 м, диаметр — 8 м. На горизонте в обоих курганах под восточной полой обнаружены небольшие кучки пережженных человеческих костей, перемешанных с углем и золой. При костях встречены обломки глиняной посуды. Перед кучкой пережженных костей во втором кургане в материке обнаружена ямка (диаметр — 1 м, глубина — 0,5 м), в которой оказался разбитый глиняный кувшинчик.

Обряд погребений Лысогорских курганных групп очень близок к боршевскому: те же деревянные ящики с остатками трупосожжения, расположенные в восточной полѐ кургана. Возможно, деревянные ящики были во всех курганах, но они не сохранились. Эти курганы отличаются от Боршевских наличием ямки. Не выяснен еще факт трупосожжения на месте. Это предположение, высказанное А. И. Мартиновичем, П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков ставят под сомнение[6].

---

[1] Е. Н. Клетнова. Археологические разведки..., стр. 8—12; ПАК, приб. к вып. 48, 1913, стр. 153; ОАК за 1912 г., стр. 99, 106; ДАК, 1912, № 192. Точно такой же амулет был встречен в курганной группе Хожаево, в кургане XI в. с погребением умершего в земле — на горизонте.

[2] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Дневнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, 1948, стр. 79 и сл.

[3] А. И. Мартинович. Раскопки курганов вблизи Хазарского городища в 1906 г. Труды Воронежской ученой архивной комиссии, вып. IV, Воронеж, 1908, стр. 64, 65.

[4] П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 110—112.

[5] Там же, стр. 111.

[6] Там же, стр. 110 и сл.

Судя по керамике, Лысогорские курганы, так же как и Боршевские, относятся к IX—X вв.

Таким образом, на основе изучения погребального обряда удалось выявить ряд локальных групп: 1) Сейминскую, 2) Днепровско-Сожскую, 3) Бобруйскую, 4) Московскую, 5) Вяземскую, 6) Верхнеокскую, 7) Боршевскую.

I. Сейминская группа занимает среднее течение р. Десны, примерно от Трубчевска до устья Сейма, течение Сейма, верховья Сулы.

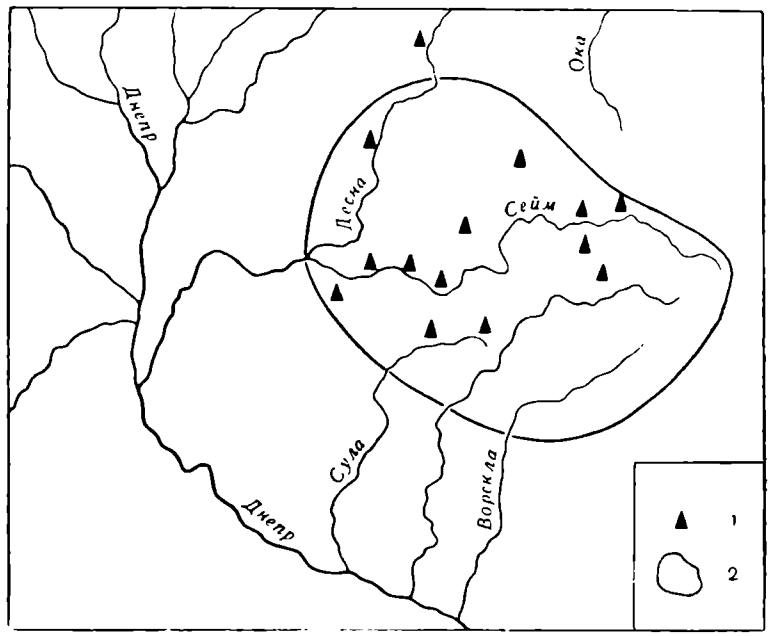


Рис. 3. Северянские курганы с трупосожжением IX—X вв. н. э.
1 — курганы с трупосожжением на стороне; *2* — граница северян по Б. А. Рыбакову

«Повесть временных лет», сообщая о племенах древней Руси, отводит эту территорию северянам: «А друзии сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, по Сулѣ, и нарекошася сѣверъ»[1].

Вопрос о племенной границе северян привлекал внимание многих исследователей. Н. П. Барсов считал западной границей северян Днепр[2]. М. С. Грушевский также полагал, что «Днепр был и считается границей Киевской и Черниговской волости, полян и северян»[3]. Этого же взгляда придерживались С. М. Середонин[4] и П. В. Голубовский[5]. В исторической литературе прочно укоренился взгляд, что Днепр являлся границей между полянами и северянами.

Изучение исторических и археологических данных позволило Б. А. Рыбакову отвергнуть это мнение и установить новую племенную границу северян, причем оказалось, что в основном она совпадает с границами Новгород-Северского княжества XII в. Границы, очер-

[1] ПВЛ, т. I, стр. 11.
[2] Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, стр. 128, 129, 147.
[3] М. С. Грушевский. Киевская Русь, т. I. СПб., 1911, стр. 226, 230.
[4] С. М. Середонин. Историческая география. Пгр., 1916.
[5] П. В. Голубовский. История Северской земли до половины XIV в. Киев, 1881.

ченные Б. А. Рыбаковым для северян, почти полностью совпадают с границами Сейминской группы курганов с трупосожжением на стороне (рис. 3).[1] Погребальные урны, установленные в верхней части насыпи курганов, имеют форму и орнамент, типичные для керамики роменской культуры. Совпадение ареалов позволяет считать Сейминские курганы северянскими курганами конца I тысячелетия н. э. (VIII—X вв.).

II. Вторая группа, Днепровско-Сожская, занимает левый берег Днепра в его среднем течении и бассейн р. Сож. «И пришедъша с доста Радимъ на Сьжю, и прозвашася радимичи», — сообщает «Повесть временных лет»[2].

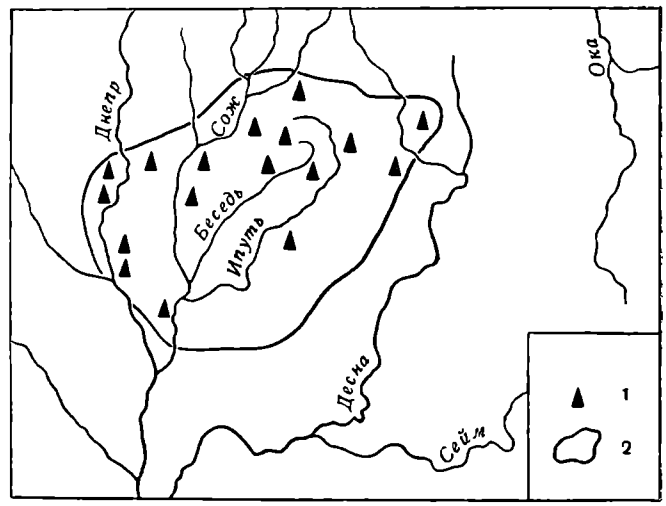


Рис. 4. Радимичские курганы с трупосожжением IX—X вв. н. э.

1 — курганы с кострищем в насыпи; *2* — граница радимичей по Б. А. Рыбакову

Граница радимичей была установлена Б. А. Рыбаковым по характерному для женщин этого племени украшению — семилучевым височным кольцам[3]. Если мы сопоставим границу курганов Днепровско-Сожской группы (с сожжением умершего на месте и с кострищем, расположенным в курганной насыпи) с границей радимичей, то и здесь увидим почти полное совпадение ареалов (рис. 4). Курганы Днепровско-Сожской группы можно отнести к радимичским курганам X—XI вв. Этому не противоречит и сообщение «Повести временных лет».

III. Бобруйская и Речицкая группы, как мы отмечали выше, имеют много общего между собой. Эта общность погребального ритуала позволяет отнести их к одной этнической группе. Как известно, летописец помещает дреговичей между Припятью и Двиной: «А друзии сѣдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи»[4].

К сожалению, погребальные обряды дреговичей изучены еще недостаточно. Курганы же Речицкой и Бобруйской групп находятся на границе с радимичами и кривичами и имеют в погребальном обряде следы влияния этих племен. Возможно, что отсутствие единства в погребальном обряде объясняется пограничным положением указанных групп. Все же предположительно Бобруйскую и Речицкую группы можно отнести к дреговичам.

IV Московская группа курганов, как мы уже установили выше, принадлежит вятичам. Им же, вероятно, принадлежат и курганы Окской группы. Здесь также кострище расположено на горизонте, а пережженные кости находятся в кострище. «Повесть временных лет» тоже отводит

[1] Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне, стр. 94.
[2] ПВЛ, т. I, стр. 14.
[3] Б. А. Рыбаков. Радзімічы. Працы археолёгічнай камісіі, т. III, Менск, 1932, стр. 81—151.
[4] ПВЛ, т. I, стр. 11.

Оку вятичам: «А Вятъко сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, от него же прозвашася вятичи»[1].

V. Вяземская группа курганов содержит украшения, типичные для кривичей,— браслетообразные височные кольца. Позднейшие курганы с погребением в земле здесь также кривичские.

Правда, А. А. Спицын считал для кривичей характерным трупосожжение с размещением урн в насыпи[2]. Возможно, что это предположение А. А. Спицына верно. В Вяземской же группе мы находим курганы, содержащие кострище на горизонте, а пережженые кости — в кострище, т. е. общие черты с Московской группой, что, вероятно, объясняется близостью Вяземской группы к вятичам.

VI. Верхнеокская группа курганов с трупосожжениями исследована еще недостаточно. Раскопки Н. И. Булычева, В. А. Городцова, И. Е. Евсеева, П. С. Ткачевского, П. Н. Третьякова и Т. Н. Никольской позволяют, повидимому, считать их древнейшими вятичскими курганами, хотя своеобразная керамика, обнаруженная на поселениях и в курганах (Шаньково, Почепок и др.), генетически не увязана с древнейшей славянской посудой V—IX вв. н. э. (так называемый пражский тип и его аналогии в Восточной Европе).

VII. Боршевские курганы имеют близкие аналогии с ранними окскими курганами — Белевскими, Лихвинскими и др., содержащими под насыпью ящики с пережженными костями умерших. Этническая принадлежность их окончательно не установлена, хотя П. Н. Третьяков предполагал, что они являются курганами вятичей[3].

Таким образом, удалось проследить погребальные обряды VIII—XI вв. у вятичей, радимичей и северян. Как мы видели выше, каждое племя имело свои, присущие только ему, черты погребального обряда трупосожжения, что позволило наметить границы этих племен по погребальным обрядам (рис. 2). Особенно важно подчеркнуть, что славянские курганы с трупосожжениями VI—X вв. н. э. очерчивают границы больших племенных союзов (древляне, северяне, кривичи, словене новгородские и т. д.) и не дают пока материала для выделения мелких локальных групп, которые соответствовали бы первичным племенам.

Второй вид погребального обряда — погребение в земле — бытовал у некоторых славянских племен одновременно с обрядом трупосожжения. Нам известно сообщение Ибн-Русте о погребении в земле, в могильной яме в виде большой комнаты[4]. Однако широкое распространение обряд погребения умершего в земле получил лишь после запрещения трупосожжения в связи с распространением христианства.

Христианство распространялось постепенно, что нашло свое отражение в погребальных обрядах. У радимичей и северян обряд сожжения прекратил свое существование в XI в., у вятичей он еще бытовал в XII в.

---

[1] ПВЛ, т. I, стр. 14.

А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ПАК, вып. 15, 1903, стр. 10.

[3] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 240, 259 и сл. «Что касается верховьев Дона,— пишет П. Н. Третьяков,— то они были заселены, повидимому, не северянами, а вятичами — выходцами с верховьев Оки. Во всяком случае, культура воронежских городищ, исследованных П. П. Ефименко, отличается от «роменской», приближаясь более к культуре городищ Верхней Оки». Курганы, близкие к Боршевским, раскопаны Т. Н. Никольской у дер. Лебедки, Урицкого района, Орловской области. См. Т. Н. Никольская. Археологические исследования в Орловской области. КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 91—104, рис. 45. По сообщению Т. Н. Никольской, трупосожжения этого типа обнаружены в Воротынцеве, Орловской области, и Шуклинке, Курской области.

[4] А. Л. Гаркави. Указ. соч., стр. 262—270.

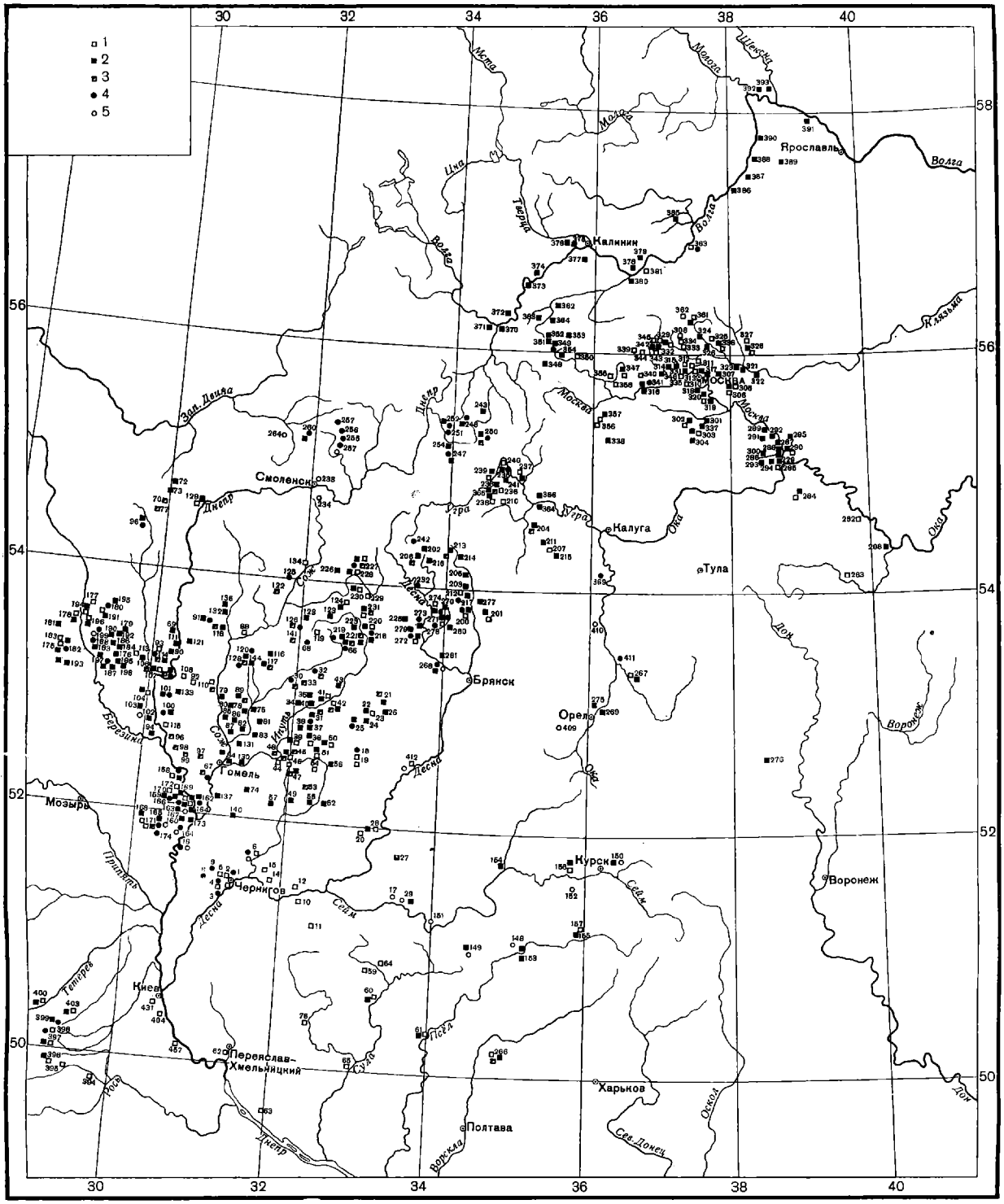


Рис. 5. Погребения вятичей, радимичей и северян в IX—XIV вв. н. э. (по типам погребальных обрядов).

1 — погребение в яме; 2 — погребение на горизонте; 3 — погребение в насыпи; 4 — трупосожжение на месте; 5 — трупосожжение на стороне

Крещение вятичей крупнейший историк русской церкви Е. Е. Голубинский относит к XII в., ко времени Владимира Мономаха[1]. Монах Киево-Печерского монастыря Кукша был убит вятичами в XII в. при попытке крестить их. К XII в. относятся известные слова «Повести временных лет» об обряде трупосожжения, «еже творять вятичи и нынѣ»[2].

Переходной ступенью от одного обряда к другому являлись курганы с неполным трупосожжением, имитирующим сожжение умершего. Обычно курганы с неполным трупосожжением содержат кострище, на котором лежит полуобожженный скелет умершего. Пережитки трупосожжения в виде небольших кострищ и вкраплений угля попадаются в поздних курганах; с исчезновением курганного обряда они больше не встречаются.

Курганы с погребением умершего в земле на исследуемой территории раскопаны в значительно большем количестве, чем курганы, содержащие трупосожжение. Подсчет показал, что из общего числа изученных курганов более 3000 содержат погребение умершего в земле.

Известны три основных вида положения умершего в земле — погребение в яме, на горизонте и в насыпи.

Погребения в яме, совершавшиеся одновременно с обрядом трупосожжения (Киев, Чернигов), продолжали существовать одновременно с широко распространившимися после введения христианства погребениями на горизонте и вместе с ними дошли до конца курганного обряда в XIII—XIV вв. Ранние курганы IX—X вв. с погребениями в глубоких могильных ямах и срубах в Среднем Поднепровье (Киев, Чернигов, Переяслав-Хмельницкий) выделяются в особую локальную группу[3].

Второй вид погребального обряда — погребение умершего на горизонте — наиболее распространен (рис. 5). На Днепре и в верховьях Волги, на Сейме и на Оке — всюду мы встречаемся с курганами, содержащими погребения на горизонте. Появившись в XI в. на смену обряду сожжения умершего, этот вид погребения продолжал существовать параллельно с погребением умершего в могильной яме до конца курганного периода — XIV в. Следует заметить, что именно этот вид погребения изображен на известной миниатюре Кенигсбергской летописи о гибели Святополка Окаянного. Последний, как показано на миниатюре, был погребен на горизонте[4].

Третьим видом погребения умершего является погребение в насыпи. Погребения этого вида немногочисленны: они были встречены лишь в 44 курганных группах (Антоновка, № 33; Бельняки, № 171; Беседовичи, № 127; Богоявление, № 204; Вехрана, № 146; Вищин, № 70; Внуковичи, № 45; Вязьма, № 250; Горожа, № 175 и 189; Еленец, № 96; Ивольск, № 97; Карховка, № 38; Клясин, № 117; Колосы, № 106; Климовичи, № 126; Корма Пайка, № 120; Красная Слобода, № 118; Кубарки, № 227; Луговец, № 21; Лукомля, № 77; Любен, № 67; Людково, № 46 и 47; Ляличи, № 42; Меренище, № 208; Нисимковичи, № 89; Ницаха, № 266; Овсянники, № 114; Петровск, № 74; Пильня, № 218; Сачковичи,

[1] Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, первая половина тома. М., 1880, стр. 180, 181.

[2] ПВЛ, т. I, стр. 15.

[3] Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне, стр. 92 и сл.; его же. Древности Чернигова. МИА, № 11, 1949, стр. 20 и сл.; Д. И. Блифельд. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Поднепровья IX—X вв. СА, XX, 1954, стр. 148—162.

[4] А. В. Арциховский. Дневнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 16.

№ 53; Слобода (Смоленской области), № 231; Смяличи, № 31; Ступеньки II, № 238; Суборовка, № 213; Сукромля, № 220; Тимошкин Перевоз, № 44; Хотимск, № 66; Христовая, № 222; Чеботовичи, № 98, 99; Чеботовичи-Ивольск, № 97; Шуи, № 206; Яново, № 141; Христовая (28), № 221; Корма Новоельнинская, № 110).

В большинстве случаев этот вид погребения встречается вместе с другими двумя видами — погребением в яме и на горизонте, чаще всего — с последним.

Основной район распространения курганов с погребением в насыпи, как мы видим на карте (рис. 5), занимает Посожье. Они все относятся в основном к одному времени — XI—XII вв., а позднее исчезают.

П. М. Еременко, производивший раскопки курганов Сурожского уезда, отмечает, что погребения в насыпи большей частью встречаются в низменных местах, покрывающихся в весеннюю пору водой[1]. К сожалению, мы не имеем таких данных относительно остальных курганных групп, где встречены погребения в насыпи.

Объяснения П. М. Еременко, что насыпи устраивались для предохранения умершего от весеннего половодья, маловероятны. Высота подсыпки, в большинстве случаев равняющаяся 0,3—0,5 м, едва ли могла быть хорошей защитой от наводнения. При этом для некоторых курганных групп удалось установить, что высота подсыпки зависит от пола погребенного: у мужчин — больше, у женщин — меньше. Высота подсыпки следующая:

Мужские погребения

Курганная группа	Высота подсыпки, м
Еленец	0,70
Петровск	0,35
Корма Новоельнинская	0,80
Лукомля	1,50—2,00
Колосы	1,90—3,50
Красная Слобода	0,40
Корма Пайка	0,40—2,10
Яново	0,70
Хотимск	0,80
Климовичи	0,60
Вехрана	0,70
Слобода	0,50

Женские погребения

Курганная группа	Высота подсыпки, м
Корма Новоельнинская	0,30
Колосы	0,40
Сукромля	0,20
Пильня	0,20—0,35
Кубарки	0,40
Христовая (№ 28)	0,40

Из приведенных данных видно, что в женских погребениях высота подсыпки не превышает 0,4 м, в то время как в мужских погребениях она достигает 3,5 м.

Большинство курганов с погребением умершего в насыпи расположено между течением Сожа и Десны — в районе, где был широко распространен обряд сожжения умершего с устройством кострища в насыпи. Умерший лежит обычно на спине с вытянутыми ногами; положение рук различное (вытянуты вдоль туловища, сложены на груди или на животе и т. д.). Встречаются курганы с сидячими и скорченными погребениями, но крайне редко, и для исследуемой территории они не характерны.

Курганы с сидячими погребениями занимают в основном правый берег Днепра. Они были встречены в следующих курганных группах: Александровка, № 198; Брицаловичи, № 181; Горожа, № 189; Дымово, № 73; Кострицкая Слобода, № 190; Леневка, № 196; Устиж, № 178;

[1] П. М. Еременко. Радимичские курганы. ЗРАО, т. VIII, вып. 1, 1896, стр. 73.

Чешуйки, № 23 и Столбники, № 228. Если мы посмотрим на карту (рис. 6), то увидим, что на Левобережье они были встречены лишь в трех курганных группах.

Следует отметить, что курганы с сидячими погребениями на Правобережье встречаются чаще, а Т. Н. Никольская отмечает, что этот вид

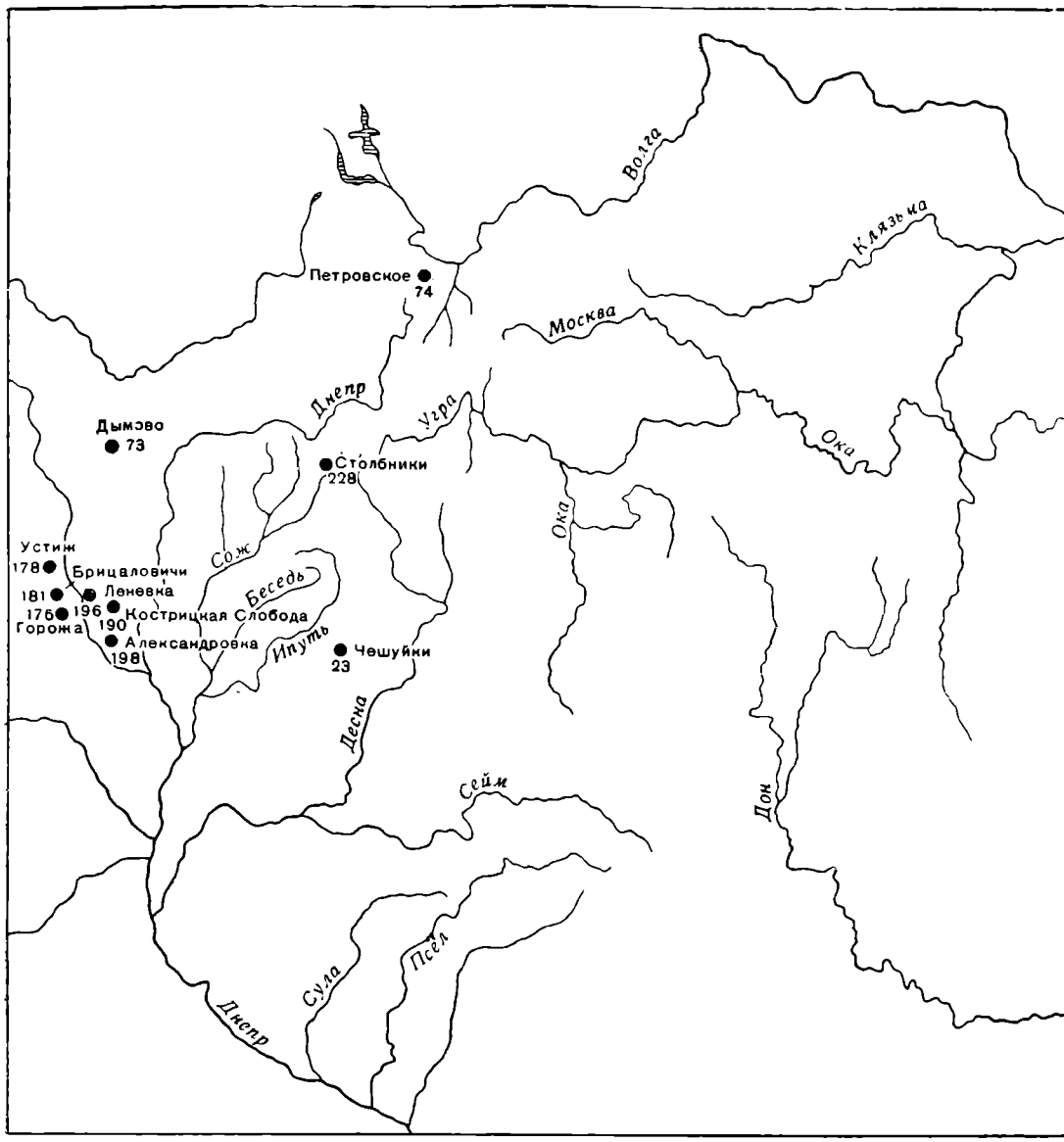


Рис. 6. Места находок сидячих погребений.

погребения характерен также для курганов Ржевского уезда и Смоленщины[1].

Обычно умерший ориентирован головой на запад, с небольшим отклонением к северу или югу. Однако наряду с этим основным видом погребения встречаются захоронения, в которых умерший лежит головой на восток, реже — на север или юг.

[1] Т. Н. Никольская. Этнические группы Верхнего Поволжья. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 79.

Курганы с восточной ориентировкой появляются в XI в. В ранних курганах с погребениями в глубоких могильных ямах, одновременных обряду трупосожжения, восточная ориентировка не была отмечена ни разу.

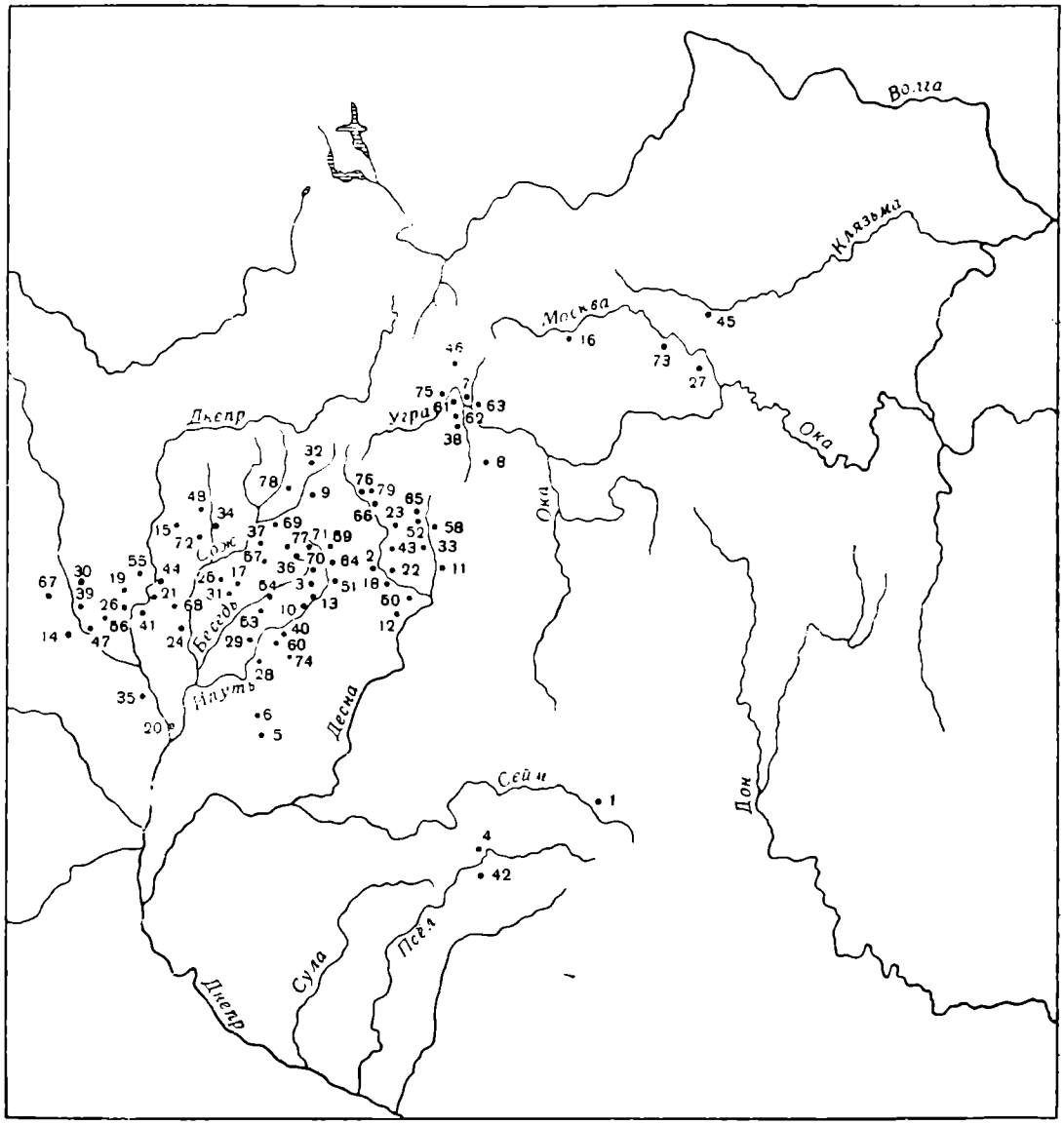


Рис. 7. Места находок погребений с восточной ориентировкой.

Курганы с восточной ориентировкой (рис. 7) встречены в 79 курганных группах (порядковые номера соответствуют номерам, обозначенным на рис. 7):

1. Александровка, № 150
2. Алешня, № 279
3. Батуровка, № 32
4. Белогорье, № 148
5. Большие Щербиничи, № 57
6. Боровичи, № 58
7. Бочарово, № 237
8. Воронки, № 229
9. Васильевское, № 207
10. Влазовичи, № 41
11. Войлово, № 201
12. Волосовичи, № 197
13. Высокое, № 43
14. Горожа, № 175 и 189

15. Грязивец, № 91
16. Дятлово, № 316
17. Елизаветино, № 116
18. Загородье, № 95
19. Задручье, № 113
20. Закурье, № 93
21. Заужелье, № 162
22. Ивановичи, № 271
23. Карховка, № 138
24. Клясин, № 217
25. Козаричи, № 40
26. Колосы, № 106
27. Колоколово, № 292
28. Колчино, № 212 и 217
29. Корма Новоельнинская, № 110
30. Корма Пайка, № 120
31. Кострицкая Слобода, № 190
32. Кубарки, № 227
33. Кузьмичи, № 219
34. Кулешовка, № 123
35. Курганье (Калужск.), № 200
36. Курганье (Могилевск.), № 135
37 Курганье (Минск.), № 158
38. Леоново, № 210
39. Любоничи, № 188
40. Ляличи, № 42
41. Мадора, № 101
42. Мирополье, № 153
43. Немиричи, № 270
44. Обидовичи, № 121
45. Осеево, № 321
46. Паново, № 244
47. Пацева Слобода, № 186
48. Пеклино, № 272
49. Перогонцы, № 434
50. Петуховка, № 132
51. Пильня, № 218
52. Погост, № 205
53. Поповка, № 34
54. Попова Гора, № 30
55. Рудня, № 179
56. Селище (Могилевск.), № 119
57. Селище (Минск.), № 184
58. Слобода, № 231
59. Слобода, № 260
60. Смяличи, № 31
61. Сосонник I, № 235
62. Сосонник II, № 240
63. Ступеньки II, № 238
64. Сукромля, № 220
65. Синьгово, № 214
66. Суборовка, № 213
67. Устиж, № 178
68. Хизово, № 92
69. Хотимск, № 66
70. Ходынь, № 142
71. Христовая, № 222
72. Чаусы, № 136
73. Черемушки, № 316
74. Чертовичи, № 37
75. Шатуны, № 239
76. Христовая (28), № 221
77. Столбники (217), № 228
78. Вщиж, № 268
79. Шуи, № 206

В курганных группах Алешня, Батуровка, Боровичи и других — это единичные погребения среди остальных курганов с западной ориентировкой умершего; в курганной группе Влазовичи погребений с восточной ориентировкой 8, Волосовичи — 5, Горожа — 3, Колчино — 17 и т. д. Большинство курганов с восточной ориентировкой умершего расположено на земле радимичей (рис. 7); для остальных племен — вятичей, северян, кривичей и дреговичей — такие погребения не характерны и встречаются обычно лишь в пограничных с радимичами местах.

Следует отметить также еще одну особенность погребений с восточной ориентировкой: это обычно мужские погребения. Из 191 кургана в 163 были мужские погребения, в 25 — женские и в 3 — детские. В тех случаях, когда погребение парное и умершие ориентированы в разные стороны (восток и запад), на восток всегда обращено головой мужское погребение, а на запад — женское.

Курганы с северной ориентировкой умершего встречены всего в 8 группах: Влазовичи, № 41; Доброселье, № 202; Колчино, № 212 и 217; Кохаиы, № 242; Манина, № 203; Овсянники, № 114; Синьгово, № 214; Слобода, № 260. В большинстве — в 7 группах — это также мужские погребения.

Погребения с южной ориентировкой (Гочево, № 155; Курганье, № 200; Синьгово, № 214)— мужские (в двух случаях) и детские (одно).

Умерший лежит или непосредственно на земле, или в гробу, в срубе, обернут берестой, обложен камнями и т. д. Чаще всего в курганах встречаются остатки дерева. Здесь можно выделить ряд определенных типов погребальных сооружений: 1) срубы, 2) теремки, 3) колоды, 4) обычные гробовища, 5) рамы.

Курганы со срубными гробницами, раскопанные на Черниговщине (Чернигов, № 1; Гущино, № 4; Шестовицы, № 3; Седнев, № 6; Левинка, № 18), выделяются своими размерами и богатством инвентаря[1]. Срубные погребения Киевского некрополя также отличаются разнообразием, обилием и богатством украшений и оружия[2].

Погребения в теремках по устройству напоминают срубные гробницы. Умерший лежит на горизонте внутри теремка. Погребения в теремках встречены в основном по правому берегу Днепра: Устиж, № 178; Волосовичи, № 197; Любоничи, № 188; Кострицкая Слобода, № 190; Старцы, № 176; Мохов, № 167; Леневка, № 196; Новый Быхов, № 69[3].

Погребения в теремках немногочисленны и обычно расположены в самых крупных курганах группы. Высота курганов — от 1,5 до 3,5 м, диаметр — от 11 до 16 м. Размеры теремков приближаются к размерам срубных гробниц, но имеют значительно меньшую высоту: 2,53 × 3,5 м, 2,5 × 1,7 м, 2,5 × 0,9 м и т. д.

Инвентарь погребений в теремках не отличался от инвентаря обычных погребений данной курганной группы.

В курганных группах Кострицкая Слобода, Леневка, Старцы, Мохов, где обнаружены погребения в теремках, при умерших найдена только посуда — горшки, миски, деревянные ведра; в кургане у дер. Старцы горшок был наполнен углем. Вероятно, уголь здесь символизировал очаг[4].

Особый интерес представляет курган в Любоничах. Здесь сохранилась крыша теремка. В середине сруба, по длине его, находился гребень крыши, а сама крыша была сделана из досок, положенных вдоль сруба. Продольная крыша сохранилась также в Волосовичах. Территория распространения курганов с теремками в основном захватывает устье Березины в районе Бобруйска. Здесь же, недалеко от Бобруйска, в дер. Ольховка В. З. Завитневичем в конце прошлого столетия были встречены теремки на обычных деревенских кладбищах. В. З. Завитневич отмечал, что эти теремки представляют собой четырехугольный, чаще квадратный сруб в один или несколько венцов (до трех), покрытых дощатой двускатной крышей[5].

Вероятно, погребения в теремках, типичные для этой местности в курганный период, с исчезновением курганного обряда видоизменились. Теремки сохранились, только теперь они не прикрывались землей, а стояли на поверхности ее.

Погребение в колоде известно нам по сообщению «Повести временных лет»: «Глѣбу же убьену бывшю и повержену на брезѣ межи двѣма колодама»,— сообщает летописец[6]. Известны погребения в колоде в курганах с неполным сожжением умершего. Колоды обычно делались из дуба или березы, иногда из сосны. Сверху умершего прикрывали другой колодой (лежал «межи двѣма колодама») или досками. В одном кургане умерший был прикрыт прутьями орешника. Основной район погребений в колодах — среднее течение Днепра у устья р. Сож (Лучин,

---

Д. Я. Самоквасов. Указ. соч., стр. 193 и сл.

Л. А. Голубева. Киевский некрополь. МИА, № 11, 1949, стр. 114.

[3] Раскопки В. З. Завитневича. ДАК, 1892, № 69.

[4] Исключение представляют: курган № 18 у дер. Мохов, б. Речицкого уезда, где найдены бронзовое кольцо и железный нож, и курган № 146 у дер. Любоничи, где обнаружены бусы, кольцо и перстень. См. ДАК, 1892, № 69, лл. 25, 26; ДАК, 1890, № 32, л. 39.

[5] Раскопки В. З. Завитневича. ОАК за 1892 г., стр. 151.

[6] ПВЛ, т. I, стр. 93.

№ 104; Солоное, № 103; Кордон, № 115; Грязивец, № 91; Вищин, № 70; Нисимковичи, № 89; Кулешовка, № 123; Колосы, № 106; Обидовичи, № 121 и др.); в отдельных случаях они встречаются и у вятичей, и у кривичей.

Дерево иногда заменялось берестой. Умершего обертывали берестой целиком или только до половины (голову и грудь), прикрывали его сверху, клали ему бересту под голову, или же обертывали ею и гроб. У радимичей береста почти не встречалась, у вятичей она применялась чаще. Наибольшее количество курганов с берестой было открыто по р. Березине.

В Речицких курганах при погребении употреблялась известь, которой засыпали умершего, или возводили над ним известковый свод. П. Н. Третьяков, исследуя Костромские курганы, в которых также встречалась известь, заметил, что известковый свод встречен в наиболее богатых погребениях[1]. О Речицких курганах этого сказать нельзя. Инвентарь погребений с известковым сводом не отличается от инвентаря обычных погребений. Иногда вместо извести применяли глину — обмазывали погребальную яму или также возводили свод.

* * *

Выделяется локальная группа, занимающая среднее течение Днепра (от Переяслава-Хмельницкого до Киева), нижнее течение Десны (до Новгород-Северска) и верхнее течение Сулы. В эту группу входят три крупнейших центра древней Руси — Киев, Чернигов и Переяславль.

Для данной группы характерно погребение умершего в глубокой могильной яме (от 0,7 до 1,75 м глубиной); он ориентирован головой на запад, иногда с небольшим отклонением к северу или югу. Следует отметить отсутствие посуды (исключением являются срубные гробницы) и угля. Уголь, применявшийся при погребениях в XI—XIV вв. как пережиток обряда трупосожжения, здесь в курганах, одновременных курганам с трупосожжением, отсутствует.

К этой же группе относятся известные срубные погребения Киева, Чернигова, Седнева и другие. По богатству инвентаря и погребальному ритуалу срубные погребения близки дружинным курганам с трупосожжением.

О племенной принадлежности курганов этой группы в исторической литературе были высказаны различные мнения. Большинство историков полагало, что Левобережье с Черниговом было заселено северянами, Правобережье же с Киевом — полянами (Н. П. Барсов[2], П. В. Голубовский[3], А. А. Спицын[4], С. М. Середонин[5], В. В. Мавродин[6], А. Н. Насонов[7] и др.).

---

[1] П. Н. Третьяков. Костромские курганы. ПГАИМК, т. X, вып. 6 — 7, 1931, стр. 14.

[2] Н. П. Барсов. Указ. соч., стр. 145 и сл.

[3] П. В. Голубовский. Указ. соч., стр. 14 и сл.

[4] А. А. Спицын. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. ЖМНП, 1899, т. VIII, стр. 340; его же. Русская историческая география. Пгр., 1917.

[5] С. М. Середонин. Указ. соч. (карта).

[6] В. В. Мавродин. Очерки истории левобережной Украины. М., 1940, стр. 54.

[7] А. Н. Насонов. Русская земля и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 21 и сл.

Единство обряда погребения на всей этой территории и резкое отличие его от обряда соседних племен дает возможность отнести курганы и срубные погребения Киева, Чернигова и Переяслава-Хмельницкого к одному племени, скорее всего к полянам, «яже нынѣ зовомая Русь». Б. А. Рыбаков придерживается такой же точки зрения[1].

Изучение всех особенностей погребального обряда позволило выделить ряд локальных групп на территории, занимаемой большими племенами, вернее, племенными союзами.

* * *

Радимичи занимали междуречье Днепра и Сожа (рис. 8). На территории, где жили радимичи, удалось выявить 8 локальных групп:

I. Первая группа расположена между Днепром и Сожем; в нее входят курганы у Ивольска (№ 97), Чеботовичей (№ 98), Любен (№ 67) и курганы между Ивольском и Чеботовичами (№ 99)[2]. В курганной группе у Ивольска раскопано 14 курганов; все погребения совершались в насыпи, умершие лежали на спине, вытянуто, головой на запад, в ногах у них стояли горшки. Из прочего инвентаря в мужских погребениях встречались ножи, в женских — различные украшения: стеклянные позолоченные бусы, гривны, браслеты. Погребения у дер. Чеботовичи и в курганной группе между Ивольском и Чеботовичами аналогичны погребениям около Ивольска[3].

Курганная группа у дер. Еленец состояла из 8 курганов; раскопано было три[4]. В кургане № 3, диаметром 12 и высотой 1,75 м, на подсыпке, высота которой равнялась 0,7 м, умерший лежал на спине, вытянуто, головой на запад. Сохранились остатки дубового гробовища; в ногах умершего стоял горшок. Из вещей обнаружены нож и кремень.

Общими признаками для всей группы являются: 1) погребение в насыпи, 2) ориентировка головой на запад, 3) наличие посуды в ногах умершего.

II. Вторая группа занимает бассейн р. Сожа, в нее входят курганы у сел Радуга, № 112; Демидово, № 138; Баюра, № 139; Глубоцкое, № 140; Терюх, № 137; Столбун, № 81; Романовичи, № 84; Новые Громыки, № 83; Старые Громыки, № 82; Малые Немки, № 75; Большие Немки, № 78; Навпловка, № 86; Ухов, № 87; Залесье, № 85; Беляевка, № 79; Кукличи, № 80; Воробьевка, № 131[5].

Погребения здесь совершались на горизонте. Умершие лежали на спине, ориентированы головой на запад. Из инвентаря встречены в женских погребениях различные украшения: семилучевые височные кольца (Демидово, Баюры, Терюх, Радуга), подвески (Старые Громыки, Новые Громыки, Залесье, Беляевка, Кукличи), кольца (Беляевка, Кукличи, Романовичи), бусы стеклянные позолоченные (Романовичи, Терюх), монеты. В двух курганных группах (у сел Большие Немки и Глубоцкое) в погребении найдены арабские монеты X в. Мужские погребения обычно бывают без инвентаря. Следует отметить, что здесь ни разу не встречены

---

[1] Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне, стр. 81—105.

[2] Раскопки Е. Р Романова и Н. А. Сербова. См. Е. Р. Романов. Раскопки в Могилевской губернии в 1888 г., стр. 132 и сл.; его же. К археологии Северо-западного края России. Записки Северо-западного отд. РГО, кн. 1, Вильна, 1910, стр. 121 и сл.; І. А. Сербаў. Дасьледы каля Новага Быхава і на сярэднім Сажы. Працы першаго зьезду дасьледчы і каў беларускае археолёгіі и археографіі, 1926, Менск.

[3] І. А. Сербаў. Указ. соч.

[4] Е. Р Романов. Раскопки в Могилевской губернии в 1888 г., стр. 131 и сл.

[5] Раскопки Е. Р Романова (указ. сочинения).

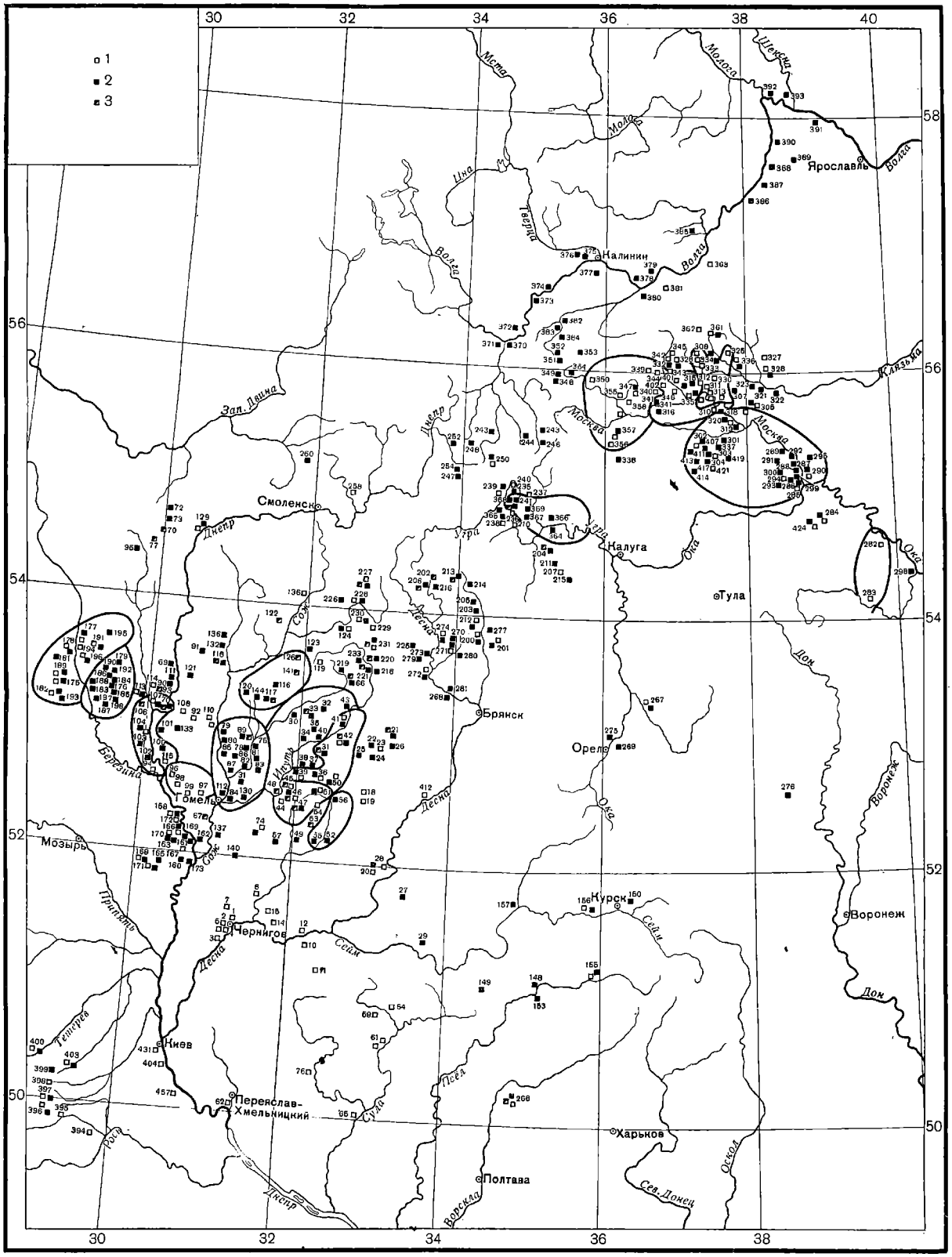


Рис. 8. Опыт деления на локальные группы территорий вятичей, радимичей и северян.

1 — погребение в яме; *2* — погребение на горизонте; *3* — погребение в насыпи.

ни посуда, ни уголь; все погребения совершались без гробов (остатки дерева ни разу не были обнаружены).

Курганы датированы по арабским монетам и стеклянным позолоченным бусам — XI в.

III. Третья группа[1] расположена в бассейне р. Ипути; в нее входят курганы близ сел Попова Гора, № 30; Батуровка, № 32; Антоновка, № 33; Поповка, № 34; Новая Новицкая, № 35; Чертовичи, № 37; Карховка, № 38; Казаричи, № 40; Высокое, № 43.

Все погребения совершены на горизонте: умершие лежат на спине, вытянуто. В отличие от предыдущей группы, наряду с обычной ориентировкой умершего головой на запад, встречены курганы с восточной ориентировкой. Все погребения, ориентированные на восток, были мужскими (здесь же встречались мужские погребения и с западной ориентировкой).

В большинстве курганов сохранились остатки гробов. Одной из особенностей группы является наличие в курганах угля в виде небольших кострищ, причем уголь находился или под покойником, или над ним, а в некоторых курганах — и под ним, и над ним. По обилию угля эти курганы близки к курганам с неполным трупосожжением.

Из инвентаря в женских погребениях встречены различные украшения, в том числе семилучевые височные кольца (в Чертовичах, Поповой Горе, Антоновке). Мужские погребения обычно не содержат инвентаря. П. М. Еременко датирует эти курганы XI в.

IV Четвертая группа занимает бассейн рр. Ипути и Снова; сюда входят курганные группы Смяличи, № 31; Голубовка, № 36; Влазовичи, № 41; Гулевка, № 50; Ляличи, № 42; Холевичи, № 39; Большие Шербиничи, № 37; Гетманская Буда, № 49[2].

В этой группе встречаются все 3 вида погребения — в яме, на горизонте и в насыпи. Погребения в яме и в насыпи немногочисленны; преобладают погребения на горизонте. Возможно, что погребения в яме более поздние, на что указывает отсутствие инвентаря в них.

Погребения в насыпи обнаружены в двух курганных группах: 1) Ляличи, № 10, где умерший лежал головой на восток, и 2) в курганной группе между Карховкой и Ново-Зыбковым, где умерший был ориентирован головой на запад. Эти погребения в насыпи встречены в наиболее низменных местах. Инвентарь их аналогичен инвентарю погребений на горизонте.

Погребения на горизонте преобладают в этой группе. Встречаются погребения с восточной ориентировкой. В курганной группе Смяличи на восток ориентированы 2 погребения, Ляличи — 3, Влазовичи — 8. Все погребения с восточной ориентировкой являются мужскими, причем в парных погребениях женщина всегда лежит головой на запад, мужчина — на восток. Во многих курганах оказались остатки гробов. В большом количестве встречается уголь.

В женских погребениях найдены типичные для радимичей семилучевые височные кольца, перстни, кольца, бусы — стеклянные позолоченные, стеклянные светлозеленые и разноцветные; в мужских погребениях — ножи, пряжки, кольца. Многие курганы совсем не содержат вещей. Например, в курганной группе Смяличи без вещей были 4 кургана, Ляличи — 2, Голубовка — 7, Холевичи — 5, Влазовичи — 13.

Для этой группы характерны следующие признаки: наличие всех 3 видов погребения — в яме, на горизонте и в насыпи, с преобладанием

---

[1] Раскопки П. М. Еременко. См. П. М. Еременко. Указ. соч.
[2] Там же.

обряда погребения на горизонте; западная ориентировка женских погребений и восточная ориентировка мужских; уголь в виде небольших кострищ под умершим и над ним; остатки гробовищ.

V. Пятая группа[1] занимает бассейн р. Снова. В эту группу входят курганы у сел Малые Топали, Курозново, Медведовка.

Для всех этих курганных групп характерны погребение на горизонте, всегда западная ориентировка, отсутствие угля. Остатки гробовищ здесь не были встречены ни разу, так же как и посуда. Из вещей в женских погребениях обнаружены бронзовые кольца без спайки концов, бусы сердоликовые и стеклянные позолоченные, в мужских погребениях — поясные пряжки, ножи.

VI. Шестая группа[2] занимает междуречье рр. Ипути и Снова и состоит из курганных групп Внуковичи, Тимошкин Перевоз, Людково I, Людково II, Манюки.

В этой группе встречены 3 вида погребения — в яме, на горизонте и в насыпи. Все погребения ориентированы на запад (независимо от вида погребения). Уголь в курганах этой группы ни разу не был найден. В женских погребениях оказались кольца, лунницы, витой браслет, бусы разноцветные стеклянные и глиняные, височные кольца семилучевые (Людково) и спиральные (в кургане № 84 этой же группы). В мужских погребениях, как обычно, или совсем не было вещей, или обнаружены только пряжки и ножи.

VII. Седьмая группа[3] занимает среднее течение Днепра (примерно от Рогачева до устья Сожа) и включает курганные группы Кордон, Проскурни, Колосы, Лучин, Каменка, Солоное, Вищин, Грязивец.

В этой группе обнаружены все 3 вида погребения —в яме, на горизонте и в насыпи. Характерной особенностью группы является погребение умерших в колодах (иногда применялись бревенчатые или дощатые рамы). В курганных группах Колосы и Вищин колоды встречены лишь в мужских погребениях.

Мужские погребения бедны инвентарем (оселок, нож, кремень, пряжки) или совсем его не содержат; в женских найдены различные украшения: семилучевые височные кольца (Каменка, Проскурни), проволочные височные кольца (Лучин), бусы сердоликовые, стеклянные разноцветные и позолоченные, лунницы, гривны, браслеты плоские и витые, кольца. В одном погребении (Лучин, № 4) рядом с умершей лежало шиферное пряслице. В кургане Солоное (№ 5) была найдена кельнская монета X в. Возможно, что погребения в яме у г. Кордон относятся к несколько более позднему времени — XI—XII вв.

VIII. Восьмая группа занимает междуречье рр. Сожа и Беседи и включает курганные группы Краснополье, Клясин, Яново, Климовичи, Елизаветино[4].

В этой группе встречены погребения 2 видов — на горизонте и в насыпи. При этом в большинстве курганных групп одновременно бытуют оба вида погребения (Краснополье, Елизаветино, Клясин). Умершие лежали непосредственно на материке; никаких погребальных сооружений (гробов, рам и др.) в курганах не обнаружено. Ориентировка — на запад и в двух случаях (мужские погребения) — на восток.

---

[1] П. М. Еременко. Указ. соч.

Там же.

[3] Е. Р. Романов. Археологические разведки в Могилевской губернии, стр. 29, 30; М. В. Фурсов и С. Ю. Чоловский. Указ. соч.

[4] М. В. Фурсов и С. Ю. Чоловский. Указ. соч.; Е. Р. Романов. Указ. соч.

В мужских погребениях найдены бронзовая пряжка и медная пластинка (в одном кургане, тогда как два других кургана с мужскими погребениями оказались без вещей). В женских погребениях обнаружены бронзовые серьги с привесками-рыбками, семилучевые височные кольца, бусы, бисер. Почти в каждом кургане встречены скопления угля, иногда в виде небольших кострищ над умершим. В курганной группе Климовичи (курган № 3) на скелете были следы обжига.

В кургане Краснополье (№ 20) рядом с умершим лежали: у правой руки — железная секира, у левой—нож, на поясе — пряжка. Курган отличается от остальных своими размерами: диаметр его — 14 м, высота — 4,2 м, высота подсыпки — 2,1 м. Возможно, здесь мы имеем дело не с обычным рядовым погребением, а с погребением представителя местной знати.

Во втором погребении (Клясин, № 1), парном, рядом с мужчиной лежал нож (у ступни), у женщины — проволочное кольцо и бусы.

В насыпи совершены погребения только мужчин (женское лишь одно, парное), причем в мужских погребениях преобладает восточная ориентировка.

На территории радимичей, таким образом, выделено 8 групп:

I. Между рр. Днепром и Сожем. Группа характеризуется погребением в насыпи, западной ориентировкой, наличием посуды в ногах или у головы умершего.

II. Бассейн р. Сожа. Все погребения — на горизонте, ориентировка западная. Отсутствуют погребальные сооружения, уголь, посуда.

III. Бассейн р. Ипути. Все погребения — на горизонте, женские погребения ориентированы на запад, мужские — иногда на восток. В курганах в большом количестве встречен уголь в виде небольших кострищ под умершим или над ним. Почти в каждом погребении сохранились остатки дерева от гробовищ.

IV Между рр. Ипутью и Сновом. Встречены все 3 вида погребения — в яме, на горизонте, в насыпи. Наряду с основной западной ориентировкой встречаются мужские погребения, ориентированные на восток. Уголь, как и в предыдущей группе, обнаружен в виде небольших кострищ или под умершим, или над ним, или же просто в насыпи имеется небольшое скопление угля.

V Бассейн р. Снов. Все погребения — на горизонте, ориентированы на запад. Угля нет; остатков дерева от гробовищ тоже нет.

VI. Нижнее течение р. Ипути. Три вида погребения — в яме, на горизонте, в насыпи. Умершие ориентированы на запад. Угля нет.

VII. Среднеднепровская группа. Все 3 вида погребения — в яме, на горизонте, в насыпи. Ориентировка преимущественно западная (восточная — только в 2 курганах, с мужскими погребениями). Встречается уголь. Особенностью группы является погребение умерших в колоде или бревенчатой (иногда дощатой) раме, прикрытой сверху.

VIII. Между рр. Сожем и Беседью. Встречены 2 вида погребения — в насыпи и на горизонте. Погребения в насыпи — мужские, с преобладающей ориентировкой на восток. На горизонте — и мужские, и женские; женские ориентированы на запад, мужские — частью на восток. Погребальных сооружений нет. Уголь встречается часто, в виде небольших кострищ. Обнаружено неполное трупосожжение.

На территории радимичей преобладает обряд погребения умершего на горизонте. Из 59 курганных групп погребения на горизонте встречены в 49 курганных группах, погребения в насыпи — в 15 , в яме — в 11

курганных группах. В каждой из 11 курганных групп погребения в яме крайне малочисленны.

Из приведенных данных видно, что погребения в яме не характерны для радимичей. Особенностью погребального обряда радимичей является также ориентировка значительной части мужских погребений на восток. Для погребальных сооружений радимичи обычно употребляли дерево. Применение бересты, камней или извести и глины для радимичских погребений не характерно.

* * *

К западу от радимичей, на территории летописных дреговичей, пограничных с радимичами, удалось выделить 2 локальные группы. Я назову их условно западной и восточной (рис. 8).

I. Первая группа, восточная, занимает правый берег устья Березины. Сюда входят следующие курганные группы[1]: Рудня, № 179; Кострицкая Слобода, № 190; Курганье, № 158; Махровичи, № 184; Поповщина, № 185; Александровичи, № 198; Пацева Слобода, № 186; Любоничи, № 188; Селище, № 184; Старцы, № 176; Волосовичи, № 197; Шараевщина, № 187.

Все погребения этой группы совершены на горизонте. Умерший лежит на спине, головой, как правило,— на запад; но наряду с западной ориентировкой встречаются восточная и северная. Погребения с восточной ориентировкой обнаружены в 7 курганных группах (17 курганов), с северной — в 3 курганных группах (3 кургана) и с западной — в 12 курганных группах (79 курганов). Обычно погребения с ориентировкой не на запад являются мужскими погребениями.

Одна из особенностей группы — погребения в теремках. Над умершим на горизонте возводили сруб, покрытый иногда двускатной крышей. Погребения в теремках обнаружены в 4 курганных группах (Любоничи, Кострицкая Слобода, Старцы, Волосовичи). Часто в погребениях встречается береста; ею обертывали или непосредственно умершего, или гроб. Большей частью береста применялась в мужских погребениях. Употреблялись также обычные гробовища. По инвентарю погребения в теремках ничем не отличаются от остальных погребений. Так, в Любоничах при умершем найдены бусина, кольцо, перстень; в Кострицкой Слободе и Старцах — только посуда, причем в Старцах горшок был наполнен углем, а рядом лежал огарок свечи; в кургане у дер. Волосовичи найдены перстень и горшок. Мужские погребения бедны инвентарем или совсем его не содержат; в женских найдены различные украшения: височные кольца проволочные, согнутые в полтора оборота, иногда с загнутыми концами; бусы сердоликовые, стеклянные позолоченные и посеребренные, пастовые, реже — металлические, крупнозернистые; перстни проволочные и пластинчатые. В курганной группе у дер. Любоничи умерший был погребен в сидячем положении, без вещей.

II. Вторая группа, западная, занимает правый берег Березины и левый берег до верховьев р. Ольсы[2]. Сюда входят следующие курганы: Ясень, № 193; Горожа, № 189; Брицаловичи, № 181; Устиж, № 178; Леневка, № 196; Перекаль, № 177; Несета, № 191; Дулебня, № 195; Вирково, № 194.

Здесь, наряду с погребениями на горизонте, встречаются погребения в яме. Умершие, как правило, лежат на спине, но встречаются также

[1] Раскопки В. З. Завитневича. ДАК, 1892, № 69.
[2] Там же.

сидячие погребения, причем количество их по сравнению с восточной группой значительно возрастает. Сидячие погребения оказались в 4 курганных группах (Горожа, Брицаловичи, Устиж, Леневка). Погребения, ориентированные на восток, были обнаружены лишь в 2 случаях. Здесь также встречены погребения в теремках (Ясень, Устиж, Леневка).

В женских погребениях найдены: височные кольца, такие же, как и в предыдущей группе,— проволочные, полутораоборотные, а также трехбусинные; бусы металлические зернистые, стеклянные посеребренные и позолоченные, пастовые.

Изучение погребального обряда дреговичей в целом, возможно, выявит еще ряд дополнительных черт. Сейчас пока можно сказать, что особенностью их погребения являются погребения в теремках и сидячие погребения. Оба этих вида у радимичей неизвестны.

* * *

Перехожу к описанию локальных групп вятичей.

I. Первая группа занимает верхнее течение р. Москвы и ее притока— Истры. Сюда входят курганные группы: Ябедино[1], Власово[2], Волково[3], Ивановская I[4], Вишеньки[5], Митяево[6], Звенигородский монастырь[7] (рис. 8).

Характерной особенностью группы является погребение в могильной яме, глубиной от 0,5 до 1 м. Умершие лежали на спине, головой на запад, с вытянутыми ногами, и обычно непосредственно на земле. Остатки гроба обнаружены лишь в кургане у с. Митяево (№ 1) и в кургане у дер. Ивановская I (№ 4); умершие были покрыты берестой. Уголь встречался крайне редко, причем в слое угля иногда находились кости домашних животных.

В курганной группе Митяево уголь найден в 7 курганах. Эта группа несколько отличается от остальных. Здесь встречено погребение на горизонте (№ 8). Если мы посмотрим на карту, то увидим, что курганы с погребением на горизонте обычно встречаются южнее. Возможно, курганы у с. Митяево являются переходными от одной группы — с погребениями в яме — к другой — с погребениями на горизонте.

В большинстве курганных групп вещей не было (Ябедино, Власово, Волково, Ивановская I). В курганах № 4 и 6 у дер. Вишеньки в погребениях найдены семилопастные височные кольца, гривны, витые браслеты, бусы, решетчатые перстни. Семилопастные височные кольца обнаружены в курганах у Звенигородского монастыря и у с. Митяево. В кургане № 4 этой же группы оказались трехлопастные височные кольца, бусы стеклянные, сердоликовые и хрустальные, витые браслеты, решетчатые перстни.

К северу от этой группы встречены погребения на горизонте с украшениями, типичными для кривичей.

---

[1] А. П. Богданов. Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии. ИОЛЕАЭ, т. IV, вып. 1, 1867.
[2] Раскопки К. Я. Виноградова. Архив ИИМК, № 149/1929.
[3] Там же, № 172/1927.
[4] Там же, № 149/1924.
[5] Там же, № 172/1927.
[6] Раскопки А. В. Арциховского. Архив ИИМК, № 113/1928.
Раскопки К. Я. Виноградова. Архив ИИМК, № 149/1929.

II. Вторая группа занимает среднее течение р.Москвы и примыкает к первой группе. Сюда входят курганы Чернево[1], Большие Черемушки[2], Дюдьково[3], Дятлово[4], Митино[5].

Для этой группы характерно погребение на горизонте. Умершие лежали на спине, головой на запад, причем, как и в предыдущей группе, большей частью непосредственно на земле. Лишь в курганной группе Черемушки (раскопки Савкова) в погребениях обнаружены остатки деревянных гробов, скрепленных железными гвоздями, и колоды. У дер. Митино в 2 курганах встречены остатки дерева: в одном случае — под умершим, в другом — над его головой (оба погребения — женские). В двух курганах (Митино, № 6; Чернево, № 1) умершие были завернуты в бересту (оба погребения — мужские). Уголь в этой группе встречается крайне редко. Лишь в кургане № 6 (дер. Митино) в насыпи оказались угли. В курганной группе у с. Дюдьково два кургана содержали трупосожжение, причем в одном из них найдены вятические украшения — семилопастные височные кольца, пластинчатый браслет, гривна.

Погребальный инвентарь погребений второй группы состоит из различных украшений в женских погребениях и остатков поясных наборов — в мужских, а также посуды. Здесь найдены семилопастные височные кольца, решетчатые перстни, пластинчатые браслеты, бусы сердоликовые, хрустальные и желтостеклянные, гривны; в мужских погребениях — пряжка, нож. В большинстве своем мужские погребения вещей не содержат. Посуда встречена и в мужских погребениях, и в женских (в курганной группе Чернево — только в мужских). Обычно посуда находилась в ногах умершего. Это глиняные горшки; лишь в одном случае (Митино, № 2) в ногах умершей стояла крынка.

Курган № 6 у дер. Митино выделялся из остальных курганов своей величиной: диаметр его — 36 м, высота — 7 м. Умерший был обернут в бересту; из вещей найдены пряжка, железные гвозди, 2 бронзовых кольца и кремень у таза. В ногах умершего стоял горшок. В насыпи на уровне 2,1 м от основания находилось кострище. В насыпи же обнаружены черепки посуды, коровьи кости (челюсти), удила. Скорее всего, курган принадлежал какому-либо представителю местной знати.

III. Третья группа занимает левый берег р. Москвы, точнее,— междуречье рр. Москвы и Клязьмы. В состав этой группы входят курганы у Льялова, Бухарова, Никольского (бывш. Бедняковской волости[6]), Устья Горетьевки, Повадина[7], Балятина[8], Химок[9] (Никольского), Мякинина[10], Пушкино[11].

В каждой из этих курганных групп погребение было совершено в могильной яме глубиной от 0,35 м до 1 м. Умерший лежал на спине, головой к западу. Остатки гроба обнаружены в 3 курганах у дер. Мякинино

---

[1] О. Н. Бадер. К археологической карте Москвы. МИА, № 7, 1947, стр. 112, 113.

[2] Там же, стр. 137—139.

[3] К. Я. Виноградов. О курганных раскопках Звенигородского уезда. Бюллетень Звенигородского об-ва изучения местного края, № 3—4, 1926.

[4] Раскопки К. Я. Виноградова. Архив ИИМК, № 172/1927.

[5] А. И. Кельсиев. Подмосковное курганное кладбище при дер. Митино. Древности, X, М., 1885, стр. 30—45.

[6] Раскопки Б. С. Жукова. Архив ИИМК, № 54/1924 и 57/1924.

[7] Раскопки К. Я. Виноградова. Архив ИИМК, № 172/1927.

[8] О. Н. Бадер. Указ. соч., стр. 107.

[9] Там же, стр. 101.

[10] М. В. Городцов. Вятические курганные погребения близ дер. Мякинино, Московской губернии и уезда. ТСА РАНИОН, IV, 1928, стр. 542—558.

[11] Раскопки Е. А. Бейбурт. Архив ИИМК, № 178/1925.

(№ 1, 3, 6) и в кургане у Пушкино. Интересно, что в кургане № 1 у дер. Мякинино находился ряд камней, идущий с северо-востока на юго-запад, и в ногах умершего лежали 4 камня. Каменные кладки встречены еще в 2 курганах этой группы. В кургане № 2 по обеим сторонам черепа лежало по камню, один камень — у таза и один в ногах. В кургане № 15 была обнаружена каменная кладка диаметром 1,5 м. Кроме дерева и камня, употреблялась также кора. В курганной группе Льялово (курган № 9) по бокам умершего и над ним оказалось скопление коры хвойных деревьев. В остальных курганах никаких погребальных сооружений обнаружено не было.

Встречается в погребениях уголь, но очень редко и обычно в насыпи кургана в виде небольших скоплений. В курганной группе Химки (с. Никольское) уголь обнаружен только в мужских погребениях. В женских погребениях найдены семилопастные височные кольца (Пушкино, Повадино, Мякинино, Химки, Балятино, Устье Горетьевки, Никольское, Льялово), бусы хрустальные и сердоликовые, решетчатые перстни, витые браслеты. В мужских погребениях вещей не было, только в 2 курганах — пряжки и поясные украшения.

Датируется группа XII—XIII вв.; курганная группа Мякинино — XIV в[1].

IV. Четвертая группа занимает нижнее течение р. Москвы и бассейн р. Пахры. Сюда входят курганные группы: Никольское[2], Богдановка[3], Мещерино[4], Ачкасово[5], Мячково[6], Авдотьино[7], Тихвинское[8], Бессониха[9], Погост пяти крестов[10], Суворово[11], Колоколово[12], Давыдово[13], Пузиково[14], Никоново[15], Тупичино[16], Потапово[17], Мещерское[18], Ивино[19], Лопаткино[20],

---

[1] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 183, № 131.

[2] А. П. Богданов. Указ. соч.

[3] А. М. Анастасьев. О раскопках курганов Коломенского уезда. ИОЛЕАЭ, т. XX. Труды антропологического отдела, кн. 2, вып. 1. 1876, стр. 14, 15; А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 167, № 13.

[4] А. М. Анастасьев. Указ. соч., стр. 16.

[5] А. М. Анастасьев. Указ. соч., стр. 14; А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 166, № 7.

[6] А. М. Анастасьев. Указ. соч., стр. 14.

[7] ИОЛЕАЭ, т. XX, протоколы.

[8] Там же.

[9] А. М. Анастасьев. Указ. соч., стр. 15, 16; А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 166, 167, № 8—11.

[10] А. М. Анастасьев. Указ. соч., стр. 13, 14; А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 186, № 148.

[11] А. М. Анастасьев. Указ. соч., стр. 12, 13.

[12] А. Я. Кожевников. Раскопка нескольких курганов в Бронницком уезде Московской губернии. АПЗ, № 3—4, 1894, стр. 100—105.

[13] Там же, стр. 100 и сл.

[14] Раскопки А. Я. Брюсова (Архив ИИМК, № 174/1924), Е. Н. Липеровской (Архив ИИМК, № 175/1924), Б. А. Рыбакова (Архив ИИМК, № 283/1937). В 1937 г. раскопки в Пузикове производил Б. А. Рыбаков; А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 180, № 149—153.

[15] А. В. Арциховский. Никоновские и Тупичинские курганы. ТСА РАНИОН, т. III, 1928; его же. Курганы вятичей, стр. 184, 185. № 139—143.

[16] А. В. Арциховский. Никоновские и Тупичинские курганы; его же. Курганы вятичей, стр. 192, № 193

[17] А. А. Гатцук. Исследование курганов в Московской губернии в 1863—1864 гг. М., 1865.

[18] Раскопки М. Е. Арсаковой. Архив ИИМК, № 175/1924, А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 181, 182, № 120, 121.

[19] Раскопки М. Е. Арсаковой. Архив ИИМК, № 175/1924; А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 173, 174, № 57, 58.

[20] Раскопки М. Е. Арсаковой. Архив ИИМК, № 175/1924.

Скобеево[1], Александровка[2], Сынково[3], Битягово[4], Серафимо-Знаменский скит[5], Никитское[6], Поваровка[7], Ушмары[8], — всего 27 курганных групп.

Преобладающим видом погребений,— а для курганов XII—XIII вв.— единственным,— является погребение на горизонте. В XIII в. начинают появляться погребения в яме (Битягово, Ушмары), причем они сосуществуют с погребениями на горизонте. В XIV в. количество курганных групп с погребениями в яме значительно возрастает; они встречены в курганных группах Богдановка, Ачкасово, Пузиково, Никоново, Мещерское, Суворово. Иногда ямные погребения бытуют одновременно с погребениями на горизонте (Суворово, Богдановка, Никоново), причем в последних двух случаях все погребения в яме были мужскими. Иногда же ямные погребения вытесняют погребения на горизонте; так, в курганных группах Пузиково и Мещерское погребения на горизонте датируются XII—XIII вв., а погребения в яме — XIV в. Однако погребения на горизонте в ряде курганных групп остались единственным видом погребения и в XIV в. (Ачкасово, Погост пяти крестов, Тупичино, Ивино).

Умерший обычно лежал на спине, большей частью непосредственно на грунте, головой на запад. В 3 курганах (у дер. Александровка) умершие, — и женщины, и мужчины,— были ориентированы головой на восток, что вообще для вятичей не характерно. Остальные погребения этой группы имеют обычную западную ориентировку. Погребения с восточной ориентировкой были совершены на горизонте, а с западной — в яме. Изредка в погребениях находился уголь. Из 27 курганных групп он обнаружен в 13, но лишь в отдельных курганах, причем в погребениях и в яме, и на горизонте.

Посуда также встречается не везде. Обычно горшки стояли в ногах умершего. В курганной группе Авдотьино-Тихвинское удалось установить, что горшки содержали кости свиньи и петуха; иногда горшки встречались в насыпи кургана или сбоку от умершего. Для женских погребений характерны различные украшения — семилопастные височные кольца, реже с напускными бусами, бусы сердоликовые, хрустальные и др., перстни, браслеты.

V. Пятая группа расположена в среднем течении р. Оки и ее притока Прони (Рубцово[9], Пронск[10]).

Погребения совершены в могильной яме глубиной от 0,5 до 0,7 м. Умершие лежали на спине, головой на запад. Уголь в погребениях ни разу не был встречен, так же как и посуда. Следует отметить широкое применение бересты, которая обнаружена в 6 курганах с. Рубцово. В одном кургане умерший лежал в сосновой колоде. Женские погребения содержали предметы украшения, типичные для вятичей,— семилопастные височные кольца, бусы, браслеты.

---

[1] Раскопки М. Е. Арсаковой. Архив ИИМК, № 175/1924.

Раскопки Е. Н. Липеровской. Архив ИИМК, № 175/1924; А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 165, 166, № 1—3.

[3] Раскопки Е. Н. Липеровской. Архив ИИМК, № 175/1924.

[4] Раскопки П. А. Дмитриева. Архив ИИМК, № 174/1924; А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 167, № 12.

[5] Раскопки П. А. Дмитриева. Архив ИИМК, № 174/1924; А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 188, № 164—167.

[6] Раскопки М. Е. Фосс. Архив ИИМК, № 174/1924.

[7] Раскопки А. В. Арциховского. Архив ИИМК, № 192/1937.

[8] Раскопки М. Е. Фосс. Архив ИИМК, № 174/1924.

[9] А. С[п и ц ы н]. Материалы по доисторической археологии России. ЗРАО, т. X, вып. 1—2, новая серия, 1898, стр. 334 и сл.; ОАК за 1889 г., стр. 54.

[10] АИЗ, 1898, № 1, стр. 6—17.

Датируются курганы XII—XIII вв.

VI. Шестая группа занимает среднее течение р. Угры; сюда входят курганные группы Васильевка, Лобановка[1], Юхнов, Мокрая, Желанье, Заречье, Богатыри[2].

Погребения в этих курганных группах совершались на горизонте; умерший лежал на спине, непосредственно на грунте, головой всегда на запад. Ни уголь, ни посуда в погребениях не были встречены, за исключением одного случая: в детском погребении у дер. Лобановка к востоку от умершего находилось скопление угля, а к северу от него —край горшка. Мужские погребения обычно бывают без инвентаря, в женских же обнаружены семилопастные височные кольца, бусы сердоликовые и хрустальные, витые браслеты.

Курганы датируются XII—XIII вв.

Таким образом, мы рассмотрели у вятичей 6 курганных групп:

I. Первая группа занимает верхнее течение р. Москвы. Погребения совершались в могильной яме глубиной до 1 м. В могилах встречаются остатки гробов, береста. Ориентировка погребений западная.

II. Вторая группа расположена по среднему течению р. Москвы. Погребения совершались на горизонте. Ориентировка всегда западная.

III. Третья группа находится в междуречье рр. Москвы и Клязьмы. Погребения — в могильной яме. Ориентировка западная. При погребении применялась кора; встречаются каменные кладки, остатки дерева.

IV Четвертая группа занимает нижнее течение р. Москвы и бассейн р. Пахры. Основной вид погребения — положение на горизонте. Но, начиная с XIII в., появляются погребения в яме; в XIV в. они в некоторых курганных группах вытесняют погребения на горизонте и становятся единственным видом погребения. Ориентировка умерших западная, но были встречены 3 кургана с восточной ориентировкой.

V. Пятая группа расположена по среднему течению р. Оки. Погребения — в могильной яме. Особенностью группы является широкое применение бересты. Одно погребение было совершено в сосновой колоде. Следует также отметить, что здесь ни разу не были обнаружены ни уголь, ни посуда, которые встречались в других группах.

VI. Шестая группа занимает среднее течение р. Угры. Все погребения совершены на горизонте. Ориентировка западная.

Таким образом, мы видим, что из 6 курганных групп, выделенных у вятичей, в трех погребение совершалось на горизонте и в трех — в яме. Ориентировка, главным образом, западная; восточная встречена лишь в 3 курганах. При погребении применяли бересту, кору хвойных деревьев, дерево, каменные обкладки.

* * *

В сочинении немецкого географа XI в. Адама Бременского относительно полабских славян сказано, что «хижане и чрезпеняне живут к северу от реки Пены, доленчане и ратари — к югу. Эти четыре народа по причине их храбрости называют вильцами или лютичами»[3].

---

[1] Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899.

[2] Н. Г. Керцелли. Отчет о раскопках курганов в Смоленской губернии. ИОЛЕАЭ, т. XX, 1876.

[3] Адам Бременский. Деяния священников Гамбургской церкви. II, 18. Перевод см. Хрестоматию по истории средних веков, т. 1. М., 1949, стр. 41 (приведенная в тексте цитата является вставкой средневекового комментатора).

Л. Нидерле отмечал, что это дробление племен на более мелкие племена характерно и для бодричей, и для сербов. «Каждое из этих больших племен,— писал он,— делилось в свою очередь на ряд меньших: лютичи на чрезпенянов, ратарей, укранов, стодоранов (гавеланов) и пр.; бодричи — на вагров, вранов, смолинцев, древян, рарогов; сербы — на лужичан, мильчан и т. п.» [1].

Таким образом, у западных славян, наряду с собирательными именами союза племен (лютичи, бодричи, сербы и т. д.), сохранились названия первичных племен, входивших в эти союзы.

Территория радимичей приблизительно равна территории лютичей. Благодаря анализу особенностей погребального обряда удалось выявить на территории радимичей 8 локальных групп, которые, повидимому, являются теми первичными племенами, которые и составили племенной союз радимичей. Тот факт, что названия этих мелких племен не сохранились, и их не знал даже летописец, дает возможность предполагать, что у восточных славян объединение племен в союзы происходило значительно раньше, чем у западных славян.

Изучение погребальных обрядов кривичей и дреговичей позволит выделить и у них локальные группы, те первичные племена, которые составили позднее союзы, известные нам по «Повести временных лет». Что же касается северян, то исторический процесс здесь шел быстрее, и также быстрее стирались племенные границы, чем на севере; поэтому выделить границы первичных племен по материалам X—XII вв. на территории северян невозможно.

Выделение первичных племен на территории радимичей и вятичей, а также дреговичей говорит о существовании крупных славянских объединений. Об одном из таких объединений во главе с Божем рассказывает готский историк Иордан (VI в.)[2]. Такой же союз выступает позднее в сообщении Менандра (VI в.) о посольстве аварского хана к склавинскому князю Добриту и старейшинам союзных с ним племен[3].

Несомненно, что количество славянских племен было значительно больше, чем известно нам из «Повести временных лет». Если произвести грубый арифметический подсчет, исходя из того, что каждое племя «Повести временных лет», подобно лютичам, радимичам, вятичам распадалось на 6—8 более мелких первичных племен, имена которых нам неизвестны, то на территории восточных славян в I тысячелетии н. э. можно предположить существование около сотни славянских племен. Всего же в Европе в этом случае должно было существовать в I тысячелетии н. э. от 300 до 400 славянских племен.

Судьба этих племен различна. Одни из них, образовав крупные племенные союзы, превратились позднее в государственные организации, княжества. Как установил Б. А. Рыбаков, граница Новгород-Северского княжества XII в. совпадает в основном с границей летописных северян; Смоленское княжество создалось на основе кривичского племенного союза и т. д. Другие же племена потеряли свою политическую самостоятельность. Сохранив в культуре и быту свои особенности, они вошли позднее в состав различных княжеств. Территория радимичей в XII в. была поделена между Смоленским и Черниговским княжествами, на территории вятичей известны Рязанское, Московское княжества и т. д.

---

[1] Л. Нидерле. Человечество в доисторические времена. СПб., 1898, стр. 523.

[2] Iord., Getica, XL, VIII, 246—248. Перевод: ВДИ, 1941, № 1, стр. 233.

[3] Menandri, frag. 50; Z. Dindorf. Historici graeci minores, II, 1871. Перевод: Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951, стр. 81

Первичные племена, выявленные на территории радимичей и вятичей, должны были иметь и свои племенные центры, вокруг которых происходило объединение племен и к которым тянулось окрестное население[1]. В дальнейшем они возможно, превратились в центры удельных княжеств, а сами первичные племена составили основу этих уделов.

Нам известно, что в XII в. в состав Новгород-Северского княжества входили уделы Козельский, Курский, Путивльский, Рыльский, Трубчевский и т. д. Изучение уделов Смоленского, Черниговского, Рязанского, Московского и других княжеств, а также городищ и селищ на территории выявленных первичных племен, установление их племенных центров — должны стать задачей ближайшего будущего.

Приложение

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ КУРГАННЫХ ГРУПП[2]

1. Авдотьино-Тихвинское — 293
2. Адамовка — 166
3. Александровка (Курск.) — 150
4. Александровка (Минск.) — 198
5. Александровка (Моск.) — 428
6. Алешня — 279
7. Аниськино — 323
8. Антоновка — 33
9. Анучин Бор — 443
10. Апонитище — 424
11. Арефино — 234
12. Архангельское — 348
13. Ачкасово — 287
14. Балятино — 317
15. Батуровка — 32
16. Бахмач-Роменский — 11
17. Баюры — 139
18. Белогорье — 148
19. Бельняки — 171
20. Беляевка — 79
21. Березна — 14
22. Беседовичи — 127
23. Беседы — 320
24. Бессониха — 294
25. Битягово — 432
26. Богатыри — 368
27. Богдановка — 285
28. Богоявление — 204
29. Большие Немки — 78
30. Большая Ольса — 199
31. Большие Щербиничи — 57
32. Борамык — 13
33. Борзна — 10
34. Боровичи — 58
35. Болшево — 449
36. Боршево — 426
37. Бочарово — 237
38. Броварки — 61
39. Брицаловичи — 181
40. Буки — 394
41. Бухарово — 308
42. Бушмино — 157
43. Быково — 399
44. Вани-Комнида — 261
45. Воронки — 229
46. Васильевка — 211
47. Васильево — 452
48. Васильевское — 207
49. Введенье — 257
50. Веревка — 446
51. Вехрана — 146
52. Взмутное — 88
53. Великий Угол — 271
54. Вирково — 194
55. Вишеньки — 358
56. Вищин — 70
57. Влазовичи — 41
58. Власово — 356
59. Внуковичи — 45
60. Войлово — 201
61. Волково — 355
62. Волокитино — 29
63. Волынеж — 68
64. Волосовичи — 197
65. Воробьевка — 131
66. Воронеж — 27
67. Вороново — 387
68. Воротынцево — 436
69. Вчерайше — 396
70. Вщиж — 268
71. Высокое (Черниг). — 43
72. Высокое (Смол.) — 406
73. Вязьма — 250
74. Гать — 275

---

[1] Интересные соображения о сосредоточении кладов с восточными монетами VIII—X вв. см. в статье В. Л. Янина «Нумизматика и проблемы товарно-денежного обращения в древней Руси». ВИ, 1955, № 8, стр. 137 и сл.

[2] Цифры в правой колонке означают номера курганных групп на рис. 2, 5, 6 и 8. Курганные группы после № 400 на карты нанесены не полностью.

75. Гадиловичи — 133
76. Гетманская Буда — 49
77. Глинники — 379
78. Глинные кучи — 223
79. Глинск — 60
80. Глубоцкое — 140
81. Гнездово — 233
82. Головичи — 90
83. Голубовка (Черниг.) — 36
84. Голубовка — 158
85. Голявино — 362
85а Городище — 410
86. Горожа (Урочище Устье) — 175, 189
87. Горки — 379
88. Городок — 125
89. Горошков — 169
90. Гочево — 155
91. Грозивцы — 129
92. Грязивец — 91
93. Гулевка — 50
94. Гущино — 4
95. Давыдово — 291
96. Дворец — 192
97. Демидово — 138
98. Доброе — 369
99. Добруги — 130
100. Доброселье — 202
101. Дорошивка — 429
102. Дубовцы — 163
103. Дулебня — 195
104. Дядьково — 341
105. Дымово — 73
106. Дятлово (Моск.)— 316
107. Дятлово (Ряз.) — 423
108. Еленец — 96
109. Еловцы (Коханово) — 451
110. Елизаветино — 116
111. Елизарово — 353
112. Ефремово — 256
113. Жела — 351
114. Желанье — 365
115. Жилые Горы — 349
116. Жуково — 389
117. Заборье — 381
118. Загорье (Калин.) — 380
119. Загорье (Брянск.) — 273
120. Загородье — 95
121. Задручье — 113
122. Займище — 26
123. Закурье — 93
124. Залесье — 85
125. Зарайск — 284
126. Заречье — 367
127. Заужелье — 162
128. Звенигородский монастырь —340
129. Звягино — 326
130. Зубцов — 370
131. Зюзино — 386
132. Ивановичи — 271
133. Ивановская I, II — 350, 354
134. Иванск — 145
135. Ивино — 413
136. Ивольск — 97
137. Игрище — 375
138. Иславское — 416
139. Истра — 402
140. Казазаева — 172
141. Кальчуга — 276
142. Каменка (Гом.) — 94
143. Каменка Рысаковская — 105
144. Каменка (Брянск.) — 274
145. Каменка (Брянск.) — 377
146. Каралова — 438
147. Каргашино — 336
148. Карховка — 38
149. Кветунь — 412
150. Кстово — 391
151. Киев — 431
151а Китаева пустынь — 404
152. Климовичи — 126
153. Клопово — 439
154. Клюква — 152
155. Клясин — 117
156. Князевка — 144
157. Ковали — 264
158. Козаричи — 40
159. Козловка — 278
160. Колпени — 16
161. Колосы — 10
162. Колчино I и II — 212, 217
163. Колоколово — 292
164. Копанево — 249
165. Копышево — 393
166. Корма Долгая — 435
167. Корма Новоельнинская — 110
168. Корма Пайка — 120
169. Кордон — 115
170. Коробино — 454
171. Коростень — 430
172. Кострицкая слобода — 190
173. Коханы — 242
174. Красная Слобода — 113
175. Красный Стан — 422
176. Красный Берег — 180
177. Кривец — 390
178. Крымское — 338
179. Кубарки — 227
180. Кузнецовка — 324
181. Кузьмичи — 219
182. Кузьминское — 378
183. Кукличи — 80
184. Кулишовка — 123
185. Курганье (Могил.) — 135
186. Курганье (Минск.) — 158
187. Курганье (Калин.) — 200
188. Курозново — 55
189. Кутузово — 338
190. Лариновка — 20
191. Лебедки — 409
192. Леваши — 161
193. Левинка — 18
193а Лелятино — 456
194. Леневка — 196
195. Леоново — 210
196. Лепешки — 328
197. Лизагубовка — 24
198. Липляво — 63
199. Липино — 156
200. Липовое — 59
201. Липовицы — 76
202. Литвиново — 248
203. Лобаново — 215
204. Лобановка — 54
205. Лозневский Хутор — 445

206. Лопатино — 421
207. Лоев — 173
208. Луговец — 21
209. Луковица — 22
210. Лукомля — 77
211. Лутчица — 111
212. Лучин — 104
213. Любен — 67
214. Любеч — 16
215. Любоничи — 188
216. Людиново — 277
217. Людково I, II — 46, 47
218. Льялово — 338
219. Ляличи — 42
220. Мадора — 101
221. Мазиново — 265
222. Максимовка — 345
223. Малые Немки — 75
224. Малые Топали — 56
225. Манюки — 51
226. Манина — 203
227. Марьяновка — 151
228. Матвеевская — 441
229. Матово — 209
230. Мащерино — 286
231. Мащерово — 359
232. Мащериново — 415
233. Медведовка — 52
234. Медвежье — 64
235. Мена — 12
236. Меренище — 208
237. Мериновка — 19
238. Мещерское — 414
239. Мгарский Лес — 65
240. Микуличи — 171
241. Мирополье — 153
242. Митино — 315
243. Митяево — 357
244. Мишкин Хутор — 15
245. Михайловское — 448
246. Михнево — 289
247. Михеево — 447
248. Могильцы — 383
249. Мозык — 134
250. Мокрая — 366
251. Молейки — 174
252. Мохов — 167
253. Мохровичи — 184
254. Мошевое — 456
255. Муромцево — 327
256. Мценск — 267
257. Мякинино — 310
258. Мячково — 288
259. Навиловка — 86
260. Нахабино — 405
261. Неймоты — 72
262. Немиричи — 270
263. Несета — 191
264. Нижнее Следнево — 348
265. Никитское — 407
266. Никольское (Смол.) — 246
267. Никольское (Моск.) — 313
268. Никольское (Калин.) — 376
269. Никольское (Моск.) — 334
270. Никульское — 299
271. Никоново — 303
272. Нисимковичи — 89
273. Ницаха — 266
274. Новинки — 425
275. Ново-Белоусово — 7
276. Новая Новицкая — 35
277. Ново-Зыбково — 48
278. Новый Быхов — 69
279. Новые Громыки — 83
280. Новоселье — 262
281. Новоселицкое — 276
282. Обидовичи — 121
283. Овсянники — 114
283а Олешполь — 403
284. Осеево — 321
285. Павловская Слобода — 346
286. Палецк — 297
287. Палуж — 143
288. Паново — 244
289. Пацева Слобода — 186
290. Пеклино — 272
291. Пекуново — 363
292. Перекаль — 177
293. Переяслав-Хмельницкий — 62
294. Перогонцы— 434
295. Петровское — 74
296. Петропавловск — 322
297. Петуховка — 132
298. Печковка — 122
299. Пильня — 218
300. Повадино — 329
301. Поваровка — 418
302. Пожарки — 165, 168
303. Погост — 205
304. Погост пяти крестов — 295
305. Покров — 301
306. Полениново — 243
307. Полякова Сечь — 342
308. Попова Гора — 30
309. Поповка — 34
310. Поповщина — 185
311. Потапово — 302
312. Пронск — 283
313. Проскурни — 102
314. Пузиково — 337
315. Пушкино — 325
316. Радуга Ветковская — 109
317. Радуга — 112
318. Разрытое — 25
319. Раменье — 392
320. Редькино — 309
321. Речки — 300
322. Рожна — 232
323. Романовичи — 84
324. Рубцово — 282
325. Рудня — 179
326. Русаново — 259
327. Саввинская Слобода — 440
328. Салтыковка — 305
329. Санниково — 343
330. Сачковичи — 53
331. Свиридов Хутор — 280
332. Свистуново — 374
333. Седнев — 6
334. Селище (Могил.) — 119
335. Селище (Минск.)— 184
336. Сенское — 164
336а Серафимо-Знаменский скит — 408
337. Сетново — 149

338. Сешча — 225
339. Сибереж — 9
340. Сильменево — 384
341. Синьгово — 214
342. Скобеево — 420
343. Славное — 147
344. Слобода (Смол.) — 260
345. Слобода (Смол.) — 231
346. Слобода-Глушица — 455
347. Смелево — 247
348. Смяличи — 31
349. Солоное — 103
350. Соколовка — 322
351. Солнцево — 401
352. Сосонник I, II — 235, 240
353. Сосонник — 372
354. Софиевка — 128
355. Спасское (Смол.) — 245
356. Спасское (Моск.) — 330
357. Спас-Тушино — 312
358. Средняя Барма — 398
359. Станище — 254
360. Старые Громыки — 82
361. Старый Рудня — 100
362. Старцы — 176
363. Старое Рубцево — 298
364. Старое Меньшиково —252
365. Столбун — 81
366. Степановка — 170
367. Строкайлы — 124
368. Ступеньки I, II, — 236, 238
369. Стрижевка — 400
370. Стромынь — 388
371. Суборовка — 213
372. Сукромля — 220
373. Суворово — 290
373а Сыньково — 458
374. Сычевка — 344
375. Табаевка — 8
376. Терюх — 137
377. Тимошкин Перевоз — 44
378. Топорково — 258
378а Триполье — 457
379. Троицкое Кайнарджи — 306
380. Тростина — 226
381. Трашковичи — 216
382. Тупичино (Смол.) — 253
383. Тупичино (Моск.) — 304
384. Тургенево — 417
385. Тушино — 311
386. Усвятье —427
387 Устье Горетьевки — 335
388. Устье Рыбницы — 269
389. Устиж — 178
390. Ухов — 87
391. Ушмары — 419
392. Федотково — 241
393. Фили — 442
394. Харлапово — 453
395. Хворостовичи — 28
396. Хизово — 92
397. Хилово — 382
398. Хмеленец — 108
399. Ходунь — 142
400. Холевичи — 39
401. Холодново — 18
402. Хожаево — 251
403. Хотимск — 66
404. Хотимск-Беседовичи — 127
405. Хотыня — 255
406. Хриплево — 385
407. Христовая — 222
408. Царицыно — 319
409. Чаусы — 136
410. Чеботовичи — 98, 99
411. Черемушки — 316
412. Черкизово — 307
413. Чернево — 314
414. Чернигов — 2
415. Чертеж — 397
416. Чертовичи — 37
417. Чешуйки — 23
418. Шараевщина — 187
419. Шатуны — 239
420. Шестовицы — 3
421. Шиловка — 263
422. Шлыково — 411
423. Шишимрово — 450
424. Шмырёво — 433
425. Шуи — 206
426. Шуклинка — 437
427. Шустино — 361
428. Шумячка — 230
429. Юдзичи — 107
430. Юрьево — 360
431. Юрятино — 371
432. Юхнов — 364
433. Ябедино — 339
434. Ягнятин — 395
435. Ядрово — 352
436. Яновка — 159
437. Яново — 141
438. Ясень — 182, 193
439. Христовая (28) — 221
440. Христовая (27) — 224
441. Столбники (217) — 228
442. Яуза — 444

МАТЕРИАЛЫ

П. И. БОРИСКОВСКИЙ

РАСКОПКИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ЖИЛИЩА И ПОГРЕБЕНИЯ В КОСТЕНКАХ II В 1953 ГОДУ

Палеолитическая стоянка Костенки II была открыта в 1923 г. и раскапывалась под руководством П. П. Ефименко и С. Н. Замятнина в 1923 и 1927 гг.[1] Эти раскопки позволили определить место Костенок II в ряду других позднепалеолитических поселений Европейской части СССР, доставили значительную коллекцию кремневых орудий, ряд костяных изделий, а также довольно многочисленные фаунистические остатки.

В 1953 г. раскопки Костенок II были продолжены под руководством автора в довольно больших масштабах; на территории стоянки вскрыто около 200 кв. м.[2] В результате раскопок 1953 г. Костенки II вошли в ряд наиболее достопримечательных позднепалеолитических поселений, известных на территории СССР.

Стоянка Костенки II, как и все палеолитические поселения костенковско-боршевского района, находится на правом берегу Дона. Среди костенковских палеолитических поселений она занимает центральное положение, находясь в основном к югу от Костенок III и Костенок I и к северу от Костенок IV и Тельманской стоянки, как раз между теми и другими стоянками.

Стоянка расположена на довольно пологом левом склоне Аносова лога в приустьевой его части, на мысу, ограниченном широким Аносовым логом и входящим в него слева сравнительно небольшим оврагом. Как отмечает Г. И. Лазуков, культурные остатки Костенок II залегают в толще отложений, расположенных гипсометрически выше площадки второй террасы, которая выражена здесь сравнительно слабо и имеет пониженную высоту по сравнению с высотой ее в других местах района.

Главный раскоп 1953 г. имел площадь 147 кв. м при средней протяженности с севера на юг 11—13 м, а с запада на восток — 10 м. Этим раскопом была перекрыта основная траншея 1923 г. площадью 14 кв. м, обнаружившая большое скопление костей мамонтов, а также были частично захвачены некоторые другие шурфы и раскопы 1923 и 1927 гг. (рис. 1).

---

[1] П. П. Ефименко и Н. А. Береговая. Палеолитические местонахождения СССР. МИА, № 2, 1941, стр. 262; П. П. Ефименко. Первобытное общество. 3-е изд., Киев, 1953, стр. 536; С. Н. Замятнин. Экспедиция по изучению культур палеолита в 1927 г. Сообщения ГАИМК, II, 1929; П. П. Ефименко. Отчет о раскопках в Воронежской губернии в 1923 г. Архив ИИМК; С. Н. Замятнин. Отчет о полевых работах 1927 г. Архив ИИМК.

[2] Раскопки Костенок II 1953 г. были одним из разделов работы Костенковской палеолитической экспедиции ИИМК. В раскопках принимала ближайшее участие М. З. Паничкина, а также М. Д. Гвоздовер, З. А. Абрамова, Т. Г. Шеколадова, Г. Ф. Коробкова и И. В. Гаврилова. П. П. Ефименко и С. Н. Замятнин любезно предоставили в наше распоряжение неопубликованные материалы своих раскопок 1923 и 1927 гг., что значительно облегчило проведение работ 1953 г.

В юго-западной части главного раскопа 1953 г. наблюдается следующая стратиграфия (по Г. И. Лазукову):

Слои	Глубина залегания, в метрах
1. Гумусовый горизонт . .	0,00—0,60
2. Почвенный горизонт с обильными включениями небольших обломков мела	0,60—0,85
3. Суглинок светлопалевый, очень сильно известковистый, со значительным количеством обломков мела	0,85—1,10
4. Песок светложелтый со слабым зеленоватым оттенком, мелкозернистый, кварцевый, с незначительной глинистой примесью, с редкими включениями обломков мела, располагающимися, главным образом, линзами и прослойками. Изредка отмечаются прослойки известковистого материала .	1,10—1,95
5. Суглинок коричневый, сильно обогащенный обломками мела, слоистый. Слоистость наблюдается благодаря наличию залегающих почти горизонтально прослоек песка и белого суглинка. Прокопан до глубины	5 (от поверхности)

В главном раскопе 1953 г. вскрыто мощное скопление палеолитических культурных остатков, основной элемент которого составляли крупные

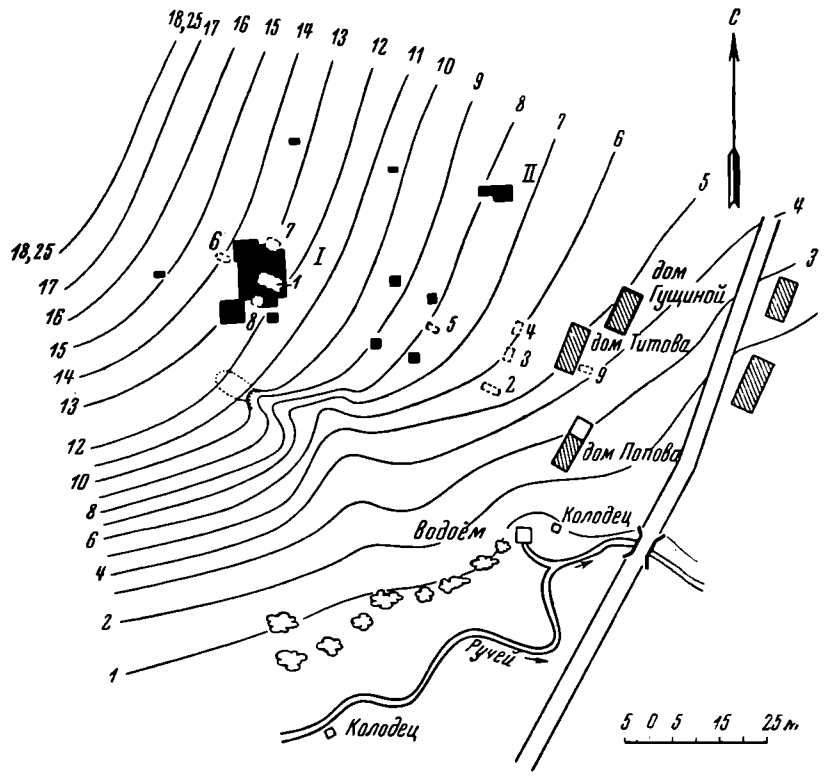


Рис. 1. План стоянки Костенки II. (Горизонтали нанесены через 1 м; нулевая отметка—уровень воды в водоеме. Пунктиром обозначены раскопы и шурфы 1923 г., черным цветом—раскопы и шурфы 1953 г. I — главный раскоп; II — скопление ребер мамонтов. Глазомерная съемка С. С. Шутова).

кости, зубы и бивни мамонтов (рис. 2—4). Скопление было компактным, четко очерченным и занимало площадь около 60 кв. м. Культурные остатки залегали на глубине от 0,9 м до 1,5—1,7 м от поверхности, частично в толще суглинка(слой 3), а нижней своей частью заходя

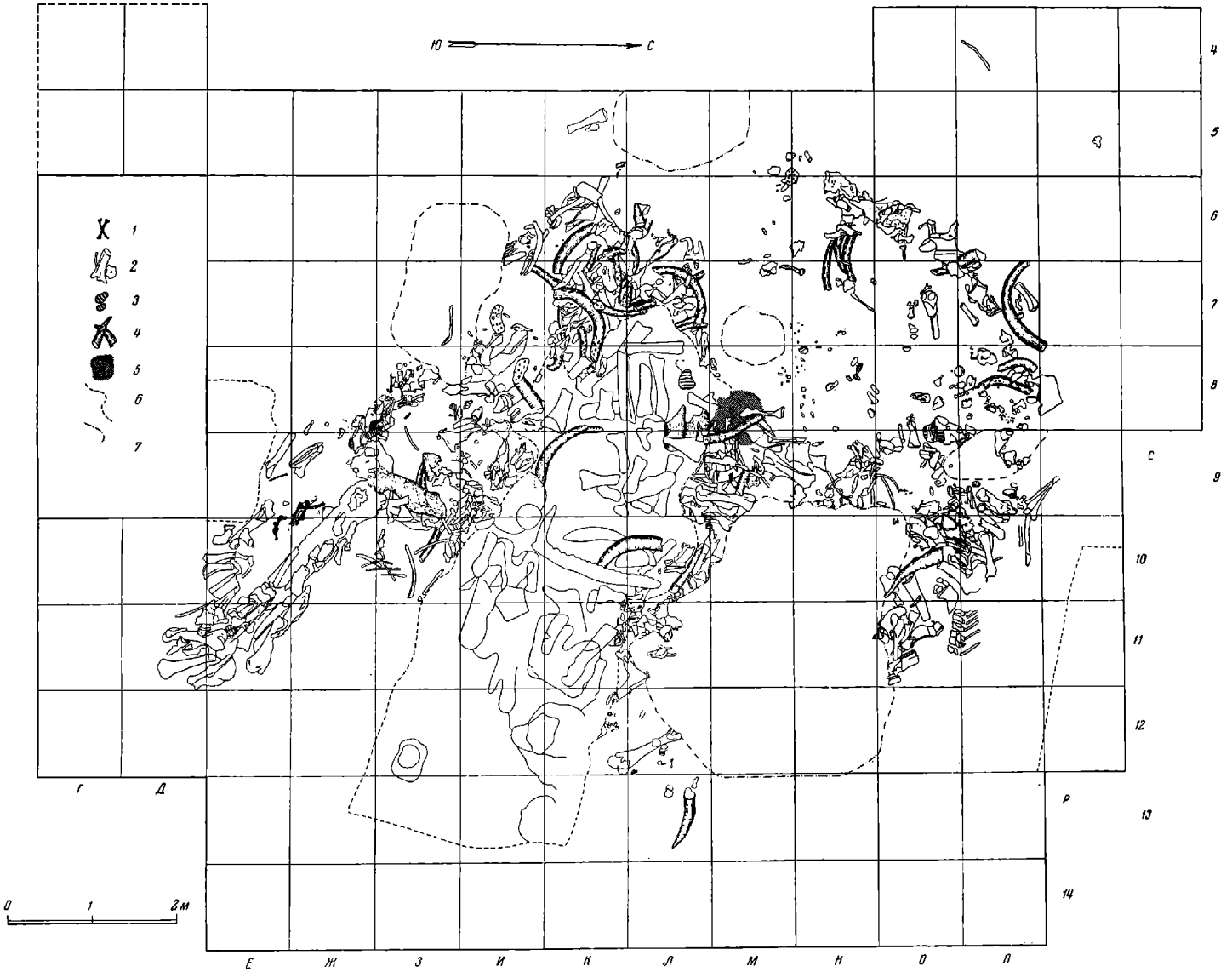


Рис. 2. Костенки II. План скопления культурных остатков (палеолитическое жилище и погребальная камера) в раскопе I 1953 г.

1— кости человека; 2 — кости животных; 3 — зубы мамонта; 4 — бивни мамонта; 5 — очаг; 6 — границы раскопов 1923 г.; 7 — границы современных хозяйственных ям, повредивших скопление палеолитических культурных остатков.

в песок, подстилающий суглинок (слой 4). В связи с тем, что прослойки и линзы песка и суглинка чередуются между собой и переслаиваются как

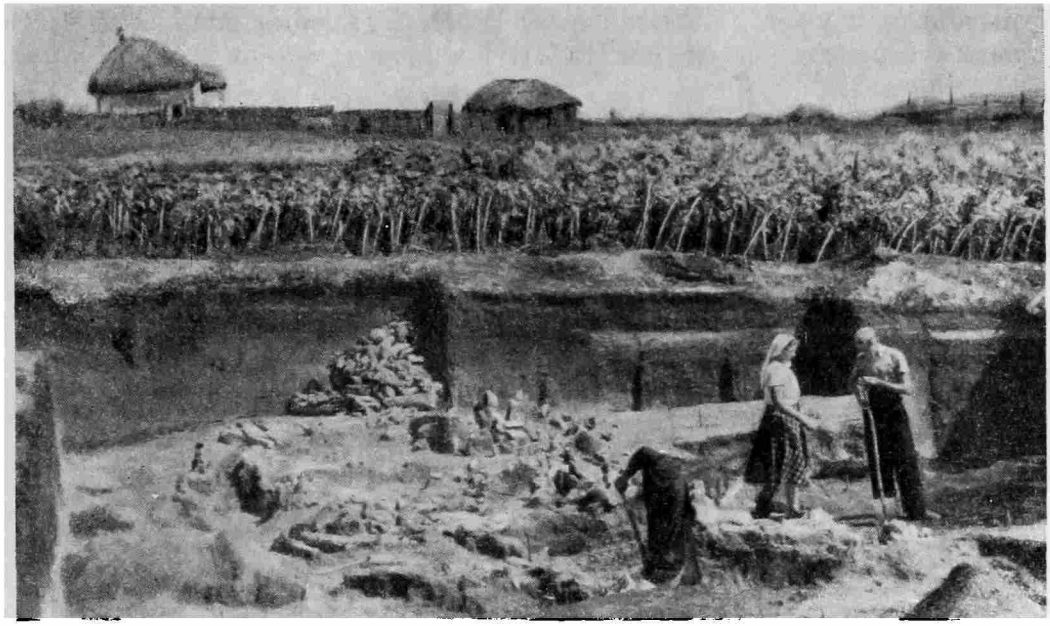


Рис. 3. Костенки II. Общий вид юга на раскоп I.

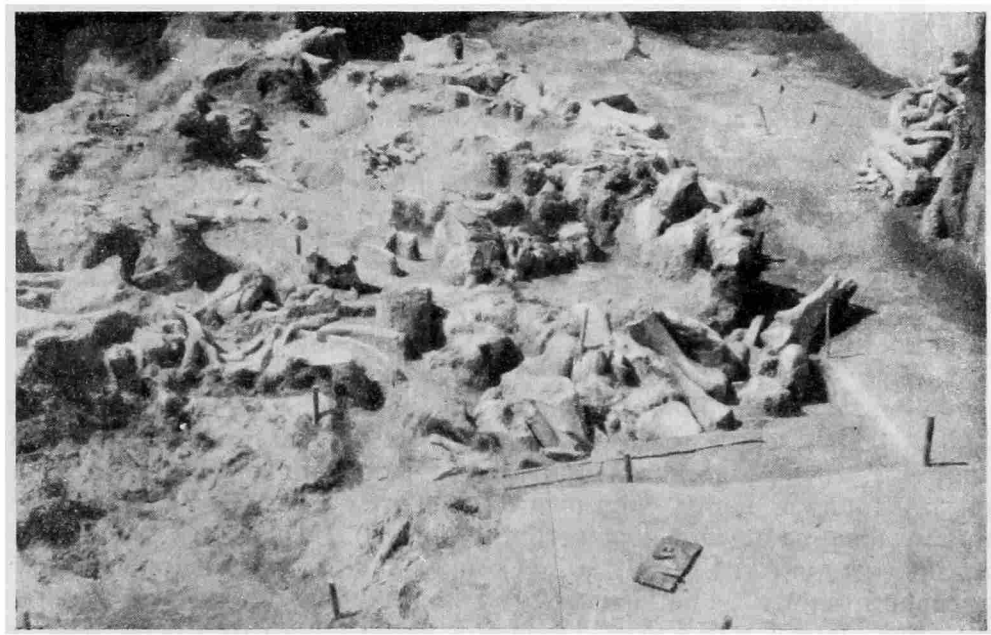


Рис. 4. Костенки II. Северо-восточный край жилого комплекса (квадраты п9, п10, р9, р10 и соседние).

в вертикальной, так и в горизонтальной плоскости, культурные остатки залегают то в песке, то в суглинке, хотя нередко в то же время оказываются лежащими на одинаковой глубине.

Скопление культурных остатков, обнаруженное в главном раскопе 1953 г., было сильно повреждено недавними хозяйственными ямами раз-

личных размеров и глубины. Некоторые ямы вовсе разрушили участки скопления, другие повредили только группы костей мамонтов, залегавшие сверху. Часть же скопления, захваченная раскопом 1923 г., была тогда же тщательно изучена. Составленный П. П. Ефименко план этой части скопления (хранится в Архиве ИИМК) включен в наш сводный план.

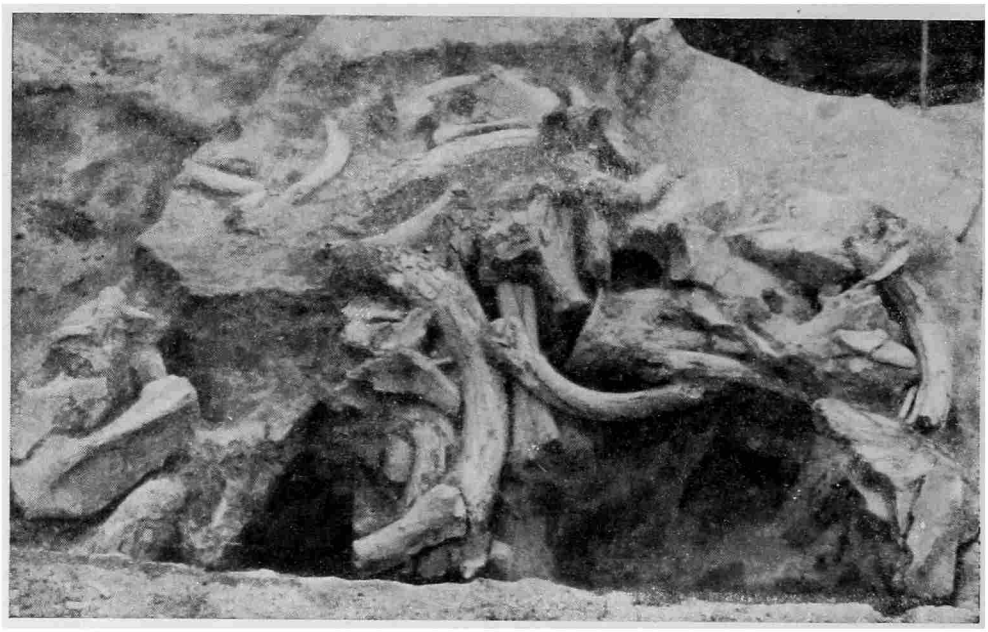


Рис. 5. Костенки II. Скопление бивней мамонта в западной части жилого комплекса (квадраты к7, л7).

Скопление имело в плане овальные очертания и примерные размеры 7 м (в направлении с запада на восток) на 8 м (в направлении с севера на юг). Верхняя его часть, которая расчищалась на первом этапе раскопок, залегала в суглинке и состояла исключительно из костей, зубов и бивней мамонтов. Кости мелких животных здесь отсутствовали. Не было и костяных изделий, а обработанных кремней — очень немного. Почти отсутствовали в верхней части скопления зола и уголь; слой суглинка, в котором залегали кости, не имел ясно выраженной темной или красноватой окраски.

Уже при расчистке этой верхней части скопления обращали на себя внимание явные признаки намеренного подбора и сортировки костей рукой человека. В скоплении было мало ребер мамонтов; преобладали кости конечностей, черепа и их части. Различные части скопления имели разный состав. В западной части скопления (квадраты к, л, 6, 7) преобладали бивни, образовавшие целое переплетение (рис. 5). В северо-восточной части скопления (квадраты о, п, 9, 10, 11) преобладали кости конечностей, в значительной части расположенные в наклонной плоскости и образовавшие здесь настоящий забор. В южной части скопления было особенно много нагроможденных друг на друга черепов и челюстей. В. И. Громов, побывавший на месте раскопок, отметил несомненность сортировки костей в различных частях скопления, а также то, что ряд бивней, лопаток и других костей мамонтов поломан, поврежден в результате удара или сильного давления. Вряд ли эти повреждения и деформация объясняются естественным давлением лежавшей сверху земли. Вероятно, значительная часть костей входила в состав конструкции постоянного палеолитического жилища и затем поломалась в процессе разрушения этого жилища. Обращает

на себя внимание расчищенная на периферии скопления (в квадратах о11, п11) анатомическая группа из 6 позвонков мамонта. Подобные же анатомические группы позвонков мамонта были расчищены в квадратах к12 (хвостовые позвонки) и п10. Обнаружение их здесь является лишним свидетельством того, что палеолитические обитатели Костенок II охотились на мамонтов, а не собирали просто их кости для своих хозяйственных надобностей.

По произведенным И. Г. Пидопличко во время раскопок подсчетам и определениям, в скопление входили костные остатки 28 мамонтов. Обращает на себя внимание то, что из этих 28 мамонтов только 11, по определению И. Г Пидопличко, были вполне взрослыми. Подавляющее большинство костей, как отметили и В. И. Громов, и И. Г. Пидопличко, принадлежало молодым мамонтам. Это обстоятельство очень важно для характеристики охотничьего хозяйства палеолитических обитателей Костенок II.

Ряд костей обнаружен по краям скопления в вертикально вкопанном положении. Так, были вертикально вкопаны отдельные черепа мамонтов, кости конечностей и отрезки бивней. На западной, верхней по склону, окраине скопления вертикально вкопанные кости сравнительно редки; зато на восточной окраине, ниже по склону, были расчищены целые ряды стоявших почти вертикально, обращенных верхними концами внутрь скопления, костей конечностей мамонтов. Можно предположить, что таким путем стремились укрепить этот край палеолитического жилища, находящийся на самом склоне, так как ему угрожали обвал и сползание вниз; противоположному же, верхнему краю жилища ничто не угрожало. В той же связи следует отметить, что западная граница скопления костей была выражена гораздо лучше, чем нижняя по склону, восточная граница. В восточной части раскопа (13-й ряд) встречены только отдельные кости, сползшие из скопления вниз по склону.

Уже в процессе расчистки большого скопления костей мамонтов в раскопе 1953 г. можно было высказать предположение, что тут налицо остатки постоянного палеолитического жилища, в конструкцию которого входили крупные кости, черепа и бивни. Помимо приведенных выше фактов, о существовании здесь палеолитического жилища свидетельствовало близкое сходство этого скопления костей со скоплениями костей, заполнявшими основания палеолитических жилищ в Пушкарях I, Елисеевичах и многих других поселениях. Но окончательно вопрос о происхождении скопления был разрешен только после того, как входившие в его состав кости мамонтов были сняты и стал расчищаться слой, подстилавший скопление. Этот слой оказался типичным, ярко выраженным полом постоянного палеолитического жилища.

Скопление костей мамонтов имело толщину 0,2—0,4 м. Подстилавший его культурный слой был толщиной около 0,1 м. Он залегал частично в том же суглинке, что и скопление костей, но, главным образом, в подстилавшем суглинок песке. Распространение этого слоя в точности совпадало с распространением перекрывавшего его скопления костей; за пределами скопления, в рядах р, с, 4, 14, он отсутствовал (рис. 4).

В то время как кости мамонтов, входившие в скопление, залегали в почти стерильном, неокрашенном суглинке, где лишь изредка встречались обработанные кремни и крошки костного угля, подстилавший скопление культурный слой имел темносерую окраску и был насыщен большим количеством кремневых изделий. В нем найдены также хорошо выделанные костяные шилья, обломки костяных наконечников, произведения искусства и кости со следами древних срезов. Помимо костей мамонтов, в этом слое обнаружены (по определению Н. К. Верещагина)

кости лошади, северного оленя, песца и лисицы. Особенно интересна находка хвостового позвонка рыбы, принадлежавшего, по определению В. Д. Лебедева, щуке, достигавшей 1,2—1,5 м длины. Это первая находка костей рыбы для всего палеолита костенковско-боршевского района и одна из очень немногих находок костей рыб для всего палеолита территории СССР. В. Д. Лебедев предполагает, что щука, скорее всего, была добыта палеолитическим человеком весной, во время нереста, когда щуки подходят к берегу.

Подстилавший скопление костей мамонтов культурный слой был насыщен также крошками костного угля. В нем часто встречались тонкие зольные прослойки. Очень редко попадались кусочки охры. Слой этот залегал в песке; нижняя его поверхность была лишь незначительно углублена по отношению к соседним со скоплением костей участкам, была очень неровной, состояла из множества небольших, неправильных очертаний углублений, переходящих одно в другое и, вероятно, в период существования палеолитического жилища заполненных культурными остатками.

Под центральною частью скопления костей (в квадратах м8, м9), в насыщенном культурными остатками слое, подстилавшем скопление, был раскрыт круглый в плане очаг, имевший около 0,65 м в поперечнике. Очаг представлял собой углубление в песке, заполненное сплошным черным углистым слоем, достигавшим 0,10—0,15 м толщины. В нем найдено много костного угля, несколько частично обожженных костей, обломок белемнита и кусок сферосидерита. Бóльшая часть кремней, найденных в очаге, не носит следов обжига и, вероятно, попала туда уже после того, как очаг потух. На желтом песке, подстилавшем очажный слой, не было следов огня; впрочем, это наблюдается в большинстве палеолитических очагов.

Как мы видим, состав находок из скопления костей мамонтов довольно сильно отличался от состава находок из подстилавшего скопление костей слоя. Эти различия не свидетельствуют, однако, о наличии здесь двух разновременных культурных слоев. Слой, подстилавший скопление, не был отделен от последнего прослойкой, не содержавшей культурных остатков. Кремневый инвентарь, извлеченный из скопления костей,— тот же, что и найденный под скоплением. Многие из костей мамонтов, образующих скопление, вкопаны в нижележащий слой. Мы имеем дело не с двумя разновременными палеолитическими культурными слоями, а с двумя,—имеющими, правда, разное происхождение,— частями одного палеолитического культурного комплекса.

Культурный слой, подстилавший скопление костей мамонтов, представлял собой обычный пол палеолитического постоянного жилища. Найденные в этом слое культурные остатки частью, вероятно, были обычными отбросами, лежавшими на полу в период существования жилища, частью были спрятаны в небольших расплывшихся ямках на дне жилища (целые костяные шилья, произведения искусства), а затем забыты или брошены в тот период, когда жилище покидалось его обитателями. К числу предметов этой последней категории принадлежит также крупный желвак мелового кремня, имеющий длину 0,13 м и на большей части своей поверхности покрытый коркой. Он был найден под костями мамонтов, на самом краю жилого комплекса, на границе квадратов о10 и п10. Как известно, обитатели костенковско-боршевских палеолитических поселений приносили меловой кремень в виде заготовок откуда-то издалека, возможно, из бассейна р. Оскола[1]. Меловой кремень высоко ценился и очень экономно

[1] М. Н. Грищенко. Палеогеография костенковско-боршевского района эпохи верхнего палеолита. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 87.

использовался. Этим объясняется относительно большой процент орудий из мелового кремня, найденных в костенковско-боршевских палеолитических поселениях, по сравнению с осколками, отщепами и нуклеусами из того же материала. Характерно, что в тех же Костенках II нуклеусы из мелового кремня все очень маленькие, до предела возможности использования. А крупные желваки мелового кремня в костенковско-боршевских палеолитических поселениях раньше вовсе не встречались. Вероятно, обнаруженный во время раскопок 1953 г. желвак хранился палеолитическими обитателями Костенок II как запас материала для изготовления орудий; его только начали оббивать в некоторых местах и даже не успели превратить в настоящий призматический нуклеус. Возможно, что желвак закопали в землю на краю жилища, чтобы он не терял влажности, так как высыхание сделало бы его менее пригодным для использования[1]. Когда люди покидали жилище, он был забыт или брошен.

Скопление костей мамонтов, перекрывавшее пол палеолитического жилища, имеет иное происхождение. Значительное количество крупных костей,— в первую очередь, вертикально вкопанные кости,— вероятно, входило в состав конструкции жилища, образуя каркас его стен. Группа переплетавшихся бивней мамонтов в западной части жилища могла образовывать перекрытие какой-то его части. Некоторые же кости мамонтов, вероятно, лежали на кровле жилища, придавливая покрывавшие его шкуры. После того как жилище было оставлено людьми, оно постепенно стало рушиться; кости, входившие в состав стен и крыши, падали на пол жилья. В процессе разрушения жилища, вероятно, были деформированы и смяты некоторые кости и бивни мамонтов. Естественно, что производственные и пищевые отбросы сосредотачивались на полу жилища, а не на его кровле. Этим и объясняется, что в скоплении костей мамонта найдено очень мало кремней, вовсе не обнаружено костяных изделий и костей мелких животных.

Сопоставление обнаруженного в Костенках II скопления костей мамонтов и подстилавшего его культурного слоя дает точно такие же результаты, как сопоставление пушкаревского скопления костей мамонтов и подстилавшего его культурного слоя[2]. Но, в отличие от пушкаревского, жилище Костенок II имело только один хорошо выраженный очаг в центре; жилище было наземным — его пол по сравнению с окружающими участками был лишь незначительно (на 0,1—0,2 м) углублен. В то же время это было долговременное, прочное зимнее жилище, располагавшееся на склоне. С этим, вероятно, были связаны некоторые особенности его конструкции, в частности укрепление склона большим количеством вертикально поставленных костей.

На участках, расположенных к северо-западу от жилища (квадраты о, п, р, с, 4, 5), почти вовсе не было находок культурных остатков, но в них имелась очень тонкая серая зольная прослойка, в которой найдено лишь несколько обломков кремня и кости. Такая же тонкая зольная прослойка прослежена к юго-западу от жилища (квадраты а, б, в, г, д, 1, 2, 3, 4, 5). В квадрате а2 найдена крупная пережженная кость мамонта, находки же обработанных кремней здесь почти отсутствовали. Широкое распространение и в то же время очень слабая выраженность зольной прослойки не дают оснований говорить с уверенностью о наличии здесь остатков костров, горевших рядом с жилищем. Возможно, что здесь на-

[1] Ср. В. В. Федоров. К вопросу о «кремневых складах» в неолитическое время. МИА, № 39, 1953.

[2] П. И. Борисковский. Палеолит Украины. М.— Л., 1953, стр. 183—202.

лицо остатки небольшого пожара, распространившегося после того, как поселение было оставлено людьми.

Примерно в 5 м к юго-востоку от жилища С. Н. Замятниным в 1927 г. был раскопан очаг, имевший около 3 м в поперечнике и содержавший в большом количестве костный уголь, дробленую кость, кремневые изделия и осколки[1].

Большой научный интерес представляет обнаруженное в 1953 г. в главном раскопе Костенок II позднепалеолитическое человеческое погребение. Оно находилось в удлиненной, вытянутой в направлении с северо-запада

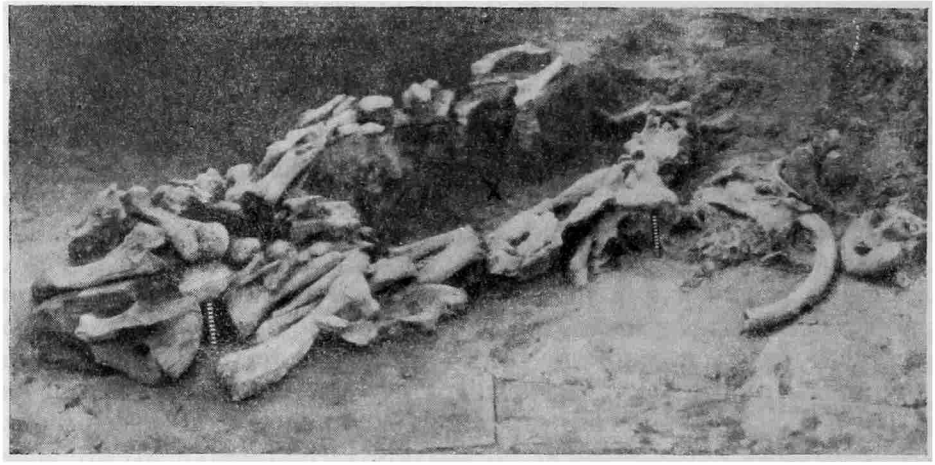


Рис. 6. Костенки II. Погребальная камера. (Вид с северо-востока; место, где сидел покойник, обозначено крестиком).

на юго-восток погребальной камере, тщательно выложенной из костей и черепов мамонтов. Камера представляла собой узкий овал или кольцо, имевшее по внутреннему обводу размеры 2,20×0,55 м, а по внешнему обводу — 4×1,5 м. Она открыта сверху и непосредственно примыкала с юга к описанному нами палеолитическому жилищу (рис. 2 и 6). Образовавшие ее северо-западную стену (в квадратах ж9, з9) кости мамонта переплетались с костями мамонта, входившими в состав конструкции жилища. Но на всех остальных участках погребальная камера резко отделялась и отличалась от жилища. На участках, расположенных между погребальной камерой и жилищем (ж11, з11), находок культурных остатков не было. Внутри погребальной камеры (квадраты е10, ж9 и соседние) отсутствовал насыщенный палеолитическими остатками темный культурный слой, характерный для всего пола жилища.

Кости, из которых сложена погребальная камера, лежали на тонкой прослойке желтого лёссовидного суглинка. Эта прослойка, как и на площади жилища, подстилалась желтым песком. В северной и северо-западной частях камеры стенки состояли из нескольких совершенно сплющенных и деформированных черепов мамонта. Бо́льшая же часть стенок камеры была сложена из костей конечностей мамонта, располагавшихся в основном параллельно друг другу ровным рядом. Обращает на себя внимание разный уровень залегания северо-восточной и юго-западной стенок погребальной камеры. Северо-восточная стенка залегала на несколько десятков сантиметров ниже юго-западной, на уровне залегания стоп и таза сидевшего в погребальной камере покойника. Только на обоих

[1] С. Н. Замятнин. Отчет о полевых работах 1927 г. Архив ИИМК.

концах погребальной камеры — юго-восточном и северо-западном — обе стенки сливаются (здесь северо-восточная стенка постепенно поднимается, а юго-западная опускается). Очень эффектен тщательно выложенный из костей юго-восточный конец погребальной камеры.

Покойник был похоронен в центре погребальной камеры в сидячем положении (стык квадратов е, ж, 9, 10), лицом к юго-востоку. Здесь сохранились кости его ног (рис. 7). Как отмечает М. М. Герасимов, побывавший на месте раскопок во время расчистки погребения, кости ног не упали, сохранили свое первоначальное положение и подверглись лишь

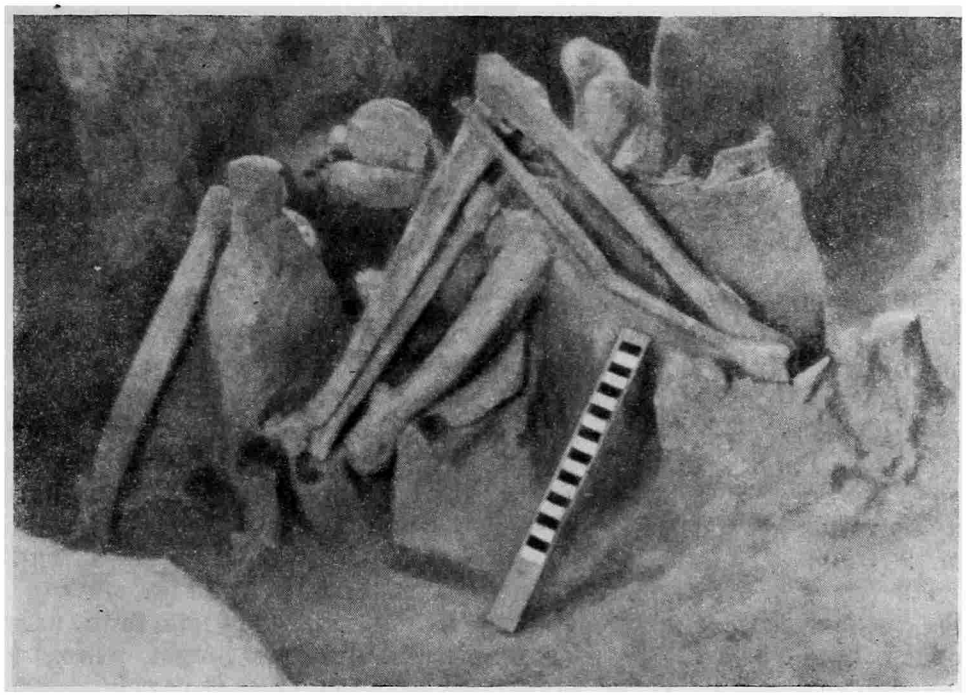


Рис 7. Костенки II Кости ног кроманьонца в погребальной камере. (Снимок сделан сбоку не сверху).

незначительному смещению. От коленных чашечек вниз уходили бедренные и берцовые кости, ниже которых располагались кости стоп и таз. Над левой тазовой костью, образуя единый анатомический комплекс, лежала группа поясничных и грудных позвонков, а несколько выше их — слегка смещенная группа ребер. Судя по расположению этих костей, М. М. Герасимов предполагает, что покойник был посажен с резко согнутыми, прижатыми к животу ногами, причем голени были резко перекрещены, так что правая находилась поверх левой, а стопы были вывернуты и поджаты под таз. Такое положение трупу можно было придать, лишь связав его. Нижняя часть человеческих костей залегала в песке, верхняя же часть—в суглинке.

Внутри погребальной камеры, вместе с человеческими костями, не было найдено какого-либо специально положенного в могилу погребального инвентаря. Отсутствовали и признаки окрашивания трупа. Рядом с человеческими костями обнаружены только отдельные кости мамонта и несколько осколков кремня, которые могли попасть в могилу из культурного слоя жилища.

В погребальной камере сохранилась бóльшая часть костей челове-

ческих ног, тазовые кости, остатки позвонков и ребер[1]. Обломки черепа были обнаружены за пределами погребальной камеры, в 1,5 м к северо-западу от костей ног, на площади палеолитического жилища, в квадрате з8 и примыкающей к нему части квадрата ж8. Здесь, сразу же за челюстью мамонта, входившей в состав конструкции погребальной камеры, на уровне более высоком, чем уровень залегания костей ног человека, при расчистке скопления костей мамонтов на месте палеолитического жилища, еще до обнаружения погребальной камеры были найдены хорошо сохранившиеся верхняя и нижняя челюсти человека, часть черепной коробки (лобная кость отсутствовала), 2-й шейный позвонок, обломок ключицы и плечевая кость. Эти кости лежали среди костей мамонта и единичных кремней разрозненно, на площади примерно 0,5 кв. м. Они залегали в желтом суглинке, подстилаемом песком. В этом месте в суглинке наблюдалось пятно, насыщенное угольками.

Всего вероятнее, что покойник был посажен с сильно подогнутыми ногами в центре специально пристроенной к жилищу погребальной камеры. Его ноги и туловище были присыпаны песком и суглинком и поэтому сохранили свое первоначальное положение. Голова же и руки отпали назад, за пределы погребальной камеры, и были повреждены и несколько перемещены в результате деятельности хищников и землероев.

Возможно, что погребальная камера была сооружена на древнем уступе местности и этим объясняется разный уровень залегания костей, образующих юго-западную и северо-восточную стенку камеры. Не исключена возможность, что погребальная камера была сверху покрыта ветвями и шкурами. Заслуживает внимания то, что у расположенных в наклонной плоскости костей конечностей мамонтов, образующих юго-западную стенку могильной камеры, верхние концы примерно на одной высоте обломаны. В образовавшиеся таким путем трубчатые отверстия могли втыкаться ветки или колья, которыми покрывался покойник.

Нет оснований рассматривать погребальную камеру как часть палеолитического жилища или пристроенную к жилищу кладовую, использованную впоследствии в качестве места для захоронения. В погребальной камере отсутствует культурный слой, распространенный на всей площади жилища; примыкая к жилищу, камера в то же время резко от него отделена; с камерой не связано углубление, которое могло бы служить ямой — хранилищем; наконец, сама кладка камеры, будучи очень монументальной, сильно отличается от позднепалеолитических хозяйственных сооружений.

Погребальное сооружение Костенок II является уникальным и не имеет аналогий в позднепалеолитических погребениях как территории СССР, так и зарубежных стран. Оно свидетельствует о большой сложности и разнообразии погребальных обрядов в позднем палеолите. В настоящее время на территории СССР известно всего пять позднепалеолитических погребений: Мальта (М. М. Герасимов, 1929 г.), Костенки XV (А. Н. Рогачев, 1952 г.), Костенки XIX (А. Н. Рогачев, 1953 г.), Костенки II(П. И. Борисковский, 1953 г.). и Костенки XIV (А. Н. Рогачев, 1954 г).Каждое из них дает пример особого и достаточно сложного погребального обряда. Эти факты позволяют предполагать, что столь развитой и разнообразный погребальный обряд имел длительную предисторию. Таким образом, является естественным допущение, что первые зачатки развившейся затем погребальной обрядности можно констатировать еще у неандертальцев мустьерской эпохи.

Сидячее погребение Костенок II заставляет вспомнить статью

[1] В процессе раскопок человеческие кости закреплялись раствором поливинилбутираля по способу Е. А. Румянцева (Государственный Эрмитаж).

В. В. Гольмстен[1], в которой делается попытка вывести скорченность первобытных погребений из довольно широко распространенного обычая оставлять покойника в сидячем положении в доме, где он жил, что было связано с сознанием тесной связи коллектива с его членом, связи, не порывавшейся и после смерти.

Череп из Костенок II был мастерски реставрирован М. М. Герасимовым. По определению Г Ф. Дебеца[2] он принадлежит пожилому мужчине старше 50 лет. Зубы очень сильно стерты, от лопаток резцов не осталось и следа. Все зубы здоровые. Обращает на себя внимание крайне низкое (короткое) лицо. Подбородок ясно выражен. В сохранившихся частях мозговой коробки нет неандерталоидных признаков. Рост человека из Костенок II равнялся 165 см. Из числа современных человеческих рас человек из Костенок II обнаруживает наибольшее сходство с европеоидами и выявляет основные признаки кроманьонского типа.

Костенки II дают нам первую находку погребения и скелета взрослого позднепалеолитического кроманьонца для всей территории СССР.

Коллекция каменных изделий из Костенок II состоит по своему происхождению из трех основных групп: 1) подъемный материал[3], 2) находки в скоплении костей мамонтов, 3) находки на полу палеолитического жилища. Третья группа отличается от первых двух наличием в ней ряда крупных кусков и желваков цветного кремня, песчаника и других пород камня, использовавшихся в качестве наковален, ударных орудий и т. п. В остальном все три группы сходны между собой, судя по всем данным, одновременны и могут рассматриваться вместе. Кремневый инвентарь, происходящий из раскопок 1953 г., близко напоминает оставшийся неопубликованным кремневый инвентарь из раскопок 1923 и 1927 гг.

Характерной особенностью первобытной техники Костенок II является весьма широкое использование в ней валунного коричневого и желтого кремня местного происхождения. Этим Костенки II отличаются от многих других позднепалеолитических поселений костенковско-боршевского района. В культурном слое встречено также довольно много отщепов кварцита.

Как и в других позднепалеолитических поселениях костенковско-боршевского района, в Костенках II процент законченных орудий по отношению к кремневым отщепам и осколкам сравнительно велик. Он значительно больше, чем в таких позднепалеолитических поселениях, как Тимоновка и Пушкари, являвшихся в то же время мастерскими, местами первичного раскалывания кремня.

Призматические нуклеусы имеют неправильные очертания и носят следы очень интенсивного использования (рис. 8, *2—6*). Особенно это относится к нуклеусам из мелового кремня высотой до 2 см; у нуклеусов же из цветного кремня высота иногда достигает 4—5 см. Многие нуклеусы превращались затем в нуклевидные орудия—скобели и резцы (рис. 8, *3*). Такие нуклевидные орудия составляют характерный элемент кремневой техники Костенок II. Большая часть кремневых пластинок имеет длину 4—6 см; лишь у единичных экземпляров длина достигает 3—10 см.

Характерным элементом кремневой техники Костенок II, наряду с многочисленными нуклевидными орудиями, являются многочисленные

---

[1] В. В. Гольмстен. О происхождении скорченности костяков в погребениях родового общества. ПИДО, № 5—6, 1935.

[2] Г. Ф. Дебец. Палеоантропологические находки в Костенках. СЭ, 1955, № 1.

[3] На современную поверхность палеолитические кремни попали по кротовинам, прорезающим культурный слой, а также в результате разрушения культурного слоя хозяйственными ямами недавнего времени.

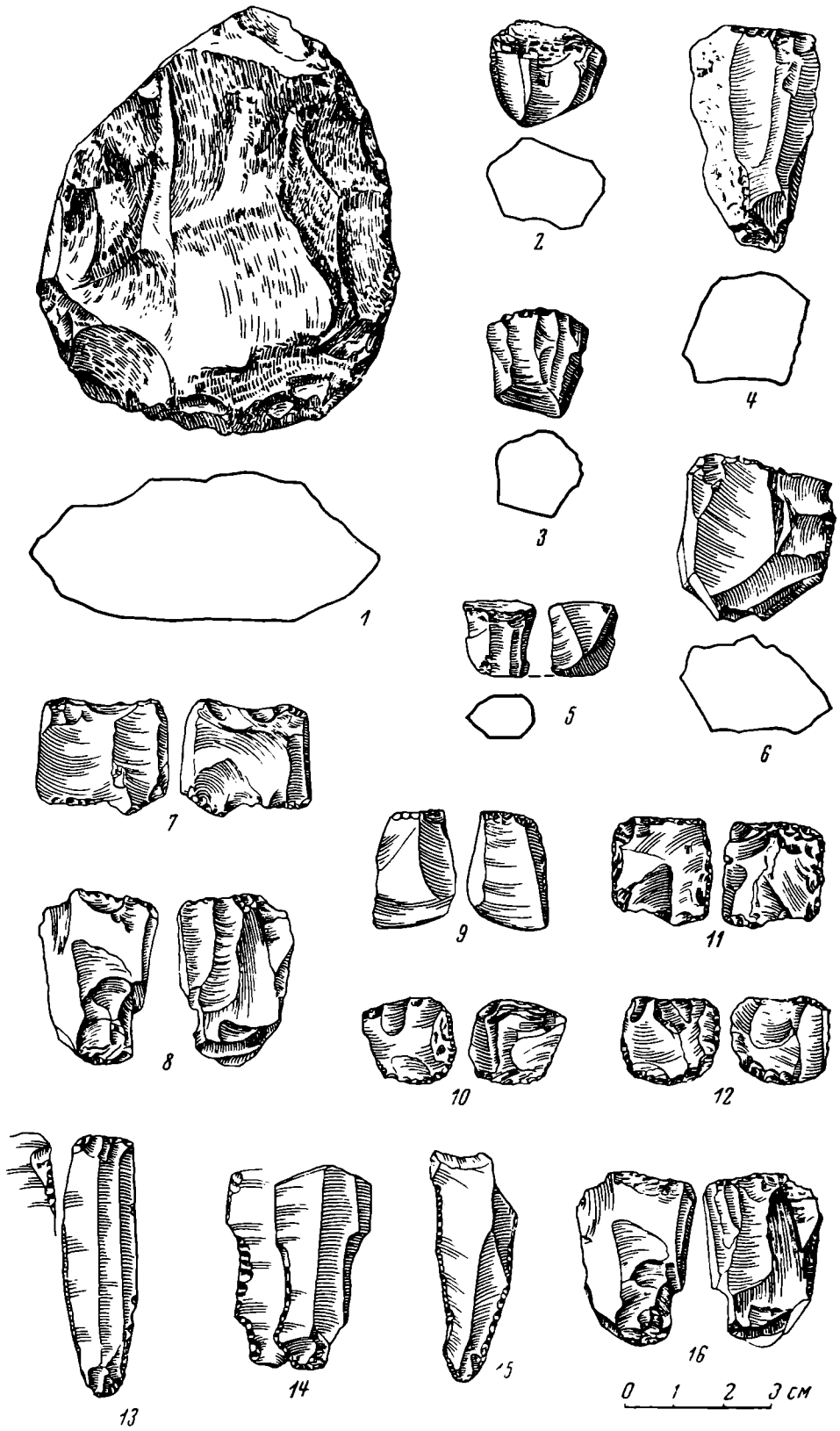


Рис 8. Костенки II. Кремневые орудия.

1 — отесанное с двух сторон рубящее орудие; *2—6* — нуклеусы; *7—12*, *16* — пластинки с подтеской с брюшка; *13—15* — пластинки с ретушью.

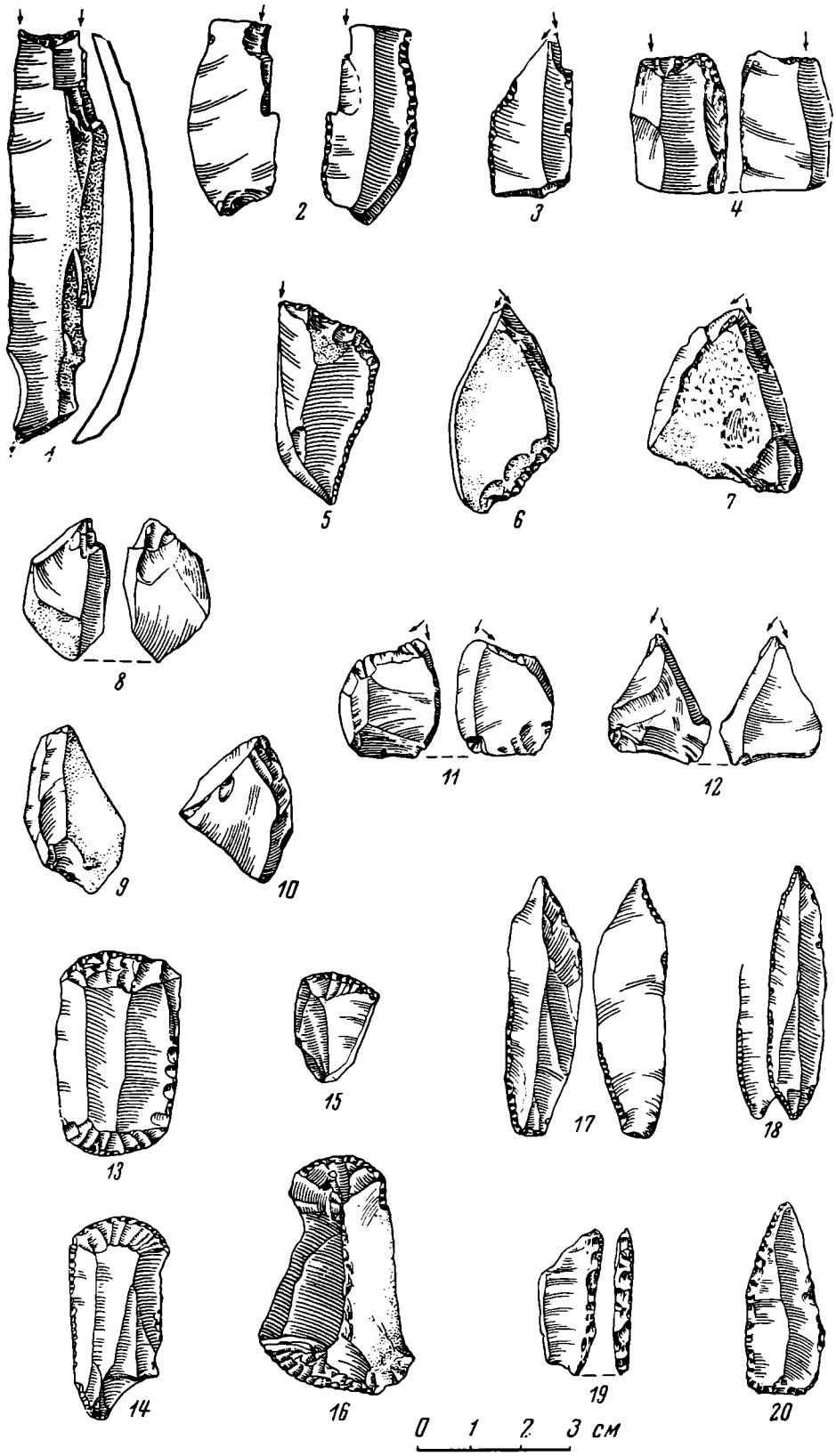


Рис. 9. Костенки II. Кремневые изделия.

1—12 — резцы; *13—16* — скребки; *17*, *18* — проколки; *19*, *20* — пластинки с затупленным краем.

резцы, главным образом, срединные, срединные многофасеточные и на углу сломанной пластинки (рис. 9,*1—12*). Боковых резцов, столь типичных для стоянки Боршево II и других одновременных ей поселений, здесь мало. Большинство резцов изготовлено на отщепах и осколках кремня.

Обилие краевых отщепов резцов свидетельствует о том, что резцы изготовлялись из кремневых заготовок или, чаще, из сломанных орудий тут же, на территории поселения, в то время как первичное раскалывание кремня, особенно мелового, и изготовление нуклеусов и пластин производились где-то в другом месте.

Третьим характерным элементом являются пластинки, имеющие на одном конце,— а чаще на двух концах или даже со всех четырех сторон,— тесловидные лезвия, образованные рядом небольших плоских стесов, идущих со спинки и с брюшка,— так называемые пластинки с подтеской с брюшка или pièces ecaillées (рис. 8, *7—12*, *16*). Эта форма орудий, весьма редкая в позднем палеолите Десны и Днестра, отмечена в ряде позднепалеолитических поселений костенковско-боршевского района. Значительная часть этих орудий изготовлена из коротких сечений пластинок, имеет почти квадратные очертания и длину сторон около 2 см. Подобные орудия, несомненно, использовались в качестве вкладышей, может быть, наподобие австралийских тесел.

Помимо трех названных групп орудий, в Костенках II встречены концевые скребки, в том числе и несколько двойных, а также скребки-резцы (рис. 9, *13—16*). Длина их — 3—6 см. Найдены единичные проколки из узких удлиненных пластинок (рис. 9, *17*, *18*) и своеобразные пластинки и острия, с краем, затупленным ретушью, идущей не как обычно от края к середине, а в двух противоположных направлениях (рис. 9,*19*,*20*).

Наконец, отметим находку на полу жилища крупного овального, отесанного с двух поверхностей рубящего орудия из кварцита, имеющего около 9 см в поперечнике и около 2,5 см толщины (рис. 8, *1*), а также несколько больших кусков песчаника и кварцита, имеющих на своей поверхности следы использования их в качестве наковален и подставок при обработке камня. На полу жилища найдены, кроме того, отдельные куски и осколки сланца, кварца, мергеля и конкреции сферосидерита.

Кремневые орудия Костенок II по типам и технике изготовления сильно отличаются от кремневых орудий солютрейских стоянок берегов Дона, Десны и Днестра. Своей кремневой техникой Костенки II близко напоминают обширную группу позднепалеолитических стоянок Русской равнины, представленную такими поселениями, как Костенки III, Карачарово, Елисеевичи, Кирилловская, Студеница. П. П. Ефименко называет эту группу поселениями кирилловского типа[1] и, как мне представляется, убедительно показывает, что они относятся к послесолютрейскому времени, но являются более древними, чем такие поселения, как Боршево II и Гонцы. В них не наблюдаются еще признаки микролитизации кремневого инвентаря, отмечаемые для Боршева II и для Гонцов и в то же время отсутствуют какие-либо признаки солютрейской техники обработки кремня. Такая датировка Костенок II совпадает и с геологической интерпретацией этого поселения, предлагаемой В. И. Громовым, М. Н. Грищенко, Г. И. Лазуковым и другими исследователями.

На полу жилища Костенок II, кроме кремневых орудий, были найдены кости со следами древних срезов и сколов и ряд законченных костяных орудий. К последним относятся шилья и наконечники копий или дротиков. Найдено 7 целых экземпляров шильев (рис. 10,*4—7*, *10—12*); они

[1] П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 318, 319.

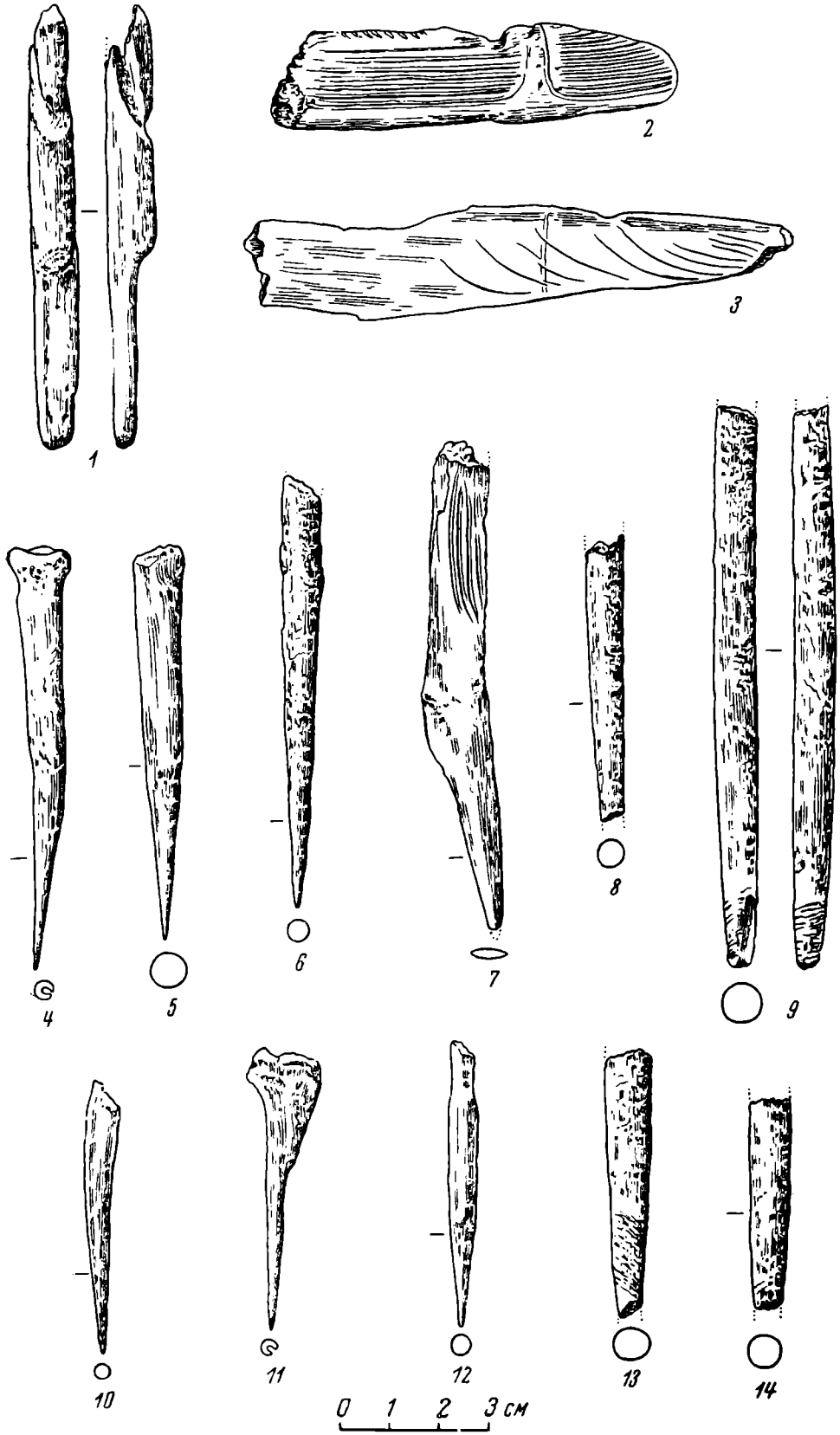


Рис. 10. Костенки II. Костяные изделия.

1 — схематизированная человеческая фигура; *2,3* — кости с резьбой; *4—7*, *10—12* — шилья; *8*, *9*, *13*, *14* — обломки наконечников.

тщательно обработаны. Наконечники представлены 5 обломками верхних, средних и нижних частей (рис. 10, *8*, *9*, *13*, *14*). Особенно интересен один обломок нижней части крупного, круглого в сечении, наконечника, имеющий длину 11,5 см и 0,7 см в поперечнике (рис. 10, *9*). Основание его косо срезано, а на несрезанной части опоясано несколькими витками очень тонкой кольцевой нарезки, возможно, имитирующей перевязь или же облегчавшей скрепление наконечника с древком. Слабые следы подобной же нарезки заметны и на другом обломке наконечника (рис. 10, *13*). В то время как шилья найдены целыми, наконечники представлены только обломками, причем ни один из обломков не сходится с другими. К костяным орудиям принадлежит также тщательно обработанный обломок лезвия лощила или мотыги.

На дне жилища были найдены произведения искусства. К ним относятся две удлиненные костяные пластинки, украшенные орнаментом в виде асимметричных изогнутых линий (рис. 10, *2*, *3*). Сходным орнаментом была украшена и рукоятка одного из шильев (рис. 10, *7*). Этот орнамент сильно отличается от геометрического орнамента, представленного в Костенках I, Борщеве II, Авдееве, и во многом напоминает орнаментальные мотивы Кирилловской стоянки и Елисеевичей.

К произведениям искусства относится также схематическая человеческая фигурка из кости (рис. 10, *1*), найденная на дне жилища, в квадрате з8, рядом с погребальной камерой и местом находки человеческого черепа[1]. Человеческая фигурка сильно отличается от известных реалистических палеолитических женских изображений из Костенок I, Гагарина и Авдеева и больше напоминает схематизированные фигурки, происходящие из Мезина и Петерсфельс.

Эти особенности немногих произведений искусства, найденных в Костенках, очень интересны. Они подтверждают датировку Костенок II более поздним временем, чем время Костенок I, Тельманской стоянки, Гагарина, Пушкарей I.

В настоящей статье мы лишь очень кратко изложили основные материалы, относящиеся к открытым в Костенках II в 1953 г. позднепалеолитическим жилищу и погребению. Но и из этого краткого изложения видна большая научная значимость данных материалов. Их монографическое изучение и описание потребует немалого времени. Вместе с тем поселение Костенки II не может считаться исчерпанным. Раскопки 1953 г. обнаружили в 50 м к северо-востоку от остатков жилища своеобразный комплекс, состоящий почти исключительно из ребер мамонтов (в раскрытой части комплекса на площади около 18 кв. м найдено до 200 целых ребер и их обломков). Исследование этого комплекса и поиски на территории поселения новых культурных комплексов могут дать много нового и важного.

---

[1] В этом же квадрате найдена одна из орнаментированных костяных пластин.

К. В. САЛЬНИКОВ

ИСЕТСКИЕ ДРЕВНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

(По материалам обследования среднего течения реки Исети в 1940 году)

Среднее течение р. Исети богато археологическими памятниками. В 50—80-х годах прошлого столетия здесь работал А. Н. Зырянов[1]. Позднее этому району уделили немало внимания В. Я. Толмачев и особенно В. П. Бирюков и Ю. П. Аргентовский. Их сборы на древних поселениях и небольшие раскопки составили многочисленные коллекции, хранящиеся в Свердловском и Шадринском музеях и Государственном Эрмитаже в Ленинграде. Краткие описания памятников и находок на них, а также планы городищ находятся в материалах В. Я. Толмачева, хранящихся в Свердловском областном государственном архиве. Краткие сведения о части городищ, обследованных В. Я. Толмачевым, опубликованы по его рукописи «Курганы и городища в окрестностях г. Шадринска Пермской губернии»[2] А. А. Спицыным[3].

В 1940 г. Челябинским областным краеведческим музеем мне было поручено обследование памятников по среднему течению р. Исети, на участке от г. Шадринска вверх до впадения р. Синары[4].

Ранее на этой территории было известно несколько городищ[5] и 1—2 селища, подъемный материал с которых находится в Шадринском музее. Однако подавляющее большинство селищ, стоянок и курганов открыто нашей экспедицией впервые (рис. 1).

В этой работе публикуются результаты обследования древних поселений, проведенного в 1940 г., дополненные сведениями из архива В. Я. Толмачева и материалами коллекций Свердловского и Шадринского музеев и Государственного Эрмитажа. За недостатком места описание обследованных 18 групп курганов не приводится; ограничиваемся помещением их на карте.

I. Мыльниковское городище. Расположено в 4 км от г. Шадринска, вверх по левому берегу р. Исети. Здесь пойма реки имеет П-образную излучину к северу. В средней части северного, крутого, высотой до 8,5 м, берега этой излучины находятся известные в литературе[6]

---

[1] А. Н. Зырянов. Курганы села Замараевского, Шадринского уезда. Известия Археологического общества, т. IV, 1863; его же. Городище близ дер. Мыльниковой Шадринского уезда. Там же; его же. Курганы и городища в Шадринском уезде Пермской губернии и находки в них. Записки УОЛЕ, т. VII, вып. 3, Екатеринбург, 1881, и др.

[2] СОГА, ф. 139, папка 7

[3] А. А. Спицын. Зауральские древние городища. ЗРОРАО, т. VIII, вып. 1, 1906, стр. 212—226.

[4] В обследовании участвовал А. М. Пономарев.

[5] А. А. Спицын. Указ. соч.

[6] А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 218, рис. 7. Нашим осмотром в 1946 г. обнаружено, что значительная часть Большого Мыльниковского городища снесена в процессе развернувшегося по соседству строительства.

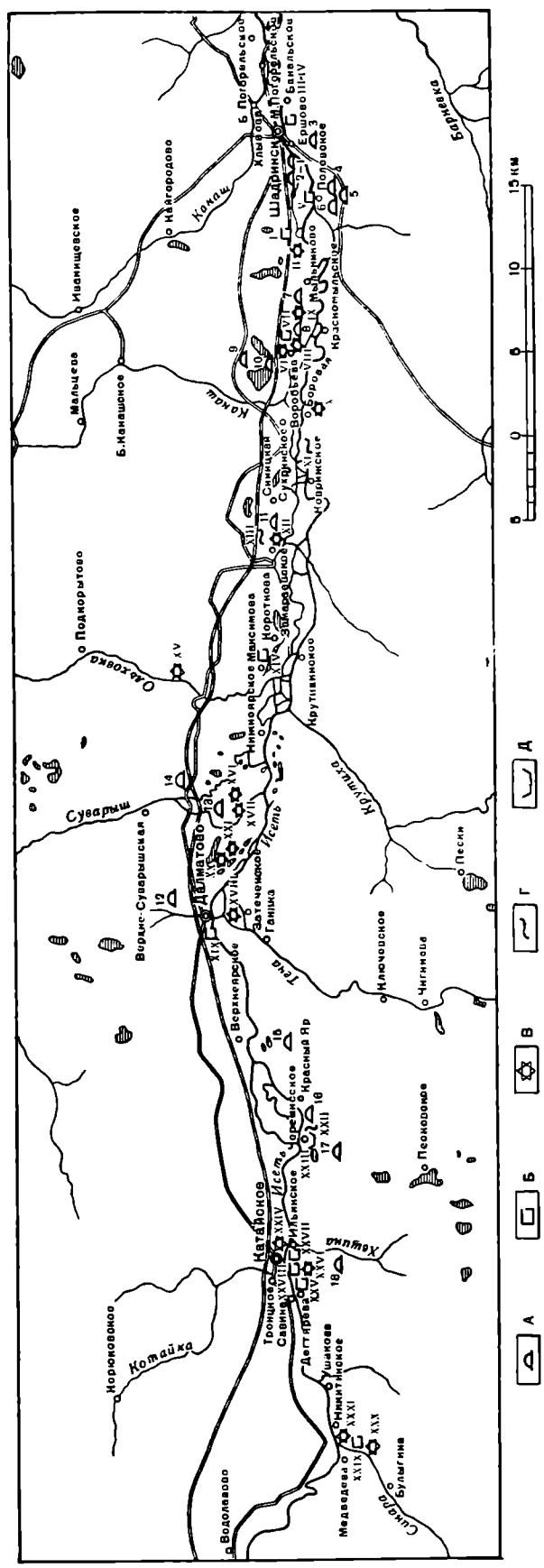


Рис. 1. Археологическая карта среднего течения р. Исети по разведкам 1940 г.

А — курган; Б — городище; В — селище или стоянка; Г — вал; Д — могильник. I — Мыльниковское городище; II — Мыльниковское селище; III — Большое Бакальское городище; IV — Малое Бакальское городище; V — Полевское городище («Глинки» или «Крутик»); VI — Ново-Воробьевская стоянка; VII — Воробьевское городище; VIII — Восточно-Воробьевская стоянка; IX — Воробьевское селище; X — Барминское селище; XI — Барминский вал; XII — Замараевское селище; XIII — Замараевский вал; XIV — Максимовское городище; XV — селище «Ближняя Ольховка»; XVI — Суварышское I поселение; XVII — Суварышское II поселение; XVIII — Затеченская стоянка; XIX — Далматовское «Белое городище»; XX — стоянка «Попарево»; XXI — стоянка «Индево»; XXII — Черемисский вал; XXIII — Черемисский могильник(?); XXIV — Стоянка у Банного лога; XXV — Дегтяревское городище; XXVI — Ильинское селище; XXVII — Малое Ильинское городище; XXVIII — Большое Ильинское городище; XXIX — Никитинское городище; XXX — Никитинская стоянка; XXXI — Усть-Синярское селище. (Арабскими цифрами на карте нумерованы группы курганов, обследованных в 1940 г.)

два Мыльниковских городища, составляющих одно поселение (рис. 2).

Большое городище расположено на песчаном холме на самом краю кручи. Холм окружен подковообразным рвом глубиной до 1,2 м. Невысокий вал образован выкидом изо рва, который несколько увеличил высоту холма вдоль рва[1]. Несмотря на то, что с внутренней стороны вал почти

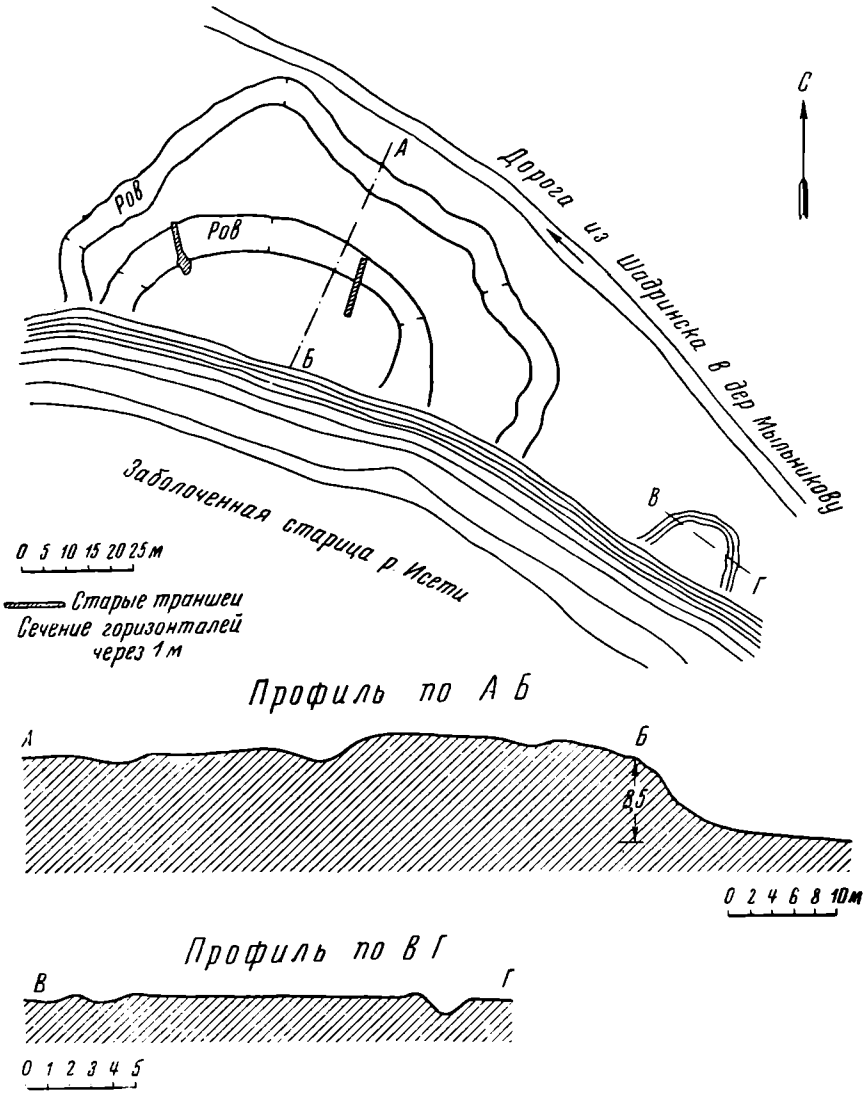


Рис. 2. План и профили Мыльниковских городищ.

незаметен, снаружи — это почти отвесная круча, до 2,5 м высоты от дна рва. Менее глубокий (0,80 м) внешний ров окружает дополнительную площадку. Длина городища по берегу — 110 м, ширина — 60 м. В шурфе на внешней площадке городища найдено 68 костей, 3 маленьких черепка с примесью талька, кусок толстой глиняной обмазки с отпечатками прутьев и обломок каменного точильного бруска. Площадь городища перекопана большим количеством ям недавнего происхождения. На внешней площадке имеется также ряд слабо заметных углублений, видимо, следов

[1] Такая конструкция вала подтверждается данными профиля траншеи, проведенной через вал и ров Ю. П. Аргентовским в 1912 г. Архив ИИМК (Археологической комиссии), д. 160, 1912 г.

жилищ. Такие же углубления покрывают площадь (32×25 м), отделяющую это городище от соседнего малого, расположенного на том же обрыве, к востоку от большого.

Малое городище также подковообразно окружено рвом глубиной 0,2—0,3 м и валом высотой 0,3—0,4 м. Длина городища по берегу — 20 м, ширина — 13 м. На его площади хорошо заметно 6 ям округлой формы, расположенных по окружности вдоль вала. Диаметр ям — 2 м, глубина — до 0,5 м.

Оба городища, вместе с площадкой между ними, составляют, несомненно, одно поселение. Мыльниковское городище обследовалось неоднократно. Ю. П. Аргентовский в 1912 г. прорезал траншеей длиной 14 м внутренние ров и вал. В результате этих работ в Шадринский музей поступила коллекция, в которую входят обломки посуды, костяные острия, железные ножи и наконечники стрел, трехгранные бронзовые наконечники стрел, медные пластинки, железные шлаки и слитки, глиняная обмазка стен. Лишь незначительная часть посуды содержит тальк в качестве примеси к глине. Орнамент часто состоял из оттисков гребенки и овальных вдавлений в виде елочки, иногда из перекрещивающихся наклонных нарезок, образующих ромбическую сетку, из бугорков вдоль края, образованных путем выдавливания изнутри, из круглых ямок, которые иногда наносились поверх ромбической сетки, из веревочных поясков по горлу сосудов, из насечек по обрезу венчика.

Форма сосудов представлена несколькими типами: 1) горшками с прямым горлом, 2) горшками с отогнутым наружу венчиком и небольшой шейкой и 3) чашками с округлыми стенками и слегка вогнутым внутрь венчиком. Форма днищ не всегда ясна, но встречаются и уплощенные.

В 1937 г. обследование городища произвел сотрудник Челябинского музея П. В. Мещеряков. В разведочном шурфе им были найдены: обломки посуды; медная треугольная пластинка длиной 5,5 см при наибольшей ширине 2 см, с тремя круглыми отверстиями по средней продольной линии; обломок точильной плитки; кости коровы и лошади; кусок шлака, куски обожженной глины, обуглившиеся бревна, жерди и прутья, скопления золы. По всей вероятности, шурф прорéзал остатки какого-то жилого сооружения.

II. Мыльниковское селище. Расположено в 250 м к югозападу от Мыльниковского городища, на западном берегу той же излучины р. Исети. Культурный слой был нами обнаружен в стенках свежих ям от разрушенных современных строений. Несомненно, что это — то самое селище, которое было открыто в 1912 г. Ю. П. Аргентовским. Находки прослежены на площади 1200—1300 кв. м, но это, повидимому, лишь часть поселения. Никаких признаков оборонительных сооружений не установлено, хотя в 1917 г. В. Я. Толмачевым были прослежены здесь следы рва [1].

В культурном слое на глубине 0,25—0,73 м найдены раздробленные кости животных, черепки, два целых и один обломок пряслица, два куска шлака и обломок точильной плитки из песчаника.

Обломки посуды обычно имеют большую примесь талька (до стального блеска). Орнамент состоит из елочки, расположенной на плечиках и шейке, и рядов наклонных резных линий и вдавлений гладкого или гребенчатого штампа. Изредка встречаются отдельные обломки сосудов другого типа, без примеси талька, неорнаментированные, с беспорядочными штрихами на обеих поверхностях. Оба типа посуды вполне аналогичны посуде с го-

[1] СОГА, ф. 139, папка 19, л. 29.

родища Чудаки. Форма круглодонных сосудов с высоким горлом также совпадает с формой сосудов того же городища.

Пряслица сделаны из черепков. На одной стороне одного из пряслиц прочерчены, в виде лучей от отверстия к краям, 12 бороздок (рис. 17, 5)— мотив, широко распространенный на пряслицах сарматского времени в Зауралье.

III. Большое Бакальское городище. Находится на полпути по нижней дороге между селами Ершово и Бакальское (Бакалда),

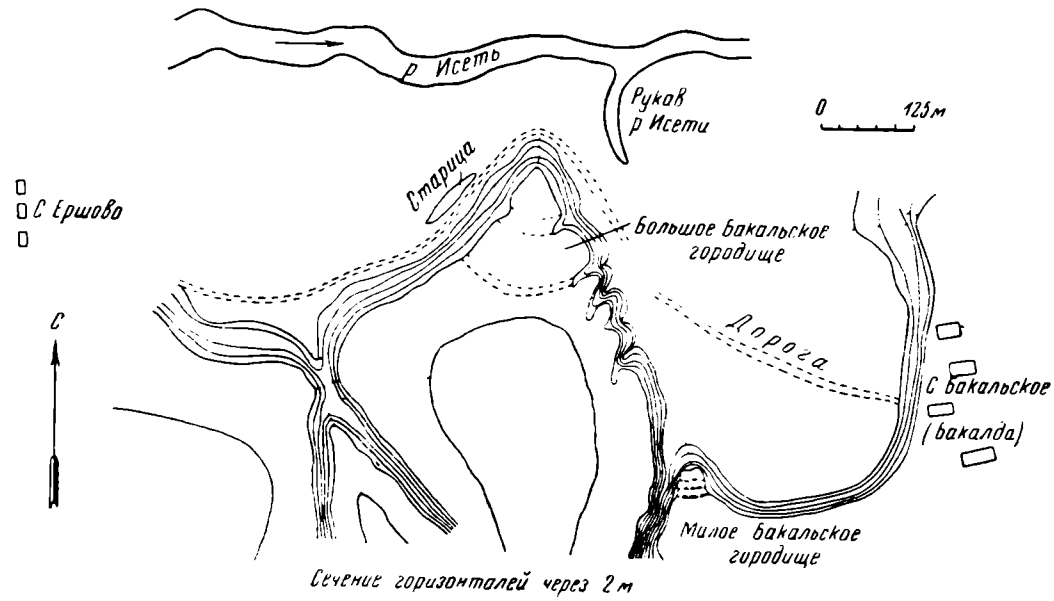


Рис 3. План Бакальских городищ.

против Шадринска, на правом берегу старицы р. Исети (рис. 3 и 4). Городище занимает мыс высотой 8 м, с почти отвесными двумя сторонами. С третьей, напольной стороны оно ограждено двумя парами валов и рвов. Внутренние вал и ров необычно для Исетских городищ мощны. Вал имеет высоту 2,5 м, ширину 14 м, ров — глубину 1,6 м и ширину 11 м. Внешний вал менее мощен: высота — 0,5 м, ширина — 7,5 м; ров — глубиной 0,3—0,5 м и шириной 1,5 м. Обе пары валов и рвов несколько выгнуты в напольную сторону. Площадь, защищенная внутренним валом, равна приблизительно 1500 кв. м; внешняя площадка в два раза больше. Въезда — ворот — на городище незаметно, лишь на внутреннем валу имеются две совершенно незначительные седловинки. На внутренней площадке видны едва заметные впадины, повидимому, от древних жилищ.

Сборы по осыпи, а также разведочный шурф на глубине 0,1—0,3 м дали несколько обломков костей и свыше 50 обломков сосудов, резко отличающихся от посуды большинства зауральских городищ. Глина — или совсем без всякой примеси, или с небольшим количеством шамота. Орнамент обычно ограничивается резными наклонными линиями или елочкой, реже гребенчатыми наклонными оттисками по краю и рядом глубоких круглых ямок ниже, которые создают изнутри выпуклины. Иногда насечки нанесены по обрезу и изнутри вдоль края. Сосуды имели форму или круглодонных чаш, или горшков со слабо выраженным горлом (см. ниже рис. 18).

В стенке шурфа замечен след ямки от столба.

IV Малое Бакальское городище. В 275 м к юго-юго-востоку от первого городища, на соседнем небольшом мысу, расположено другое, совсем маленькое городище, защищенное рвом и валом (рис. 3). На площадке его имеются 3 ямы неправильной формы, диаметром 1—2 м, глубиной 0,3 м[1].

V Полевское городище («Глинки» или «Крутик»). Находится у восточной окраины с Верхне-Полевского на правом берегу

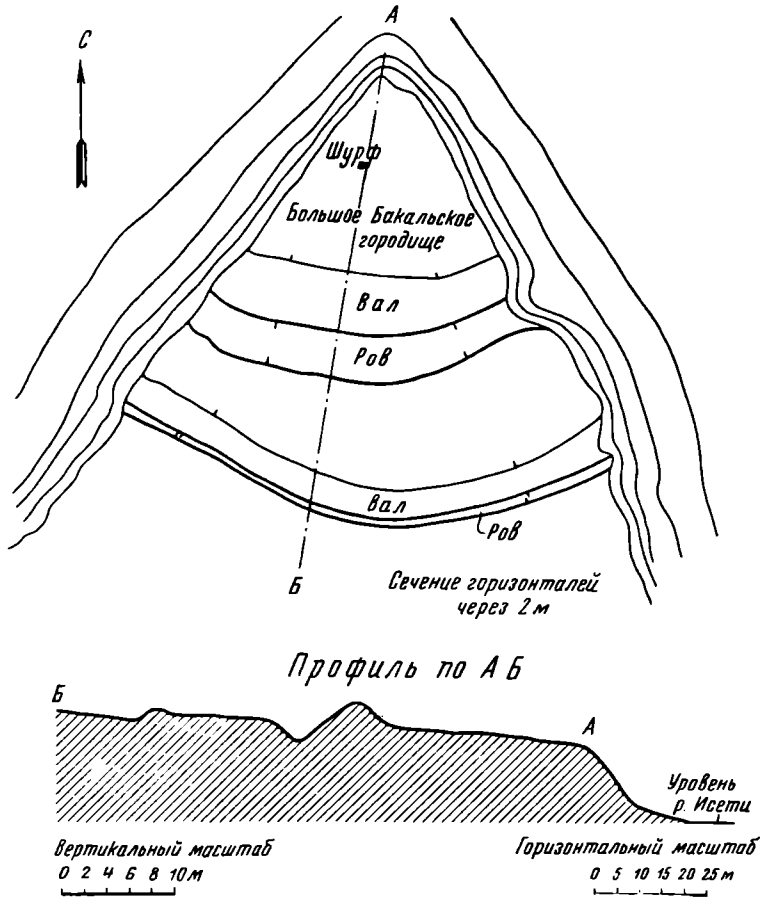


Рис План Большого Бакальского городища.

р. Исети, на узком (ширина — 12 м) и высоком (15—20 м) обрывистом мысу, образованном берегом реки и идущим параллельно ей логом. С напольной стороны имеется небольшой вал высотой 0,8 м и шириной 10 м. Рва не заметно. Площадь городища не превышает 400 кв. м (рис. 5). В древности площадь городища, несомненно, была более значительной. По словам местных жителей, мыс только за последние 25 лет уменьшился вдвое из-за разрушения берега водой. А. А. Спицын[2] упоминает второй, внешний вал. Нами он не обнаружен.

По осыпи городища собраны обломки посуды. Разведочным шурфом на глубине 0,20—0,25 м обнаружен культурный слой, содержащий черепки

[1] Оба городища отмечены А. А. Спицыным под № 26—27. А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 219. рис. 9. Размеры городищ, указанные А. А. Спицыным, несколько отличаются от наших измерений.

[2] А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 219, рис. 8.

и кости[1]. Посуда близка сосудам Бакальского городища; большинство обломков — также без примеси талька, иногда встречается примесь шамота. Орнамент в основном резной: насечки по краю горла, елочка или перекрещивающиеся наклонные линии, ямки, образующие на внутренней поверхности бугорки, но есть вертикальные и горизонтальные оттиски

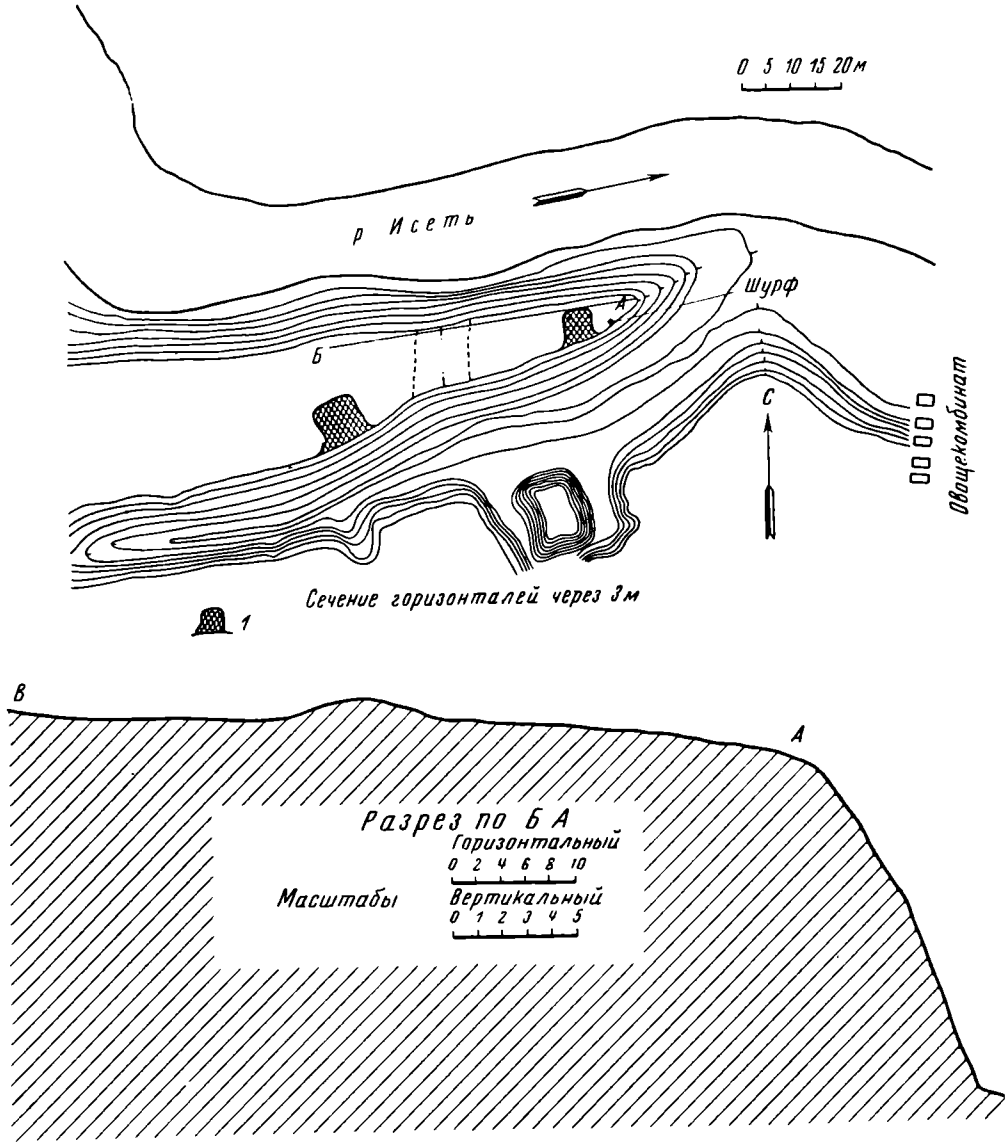


Рис. 5. План и профиль Полевского городища.

1 — ямы.

крупного гребенчатого штампа, а также ямки-насечки на грани шейки и плечиков (рис. 18, *14—18*).

Устанавливаются две формы сосудов: 1) горшки с прямым горлом и раздутыми плечиками (может быть, иногда с бомбовидным туловом) и 2) прямостенные чашки. Повидимому, сосуды были круглодонными.

[1] Сборы В. П. Бирюкова 1926, 1927, 1929 гг. и других лет хранятся в Шадринском музее. Несколько черепков, собранных В. Я. Толмачевым, хранится в Свердловском музее.

VI. Ново-Воробьевская стоянка. Расположена у западной окраины выселка из дер. Воробьевой —«Новой деревни», на мысу левого берега р. Исети. Стоянка возвышается над уровнем поймы на 4 м на древних задернованных дюнах (рис. 6). В 2 свежих ямах на краю мыса и в шурфе обнаружены 3 горизонта культурного слоя.

Верхний горизонт, на глубине 0,12—0,15 м в толще супесчаного перегноя, содержал черепки без примеси и с примесью талька (на одном — орнамент в виде волнистых горизонтальных желобков; рис. 16, *1*). Воз-

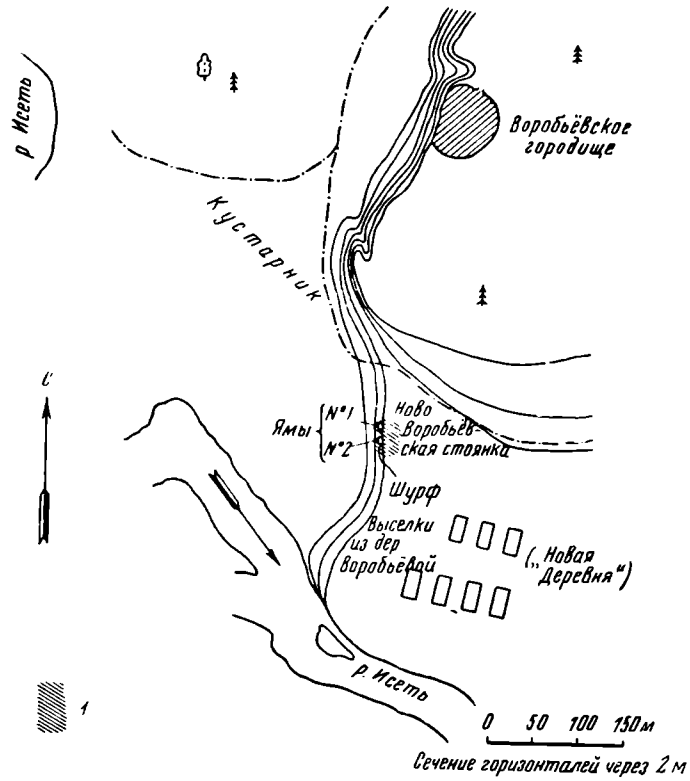


Рис. 6. План Воробьевского городища и Ново-Воробьевской стоянки.

1 — площадь распространения культурного слоя (приблизительно).

можно, к этому же слою относится обломок верха прямостенного сосуда, покрытого поясками гребенки и глубоких ямок (рис. 16, *2*). Второй горизонт залегал на глубине 0,20—0,28 м, также в перегное, и содержал черепки с гребенчатым и резным орнаментом, угольки, мелкие косточки и мелкие кремневые пластинки. Третий, нижний горизонт обнаружен на глубине 0,35—0,40 м на поверхности подстилающего песка и в самых нижних горизонтах супесчаного перегноя. В нем найдены 2 черепка с глубоким крупным гребенчатым орнаментом, несколько обломков кремня и мелких пережженных косточек. На уровне нижнего слоя в стенке ямы, в песке, найдено крупное скопление необработанных кремней. В выкиде из современных ям обнаружен скребок из красно-оранжевого кремня.

Характер посуды позволяет датировать стоянку эпохой неолита. Особенно красноречиво в пользу неолитического времени говорит один из крупных черепков (рис. 16, *1*), покрытый характерным волнистым орнаментом типа Полуденской стоянки. Не исключена возможность наличия

некоторого количества более поздней посуды (рис. 16, *5*). Древние развеивания дюн, сооружение жилищ, а также современные ямы неизбежно вели к нарушению слоев.

VII. Воробьевское городище. Расположено в 0,5 км к северо-западу от дер. Воробьевой, на крутом обрывистом берегу поймы р. Исети, высотой 9,5 м. Городище имеет сложный план и состоит из не-

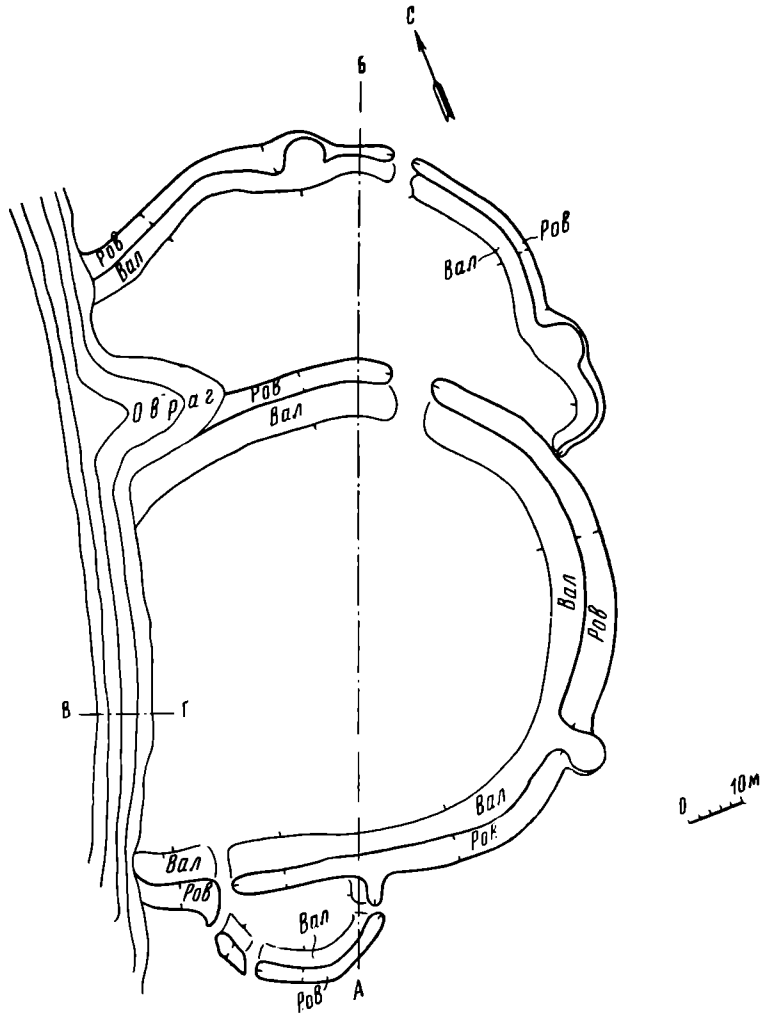


Рис. 7. План Воробьевского городища.

скольких частей. Основная часть ограждена рвом и валом подковообразной формы. Высота вала —0,5—0,7 м, ширина — 4—5 м; глубина рва —0,8—1 м, ширина —4—6 м. С севера и юга к этой центральной части примыкает по участку, каждый из которых обнесен такими же, но менее мощными валами и рвами. С северо-восточной и юго-западной сторон на городище ведут ворота; с юго-востока, востока и севера валы имеют вдающиеся в ров выступы полукруглой формы, как бы основания от башен, диаметром 6—7 м (рис. 7). Крутой склон к пойме сделан искусственно еще более крутым при помощи двух расположенных друг под другом срезов, которые на склоне образуют 2 террасы, шириной 3 м (рис. 8). На площади городища имеется много углублений от жилищ, диаметром 4—10 м, глубиной до 0,7 м.

В стенке свежей ямы на глубине 0,15—0,25 м найден большой обломок от горла очень крупного сосуда, толщиной 1,5 см, орнаментированного елочкой из гребенчатых линий (рис. 17, *1*).

Из старых находок с Воробьевского городища в Свердловском музее хранятся обломок каменной поделки, 2 куска листовой меди с пробитыми отверстиями и 2 маленьких черепка с примесью талька. На одном из них имеются следы глубоких вдавлений трехзубого гребенчатого штампа, на втором — сплошной орнамент, нанесенный, повидимому, отступающей гребенкой.

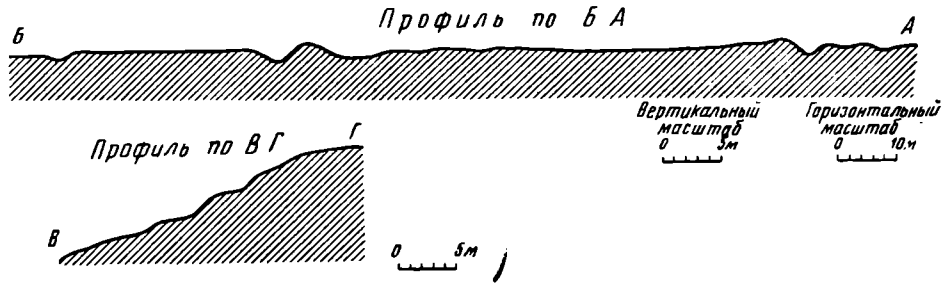


Рис. 8. Профили Воробьевского городища.

VIII. Восточно-Воробьевская стоянка. Находится у восточной окраины дер. Воробьевой на задерновывающихся дюнах близ старичного озера р. Исети. В выдувах встречаются неорнаментированные черепки с примесью талька и черепки с мелкими гребенчатообразными вдавлениями и без талька. Найдены также кремневый скребок и несколько ножевидных пластинок. Поселение можно датировать поздненеолитической эпохой.

IX. Воробьевское селище. Расположено в 1 км к востоку от дер. Воробьевой, по дороге в с. Мыльниково, на невысоком мысу, образованном поймой р. Исети и впадающим в нее логом. На задернованной поверхности селища имеется большое количество ям глубиной 0,2—0,4 м, диаметром 2—5 м. В шурфе и обнажениях на глубине 0,05—0,10 м найдены несколько раздробленных костей животных, черепки плоскодонных, сделанных на круге, неорнаментированных сосудов из глины без примеси и несколько кусков обожженной глины с плоскими и хорошо заглаженными гранями. Несомненно, это обломки очагов и печей, а не обмазки стен. Поселение позднее, возможно, татарское.

X. Барминское селище. Расположено у восточной окраины дер. Барминой (Боровое тож), на невысоком мысу, образованном оврагом и берегом озера Камышики (старица р. Исети). На площади 300×60 м хорошо определяются границы 15 впадин, глубиной 0,3—1,2 м. Одни из них — округлой формы, диаметром 6—15 м, другие — подпрямоугольной, размером от 7×7 м до 20×20 м.

В шурфе, в обнажениях и на поверхности найдены кости животных, черепки типично андроновских сосудов, обломки кирпичиков кипельского типа и один обломок зернотерки.

XI. Барминский вал. В 1,5 км к западу от дер. Барминой (Борового) на обрывистом коренном берегу над поймой р. Исети, параллельно обрыву, в 30—60 м от него на протяжении 300 м тянется вал шириной 7—15 м, высотой 0,3—1 м. Один конец его упирается в лог, впадающий в пойму, другой загибается к круче, но не доходит до нее на 40 м.

На огражденной валом площади не заметно никаких следов поселения, нет культурного слоя и в обнажениях. Вал частично запахивается.

XII. Замараевское селище. Находится в 0,5 км к востоку от с. Замараево на низком мысу, вдающемся в пойму р. Исети узкой полосой шириной 150—200 м и длиной свыше 0,5 км. Селище занимает оконечность мыса, т. е. западную часть его, и прилегающие участки северного склона на протяжении 250 м при ширине около 90 м.

Оконечность мыса сильно испорчена свежими ямами — силосными, по добыче песка и т. п. По северному склону насчитывается 10 впадин — следов древних жилищ прямоугольной формы размером 12×10, 20×10 и 24×15 м, глубиной до 1,5 м. Некоторые явно разделяются на две половины поперечной перемычкой шириной 2—3 м.

В обрезах свежих ям на глубине 0,4—0,5 м прослеживается золистый культурный слой, в котором встречаются черепки сосудов андроновского типа, обломки кирпичиков кипельского типа, раздробленные кости домашних животных, угольки[1].

Отдельная находка у с. Замараево. На южном склоне мыса, на котором расположено селище, в осыпи нами найден небольшой черепок от остродонного сосуда неолитического типа, сплошь покрытого вертикальными рядами наколов. Других признаков культурного слоя здесь не обнаружено.

XIII. Замараевский вал. На том же мысу, где находится описанное андроновское селище, к востоку от последнего, вдоль северного склона мыса тянутся ров и вал длиной 100 м. Ширина рва — 1,3 м, глубина — 0,3 м; высота вала — 0,5—0,7 м, ширина — 3 м. Оба конца рва и вала теряются в распаханном поле.

XIV Максимовское городище. В 70-х годах прошлого века Н. Ю. Зографом[2] производились раскопки 8 курганов в большой группе между деревнями Максимовой и Коротковой. Группа расположена на городище и вокруг него. Сейчас деревни Максимова и Короткова слились. Лишь с помощью местных жителей удалось установить, что, действительно, здесь существовали городище и курганы на нем, но они уничтожены постройками.

Территория бывшего городища представляет собой небольшой песчаный холм среди пойменной низины р. Исети и в разлив превращается в остров. В ямах бывших парников собрано несколько черепков круглодонных сосудов с примесью талька. Один обломок высокой шейки орнаментирован оттисками гребенчатого штампа, образующими елочки.

XV. Селище «Ближняя Ольховка». В 4 км от дер. Максимовой на пологом склоне левого берега р. Ольховки, притока р. Исети, на поляне «Ближняя Ольховка», по словам местных жителей, во время пахоты в большом количестве встречаются черепки «с искоркой» (видимо, с примесью талька), а в 1903 г. здесь была выпахана каменная жертвенная плита с бараньей головой[3]. Обследовать памятник более подробно не удалось, так как поле было засеяно. Сделанные находки позволяют предполагать здесь или поселение, или жертвенное место.

---

[1] В 1946 г. мною по поручению Уральского государственного университета на селище были произведены раскопки, вскрывшие крупное жилище андроновского времени и погребения средневековых кочевников. См. К. В. Сальников. Замараевское селище. «Первое Уральское археологическое совещание». Молотов, 1948.

[2] Н. Ю. Зограф. Раскопки курганов Шадринского уезда. «Антропологическая выставка», т. III, 1879.

[3] Н. А. Дмитриев. Жертвенные камни Зауралья. КСИИМК, вып. XIX, 1948, стр. 14, 15, рис. 2.

XVI, XVII. Суварышские поселения. В 7—8 км к востоку от с. Далматово, на огромном острове между двух рукавов р. Суварыша, к востоку от железнодорожного моста, в 0,5 км к югу от 7-го участка Далматовского овощесовхоза, среди пойменных низин, на невысокой обширной песчаной гряде в молодом березняке находятся 50—60 ям округлой формы, диаметром 2—10 м, глубиной до 1 м. Они расположены по южному склону гряды, по кругу, в 2—4 ряда, на площади диаметром 100—120 м и окружают площадку диаметром около 50 м.

Еще 30 лет тому назад гряда эта была покрыта сосняком, и потому у старшего поколения местных жителей она известна под именем «Борка». Говорят, что тогда здесь находили массу черепков. В разведочном шурфе на глубине 0,10—0,32 м, в перегное, встретились только угольки, укрупнявшиеся по мере углубления слоя. Культурная принадлежность поселения осталась невыясненной.

В 200 м к юго-западу от описанного поселения в таких же топографических условиях находится второе скопление ям. И здесь шурфовка не дала никаких находок.

А. Н. Зырянов[1] упоминает о находившемся на р. Суварыше городище с едва заметным рвом и валом округлой формы. В. М. Флоринский[2] говорит, видимо, об этом же городище, по его словам, расположенном близ впадения р. Суварыша в р. Исеть, в 6 км от с. Далматово. Форму вала и рва этого памятника он рисует как неправильный шестиугольник. На территории городища и вокруг него В. М. Флоринский упоминает курганы.

Повидимому, в обоих случаях речь идет об одном и том же городище, не обнаруженном нашей разведкой в 1940 г. К этому же памятнику надо отнести сообщение В. Я. Толмачева, датированное 1917 г. о находке на площади Суварышского городища на глубине 0,7 м полуразмытого рекой погребения подростка, от которого сохранились только череп и левая плечевая кость. Череп лежал на правой щеке. У головки левой плечевой кости была обнаружена круглая выпуклая бляха (4,4×4,2 см) с ушком на тыльной стороне и ремешком в нем. Под нижней челюстью найдено ожерелье из 7 птичьих костей[3].

XVIII. Затеченская стоянка. Расположена в 700 м от с. Затечье в сторону с. Далматово, в Исеть-Теченской пойме, по обе стороны тракта. Здесь на площади 0,5×0,5 км, на поверхности, в дюнах и обрывах на глубине 0,3 м обнаружены обломки посуды, кусок талька, обломок зернотерки из песчаника, кремневые отщепы, нуклеусы, мелкие ножевидные пластинки и их обломки, отщепы глинистого сланца, сколы лезвий шлифованных топоров и кусочки железа.

Посуда по составу глины делится на 2 типа: с примесью талька (иногда очень большой) и без примеси. Форма сосудов первого типа восстанавливается очень хорошо. Это бомбовидные, круглодонные сосуды с высокой шейкой. Шейка часто не орнаментирована либо имеет резные и гребенчатые наклонные линии или елочку; на плечиках бывают защипы. От сосудов второго типа найдены 2 обломка горлышек, также с наклонными гребенчатыми линиями (рис. 16, *15—19*). Вся посуда принадлежит единому культурному слою, относящемуся к сарматскому времени. Но изделия из кремня носят неолитический характер.

---

[1] А. Н. Зырянов. Курганы и городища. Пермские губернские ведомости, № 40 от 19 мая 1882 г.

[2] В. М. Флоринский. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни, т. I, Томск, 1894, стр. 234.

[3] СОГА, ф. 139, папка 22, стр. 880 и коллекция Шадринского музея.

XIX. Далматовское «Белое городище». Находится у северо-западной башни под стеной бывшего монастыря в с. Далматово, на мысу, образованном двумя небольшими ложками. Вал не сохранился, но видны едва заметные следы сильно распаханного рва. Высота мыса — 12 м. Приблизительная площадь городища — 1000 кв. м (рис. 9).

На поверхности городища и по склонам, вследствие распашки и развеивания верхних слоев, обнажился культурный слой, содержавший обломки посуды (с примесью талька), украшенной гребенчатым орнаментом. В Шадринском музее хранятся обломки посуды и обломок зернотерки из

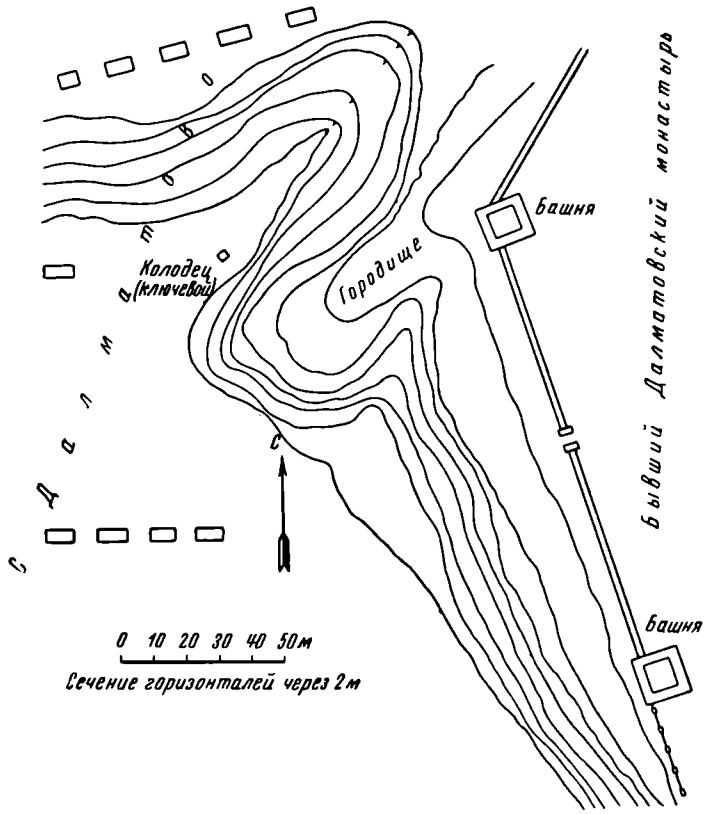


Рис. 9. План Далматовского «Белого городища».

песчаника с этого городища, в Свердловском музее (из сборов В. Я. Толмачева) — ножевидная пластинка из кремня, массивный скребок на конце пластинки с ретушью по обоим продольным краям, кусочки шлака, медные капли и сплески, черешок железного орудия (ножа?), диск из черепка и 12 мелких разнородных обломков сосудов; из них одни аналогичны по орнаменту и составу глины керамике с городища Чудаки, другие тождественны андроноидной керамике эпохи бронзы лесного Зауралья. Следовательно, кроме городищенского слоя сарматского времени, на описываемом памятнике имеется слой эпохи бронзы.

XX. Стоянка «Лопарево». Расположена в 3 км к юго-востоку от с. Далматово и в 0,5 км к югу от пятого участка овощесовхоза, на припойменной песчаной гряде левого берега р. Исети. Гряда,— возможно, дюна,— возвышается над заливаемой долиной на 2—2,5 м и густо покрыта кустарником. На площади 300×60 м вдоль южного склона гряды разбросано не менее 50 ям, глубиной до 1 м и диаметром до 10 м.

В разведочном шурфе на глубине 0,18—0,25 м найдены нуклевидный кусок кремня и керамика. Черепки по составу глины делятся на 2 типа: с чрезвычайно большой примесью слюды (не менее 50%) и с незначительной примесью талька. Обломки сосудов первого типа лишены орнамента. На обломках второго типа встречается орнамент гребенчатый и из крупных наколов. На одном обломке вдоль края нанесен орнамент в виде перекрещивающихся наклонных гребенчатых линий, а ниже их — глубокие

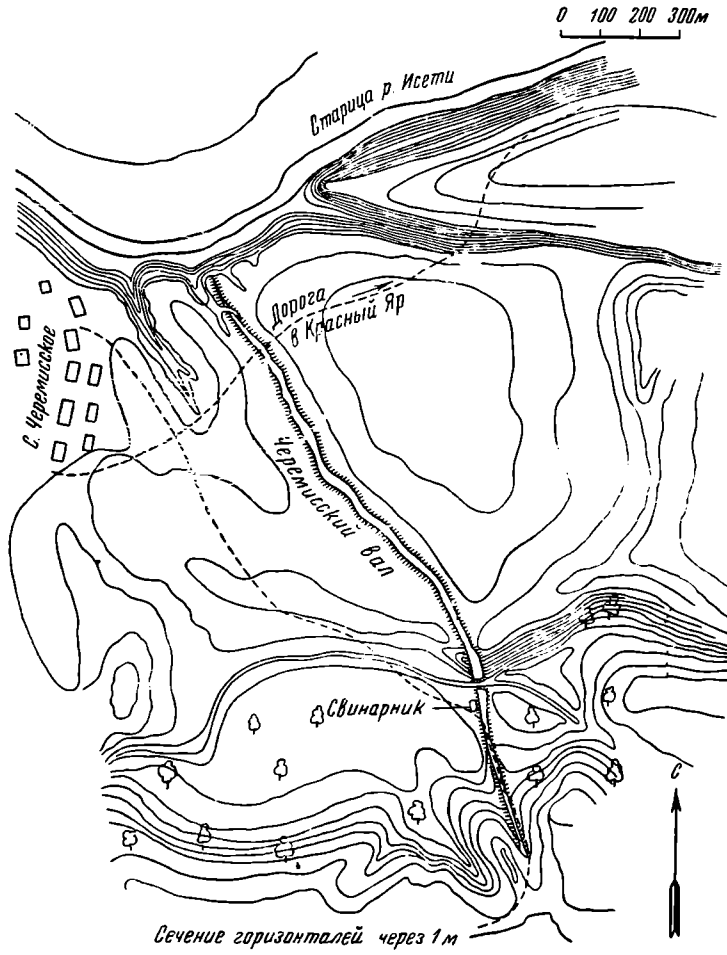


Рис. 10. План Черемисского вала.

ямки, образующие бугорки на внутренней поверхности. На внутренней стороне края имеется ряд косых гребенчатых линий (рис. 16, *8—10*).

У местных жителей этот холм известен под названием «Лопарево».

XXI. Стоянка «Индеево». Находится в 300—400 м к юго-востоку от поселения «Лопарево», на такой же дюне, во время разлива превращающейся в островок, длиной с севера на юг 150 м, с востока на запад — 250 м. Густая растительность не дает возможности установить количество и порядок расположения ям, которых здесь не меньше, чем на поселении «Лопарево».

В шурфе на глубине 0,30—0,45 м найдено 4 обломка сосудов с примесью песка в глине и орнаментом из гребенчатых и мелкоямочных овальных вдавлений (рис. 16, *6—7*), а также несколько отщепов кремня. Под одной из стенок шурфа на глубине 0,45—0,62 м обнаружено гнездо сплошного

залегания кремня, распадающегося на куски. В стенках юго-западного угла шурфа прослежены 2 углубления диаметром 0,3 м (как бы от столбов) и глубиной 0,15—0,25 м, заполненных более темной супесью. Глиняная посуда стоянки «Индеево» не имеет ничего общего ни с посудой андроновских памятников, ни с сарматской и, как нам кажется, является неолитической. В пользу этого говорят и характер орнамента, и сплошная орнаментация найденных на стоянке 4 обломков.

XXII. Черемисский вал[1]. В 0,5 км к востоку от с. Черемисского, Катайского района, тянется вал длиной 1650 м, шириной от 5 до 25 м, высотой от 0,75 до 3 м (рис. 10). Северным концом вал упирается в обрывистый берег р. Исети и отходит к югу, расширяясь и повышаясь по мере удаления от реки. На расстоянии 1200 м от реки вал пересекает глубокий лог шириной 300 м и, сужаясь, упирается в его противоположный берег. Вал пересекает промоина, образовавшаяся, видимо, уже после использования вала как защитного сооружения. Западный склон вала срезан колхозниками. Этот свежий срез показал, что вал насыпан из чернозема и не содержит никаких культурных остатков.

Назначение вала не совсем ясно. Можно высказать предположение, что вместе с обрывистым берегом р. Исети и соседними логами он мог входить в систему укреплений, ограждавших большую площадь посевов или пастбищ.

В. Я. Толмачеву в 1912 г. местные жители сообщали, что к юго-востоку от с. Черемисского имеется продолжение этого вала, который упирается в берег р. Течи несколько ниже с. Ключевского[2]. Если это сообщение правильно, то можно определить наличие огромного огражденного треугольника со сторонами приблизительно по 10 км, ограниченного с севера р. Исетью, с юго-востока — р. Течью и с юго-запада — валом,

XXIII. Черемисский могильник (?). У средней части описанного выше вала, на площади 0,5×0,5 км, имеется несколько сот небольших холмиков, высота которых редко достигает 0,3 м, а диаметр колеблется от 2 до 7 м[3] Наиболее крупные из них формой напоминают небольшие курганы.

Раскоп размером 0,5×1 м, заложенный на одной из насыпей диаметром 3 м и доведенный до грунтовой глины (до глубины 0,72 м), никаких признаков могил не обнаружил.

XXIV Стоянка у Банного лога. В 0,5 км к востоку от больницы с. Катайского, на обрывистом мысу левого берега р. Исети, при выходе к ней Банного лога, в осыпи найдены обломок кремневой ножевидной пластинки и 3 маленьких сильно выветрившихся черепка с отдельными вкраплениями зерен талька.

В Шадринском музее хранятся несколько обломков сосудов с гребенчатым зональным орнаментом и обломки кремня, собранные П. Ф. Первушиным на этом месте в 1916 г. Предположительно эту стоянку можно датировать эпохой неолита или бронзы.

XXV Дегтяревское городище[4]. У северо-восточной окраины дер. Дегтяревой, на обрывистом правом берегу р. Исети находится городище, окруженное подковообразным рвом шириной до 2 м, глубиной

---

[1] Упоминается А. А. Спицыным (указ. соч.).
СОГА, ф. 139, папка 3, л. 36.

[3] В. Я. Толмачев в 1912 г указывал у северного конца вала до 10 курганов диаметром 6—40 м, насыпи которых в большинстве случаев были срыты до основания местными жителями. СОГА, ф. 139, папка 3, л. 36.

[4] Упоминается А. А. Спицыным в числе 3 городищ, расположенных у с. Ильинского. А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 218.

до 1 м. Местами по обе стороны его прослеживаются едва заметные валы высотой до 0,4 м. Со стороны берега защитой служила 10-метровая круча. Длина городища по берегу — 60 м, ширина — 40 м (рис. 11). Вся площадь его поросла кустарником и покрыта ямами нечетких очертаний. В юго-восточной части вала, частично срезанного шоссе, найдены мелкие обломки черепков, видимо, круглодонного сосуда из глины с примесью талька. В шурфе на городище, на глубине 0,15—0,30 м, встречены часть венчика такого же сосуда, орнаментированная вертикальной резной елочкой (рис. 17, *8*), и мелкие угольки.

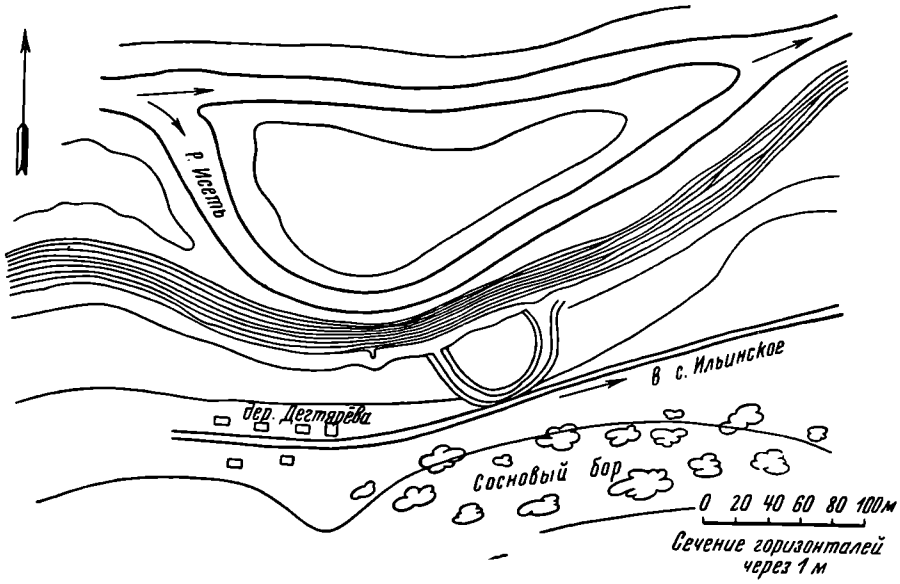


Рис. 11. План Дегтяревского городища.

Впервые городище было обнаружено П. Ф. Первушиным в начале 900-х годов и описано под наименованием «Ильинское № 3»[1]. В 1910 г. В. Я. Толмачев составил план городища и нашел здесь обломок глиняного пряслица с резным орнаментом в виде завитков[2].

Характер посуды и орнамент на пряслице, а также конструкция оборонительных сооружений позволяют отнести памятник к сарматскому времени.

XXVI. Ильинское селище[3]. Расположено в 1 км к востоку от дер. Дегтяревой, на правом обрывистом, высотой до 4 м, берегу р. Исети. Здесь мы насчитали 23 ямы округлой формы, диаметром 2—8 м и глубиной 0,2—0,7 м. Они тянутся вдоль берега полосой в 30 м на расстоянии 140 м. В шурфе обнаружены следы очага в виде слоя прокаленного песка толщиной 0,15 м и скоплений слежавшейся золы толщиной до 0,05 м, а также отщеп глинистого сланца. В рытвине возле дороги найден небольшой черепок без орнамента и без примеси талька.

---

[1] СОГА, ф. 139, папка 21, л. 493.

[2] СОГА, ф. 139, папка 3, л. 78. Коллекция предметов с городища хранится в Свердловском краеведческом музее.

[3] Это, видимо, та площадка, занятая ямами, в районе Ильинских городищ, о которой упоминает А. А. Спицын.

XXVII. Малое Ильинское городище[1]. Расположено в 1 км к западу от с. Ильинского, на правом крутом, высотой до 6 м, берегу поймы р. Исети. Оно имеет необычайно малые размеры (длина по берегу — 18 м, ширина — 11 м) и представляет собой песчаный холм высотой около 0,5 м. Городище окружено рвом в виде полукольца, глубиной до 0,3 м и шириной 1,5—2 м. С юга он прерывается входом — воротами шириной 2,5 м. В центре городища заметно 6 ям диаметром 1—3 м, глубиной до 0,5 м (рис. 12).

Шурфом на глубине 0,08—0,3 м в толще песка обнаружен слой, окрашенный перегноем, не давший находок. В осыпи найден кусок легкого силикатного шлака.

Впервые городище было открыто П. Ф. Первушиным в начале 900-х годов и описано им под названием «Ильинское городище № 1»[2]. В 1910 г. его обследовал и составил план В. Я. Толмачев[3]. Коллекция, собранная П. Ф. Первушиным на этом городище и хранящаяся в Свердловском музее, состоит из обломков крупных сосудов без орнамента, с большой примесью талька в глине. Один обломок края сосуда имеет орнамент в виде ряда поясков из оттиска веревочки. Городище по посуде можно датировать сарматским временем.

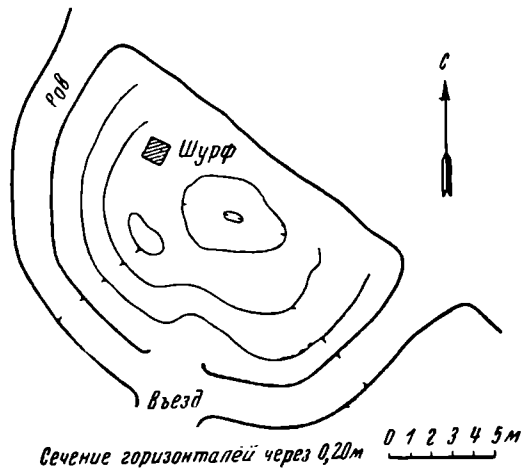


Рис 12. План Малого Ильинского городища.

XXVIII. Большое Ильинское городище[4]. Расположено на правом обрывистом, высотой до 4 м, берегу р. Исети, в 1,5 км к западу от с. Ильинского (рис. 13). Оно окружено подковообразным рвом глубиной до 0,7 м и шириной 3—4 м. Выкидом из рва на площади городища насыпан вал шириной до 4 м и высотой около 0,3 м. Площадка городища представляет собой небольшой песчаный холм. Длина городища по берегу — 40 м, ширина — 22 м. На площадке городища много ям нечетких очертаний, округлой и продолговатой формы.

На городище собрано несколько небольших неорнаментированных черепков с небольшой примесью талька в глине, маленький обломок точильной или шлифовальной плитки из песчаника и обломки какой-то поделки из обожженной глины.

В 1903 и 1905 гг. на городище были заложены две большие траншеи П. Ф. Первушиным[5] В 1910 г. В. Я. Толмачев снял план городища и прорезал траншеей вал, исследовав значительную его часть. В толще вала В. Я. Толмачевым были обнаружены обугленные куски бревен до 2 м

---

[1] Упоминается А. А. Спицыным как одно из 3 городищ, расположенных у с. Ильинского. А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 218. В документации к коллекции Свердловского музея описываемые памятники именуются Катайскими городищами, поскольку они расположены против с. Катайского.

[2] СОГА, ф. 139, папка 21, лл. 493, 494.

[3] СОГА, ф. 139, папка, 3, л. 69.

[4] Упоминается А. А. Спицыным как одно из 3 городищ, расположенных у с. Ильинского. А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 218.

[5] СОГА, ф. 139, папка 21, лл. 493, 494.

длиной, местами перекрещивавшиеся под прямым углом[1]. Это подтверждает предположение, что защитные сооружения городищ типа Ильинских состояли не из земляных валов, а были укреплены деревянными срубами.

П. Ф. Первушин также отмечает большое количество обгорелого дерева и углей близ вала, а в центре городища —2 кучи обожженных кусков глины от развалившихся печей или жертвенников с прямоугольным основанием. Среди кусков глины было много золы, углей и пережженных костей. В посуде из серой глины наблюдается большая примесь талька. Исключение составляет один раздавленный сосуд, отличающийся отсутствием примеси в глине, красным цветом и изящным орнаментом.

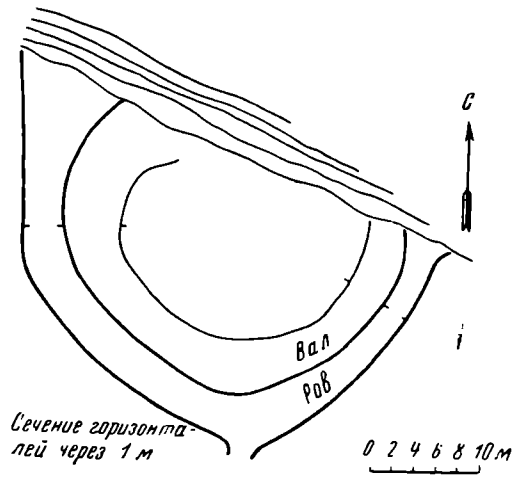


Рис. 13. План Большого Ильинского городища.

Из металлических изделий здесь найдены несколько кусков медных листов (некоторые из них с заклепками); медный брусок с расклепанным одним и загнутым другим концом, длиной 3,5 см; медная бляха, штампованная, с крестообразным орнаментом и 2 стержнями на обороте. Найдены также 2 обработанных кремня, костяное шило, овальный наконечник стрелы и многочисленные кости животных.

По составу находок, типу керамики и конструкции вала городище следует отнести также к сарматской эпохе.

XXIX. Никитинское городище[2]. Расположено в 1 км к западу от с. Никитинского, Катайского района, на высоком (15 м) обрывистом мысу, вдающемся в пойму р. Синары близ ее устья (рис. 14). С напольной стороны поселение защищено рвом шириной 3 м, длиной 36 м и глубиной 0,7 м. Вал сохранился в виде небольшого всхолмления. Имеются следы въездных ворот 3 м шириной. Когда-то на этом же мысу находился Петропавловский монастырь, остатками которого являются несколько ям.

К древнему слою городища относятся обломки сосудов с большой примесью талька в глине и раздавленный огромный сосуд бомбовидной формы с высоким прямым горлом диаметром 35 см. По его шейке и плечикам оттиснуты лопасти из слабых зубчатых линий. Одновременны с этими находками, вероятно, небольшая кремневая ножевидная пластинка и череп человека. Последний был найден у края южного склона мыса; он лежал теменем к западу, лицом кверху в грунтовой щебенке, повидимому, в особой ямке, непосредственно под черноземом, который здесь смыт. Условия залегания его таковы, что предполагать здесь полное погребение нет основания. Видимо, череп был погребен отдельно.

Помимо ям от остатков монастырских строений, на городище имеются мелкие впадины, которые, может быть, являются остатками жилищ городища.

---

[1] СОГА, ф. 139, папка 3, лл. 71—76.

[2] Упоминается А. А. Спицыным под № 17. А. А. Спицын. Указ. соч., стр. 218. У местного населения известно под наименованием «Белый Яр», благодаря белому цвету обнажений в обрывах мыса.

XXX. Никитинская стоянка. Находится в 250 м к югу от Никитинского городища, на крутом правом берегу р. Синары. Здесь на площади 100×40 м имеется много едва заметных углублений (рис. 14).

По осыпи берега найдены обломки разнородной посуды. Круглодонные сосуды с вертикальными гребенчатыми вдавлениями и овальными насечками на плечиках с большой примесью талька в глине, несомненно,

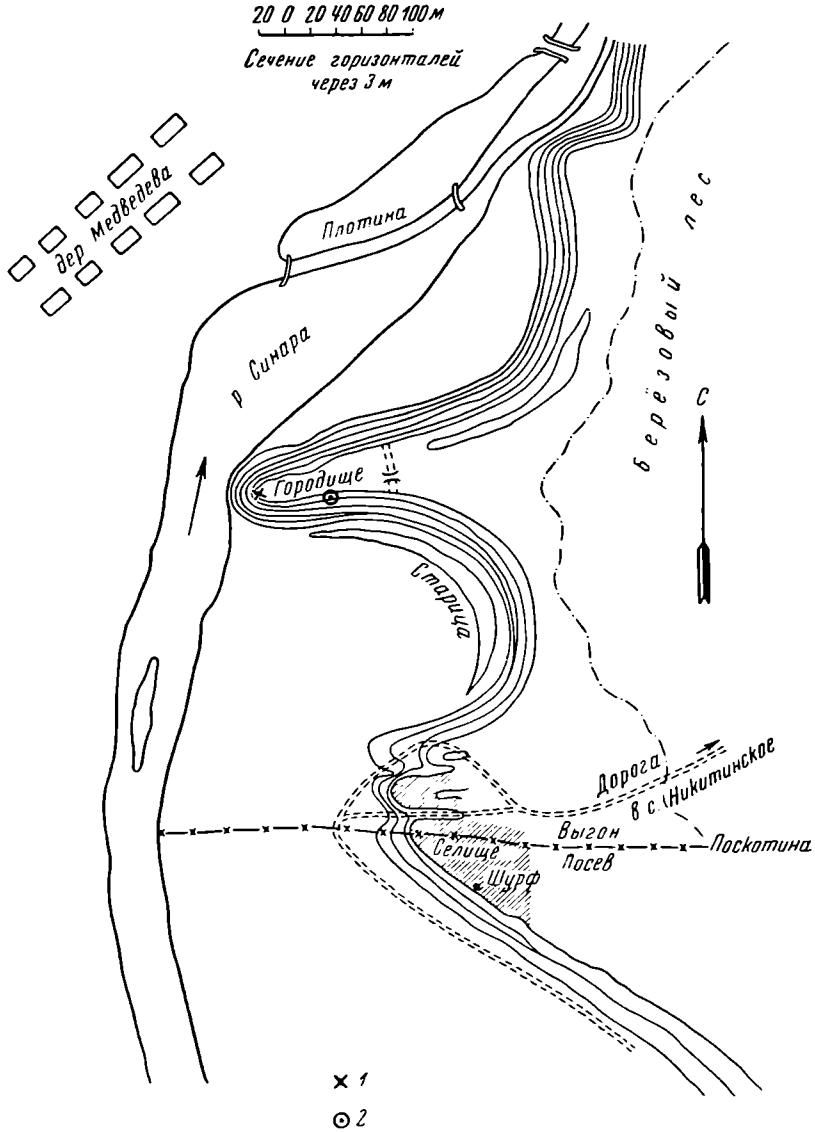


Рис. 14. План Никитинского городища и Никитинской стоянки.

1 — место находки раздавленного сосуда; *2* — место находки черепа человека.

относятся ко времени городища (рис. 16, *14*). Другие,— повидимому, более древние,— имеют незначительную примесь талька и густо покрыты орнаментом (рис. 16, *11*).

В разведочном шурфе в нижних горизонтах чернозема, на глубине около 0,2 м, оказалось несколько черепков с большой примесью песка в глине, почти сплошь орнаментированных четкой крупной гребенкой (рис. 16, *12*), и обломок глиняного сигарообразного грузила.

Характер посуды позволяет сделать вывод, что стоянка была обитаема дважды. К древнему слою времени неолита и ранней бронзы относятся обломки сосудов, представленные на рис. 16, *11*, *12*. Особенно характерен венчик (рис. 16, *11*) от прямостенного сосуда со слегка отогнутым краем, орнаментированный лопастями из ложноверевочных оттисков, направленных под углом друг к другу; вдоль внутреннего края нанесена узкая орна-

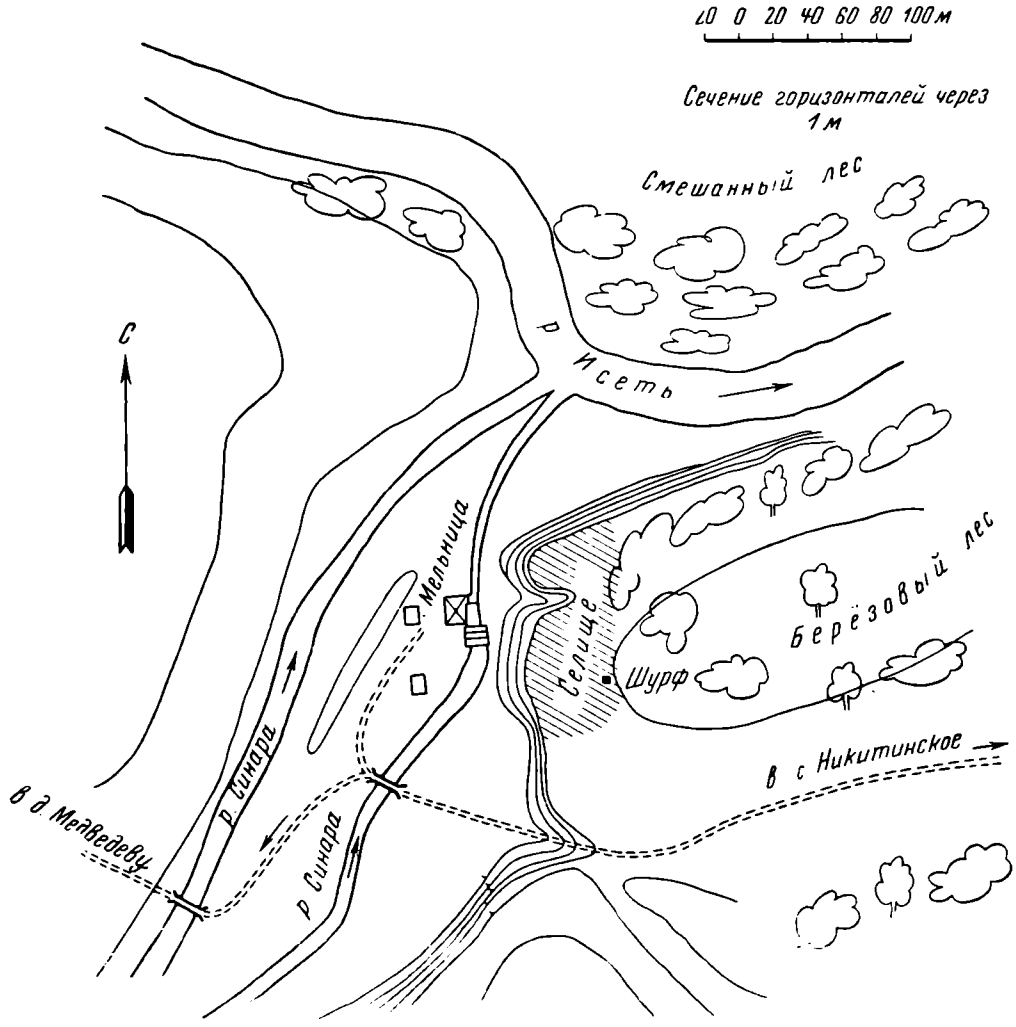


Рис. 15. План Усть-Синарского селища.

ментальная полоса. Этот тип сосудов хорошо известен в ранних памятниках лесного Зауралья, датирующихся III тысячелетием — серединой II тысячелетия до н. э.[1]

К сарматскому времени относится обломок сосуда, представленный на рис. 16, *14*.

XXXI. Усть-Синарское селище. Расположено на невысоком мысу в устье р. Синары при впадении ее в р. Исеть (рис. 15). На площади 120×50 м в выкидах из свежих ям и береговых обрывах попа-

[1] Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. Труды ГИМ, вып. X, 1940, рис. 15; В. М. Раушенбах. Керамика шигирской культуры. КСИИМК, вып. XLIII, 1952, рис. 18,*16*, *22*, 19,*20*.

даются обломки глиняной посуды. На поверхности заметно несколько мелких впадин, по форме и размерам близких к жилищным ямам андроновской эпохи.

В шурфе на глубине 0,2—0,4 м найдены каменная поделка и черепки с примесью в глине талька, слюды, дресвы, шамота. Два обломка орнаментированы резным и очень слепым гребенчатым орнаментом. Каменная поделка представляет собой предмет в виде половинки большого пряслица, толщиной 2,5 см, с поперечным, хорошо сглаженным желобком на прямой плоскости. Датировка памятника затруднительна.

* * *

В результате обследования 1940 г. получен новый научно документированный материал по древним памятникам, причем почти все неукрепленные поселения открыты впервые.

Большинство городищ было известно и ранее по археологической литературе или сообщениям местных археологов, но, за редким исключением, на этих городищах не проводились научные обследования. Иногда сведения о памятнике ограничивались лишь упоминанием о нем. Вещевой материал или совсем отсутствовал, или был разбросан по различным местным музеям и оставался неопубликованным. Часто происхождение этих вещей и условия их залегания оставались неизвестными.

Работами экспедиции Челябинского музея 1940 г. все эти недостатки устранены, если не совсем, то в значительной степени. Теперь выяснена степень сохранности всех городищ, сняты их планы, сделано описание, собраны научно документированные коллекции. К недостаткам нужно отнести малочисленность добытых на некоторых памятниках находок, что объясняется бедностью культурного слоя многих исетских городищ, а это затрудняет решение вопроса об их датировке и культурной принадлежности.

Несмотря на это, материалы обследования 1940 г с привлечением некоторых старых коллекций, позволяют теперь сделать попытку наметить этапы исторического развития древнего населения берегов р. Исети.

Наиболее ранними нужно признать поселения типа дюнных стоянок, располагавшихся по низким надпойменным террасам и на островках среди поймы. Таковы стоянки Ново-Воробьевская (ранний слой), Восточно-Воробьевская, у Банного лога, «Индеево», древний слой Никитинской и Затеченской стоянок и, может быть, «Лопарево».

Кроме топографических условий расположения, свидетельствующих о связи хозяйственных интересов населения этих стоянок с реками, с рыболовством, для описываемой группы памятников характерно отсутствие защитных сооружений. Посуда обычно не имеет в глине примеси талька и слюды, столь типичной для исетских памятников эпохи бронзы и раннего железа. Примесью к гляне в керамических изделиях иногда служит песок. Наконец, характер орнамента и форма сосудов этих поселений типичны для эпохи неолита и ранней бронзы: волнистые линии типа Полуденки (рис. 16, *1*), лопасти из ложноверевочных оттисков, расположенных под углом друг к другу на прямостенных сосудах (рис. 16, *11*), зональные гребенчатые полосы (рис. 16, *12*) и четкая ромбическая сетка по краю прямостенного сосуда с орнаментальной полосой на внутреннем, скошенном крае (рис. 16, 1_0).

По глиняной посуде эту группу памятников следует датировать концом III тысячелетия — 1-й половиной II тысячелетия до н. э.

Следующий этап представлен типично андроновскими селищами эпохи бронзы у с. Замараево и дер. Барминой, где обнаружены характерные для андроновских поселений жилищные впадины, мощные зольники и обломки сосудов с геометрическим орнаментом. Открытие бесспорно андроновских памятников на р. Исети расширяет к северу территорию распространения андроновской культуры, северной границей которой долго считали р. Миасс [1].

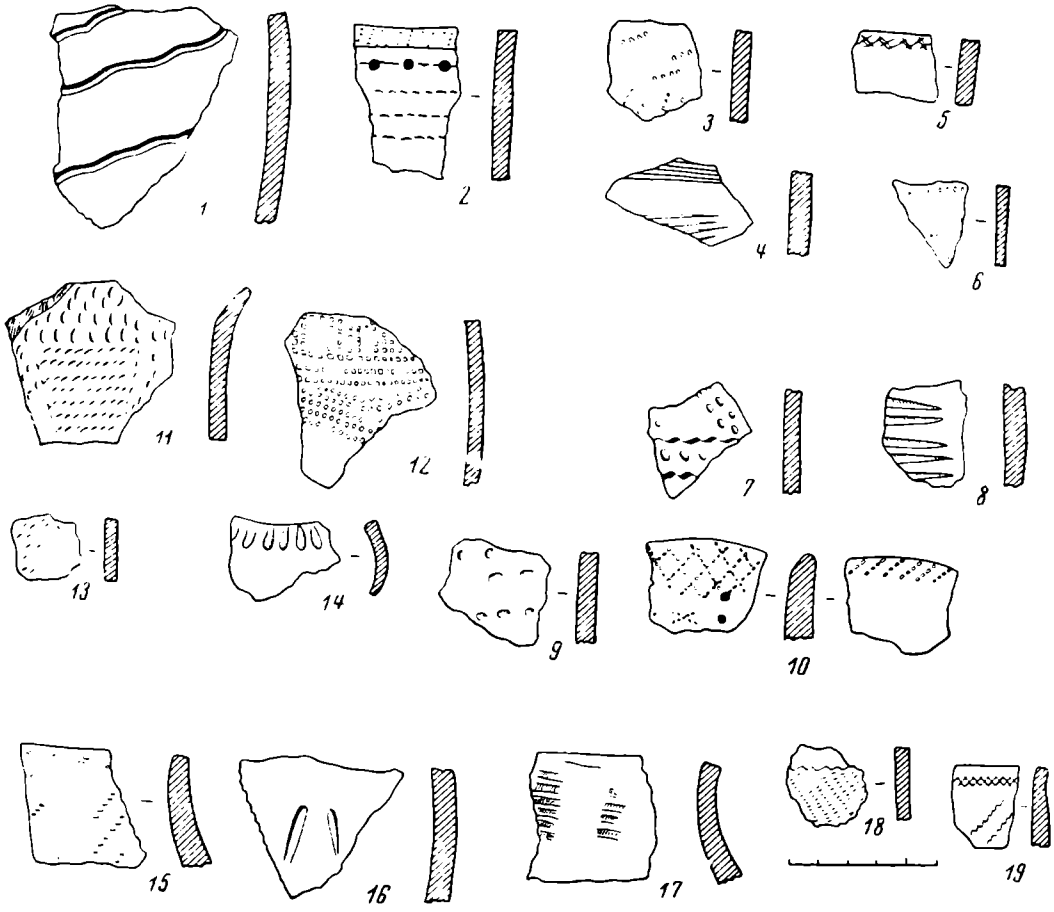


Рис. 16. Обломки сосудов исетских стоянок.

1—5 — Ново-Воробьевская стоянка; *6—7* — стоянка «Индеево»; *8—10* — стоянка «Лопарево»; *11—14* — Никитинская стоянка; *15—19* — Затеченская стоянка.

Третий этап в развитии местного древнего общества отражен городищами и селищами сарматского времени. Для городищ этой эпохи — Воробьевского, Большого и Малого Ильинских, Дегтяревского, Максимовского — характерно использование обрывистых высоких берегов рек (но не мысов), на которых полукольцом ограждалась рвом площадь поселения. Вал создавался только за счет выкида земли изо рва; часто выкид распределялся по обе стороны рва. Вал не рассматривался как защитное сооружение. Эту роль, повидимому, выполняли какие-то деревянные стены или тыны, воздвигавшиеся по внутреннему краю рва, что подтверждается находками В. Я. Толмачевым бревен в валу Большого Ильинского го-

[1] П. А. Дмитриев. Культура населения Среднего Зауралья в эпоху бронзы. МИА, № 21, 1951, стр. 9.

родища. Вместе с тем подобная фортификация не может быть признана примитивной. Наоборот, укрепления таких городищ, как Воробьевское, по своей конструкции явно были рассчитаны на фланговый обстрел, который могли вести по осаждающим защитники городища, используя выступы валов, вдающиеся в ров. Не исключена возможность, что эти выступы служили основанием каких-то сооружений типа башен.

Городища со столь сложными защитными сооружениями известны и в других районах лесостепной полосы Зауралья. Таковы Мало-Казахбаевское[1] и Больше-Казахбаевское[2] городища на р. Караболке, Зубчатое[3] на р. Синаре, Погорельское на р. Исети ниже г. Шадринска[4] и другие.

Наравне с городищами существовали и незащищенные поселения — Мыльниковское селище и Затеченская дюнная стоянка. Несколько восточнее известен еще ряд культурных слоев на дюнах, с находками этого же времени: у с. Ильтяково, у дер. Квашниной, дюны «Татарский бор» в низовьях р. Миасса и др.

Нередко, как, например, на Затеченской стоянке, на дюнных поселениях сарматского времени обнаруживается подстилающий неолитический слой. Если последний относится к поселению рыболовов, то сарматский слой является остатком летних становищ кочевников, зимой обитавших на городищах.

Посуда сарматских городищ и селищ характеризуется большой примесью талька в глине и бомбовидной формой сосудов. Орнамент по преимуществу резной, в виде елочки на горле и плечиках (рис. 17, *2*, *6*), насечек (рис. 16, *14*) и защипов на плечиках (рис. 16, *16*); встречаются также гребенчатая елочка (рис. 17, *1*) или наклонные оттиски. Аналогии этому типу мы находим прежде всего на городище Чудаки[5], что позволяет памятники этой группы датировать 2-й половиной I тысячелетия до н. э.— началом нашей эры.

Несколько особняком стоит относящееся к той же эпохе Никитинское городище. Особенность его защитных сооружений можно объяснить условиями расположения на высоком обрывистом мысу. Хотя в составе находок на нем мы видим также бомбовидные сосуды с большой примесью талька в глине, но орнамент их резко отличается от орнамента на посуде описанных выше городищ.

Сосуды Никитинского городища украшены гребенчатым орнаментом, образующим на горле густые пояски, нанесенные «отступающим» гребенчатым штампом. Той же техникой на плечиках нанесены заштрихованные треугольные лопасти, причем штриховка в каждой лопасти расположена перпендикулярно или под углом к штриховке в соседней (рис. 17, *7*). Мотив этот обычен для памятников сарматского времени в лесном Зауралье. Такова посуда Коряковского городища близ Камышлова (рис. 17, *9*) и мыса Толстик на Исетском озере[6].

Наконец, среди городищ выделяется небольшая группа, которую нужно отнести к четвертому хронологическому этапу. Сюда входят Ба-

---

[1] Открыто в 1949 г. сотрудником Южноуральской археологической экспедиции Уральского гос. университета и Челябинского музея В. П. Бирюковым и раскопано в 1951 г. экспедицией Челябинского музея (начальник экспедиции — К. В. Сальников)

[2] Опубликовано А. А. Спицыным под наименованием «Новое», но его план дан недостаточно точно.

[3] СОГА, ф. 139.

[4] СОГА, ф. 139, папка 19, л. 137.

[5] К. В. Сальников. Городище Чудаки Челябинской области. СА, IX, 1947, стр. 225.

[6] К. В. Сальников. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952, стр. 125, рис. 41, 7.

кальские, Мыльниковские и Полевское городища. Они отличаются от предыдущей группы по конструкции защитных сооружений и по составу глиняной посуды. Для Бакальского и Мыльниковского городищ характерна более значительная мощность валов и рвов по сравнению с остальными. Возросшая опасность нападения подчеркивается, на наш взгляд, и наличием у них второй, внешней линии валов и рвов. Несмотря на то, что назначение миниатюрных городищ при Бакальском и Мыльниковском городищах остается пока невыясненным, нам кажется все же возможным выделить эти комплексы памятников в одну хронологическую группу. При этом следует отметить, что в Зауралье такие малые городища

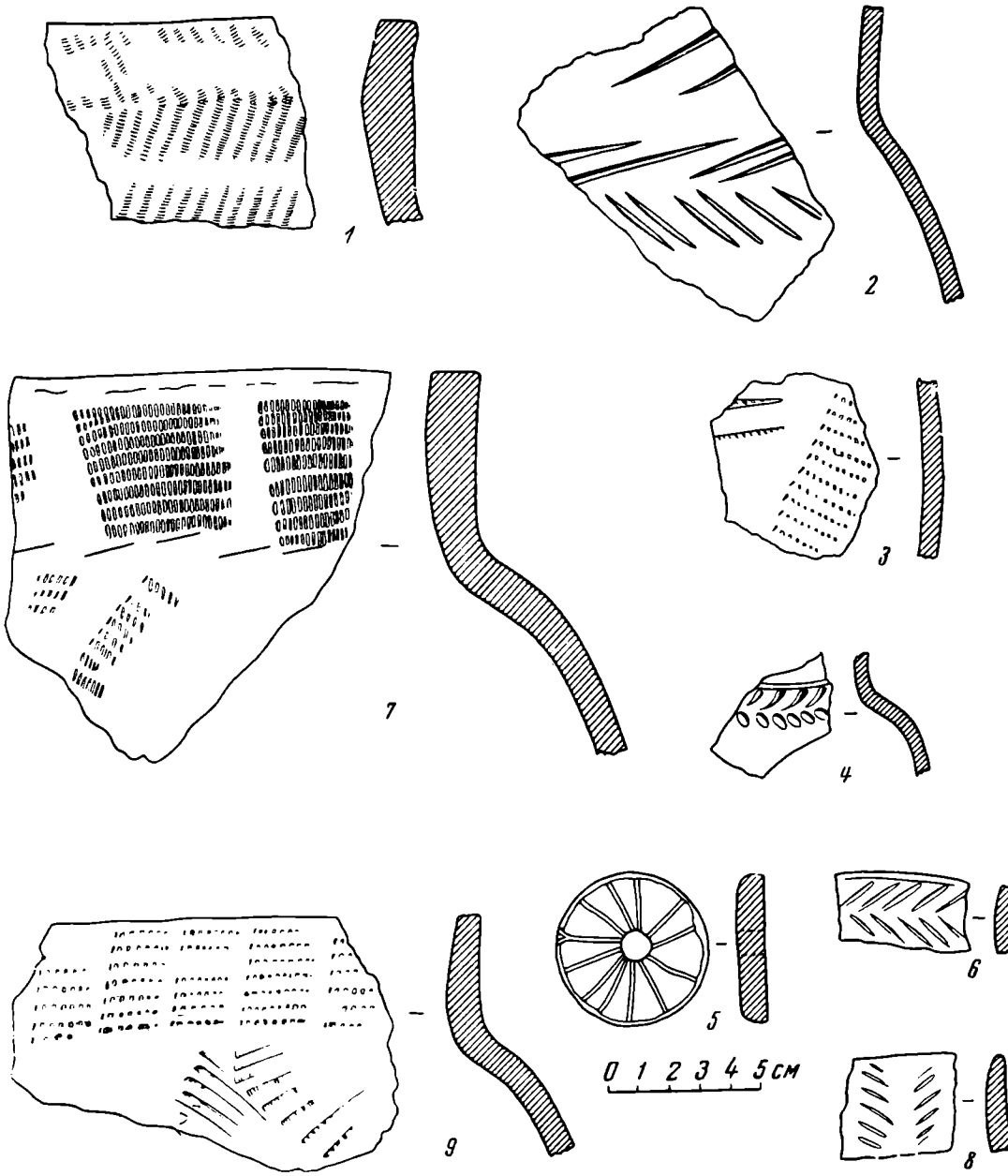


Рис. 17. Обломки сосудов исетских городищ сарматского времени.

1 — Воробьевского городища; *2—6* — Мыльниковского селища; *7* — Никитинского городища; *8* — Дегтяревского городища; *9* — Коряковского городища.

нигде больше не известны. Полевское городище по своей конструкции от них отличается, однако и тут был второй ров, отмеченный А. А. Спицыным, но не сохранившийся до наших дней.

Все 3 городища тесно объединены сходством посуды. Для нее характерно отсутствие примеси талька в глине (почти обязательной в сосудах

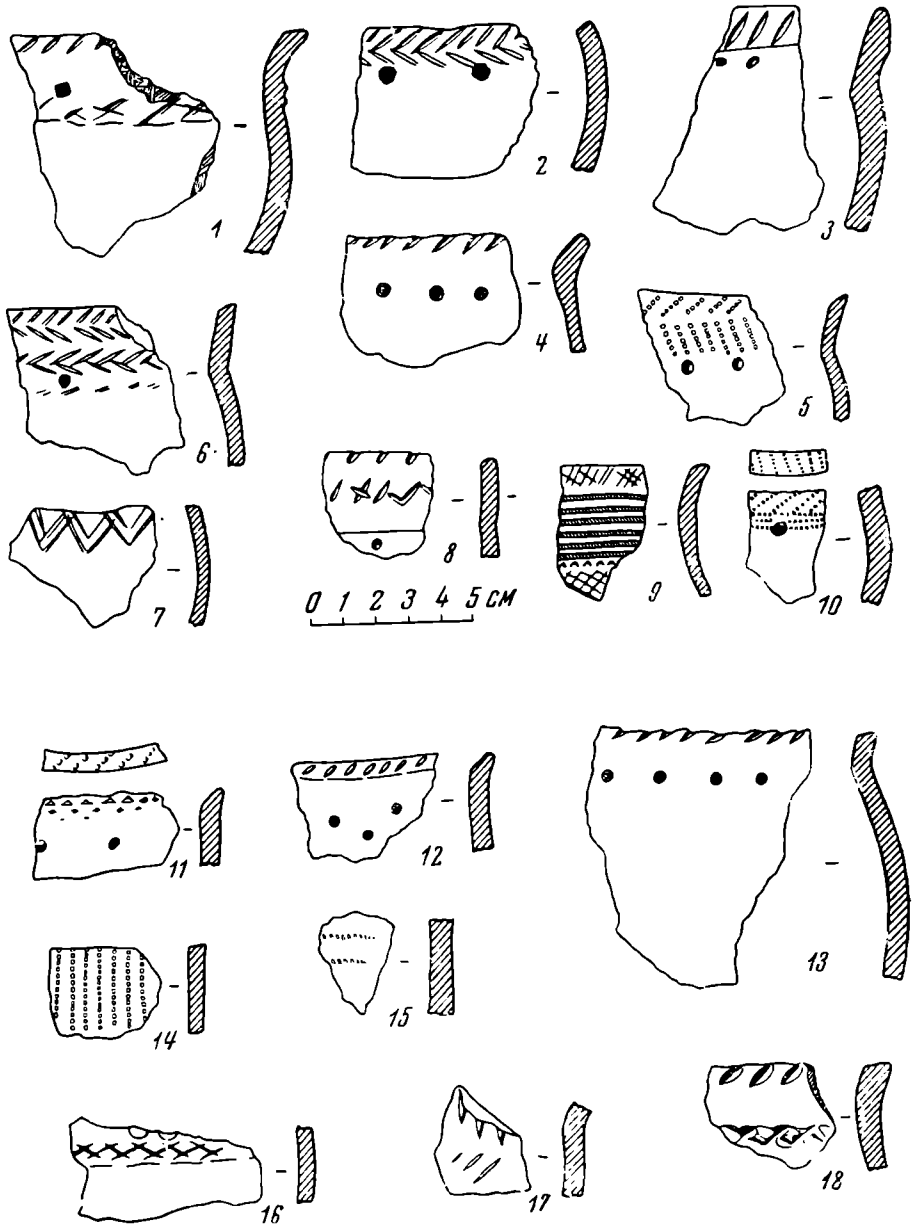


Рис. 18. Обломки сосудов исетских городищ бакальской культуры.
1—13 — Бакальского городища; *14—18* — Полевского городища.

сарматских городищ). По форме намечаются 2 типа сосудов: чашки круглодонные, со скошенным внутрь краем, и сосуды с невысоким горлом, иногда отогнутым наружу, и слабо выступающими плечиками. Ярко выраженная бомбовидность тулова при высоком прямом горле, характерная для сарматских памятников, здесь не наблюдается. В орнаменте часты косые насечки по обрезу горла или по его краю, ниже — резная елочка или

перекрещивающиеся наклонные линии (рис. 18). Иногда те же элементы орнамента нанесены гребенчатым штампом. На большинстве обломков верхних частей сосудов имеются ряды глубоких ямок, выдающиеся на внутренней поверхности в виде бугорков. Изредка встречаются пояски из оттисков веревочки (рис. 18, *9*).

Основная масса глиняной посуды описываемых памятников заставляет вспомнить материалы ломоватовской культуры Прикамья. При малочисленности прочих находок приходится группировать и датировать памятники преимущественно по посуде. Важным датирующим признаком является отсутствие примеси талька в глине. Поскольку для сосудов предыдущих эпох — сарматской и андроновской —в глине обязательно наличие сильной примеси талька, посуду описываемых 3 городищ можно рассматривать как более позднюю, чем сарматская. Однако далеко отрывать эти памятники от сарматского времени нельзя. Бомбовидность формы некоторых сосудов и орнамент (елочка, наклонные оттиски) сближают описываемую посуду с предыдущим временем. Предварительную датировку этих памятников можно наметить в пределах IV—VIII вв. н. э.

При всей малочисленности находок сделанных нами наблюдений все же достаточно, чтобы Бакальское, Мыльниковское и Полевское городища объединить в одну хронологическую группу, выделив для Зауралья новую, бакальскую, культуру, видимо близкую ломоватовской культуре Прикамья.

Еще более поздним, бесспорно, является Воробьевское селище, сосуды которого сделаны на гончарном круге. Давность его не превышает тысячу лет.

Выше, по материалам со среднего течения р. Исети, нами сделана первая попытка хронологического членения памятников лесостепного Зауралья. Насколько можно судить по очень скудным публикациям, а также по личным полевым наблюдениям, эти хронологические эпохи — неолит, андроновская, сарматская, бакальская — характерны для всей лесостепной полосы Зауралья.

Предложенная предварительная схема, по нашему мнению, должна помочь дальнейшим исследованиям в области древней истории Зауралья. Однако требуется еще очень большая исследовательская работа, и, чтобы накопился достаточный материал, необходимый для широких исторических обобщений, прежде всего нужны раскопки памятников неолитической эпохи и бакальской культуры, никогда не раскапывавшихся в этом районе.

М. И. МАКСИМОВА

РИТОН ИЗ КЕЛЕРМЕСА

В литературе, посвященной серебряному зеркалу из Келермеса, неоднократно встречаются краткие упоминания о ритоне того же происхождения[1]. Однако изучению и изданию этот памятник не подвергался[2], что объяснялось его очень плохой сохранностью. Только благодаря большой реставрационной работе, проделанной А. П. Манцевич, химической лабораторией Эрмитажа и в частности Д. И. Смирновой, этот замечательный памятник стал доступен научному исследованию.

Реставраторам удалось установить, что те обломки, которые считались «ритоном из Келермеса», принадлежат двум ритонам, а изучение их после восстановления показывает, что это были изделия различных производственных центров. Один из ритонов (назовем его № 2) имеет форму небольшого, сильно согнутого на узком конце рога. Голова льва с широко открытой пастью украшала сливное отверстие сосуда. Противоположный конец его имеет форму широкого раструба и украшен золотыми пластинами со своеобразным геометрическим орнаментом. Ритон по форме имеет аналогии среди глиняных сосудов того же назначения, происходящих из Каппадокии[3]. Там, вероятно, и надо будет искать его родину Второй ритон (№ 1), которому посвящено настоящее исследование, по своей форме сильно отличается от ритона № 2, а по художественным украшениям так близок к келермесскому зеркалу, что изготовление обоих предметов одним и тем же мастером не подлежит сомнению.

После реставрации выяснились в общих чертах форма разбираемого ритона и содержание ряда вырезанных на нем изображений.

Удалось установить, что ритон имеет форму плавно согнутой трубки, один конец которой сужается, а другой расширяется. Сохранились средняя изогнутая часть ритона и кусок верхней части раструба; часть, примыкающая к сливному отверстию, отсутствует. Поэтому реконструкция формы в целом остается до известной степени гипотетичной (рис. 1).

Ни одна из сцен и фигур декора не сохранилась полностью. Поверхность серебра уцелела только в очень немногих местах. Почти повсеместно она почернела, потускнела и начала разлагаться. Разложение местами зашло так далеко, что рисунок совершенно или частично погиб. Кроме

---

[1] B. W. Pharmakowsky. Die Funde in Südrussland im Jahre 1904. AA, 1905, стр. 57; K. Schefold. Der skythische Tierstil in Südrussland. ESA, XII, 1938, стр. 10 и др.

[2] Издана в рисунке только деталь декора — группа Кибелы с грифонами. См. G. Radet. Cybélé. Paris, 1909, рис. 25, стр. 18 и сл.

[3] H. de Genouillac Céramique cappadocienne, II, Paris, 1926, № 171, табл. 15; № 173, табл. 14; М. Максимова. Античные фигурные вазы. М., 1916, табл. 1, 2.

того, отдельные фрагменты ритона покоробились, и одна из его сторон сплющена и утратила округлость.

Процесс изготовления ритона представляется нам примерно в следующем виде. Серебряная пластина накладывалась на округлый, твердый предмет (по всей вероятности, естественный рог животного), и ей придавалась форма основы. Затем концы пластины спаивались. После этого на серебро, на ту часть ритона, которая была покрыта изображениями, накладывался золотой лист. Декорировка производилась по золоту при помощи пунсонов. От золотого листа, покрывавшего ритон, сохранились

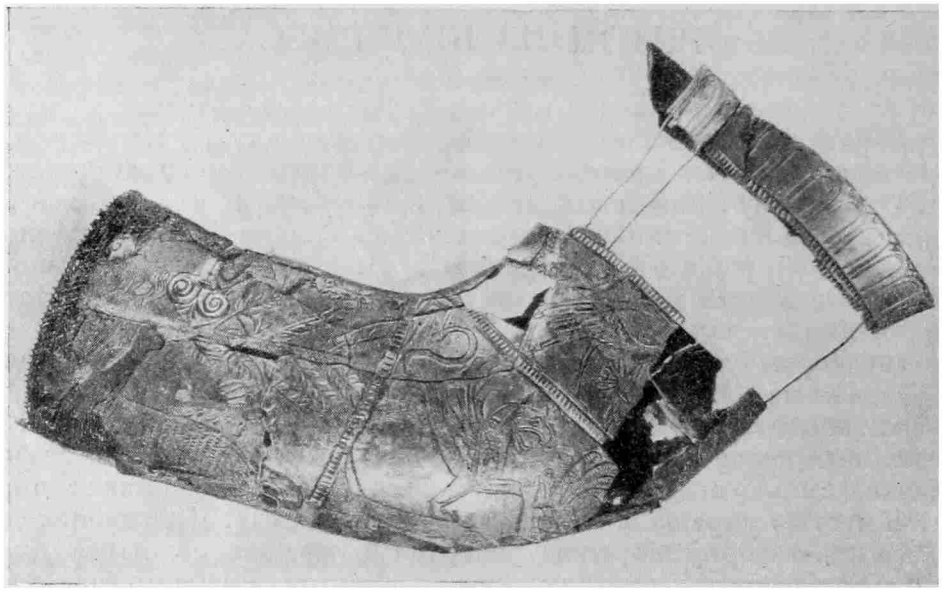
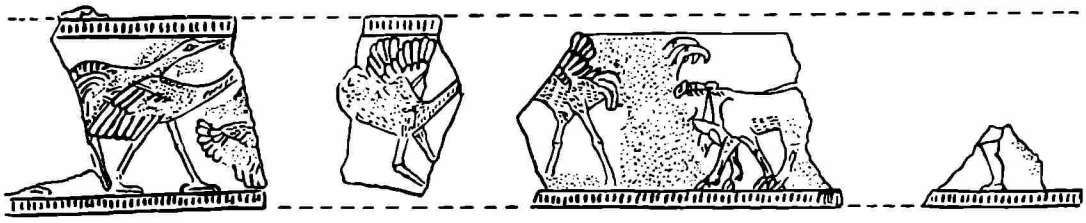


Рис. 1. Ритон из Келермеса (реконструкция).

мелкие обломки с остатками рисунка. Золотом покрыты капители колонок. Линии рисунка не столь четки и менее глубоки, чем на зеркале; отсутствуют и свойственные декору зеркала выпуклости. Эти особенности рисунка находят полное объяснение, если предположить, что удары пунсонов производились не непосредственно по серебру, а по золотой обкладке. Совершенно такой же характер имеет и рисунок на серебряной основе келермесского зеркала.

Как уже было отмечено, в настоящем виде остатки ритона представляют собой лишь среднюю часть этого сосуда. Реставрация ритона в одном отношении выполнена не вполне правильно: ствол сосуда представляется сейчас почти равномерным по своему диаметру на всем его протяжении. Между тем верхняя его часть должна быть значительно шире, что можно установить по фризу с цаплями (рис. 2, *1*, *2*). В настоящее время уцелевший хвост 3-й цапли слева и 4-я цапля почти соприкасаются, тогда как здесь должна быть большая лакуна, которую раньше занимала фигура 3-й птицы.

Фриз с цаплями не завершал собой раструба ритона. Над полоской с палочным орнаментом, находящимся выше этого фриза, уцелели небольшие кусочки продолжения раструба, и на них заметны черточки рисунка, позволяющие утверждать, что здесь находился не венчающий орнамент в виде лепестков, а, скорее всего, еще какой-то орнаментированный промежуточный поясок, может быть, второй фигурный фриз. Венчаю-



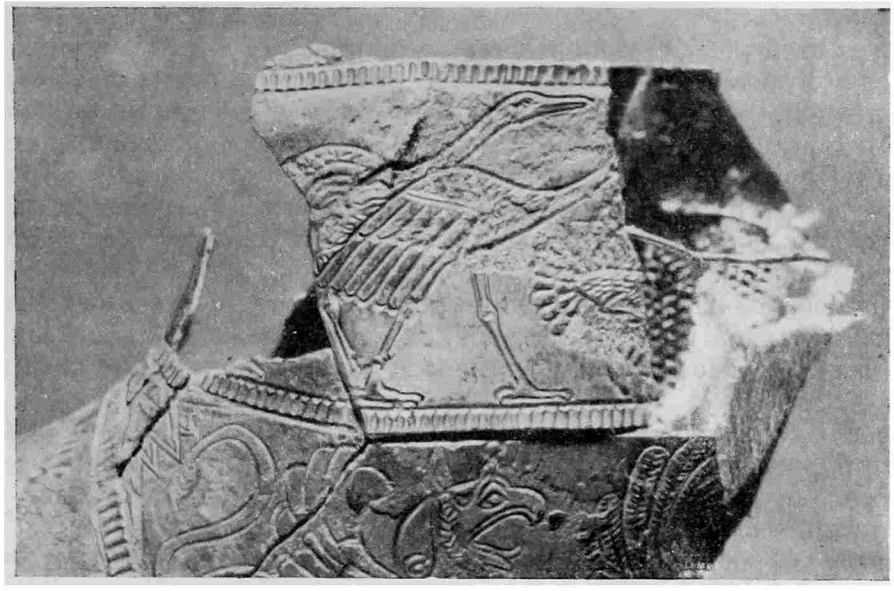


Рис. 2.

Верхнее изображение на фризе с цаплями келермесского ритона; нижнее — фриз с цаплями келермесского ритона (деталь).

щий орнамент должен был находиться над этим вторым поясом, примерно так, как это дано в реставрации. Следует обратить внимание на то, что фрагменты венчающей части раструба образуют дугу круга со значительно бо́льшим диаметром, чем диаметр фриза с цаплями. Это лишний раз показывает, что фриз в настоящее время несколько сужен и расширение раструба ритона должно быть более значительным.

Восстановление формы нижнего конца ритона более проблематично. Можно утверждать, что фигурные изображения продолжались дальше по стволу ритона: перед ногой кентавра (см. рис. 5) виден хвост какого-то идущего влево животного, судя по кисточке на хвосте, — пантеры или льва. Надо полагать, что, соответственно с фигурой этого последнего животного, фигура медведя, находящаяся над головой кентавра, не была крайней в этом ряду украшений. Вероятно, тут сгруппировано было несколько фигур и, может быть, слева они замыкались второй колонкой, поскольку среди фрагментов имеется вторая эолийская капитель, совершенно сходная с капителью колонки, находящейся сейчас на своем месте на ритоне, если только последняя не имела второй капители на нижнем конце[1]. Во всяком случае, фигурные изображения должны были быть продолжены по сужающемуся стволу ритона еще по крайней мере на

[1] Существующая реставрация дает колонку с капителью на верхнем и нижнем концах.

3—4 см. После этого, по аналогии с другими ритонами сходной формы, следует предположить еще гладкую часть ствола и затем — оформление сливного отверстия в виде головы зверя. Такое завершение, правда, не обязательно для скифских ритонов, но в данном случае наличие его весьма вероятно, так как среди отдельных фрагментов имеются мелкие серебряные и один золотой фрагмент от скульптурного украшения, скорее всего — от звериной головы; принадлежность ее к данному ритону подтверждается тем, что шерсть зверя передана здесь при помощи таких же штрихов, какими пользовался мастер, декорировавший серебряное зеркало и ритон.

Хотя в этой реконструкции имеется налицо некоторая доля гипотетичности, но в основных чертах форма ритона все же может считаться установленной. Это совершенно иная форма, чем у описанного выше ритона № 2 из Келермеса. И если аналогии для формы этого последнего находятся в Малой и Передней Азии, то форма ритона № 1 повторяется многочисленными сосудами и их изображениями, происходящими с территории Скифии. Как мы сейчас постараемся показать, эта форма ритона имеет даже право называться скифской.

Чтобы обосновать это положение, необходимо сказать несколько слов о развитии сосудов в форме ритонов. Мы не будем здесь касаться всего вопроса в целом, нас интересует сейчас только ритон в форме рога животного.

Вопрос о происхождении рогов-ритонов решался в науке различно. Так, ряд буржуазных ученых высказывается за Малую Азию как их вероятную родину[1]. Но с ними не согласен М. Ростовцев[2], склонный искать родину ритонов в какой-нибудь области Иранского плоскогорья. Талльгрен[3] приводит разные точки зрения отдельных ученых, не подвергая их критике и не высказывая своего взгляда.

Нам кажется необходимым полностью отрешиться от идеи о происхождении рогов-ритонов из одного какого-либо центра и остановиться на предположении о независимом друг от друга возникновении этого вида сосудов у различных племен на определенной ступени хозяйственного и общественного развития, предполагающей освоение охоты и скотоводства, а также орудий труда, необходимых для обработки кости. Правильность этой гипотезы подтверждается самими памятниками. Решающее значение имеет форма ритона. Если мы предположим, что первоначально для изготовления ритонов использовались рога животных, соответственным образом обработанные, а также, что сосуды из металла или глины появились в быту как подражания роговым ритонам, то тогда можно ожидать, что формы ритонов, как роговых, так и сделанных из других материалов будут похожи на рога животных, распространенных в районах обитания тех или иных племен и народностей. В таком случае следует ожидать постоянства формы ритонов одного происхождения и в то же время большого разнообразия в форме ритонов, употреблявшихся в различных районах.

Нетрудно убедиться в том, что так оно и есть на самом деле. Даже беглое знакомство с ритонами различного происхождения показывает отсутствие между ними тождества форм (рис. 3, *1—4*).

---

[1] Woolley Annals of archeology and anthropology of the University of Liverpool, VII и X; F. Bissing — JDI, 1928, AA, стр. 108. (Работа Woolley известна нам только по ссылкам).

[2] M. Rostovtzeff. The animal style in South Russia and China. London, 1929, стр. 7 и 14.

[3] A. M. Tallgren. Caucasian monuments. ESA, V, 1930, стр. 109 и сл., 154 и сл.

Рис. Ритоны различного происхождения

1 — критский; *2* — кипрский; *3* — каппадокийский; *4* — ахеменидский.

Это обстоятельство само по себе чрезвычайно показательно. Если бы сохранилось достаточное число роговых ритонов, то было бы нетрудно установить, из рогов каких животных они изготовлены, и таким образом проверить нашу гипотезу. К сожалению, роговых ритонов из-за непрочности материала сохранилось чрезвычайно мало[1]. Но для Скифии необходимые для такой проверки памятники имеются.

Если оставить в стороне ритоны явно привозные[2] и сделанный из рога оленя ритон из Большого Талаевского кургана, который имеет совсем своеобразную форму, то оказывается, что находимые в Скифии металлические рога-ритоны и их изображения на памятниках искусства можно свести к двум типам. Первый, менее распространенный, характеризуется выгибом ствола примерно под прямым углом, широким раструбом и сильным сужением на конце сливного отверстия. В качестве образцов этого типа можно назвать ритон из Чмыревой могилы и ритон из Куль-Обы[3].

Гораздо чаще встречаются ритоны второго типа, для которых характерна плавная изогнутость ствола, с постепенным и сравнительно незначительным сужением в направлении к сливному отверстию. Такая форма присуща сделанным из серебра и золота ритонам из Семибратних курганов[4], серебряному ритону из Требениште в Болгарии, фрагментированному ритону из Танаиса[5]. Сходную форму имеют ритоны из Карагодеуашха[6]. Примерно такая же форма, с незначительными вариантами, наблюдается у ритонов в руках каменных изваяний, изображающих скифских воинов[7], а также у скифов на золотых пластинках из Куль-Обы[8] и на золотой пластинке от головного убора из Карагодеуашха, на ритоне из Мерджан и на некоторых других памятниках[9]. К этому типу рогов-ритонов принадлежит и изучаемый ритон из Келермеса.

Если правильна наша гипотеза о процессе изготовления рогов-ритонов на основе естественного рогового стержня животного, то в таком случае необходимо предположить, что широкое распространение этой формы в Скифии связано с бытованием там животных, обладавших подобными рогами.

В 1872—1873 гг. в Чернигове, в так называемой Черной Могиле (курган с погребением X в. н. э.) Д. Я. Самоквасовым были найдены 2 питьевых рога, представляющие собой натуральные рога тура, окованные серебром[10] (рис. 4). Их форма в точности совпадает с формой ритонов из Карагодеуашха, и это объясняет нам, откуда пошла разбираемая форма скифских ритонов.

Тур водился в восточной Европе вплоть до XVII в.[11] Обитал он не только в лесу, но и в лесостепи. О том, что он жил там при скифах, свидетельст-

[1] Находка М. Е. Массоном 30 роговых ритонов в Нисе представляет собой совершенно исключительное явление. Все эти ритоны вырезаны из бивней слона, что подтверждает наше предположение.

[2] Например, ритоны иранского типа: ОАК за 1877 г., табл. 1, *5* (Семибратние курганы); ДБК, табл. XXXVI, *4* (Куль-Оба).

[3] ДБК, табл. XXXVI, *5*.

[4] ОАК за 1876 г., табл. IV, *8*; ОАК за 1877 г., табл. I, *6* и *7*.

[5] ПАК, вып. 35, 1910, табл. V, рис. 24, стр. 112.

[6] МАР, № 13, 1894, стр. 44, рис. 11, ЗООИД, XXX, 1912, стр. 167.

[7] Например, ПРАИМК, т. IV, 1925, табл. 2.

[8] ДБК, табл. XX, *11* и XXXII, *10*.

[9] МАР, № 13, 1894, табл. III, *1*; ПАК, вып. 49, 1913, табл. I, II, V, X, XI.

[10] Д. Я. Самоквасов. Могилы Русской земли. 1908, стр. 197 и сл.; см. также Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11, 1949, стр. 46, рис. 18.

[11] В. И. Громова. Первобытный бык или тур—Bos primigenius Boj в СССР Ежегодник Зоологического музея Академии наук СССР, XXXII, 1931. См. там же карту находок костных остатков тура на территории СССР. В. И. Громова говорит (указ. соч., стр. 332 и сл.), что «наиболеее изменчивой частью черепа тура являются

вует Плиний[1], а также находка в древней Ольвии нескольких рогов тура[2]. Неудивительно, что скифы выделывали свои ритоны (сосуды, употреблявшиеся также и в ритуальных действиях) из рогов этого отличавшегося огромной силой дикого животного, так как получить в виде охотничьего

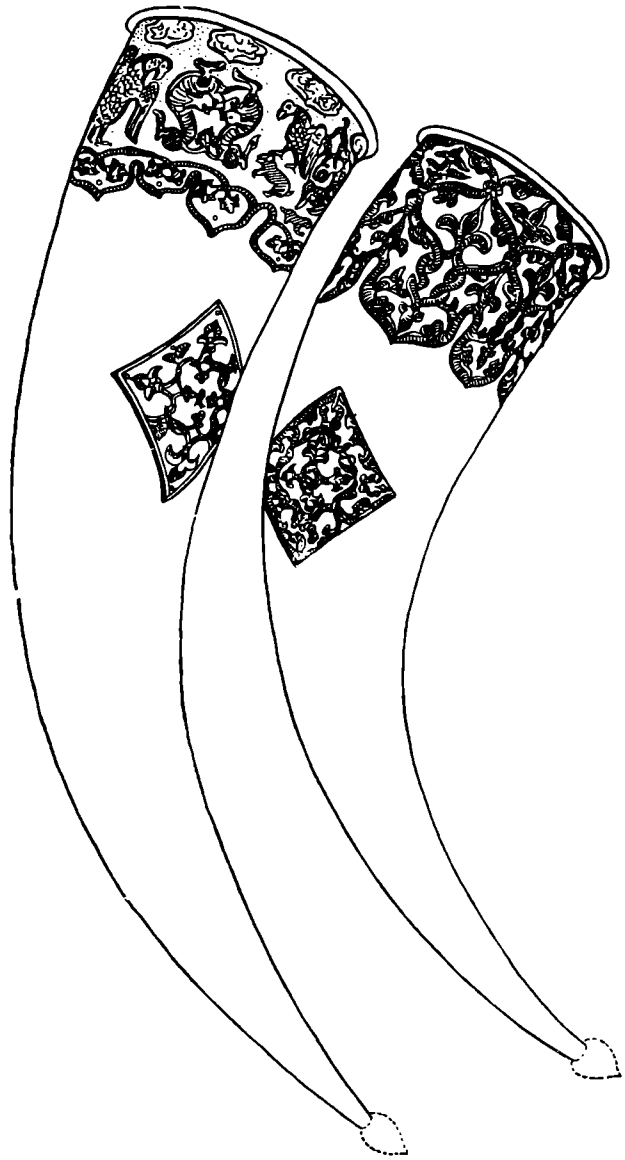


Рис. Два питьевых рога из Черной Могилы

трофея рога тура было особенно почетно. Эта форма удерживалась и тогда, когда ритоны делались из металла. Поэтому мы имеем право называть раз-

---

его рога. Варьирует длина рогов, массивность, степень загиба стержня и ряд других признаков, причем многие из этих вариантов являются возрастными признаками». Это обстоятельство прекрасно объясняет некоторые колебания формы и размеров металлических скифских ритонов и изображений ритонов в местном искусстве.

[1] Plin., NH, VIII, 38=SC, II, стр. 187.

[2] На участке Е найдена была культовая яма с материалом V в. до н. э., перекрытая 10 турьими рогами. См. Е. И. Левин. К вопросу об Ольвийской агоре. СА, XXI, 1954, стр. 333 и рис. 13.

бираемую форму рогов-ритонов скифской, так как она тесно связана с условиями, в которых жили племена, обитавшие в степях нашего Юга[1].

Для нашего исследования этот вывод имеет немаловажное значение потому, что таким образом устанавливается некая аналогия между зеркалом и ритоном из Келермеса в смысле соотношения формы предмета и его декора. Если зеркало имеет типично скифскую форму, то и ритон ничем в этом отношении от зеркала не отличается[2]. Как и зеркало, он, несомненно, предназначался для употребления в среде скифской родовой знати, и его основа, вероятно, также была сделана скифским мастером. Но декорирован он был греческим мастером и должен поэтому, так же как зеркало, рассматриваться как продукт совместной работы двух мастеров — скифа и грека.

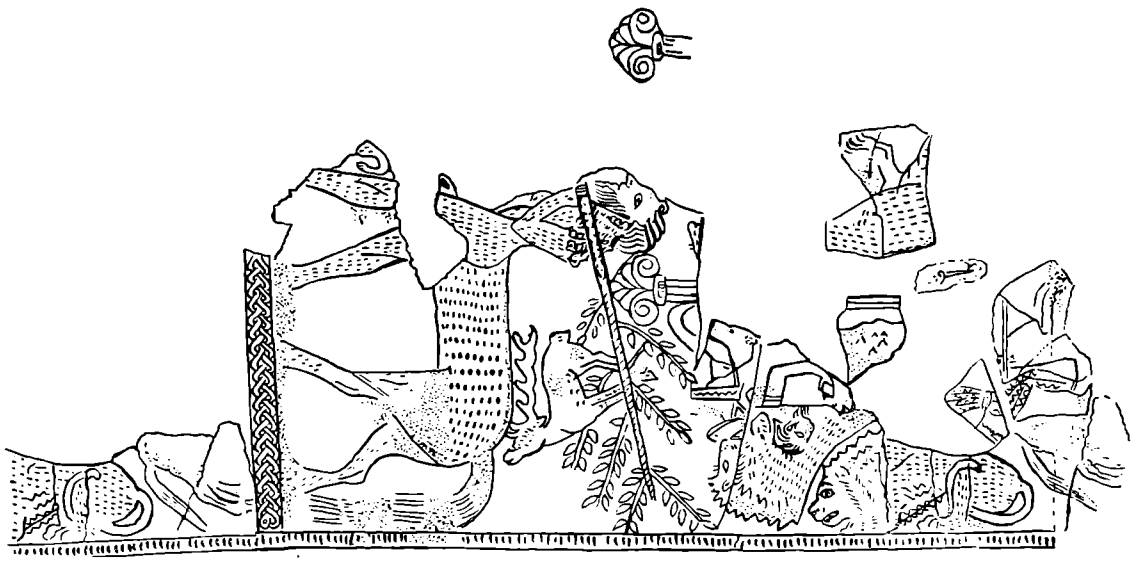


Рис. 5. Изображения на средней части келермесского ритона.

На восстановленной части ритона видно, что его поверхность была разделена на несколько полей при помощи штриховых полосок. Часть ритона, над сгибом, была сформлена двумя фризами и венчающим ободком с рядом лепестков (рис. 1). На сохранившемся нижнем фризе было помещено изображение 5 цапель, 2 козлов и фигуры человека, от которой сохранилась одна нога (рис. 2). От верхнего фриза ничего не осталось, кроме маленького кусочка над первой слева цаплей. Полоска с палочным орнаментом пересекает ствол ритона и на месте сгиба последнего почти соприкасается в одном месте с полоской, ограничивающей снизу фриз с цаплями. Эти полоски выделяют на выгибе ритона треугольное поле — подобие фронтона с очень крутыми боками. В этом фронтоне помещается группа бегущей влево Кибелы с двумя грифонами, которых она держит за лапы (см. ниже, рис. 11). На том месте, где почти сходятся две штриховые полоски, находится растительный орнамент (рис. 9 и 11). Прямая часть ствола ритона покрыта изображениями, размещенными, как это показано на рис. 5. По стволу проходит полоска в виде плетенки. На ней стоит фигура идущего влево кентавра, занимающая половину поверхности ствола; вторая половина последнего была заполнена, вероятно,

[1] Как показывают турьи рога из Черной Могилы, эта форма ритонов пережила скифов.

[2] М. И. Максимова. Серебряное зеркало из Келермеса. СА, XXI, 1954.

двумя узкими прямоугольными полями, с разнообразными фигурами, которые будут нами подробно описаны ниже. Здесь заметим только, что над головой кентавра виден сохранившийся нос зверя, по своей форме более всего похожий на нос медведя из 6-го поля келермесского зеркала. Среди фрагментов, не нашедших своего места при реставрации ритона, имеется небольшое количество серебряных пластин, явно происходящих от фигур животных, покрытых шерстью, которая передана мелкими нарезками в манере, присущей мастеру, украшавшему ритон и зеркало. Часть этих фрагментов, а также кусок ступни медвежьей лапы, вероятно, принадлежат фигуре медведя[1].

По всей вероятности, вторым прямоугольным полем, в котором помещался медведь, завершалась украшенная изображениями часть ствола ритона. Дальше ствол ритона был, вероятно, гладким; постепенно сужаясь, он заканчивался сливным отверстием, оформленным в виде головы зверя.

Некоторые из орнаментов и фигур, украшающих ритон, в точности повторяют такие же изображения на келермесском зеркале. Поэтому во многих случаях отпадает необходимость их подробного изучения[2]. В то же время другие элементы декора ритона, не встречающиеся на зеркале, дают дополнительные данные для характеристики искусства мастера-декоратора обоих памятников.

На ритоне, так же как и на зеркале, поля с изображениями отделяются друг от друга узкими полосками с поперечной штриховкой. Аналогии для них мы привели в исследовании о келермесском зеркале[3].

Ободок, венчающий ствол ритона, украшен орнаментальным фризом, состоящим из ряда вертикальных лепестков с закругленным верхним краем. Как известно, это один из наиболее распространенных греческих орнаментов и он применялся и для украшения верхнего края раструба ритонов[4]. Однако лепестки на рассматриваемом ритоне имеют две особенности — двойной контур и язычки в виде стрелок, выступающие на местах соприкосновения лепестков друг с другом[5], это роднит их с искусством восточной Греции и, в частности, с лепестками центральной розетки келермесского зеркала.

Сдвоенные цветы лотоса (рис. 9 и 11) — орнамент, не встречающийся на келермесском зеркале,— помещены на самом сгибе ритона. Точного повторения подобной комбинации лотосов на греческих вазах того же времени не встречается, хотя сходные орнаменты — весьма частое явление в архаической вазописи как восточной, так и материковой Греции[6]. При этом можно отметить, что в орнаментике коринфских ваз встречаются образования из растительных мотивов, композиционно напоминающие двойной лотос ритона[7], но самая стилизация цветка в коринфской вазописи совершенно иная, чем на ритоне. Лотосы милето-родосских ваз, наоборот, по стилизации тождественны с лотосами на ритоне. Сравним с рассматриваемым орнаментом, например, гирлянду из цветков и бутонов лотоса на

---

[1] Произведенная в настоящее время реставрация этого зверя как льва неубедительна.

[2] М. И. Максимова. Серебряное зеркало из Келермеса.

[3] Там же, стр. 286. К привлеченным там материалам прибавим еще керамику стиля Фикеллура VI в. до н. э., например Clara Rhodos, IV, рис. 36, стр. 62; VI—VII, рис. 212, стр. 179 и др.

[4] См., например, ОАК за 1877 г., табл. I, 7

[5] Подробнее об этом см. М. И. Максимова. Серебряное зеркало из Келермеса, стр. 287.

[6] См. H. Payne. Necrocorinthia. Oxford, 1931, стр. 144 и сл.; K. F. Kinch. Fouilles de Vroulia. Berlin, 1914, стр. 206.

[7] H. Payne. Указ. соч., стр. 146, рис. 52 и 53.

милето-родосской ойнохое из Родоса[1] (рис. 6). Здесь видно почти полное их тождество как в общей стилизации, так и в подборе отдельных элементов орнамента.

При анализе плетенки на зеркале нам уже приходилось говорить об отличительном признаке восточногреческих плетенок, заключающемся в косом расположении по отношению друг к другу шариков, огибаемых жгутами[2]. На ритоне плетенка менее сложна, чем на зеркале, где она четырехрядная. Здесь три жгутика и их завитки чередуются, образуя весьма искусное плетение с косыми парами точек на манер восточногреческих плетенок (рис. 5).

Рис. 6. Часть орнамента милето-родосской ойнохои из Родоса.

Капители разделительных колонок келермесского ритона (рис. 1 и 5) в более развитом и полном виде дают тот же тип, что и колонка в 3-м поле келермесского зеркала, а именно тип, переходный от эолийской к ионийской капители[3]. Но некоторые черты в капителях ритона отличают их от капители на зеркале. Капители ритона украшены пальметками, и у них под волютами имеется валик, который следует, видимо, понимать как рудимент свисающих листьев эолийской капители. Стволы волют идут здесь поэтому не снизу, а сбоку, т. е. совершенно так же, как на анфемиях самосских стел, которые были привлечены нами для сравнения при исследовании келермесского зеркала[4]. Это дает некоторое основание считать, что ритон немного моложе зеркала и относится примерно к 70-м годам VI в.

При разборе изображений ритона остановимся прежде всего на фигурах, помещенных в прямоугольном поле между разделительной колонкой и штриховой полоской, обрамляющей снизу группу Кибелы с грифонами.

---

[1] Clara Rhodos, VI—VII, стр. 59. Ср. K. F. Kinch. Указ. соч., стр. 195, рис. 76, *a*.

[2] М. И. Максимова. Серебряное зеркало из Келермеса, стр. 286.

[3] Там же, стр. 289—291.

[4] E. Buschor. Altsamische Grabstelen. AM, LVIII, 1933, стр. 22.

Здесь находилось 3 изображения: скачущий всадник, лев и борьба Геракла со львом.

Изображение скачущего всадника (рис. 7) А. П. Манцевич удалось восстановить из мелких обломков. Всадник в узорчатых анаксиридах и такой же прилегающей к телу куртке с валикообразным кушаком; сбоку у него висит горит. Конь покрыт попоной[1].

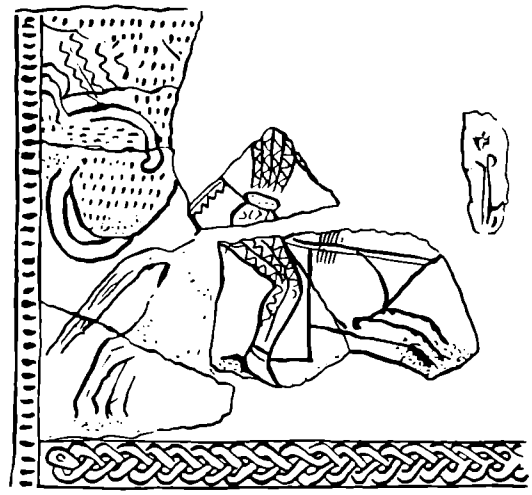


Рис. 7. Изображение скачущего всадника на келермесском ритоне.

Одежда этого всадника соответствует условному костюму, в который греческие художники наряжали представителей народов Востока, в том числе и легендарных амазонок, но она имеет мало общего с настоящей одеждой скифов, известной нам по памятникам Северного Причерноморья. Так как ритон был изготовлен для скифа мастером, близко общавшимся с представителями этого племени, то было бы странно, если бы он изобразил здесь скифа в условном, а не реальном костюме. Поэтому скорее следует считать этого всадника амазонкой и видеть в нем наиболее древний в Северном Причерноморье пример изображения столь популярного тут впоследствии образа женщины-воина, связанного с местными легендами.

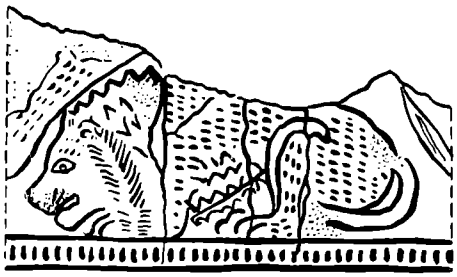


Рис. 8. Изображение льва на келермесском ритоне.

На другой стороне прямоугольника, над штриховой полоской, помещается фигура припавшего на передние лапы льва (рис. 8). Только концы лап опираются на землю, туловище же с ней не соприкасается и находится навесу. Голова с раскрытой пастью и устремленным вперед взором протянута вперед, а хвост продет между ногами, и конец его находится на спине льва. Это поза притаившегося зверя, высматривающего добычу и готового внезапно на нее наброситься.

Лев сохранился довольно хорошо, и поэтому здесь возможны наблюдения над художественным стилем. Разбираемая фигура по своему типу представляет собой точное повторение львов во 2-м поле келермесского зеркала, о которых подробно говорилось при их разборе[2], причем нами тогда был приведен целый ряд аналогий, сближающих данный тип с восточногреческими типами львов. К высказанным там соображениям остается только добавить одну деталь. Согласно наблюдениям Э. Леви, изучившего типы львов в архаической греческой скульптуре, мотив хвоста,

[1] Реконструкция этой фигуры в том виде, в каком она дана на ритоне и на нашем рисунке, нуждается в исправлениях, всадник сидит слишком близко к крупу коня, и весь конь непропорционален.

[2] М. И. Максимова. Серебряное зеркало из Келермеса, стр. 291.

продетого между ног и закинутого на спину, свойственен только ионийскому искусству[1].

Что же касается позы готового к прыжку зверя, то следует отметить ее большую редкость в архаическом греческом искусстве. В работе Э. Леви не приведено ни одного примера этого типа в скульптуре[2]. Не известны мне подобные изображения и в вазовой живописи. Единственные аналогии, на которые мы можем указать, относятся к категории фигурных ваз. Две такие вазочки, передающие только переднюю часть фигуры, принадлежат к изделиям протокоринфских мастерских[3]. Третья ваза того же типа, хранящаяся в музее Спарты, насколько нам известно, не издана, а лишь описана в нашей работе о фигурных вазах[4]. Эта вазочка передает всю фигуру льва в позе припавшего к земле и готового к прыжку зверя. Это не протокоринфское, а восточногреческое изделие. Хвост у льва просунут между лапами и закинут на спину, как у статуарных львов ионийского происхождения. Таким образом, выясняется, что данный тип готового к прыжку льва не чужд был и восточногреческому архаическому искусству

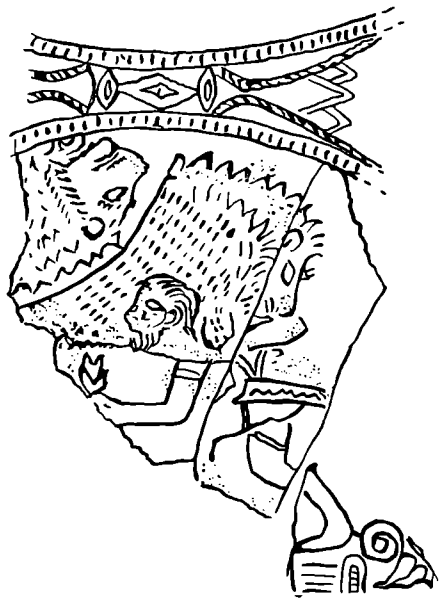


Рис. 9. Изображение борьбы Геракла с немейским львом на келермесском ритоне.

Третье изображение, помещавшееся на ритоне в прямоугольнике, очень сильно пострадало (рис. 9). Лишь с большим трудом можно различить очертания двух борющихся фигур — льва и человека. Можно различить контур обращенной вправо огромной головы льва с переданной в виде зубцов гривой, такой же, как у льва во втором поле зеркала. Сохранились остатки глаза и очертания носа. Различимы и слабые очертания спины зверя и ряд черточек, при помощи которых мастер передает шерсть животного. Под носом зверя видны еще следы какого-то прямого, протянутого в горизонтальном направлении предмета, может быть, передней лапы зверя или руки человека. Слева от этой лапы на фоне туловища зверя можно разобрать очертания бородатой головы, повернутой влево, а ниже ее — следы человеческого туловища, ног и левой руки. Здесь, повидимому, была изображена группа борющегося со львом человека, по всей вероятности, группа Геракла с немейским львом[5].

На стволе ритона рядом с только что описанными фигурами помещается изображение кентавра (рис. 5); оно занимает на ритоне столько же места, сколько все остальные изображения, вместе взятые, что, надо ду-

---

[1] Oesterreichische Jahreshefte, XIV, 1911, стр. 2.

Лев, найденный на Корфу (G. Richter. Animals in Greek sculpture. 1930, табл. II, рис. 6), не вполне соответствует этому типу, хотя и близок к нему.

[3] М. Максимова. Античные фигурные вазы, табл. 44, 166; H. Payne, Указ. соч., стр. 171, рис 71, 72; BSA, XV, 1908/1909, рис. 9.

[4] М. Максимова. Античные фигурные вазы, стр. 58.

[5] Следует отметить, что реставрация группы на ритоне и на нашем рисунке в деталях не совсем верна, так как она придает Гераклу неестественную позу.

мать, соответствует выдающемуся значению этого образа в общей системе декора[1].

Кентавр идет влево. На левом плече он несет большой древесный сук, к которому подвязана его охотничья добыча — олень. Тело кентавра составное: у него сохранена полностью человеческая фигура, но к ней приставлено сзади конское туловище, с задними ногами и хвостом. Как известно, этот тип кентавра сосуществует в греческой архаике параллельно с другим, впоследствии более распространенным типом, характеризуемым тем, что все четыре ноги кентавра конские[2].

Целый ряд художественных приемов и черт роднит фигуру кентавра с искусством мастера келермесского зеркала. Это, во-первых, передача волосяного покрова при помощи рядов черточек; затем двойная линия на левой задней ноге, выше колена, делит ногу на две части, совершенно так же, как это отмечено у ряда изображений на зеркале[3]. Стилизация свешивающихся на плечо локонов идентична как у кентавра на ритоне, так и у сфинксов в третьем поле зеркала. Передача древесного сука в общем совпадает со стилизацией дерева в четвертом поле зеркала.

Говоря о стиле декора келермесского зеркала, приходилось отмечать его несомненное родство с восточногреческим искусством эпохи архаики, при наличии, однако, некоторых отклонений от типов ионийского искусства. Этому определению не противоречит и кентавр ритона. У него мы, правда, не находим тех черт, которые свойственны кентаврам, восходящим к ионийским памятникам[4] (мясистые и тяжелые черты лица и формы тела, лошадиные уши, гривообразная шевелюра). Не похож он и на северо-ионийских кентавров с архитектурных фризов Ларисы[5], которые очень близки к ионийскому типу, но это расхождение объясняется, на наш взгляд, прежде всего тем, что фриз из Ларисы и другие ионийские изображения передают образы обычных кентавров, тогда как кентавр на ритоне — существо совсем иного порядка.

Кентавр ритона — Хирон — максимально очеловечен; туловище его тонко и даже несколько сухопаро, уши человеческие, а не лошадиные. Особенно выразительна прическа, которая послужила для мастера главным средством характеристики Хирона, борода тщательно расчесана, на темени волосы завиты волнообразно и уложены параллельными рядами, причем передняя волна завита в колечко. С затылка волосы ниспадают расчесанными волнистыми прядями и рассыпаются кудрями на плечах. Даже хвост Хирона аккуратно приглажен и расчесан.

В дошедших до нас образцах ионийского искусства архаической эпохи не сохранилось, насколько мне известно, ни одного изображения Хирона, чем отчасти и объясняется особое место, занимаемое кентавром ритона среди родственных ему образов восточногреческого искусства. Но архаи-

---

[1] Кентавр сохранился относительно хорошо. Утрачены лоб с частью носа, правая рука, часть бедер и ступни ног. Во многих местах повреждена поверхность.

[2] Как установил V. C. Baur (The centaurs in ancient art. Berlin, 1912, стр. 135), оба типа появились в греческом искусстве одновременно. Разрушение поверхности ритона, к сожалению, не позволяет установить, кончались ли человеческие ноги кентавра ступнями или копытами, каку типа «С» Баура. Этот последний тип, согласно Бауру, был создан в Эолии в VI в. до н. э.

[3] Например у льва, быка, кабана (второе поле), у сфинксов (третье поле), у грифона (четвертое поле) и у львов (седьмое поле).

[4] Ср., например, церетанскую гидрию (V. C. Baur. Указ. соч., рис. 37, стр. 132), «понтийскую» вазу (там же, рис. 10, стр. 62), итало-ионийские вазы (там же, рис. 11, стр. 64; табл. IX, *179*).

[5] L. Kjellberg. Die architektonischen Terrakotten. Larisa am Hermos. Berlin, 1942, Bd. II, табл. 18, 19, 21.

ческое искусство Аттики очень любило этот тип, и в нем ясно прослеживаются те особые черты, которыми наделен образ Хирона в греческом искусстве. Укажем несколько примеров.

Древнейшее изображение этого мифа находится на фрагментах протоаттической амфоры середины VII в. до н. э. Хирон принимает тут младенца Ахилла, которого несет к нему Пелей. На суке кентавр несет львенка,

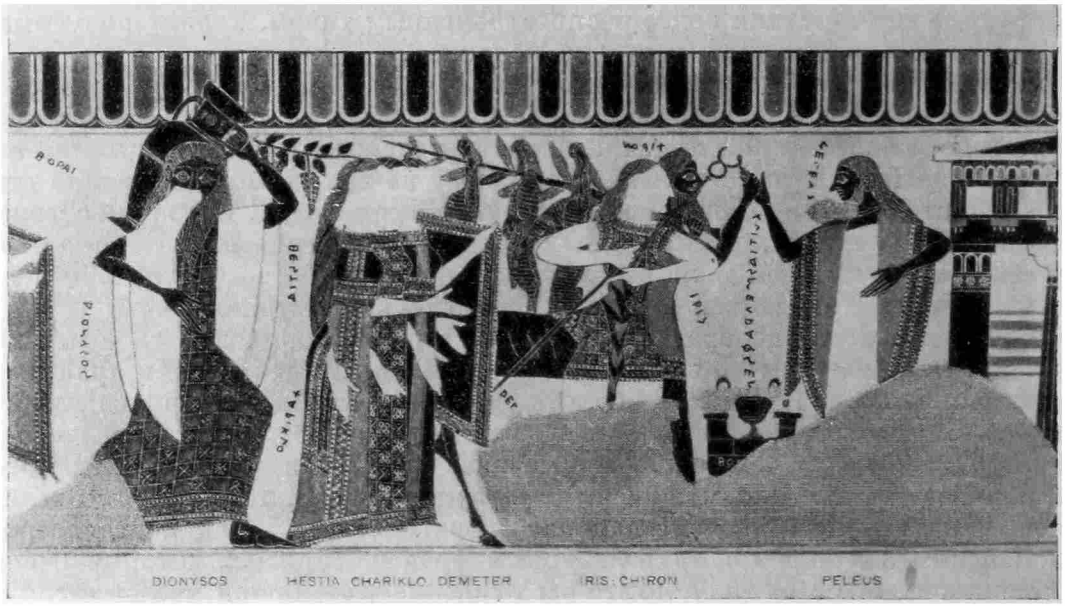


Рис. 10. Изображение на вазе Франсуа.

кабана и волка, подобающую для юного героя пищу[1]. На вазе Франсуа[2] (рис. 10) Хирон первым, даже раньше великих богов, поздравляет Пелея и Фетиду. Хирон пожимает руку Пелея, а другой рукой он совершенно так же, как на ритоне, поддерживает лежащий у него на плече огромный сук, к которому привешена убитая им дичь — подарок молодым. Прическа Хирона на вазе Франсуа отличается такой же изысканностью, как у кентавра ритона, и надо лбом у него имеется завитая челка. Усы аккуратно подстрижены. В честь торжественного случая человеческая часть тела облачена в праздничный хитон с вышитым бортом[3].

Стоит сравнить описанные образы Хирона с изображениями рядовых кентавров на тех же аттических чернофигурных вазах[4], чтобы почувствовать, какая пропасть в представлении греков отделяла отшельника и мудреца Хирона от буйной толпы его братьев. И вряд ли можно сомневаться в том, что на ритоне был изображен именно Хирон. Ритон несколько старше вазы Франсуа, но черты, характеризующие культурного кентавра, в обоих случаях сходны. А если мы примем толкование келермесского кентавра как Хирона, то в таком случае отсутствие прямых аналогий в

[1] См. J. D. Beazley The development of attic black figure. London, 1951, табл. 4, стр. 10 и сл.

[2] Furtwängler — Reichhold. Griechische Vasenmalerei. München, 1904. I, табл. 1, 2.

[3] Укажем еще на две вазы, где Хирон охарактеризован такими же чертами: V C. Baur. Указ. соч., табл. II, *243* и рис. 25, стр. 103.

[4] См., например, V C. Baur. Указ. соч., табл. I, *36* и *84*; II, *85*; III, *44*; V, *166* и др.

в восточногреческой архаике уже не удивительно, поскольку там мы встречаем только обычных диких кентавров.

Общий стиль фигуры, которой присущи некоторая сухость и в то же время изящество, вполне подходит к стилю мастера келермесского зеркала, т. е. к эолийскому или североионийскому стилю. И тип лица с характерной линией профиля, выпяченными вперед губами и крупным носом находит прямые аналогии в памятниках указанного района, например, у ряда голов с архитектурных терракот Ларисы[1] и на одной эолийской вазе[2].

Приходится особенно пожалеть о гибели левой части этой композиции, из-за чего невозможно определить содержание всей изображенной на ритоне сцены. Скорее всего, здесь могла быть представлена либо сцена первой встречи Хирона с его воспитанником — будущим героем, либо сцена борьбы Пелея и Фетиды, при которой часто присутствует Хирон. Но в греческой вазописи встречаются и другие композиции, связанные с Хироном, как, например, на вазе Клития и Эрготима. А в данном случае когда имелся в виду скифский заказчик, отклонения от традиции весьма вероятны. Впрочем, одно из таких отклонений — явную адаптацию греческого сюжета к скифской среде — мы и сейчас видим перед собой. Охотничьей добычей Хирона является олень — совсем необычный трофей для греческих охотников. На многочисленных вазовых рисунках, представляющих возвращение с охоты, к суку, несомому охотником, обычно подвешены зайцы или птицы, реже лисицы и другие звери. Но примеров подвешенного к суку оленя в греческом искусстве не встречается, почему в этой подробности мы вправе видеть сознательное приспособление композиции к скифской среде. При этом следует еще обратить внимание на одну деталь. Зайцы и лисицы — добыча греческих охотников — всегда привязываются к суку только за две задние или за две передние лапы, тогда как у оленя привязаны все четыре ноги, причем вся его поза с вытянутой вперед головой, украшенной ветвистыми рогами, живо напоминает схему, выработанную для изображения оленя архаическим скифским искусством, наиболее блестящим представителем которого является золотой олень из Костромской станицы.

В олене — добыче Хирона — можно видеть прямую параллель к свернувшемуся хищнику в третьем поле келермесского зеркала. В обоих случаях в длинный ряд преимущественно греческих образов, из которых состоит убранство изделия, введена фигура, прямо заимствованная из скифского звериного стиля, причем на ритоне она даже связана с персонажем из греческой мифологии. Возможно, что как хищник на зеркале, так и олень на ритоне имели какое-то глубокое значение в религиозных представлениях погребенных в Келермесе скифских вождей, почему греческий мастер и нашел нужным уделить им место в своих композициях[3]. За то, что этого скифского оленя, так же как и свернувшегося зверя зеркала, делал греческий, а не скифский мастер, говорят недопонятые им подробности изображения. Подобно тому как у свернувшегося хищника на зеркале обнаруживается расхождение со скифской стилизацией этого зверя, так и олень на ритоне не вполне выдержан в скифском стиле: короткие отростки рогов переданы реалистично; они не закручиваются в кольца, не приобретают орнаментального характера, как это обычно для оленей

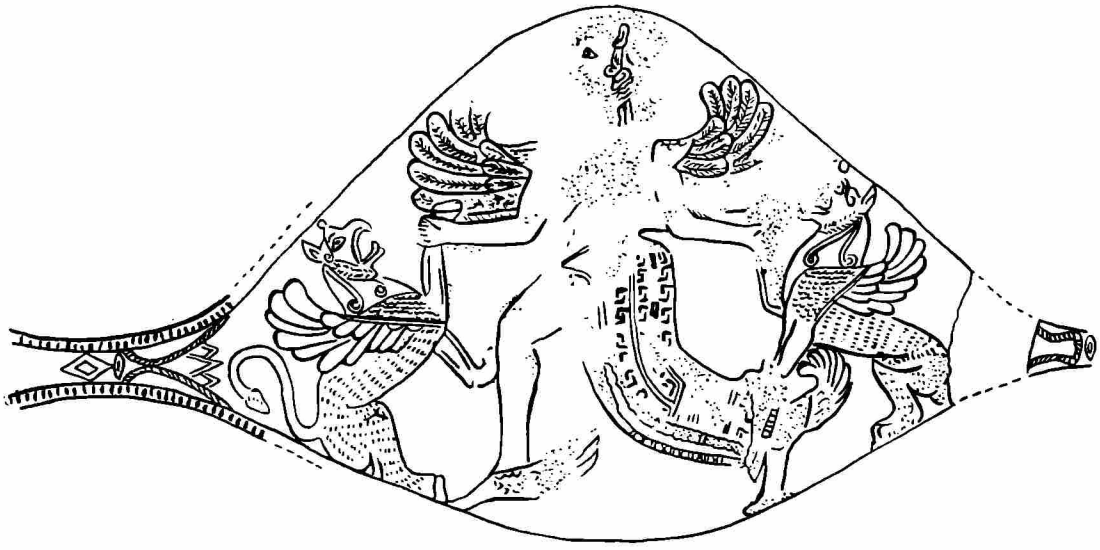
---

[1] Larisa, II, табл. 23, 31 и 44.

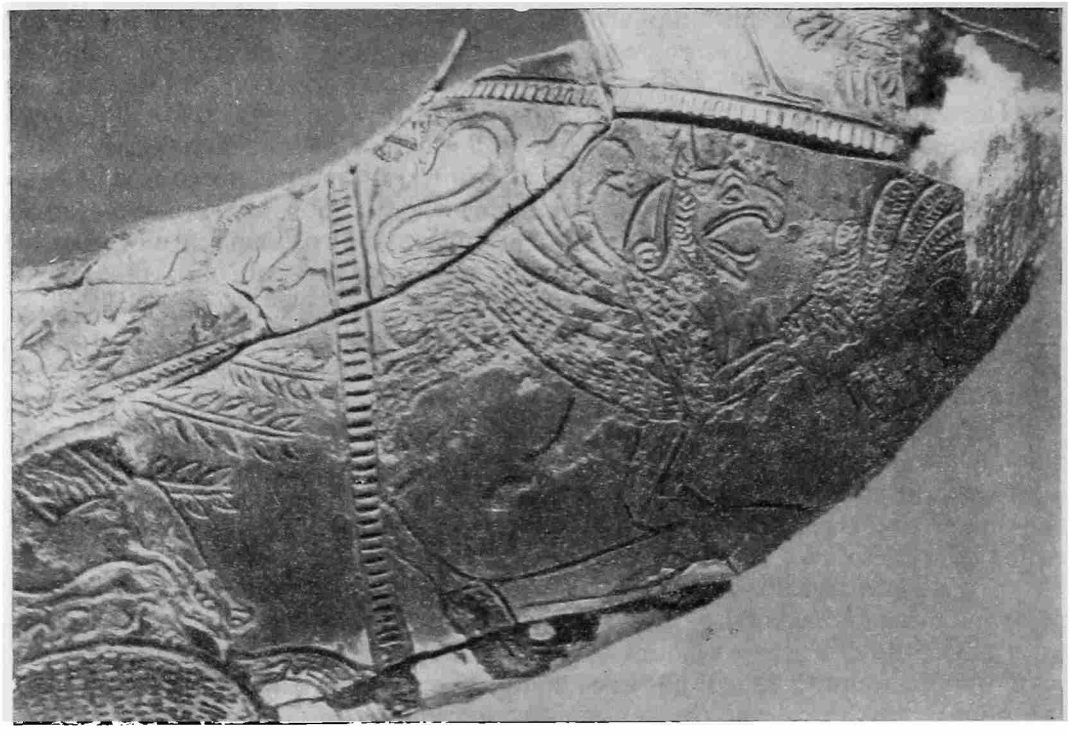
[2] G. Perrot et Ch. Chipiez. Histoire de l'art. Paris, 1911, v. IX, стр. 411 и 203 bis.

[3] Олень играет видную роль в украшении предметов, найденных в Келермесских курганах. См., например, так называемую большую золотую «доску с оленями»,— вероятно, горит.

скифского звериного стиля. Греческий мастер и здесь дал только приблизительную, а не точную копию своего образца.



1



2

Рис. 11.

1 — изображение Кибелы и двух грифонов на келермесском ритоне; *2* — деталь этого изображения.

Как на келермесском зеркале, где группа Кибелы с пантерами занимает главенствующее положение среди прочих изображений, так и на ритоне группа Кибелы с грифонами помещена на самом видном месте — на сгибе ствола ритона (рис. 11, *1* и *2*).

В отличие от Кибелы на зеркале, Кибела на ритоне представлена в схеме так называемого коленопреклоненного бега. Голова Кибелы, как видно по сохранившемуся фрагменту, была повернута в профиль, а несохранившийся торс, несомненно, был представлен в фас. Быстрота бега подчеркивается широко распростертыми крыльями, маленькими крылышками на ногах[1] и, наконец, оголением одной выбившейся из-под хитона ноги[2].

Быстрое движение центральной фигуры контрастирует с геральдической неподвижностью обоих грифонов. Здесь налицо известное внутреннее противоречие, которое, однако, еще не ощущалось в архаическом искусстве.

Можно привести ряд принципиально тождественных с группой на ритоне композиций эпохи архаики с бегущей или шагающей центральной фигурой и геральдическими зверями по бокам[3]. Некоторые из этих композиций должны быть отнесены к восточногреческому искусству, другие — к искусству материковой Греции. Подобные группы, следовательно, были чрезвычайно распространены во всех греческих областях. Поэтому композиционные особенности группы Кибелы на ритоне не указывают на какой-либо определенный художественный центр.

Но если мы обратимся к анализу отдельных фигур, то тесная связь этой композиции с восточногреческим искусством выступит очень ясно. Прежде всего стилизация грифонов совпадает со стилизацией грифонов на зеркале. Именно эти грифоны могут служить твердым основанием для вывода о том, что зеркало и ритон представляют собой работу одного и того же мастера-декоратора.

У Кибелы на ритоне имеется ряд деталей, сходных с деталями изображения Кибелы на зеркале. Так, например, крылья в обоих случаях состоят из средней части и боковых частей в виде двух рядов перьев, вырастающих из средней части крыла, загнутых кверху и переданных в обоих случаях одними и теми же приемами. Сходен и узор на хитоне — прерывистый меандр. Нов орнаментальный мотив на борту хитона бегущей Кибелы — полоска чередующихся штрихов и крестиков. Этот орнамент, так же как и прерывистый меандр, находит аналогии на многочисленных памятниках восточногреческой архаики. Иногда мы встречаем там крестики, просто разбросанные по полю вазы[4], легкой ткани, тюфяка, трона или кузова колесницы[5], иногда же крестики, как и на хитоне Кибелы, образуют в сочетании с двойными штрихами орнаментальные полоски[6].

---

[1] Плохая сохранность ритона не позволяет установить, вырастают ли крылья из ног Кибелы или на ногах надеты крылатые сапожки.

[2] Этот мотив заставил Radet (указ. соч., стр. 19) сравнить Кибелу ритона с Никой Делосской, а Schefold (указ. соч., стр. 10) основывается на этом сопоставлении при датировке ритона. Это сопоставление кажется нам несколько поверхностным, поскольку не принимается в расчет чрезвычайное распространение этого мотива в искусстве архаики (См., например Ed. Schmidt. Der Knielauf. Münchener Arch. Studien, 1909, стр. 271, рис. 10; стр. 270, рис. 9; стр. 267, рис 7; стр. 262, рис 2 и др.), а также то обстоятельство, что трактовка мотива у Кибелы проще и, следовательно, вероятно, древнее, чем у Ники.

[3] См., например, A. Furtwängler. Antike Gemmen. Табл. VI, *48*; VII, *13*; LXIV, *4*; Ed. Schmidt. Указ. соч., стр. 270, рис. 9; стр. 319, рис 35; BCH, 1939, I, табл. XXIII и т. д.

[4] См., например, самосские амфориски (Clara Rhodos, IV, стр. 194, рис 22; стр. 239, рис. 249) и вазы стиля Фикеллура (там же, стр. 251, рис 273).

[5] Larisa, II, табл. 7, 17, 22, 23, 27, 28, 31, 33.

[6] Там же, табл. 5. См. также Горгону на бронзовом рельефе из Перуджии (A. Furtwängler. Kleine Schriften. München, 1912, II, стр. 332).

Таким образом, центральная композиция на ритоне из Келермеса,— каковой, несомненно, была группа Кибелы с грифонами,— по своим типологическим и стилистическим особенностям также полностью примыкает к искусству Восточной Греции, точнее, Северной Ионии. В то же время помещение Кибелы на самом видном месте изделия вновь подчеркивает особо важную роль, отводившуюся этой богине в верованиях представителей скифской знати, похороненных в Келермесских курганах.

На фризе, опоясывающем верхнюю часть ритона и расположенном непосредственно над Кибелой (рис. 2, *1*, *2*), были изображены две, повидимому, не связанные друг с другом тематически, сцены. Первая из них представляла бой двух цапель [1]. Справа наступает один боец; его противник готов к бою, он ждет нападения, приняв оборонительно-наступательную позу. Слева к группе сражающихся подходят еще две цапли. Между ними и левым бойцом находилось изображение еще одной птицы, от которой сохранились только задняя часть туловища, крыльев и хвост. Поза этой птицы не вполне ясна. Скорее всего, она была представлена улетающей [2]

Цапли часто изображались мастерами эпохи архаики. Иногда это одиночные фигуры[3], иногда — обычные в архаической вазописи фризы, составленные из совершенно одинаковых по величине и позам птиц [4]. Нередки и летящие цапли, как, например, на знаменитой спартанской чаше с царем Агесилаем [5] или на бронзовой колеснице из Перуджии [6]. Наряду с этим можно назвать ряд изображений, где цапли подбирают клювами с земли пищу. Таково изображение на клазоменской вазе в музее Тюбингена [7], такова же и группа из двух цапель на золотой пластине Мельгуновского кургана [8], памятнике, который, надо полагать, вышел из того же художественного круга, что и келермесские зеркало и ритон. Многие из перечисленных изображений отличаются живостью и реализмом. Но ни одно из них по своей выразительности не может сравниться с композицией на рассматриваемом нами фризе.

Часть фриза на ритоне отведена другой композиции: правее группы двух готовых к бою цапель находится изображение пары рогатых животных, идущих влево. На некотором расстоянии от них, за довольно большой лакуной, сохранилось изображение правой ноги человека, прямо стоящей на земле, и части бедра левой, протянутой вперед, ноги. При виде идущих шагом животных и повернутой влево, т. е. в одном направлении с животными, человеческой фигуры вспоминаются изображения пахоты на ат-

---

[1] Мы называем этих птиц цаплями, хотя полной уверенности в правильности этого определения у нас нет. Верным признаком цапли служат челка на темени и пучок перьев на груди, каковых у птиц на фризе не наблюдается. Но отсутствие этих признаков не имеет решающего значения, так как в древности существовало много пород цапель и только некоторым из них свойственны челки. См. цитату из сочинения Дионисия «De avibus» (II, 18), приводимую в связи с обсуждением этого вопроса в книге J. D. Beazley. The Lewis House collection of gemms, № 66, стр. 59 и сл.

[2] См. летящую птицу в шестом поле келермесского зеркала.

[3] Boehlau. Aus jonischen Necropolen. Leipzig, 1898, стр. 55, рис. 24. Ваза стиля Фикеллура.

[4] Clara Rhodos, IV, стр. 73, рис. 49. Ваза стиля Фикеллура. Издатель считает этих птиц лебедями.

[5] G. Perrot et Ch. Chipiez. Указ. соч., т. IX, табл. XX.

[6] A. Furtwängler. Kleine Schriften, II, табл. 33.

[7] C. Watzinger. Griechische Vasen in Tübingen. 1924, табл. 2, *C*, *8*, стр. 15, № 9.

[8] Е. М. Придик. Мельгуновский клад 1763 г. МАР, №. 31, 1911, табл. 2.

тических мелкофигурных киликах середины и 2-й половины VI в. [1] Эта догадка как будто подтверждается тем обстоятельством, что на шеях животных лежит какой-то предмет. Видны его круглый торец и свисающие с шеи животного два ремня или веревки [2]. Это похоже на изображение тягловых животных на пахоте, с чем согласовалось бы толкование человека как пахаря, идущего за сохой. Весь фриз оказался бы тогда композиционно единым, связанным одним и тем же местом действия — полем, где происходит распашка и где цапли поедают вывороченных плугом из земли червей.

Однако при более близком изучении остатков композиции приходится отказаться от этого предположения. Против него говорит прежде всего порода животных. Головы последних, правда, не сохранились, но отчетливо видны рога, форма которых, по определению специалистов, никак не согласуется с бычьими, а скорее всего указывает на то, что художник изобразил здесь горных козлов — эгагров [3]. Не согласуются с темой пахоты и остатки человеческой фигуры. Пахари обычно представляются в процессе работы: они направляют соху, налегая на рукоять и одновременно погоняют быков; фигуры их поэтому выражают большое физическое напряжение, туловище наклонено вперед, а ноги широко расставлены. Сохранившаяся же человеческая правая нога поставлена вертикально, а бедро левой ноги горизонтально, что совершенно не согласуется с позой пахаря, но вполне подходит к изображению человека, вступающего на повозку или колесницу.

Итак, изучение рисунка приводит нас к следующим результатам. С одной стороны, мы видим пару идущих в упряжке горных козлов; с другой,— поза следующего за ними человека заставляет предполагать, что козлы везли повозку или колесницу. Ситуация получается явно немыслимая в реальной жизни. Но в области мифа аналогии к ней имеются, и даже довольно близкие.

В греческой мифологии существовали сказания о чудесных упряжках, о колесницах, везомых дикими зверями или фантастическими существами. Так, в мифе о сватовстве Адмета к Алкесте Пелей, отец Алкесты, соглашался отдать свою дочь только тому, кто сумеет впрячь в одну колесницу льва и кабана, что и было выполнено Аполлоном, находившимся в то время в услужении у Адмета. Согласно свидетельству Павсания [4], на Амиклейском троне представлен был Адмет, впрягающий диких зверей в колесницу Пелея.

К каким-то неизвестным нам, но сходным мифам восходят изображения на трех золотых перстнях, принадлежащих к североионийской группе и датируемых примерно 600 г. до н. э. [5] На одном из них, может быть, изображен тот же миф об Адмете и Алкесте, так как в колесницу, на которой стоит герой, впряжены лев и кабан. На остальных двух перстнях фигурируют другие звери и фантастические существа: в одном случае конь и сфинкс, в другом — олень и сфинкс (рис. 12). На знаменитой халкид-

---

[1] См., например, JHS, 1946, табл. III, чаша из мастерской Никосфена; J. C. Hoppin. A handbook of Greek black-figured vases. Paris, 1924, стр. 185; E. Pfuhl. Malerei und Zeichnung der Griechen. München, 1923, Bd. II, рис. 248.

[2] Daremberg et Saglio. Dictionnaire, s. v Aratrum, Jugum.

[3] Приводимое здесь определение породы животного принадлежит сотруднику Института зоологии Академии наук СССР И. И. Соколову. Со своей стороны хотелось бы указать, что эгагр в восьмом поле келермесского зеркала обладает совершенно такими же рогами, как описываемая пара животных.

[4] Paus., III, 18, 16.

[5] A. Furtwängler. Antike Gemmen, I, Leipzig — Berlin, 1900, табл. VII, *2,3*; III, стр. 85, рис. 60.

ской чернофигурной чаше с изображением мифа о Финее находится еще одна чудесная упряжка. На этот раз колесница принадлежит Дионису, который везет с собой Ариадну, а в колесницу впряжены лев, пантера и два оленя[1].

Все эти памятники показывают, что в мифах Греции, и прежде всего Восточной Греции, был очень распространен мотив сказочной колесницы с упряжкой из диких зверей и фантастических существ. Конечно, на таких колесницах ездили только боги и герои, принадлежавшие к фантастическому миру. Нам кажется вероятным, что загадочных эгагров, изображенных на фризе келермесского ритона, надо причислить к мифологи-

Рис. 12. Изображение на золотом перстне.

ческим сценам такого же порядка. Скорее всего, здесь была представлена сказочная колесница, на которую восходил какой-то бог или герой.

Переходим теперь к общим выводам, вытекающим из подробного анализа ритона.

В нашей работе о келермесском зеркале была дана общая характеристика этого замечательного памятника 1-й половины VI в. до н. э., как мы думаем, специально изготовленного для скифского вождя. В настоящее время, после реставрации ритона, мы имеем уже не один, а два таких памятника, притом вышедших из рук одного и того же художника-декоратора. Первое место среди них принадлежит, бесспорно, зеркалу, благодаря его прекрасной сохранности. Именно зеркало позволяет составить представление о художественных приемах мастера, о тех задачах, которые стояли перед ним, когда он работал по заказу одного из вождей скифов. Ритон в своем первоначальном виде, вероятно, не уступал, а, может быть, даже превосходил зеркало по богатству и разнообразию своего декора и по смелости композиций. Даже сейчас, несмотря на фрагментарность, он имеет большую ценность, расширяя и уточняя наши сведения о выдающемся греческом торевте, который стремился приспособить свое искусство к требованиям скифской общественной среды.

Те же черты в работе мастера ,т. е. приближение к скифским обычаям и вкусам, на что мы обратили внимание при исследовании келермесского

[1] Furtwängler — Reichold. Griechische Vasenmalerei, I, табл. 41; A. Rumpf. Chalkidische Vasen. Berlin — Leipzig, 1927, табл. 41.

зеркала, повторяются и на ритоне. Парадные предметы обихода, каковыми являются зеркало и ритон, сохранили привычную скифам форму, а, следовательно, и скифский облик. Основа зеркала, по всей вероятности, была изготовлена скифским мастером, и весьма возможно, что так же обстояло дело и с ритоном. На долю греческого мастера приходилась только декорировка изделия, но и тут он приложил немало труда, стараясь сообразоваться со вкусами потребителей. Из-за плохой сохранности ритона невозможно установить, был ли весь его декор подчинен одному общему замыслу, так или иначе связанному с мировоззрением скифов. Но отдельные композиции убранства тоже, несомненно, имеют в виду местные варварские легенды. На самом видном месте изделия опять, как и на зеркале, помещено изображение великой малоазиатской богини Кибелы, которая, вероятно, пользовалась особым почитанием среди скифских вождей, похороненных в Келермесских курганах. И среди других, лучше сохранившихся фигурных композиций мы встречаем образы, близкие местным сказаниям: воительницу-амазонку и воспитателя Ясона — мудрого кентавра Хирона с охотничьей добычей в виде скифского оленя. Содержание двух других мифологических сцен остается неясным, но, вероятно, и оно так или иначе соприкасалось с местными легендами.

Мастер-декоратор келермесского зеркала был греком, представителем художественного направления Северной Ионии, работавшим в 80—70-х годах VI в. до н. э. Этот вывод после изучения ритона, как нам кажется, получает новое подтверждение. В самом деле, мы вновь встречаемся с тем явлением, что греческие орнаменты и фигурные изображения передаются без малейших искажений, в стиле, имеющем широкие аналогии в архаическом искусстве Северной Ионии. И в то же время фигура оленя, явно скопированная с образца, созданного скифским искусством, не выдержана до конца и обнаруживает отступления от орнаментальной трактовки подробностей, свойственной скифскому звериному стилю. Обилие мифологических сюжетов и более смелая трактовка некоторых фигур, например Кибелы и Хирона, а также сравнительно развитая форма капители колонки могут говорить за то, что ритон был сделан после зеркала, но разница в дате не может быть значительной, так как стиль и художественные приемы остаются в общем тождественными. Кроме того, Хирон, так же как и аримаспы зеркала, не имеет усов, а только бороду, а этот обычай вышел из моды уже в конце 70-х годов VI в. до н. э.

К сожалению, ритон не дает никаких новых указаний о месте, где были изготовлены оба замечательных памятника, найденных в курганах Келермеса. Но основное наше положение, высказанное по этому вопросу применительно к келермесскому зеркалу и сводящееся к тому, что вещи эти не могли быть импортированы из отдаленных от Скифии центров, а изготовлялись в непосредственной близости от потребителей, получает в публикуемом памятнике новое подтверждение благодаря скифской форме ритона и вновь обнаружившемуся знакомству мастера со скифским искусством.

И. Т. КРУГЛИКОВА

ПОЗДНЕАНТИЧНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ БОСПОРА НА БЕРЕГУ АЗОВСКОГО МОРЯ

Боспорское царство входило в число наиболее ранних государств, существовавших на территории нашей страны. История его тесно связана как с историей племен, населявших Северное Причерноморье во 2-й половине I тысячелетия до н. э. и в первые века нашей эры, так и с историей античных государств Средиземноморья и Причерноморья. Изучение экономики Боспорского государства, развития там ремесленного производства и выяснение территориальных границ боспорских владений в различные хронологические периоды позволяют правильно понять также историю местных племен Северного Причерноморья.

Несмотря на то, что раскопки античных городов Боспорского царства ведутся уже более ста лет, причем в советское время достигли особенно больших размеров, все же целый ряд вопросов, связанных с историей Боспорского царства, остается еще невыясненным. В частности, слабо разработан вопрос о количестве и характере городов и сельских поселений Европейского Боспора. Лишь незначительная часть поселений европейской части Боспорского царства подверглась археологическим исследованиям. Большей частью исследовались города, расположенные на берегу Керченского пролива и Черного моря: Мирмекий, Пантикапей, Тиритака, Нимфей, Киммерик и очень мало — Китей и Акра. Из поселений, находящихся вдали от моря, в последнее десятилетие систематические раскопки производились только на поселении около Ивановки и небольшие разведочные раскопки — в Тасунове. До последнего времени науке оставались совсем неизвестными сельские поселения, расположенные в отдалении от моря, а также почти все поселения, находящиеся на берегу Азовского моря. Только один город, расположенный на мысу Зюк, подвергался незначительным раскопкам в XIX в.[1], и было известно о существовании поселения южнее дер. Осовины[2], в месте соединения Керченского пролива с Азовским морем. О других античных поселениях по берегам Азовского моря почти не было известно, тогда как именно там надо было предполагать наличие большого количества рыбацких поселений, поскольку воды Азовского моря и Керченский пролив являются местами наиболее интенсивного лова рыбы.

Зная большую роль рыбного промысла в экономике античных городов Керченского пролива, о чем свидетельствуют многочисленные рыбозасолочные ванны, открытые в Тиритаке и Мирмекии[3], трудно представить

---

[1] ОАК за 1894 г., стр. 8.

П. Дюбрюкс. Описание развалин и следов древних городов и укреплений. ЗООИД, IV, стр. 6 и сл.; МИА, № 25, стр. 10.

[3] В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.— Л., 1949, стр. 110.

себе, чтобы на его берегах в античное время не возникло целого ряда поселений, жители которых могли использовать, наряду с рыбным богатством, окружающие плодородные земли. О вывозе из Меотиды соленой рыбы сообщают античные писатели [1]. Правда, Страбон, описывая путь из Керченского пролива к Танаису и упоминая о множестве пунктов для ловли рыбы, о поселениях и сторожевых башнях клазоменцев вдоль восточного побережья Азовского моря [2], вместе с тем замечает, что, в отличие от азиатского, весь европейский берег Азовского моря пустынен [3]. Но уже Клавдий Птолемей, писавший свою «Географию» более чем через полтора столетия после Страбона, упоминает на Азовском побережье Европейского Боспора три населенных пункта — Парфений, Зенонов Херсонес и Гераклий [4]. Местоположение их пока точно не установлено [5], и только детальные археологические исследования позволят выяснить, каково было количество населенных пунктов на берегу Азовского моря, и правильно локализовать их.

Разведки и раскопки в этом районе в 1953 г. начал Восточнокрымский отряд экспедиции ИИМК АН СССР по изучению античных городов Северного Причерноморья [6].

В результате проведенных отрядом в 1953 и 1954 гг работ выяснились значительная населенность крымского побережья Азовского моря в первые века нашей эры и своеобразный характер имевшихся там поселений, жители которых были тесно связаны с другими центрами Боспорского царства.

На участке побережья между дер. Семеновка (быв. Китень) и не существующей в настоящее время дер. Сююрташ, к северу от дер. Золотое (бывш. Чигини), было обнаружено 12 населенных пунктов (рис. 1). Девять из них относятся к первым векам нашей эры (к I—III вв. н. э.— поселения № 3, 4, 5, 7, 10—12 и к III—IV вв. н. э.— поселения № 8 и 9), одно, судя по подъемному материалу, относится к периоду от IV—III вв. до н. э. по I—II вв. н. э. (поселение № 1) и два — к IV—III вв. до н. э. (поселения № 2 и 6).

Отрядом были произведены с разведывательными целями раскопки 5 поселений, из которых четыре относились к периоду I—III вв. н. э.

Наиболее интересно поселение, исследованное в 1953 г. у северо-восточной окраины дер. Ново-Отрадное (бывш. Аджибай) Приморского района (рис. 1, 7). Поселение расположено на высоком холме, на расстоянии около 1,5 км к северо-востоку от северного конца оборонительного вала, начинающегося от Узунларского озера, и является в этом районе ближайшим к валу укрепленным поселением. Холм, на котором расположено поселение, находится на расстоянии около 750 м от берега моря и около 500 м от речки Аджиели, впадающей в море. Он состоит из трех понижающихся к реке возвышенностей, отделенных от края речной долины небольшой ложбиной; поверхность его сильно изрезана траншеями

---

[1] Strabo, VII, 4, 6=ВДИ, 1947, № 4, стр. 206.
[2] Strabo, XI, 2, 4=ВДИ, 1947, № 4, стр. 211.
[3] Strabo, VII, 4, 5=ВДИ, 1947, № 4, стр. 205.
[4] Ptol. III, 6,4=ВДИ, 1948, № 2, стр. 241.
[5] Мюллер (Cl. Ptolemaei Geographia e codd. recognovit Car. Müllerus, т. I, ч. 1, Paris, Firmin Didot, 1883, стр. 416, 439) локализует Зенонов Херсонес на мысу Казантип, Ю. Кулаковский — на мысу Зюк (ОАК за 1894 г., стр. 9). В. В. Латышев считает, что у мыса Зюк был Гераклий (IOSPE, IV, стр. 123), который упоминается Страбоном как населенный пункт, расположенный вблизи Мирмекия (Strabo, XI, 2, 6-ВДИ, 1947, № 4, стр. 211).
[6] В 1953 г. в состав отряда входили Н. Т Кругликова — начальник отряда, Т. Г. Оболдуева, Т. М. Арсеньева; в 1954 г.— Н. Т. Кругликова — начальник отряда, Д. Б. Шелов, Т. М. Арсеньева, О. Д. Дашевская.

военного времени. Наиболее насыщенный культурный слой обнаружен на средней террасе холма, где и был заложен небольшой разведочный раскоп площадью около 100 кв. м.

В результате раскопок открыты вымощенный камнями дворик и часть здания, состоящая из двух изолированных помещений *А* и *Б*, имевших

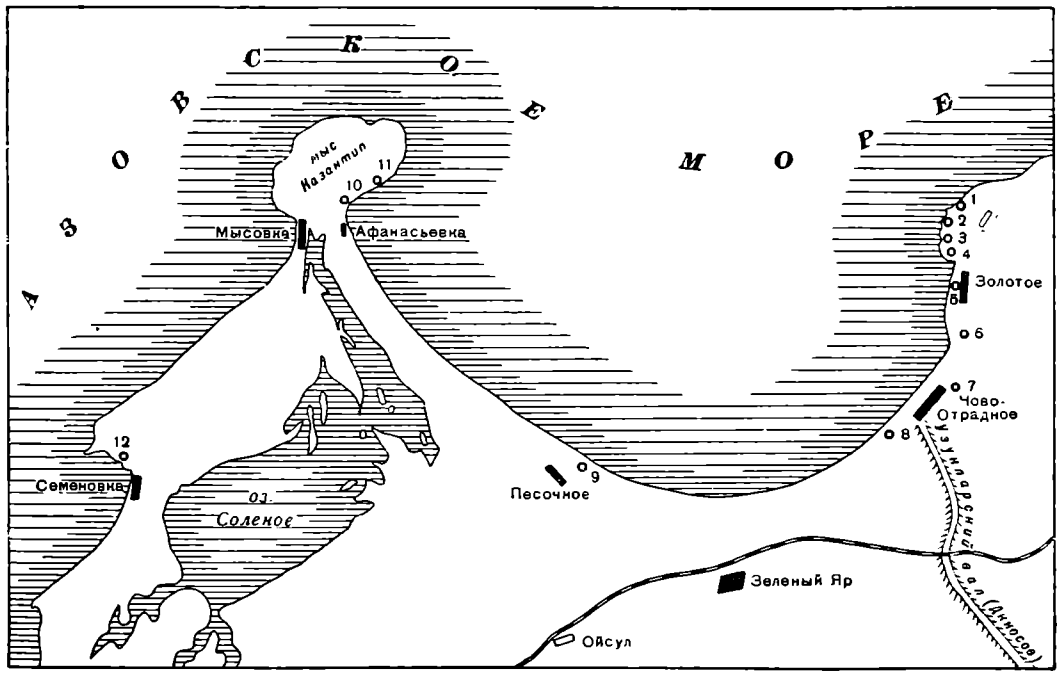


Рис. 1. Схема расположения населенных пунктов античного времени.

1 — поселение с каменными оборонительными стенами, подъемный материал III в. до н. э.— I в. н. э.; *2* — подъемный материал III в. до н. э.; *3*, *4* — мусорная свалка и каменные кладки III в. н. э.; *5* — у дер. Золотое — поселение и некрополь I—III вв. н. э. (раскопки); *6* — у дер. Золотой Рожок — поселение IV—III вв. до н. э. (раскопки); *7* — у дер. Ново-Отрадное — поселение I—III вв. н. э. (раскопки); *8* — на поле — подъемный материал III—IV вв. н. э.; *9* — на огородах над дер. Песочное (б. Мегичи) — подъемный материал III—IV вв. н. э.; *10* — над дер. Афанасьевка — поселение «Мысовка» I—III вв. н. э. (раскопки); *11* — следы поселения, подъемный материал III в. н. э.; *12* — у дер. Семеновка, над так называемой Романовой бухтой— поселение I—III вв. н. э. (раскопки).

одну смежную стену (рис. 2). В каждом из помещений имелось по дверному проему в северном углу. Рядом с дверными проемами находились сходные по конструкции печи, сделанные из сырца. В обоих помещениях оказалось по каменной ступе. Полы были покрыты слоем золы и сажи; это свидетельствовало о том, что здание погибло от пожара.

Наиболее интересные находки обнаружены в результате расчистки помещения *А* (юго-восточного).

Размеры этого помещения — 3,2×3,8 м. Его северо-западная стена *1* имеет длину 4,3 м и толщину 0,7 м. Она сложена из двух рядов камней (известняка) различных размеров, без заметных следов обработки. (Размеры камней — 0,45×0,50×0,15 м; 0,30×0,40×0,15 м и более мелкие). Стена сохранилась на высоту до 1 м. Дверной проем был выложен из крупных каменных блоков правильной формы, отличающихся от остальных камней кладки стен тщательной обработкой.

Стена *3* — северо-восточная. Толщина ее — 0,65м, длина — 2,35 м; сохранившаяся высота — 0,35 м. Только на протяжении 1,35 м ее часть,

подходящая к дверному проему, сложена из камней (известняка): остальная часть стены глинобитная.

Юго-западная стена была каменной, а юго-восточная — глинобитной: обе они уходят в борта раскопа, и нами расчищены только стороны, обращенные внутрь помещения.

К стене *3* с внутренней стороны примыкала печь из сырца, имевшая прямоугольную форму и размеры 0,7×0,6 м, с топочным отверстием ши-

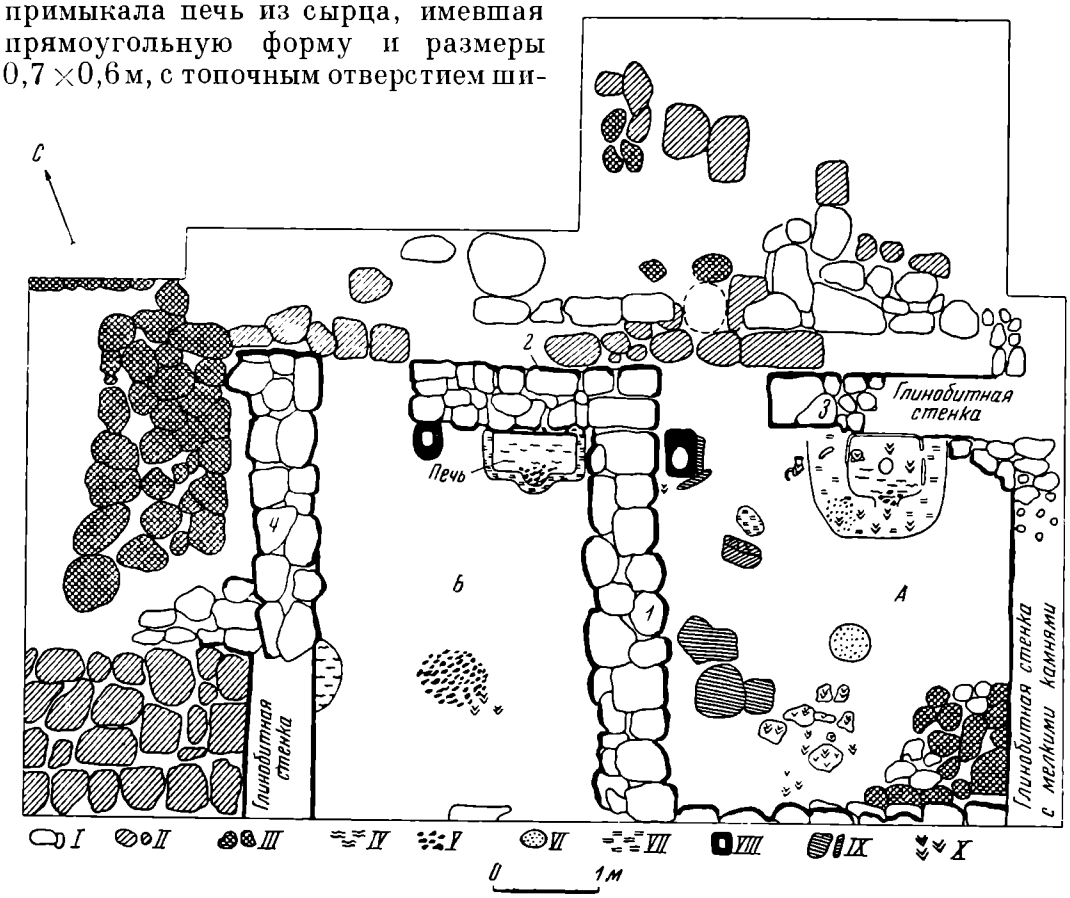


Рис. 2. Поселение у дер. Ново-Отрадное. План раскопа.

1—4 — стены; *I* — камни стен; *II* — камни на уровне пола помещений; *III* — камни ниже уровня пола (слой I в. н. э.); *IV* — скопление золы; *V* — древесный уголь; *VI* — кучка обгорелого зерна; *VII* — печина; *VIII* — каменная ступа; *IX* — зернотерки и их обломки; *X* — крупные обломки керамики или скопление обломков.

риной 0,2 м, которое несколько выдавалось вперед. В центре печи сохранился глинобитный столб, поддерживавший ее свод. Конструкция печи близко напоминает печи, открытые в Илурате и относящиеся к III в. н. э.[1]

Около дверного проема у стены *1* стояла каменная ступа высотой 0,43 м (рис. 3). К ступе были прислонены верхняя и нижняя плиты зернотерки[2]—

[1] В. Ф. Гайдукевич. Новые исследования Илурата. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 203, рис. 66.

[2] Размеры зернотерки 0,4×0,4×0,1 м (верхняя плита) и 0,6×0,4×0,7 м (нижняя плита). Такая зернотерка была найдена в Киммерике в 1948 г. (см. Н. Б. Зеест. Киммерикская мукомольная мастерская и зерновое хозяйство Боспора. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 97).

ручной мельницы, обычного для этого времени типа, с углублением в центре, выемками для рычагов и выдолбленными линиями на нижней плите. С другой стороны около ступы оказались остродонная амфора и железная мотыга (рис. 4, *1*). Кроме того, на полу помещения найдена вторая зернотерка, нижняя плита которой была разбита на 3 части. Конструкция и размеры второй зернотерки были те же, что и первой. Рядом с печью в землю была врыта большая амфора с зерном, раздавленная во время катастрофы. Вокруг нее в большом количестве были рассыпаны обугли-вшиеся зерна ячменя и пшеницы. Среди находок внутри помещения было много обломков реберчатых амфор из красной глины, узкогорлых амфор из светлой глины и массивных амфор с толстыми ручками, обычных для III в. н. э. Встречено много лепных сосудов различных размеров (рис. 5, *1—2*), а также кувшинов, мисок и т. д. На полу найдено 16 монет III в. н. э.[1]

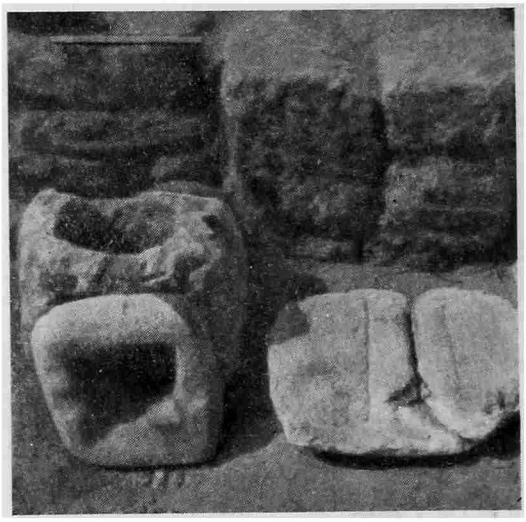


Рис 3. Ступа и зернотерки из помещения А поселения у дер. Ново-Отрадное.

Кроме того, были найдены круглая бусина из египетской пасты, маленькая пронизка из синего стекла, электровый медальон, на котором вытиснено изображение богини с длинными волосами и руками у груди (рис. 5а, *2*); большое количество железных изделий: скобы (рис. 4, *3*), гвозди (рис. 4, *4—6*), ножи, возможно, топор или молоток, сильно попорченный коррозией, конусовидная полая трубка (обломок навершия копья, (рис. *4*, *8*). Из бронзовых вещей обнаружены рыболовные крючки—крупные (рис. 5, *6* и 5а, *4*) и мелкие (рис. 5, *7*), колокольчик, фибула первых веков нашей эры, пряжка (рис. 5а, *1*) и другие разрушившиеся предметы. Найдены также 3 светильника (рис 5, *3*), много ручек со следами привязывания (повидимому, грузила; рис. 5, *4*), керамическое лощило, пряслице в виде усеченного конуса, обломок перстня с ободком для камня. У стены *1* лежала куча обгоревшей крученой веревки, возможно, от сгоревшей сети.

После расчистки золы и сажи обнаружился пол помещения, покрытый светлой глиняной обмазкой. При прокапывании пола выяснилось, что обмазка была двуслойной, в глине были включения черепков III в. н. э., а под нижним слоем обмазки лежали камни забутовки.

Помещение *Б* (северо-западное; рис. 2) имело размеры 2,6 ×3,8 м. Оно было ограничено с юго-востока стеной *1*, с северо-запада — стеной *4* и с северо-востока — стеной *2*, имевшей у северо-западного конца дверной проем шириной 0,9—1 м.

Стена *2* была пристроена впритык к стене *1* и имела длину 1,7 м и ширину 0,65 м. Сохранилась она на высоту 0,85 м. Кладка ее сходна с кладкой стены *1*. С внутренней стороны к стене примыкала печь из сырца размером 0,8 ×0,4 м, напоминающая печь из помещения *А*. Глиняного стол-

[1] Монеты определены Д. Б. Шеловым. Наиболее поздние из монет датированы 260—267 гг. н. э. См. табл. на стр. 244.

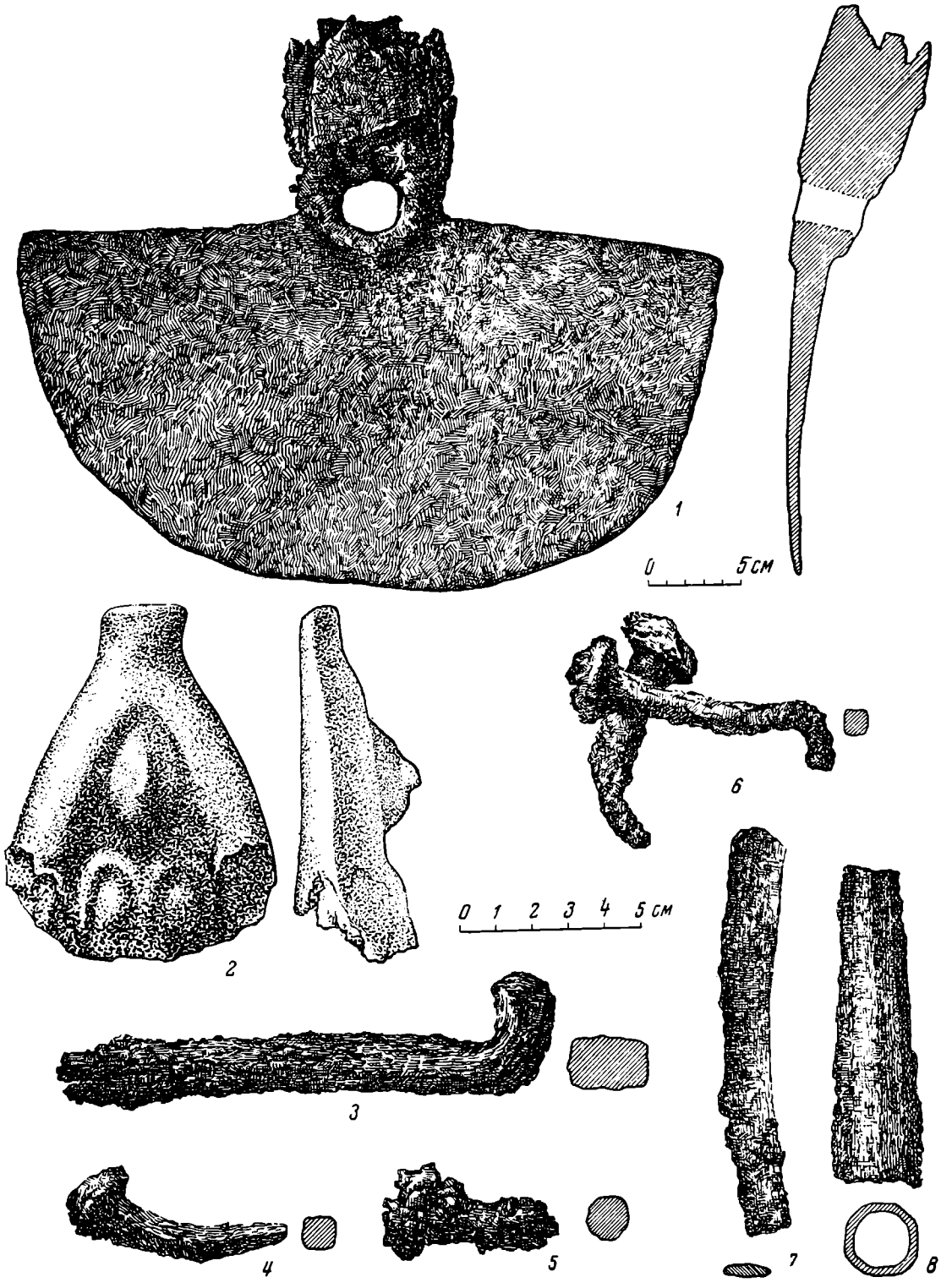


Рис. 4. Находки из помещения *А* поселения у дер. Ново-Отрадное (*1*, *3—9*) и из поселения у дер. Золотое (*2*).

1 — мотыга; *2* — часть терракотовой статуэтки; *3* — железная скоба; *4—6* — железные гвозди, *7* — часть железного ножа; *8* — железная трубка.

бика в центре печи не сохранилось. У самого дверного проема к стене была приставлена каменная ступа, такая же, как и в помещении *А*.

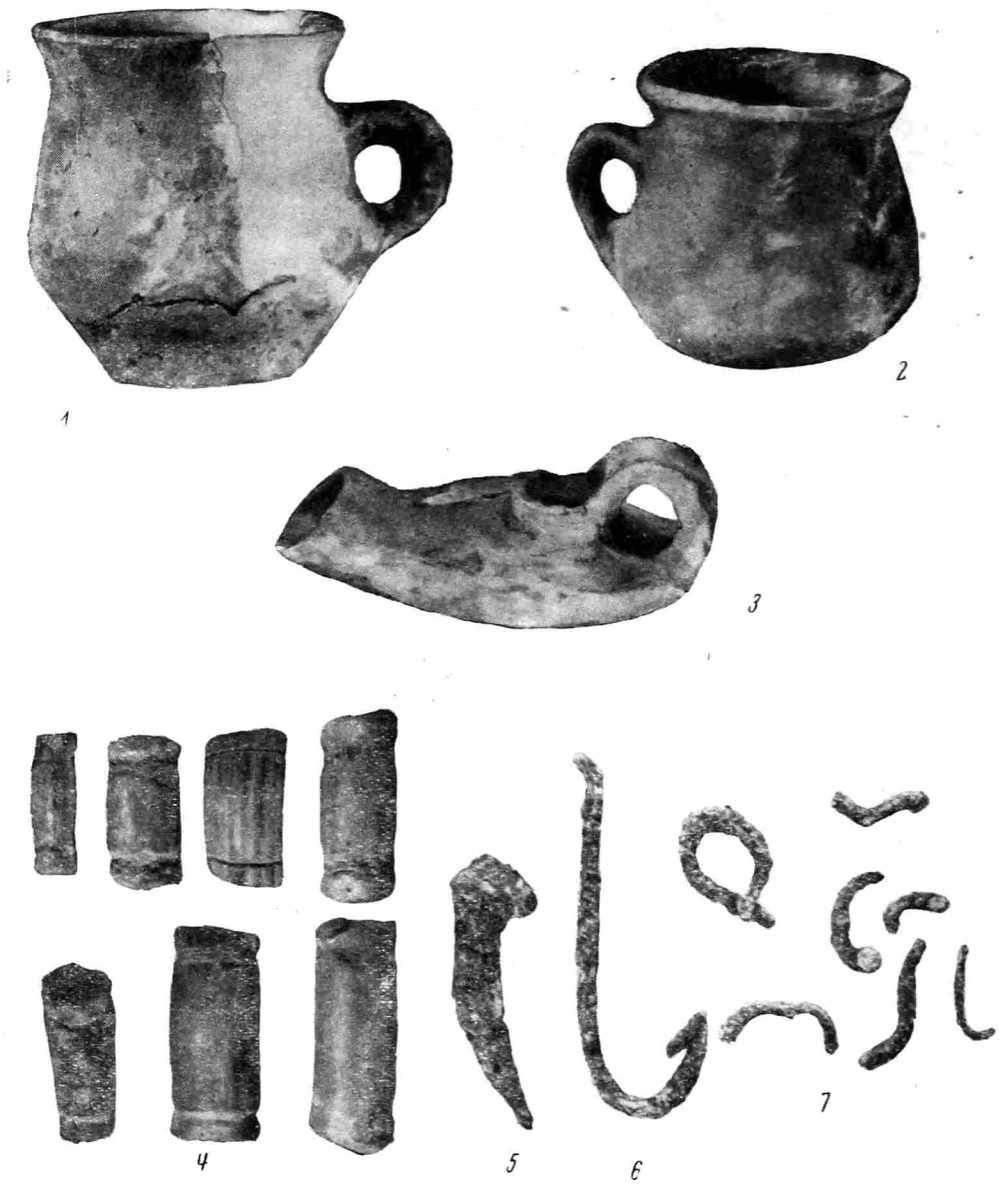


Рис. 5. Находки из поселения у дер. Ново-Отрадное.

1—2—краснолощеные кувшинчики; *3*—светильник; *4*—грузила из амфорных ручек; *5*—железный гвоздь; *6—7*—бронзовые рыболовные крючки и их обломки (*1—3*, *5—7*— ок. 1/2 нат. вел.; *4*—ок. 1/4 нат. вел.)

Стена *4* имела длину 4,6 м, ширину около 0,62 м и наибольшую высоту 0,6 м. Только северо-восточная часть стены была сложена из 2 рядов камней (подобных камням кладки стены *1*), а ее юго-западная часть на протяжении 1,5 м была сложена из глины со щебнем. Крайний северо-восточный камень стены, ограничивавший дверной проем, имел выдолбленное углубление шириной 0,1 м, высотой 0,2 м и глубиной 0,06 м. Углубление это находилось на высоте 0,35 м от уровня пола. С противопо-

ложной стороны дверного проема крайний камень стены *2* имел два (одно под другим) выдолбленных углубления размером по 0,10×0,08 м. Расположенные друг против друга углубления стенок дверного проема служили, вероятно, для деревянных балок, загораживавших вход. Юго-западной стены помещения *Б* проследить не удалось; она уходит в борт раскопа.

На полу помещения среди золы обнаружено пятно древесного угля, найдены обломки амфор, краснолаковых мисок, лепных горшков и мисок, ручки амфор, служившие грузилами, 3 монеты III в. н. э., перстень из белого металла с ободком для камня (рис. 5а, *3*), тонкий железный нож (рис. 4, *7*). По сравнению с помещением *А* здесь находок было значительно

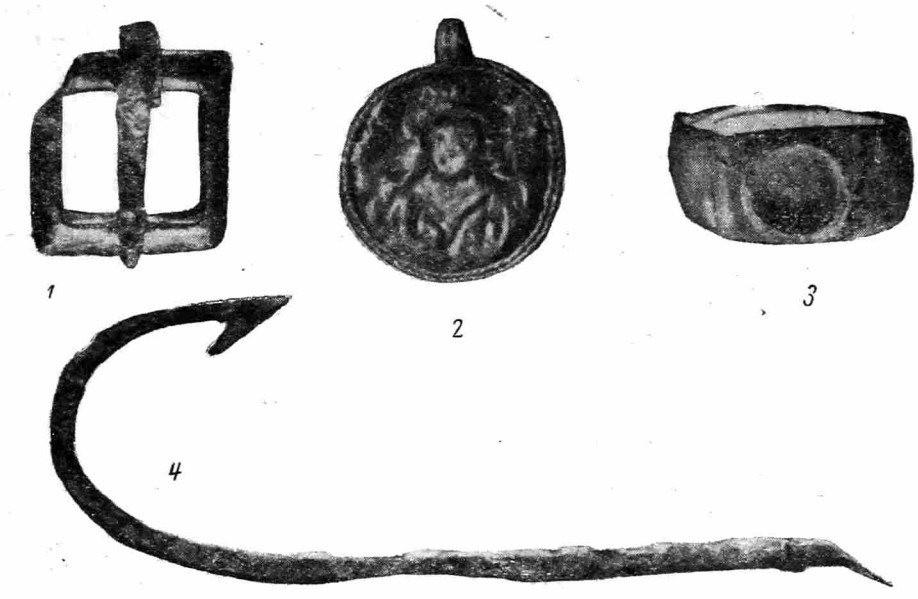


Рис. 5а. Находки из поселения у дер. Ново-Отрадное.

1 — бронзовая пряжка; *2* — электровый медальон; *3* — перстень; *4* — бронзовый крючок. (Нат. вел.)

меньше. Повидимому, это помещение имело иное назначение, чем помещение *А*, где было больше вещей домашнего обихода, хранились орудия труда, хозяйственные запасы и т. д.

В северо-восточной части раскопа не было архитектурных остатков, связываемых с III в. н. э., кроме остатков стен, ограничивающих коридорчик шириной 0,4—0,5 м, куда выходили двери помещений. Но здесь вследствие выборки камня в позднее время сохранились лишь отдельные камни. На уровне пола помещений лежали камни вымостки коридорчика. При дальнейшем углублении раскопа выяснилось, что здание было построено на культурном слое I—II вв. н. э.

В западной части раскопа ниже основания стены *4* обнаружена большая мусорная яма I—II вв. н. э. с массой ракушек мидий, кусками глиняной обмазки, золой, костями животных, мелкими черепками амфор и простой и краснолаковой посуды. Здесь найдена также маленькая чашечка с двумя ручками, покрытая бурым лаком. Слой I—II вв. н. э. прослеживается и в южном углу помещения *А*, где мы углубились ниже уровня пола. Там к этому слою относится завал камней.

Таблица 1

№ по пор.	Определение монеты	Публикация	Дата	Металл	Вес	Сохранность	Место находки
1	Савромат II, сестерций	З., XLVIII, *8*	174—186 гг.	Медь	9,80	Плохая	Среди камней, заполнивших раскоп
2	Рискупорид III, статер	Б., XXXI, *268*	224 г. (?)	Электр	4,99	»	На полу помещения *А*
3	Фарсанз, статер	—	252 г.	Биллон	5,27	Средняя	То же
4	Рискупорид V, статер	К., XIX, *113*	261 г.	»	7,05	Очень хорошая	» »
5	Рискупорид V, двойной денарий	—	260—267 гг.	Медь	4,56	Плохая	» »
6	Рискупорид IV, двойной денарий	Б., XXXII, *306*, *307*	233—234 гг.	»	4,84	Средняя	» »
7	Ининфимей, статер	Б., XXXII, *315*	238 г. (?)	Серебро	5,53	»	» »
8	Рискупорид V, двойной денарий	—	260—267 гг.	Медь	6,17	Плохая	» »
9	Рискупорид III, денарий	К., XVIII, *98*	210—226 гг.	»	9,11	Средняя	» »
10	Рискупорид III, денарий	Б., XXXI, *273* и сл.	То же	»	8,76	»	» »
11	То же	То же	» »	»	5,36	Очень плохая	» »
12	» »	» »	» »	»	9,86	Плохая	» »
13	» »	» »	» »	»	8,98	»	» »
14	» »	» »	» »	»	9,52	Очень плохая	» »
15	» »	» »	» »	»	8,60	Плохая	» »
16	» »	» »	» »	»	9,06	»	» »
17	Ининфимей, двойной денарий	З., XLIX, *18*	234—239 гг.	»	5,04	Средняя	» »
18	Рискупорид III, денарий	—	210—226 гг.	»	8,67	Очень плохая	На полу помещения *Б*
19	Рискупорид V, двойной денарий	—	260—267 гг.	»	5,60	Хорошая	То же
20	Рискупорид IV, двойной денарий	Б., XXXII, *306*, *307*	233—234 гг.	»	5,40	»	» »
21	Рискупорид III, денарий	К., XVIII, *98*	210—226 гг.	»	8,78	Средняя	Среди камней завала
22	То же	То же	То же	»	8,63	»	То же
23	» »	» »	» »	»	7,20	Плохая	» »
24	» »	» »	» »	»	6,82	Очень плохая	» »
25	Савромат II, сестерций	З., XLVIII, *8*	174—186 гг.	»	8,78	Плохая	» »

Наибольшая глубина раскопа — 2,85 м у юго-западного борта раскопа и 2,1 м у северо-восточного борта. Слой III в. н. э. заканчивается на глубине 1—1,6 м от современной поверхности почвы, а слой I—II вв. н. э. продолжается до материка, который в западной части раскопа был достигнут на глубине 1,3—1,7 м от современной поверхности почвы, а у юго-западного борта — на глубине 2,4 м.

Уровень пола помещений находился на глубине 1,3 м от поверхности (у юго-западного борта раскопа).

У подножья холма при зачистке канавы найдена часть клейменой ручки родосской амфоры. Керамику эллинистической эпохи находили и среди подъемного материала. Все это свидетельствует о том, что в районе холма существовало поселение уже с эпохи эллинизма. Оно прекратило свое существование в последней трети III в. н. э., во время катастрофы, связанной, вероятно, с нападением готов и других народов, обосновавшихся на Азовском море еще в середине III в. н. э.

Жители исследованного нами здания были уведены в плен или погибли, но до последнего момента они жили в доме; их пищевые запасы и орудия труда погибли в пожаре под обвалом потолка. Большое количество обуглившегося дерева, железные скобы и гвозди на полу и полное отсутствие черепицы позволяют предполагать, что перекрытие помещения было деревянным, а крыша соломенной.

Всего при раскопках этого поселения найдено 27 монет. Из них Д. Б. Шелову удалось определить 25 (табл. 1)[1].

Второе из исследованных в 1953 г. поселений находилось у восточного края деревни Золотое (бывш. Чигини), Приморского района (рис. 1, *5*) на вершине холма.

Поселение простиралось от высокого обрывистого берега с запада на восток приблизительно на 200 м и на такое же расстояние — с юга на север. Культурный слой мусорного характера хорошо заметен в обрыве берега, где он размывается морем. С северо-восточной стороны по краю поселения заметны большие кучи золы и битой керамики, напоминающие зольник, прорезанные длинной траншеей военного времени. Такие же траншеи разрушили восточную и западную части поселения; в их обрезах заметны выступы каменных кладок стен. В восточной части поселения при земляных работах в самые последние годы находили большое количество каменных кладок стен, обломки керамики. Была найдена и каменная ступа.

За пределами поселения, на юго-восточном склоне холма, находился некрополь. Восточная, более высокая его часть изрезана траншеями. В борту одной из них обнаружена разоренная могила из каменных плит, в которой найден горшочек из коричневой глины, сделанный на гончарном круге, по форме напоминающий сарматские горшочки первых веков нашей эры (рис. 6, *1*).

У восточного края поселения в двух местах произведена зачистка обрыва берега, где, повидимому, долгое время существовала мусорная свалка, мощность слоя которой достигала 5—7 м. Зачистка позволила установить время существования поселения, характер быта и занятий его жителей.

Судя по найденному в мусорном грунте материалу, поселение существовало с последних веков до нашей эры по III в. н. э. К наиболее раннему времени принадлежали обломок стенки чернолакового сосуда и обломок

[1] В табл. 1 приняты следующие библиографические сокращения: Б.— П. Бурачков. Общий каталог монет. Одесса, 1884; З.— А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951; К.— Б. Кёне. Описание музеума кн. Кочубея, т. II, СПб., 1857.

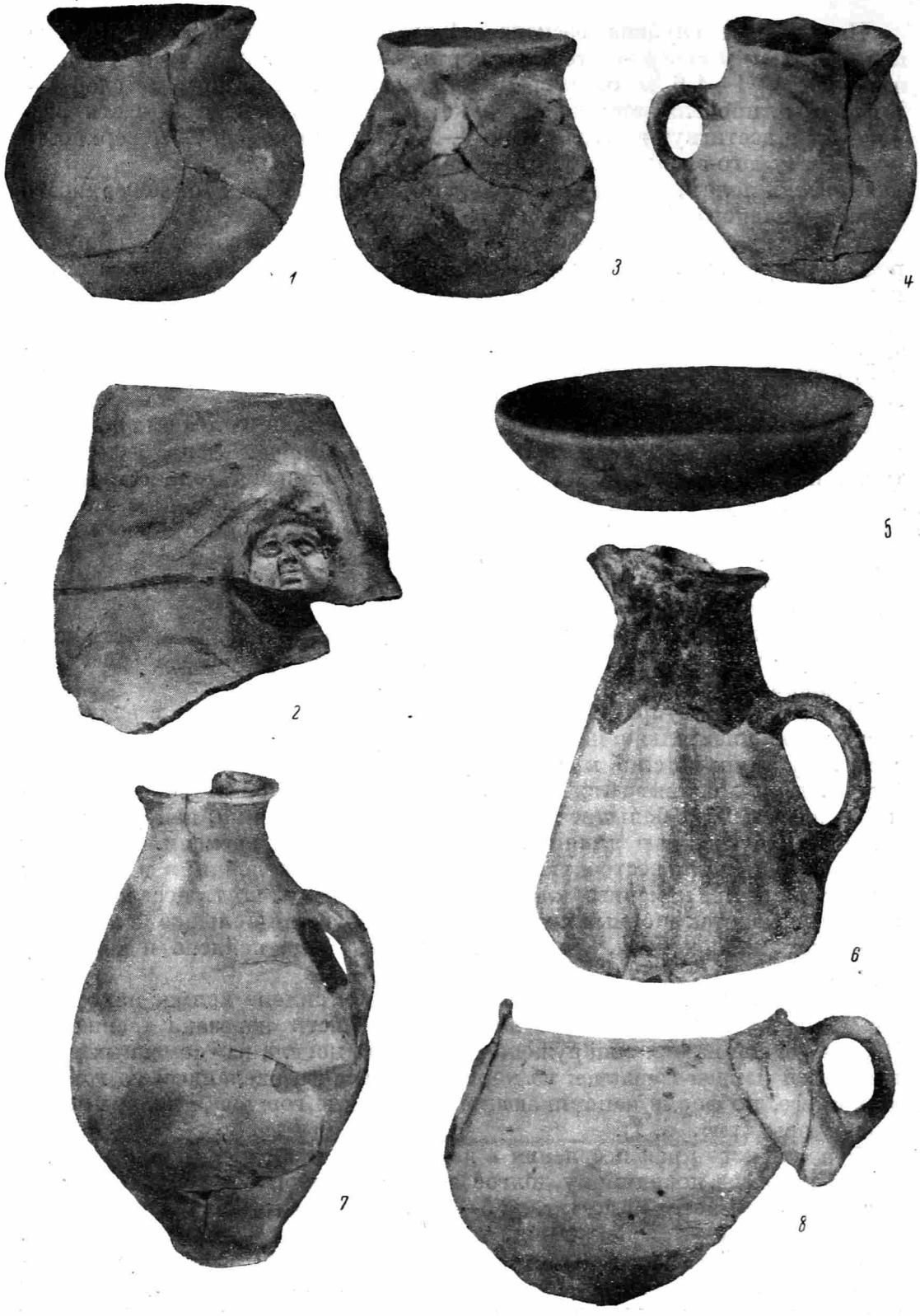


Рис. 6.

1 — горшок; *2* — рельеф силена на стенке сосуда; *3—6* — краснолощеные сосуды; *7* — корчага; *8* — горшок (*1*—из могилы; *2* — из поселения у дер. Золотое; *3—8* — из поселения у дер. Семеновка. *1—5*—ок. 1/2 нат. вел.; *6* и *8*—ок. 1/5 нат. вел.; *7*—ок. 1/6 нат. вел.)

сосуда с коричневым лаком, но вся остальная масса керамики относилась к периоду с I по III в. н. э.

Преобладали обломки массивных реберчатых амфор III в. н. э.; встречались также простые сосуды, сделанные на гончарном круге, много лепных сосудов из серо-черной глины с примесью ракушек или толченой извести, обломки краснолаковых сосудов I—II вв. н. э. Обнаружены обломки краснолаковых сосудов с белой росписью, двуствольные ручки амфор, обломки лощеных сосудов, амфорные ручки с перевязочками, служившие грузилами, подобные найденным на поселении у Ново-Отрадного; много обломков железных гвоздей, обломки светильников, пробка из стенки амфоры в виде кружка. Наиболее интересна находка верхней части терракотовой статуэтки богини в высоком головном уборе (рис. 4, *2*). Подобного вида статуэтки встречались на Боспоре и раньше в слоях первых веков нашей эры (Илурат, Тасуново и др.).

Интересна находка стенки толстостенного красноглиняного сосуда со светлой обмазкой и рельефной головой молодого силена (рис. 6, *2*).

По найденным при раскопках костям животных можно судить о составе стада у жителей данного поселения. Обнаружены кости крупного и мелкого рогатого скота, лошади, свиньи. Кроме того, найдены кости собаки, дельфина и рыб[1]. Большое количество ракушек в мусорной свалке поселения свидетельствует об употреблении в пищу мидий.

Третье и четвертое из раскапывавшихся в 1953 и 1954 гг. на берегу Азовского моря поселений находились в районе мыса Казантип.

Одно из них расположено в 4 км к северо-западу от дер. Семеновка (бывш. Китень), на небольшом мысу над второй бухтой (так называемой «Романовой»). Поселение сильно повреждено траншеями военного времени, проходившими по склонам холма. Выступающие в их стенках каменные кладки и скопления керамики позволяют судить о значительных размерах территории, занятой поселением. Раскоп, заложенный на южном склоне холма, общей площадью около 120 кв. м, позволил вскрыть 3 жилых помещения, расположенных на 2 террасах (рис. 7).

Помещение *А* (южное) отделялось от помещения *Б* (северного) проходом шириной 1,2 м, который был вымощен каменными плитами. Помещение *А*, размером около 11 кв. м., с востока было ограничено стеной *5*, с севера — стеной *2*, с запада — стеной *9*, в большей своей части разрушенной. От южной стены *8* сохранились камни основания и лишь отдельные камни следующего ряда. Наибольшая толщина стены *2* составляет 0,7 м. Западная часть стены была сложена из 2 рядов необработанных камней различной формы с бутом посередине; восточная часть тоже была двухпанцырной (0,55 м толщиной), но без забутовки. Дверной проем, первоначально имевший ширину 1,4 м, позднее был загорожен узкой стенкой длиной 0,9 м и шириной около 0,3 м, оставляющей только небольшой проход 0,5 м, вымощенный каменными плитами. Стена *5* была двухпанцырной, шириной около 1 м, и сложена из необработанных камней известняка. Кладка западной и южной стен была такой же, как и кладка двух других.

Пол в восточной части помещения был вымощен каменными плитами. В западной части находилась печь, судя по большому скоплению кусков глиняной обмазки, золы и сажи. Устройство печи, повидимому, было таким же, как и в помещениях на поселении у Ново-Отрадного. В северо-восточной части помещения найдена свалившаяся на бок каменная ступа[2].

[1] Все кости определены В. И. Цалкиным.

[2] Ее высота — 0,4 м, диаметр верхней части — 0,35 м, диаметр дна — 0,2 м. глубина углубления — 0,25 м, диаметр его — 0,2 м.

Рядом с ней лежало точило в виде большой гальки и стоял лепной горшочек с отбитой ручкой, покрытый красным лощением (рис. 6, *3*). В центре помещения на полу найдена нижняя плита ручной мельницы, по форме и материалу аналогичной мельницам из поселения у Ново-Отрадного. Ее верхняя часть обнаружена в проходе. Этот тип ручных мельниц был,

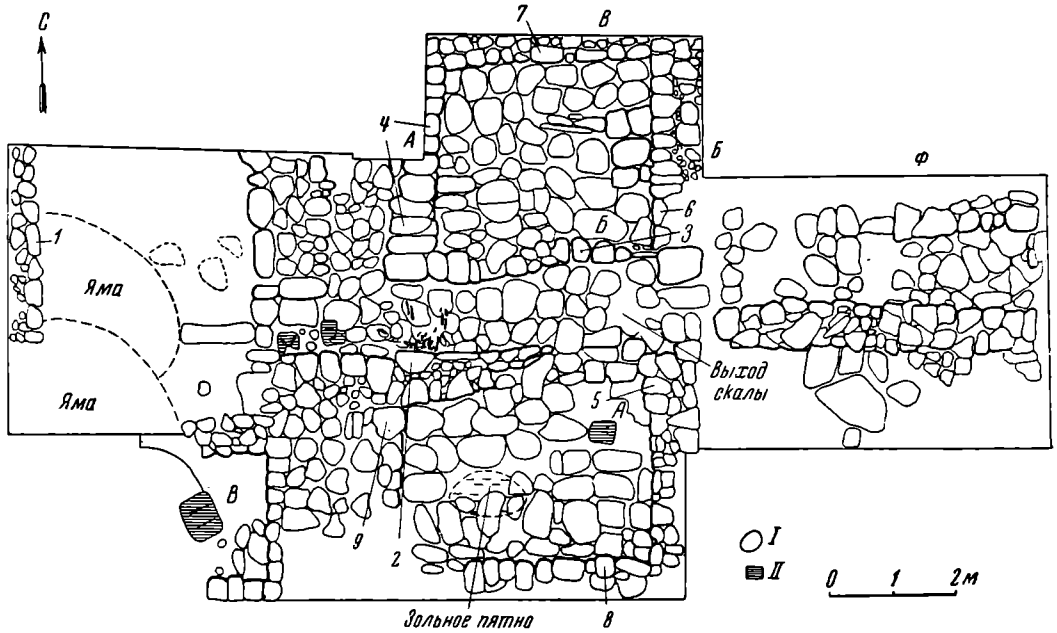


Рис. 7. Поселение у дер. Семеновка. План раскопа.

1—9 — стены; *I* — камни на уровне материка; *II* — каменная ступа и плиты ручной мельницы.

повидимому, очень широко распространен на Боспоре в III в. н. э. Подобные мельницы найдены в Киммерике, Илурате и других местах. Недалеко от нее лежала частично обуглившаяся связка крученого шнура, вероятно, предназначенного для плетения сетей[1]. Весь пол был засыпан слоем золы и сажи.

В золе найдено большое количество керамики, среди которой преобладали лепные сосуды из плохо обожженной глины с включением толченой ракушки. Поверхность многих из них была лощеной и имела желтовато-красный или яркокрасный цвет. Среди краснолощеных сосудов встречены горшки небольших размеров, с диаметром устья от 5 до 13 см, высотой 9—15 см, с плоскими (рис. 6, *4*) и округлыми доньями, а один из них имел даже кольцевой поддон. У некоторых из горшков были вертикальные ручки, прикрепленные к плечам и тулову. Наряду с горшками часто встречались краснолощеные миски различных размеров (рис. 6, *5*), с диаметром устья от 4 до 24 см, иногда с довольно крутыми или округлыми стенками, а иногда — с прямыми, сильно расходящимися; у некоторых мисок были вертикальные ручки, прикрепленные одним концом к краю. Лепные сосуды более крупных размеров чаще всего были нелощеными. Встречено только 2 кувшина, высотой около 35 см и 45 см, с носиком и ручкой; поверхность кувшинов была покрыта у первого — красной, у второго — белой обмазкой и гладко залощена (рис. 6, *6*).

Среди простой лепной керамики, предназначенной для готовки пищи и хранения продуктов, найдено 5 больших корчаг с двумя ручками, пло-

[1] Связка при расчистке раскрошилась, но места узлов сохранились. На рис. 8 изображен такой узел, увеличенный в 2 раза.

ским дном и узким горлом (рис. 6, *7*). Высота их достигала 43—55 см[1], диаметр устья — 12—18 см, диаметр дна — 10—12 см. Все они сделаны из глины с одинаковыми примесями толченого известняка и шамота, одинаково обожжены, благодаря чему их поверхность имеет светлый коричневато-розовый цвет. Для хранения запасов служили и большие пифосооб-

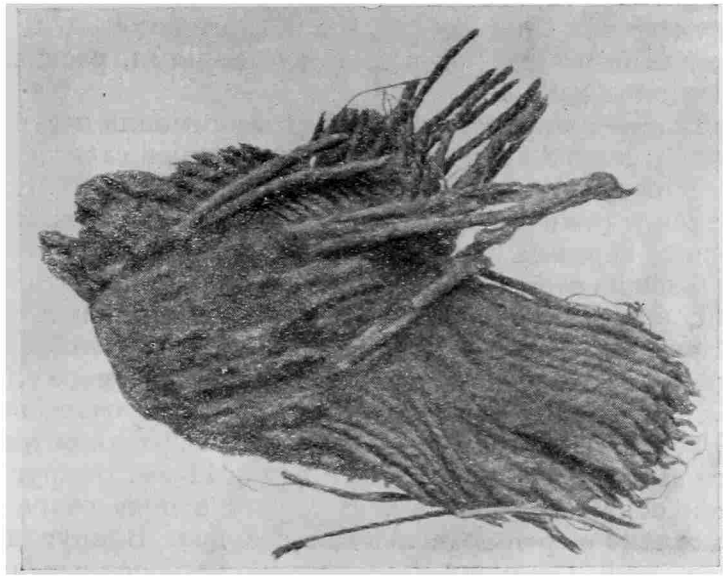


Рис. 8. Кусок связки шнура (поселение у дер. Семеновка).

разные сосуды с диаметром горла 25—26 см[2], для приготовления пищи — горшки различных размеров с диаметром устья от 14 до 30 см; некоторые из них имели вертикальные ручки (одну или две). Пять фрагментированных горшков (рис. 6, *8*), найденных в помещении *А*, отличались друг от друга степенью отогнутости края и покатости плечиков.

Кроме того, обнаружены 2 лепные миски с прямыми расходящимися кверху стенками (диаметр устья — 18 см) и с округлыми стенками и отогнутым краем (диаметр—24 см); обе миски сильно закопчены. Из сосудов, сделанных на гончарном круге, в помещении найдены обломки 2 кувшинов с реберчатыми горлами (один из них близко напоминает кувшин из Тиритаки, зарытый с кладом боспорских монет около 276 г. [3]), обломки 2 остродонных амфор III в. н. э. с реберчатыми и гладкими стенками и небольшой узкогорлой амфоры светлой глины.

Среди завала камней от стен в помещении найдены: обломки краснолаковой миски, кусок мраморной дощечки (рис. 9, *8*) с изображением двух фигур (вероятно, божеств), обломки терракотовой фигурки всадника и головы лошади, плоская глиняная лепешка диаметром 3,3 см, назначение которой неясно, глиняное круглое пряслице и нижняя часть лепного высокого светильника.

---

[1] Найдены обломки еще двух таких же сосудов, но полностью их размеры восстановить не удалось. Дно одного из них имело диаметр 17 см, дно другого —30 см. Наибольший сохранившийся диаметр тулова — 55 см.

[2] Высота их неизвестна.

[3] В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, № 25, 1952, стр. 99, рис. 118, *2*, *3*.

Судя по наличию ступы, ручной мельницы, точила, больших корчаг, пифосов и связок шнура, помещение *А* имело хозяйственное назначение.

Помещение *Б* (рис. 7), площадью около 10 кв. м, было ограничено с юга стеной *3*, от которой сохранился только один ряд камней, с запада — стеной *4*, сложенной из крупных необработанных камней известняка, с севера — стеной *7* и с востока — стеной *6*, кладка которых идентична кладке стен помещения *А*.

Пол помещения был вымощен плитами и камнями, расщелины между которыми присыпаны землей.

К восточной стене с внутренней стороны примыкала лесенка, от которой сохранились только 3 ступени. Рядом с лесенкой стояли на ребре каменные плиты, образующие загородку параллельно стене *7*. Пространство между загородкой и стеной *7* было забито камнями, сложенными в виде кладки до высоты верхней ступени лестницы. Повидимому, таким образом была укреплена стена *7*, вероятно, начавшая оползать под напором земли северной, более высокой части холма. В противоположность полу помещения *Б*, сплошь покрытому слоем золы, сажи и битой посудой, на площади под камнями между загородкой и стеной *7* горелого слоя не было.

К югу от нижней ступеньки лесенки находился очаг своеобразного устройства. В центре его стояла перевернутая вверх дном нижняя часть лепной корчаги высотой 30 см, с диаметром дна 11 см. Вокруг нее лежали куски глиняной обмазки, вероятно, от стенок и пода очага. Основание очага было выстлано черепками лепных сосудов. Вокруг дна корчаги стояли вверх остриями 4 ножки реберчатых остродонных амфор и дно круглодонного лощеного горшка, высота которых, однако, не превышала 15 см. Все было покрыто толстым слоем сажи и золы. Диаметр этого очага был около 60 см. Рядом с очагом, около лестницы, стоял вверх дном маленький круглодонный краснолощеный горшочек с отбитой ручкой, высотой 8,5 см, с диаметром устья 6,7 см (рис. 9, *1*). На второй ступеньке лестницы у стены также вверх дном стоял лощеный ковшик высотой 5,8 см, с диаметром устья 7,8 см (рис. 9, *3*).

На полу помещения найдено много обломков глиняной посуды, железный нож с согнутым лезвием, железный болт, ручка амфоры с углублениями для привязывания, употреблявшаяся как грузило, стеклянный раздавленный стаканчик, а среди камней, заваливших помещение, находился круглый плоский жернов с отверстием в центре, сделанный из зеленого плотного камня и, вероятно, сползший сюда при завале стены из соседнего, вышележащего помещения. Почти все сосуды, найденные в этом помещении, были лепными. Среди них — 4 одноручных горшка с диаметром устья от 16 до 30 см, 3 одноручных миски типа ковша, со сливами (рис. 9, *2*; диаметр устья — 16 см, диаметр дна — 9,5 см, высота —10,5 см), 3 плоскодонных миски без ручек с расходящимися округлыми стенками (рис. 9, *4*; диаметр устья —9,5 и 27 см), 2 одноручных кувшина высотой 18,5 см (рис. 9, *5*), 2 открытых светильника на высоких ножках, а также открытый ладьевидный (рис. 9, *6*) и закрытый с вытянутым рожком (рис. 9, *7*).

Из краснолощеных сосудов здесь оказался только кувшин. Из сосудов, сделанных на гончарном круге, найдено дно миски и 2 остродонных амфоры: одна — реберчатая с высоким горлом, другая — узкогорлая, из оранжевой глины.

Около стены *4* обнаружено большое количество обгорелых зерен ячменя и пшеницы, хранившихся в большой корчаге и высыпавшихся при пожаре. В стоявшем рядом кувшине было просо, также обуглившееся и

поэтому хорошо сохранившееся. Почти все сосуды носят следы копоти и нагара, что свидетельствует об их назначении для приготовления пищи.

С запада от помещения имелся такой же узкий мощеный проход, как и с юга. Около наружного юго-западного угла помещения, на каменной

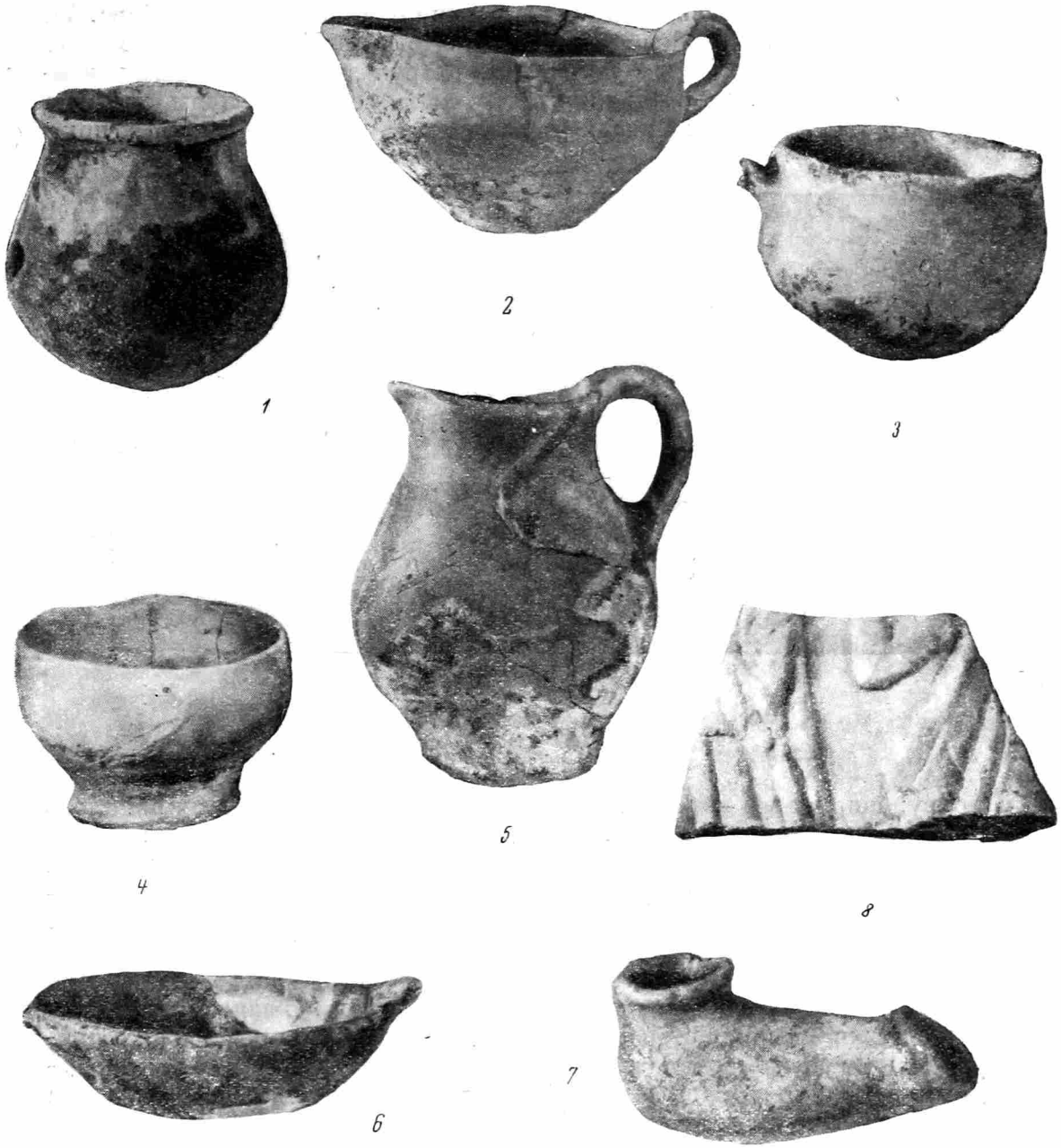


Рис. 9. Находки из поселения у дер. Семеновка.

1—5 — лепные сосуды; *6,7*—лепные светильники; *8* — кусок мраморного рельефа. (*1, 3—4*--ок. 1/2 нат. вел.; *2, 5*—ок. 1/4 нат. вел.; *6—8*—ок. 1/3 нат. вел.).

вымостке прохода, лежал скелет большой собаки, с размозженным черепом, возможно, погибшей при пожаре и обвале помещения. Недалеко от него оказалась разбитая на две части верхняя плита ручной мельницы. В западном направлении проход подводил к сплошному каменному завалу, запол-

нявшему заброшенное в III в. н. э. помещение, ниже которого находилась большая мусорная свалка начала III в. н. э. Повидимому, в течение III в. н. э. этот участок восстанавливался дважды, но потом был заброшен, и его углубленная часть оказалась заполненной камнями от каких-то заваливших зданий.

К помещению *А* с запада примыкало еще одно помещение *В* (рис. 7), существовавшее одновременно с помещениями *А* и *Б* и погибшее вместе с ними. Бо́льшая часть этого помещения разрушена современными земляными сооружениями. Сохранившаяся часть северной стены сложена из необработанных камней различной величины, плохо пригнанных друг

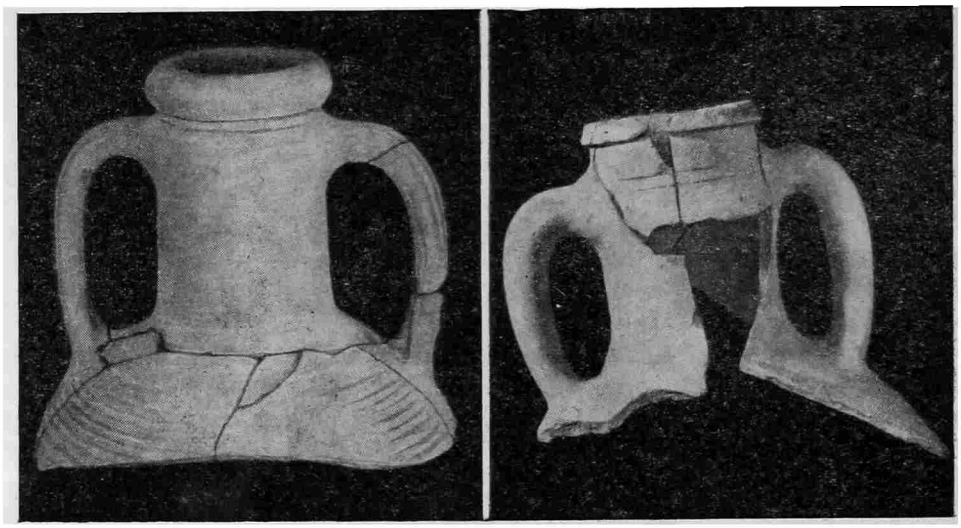


Рис 10. Амфоры III в. н э. из поселения у дер. Семеновка.

к другу; ширина ее — 0,6 м. От восточной и южной стен сохранилось только по одному ряду камней. Пол помещения был глинобитным; на нем в слое золы и сажи найдены раздавленная реберчатая амфора и лепная корчага с обуглившимися зернами ячменя и пшеницы, лепной краснолощеный кувшин, горшок, обломки мисок, нижняя плита ручной мельницы, точило, остатки сгоревших стеблей каких-то растений.

К востоку от помещений *А* и *Б* продолжаются каменные сооружения III в. н. э., связанные с этим же жилым комплексом. С запада на восток тянется двухпанцырная стена, сложенная из необработанных, плохо пригнанных камней известняка. К северу от нее находится вымощенный каменными плитами проход шириной около 1 м, ограниченный с севера стеной, очень плохо сохранившейся.

Весь материал слоя, к которому относится здание, заставляет датировать поселение концом III в. н. э. К этому времени относятся монета, найденная в слое, и типы сосудов, в том числе остродонных амфор (рис. 10, *1—2*), употреблявшихся жителями в быту. Но некоторые обломки амфор, обломок стенки рифленого сосуда, круглый жернов, необычный для III в. н. э., заставляют предположить, что на месте частично разрушенного в конце III в. н. э. поселения продолжалась жизнь и позднее, в IV в. н. э. Жилища обитателей поселка IV в. н. э. находились поблизости от раскопанных помещений, возможно, выше на холме.

При вскрытии пола в помещении *А* под плитами вымостки были найдены обломки родосских амфор и простой боспорской керамики. Это позволяет отнести время возникновения поселения на данном холме к последним векам до нашей эры, что совпадает со временем возникновения античного поселения у дер. Ново-Отрадное. Характерным для данного поселения является подавляющее преобладание лепных сосудов среди посуды, употреблявшейся жителями в быту. Интересно соотношение находок, одинаковое для культурного слоя и помещений (табл. 2):

Таблица 2

Фрагменты	Помещения		Остальная площадь	Всего
	А	*Б*		
Остродонных амфор	108	109	705	922
Простых сосудов, сделанных на гончарном круге	4	1	5	10
Лепных сосудов	445	363	259	1067

Таким образом, несмотря на то, что одна разбитая амфора обычно дает значительно больше черепков, чем любой лепной сосуд, общее количество черепков, найденных на поселении у Семеновки, показывает все же преобладание лепных сосудов, что отражает действительную картину соотношения бытовой керамики на поселении: огромное преобладание лепных сосудов, очень незначительное количество простой гончарной посуды и сравнительно небольшое количество амфор, роль которых успешно выполняли лепные корчаги.

Последнее из поселений III в. н. э. на берегу Азовского моря, где проводились в 1954 г. археологические раскопки, находилось на мысу Казантип, в 1 км к северо-востоку от дер. Афанасьевка (бывш. Татарский Казантип), Мысовского сельсовета, Ленинского района.

Поселение, которое мы будем называть «Мысовка», расположено на высоком холме над морем. С севера, юга и запада его защищают скалы, с востока — высокий обрыв берега. С целью выяснения топографии поселения были разбиты 4 раскопа; два западных, по 25 кв. м каждый, были заложены в районе мусорной свалки типа зольников. Мощность мусорного слоя на первой площади достигала 5,8 м и на второй — 2,7 м. В свалке встречено небольшое количество черепков эллинистического времени (от мисок и горшков, покрытых коричневым и красным лаком) и первых веков нашей эры, основная же масса материала принадлежит к III в. н. э. Повидимому, к этому времени и относится образование громадной мусорной свалки, характерной тем, что мусор выбрасывался не в ямы, как обычно, а сваливался в кучи, постепенно превратившиеся в мусорные холмообразные насыпи. Эти раскопы дали большое количество находок, позволяющих судить о времени существования поселения, о материальной культуре, занятиях и торговых связях его населения, о типах керамики, употреблявшейся жителями в быту, и т. д.

Здесь найдены многочисленные обломки сосудов, позволяющие восстановить их полную форму, и несколько целых сосудов; пирамидальные грузила, среди которых были и почти совсем не обожженные; плоское грузило с двумя отверстиями и с процарапанным еще до обжига словом

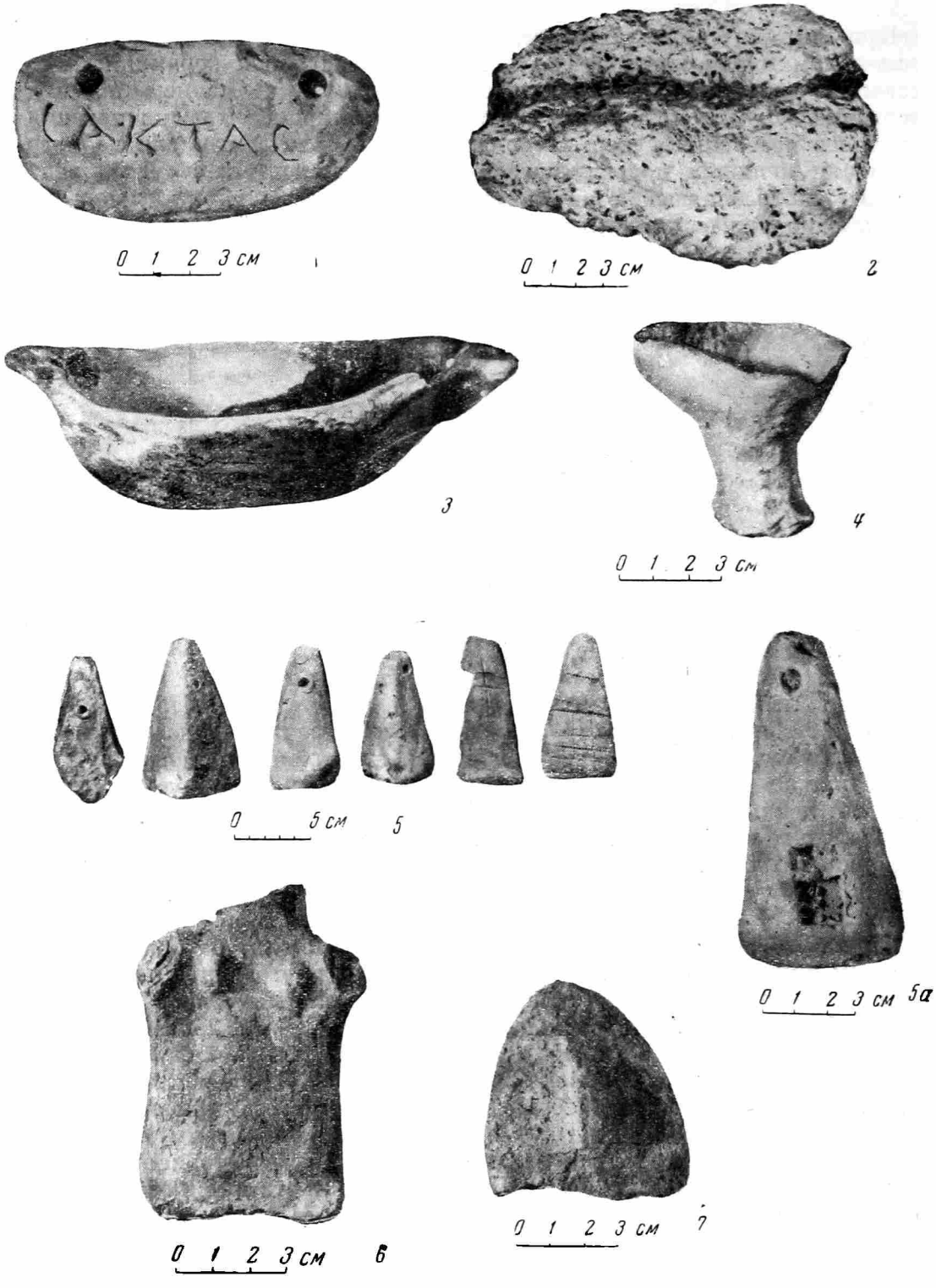


Рис. 11. Находки из «Мысовки».

1 — глиняное грузило с надписью; *2* — каменное грузило; *3*, *4* — лепные светильники; *5*, *5а* —глиняные пирамидальные грузила; *6*, *7* — части глиняных статуэток.

«Сактас» (рис. 11, *1*) возможно, являющимся именем его владельца[1]; грузила — сделанное из ручки амфоры и каменное (рис. 11, *2*); лепные светильники— открытые ладьевидные (рис. 11,*3*), на высокой ножке (рис. 11,*4*) и закрытые с удлиненным рожком[2], лепная цедилка, лепная лепешка диаметром 3 см, бронзовые рыболовные крючки, биконическое пряслице, бронзовая бусина, очень большое количество раковин мидий, кости рыб и животных.

Все найденные здесь сосуды можно разделить на 5 основных групп: лепные сосуды без специальной обработки поверхности, лепные с красной и желтоватой лощеной поверхностью, остродонные амфоры, простые сосуды, сделанные с помощью гончарного круга, и краснолаковые. Количественно преобладают первые две группы. Типы сосудов внутри этих групп очень разнообразны.

Среди лепных сосудов, поверхность которых специально не обрабатывалась, были корчаги[3] с одной или двумя ручками; горшки, обычно со слабо отогнутым краем, покатыми плечами и ручками, прикрепленными к краю и плечу[4], иногда с выступами для поддержания крышки; миски плоскодонные самых различных размеров, с широко расходящимися кверху округлыми или прямыми стенками[5] (рис. 12, *1*); приземистые одноручные горшочки типа ковшей[6]. Найдены также одна лепная крышка с высоким выступом в центре и небольшая цедилка, имеющая диаметр края 10 см и высоту 4 см; вся ее нижняя часть была в сквозных отверстиях диаметром 1 мм, сделанных острой палочкой. Возможно, сосуду типа сковороды принадлежала длинная лепная ручка со сквозным отверстием у края.

Ко второй группе керамики (с лощеной поверхностью) относятся, главным образом, плоскодонные миски с широко расходящимися краями, очень разнообразных профилей и размеров. Среди них — миски с диаметром края от 10 до 32 см, с сильно отогнутыми, закругленными или загнутыми внутрь краями, с различного рода бороздками — выступами и выемками с внутренней и с наружной стороны. Наряду с мисками встречались одноручные кувшинчики, обычно с несколько вытянутым, суживающимся кверху горлом, слегка отогнутым краем и раздутым в нижней части туловом (рис. 12, *2—4*). Размеры их различны: высота — от 7 до 21 см, диаметр устья — от 5 до 9,8 см, диаметр дна — от 4,5 до 8,5 см. Некоторые из них имели почти округлое дно. Различны высота горла и форма тулова и ручек. Последние могли быть круглыми, овальными,

---

[1] Такое имя не встречается в надписях Северного Причерноморья. Вероятно, оно происходит от одного корня с названием племени «саки», которое античные авторы локализуют в Азии и считают родственным скифам. От этого же корня, возможно, происходит имя Σακδος надписи из Танаиса от 228 г. как имя отца одного из членов фиаса (IOSPE, т. II, стр. 451). Повидимому, эти имена произошли от скифского слова sag— «олень», являющегося эпонимом одного из племен, благодаря чему и племя получило название «саки» (В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.— Л., 1949, стр. 179).

[2] Подобные светильники находили в Тиритаке в помещении III—V вв. н. э. В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг., стр. 115, рис. 140, *2*) и в Мирмекии в слоях I—III вв. н. э. (В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Мирмекия в 1935—1940 гг. МИА, № 25, стр. 176, рис. 78).

[3] Диаметр устья — 14—15 см, высота — около 45 см.

[4] Диаметр устья различен (от 8 до 32 см), дно плоское, ручка овальная в сечении или с продольной выемкой с наружной стороны.

[5] Диаметр края мисок — от 7 до 38 см, высота — от 6 до 14 см. Иногда миски имеют сливы, выступы взамен ручек, слегка отогнутый или наискось срезанный край, вдавлины по краю, бороздку под краем и т. д.

[6] Диаметр устья — 10,5—15 см, высота — 5,5—7,2 см, диаметр дна — 8,5—10 см.

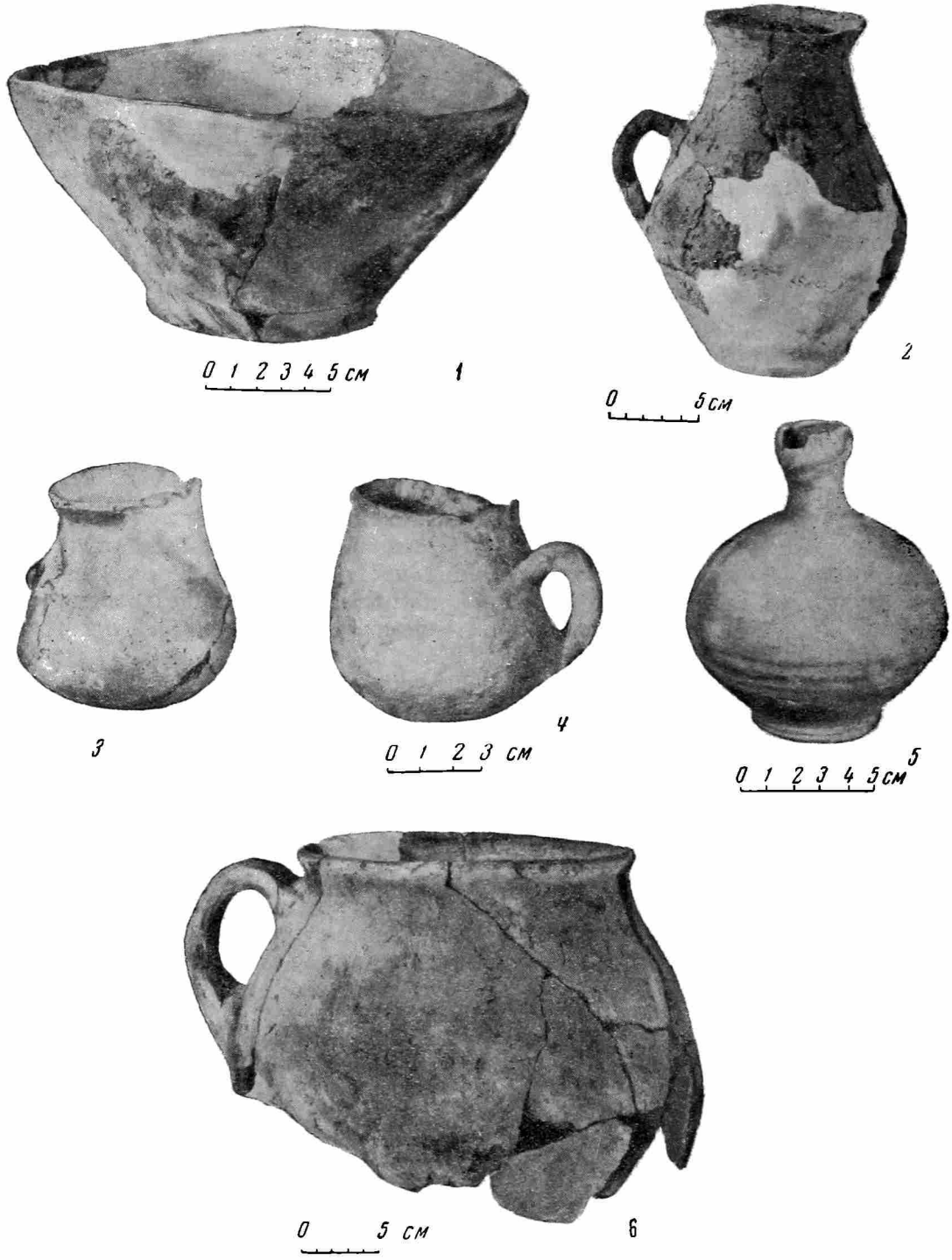


Рис. 12. Керамика из «Мысовки».

1—4, 6— лепные сосуды; *5* — гончарный сосуд.

с желобком или выемкой с наружной стороны, с насечками и т. д. Обломки остродонных амфор, встречавшиеся в значительном количестве на всей глубине мусорного слоя, принадлежали в основном реберчатым массивным амфорам с профилированными ручками, узкогорлым амфорам и глад-

ким массивным амфорам, с толстыми, округлыми в сечении ручками. Встречались также двуствольные амфорные ручки и ручки с желобком.

Группа простых сосудов, сделанных на гончарном круге, представлена небольшим количеством экземпляров. Среди них — кувшин с расширяющимся кверху горлом и загнутым внутрь краем; небольшой кувшинчик с покатыми плечами и коротким, слегка отогнутым краем; узкогорлый сосуд с округлым туловом, без ручек, с поверхностью, покрытой красной краской (рис. 12, 5), и тарелки. Почти все они сделаны из хорошо промытой характерной боспорской глины с включением толченой извести.

Группа краснолаковой посуды представлена главным образом обломками мисок с округлыми стенками и вертикально стоящими или слегка наклоненными внутрь краями. Имеются также обломки небольших чашечек и кувшинчиков.

Обломки реберчатых амфор, встречаемые в слое вплоть до самого материка, хорошо датируют мусорную свалку III в. н. э. К этому времени относится и вся основная масса посуды. Но наряду с этим, как уже упоминалось, в свалке имелись обломки сосудов более раннего времени, в том числе обломки краснолаковых мисок I—II вв. н. э.[1] и чашечек, покрытых коричневым лаком, конца II—I вв. до н. э.[2] Эти находки позволяют предположить наличие поблизости поселения, существовавшего уже в I в. до н.э. Однако архитектурных остатков этого времени пока найти не удалось. Два раскопа, заложенных на месте поселения, занимавшего восточную часть плато, ближе к берегу моря, обнаружили остатки построек III в. н. э.

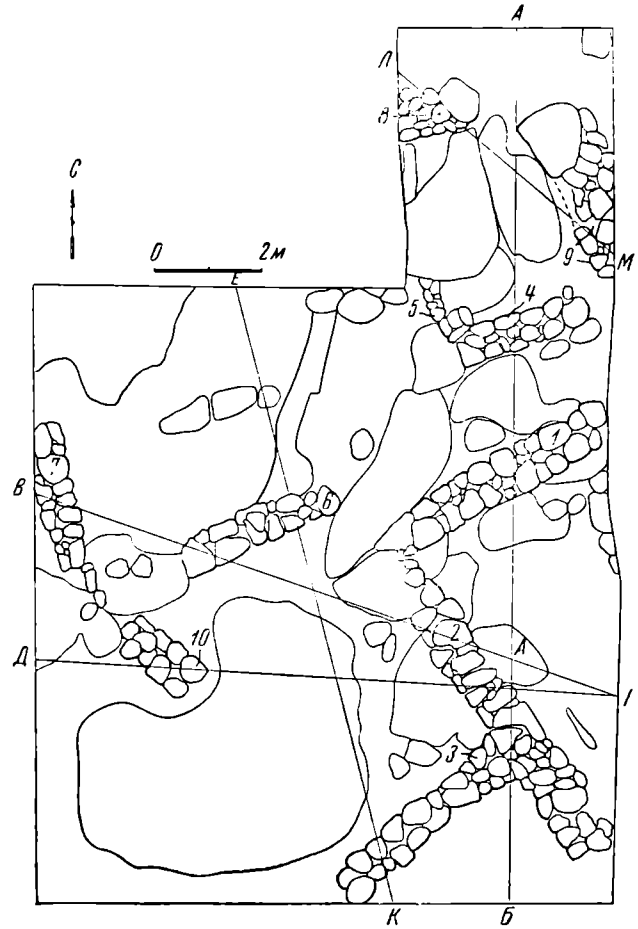


Рис. 13. «Мысовка». План восточного раскопа. *1—10* — стены.

Крайний к востоку раскоп, площадью около 150 кв. м, вскрыл, хотя и неполностью, остатки 4 помещений и переулочка (шириной 1,3 м в самой узкой части). Из-за того, что слой земли[3], покрывавший архитектурные остатки, был тонким и что здесь в XIX в. выбирали камень для построек расположенной рядом деревни, большинство стен раскрытых помещений оказалось частично разобранным (рис. 13). Лучше всего сохра-

[1] По описи № 33, 63, 38, 43 и др.
[2] По описи № 34, 62, 160, 55.
[3] Культурный слой на раскопе имел толщину от 0,2 до 0,6 м.

нились стены крайнего к востоку помещения *А*, у которого удалось вскрыть лишь его западную часть. Его северо-западная стена толщиной 0,75 м уцелела на высоту до 0,85 м. Она сложена на скале, которая частично входит в кладку стены. Стена двухпанцырная, сложена из необработанных неровных камней известняка; пустые пространства между ними заполнены мелким бутом. Основание внутреннего панцыря стены ниже, чем основание внешнего, благодаря более высокому уровню пола коридорчика по сравнению с полом помещения *А*. У внутреннего панцыря стены поэтому сохранились 4 ряда кладки, тогда как у внешнего — только два.

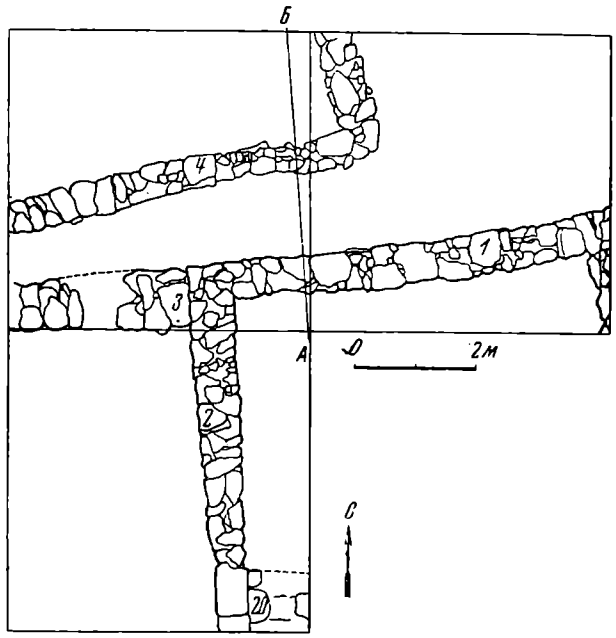


Рис. 14. «Мысовка». План западного раскопа. *1—4* — стены.

В северной части раскопа, в известняковой скале, являющейся основанием стен и полом помещений, в результате действия подземных вод или землетрясения образовалась глубокая трещина. Вероятно, это повлекло за собой смещение кладок в северо западной части раскопа, вследствие чего нет возможности точно выявить планировку этой части раскопа.

По характеру кладки все стены вскрытых помещений были идентичны стене *1* и также близко напоминали кладки стен поселения у дер. Семеновка.

При раскопках здесь найдены обломки реберчатых амфор и лепных сосудов, аналогичные обнаруженным в мусорной свалке и на поселении у дер. Семеновка. Интересны находки лепной, очень грубо выполненной женской фигурки с отбитой головой (рис. 11, *6*) и глиняной головки человека в высоком головном уборе, с длинным носом и без других деталей лица (рис. 11, *7*).

В завале камней находился кусок ручного жернова из такого же плотного камня лиловатого цвета, как и ручные мельницы из Ново-Отрадного, Семеновки, Киммерика.

Среди находок, кроме того, обнаружены: бронзовая монета III в. н. э.; обломки краснолаковой тарелки; лепные светильники, высокий и ладьевидный; амфорная ручка-грузило с выемками для привязывания, подобная встреченным в Ново-Отрадном (рис. 5, *4*); каменное грузило из ракушечника[1]; край пифоса из красной глины; часть большого лепного горшка (рис. 12, *6*); пирамидальные глиняные грузила (рис. 11, *5*). На стенке одного из них имеется оттиск ключа (рис. 11, *5* а), на другом был узор, нанесенный гребенчатым штампом. Здесь же найдены и кости животных.

[1] Такого же типа, как грузила, найденные в Тиритаке на полу помещения III—IV вв. н. э. (См. В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг., стр. 115, рис. 141, *4*.)

Еще один раскоп, заложенный в 40 м к западу от восточного, подтвердил наличие античного поселения именно в этой части плато. Здесь культурный слой был более мощным, и стены построек сохранились несколько лучше. Раскопками вскрыты части 2 помещений и проход между ними шириной 1,2—1,4м. Юго-восточное помещение было ограничено с севера стеной *1*, с запада—стеной *2*; южная и восточная стены вскрыты лишь частично.

Стена *1*, толщиной 0,6—0,75 м, сложена на глине из рваного камня различных размеров. Наиболее крупные камни положены плашмя и чередуются с мелкими. Стена *2*, толщиной 0,6—0,8 м, сложенная так же, соединена впереплет со стеной *1* и сохранилась в высоту до 0,9 м. Об особенностях кладки других двух стен помещения пока ничего сказать нельзя.

Второе, северо-западное, помещение вскрыто лишь в незначительной части. Южная его стена *4* несколько у́же стен *1* и *2* и отличается более небрежной кладкой, в которой сочетаются крупные глыбы, выходящие на обе стороны стены, с мелкими камнями без всяких следов обработки. Такой же была и кладка восточной стены помещения.

Все стены, вскрытые на данном раскопе, были построены не ранее III в. н. э. Они сложены на культурном слое, в котором встречаются обломки реберчатых амфор. Материк на этом раскопе находится на глубине 1,6 м от современной поверхности почвы, тогда как подошвы стен лежат на глубине 0,9—1 м. Весь слой, подстилающий стены, имеет мусорный характер и относится к III в. н. э. Находки посуды на этом раскопе такие же, как и на других: много обломков остродонных амфор III в. н. э., лепных горшков, мисок и кувшинов; реже встречались обломки краснолощеных и краснолаковых сосудов. Здесь же найдены бронзовая монета III в. н. э. и бронзовая поделка в виде удлиненной пластинки с заостренным концом. Встречались также кости животных.

Все четыре исследованных поселения близки друг другу не только по времени и общему облику, но и по составу населения, его образу жизни и занятиям.

Одинаковыми были типы сосудов, которыми пользовались в быту жители этих поселений, одинаковы их строительные приемы. Все эти поселения, повидимому, возникли в одно и то же время, на рубеже II и I в. до н. э. К III в. н. э. они представляли собой укрепленные поселения на холмах, удобных для обороны. Обитатели этих поселений занимались мотыжным земледелием, рыболовством и скотоводством. Они сооружали каменные дома, используя камень, добываемый в прибрежных скалах, но специально его не обтесывали, сочетая в кладке крупные камни с мелким бутом, служившим для заполнения щелей и пустот. Стены клали на глиняном растворе. Перекрытия у домов были деревянными, а крыши, вероятно, земляными или соломенными, так как ни на одном из поселений не было найдено черепицы.

Внутри помещений пол замащивался каменными плитами или камнями, иногда же частично оставался земляным. Уровень пола помещений был несколько ниже уровня пола примыкавших к ним переулочков.

Для размола зерна применяли однотипные каменные ступы и ручные мельницы, которые, повидимому, привозили из южных районов Крыма, так как все они были сделаны из очень плотного камня типа гранита фиолетового или зеленого цвета, который на Керченском полуострове не встречается.

Из злаков широко употребляли в пищу ячмень, пшеницу и просо, запасы которых встречаются при раскопках помещений.

Судя по типу ножей с изогнутым лезвием, найденных в поселениях у Ново-Отрадного и Семеновки, жители разводили виноград.

Население питалось рыбой, которую ловили сетями и на крючки, и мясом домашних животных; очень большую роль в питании играли мидии.

На всех поселениях найдены боспорские монеты, свидетельствующие о том, что жители приморских поселений участвовали в общебоспорской торговле. Это подтверждается также наличием на поселениях привозной краснолаковой посуды (в сравнительно небольшом количестве) и боспорских остродонных амфор, привезенных, судя по их однотипности, из одного и того же боспорского центра.

На всех поселениях лепная посуда преобладает над гончарной. При большом разнообразии типов лепных сосудов, выделывавшихся каждой семьей для своих нужд, для всех поселений характерно широкое распространение краснолощеной посуды, изготовлявшейся одинаковым способом, с окрашиванием поверхности красной краской перед залащиванием. Некоторые из сосудов были окрашены этой краской, но не подвергались лощению. Для всех поселений III в. н. э. характерно также распространение кувшинчиков сарматского типа, с округлым расширяющимся книзу туловом, короткой шейкой и расходящимися вверху краями. Появление этого типа сосудов связано с проникновением на Боспор сарматов. Такие сосуды бо́льших и меньших размеров широко распространены в первые века нашей эры не только по берегам Азовского моря, но и во всех городах Боспора, в том числе в Пантикапее, Илурате и др.

Повсюду в III в. н. э. распространены одни и те же типы лепных светильников: ладьевидные без поддона, круглые и ладьевидные на высокой ножке и закрытые с вытянутым рожком. Даже форма ручек лепных сосудов довольно однотипна. Наиболее широко распространены ручки овальные, с бороздкой, проходящей с наружной стороны сверху вниз, и с выемкой или желобком, также проходящим снаружи вдоль всей ручки.

Наряду с глиняными пирамидальными грузилами широко применялись грузила-подвески из ручек амфор. На таких грузилах специально делали по две выемки для привязывания.

Почти не встречаются на всех этих поселениях боспорские кастрюли с выемками для крышек; очевидно, их заменяли большие лепные горшки и миски.

Для хранения пищевых запасов, наряду с амфорами,— а иногда вместо них, — употреблялись большие лепные корчаги и кувшины, изготовлявшиеся на месте и обжигавшиеся примитивным способом. Интересно распространение в III в. н. э. лепных ковшей со сливами.

Для жителей всех поселений III в. н. э. характерно сохранение древнего культа женского божества; изображение богини встречалось на описанных поселениях в виде терракотовых фигурок, идентичных найденным в Илурате, а также на электровом медальоне.

Судя по вырезанному на грузиле из «Мысовки» имени «Сактас», грамотность на Боспоре III в. н. э. была распространена не только в крупных городах, но и на поселениях, расположенных далеко от центра.

Сравнение материала из описанных 4 поселений с находками из слоев III в. н. э. других городов и поселений — Пантикапея, Тиритаки, Киммерика и особенно Илурата — заставляет прийти к выводу о наличии в это время в Восточном Крыму единой, сильно сарматизованной культуры.

А. В. ДАВЫДОВА

ИВОЛГИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ

(К вопросу о гуннских поселениях в Забайкалье)

В китайских хрониках мы находим многочисленные сведения по истории гуннов, и это неудивительно. В течение нескольких веков Китайская империя непрерывно терпела нападения со стороны гуннов; китайские императоры пытались смирить своих беспокойных соседей, когда не помогали военные походы, богатыми дарами и брачными союзами китайских принцесс с гуннскими шаньюями. В земле гуннов побывал не один китайский посланец, там проживали бежавшие к гуннам невольники и даже высшие государственные чиновники и известные полководцы.

Благодаря этим многосторонним связям китайцы получали довольно подробные сведения о гуннах, что и нашло отражение в китайских летописях.

Оседлых китайцев, китайцев-земледельцев, прежде всего поражал у гуннов кочевой уклад их жизни. Сы Ма-цянь в «Исторических записках» сообщает, что они, «обитая за северными пределами Китая, переходят со своим скотом с одних пастбищ на другие. Из домашнего скота более содержат лошадей, крупный и мелкий рогатый скот; частью разводят верблюдов, ослов, лошаков и лошадей лучших пород. Перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде. Не имеют ни городов, ни оседлости, ни земледелия. Во время приволья, по обыкновению следуя за своим скотом, занимаются полевой охотою и тем пропитываются; а в крайности каждый занимается воинскими упражнениями, чтобы производить набеги. Таковы суть врожденные их свойства»[1].

Под 209 г. до н. э. также сообщается: «Каждый имел отдельную полосу земли и перекочевывал с места на место, смотря по приволью в траве и воде»[2]. И дальше под 174 г. до н. э. «Хунны. обыкновенно питаются мясом скота, пьют его молоко, одеваются его кожами, скот питается травою, пьет воду; смотря по временам, переходят с места на место; и посему в скудное время упражняются в конном стрелянии из лука, а во время приволья веселятся и ни о чем не заботятся»[3].

Таким образом, гунны в представлении китайцев предстают как чистые кочевники.

Археологические памятники Забайкалья и Монголии подверждают наличие кочевого уклада у гуннов. Об этом, прежде всего, свидетельствуют курганные могильники Ноин-Улы, Ильмовой пади и др. Вместе с тем

---

[1] Н. Я. Бичурин (Иоакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.— Л., 1950, т. I, стр. 39, 40.

[2] Там же, стр. 49.

[3] Там же, стр. 58.

в Забайкалье в настоящее время известны и частично исследованы укрепленные и открытые поселения, появление которых можно связать только с оседлым населением, что как будто противоречит приведенным выше данным китайских хроник.

Г. П. Сосновский, исходя из факта наличия оседлых поселений у гуннов, утверждал, что у гуннов был полукочевой уклад хозяйства. Довольно осторожно он говорит об этом в статье об Иволгинском городище[1] и затем более обстоятельно — в целом ряде неопубликованных работ.

Обратимся к рассмотрению памятников, которые послужили основанием для утверждения Г П. Сосновского о полукочевом хозяйственном укладе у гуннов.

В настоящее время в Забайкалье известны 2 поселения гуннов: 1) Иволгинское городище у г. Улан-Удэ, исследовавшееся в 1928—1929 гг. Г. П. Сосновским и в 1949—1950 гг. гуннским отрядом Бурят-Монгольской археологической экспедиции Академии наук СССР, работавшей под руководством А. П. Окладникова[2], и 2) поселение на р. Чикое у с. Дурен, исследованное Г Ф. Дебецем[3].

Иволгинское городище расположено в 16 км к юго-западу от г. Улан-Удэ и в 2 км к востоку от колхоза «Коминтерн» (поселок Нур) на левой надпойменной террасе старицы р. Селенги. В настоящее время новое русло Селенги проходит в 1,5—2 км к востоку от городища.

Местность в районе городища представляет собой узкую, вытянутую с севера на юг котловину, шириной 5—7 км, замкнутую с запада цепью сопок, а с востока — низкой поймой, шириной 1,5—2 км, переходящей севернее в современное русло Селенги. Поверхность котловины почти ровная, с небольшими всхолмлениями и западинами, наполненными водой. Местность весьма удобная для культивирования хлебных злаков и выпаса скота. Низкая пойма и покатые склоны сопок, почти лишенных леса, и до настоящего времени используются для выпаса скота, причем в пойме скот можно держать на подножном корму в течение круглого года. Севернее городища (в 0,4 км от него) котловину перерезает с запада на восток речка Иволга, впадающая в Селенгу.

Исследование городища было начато в 1927 г. местным археологом В. В. Поповым, производившим разведки совместно с В. П. Дуненко и А. Ф. Кобылкиным. В. В. Попов, отнюдь не считавший городище гуннским, раскопал половину небольшого жилища, вторая половина которого была доследована в 1928 г. Г П. Сосновским; кроме того, Г. П. Сосновский раскопал здесь еще два жилища[4], аналогичных раскопанным в 1949—1950 гг. На берегу террасы, в 40 м к востоку — юго-востоку от большого холма Г П. Сосновским была заложена траншея, которая перерезала, повидимому, жилище, разрушенное оползнем берега террасы. Г П. Сосновский принял это жилище за «стоянку»[5].

---

[1] Г. П. Сосновский. Нижне-Иволгинское городище. ПИДО, № 7—8, 1934, стр. 156.

[2] А. П. Окладников. Археологические исследования в Бурят-Монголии. ИАН, серия истории и философии, 1951, № 5, стр. 447—449; его же. Работы Бурят-Монгольской археологической экспедиции в 1947—1950 гг. КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 41—44; История Бурят-Монгольской АССР. Под ред. А. П. Окладникова. Улан-Удэ, 1954, стр. 31, 33—35; А. В. Давыдова и В. П. Шилов. Предварительный отчет о раскопках Нижне-Иволгинского городища в 1949 г. Записки Бурят-Монгольского научно-исслед. ин-та, XIII—XIV, Улан-Удэ, 1952.

[3] Г. П. Сосновский. О поселении гуннской эпохи в долине р. Чикоя (Забайкалье). КСИИМК, вып. XIV, 1947.

[4] Г. П. Сосновский. Нижне-Иволгинское городище, стр. 152, 153.

[5] Там же.

В 1949 г. Бурят-Монгольской археологической экспедицией Академии наук СССР и Бурят-Монгольского института культуры под руководством А. П. Окладникова был организован гуннский отряд, имевший задачу начать систематическое исследование Иволгинского городища. Отряд работал на городище в 1949 и 1950 гг.

Иволгинское городище представляет собой в плане неправильный прямоугольник, вытянутый с севера на юг вдоль старицы р. Селенги (рис.1). Размеры городища: с севера на юг — 348 м, с запада на восток — 194—216 м. С севера, запада и юга городище защищалось поясом укреплений, состоящих из 4 валов и 4 рвов, шириной в поперечном направле-

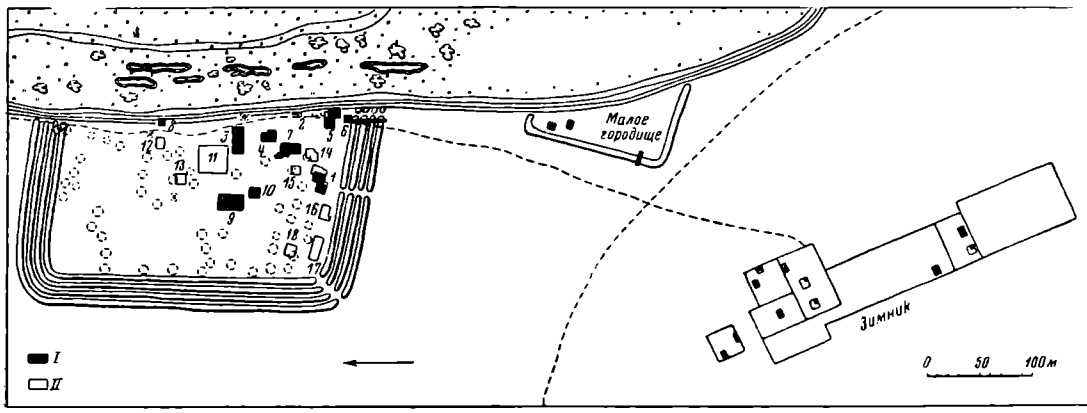


Рис. 1. Общий план Иволгинского городища.

I — раскопы 1949 г.; *II* — раскопы 1950 г. (Цифрами *1—18* обозначены номера объектов).

нии 35—38 м. Территория городища неоднократно распахивалась, и вследствие этого валы получили весьма расплывчатые очертания; края их плавно переходят в едва заметные углубления — рвы. Лучше всего сохранились валы с южной стороны, где высота их достигает 0,4 — 0,5 м, в то время как с северной и западной стороны они едва возвышаются над окружающей местностью. Поверхность городища представляет собой почти ровную площадку, несколько повышающуюся к западу и северу, с многочисленными всхолмлениями высотой до 0,1 — 0,2 м, на которых иногда наблюдались ряды вертикально поставленных плит. Таких всхолмлений на городище насчитывается более 80. Под ними, как правило, оказывались остатки жилищ. В южной части городища, ближе к центру, имеются два холмообразных четырехугольной формы возвышения (рис. 1)[1]: одно из них (А) — размером 33×33 м и высотой у северо-западного угла 1,65 м, другое (В) — размером 25×25 м и высотой у того же угла 0,9 м. Холмы находятся на расстоянии 22,5 м друг от друга. Верхние площадки обоих холмов понижаются к юго-восточному углу и имеют в центре небольшие впадины. За 2 года раскопок было исследовано 22 жилища, в том числе одно большое, что дало возможность почти полностью выяснить их конструкцию.

План жилища выявлялся сразу же по снятии дернового слоя. На фоне светлой материковой супеси обозначалось обычно прямоугольное с округлыми углами темное пятно засыпи основания жилища, ориентированное во всех случаях с запада на восток (рис. 2).

У северной и западной границ пятна намечались 2 ряда вертикально стоящих плит (рис. 2). После зачистки засыпи жилища выявлялась сле-

[1] На рис. 1 холм А обозначен цифрой *11*, холм В — цифрой *9*.

дующая картина. Основанием жилища был вырытый в светлой супеси котлован с вертикальными стенками, глубиной до 1,14 м (от современной поверхности) и площадью в среднем 6 × 4 м. Пол жилища сооружался либо утрамбовкой дна котлована, в результате чего получалась твердая корка (например, в жилищах 1 и 2) , либо обмазкой (жилища 7 и 10), причем наблюдались следы неоднократной подмазки. На полах просле-

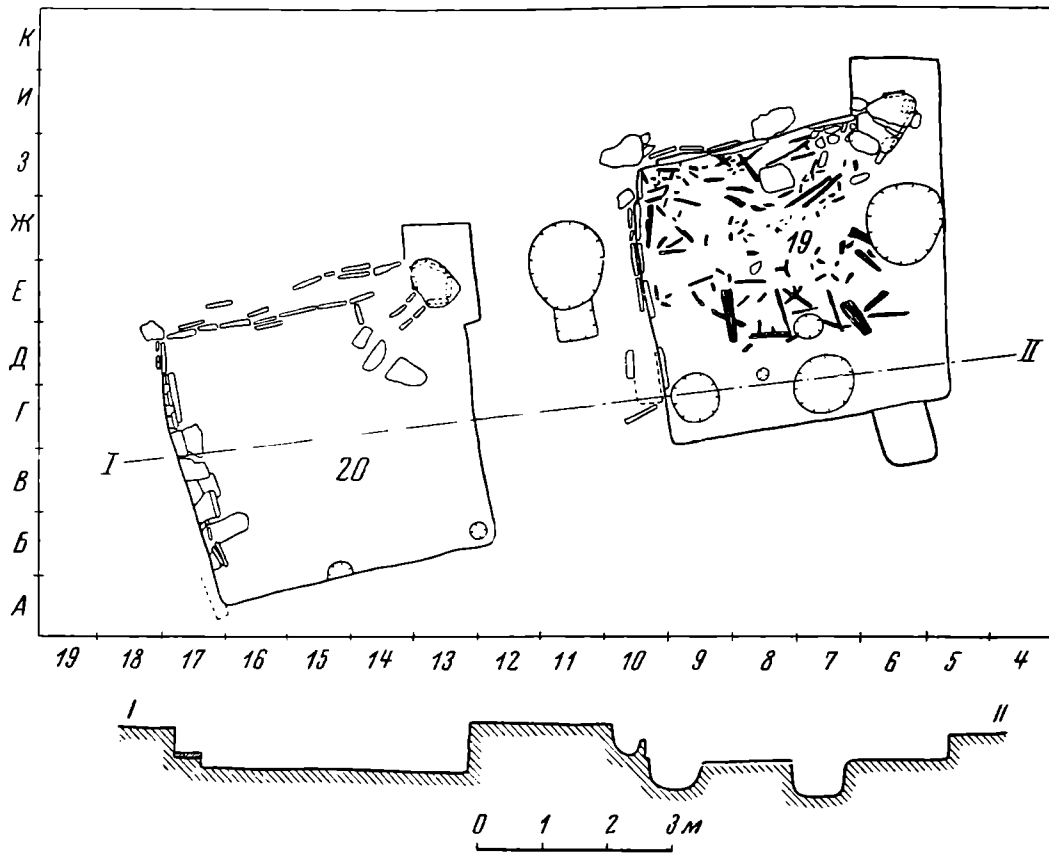


Рис. 2. План и разрез жилищ 19 и 20.

живались небольшие углубления (жилище 10), частичный обжиг поверхности, угольно-зольные пятна открытых очагов (жилище 1).

Небольшая глубина котлована (до 1,14 м от современной поверхности) вызывает вопрос о том, каким образом и из какого материала воздвигались стены этих жилищ. С самого начала напрашивалось предположение, что стенки делались из сырца. Но бесспорных остатков сырцовых стен при раскопках малых жилищ не обнаружено. При этом необходимо учесть неоднократную распашку городища. Однако в одном случае удалось определить толщину стены (в жилище 7). После снятия дернового слоя совершенно отчетливо обозначились контуры жилища: северная и западная стены — по рядам каменных плит, а южная и восточная — по хорошо прослеживаемой линии темного пятна. После удаления темной засыпи, наполнявшей жилище, оказалось, что толстый, намазанный в несколько приемов пол жилища плавно переходит в южную стену, отходя к северу на 0,60—0,65 м от отчетливо видимой раньше границы пятна. Таким образом, была выявлена толщина стены. Исследование показало, что стена была сооружена из сырца характерного зеленовато-желтого оттенка с мелкими

темными порами. Из такого же сырца были сооружены стены лучше сохранившегося большого жилища 9, о котором речь будет ниже. Любопытно, что в толще этой стены у юго-западного угла жилища 7 обнаружены остатки вертикально стоявшего обугленного столбика, опиравшегося нижним концом на гранитную плитку размером 0,15 × 0,25 × 0,10 м. Такие же ямки от столбиков прослеживались у южных стен жилищ 1 и 3, и наиболее четко они были заметны у южной и восточной стен жилища 8. Следовательно, южная и восточная стены воздвигались непосредственно на краю котлована. Не исключено, что эти ямки остались от столбов, поддерживавших крышу жилища. Подобные наблюдения были сделаны при раскопке китайского дома, исследованного Л. А. Евтюховой и В. П. Левашовой близ Абакана[1].

Гораздо сложнее вопрос о том, где сооружались северная и западная стены. Выше уже отмечалось, что границы жилища с северной и западной сторон отмечены рядом вертикально стоящих каменных плит. Но эти каменные плиты определяют лишь направление стен, а не их место; они ограждали лишь отопительные каналы, так называемые каны, проходившие вдоль северной и западной стен жилища. Трудно предположить, чтобы основания стен проходили над канами, так как это обстоятельство, с одной стороны, затрудняло бы ремонт кан, а, с другой стороны, уменьшало бы их теплоотдачу. Наличие в канах значительного количества обгорелых костей домашних животных свидетельствует о том, что каны неоднократно подвергались ремонту и переделкам. Повидимому, северная и западная стены возводились параллельно канам.

Внутри жилища стены обмазывались глиной. Особенно хорошо сохранилась обмазка в жилище 15, где обнаружены куски обмазки серовато-оранжевого цвета. Обмазку замешивали вместе с рубленой соломой или травой, отпечатки которых хорошо видны в изломе кусков. Кроме этого, примешивался еще и мелкий гравий.

Кровля, видимо, была деревянной и сверху перекрывалась довольно толстым слоем дерна. Сохранившиеся в жилище 4 остатки сгоревшей кровли, провалившейся внутрь жилища во время пожара, дают возможность представить способ ее сооружения. Здесь вдоль длинной северной стены лежала сильно обгоревшая круглая в сечении балка (диаметр — 0,15—0,20 м, длина — 3,25×3,50 м); концы ее, повидимому, были положены сверху, на боковых стенках жилища или, что вероятнее, на специальных столбах, стоявших вдоль стен жилища (ямки от таких столбов прослеживались в целом ряде жилых помещений — 1, 3, 7, 8). Параллельно этой балке, в 1,5 м к югу, обнаружена вторая такая же балка, а между ними — еще одна, лежавшая несколько наискось. Впереплет с этими балками, на расстоянии 0,5 — 0,7 м друг от друга, лежали поперечные брусья, прямоугольные в сечении, со слегка округлыми гранями (сечение 0,10—0,15 см), и, наконец, сверху поперек был настлан еще один ряд круглых жердочек (диаметр — 0,5 — 0,7 см), положенных впритык друг к другу. Таким образом, кровля представляла собой как бы три различных слоя круглых в сечении балок, лежавших по направлению продольной оси жилища, обработанных брусьев и тонких жердочек, положенных впереплет друг с другом. Сверху это деревянное сооружение перекрывалось слоем бересты, остатки которой очень часто встречались вместе с остатками кровли, а на бересту накладывался дерн. Сгоревшие остатки

---

[1] Л. А. Евтюхова и В. П. Левашова. Раскопки китайского дома близ Абакана. КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 74.

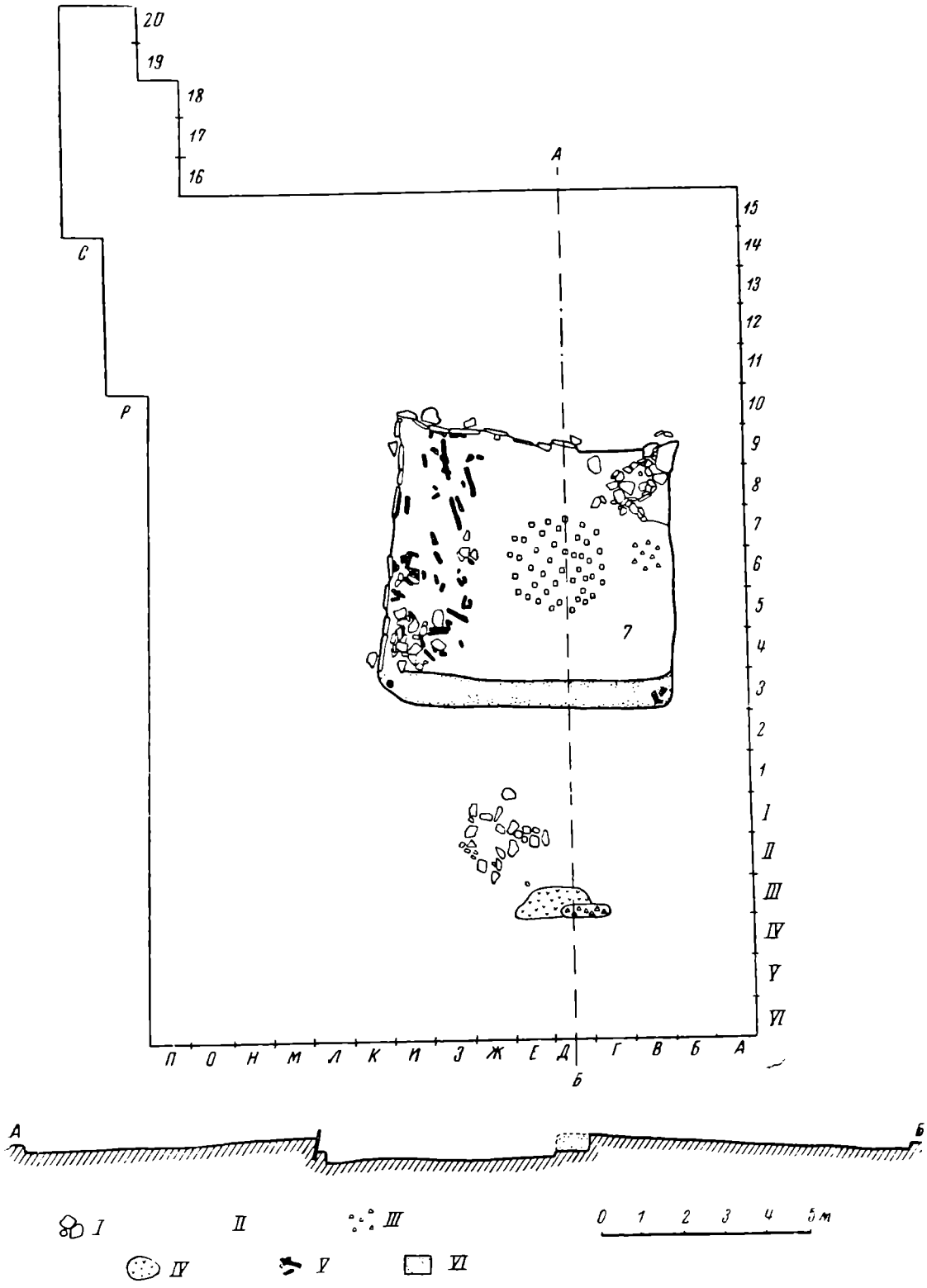


Рис. 3. План и разрез жилища

I — каменные плиты; *II* — скопление камней; *III* — скопление черепков; *IV* — жженое пятно; *V* — горелое дерево; *VI* — стена.

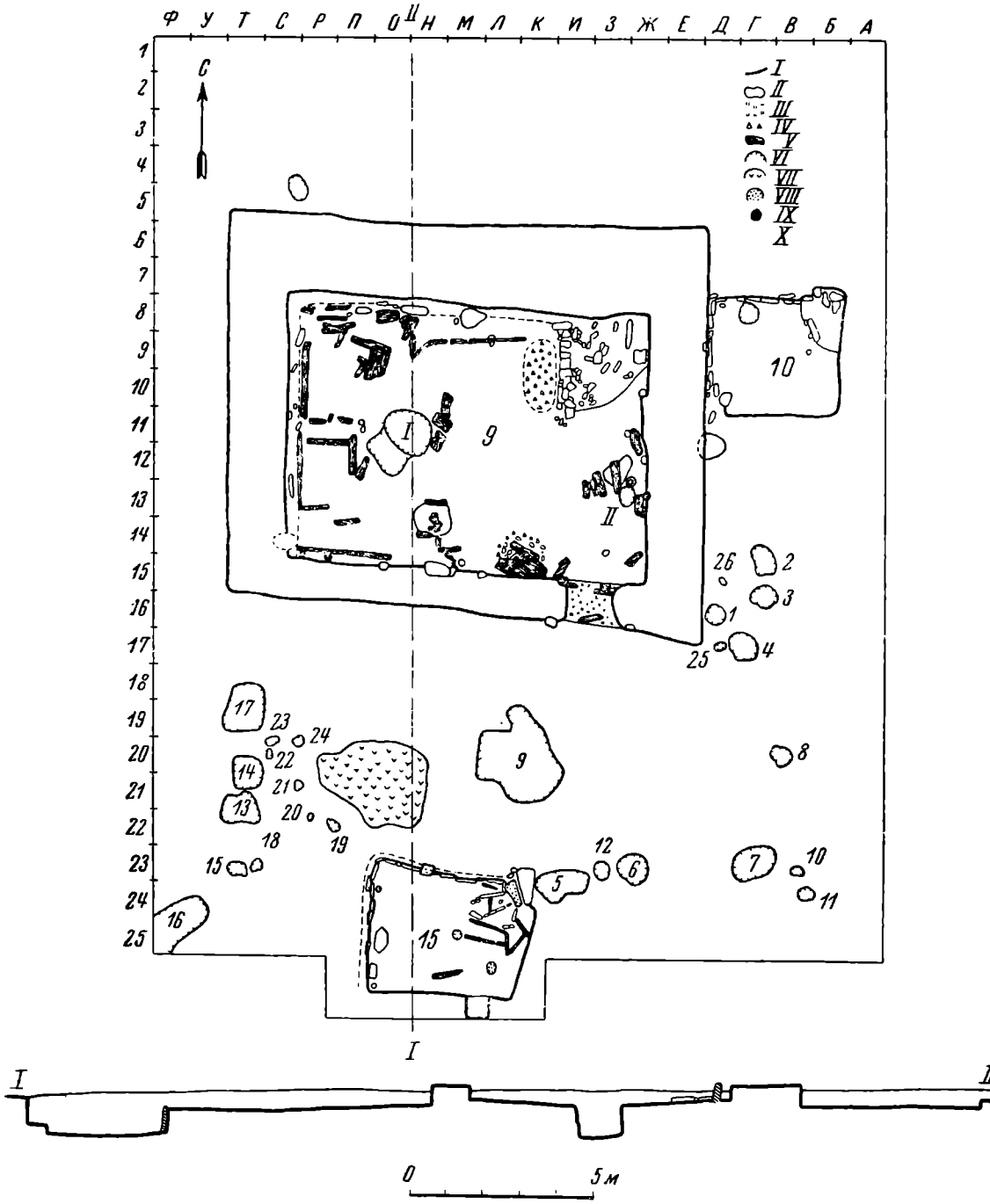


Рис. 4. План и разрез раскопа IX (жилища 9, 10, 15).

I — контуры жилищ; *II* — камни; *III* — остатки цыновки; *IV* — обломки керамики; *V* — обуглившееся дерево; *VI* — ямы; *VII* — угольное пятно; *VIII* — зернотерка; *IX* — лощило; *X* — контуры отопительного канала и выходного отверстия. (Цифрами *2—16* — обозначены номера объектов).

кровли были также встречены в жилищах 5, 7 и 8 (рис. 3) и в большом жилище 9 (рис. 4). Все исследованные очаги располагались в северо-восточном углу жилищ. Они имели одинаковое устройство и отличались друг от друга лишь размером.

Сохранившийся лучше остальных очаг жилища 3 состоял из 3 частей — топочной части, лежанки и дымохода. Топочная часть очага сделана из

2 рядов поставленных на ребро гранитных плит (размером в среднем 0,5 × 0,6 м), отстоящих друг от друга на 0,25 м (у устья) и впущенных в пол на 0,05—0,10 м. Высота топочной части очага (от пола)—0,40—0,55 м, длина — 0,85 — 0,9 м. Северо-западный ряд топки был сделан из 2 плит, края которых заходят друг за друга (размеры: 0,33 × 0,43 × 0,07 м и 0,80 ×0,40 × 0,08 м). Юго-восточный ряд был частично разрушен. Здесь сохранились лишь 2 плиты, окаймляющие устье.

Очаги в жилищах Иволгинского городища весьма напоминают по своему устройству очаги в упомянутом выше древнем китайском доме, открытом близ Абакана[1].

Топочная часть от следующей, более возвышенной части (высота — 0,70—0,75 м) очага — лежанки отделялась двумя плитами, стоящими почти под прямым углом к плитам, образующим топку. Лежанка была сложена из 4 стоек-плит, поставленных на ребро, слегка впущенных в землю и покрытых сверху большой горизонтальной плитой размером 1 × 1 м. Промежутки между стойками-плитами тщательно замазывались глиной. В тех случаях, когда горизонтальная плита отличалась особой массивностью, в центре лежанки устанавливалась еще одна стойка (жилище 7), поддерживавшая большую плиту. Таким образом, внутреннее пространство лежанки представляло замкнутую камеру, которая сообщалась с топкой проходом между плитами.

Иногда бывали случаи отступления от этого общего характера устройства очага и лежанки. Так, в жилище 21 оказались 2 лежанки — с восточной и северной сторон очага (рис. 5). Восточная лежанка была размером 1,37 × 0,75 м, северная — 0,75 1,12 м.

Куда же поступал дым из очага? Этот вопрос был решен при исследовании каменных плит, расположенных по одинаковому принципу во всех жилищах вдоль северной и западной сторон их основания. Г П. Сосновский рассматривал их как обкладку, сооруженную с целью предохранения от осыпи вертикальных краев землянки[2]. Наблюдения, сделанные в 1949 и 1950 гг., не позволяют согласиться с этим.

Лучшей сохранности были ряды этих плит в жилищах 4 и 7, а в жилищах 12, 17, 21 и 22 сохранился двойной ряд плит. Плиты в жилище 4 были поставлены на ребро (как и в других жилищах) вдоль северной и западной стен вырытого в земле основания жилища. Северный ряд состоял из 11 вертикально стоявших плит, а западный — из 8. Кроме того, 16 плит обнаружены в беспорядке на полу; из них часть находилась рядом с западной стенкой, т. е. там, откуда они выпали. Размеры плит различны; высота их не превышает 0,5 м. Следов подтески на плитах не наблюдается. В том случае, когда между основаниями плит был большой промежуток, он закладывался мелкими плитами и камнями. Все основные плиты были впущены в пол жилища на 3—5 см. Интересно отметить, что у западного конца северного ряда плиты располагались в 2 ряда. Сдваивание рядов плит отмечено при раскопках западных сторон жилищ 2, 12, 17 и 19: особенно хорошо прослеживаются 2 ряда плит в жилищах 21 и 22 (рис. 5).

При раскопках жилища 3 выявилось еще одно обстоятельство. Упавшие внутрь плиты «оградки» с той стороны, которая примыкала к стене котлована, оказались покрытыми густым слоем копоти, в то время как на противоположной плоскости, обращенной внутрь жилища, следов копоти не было. Следы копоти наблюдались и на боковых гранях плит.

---

[1] Л. А. Евтюхова. Развалины дворца в «земле Хягас». КСИИМК, вып. XXI 1947, стр. 81.

[2] Г. П. Сосновский. Нижне-Иволгинское городище, стр. 152.

Эти данные позволяют считать, что плиты, ограждавшие жилище с западной и северной сторон, были не «оградкой» жилища, как предполагал Г. П. Сосновский, а остатками дымоходов. При доследовании жилищ 4, 19, 21 и 22 выявлены дымоходы шириной от 0,25 м (жилище 4) до

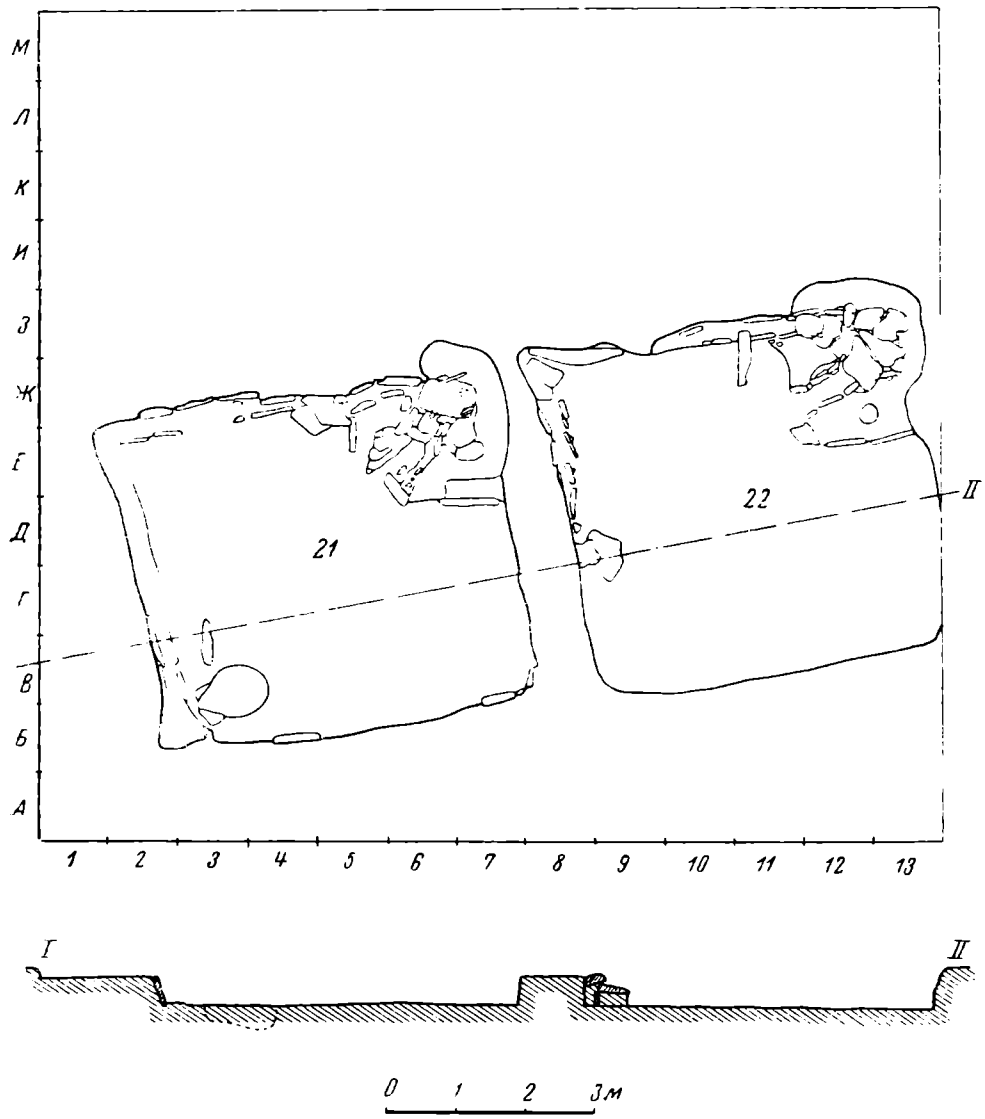


Рис. 5. План и разрез жилищ 21 и 22.

0,37—0,40 м (жилище 19). Здесь копоть густо покрывала стенки дымохода и лежала толстым слоем на его дне.

Таким образом, конструкцию отопительной системы можно восстановить следующим образом: дым из топки поступал в полую камеру под лежанкой, оттуда через специальный канал, идущий вдоль основания северной и западной стен жилища, доходил до юго-западного угла жилища. Канал сооружался из 2 рядов гранитных плит, отстоявших друг от друга на 0,25—0,40 м и перекрытых горизонтально положенными плитами. Промежутки между крупными плитами дымохода заделывались мелкими камнями, а швы замывались глиной.

Можно предположить по аналогии с дымоходом большого здания, что, дойдя до юго-западного угла, дым поднимался кверху через вертикальный дымоход, устроенный в толще сырцовой стены, и выводился наружу.

Самой близкой аналогией подобному устройству отопления является отопительная система древнего китайского дома у г. Абакана[1]. Под названием «кан» такая отопительная система известна и до недавнего времени в Китае, а также у ряда народов Приамурья, например, у тунгусов,

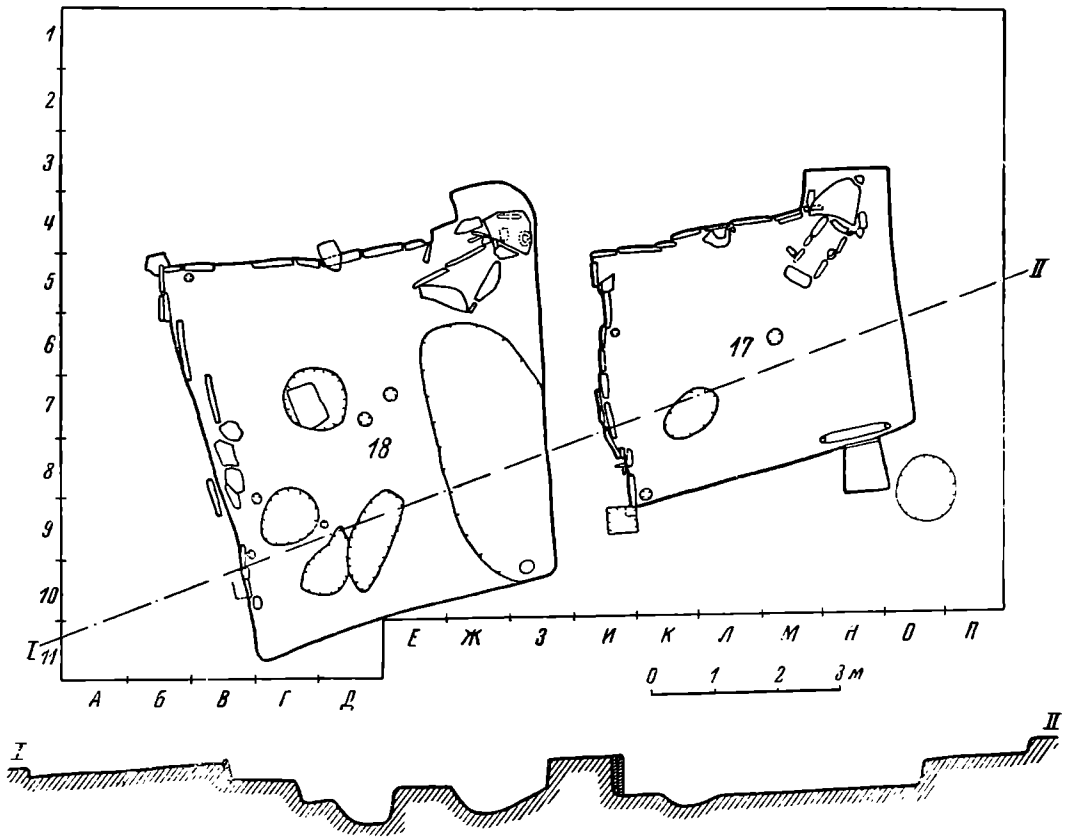


Рис. 6. План и разрез жилищ 17 и 18.

нивхов и др. В жилищах нивхов вертикальный дымоход расположен не в толще стены, как в иволгинских полуземлянках, а выводится наружу в виде узкого канала, в конце которого сооружается вертикальная дымоходная труба[2]. У нивхов рядом с канами сооружались деревянные нары, причем спали на них ногами к канам.

Остатки таких же деревянных нар встречены и в жилищах Иволгинского городища, погибших от пожара. В жилище 4 у западной стены сохранились вертикально стоявшие 2 столба, на которых, повидимому, удерживался весь каркас нар. Такие же полуобгоревшие столбы обнаружены и в других жилищах (7 и 8).

Вход в помещение прослежен только в одном жилище (17; рис. 6). Он находился в южной стене, на расстоянии 0,64 м от юго-восточного

[1] Л. А. Евтюхова и В. П. Левашова. Указ. соч., стр. 74; Л. А. Евтюхова. Указ. соч., стр. 81.

[2] Л. Шренк. Об инородцах Амурского края. Т. II. СПб., 1899, табл. XI, стр. 11 и сл.

угла. От входа сохранился порог подчетырехугольной формы (размером 0,62 × 0,87 м), сделанный из плиты плотного песчаника, положенной на 0,3 м выше уровня пола жилища.

Перед порогом, на 0,07 м ниже уровня пола, лежали остатки бревна (размером 0,16 × 1,07 м), по краям которого имелись выемки (глубиной 0,17 м) от вертикально стоявших столбиков (диаметром 0,07 м), обрамлявших, очевидно, дверной проем.

Интересным объектом исследований на городище оказались холмообразные возвышенности, находящиеся в центральной части городища.

Западный холм, В (рис. 1,*9*), отличающийся от восточного лишь менее значительными размерами, был раскопан в 1949 г. Холм В имел в плане форму прямоугольника (25 × 20 м) с округлыми оплывшими углами. Верхняя часть холма представляла собой почти ровную квадратную площадку, постепенно понижавшуюся от северо-западного угла (высота — 0,9 м от поверхности городища) к юго-восточному (высота — 0,25 м). В центральной части этой площадки наблюдалась небольшая впадина неправильных округлых очертаний. При осмотре поверхности холма найдены обломки керамики и куски глиняного шлака. Пробный шурф, заложенный в центре этой впадины, обнаружил остатки сгоревших бревен.

В результате раскопок вскрыто большое наземное помещение прямоугольной формы, с сырцовыми стенами, размером 13 × 11,5 м, ориентированное, так же как и малые жилища, с запада на восток (рис. 4). Здание стояло на небольшом естественном всхолмлении, состоявшем из чистой светлой супеси. Толщина стен неодинаковая: южной — 1,12 м, западной — 1,30 м, восточной—1,38 м; толщину северной стены определить не удалось. В южной стене, на расстоянии 1,7 м от юго-восточного угла здания, обнаружен дверной проем шириной 1,35 м (рис. 4). С наружной стороны дверной проем окаймлялся двумя сгоревшими вертикальными столбами, отстоявшими друг от друга на расстоянии 1,88 м. Основание западного столба покоилось на небольшой каменной плите. Внизу эти столбы соединялись обгоревшей деревянной перемычкой — порогом. Аналогичная сгоревшая перемычка, укрепленная двумя кольями, оказалась и с внутренней стороны дверного проема. Пространство между этими двумя поперечными плахами — собственно порог — было устлано цыновкой, сделанной из растительного волокна. Цыновка, так же как и деревянные плахи, была обуглена.

С внутренней стороны основания стен жилища были покрыты довольно толстой глиняной обмазкой (толщина—до 1—2 см), сильно закопченной, повидимому, в момент пожара, от которого погибло здание.

Северо-восточный угол помещения занимал прямоугольный в плане очаг размером 2,50 × 2,28 м, сложенный из гранитных плит. Топочное отверстие очага, в отличие от очагов рядовых жилищ, располагалось не с юго-западной, а с западной стороны. Оно было окаймлено двумя поставленными на ребро небольшими каменными плитами (размером 0,4 ×0,5 м), нижние концы которых были впущены в землю на глубину 0,10 — 0,15 м. Сверху эти плиты, отстоявшие друг от друга на 0,4 м, были перекрыты горизонтальной плитой. Внутренняя часть очага сильно разрушена и не дает представления о деталях устройства; весьма вероятно, что она была разрушена еще в древности. Здесь наблюдались отдельные вертикально стоявшие плиты, представлявшие собой, вероятно, остатки дымоходных каналов. Более или менее хорошо сохранилась лишь западная стенка очага, сложенная из небольших горизонтально лежавших плит.

Внутри очага найдено множество обломков керамики и даже целые сосуды.

С внутренней стороны у северной и западной стен помещения обнаружены вертикально стоявшие каменные плиты, иногда частично сдвинутые со своих первоначальных мест. Между этими плитами и основной толщей стены находился канал — дымоход шириной 0,3 м, шедший вдоль северной и западной стен к юго-западному углу, где обнаружено вертикальное, овальное в плане отверстие — труба диаметром 0,35 м. Ее стенки были обмазаны тонким слоем глины (0,5 см). Канал вдоль северной и западной стен и вертикальная труба были заполнены мелкими закопченными обломками глиняной обмазки.

Таким образом, мы видим здесь ту же систему отопления канами, что и в малых жилищах.

Пол жилища был тщательно утрамбован и местами обожжен; может быть, здесь также ставили жаровни с углями для дополнительного отопления помещения, как и в китайском доме близ Абакана[1].

В центре помещения расчищена яма I (рис. 4) со ступенькой, глубиной 0,75 м, заполненная золистой землей, перемешанной с обломками костей домашних животных и обломками керамики. Эта яма находилась как раз под округлой впадиной на поверхности холма.

Небольшая яма II, глубиной 0,4 м, овальных очертаний, обнаружена у восточной стены помещения; заполнение ее не отличалось от первой. Повидимому, обе ямы предназначались для каких-то хозяйственных целей.

Ряд наблюдений позволяет сделать приблизительную реконструкцию перекрытия.

На полу помещения вдоль северной стены лежало длинное, сильно обгоревшее бревно (диаметр — 0,15 — 0,20 м, длина — 2,80 м). Подобные бревна были положены вдоль западной и южной стен жилища. Мелкие куски бревен такого же диаметра встречены по всему помещению (рис. 4). К западному бревну примыкали остатки брусьев, лежавшие в поперечном направлении. Повидимому, эти бревна и поперечные брусья служили каркасом плоского деревянного перекрытия поверх стен. На каркас настилались плахи (ширина — до 0,50 м, толщина — 0,07 м), о чем свидетельствуют находки значительного количества остатков обгорелых плах, лежавших поверх бревен.

Поверхность одной из обнаруженных в помещении плах была покрыта толстым слоем (1,5 — 2 см) глиняной обмазки, обращенной гладкой стороной к полу. Обратная же сторона нескольких фрагментов найденной здесь обмазки имела шип — отпечаток шва между двумя смежными плахами. Кроме того, на полу помещения встречены в значительном количестве обломки плоской обмазки и, что очень важно, обломки Г-образной формы, которые покрывали углы, образованные либо потолком и стенами, либо двумя смежными стенами. Таким образом, удалось установить, что стены и потолок помещения были тщательно обмазаны глиной. Сверху кровля, вероятно, покрывалась слоем земли, как и в рядовых жилищах.

Внутри помещения вдоль северной и южной стен обнаружены небольшие ямки от столбов с остатками перегнившего дерева. Ямки у северной стены, весьма вероятно, являлись остатками вертикальных столбов, поддерживавших нары.

На полу помещения найдено много раздавленных землей сосудов, зернотерка, предметы вооружения, кости домашних животных и т. д.

Вокруг помещения обнаружены остатки открытых очагов, которыми пользовались, видимо, в летнее время. На очагах и вокруг них найдено

[1] Л. А. Евтюхова и В. П. Левашова. Указ. соч., стр. 76.

значительное количество обломков керамики и костей домашних животных. Помимо очагов, здесь обнаружен ряд небольших ям, назначение которых не всегда ясно. Небольшие ямки (8, 10—12, 15, 18—26) глубиной 0,20—0,25 м (рис. 4) происходят, повидимому, от столбов. Ямы 1—7, 9, 13, 14, 17 интересны в конструктивном отношении. На дне их оказались остатки березовой коры, в некоторых из них обнаружены остатки костей рыб и обломки керамики. Возле зольного пятна к юго-западу от входа найдена бронзовая чаша, сильно окислившаяся, с древесными углями (рис. 18, *7*).

К восточной стене большого здания примыкало небольшое жилище 10, пол которого лежал на 0,72 м ниже уровня пола большого жилища. По устройству оно ничем не отличалось от обычных рядовых жилищ. Здесь, кроме обломков керамики и костей домашних животных, обнаружен железный фалар (рис. 18, *5*). Подчиненное положение этого жилища по отношению к большому зданию и находка фалара позволяют его рассматривать как жилище слуги, может быть, конюха.

Положение большого здания в центре поселения, размеры, а также своеобразие в технике сооружения позволяют рассматривать его как дом управителя поселения.

Таким образом, сейчас мы имеем более или менее ясное представление о жилищах Иволгинского городища, техника сооружения которых является в основе своей китайской.

Весьма характерно, что китайские летописи называют жилища гуннов юртами[1] и другого наименования для них не дают. В этой связи можно отметить, что даже шаньюй принимал китайских послов в юрте. Это еще раз убеждает нас в том, что рассматриваемые жилища сооружались не гуннами-кочевниками.

Чрезвычайно важным обстоятельством для характеристики Иволгинского городища как древнего ремесленного центра Забайкалья являются раскопки большого холма А, находящегося в центральной части городища (рис. 1, *11*).

Холм представлял собой квадратное в плане возвышение с округлыми углами, с ровной площадкой, размером 30×30 м, понижающейся к юго-восточному склону холма.

Поскольку внешние очертания холма повторяют конфигурацию малого холма В, следовало ожидать, что и здесь окажутся остатки сырцового дома.

С самого начала следует оговориться, что данный раскоп не был доведен до конца, поэтому ничего определенного сказать о конструкции открытого помещения нельзя. Сейчас несомненно только то, что это было помещение производственного характера, поскольку в северо-восточной части его, под беспорядочно лежавшими бесформенными каменными плитами, был обнаружен хорошо сохранившийся сыродутный горн для выплавки железа (рис. 7).

Горн состоял из двух частей: шахты, где плавилась руда, и полуподземного канала, через который поддувался воздух в шахту и регулировалась топка горна и откуда вычерпывался жидкий металл. Шахта представляла собой вырытое в земле квадратное углубление с округлыми углами, стенки которого, обмазанные глиной, были сильно ошлакованы. Длина шахты — 0,375 м, ширина — 0,375 м, глубина — 0,350 м. Нижнее основание северной стенки шахты соединялось с овальным в сечении подземным каналом высотой 0,2 м при ширине, равной стороне шахты. Дно шахты постепенно повышалось к овальному в плане наружному отверстию хода.

[1] Н. Я. Бичурин (Иоакинф). Указ. соч., стр. 68, 99, 134.

Общая длина полуподземного канала равнялась 0,9 м. Шахта и ход были забиты кусками шлака и древесного угля. Наверху, у юго-западного угла шахты, сохранились остатки сферического глиняного, сильно обожженного купола перекрытия шахты.

Благодаря хорошей сохранности горна, реконструкция процесса выплавки железа не представляет особых трудностей. Сильно измельченная железная руда и древесный уголь закладывались перемежающимися слоями через отверстие в куполе — перекрытии шахты, которое после этого заделывалось специальной пробкой, обмазывавшейся глиной на все время производственного цикла плавки железа. Обломки такого купола с пробкой были обнаружены рядом с горном. Процесс плавки железа в сыродутном горне общеизвестен[1]. В результате плавки восстановленные частицы железа опускались на дно, слипаясь и образуя крицы, пропитанные еще некоторым количеством расплавленного шлака. Обломки таких криц здесь и были обнаружены в большом количестве.

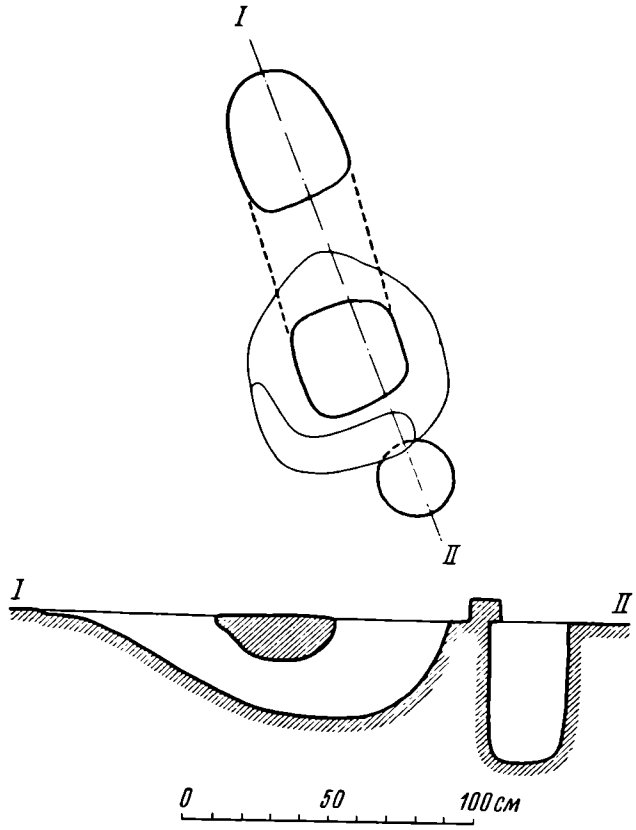


Рис. 7. План и разрез сыродутного горна.

Находка горна имеет большое значение для общей характеристики городища как ремесленного центра древнего Забайкалья. Нет сомнения в том, что выплавкой железа занимались отнюдь не гунны, а опять-таки ремесленники-китайцы, населявшие городище.

Из находок на городище преобладала керамика, которая по технике производства, обработке поверхности и глине может быть разделена на две основные группы: сосуды, изготовленные ленточной техникой на ручном гончарном круге, и лепные сосуды.

Керамика первой группы по численности преобладает над второй. Она изготовлена из глины сероватого и красного цвета с включением частиц белой слюды, дресвы и извести. Обжиг сосудов неровный, они имеют красновато-черный оттенок. Отогнутые наружу венчики обычно утолщаются налепными валиками. В днищах имеется квадратное углубление — отпечаток стержня ручного круга. Все сосуды, как правило,

[1] Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, № 32, 1953, стр. 22, 23.

носят следы лощения и орнаментированы. Наиболее распространены следующие элементы украшений:

1. Волнистая врезанная линия вокруг тулова сосуда; иногда она заключена в пояс из двух параллельных врезанных линий (рис. 8, *1—5*).

2. Лощеные полоски. Они покрывают иногда всю поверхность сосуда и направлены либо вертикально, либо несколько наклонно по отношению к оси сосуда. В некоторых случаях они составляют отдельный орнаментальный пояс из ромбиков или вытянутых треугольников (рис. 9, *4*).

3. Вертикальные или пересекающиеся в виде сетки линии, нанесенные фигурной лопаточкой. Иногда бороздки направлены наклонно по отношению к оси сосуда (рис. 10).

4. Прямые, волнистые или S-образные налепные валики, треугольные в сечении, украшенные иногда защипами, опоясывающие тулово сосуда (рис. 9).

Разнообразные комбинации перечисленных мотивов образуют иногда сложные изящные орнаментальные пояса, украшающие часто всю поверхность сосуда.

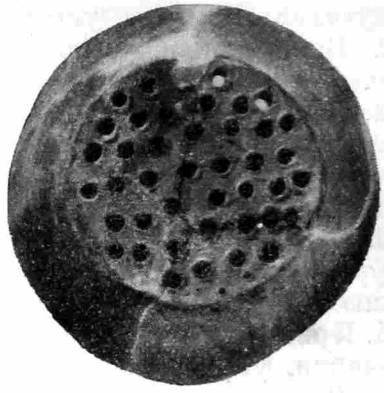
В первой группе можно отметить несколько типов сосудов:

1. Большие красноглиняные и сероглиняные горшки с отогнутым наружу,— иногда под прямым углом,— утолщенным краем и небольшими отверстиями в днище (рис. 8 и 11). Эти сосуды использовались, повидимому, для производства сыра. Высота их — 35—45 см, диаметр устья — 35—50 см, диаметр отверстий в днище — 0,5—1,5 см. Сосуды этого типа отличаются друг от друга более или менее ясно выраженными плечиками. Сюда же следует отнести сравнительно небольшой красноглиняный баночной формы сосуд (высота — 11,8 см, диаметр устья — 13 см, диаметр дна — 9 см) со слегка загнутым внутрь и выделенным краем; в днище сосуда имеются многочисленные отверстия (рис. 8, *5*, *6*). Наружная поверхность сосудов украшена всегда различными вариантами перечисленных выше орнаментальных мотивов, образующими иногда сложные изящные орнаментальные пояса. Налепные валики на сосудах этого типа встречаются редко. Помимо Иволгинского городища, аналогичные сосуды встречены на поселении близ с. Дурен[1], на выдувах р. Савы[2] и в погребальных комплексах Ноин-Улы[3]. Сосуды, аналогичные по форме и, судя по описанию, той же техники изготовления, встречались также при раскопке городища и могильников ханьского времени, исследованных Мицуно и Оказаки у дер. Пей-ха-ченга, в долине р. Нань-тан-хе, к югу от Великой китайской стены, неподалеку от Калгана[4].

2. Большие грушевидной формы горшки из серой и коричневатой глины, с массивным, отогнутым наружу краем. В нижней части сосуда, у днища, — сквозное отверстие диаметром 2 см (рис. 9, *1*, *2*). Наружная поверхность сосудов этого типа сглажена фигурной лопаточкой и покрыта вертикальными лощеными полосками. Плечики сосуда украшены орнаментальным поясом, состоящим из двух параллельных налепных валиков, которые переходят поочередно в волнистую линию. Иногда орнаментальный пояс на плечиках состоит из двух параллельных валиков, пространство между которыми заполнено перекрещивающимися узкими лощеными полосками. В отдельных случаях орнаментальный пояс на плечиках вообще отсутствует; плечики и горло сосуда в этих случаях

[1] Кяхтинский музей, сборы П. С. Михно, инв. № 1881, 193.
Кяхтинский музей, инв. № 3229/8.
[3] Хранится в Государственном Эрмитаже вместе с коллекциями Ноин-Улы (инвентарный номер отсутствует).
[4] Archaeologia orientalis, series B, v V, 1946, табл. XXXVI, *17—19*.

1

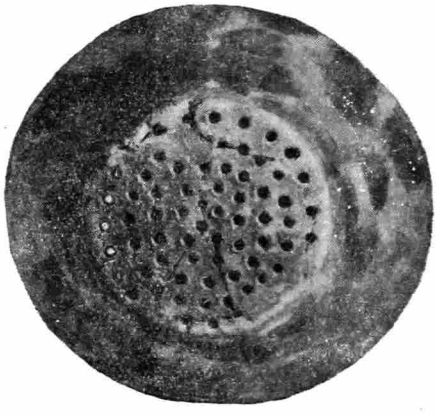


2

3

4

5



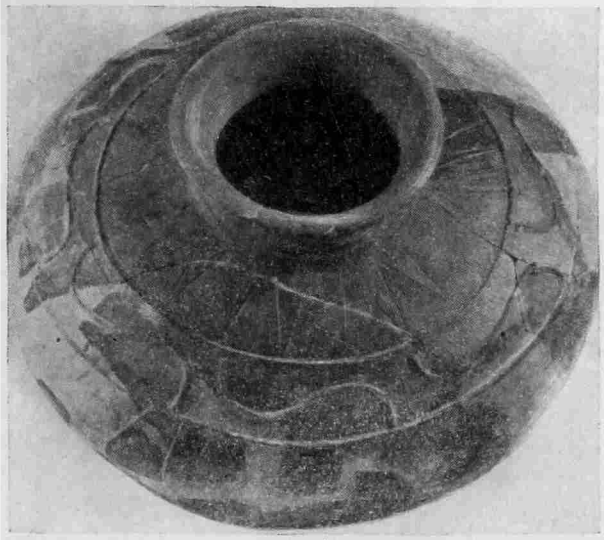
6

Рис. 8.

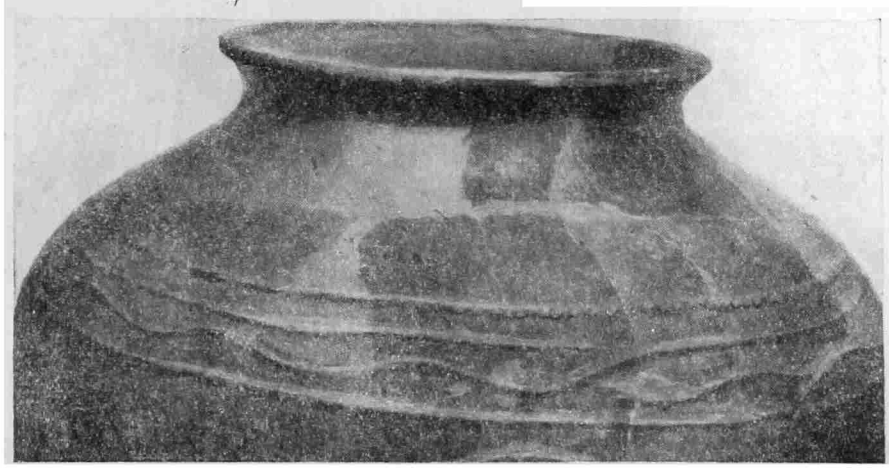
1 — глиняный сосуд из раскопа IX — (квадраты 21ж—20е); *2* — тот же сосуд, вид снизу; *3* — глиняный сосуд из жилища 9; *4* — тот же сосуд, вид снизу; *5* — глиняный сосуд из жилища 9; *6* — тот же сосуд, вид снизу.

3

1



4



1 — глиняный сосуд из жилища 9; *2* — деталь того же сосуда; *3* — глиняный сосуд из жилища 9; *4* — тот же сосуд, вид сверху

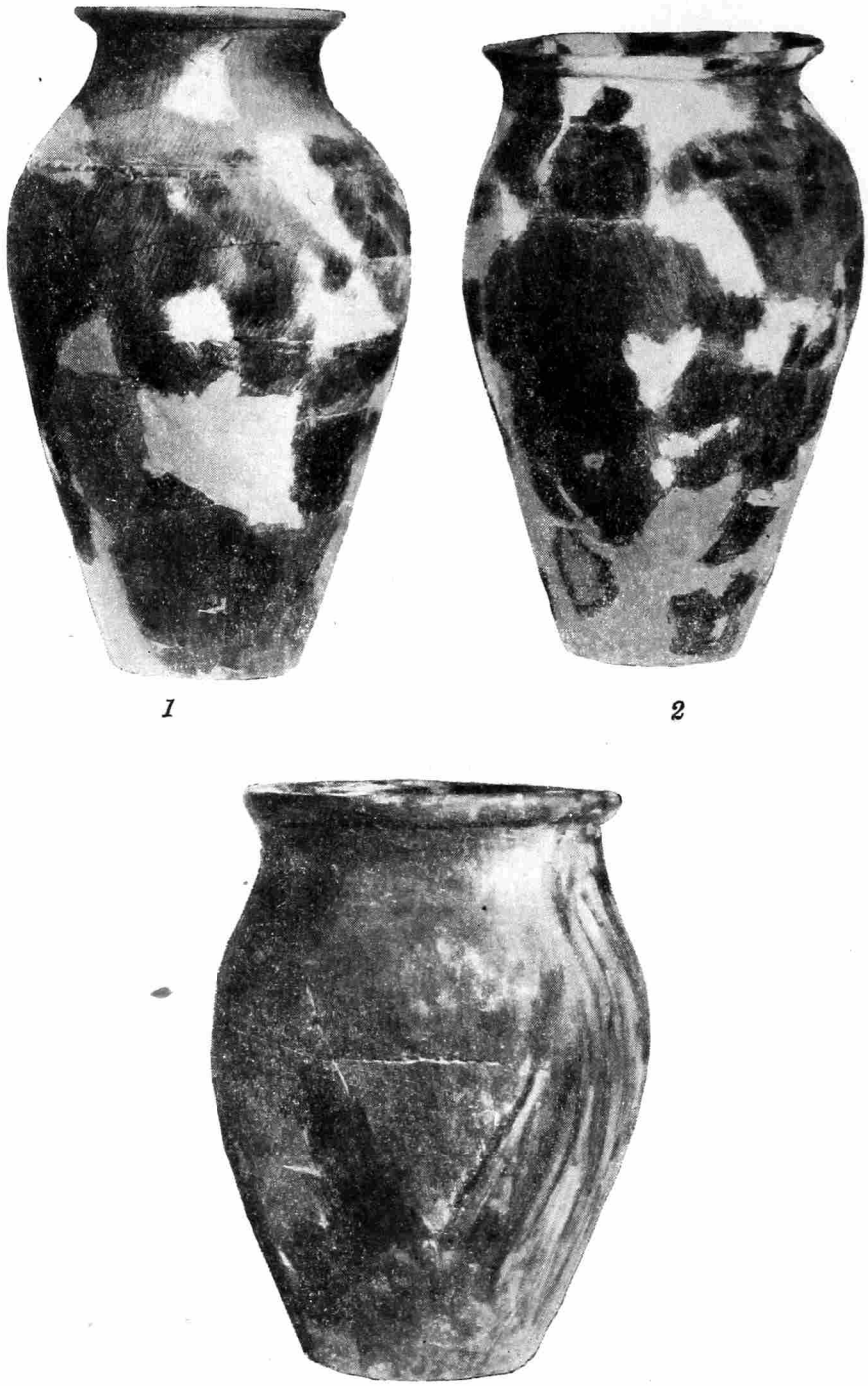


Рис. 10.

1 — глиняный сосуд из жилища 9; *2* — глиняный сосуд из жилища 8; *3* — глиняный сосуд из жилища 9.

украшались сплошным полосатым лощением. Размеры одного реставрированного сосуда достигают: высота — 96,7 см, диаметр устья — 45 см, диаметр днища — 25 см; толщина стенок — 1—1,5 см. Эти сосуды, как предполагал Г. П. Сосновский, использовались для приготовления спирт-

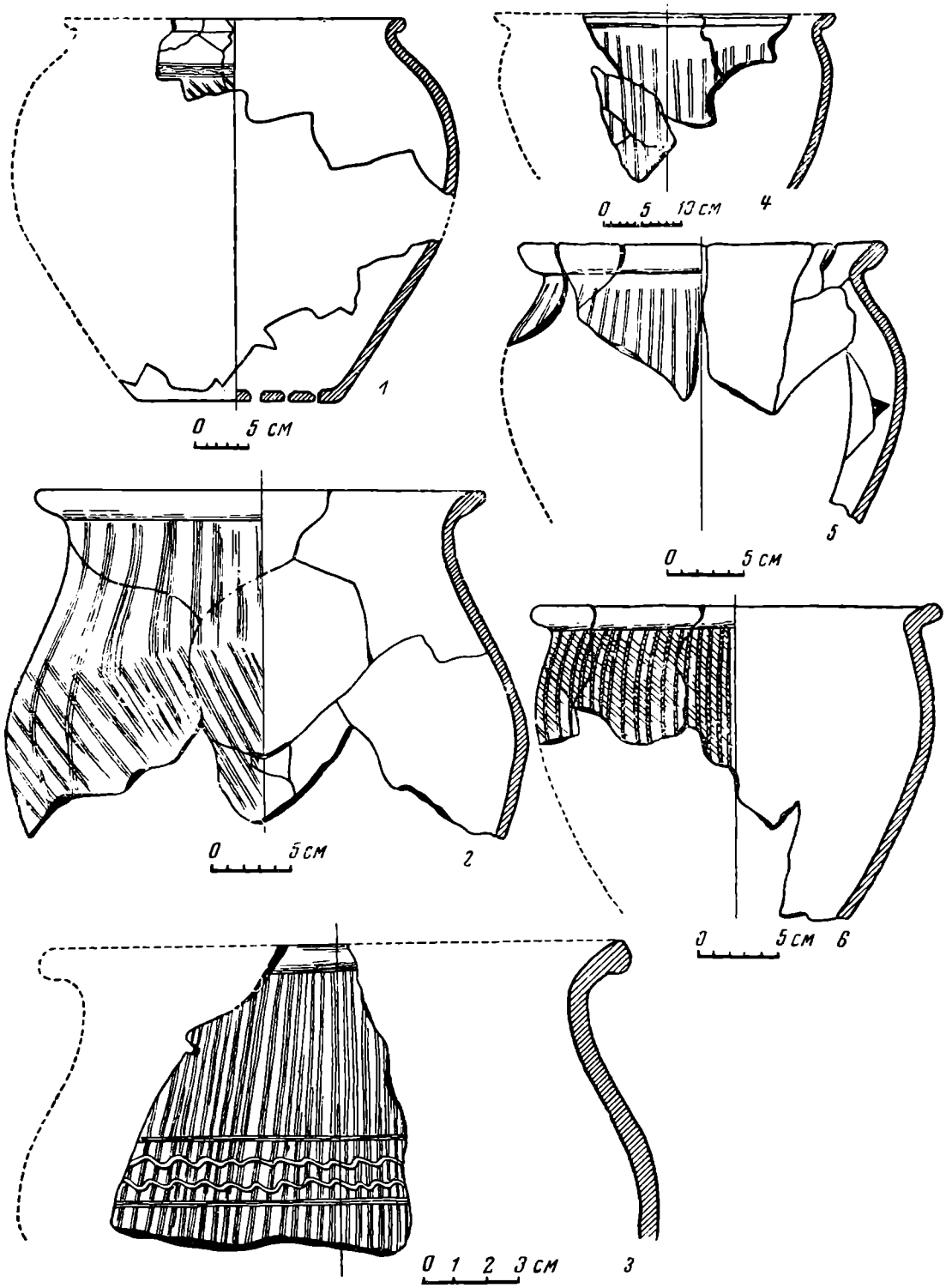


Рис. 11.

1 — глиняный сосуд из жилища 5; *2* — фрагмент сосуда из раскопа XVII (квадраты 21—22б—г); *3* — фрагмент сосуда из раскопа XVII (яма 2б); *4* — фрагмент сосуда из жилища 19; *5*— фрагмент сосуда из жилища 19 (яма 3); *6* — фрагмент сосуда из жилища 19.

ных напитков из риса: форма и размеры их повторяют китайские сосуды для приготовления рисовой водки [1].

Аналогичные сосуды с отверстиями у днища встречены в могиле 40 Ильмовой пади[2], в «Мокром кургане» Ноин-Улы[3], у с. Бурдун[4]. В Китае ханьского времени такие сосуды мне неизвестны, но описанные выше виды орнаментации характерны для ханьской керамики[5].

3. Грушевидные, вытянутых пропорций, большие горшки с широким, слабо выраженным горлом. Верхняя часть наружной поверхности сосудов у горла обычно покрыта вертикальными лощеными полосками, а нижняя носит следы косого сглаживания фигурной лопаточкой. В некоторых случаях слабо выделенные плечики отделены от горла налепным валиком, украшенным защипами, а иногда орнаментальным поясом из двух параллельных врезанных линий, между которыми проходят одна или две волнистые линии. Довольно часто наружная поверхность имеет только глубокие следы сглаживания фигурной лопаточкой. Размеры различны; у одного реставрированного сосуда высота составляет 63,7 см, диаметр устья — 26 см, диаметр дна — 18,3 см. Повидимому, эти сосуды использовались для хранения съестных припасов и, в частности, молока (рис. 10). Особенно много их встречено в большом жилище 9.

Аналогичные сосуды типичны для памятников гуннов Забайкалья. Обломки таких сосудов были встречены на поселении близ с. Дурен[6], в могильнике Ильмовая падь[7], в Хара-Усу, близ Усунь-Цаганской МТС[8], в Дерестуйском могильнике[9], могильнике в местности Эдуй[10], в могиле 3 пади Ургун-Хундуй[11]. Аналогичные сосуды широко распространены в памятниках ханьского времени собственно Китая[12]. Можно отметить, что сглаживание поверхности сосудов фигурной лопаточкой находит широкое применение в Китае с чжоуского времени[13]. Наряду с этим рифлению подвергались бронзовые сосуды, известные еще в эпоху иньской династии.

4. Грушевидные сосуды, весьма близкие к только что описанной форме, отличающиеся ясно выраженным узким горлом. Тулово таких сосудов обычно украшалось вертикальными лощеными полосками, иногда орнаментировались также горло и плечики сосуда: горло — накладными валиками, плечики — поясом из двух параллельных бороздок, между которыми в нескольких случаях проходила волнистая врезанная линия.

---

[1] Архив ИИМК, ф. 42, д. № 22.

Г. П. Сосновский. Раскопки Ильмовой пади. СА, VIII, 1946, стр. 63.

[3] П. К. Козлов. Северная Монголия — Ноин-Улинские памятники. «Краткие отчеты по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова», Л., 1925, стр. 10, рис. 2.

[4] Ю. Д. Талько-Гринцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. Труды ТКО ПО РГО, т. IV, вып. 2, 1901, стр. 48 и 49.

[5] Arhaeologia orientalis, series B, v. V, 1946, табл. XXXVII, *4—6* и др.

[6] Г. П. Сосновский. О поселении гуннской эпохи в долине р. Чикоя (Забайкалье), стр. 37, рис. 26.

[7] Г. П. Сосновский. Раскопки Ильмовой пади, стр. 64, рис. 14; Ю. Д. Талько-Гринцевич. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади. Труды ТКО ПО РГО, т. I, вып. 2, 1899, табл. XVII, *3*, *4а*.

[8] Погребение открыто агрономом МТС и доследовано в 1949 г. А. П. Окладниковым. Материалы не опубликованы.

[9] Ю. Д. Талько-Гринцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. Труды ТКО ПО РГО, т. III, вып. 2—3, 1900, стр. 23; сам сосуд хранится в Кяхтинском музее, инв. № 1491.

[10] Там же, т. IV, вып. 2, табл. III.

[11] Там же, т. III, вып. 1, 1900, стр. 14, табл. IV, *д*, *к*.

[12] W. Hochstadter. Pottery and stonewares of Shang, Chou and Han. Bull. of the museum of Far Eastern antiquities, № 24, Stockholm, 1952, табл. 13, рис. 51.

[13] M. Bylin Althin. The sites of Ch'i Chia P'ing and Lo Han T'ang in Kannsu. Bull. of the museum of Far Eastern antiquities, № 18, Stockholm, 1946, табл. 31, *4*.

Высота их колеблется от 25 до 50 см. Некоторые из них имеют закопченную поверхность и использовались, повидимому, для варки пищи (рис. 12).

Подобные сосуды встречались на поселении у с. Дурен[1], в могильнике Хара-Усу[2], Бурдун[3], Ильмовой пади[4], Липовском[5], в Ноин-Уле[6], на

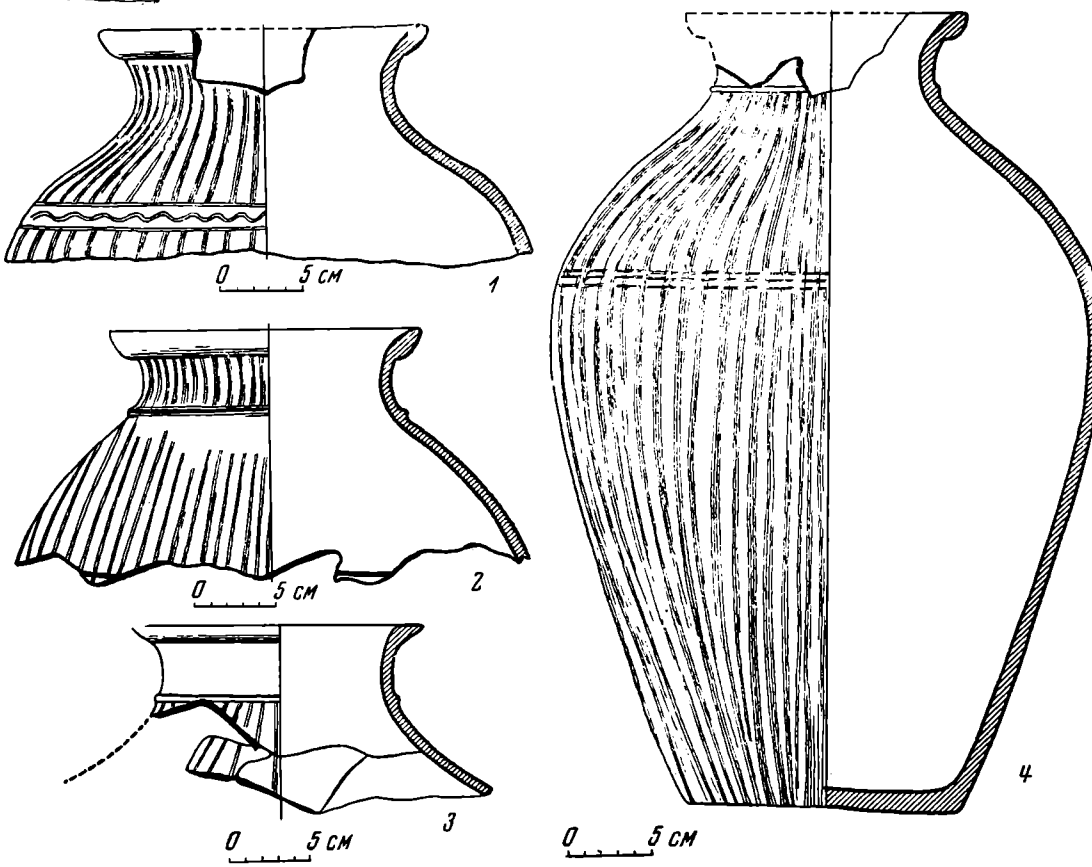


Рис. 12.

1 — фрагмент сосуда из жилища 7; *2* — фрагмент сосуда из жилища 9; — фрагмент сосуда из жилища 3; *4* — фрагмент сосуда из жилища 12.

р. Толе, в отрогах горы Хайрхан[7], а также обнаружены С. В. Киселевым в Северной Монголии[8]. Подобные сосуды известны и на территории Китая еще в эпоху Чжоу[9].

---

[1] Г. П. Сосновский. О поселении гуннской эпохи в долине р. Чикоя, стр. 35, рис. 25.

[2] Материалы не опубликованы (см. выше).

[3] Ю. Д. Талько-Гринцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. Труды ТКО ПО РГО, т. IV, вып. 2, стр. 47; т. III, стр. 50.

[4] Ю. Д. Талько-Гринцевич. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади, табл. XVIII, *28, а, б*.

[5] Ю. Д. Талько-Гринцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. Труды ТКО ПО РГО, т. I, вып. 3, 1900, табл. XIII.

[6] П. К. Козлов. Северная Монголия—Ноин-Улинские памятники. Л., 1925, стр. 9.

[7] Сб. «Северная Монголия», II. Археологическое обследование среднего течения р. Толы. Предв. отчеты лингвист. и археолог. экспед. о работах, произв. в 1925 г. табл. III.

[8] Материал хранится в НИМК, инв. № $\frac{\text{ГМ IV}}{289}$ 49.

[9] W. Hochstadter. Указ. соч., табл. 13, рис. 52.

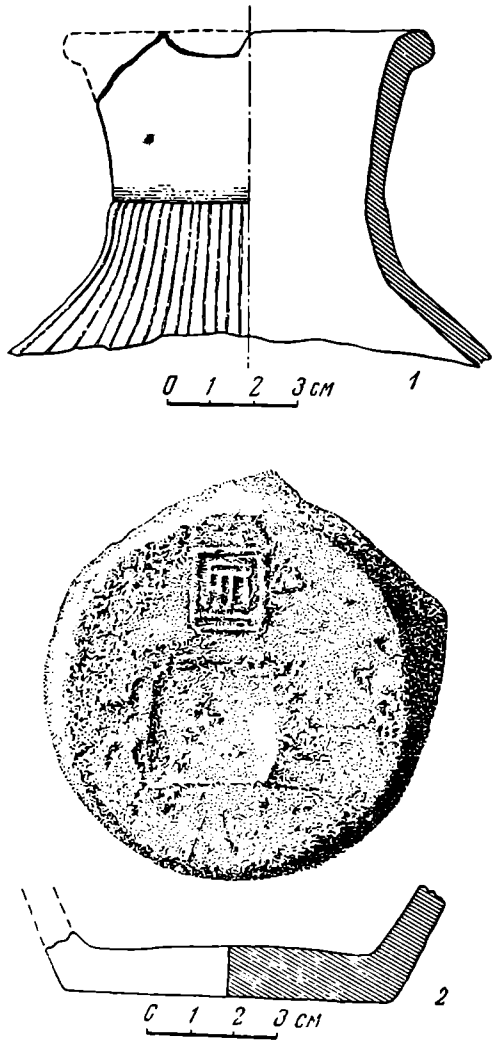


Рис. 13.

1 — фрагмент глиняного сосуда из раскопа V (квадрат 8в); *2* — донышко глиняного сосуда из жилища 21, с печатью-иероглифом.

5. Небольшие грушевидные сосуды, узкогорлые, с плавно отогнутым наружу краем, напоминающие кувшинчики, но без ручек. Украшены вертикальными лощеными полосками шириной 3—5 мм. На днищах некоторых из них имеются клейма с китайскими иероглифами (рис. 13). По определению профессора Ся Най, иероглиф на данном сосуде читается как иероглиф «II», что означает в переводе «заслуженно». Датируется иероглиф примерно I в. до н. э. — II в. н. э.[1]

Сосуды рассматриваемого типа особенно часто встречаются в погребениях Забайкалья. Подобные кувшинчики обнаружены также в Северной Монголии[2], в Ильмовой пади[3], в Хара-Усу[4], в Эдуе[5], Бурдуне[6], а также на поселении близ с. Дурен[7]. Они встречены также в Китае у подножья горы Лао-тье вблизи Порт-Артура[8] и у дер. Пей-ха-ченга вблизи Калгана[9].

6. В отдельный тип можно выделить обломки венчиков сосудов (№ 1467-1 и 1430-1, обнаруженные в раскопе I в 1950 г.), различающиеся между собой: а) с наружной стороны под краем проходит толстый выступ-валик, но не налепной, а сформированный одновременно со стенкой сосуда (рис. 14,*2*); б) венчик сильно отогнут и нависает над стенкой сосуда, а с внутренней стороны имеет резко выраженную полукруглую в разрезе выемку (рис. 14, *1*) для крышки. К сожалению, обломки этих сосудов так малы, что нельзя полностью составить представление о форме сосудов.

---

[1] Пользуюсь случаем выразить профессору Ся Най благодарность за датировку и чтение иероглифов. (*Авт.*)

[2] Раскопки С. В. Киселева. Материал хранится в ИИМК, инв. № ГМ V, 1949; ГМ 5, 49.

[3] Ю. Д. Талько-Гринцевич. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади, табл. XVIII, *26, a, 27, b,c*.

[4] А. П. Окладников. Археологические исследования в Бурят-Монголии, рис. 5.

[5] Хранится в Кяхтинском музее.

[6] Ю. Д. Талько-Гринцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья, Труды ТКО ПО РГО, т. IV, вып. 2, стр. 50, табл. III.

[7] Сборы Бурят-Монгольской экспедиции ИИМК. Хранятся в ЛОИИМК.

[8] Archaeologia orientalis, series A, v. III, 1933, табл. XXVIII, 8.

[9] Archaeologia orientalis, series B, v. V, p. II, 1946, фиг. 15.

7. К последнему типу сосудов данной группы следует отнести столовую посуду, представленную 2 фрагментами плоскодонных мисок с желобком

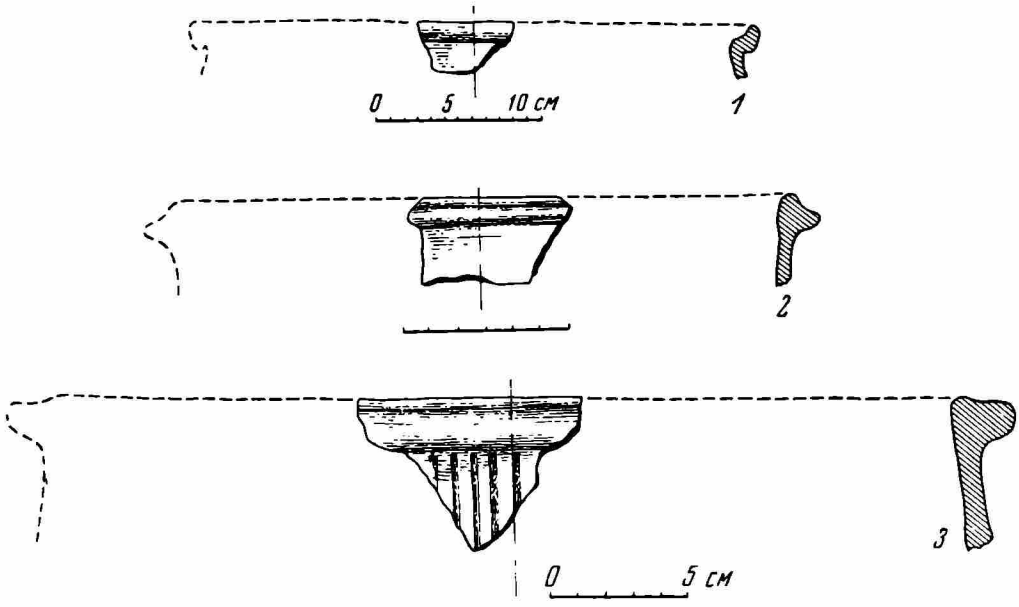


Рис. 14.

1 — обломок венчика глиняного сосуда из раскопа I (инв. № 1430-1,4е); *2* — обломок венчика глиняного сосуда из раскопа I (инв. № 1467-1, 14); *3* — обломок венчика глиняного сосуда, подъемный материал (инв. № ПМ-16).

и волнистой резной линией у края (рис. 15). Столовая посуда — явление весьма редкое в гуннских памятниках Забайкалья; нам известны только 2 плоских миски, напоминающие иволгинские,—из могилы 2 у с. Эдуй[1].

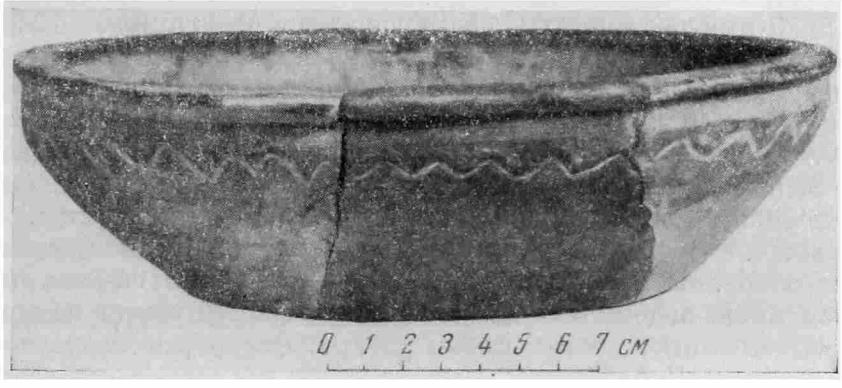


Рис. 15. Глиняная миска из жилища 9.

Ни к одному из выделенных типов нельзя отнести грушевидный, сильно сплющенный сосуд с узким горлом, найденный в жилище 9. Верхняя часть сосуда до плечиков украшена тремя следующими друг за другом орнаментальными поясами: на шейке — пояс из вертикальных лощеных полосок, отделенный от последующего двумя валиками; ниже, на плечиках — пояс из начертанных лощением удлиненных треугольников, вер-

[1] Ю. Д. Талько-Гринцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. Труды ТКО ПО РГО, т. III, вып. 1, табл. IV, *а*, *с*.

шинами направленных вниз, и еще ниже — пояс из двух параллельных валиков, между которыми проходит ряд S-образных валиков. Поле последнего пояса и нижняя часть сосуда носят следы сглаживания фигурной лопаточкой (рис. 9, *3*, *4*,). Размеры сосуда: высота — 38,5 см, диаметр устья — 21 см, диаметр днища — 20,5 см. Тонкие стенки сосуда, богатство и изящество орнаментации придают этому сосуду особый, парадный характер.

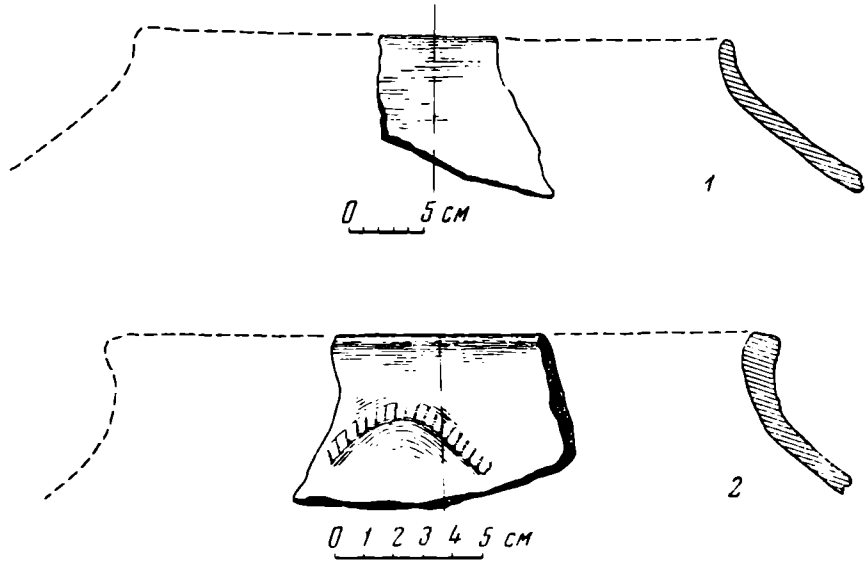


Рис. 16а.

1 обломок венчика глиняного сосуда из жилища 8; — обломок венчика глиняного сосуда из жилища 12 (яма 3).

В качестве аналогии можно привести такой же «парадный» сосуд, обнаруженный при раскопках С. В. Киселева в Монголии в 1949 г.[1] Он отличается от описанного нами выделенными в виде горизонтальной полосы плечиками и некоторыми деталями орнаментации. Весьма близок по форме к рассмотренному нами сосуд, обнаруженный в «Мокром кургане» Ноин-Улы, восстановленный С. А. Кондратьевым из отдельных обломков, но, в отличие от иволгинского, он весьма скромно орнаментирован: лишь по плечикам идут две параллельные врезанные полоски [2].

Керамика второй группы, менее многочисленной, представлена в основном небольшими сосудами баночной формы, которые различаются лишь заделкой края, отогнутого наружу или внутрь. Они покрыты, как правило, густым слоем нагара. Эта форма имела широкое распространение в Забайкалье. Высота этих сосудов колеблется от 10 до 25 см. Повидимому, они использовались для варки пищи (рис. 16б). Аналогичный сосуд найден на песчаных выдувах недалеко от Иволгинского городища (хранится в Улан-Удинском музее; инв. №. 254, Е 81).

К группе лепных сосудов следует отнести также большие шаровидные котлы с вертикальными или слегка отогнутыми наружу краями (рис. 16 а). Некоторые имели дуговидные ручки-выступы, украшенные насечками. Форма их полностью не восстанавливается, так как найдены только небольшие обломки.

---

[1] Материал раскопок не издан, сосуд хранится в ИИМК, инв. № 47 (ГМ 49).

[2] Рукопись отчета С. А. Кондратьева хранится вместе с коллекциями Ноин-Улы в Государственном Эрмитаже.

Следует также отметить, что в жилище 15 обнаружены фрагменты глиняного трипода. Подобные сосуды были широко распространены в Китае[1].

Таким образом, по формам, технике изготовления и орнаментации керамика Иволгинского городища, как и других гуннских памятников Забайкалья, отнюдь не является керамикой, принадлежащей кочевникам, каковыми были гунны; она повторяет китайскую керамику ханьского времени. В пользу китайского характера гуннской керамики Забайкалья и Северной Монголии говорят и клейма с китайскими иероглифами, встреченные на ряде рассмотренных выше сосудов (рис. 13, *2*). Помимо керамики, китайское влияние сказывается и на других элементах культуры поселения.

Рис 16б. Лепной сосуд из жилища 9.

Наряду с керамикой на городище обнаружены различные изделия из бронзы и железа. В первую очередь следует отметить находку двух целых бронзовых чаш. Из них одна, найденная в жилище 2,— хорошей сохранности (диаметр по краю — 30,5 см, высота — 9 см; рис. 17). Вертикальный низкий бортик чаши, оканчивающийся вверху резко отогнутой наружу закраиной, переходил вниз под резким углом в слегка округлую придонную часть сосуда с небольшим кольцевым поддоном, за который слегка выступало вниз округлое днище чаши. Чаша была повреждена в древности, в центре ее днища имелась небольшая трещина; кроме того, отогнутый наружу край чаши был частично отломан. Внутренняя поверхность чаши, тщательно отполированная, носит многочисленные следы царапин, нанесенных каким-то острым орудием (ножом?). Наружная поверхность, небрежно обработанная, была почти сплошь покрыта раковинами, образовавшимися при отливке чаши. Большой интерес представляют квадратные сквозные заклепки, располагавшиеся в шахматном порядке по вертикальному бортику и придонной части чаши, — не по всей ее поверхности, а примерно на $^3/_4$ ее окружности. Повидимому, эти заклепки являются следами бронзовых стержней, с помощью которых обе половинки формы при отливке удерживались на определенном расстоянии друг от друга, что давало возможность получать требуемую толщину стенок чаши. Иначе трудно объяснить наличие заклепок на поверхности чаши. Процесс отливки можно было бы представить следующим образом: форма устанавливалась на боку, внешняя и внутренняя ее половины скреплялись бронзовыми стерженьками, расположенными в шахматном порядке по поверхности чаши, за исключением верхней ее части, где скрепления не требовалось. Металл заливался сверху, вследствие быстрого его охлаждения стержни не успевали расплавиться, и их зачеканивали в виде квадратных головок.

Вторая бронзовая чаша найдена на расстоянии 3,6 м к югу от большого жилища 9, среди золы и углей. Вследствие сильного воздействия огня

[1] Archaeologia orientalis, series A, v I, 1929, табл. XXXIX.

стенки чаши частично распались на мелкие кусочки, которые в свою очередь расслоились, превратившись в труху. Чаша имела форму глубокой тарелки (рис. 18, *7*) с округло сужающимися ко дну стенками, с широкой закраиной (1,2 см), отогнутой наружу под прямым углом, с невысоким кольцевым поддоном и небольшим круглым выступом-пуговкой в центре наружной стороны плоского дна (высота — 8,5 см, диаметр устья — 28 см, диаметр дна — 11,4 см).

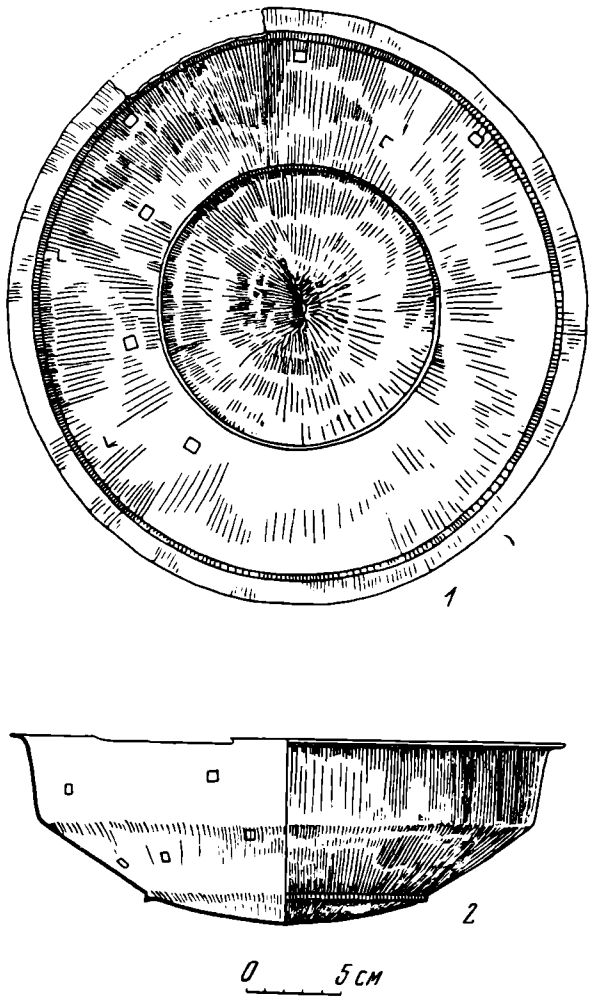


Рис. 17. Бронзовая чаша из жилища 2.
1 — вид снизу; *2* — вид сбоку.

Большой интерес представляет часть ножки от бронзового котла, украшенная продольными прорезями (рис. 18, *6*). Котлы подобного типа встречаются и в других гуннских памятниках Забайкалья (в выдувах на берегу р. Савы[1]); обломки котла подобного типа обнаружены в 1924 г. в кургане № 6 Ноин-Улы С. А. Кондратьевым[2]. Ближайшей аналогией таким котлам являются котлы, обнаруженные на северной границе Китая в 1930 г. японскими археологами [3]. Андерссоном издано несколько котлов, хранящихся в частной коллекции, которые считаются происходящими из Ордоса[4].

Из других находок бронзовых изделий отметим трехлопастную свистульку (рис. 19, *1*), подобную той, которая была найдена в Дерестуйском культуке [5].

Из бронзовых предметов украшения следует выделить 2 пряжки: одну — с рельефным изображением головы быка (рис. 19, *2*), близкую аналогию которой представляют 2 пряжки, найденные в том же Дерестуйском могильнике[6], а также пряжка, происходящая из Внутренней Мон-

---

[1] Кяхтинский музей, инв. № 693.

Хранится в Государственном Эрмитаже, коллекции Ноин-Улы, инв. № МР 778, МР 780, МР 781, МР 782.

[3] Archaeologia orientalis, series B, v. I (Inner Mongolia and the region of the great wall). 1935, табл. XXIII.

[4] J. A. Andersson. Hunting magic in the animal style. Bull of the museum of Far Eastern antiquities, № 4, Stockholm, 1932, табл. XIX, *1*, *3*.

[5] Ю. Д. Талько-Гринцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. Труды ТКО ПО РГО, т. III, вып. 2—3, табл. II.

[6] Там же.

голии[1]; другую — прямоугольную, слегка суживающуюся к одному из концов (рис. 19, *3*), с зарубкой для продольного язычка.

Среди железных изделий в первую очередь надо назвать находки сельскохозяйственных орудий — чугунного сошника и серповидных ножей, обнаруженных в жилищах 14 и 15; ножи по форме весьма близки к современным китайским полевым ножам, применяемым для уборки проса[2].

Из других железных изделий интересны плоский фалар (рис. 18, *5*), круглый (диаметр — 10 см), с петелькой на оборотной стороне, найденный

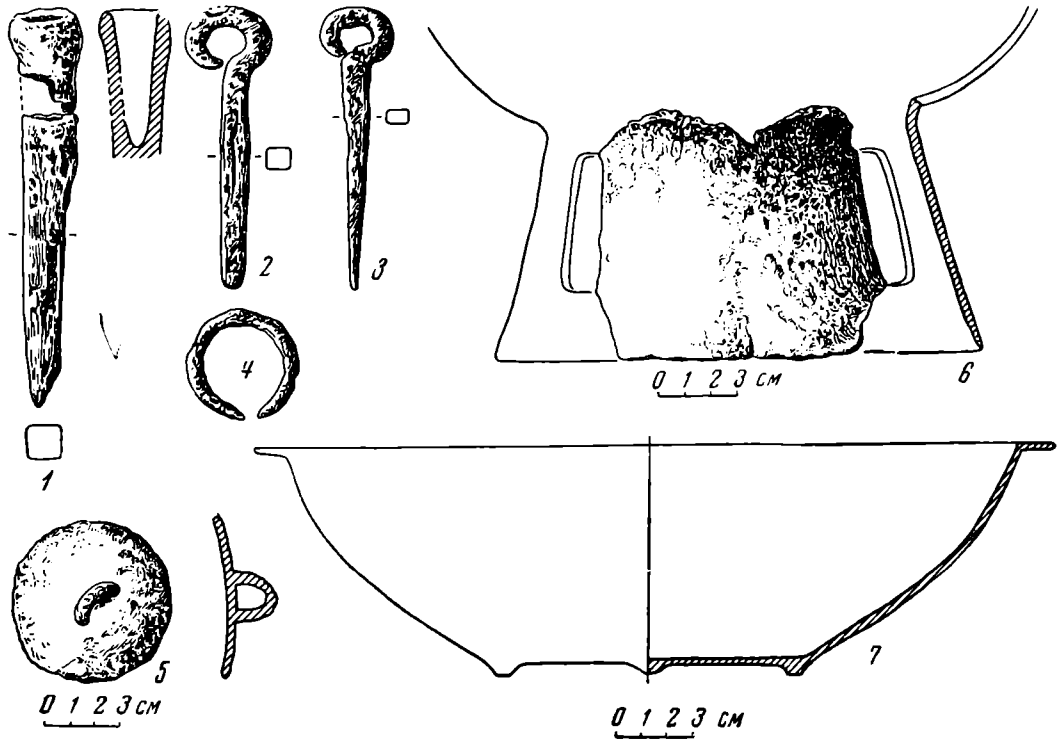


Рис. 18.

1 — железный предмет со втулкой из жилища 21; *3* — железные стержни с кольцом на конце (*2* — из жилища 12; *3* — из жилища 21); *4* — железное кольцо из раскопа I (квадрат 8б); *5* — железный фалар из жилища 10; *6* — обломок ножки от бронзового котла из раскопа IX (квадрат 22а); — разрез бронзовой чаши из раскопа IX (реконструкция).

в жилище 10, а также довольно хорошей сохранности железный нож с черешком. Форма ножа, как можно установить по всем находкам, сделанным на городище, единая — почти прямой нож со слегка выгнутой спинкой, в разрезе видно легкое утолщение у спинки, переходящее в узкое острое лезвие (рис. 19, *4*). Весьма любопытны находки железных стержней с кольцом на одном конце; другой конец их обломан, назначение их неясно (рис. 18, *2*, *3*).

Помимо готовых изделий, на городище обнаружены куски бронзового шлака и железные крицы.

В гораздо большем количестве, чем металлические изделия, встреча-

---

[1] J. A. Andersson. Указ. соч., табл. XXIV, *2*.

[2] А. В. Давыдова и В. П. Шилов. К вопросу о земледелии у гуннов. ВДИ, 1953, № 2, стр. 194, рис. 2, *а*, *б*; стр. 198, рис. 4, *а*, *б*.

лись изделия из рога и кости, представленные предметами вооружения и быта, а также заготовками, назначение которых не всегда ясно. Из предметов вооружения найдены наконечники стрел, накладки на лук и кольцо для натягивания тетивы.

Наконечники стрел встречены 3 типов:

1. Стрелы листовидной формы, ромбические в сечении; нижний конец распилен вдоль и расщеплен. Длина таких стрел — 5—9 см (рис. 20, *1—6*).

Рис. 19.

1 — бронзовая свистулька из раскопа IX; *2* — бронзовая пряжка с изображением головы быка, из раскопа IX; *3* — бронзовая пряжка прямоугольной формы, из раскопа IX; *4* — железный нож из раскопа IX.

К этому же типу следует отнести 2 маленькие стрелки (рис. 20, *7*, *8*), длиной 4 см; одна в разрезе овальная, с острым четырехгранным концом, другая в разрезе шестигранная.

2. Второй тип стрел имеет перо в форме вытянутого равнобедренного треугольника, основание которого косо срезано и образует жало. Довольно длинный черешок, круглый или овальный в сечении, так же как и у первого типа стрел, распилен вдоль на две равные части. Длина стрелы — 6—10 см (рис. 20, *13—17*).

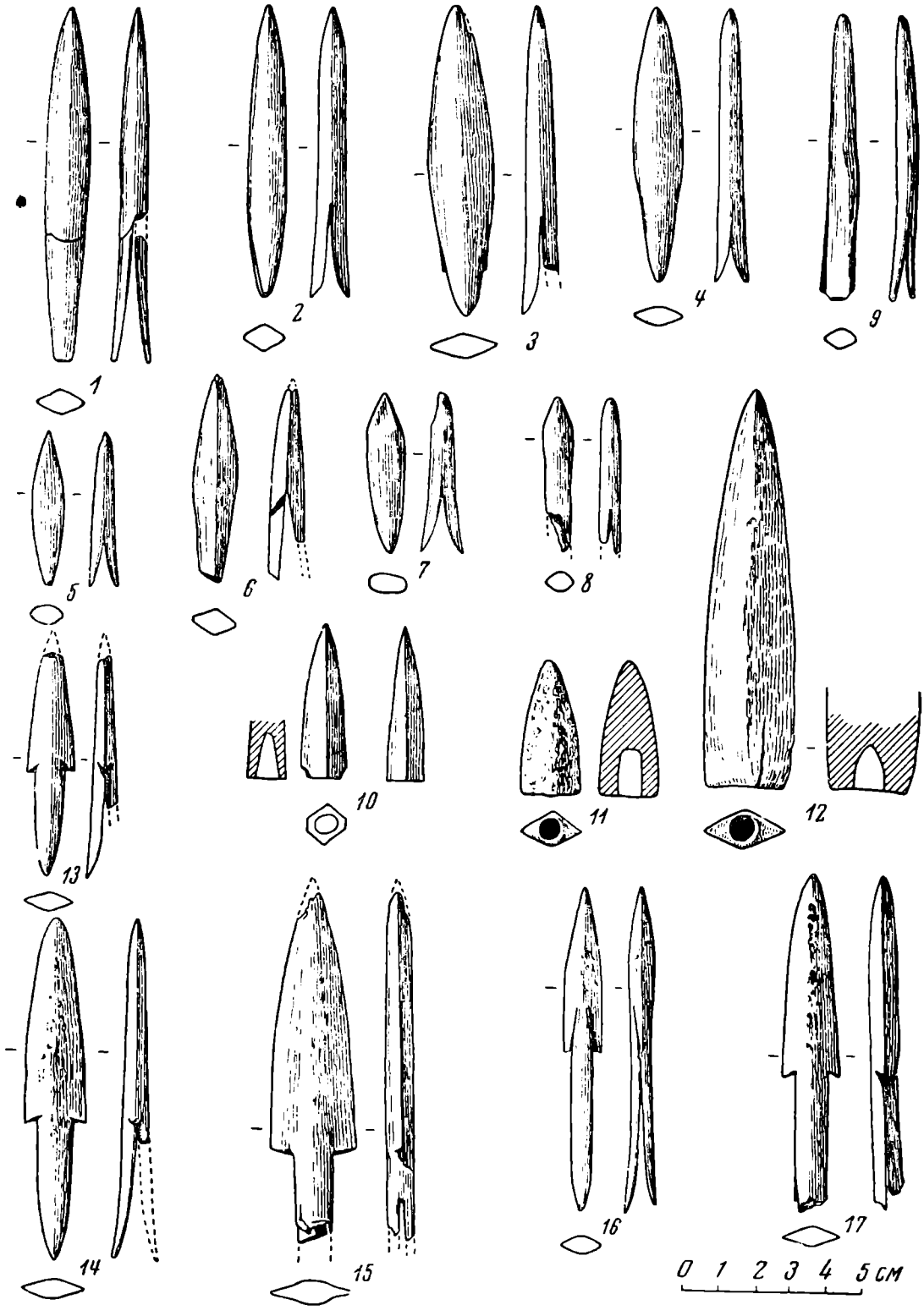


Рис. 20. Костяные стрелы.

1 — из раскопа II (квадрат 11х); *2* — из жилища 18; *3* — из раскопа I (квадрат 4е); *4* — из жилища 14; *5* — из раскопа XIV (квадрат 5е); *6* — из раскопа IX (квадрат 17ж); *7* — из жилища 20; *8* — из раскопа XVI (яма 2); *9* — из раскопа XVII (квадрат 21з); *10* — из раскопа IX; *11* — из раскопа XI; *12* — из раскопа XVII (квадрат 4а); *13* — из раскопа VI; *14* — из жилища 20; *15* — из жилища 19; *16* — из раскопа I; *17* — из раскопа V (квадрат 29у).

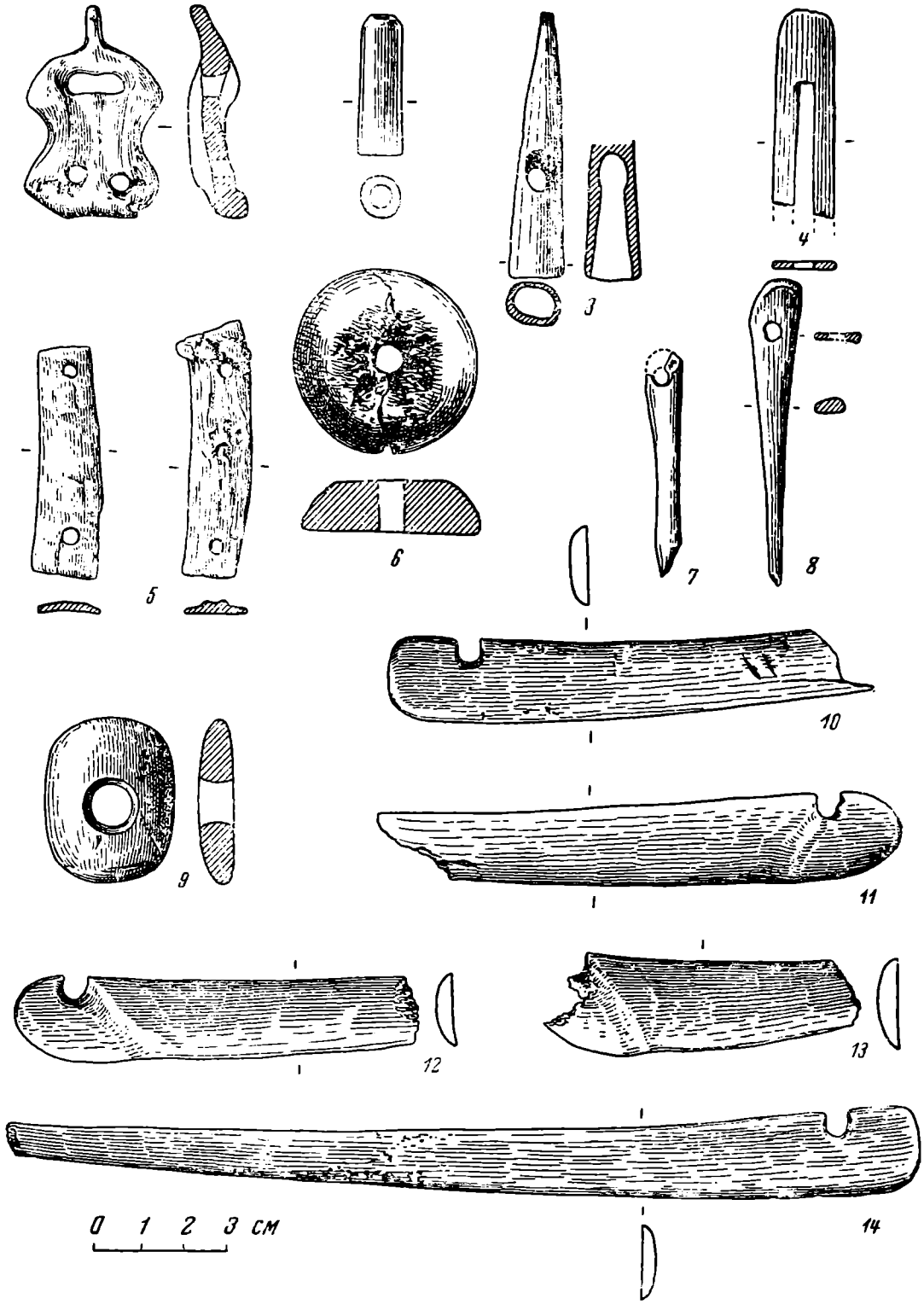


Рис. 21. Поделки из кости.

1 — пряжка из жилища 18; *2* — цилиндрический предмет со сквозным отверстием, из жилища 14; 3 — конусообразный предмет со втулкой и отверстием, из жилища 14; *4* — пластинка из жилища 15; *5* — две пластинки из рога с отверстием на конце, из жилища 14; *6* —пряслице из раскопа I; *7* — проколка из жилища 14; *8* — проколка из жилища 19; *9* — кольцо для натягивания тетивы лука, из раскопа IX (квадрат 15в); *10* — *14* — обломки накладок на лук, [*10*— из раскопа IX (квадрат 5в); *11* —из жилища 18; *12* — из раскопа XVII (яма 2); *13* — из раскопа XI (квадрат 9в); *14* —из раскопа XII].

3. Стрелы ромбические в сечении, с внутренней втулкой в форме конуса. Из 4 ребер стрелы два противоположных округло срезаны у основания. Длина стрелы — от 4,3 до 11 см (рис. 20, *10—12*).

Костяные стрелы указанных типов встречались и на остальной территории Забайкалья (в Бору, могила 2, и у Троицкосавска — в раскопках Михно) [1].

Находки костяных накладок на лук (рис. 21, *10—14*) имеют многочисленные реплики в остальных гуннских памятниках Забайкалья [2]. Костяное кольцо для натягивания тетивы лука найдено возле большого жилища (рис. 21,*9*). Размер кольца — 3,7 2,9 см, диаметр отверстия — 1,2 см.

Как уже отмечалось выше, на городище обнаружено большое число изделий из кости; в основном это различные бытовые предметы: пряжки, сделанные из позвонков барана (рис. 21, *1*), проколки, часто поврежденные еще в древности (длиной до 10 см; рис. 22,*4—6*), отполированные астрагалы, служившие, вероятно, для игры в кости. Интересна одна этнографическая параллель к иволгинским костяным проколкам, приведенная в статье Н. Ф. Прытковой [3]. Костяное шило, весьма похожее на иволгинское, служит у хантов орудием для предварительной обработки крапивы; обработка имеет целью отделить часть стебля, содержащего лубяные волокна, от сердцевины его и наружной оболочки. Не исключена возможность подобного же использования костяных проколок и обитателями Иволгинского городища.

Очень часто определить назначение поделок не представляется возможным. К таким предметам в первую очередь следует отнести лопатку быка с просверленным отверстием (рис. 22, *14*), лопатки барана с несколькими отверстиями (рис. 22, *13*), а также предмет, в разрезе полусферический, со слегка приподнятыми концами, на которых вырезаны выступы (рис. 22, *12*), и поделку, изготовленную из рога (рис. 22, *10*), длиной 9 см, согнутую под прямым углом; на прямом конце имеется просверленная внутри втулка, предназначенная для надевания на какой-то стержень.

Помимо готовых изделий, на городище встречена масса костяных заготовок, — большей или меньшей степени готовности, — из кости и рога различных диких животных. Очевидно, костерезное ремесло получило на городище весьма широкое распространение.

Каменные орудия найдены в сравнительно небольшом количестве. В большом здании обнаружены: 2 зернотерки, из них одна целая (длина — 40 см, ширина — 16,5 см, толщина — 4 см), другая — в виде плоской плитки округлой формы (диаметр — 15 см, толщина —3,8 см), и терочник с тщательно сглаженной одной стороной. Микроскопическое исследование показало, что эта плита использовалась для растирания какого-то мелкого материала (грубые риски здесь отсутствуют) [4].

Также неизвестно назначение 2 каменных колец одинаковой формы, изготовленных из гранита. Оба предмета оказались разбитыми пополам (рис. 23). Форма их округлая (большее кольцо имело диаметр 14 × 15,5 см, толщину — 8 см, меньшее — диаметр — 5,9 см, толщину — 3,4 см), в центре имеется просверленное биконическое отверстие (диаметры

[1] Стрелы из могилы 2 в Бору хранятся в Кяхтинском музее (без номера); стрелы из раскопок Михно находятся там же (инв. № 3018).

[2] Ю. Д. Талько-Гринцевич. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади, табл. XIV, *1, 4*; XV, *8, а, б, с, d, е*.

[3] Н. Ф. Прыткова. Одежды хантов. Сборник Музея антропологии и этнографии, т. XV, 1953, стр. 133, рис. 6.

[4] Издана в ВДИ, 1953, № 2, стр. 199, рис. 6. Пользуемся случаем выразить признательность С. А. Семенову, производившему микроскопическое исследование этого интересного орудия.

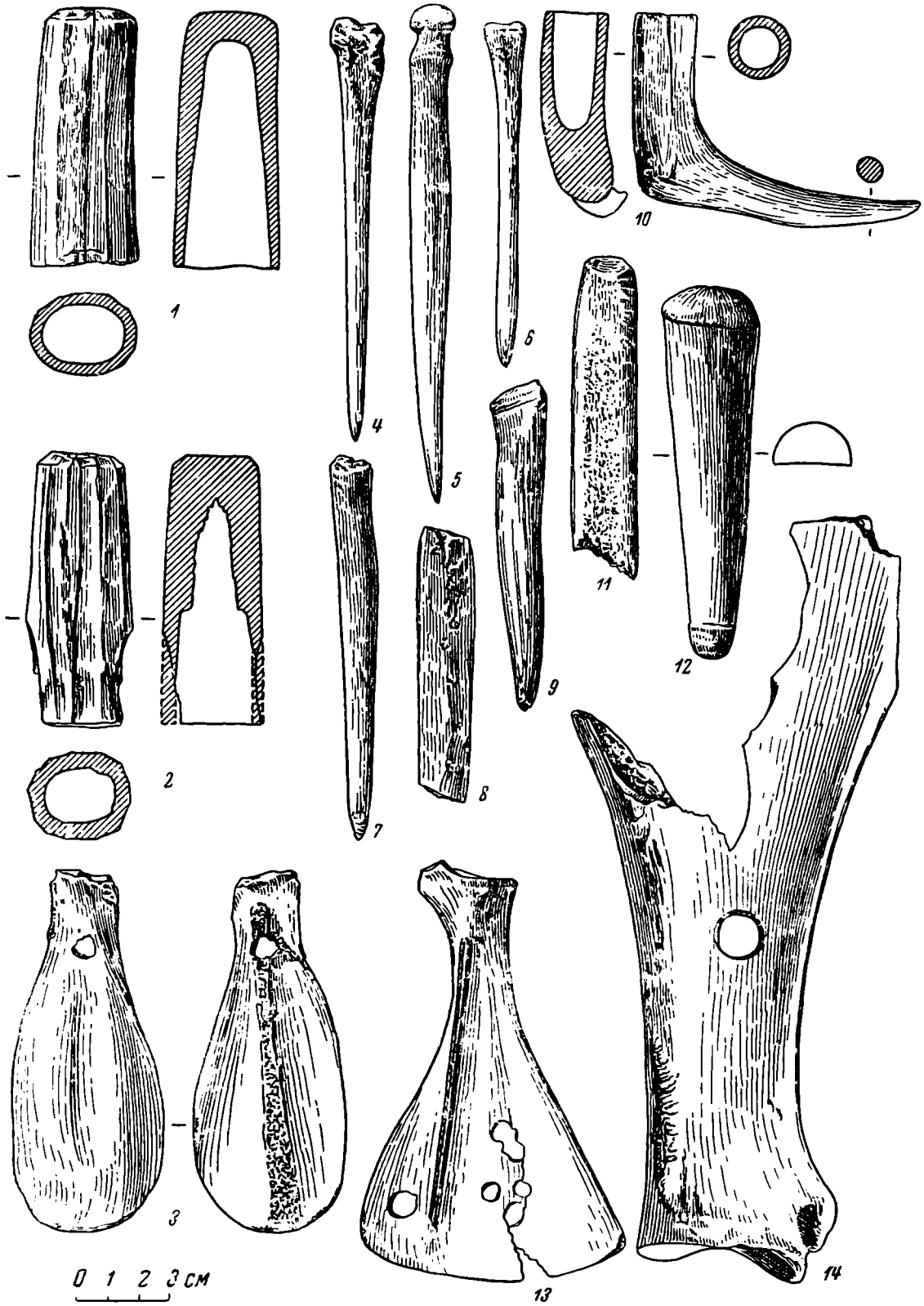


Рис. 22. Костяные предметы.

1, 2 — рукоятки из раскопа IX; *3* — лопатка с отверстием у основания, из жилища 13; *4—6* — проколки (*4* — из раскопа XI; *5* — из раскопа XVII; *6* — из жилища 12); *7—9* — заготовки для проколок (*7* — из жилища 12; *8, 9* — из раскопа XVII); *10* — предмет с загнутым концом со втулкой из рога, из жилища 12; *11* — заготовка из раскопа XVII; *12* — предмет с выступами на концах, из раскопа I; *13* — лопатка барана с просверленными отверстиями, из раскопа XVII; *14* — лопатка быка с просверленным отверстием, из раскопа IX.

3 и 1,5 см). Внутренняя поверхность колец носила следы сработанности вдоль оси отверстия. Первое кольцо найдено на полу у входа в жилище 8, второе — в западной половине того же жилища.

Несколько аналогичных колец неизвестного происхождения хранится в республиканском историко-краеведческом музее г. Улан-Удэ. Аналогичные каменные кольца с биконическим просверленным отверстием найдены около Калгана в 1930 г. японскими археологами Намио Эгами и Мицуно, также не объясняющими назначения этих предметов[1].

Весьма интересна овальная чашка из белого камня с руч-

Рис. 23. Каменные кольца из жилища 8.

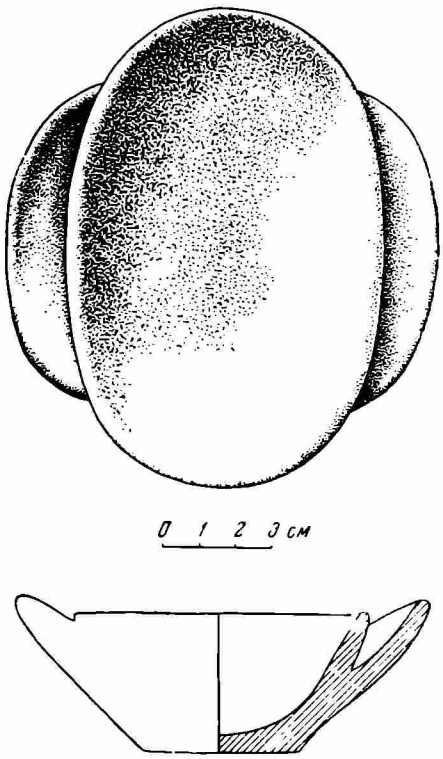


Рис. 24. Каменная чашка из раскопа XVII.

ками-выступами по бокам, обнаруженная в раскопе XVII (рис. 24). Подобные чашки — глиняные, нефритовые, а также из дерева, покрытого лаком, иногда с тиснеными изображениями и надписями на дне, — широко известны в Китае ханьского времени[2].

[1] Archaeologia orientalis, series B, v. I (Inner Mongolia and the region of the great wall), 1935, табл. IX, *2*, фиг. 20, 26.

[2] Л. А. Евтюхова и В. П. Левашова. Указ. соч., стр. 81, рис. 41,*6*; C. Trever. Excavations in Northern Mongolia (1924—1925). Л., 1932, табл. 29, 30,*1*; Archaeologia orientalis, series A, v. IV, 1934, табл. XIII, XXXV; Archaeologia orientalis, series A, v. III, 1933, табл. XVIII, *11*, *13*, *14*; табл. XXX, *4*, *8*; Вей Юй-цюань. Памятники культуры княжества Чу. «Китай», 1953, № 8, стр. 32 (обнаружены под г. Чанша, провинции Хунань).

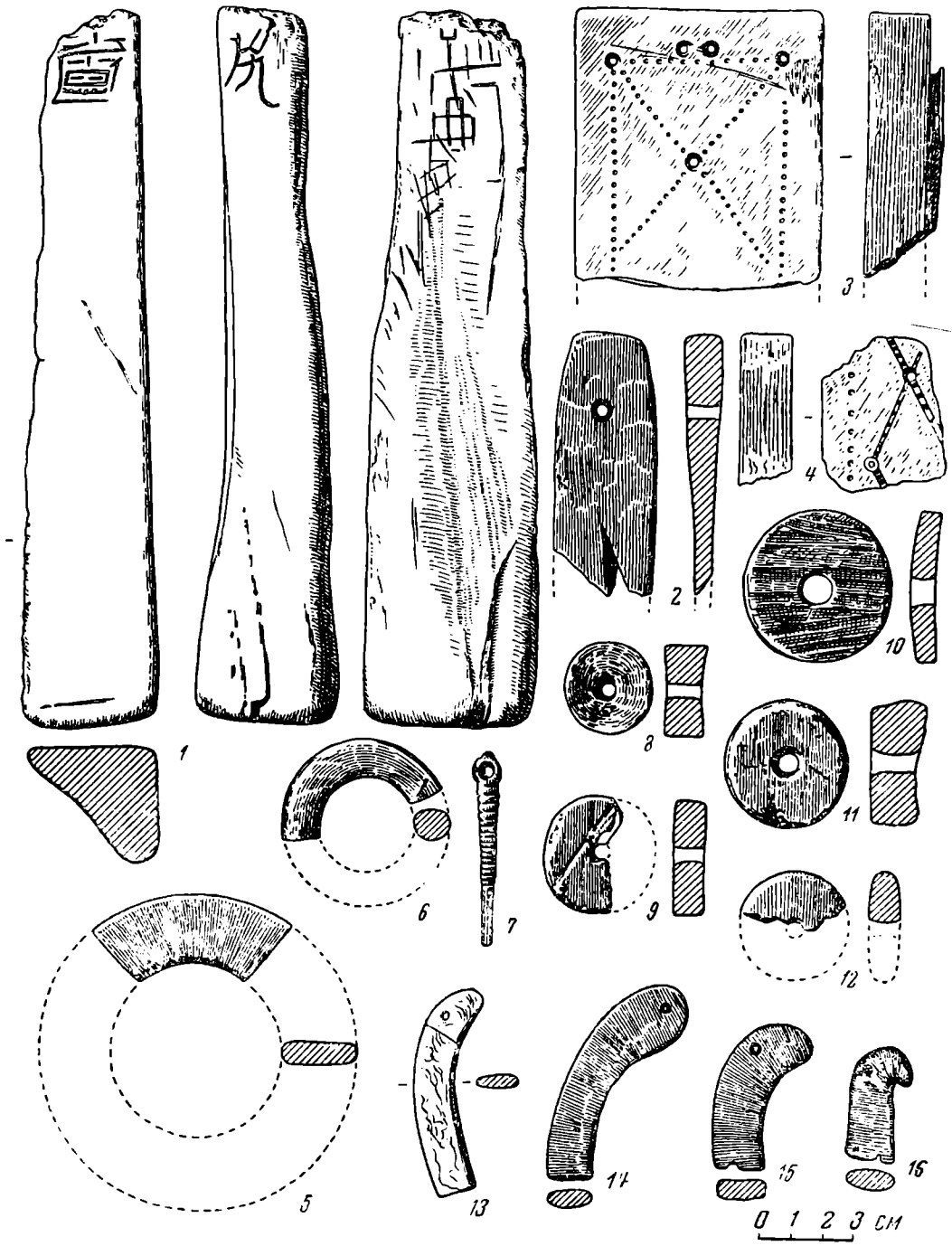


Рис. 25.

1 — каменное точило с иероглифами, из раскопа IX; *2* — каменное точило с отверстием, из раскопа IX; *3*, *4* — пластинки из гешира (*3* — жилища 21; *4* — из раскопа IX); *5* — обломок кольца из камня, из раскопа VII; *6* — обломок кольца из гешира, из раскопа XVII; *7* — бронзовая подвеска из раскопа XIII; *8—12* — глиняные пряслица (*8* — из жилища 6; *9*, *11*, *12* — из раскопа IX; *10* — из жилища 9); *13* — подвеска с загнутым концом из перламутра, из раскопа XI; *14—16* — обломки предметов из камня (*14* — из жилища 18; *15* — из раскопа VII; *16* — из раскопа II).

Из других каменных предметов необходимо упомянуть находку каменной пращи, обломка кремневого скребка и 2 точильных брусков (рис. 25, *1*, *2*); на конце одного из них имеются китайские иероглифы.

По определению профессора Ся Най, иероглифы читаются и переводятся следующим образом: направо — иероглиф «Суй», в переводе означает «год»; в середине — иероглиф «Чоу» в переводе — «враг»; налево — иероглиф «Дан», в переводе — «партия». Датируются иероглифы I в. до н. э. (эпоха Западная Хань).

Среди предметов из камня следует особо отметить обломки предметов неизвестного назначения, изготовленных из камня белого цвета, похожего на известняк, или из прозрачного серого камня с редкими темносерыми прожилками; все они имеют одну и ту же форму узкого бруска, у которого на изогнутом конце имеется маленькое отверстие. Обломаны они все одинаковым образом, недалеко от края (рис. 25, *14—16*); на некоторых из них у обломанного конца есть маленькие просверленные отверстия, в которые вставлены железные стерженьки.

Предметов украшения на городище найдено сравнительно мало, и они не отличаются большим разнообразием: это главным образом подвески и бусы из сердолика и гешира (рис. 26). Сердоликовые бусины — маленькие, округлой формы, несколько приплюснутые, гешировые бусины двух форм — в виде бобов с косо прорезанным отверстием (рис. 26, *7*) и в виде длинного, узкого цилиндра, прекрасно отполированного (рис. 26, *8*, *9*).

Среди подвесок интересна одна, сделанная из малахита (рис. 26, *4*). К этому же типу украшений нужно отнести имитацию раковин каури из белого мелового камня (рис. 26, *5*). Подобные раковины и их имитации в бронзе найдены в Дерестуйском могильнике (могила 7) и хранятся в Кяхтинском музее[1]. Подобные же украшения были обнаружены Андерссоном в 1924 г. в Китае[2].

Бронзовый предмет в виде витого стерженька длиной около 7 см, с ушком (рис. 25, *7*), вероятно, представляет собой подвеску-украшение типа конусовидных витых подвесок[3].

Из двух обломков нагрудных украшений (рис. 25, *3*, *4*) один — в виде пластинки из гешира с точечным орнаментом и гнездами для инкрустации, другой — весьма плохой сохранности. Аналогичная первой целая пластинка обнаружена в 1949 г. агрономом Усть-Цаганской МТС в местности Хара-Усу, где на выдувах был открыт гуннский могильник; она была почти прямоугольной формы, причем один конец — уже; на обоих концах было по два отверстия. Пластинка инкрустирована шариками из сердолика и бирюзы.

К предметам украшения следует отнести также кольцо из нефрита (диаметр — 8 см; рис. 27)[4]. Такие же кольца встречаются в большом числе в памятниках Забайкалья[5]. На городище обнаружено много обломков колец различного диаметра, изготовленных главным образом из мелового камня (рис. 25, *5*).

Подобные кольца, как пишет Харада, найдены у подножья горы

---

[1] Ю. Д. Талько-Гринцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. Труды ТКО ПО РГО, т. III, вып. 2—3, 1902, табл. II, *d* — d^{IV}.

[2] F. A. Andersson. Researches into the prehistory of the Chinese. Bull. of the museum of Far Eastern antiquities, №. 15, Stockholm, 1943, табл. 156, *2*, *6*, *7*; табл. 157, *8*.

[3] T. F Arne. Die Funde von Luan P'ing und Hsuan Hua. Bull. of the museum of Far Eastern antiquities, № 5, Stockholm, 1933, табл. VIII, *11*, *14*.

[4] Это кольцо ошибочно издано А. П. Окладниковым как происходящее из могильника на р. Джиде. См. А. П. Окладников. Археологические исследования в Бурят-Монголии, рис. 6 (внизу).

[5] Ю. Д. Талько-Гринцевич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. Труды ТКО ПО РГО, т. III, вып. 2—3, табл. II, могила 7.

Лао-тье вблизи Порт-Артура; они часто встречаются и в собственно Китае и до настоящего времени являются нагрудным женским украшением[1].

Изучение оборонительных сооружений на городище дало интересный материал, свидетельствующий о китайском облике Иволгинского городища.

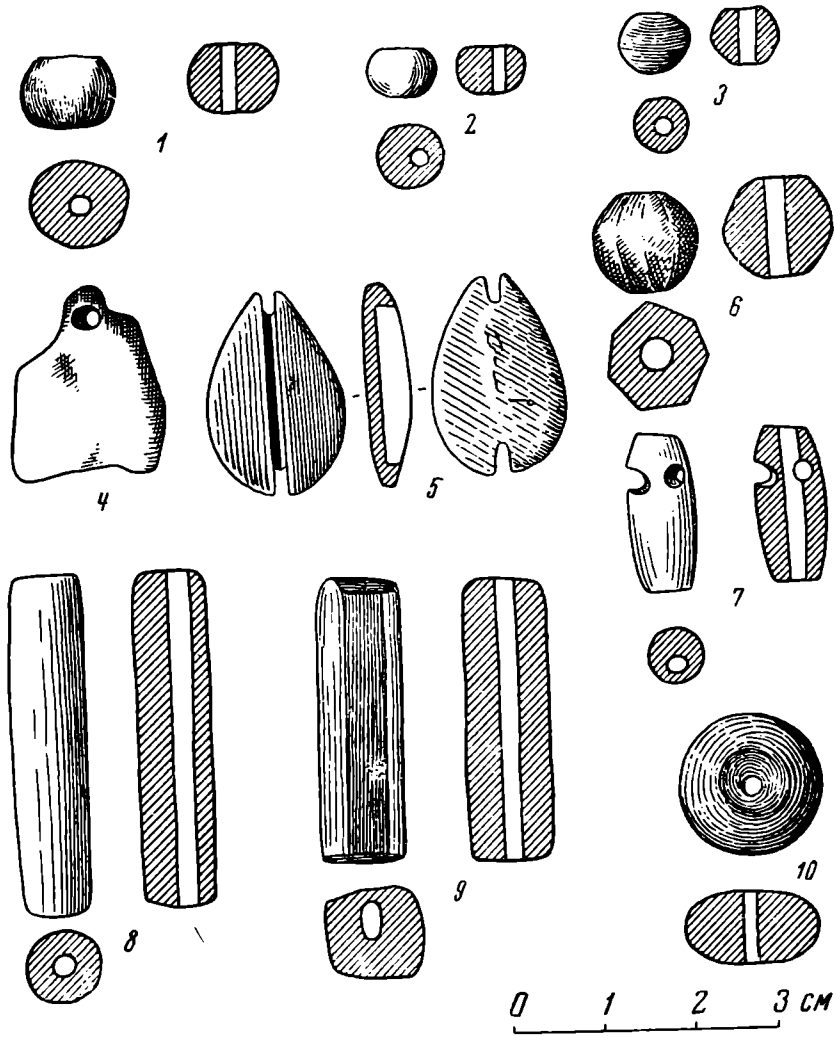


Рис. 26. Бусы и подвески.

Впервые оборонительные сооружения Иволгинского городища подверглись исследованию в 1928—1929 гг. Г П. Сосновским[2], сделавшим вывод о том, что городище защищалось системой валов при отсутствии рвов между ними. Однако работа Иволгинского отряда в 1949 г. опровергает это. При внимательном осмотре оборонительных сооружений, наиболее хорошо сохранившихся с южной стороны, вдоль гребня первого внутреннего вала наблюдался ряд камней. Кроме того, со стороны поселения этот же вал ограничивался едва заметным заплывшим рвом, покрытым более зеленой растительностью.

С целью изучения системы оборонительных сооружений на месте внутреннего вала и рва был заложен небольшой раскоп размером 8 × 8 м,

[1] Archaeologia orientalis, series A, v. II, 1931, стр. 24, табл. LVI, 2.
[2] Г П. Сосновский. Нижне-Иволгинское городище, стр. 152.

доведенный до подошвы вала; пространство же у западного борта раскопа и далее к югу через остальные три вала было прорезано узкой перпендикулярной траншеей шириной 1,25 м с целью получения полного профиля укреплений (рис. 28).

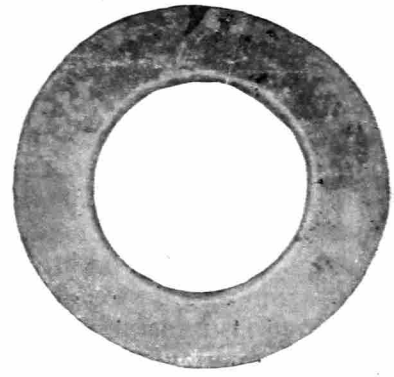


Рис. 27. Кольцо из нефрита (подъемный материал).

Сразу же обнаружилось, что небольшое углубление у внутреннего вала, отличавшееся более зеленым цветом растительности, оказалось внутренним рвом шириной 6,5 м; наибольшая глубина его от уровня погребенной почвы достигала 1,07 м. Ров был заполнен обломками керамики, множеством костей домашних животных; в земле встречались жженые прослойки и остатки сгоревшей растительности. Стенки первого рва круто поднимались вверх и переходили в первый, сильно расплывшийся внутренний вал, шириной 3,5 м, гребень которого был укреплен камнями, а южный склон покрыт густым слоем материкового песка с галькой, оползшей с вершины вала. Высота первого вала в настоящее время достигает 0,75 м (от уровня погребенной почвы). Южный склон первого вала плавно переходит во второй ров, наибольшая глубина которого от уровня погребенной почвы равна 1,1 м. Ров был заполнен супесью более темного цвета; в ней попадались отдельные камни, свалившиеся с гребня первого вала, и наблюдались прослойки гальки с песком, покрывавшие толстым слоем южный склон первого вала.

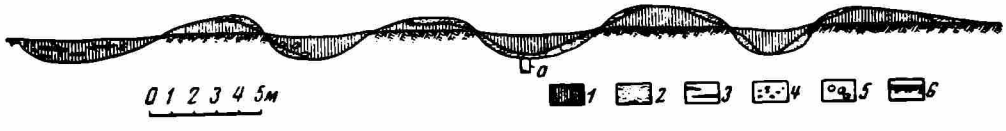


Рис. 28. Разрез оборонительных сооружений южной стороны городища (с севера на юг).

1 — темная супесь; *2* — подсыпка из материкового песка и гальки; *3* — остатки сгоревшей растительности; *4* — куски древесного угля; *5* — камни; *6* — погребенная почва; *а* — яма с черепом собаки.

Второй вал, высотой 0,57 м (над уровнем погребенной почвы), был сооружен несколько иначе, чем первый. Камни на гребне здесь отсутствовали, и гребень укреплялся лишь подсыпкой из песка и гальки, т. е. материковым слоем, выброшенным из смежных рвов. Остатки этой подсыпки сохранились только на южном склоне второго вала. Последний плавно переходил в третий ров, южная сторона которого, так же как и предыдущих, была гораздо круче, чем северная. Ров был заполнен темной супесью, перемешанной с материковым слоем, оползшим с гребней валов. В основании рва была выкопана ямка глубиной 0,7 и диаметром 0,35 м, на дне которой погребен череп собаки. Глубина третьего рва достигала (от уровня погребенной почвы) 1,20 м.

Северный склон третьего вала, покрытый толстым слоем гальки и песка, был круче южного и по устройству ничем не отличался от второго. Высота третьего вала (от уровня погребенной почвы) — 1 м. Стенки третьего вала плавно спускались в последний, четвертый ров, который был

заполнен темной супесью, смешанной с материковым выбросом, составлявшим довольно толстые прослойки на склонах третьего и четвертого валов. В отличие от остальных, четвертый ров не имел плавной округлости дна и резко, почти под прямым углом переходил в северный склон четвертого вала. Глубина четвертого рва достигала 1,3 м (от уровня погребенной почвы). Последний, четвертый вал, высотой 0,75 м, по устройству ничем не отличался от предшествующих. Южный склон его постепенно понижался до уровня почвы. Рва с наружной стороны вала не было обнаружено.

Таким образом, раскопки позволяют полностью восстановить технику сооружения укреплений Иволгинского городища. Были выкопаны 4 рва, выбросы из которых использовались для насыпки валов. Рвы прокапывались в материковой почве (галька с крупным песком). Гребень внутреннего вала и частично склоны были укреплены гранитными блоками. С течением времени рвы постепенно заплыли почвой, а сильные ветры сдували покров валов, так что профиль валов до некоторой степени нивелировался. Надо полагать все же, что в древности высота валов не превышала 1,5—2 м, о чем свидетельствуют небольшая глубина рвов (не более 1,3 м от уровня погребенной почвы), а также сравнительно небольшая ширина валов. Для насыпки валов использовалась земля, вынутая из рвов, что подтверждается характером наслоений валов (супесь, перекрытая сверху материковым слоем песка с галькой), и это полностью соответствует стратиграфии напластований почвы.

Во время раскопок подошвы внутреннего вала обнаружены костяная стрелка (рис. 20, *13*) и обломки глиняной посуды. Кроме того, найдены 2 кружка диаметром 3—4 см, изготовленных из стенки сосуда, и точильный брусок. Эти находки позволяют считать оборонительные сооружения городища одновременными с поселением.

С фортификационной точки зрения оригинальная система оборонительных сооружений Иволгинского городища представляла довольно мощный рубеж против конницы. С одной стороны, крутизна внутренних скатов валов не позволяла коннице противника быстро форсировать систему укреплений, с другой стороны, наличие 4 валов позволяло обороняющимся иметь 4 оборонительных рубежа, из-за которых можно было одновременно поражать противника. Отсюда становится понятным необычное расположение рвов позади валов. Последнее обстоятельство давало возможность защитникам при небольшой высоте валов скрываться от противника, стоя во весь рост, и внезапно нанос ить удар.

Следует отметить, что выявленная на Иволгинском городище система оборонительных сооружений (рвы позади валов) находила широкое применение в Китае и в раннее, и в более позднее время[1]. Последнее дает возможность утверждать, что строительство оборонительных сооружений городища следует связывать с китайцами, пребывание которых у гуннов засвидетельствовано китайскими источниками.

Таким образом, оборонительные сооружения Иволгинского городища являются ценным историческим источником для воссоздания истории поселения.

В 100 м к югу от Иволгинского городища, на той же надпойменной террасе, расположено другое небольшое городище, прямоугольное в плане, обнесенное хорошо заметным валом (рис. 1). Заложенные в северной части городища 2 шурфа были доведены до материка, но не обнаружили ясных

[1] Л. М. Яковлев. Исторические памятники времен империи Цзинь. Записки Харбинского общества естествоиспытателей и этнографов, № 3, Археология, Харбин, 1946. (План городища около дер. Чан-лин-цза. Автор датирует городище цзиньским временем).

следов поселения. В шурфах найдено лишь несколько костей домашних животных. Через западный вал была проложена траншея, выявившая также и ров, проходивший с внутренней стороны вала, т. е. ту же систему устройства оборонительных сооружений, что и на основном городище. Вопрос о назначении малого городища остается пока, до проведения на нем систематических исследований, открытым.

Иволгинское городище является памятником однослойным. Отсутствие сплошного культурного слоя на городище, а также характер находок свидетельствуют о том, что жизнь на городище продолжалась недолго. Время существования городища в свете приведенных аналогий с гуннскими памятниками Забайкалья и Северной Монголии, в частности Ноин-Улы, следует ограничить I в. до н. э. — I в. н. э. Не противоречит этой дате и прямой датирующий материал в виде китайских иероглифов на донышке глиняного сосуда и на каменном точиле из Иволгинского городища. Поселение было разрушено, вероятно, при набеге одного из местных племен, о чем свидетельствуют следы пожарищ в его жилищах.

Наличие сложных по конструкции фортификационных сооружений, жилищ с характерной отопительной системой, занятие жителей земледелием, ремеслами — литейным и керамическим — позволяет утверждать, что на Иволгинском городище обитало типично оседлое население. Последнее подтверждается и составом стада.

Анализ остеологического материала, выполненный В. И. Бибиковой[1], показал, что в состав стада входили следующие виды животных (см. таблицу).

Животное	Количество костных остатков	Соотношение остатков домашних животных, %	Минимальное число особей	Соотношение домашних животных по числу особей %	Примечание
Овца (Ovis aries)	278	29,4	10	22,7	4 молодых, 6 взрослых
Коза (Capra hircus)	4	0,4	2	4,5	Полувзрослые
Бык (Bos taurus)	348	36,9	7	15,9	1 молодой, 6 взрослых
Як (Poephagus sp.)	1	0,1	1	2,3	Взрослый
Свинья (Sus scrofa domestica)	61	6,4	7	15,9	6 молодых, 1 взрослая
Лошадь (Equus caballus)	94	10,0	3	6,9	1 молодая, 1 взрослая
Верблюд (Camelus bactrianus domesticus)	1	0,1	1	2,3	—
Собака (Canis familiaris)	158	16,7	13	29,5	1 молодая, 12 взрослых, 2—типа овчарки, 2—типа дога

Как видно из таблицы, основными видами домашних животных являлись овца, бык и свинья. Следовательно, состав стада также определяет оседлый образ жизни населения, оставившего Иволгинское городище.

Оседлый уклад жизни населения Иволгинского городища как будто

[1] Пользуюсь случаем выразить В. И. Бибиковой благодарность за определение остеологического материала.

противоречит приведенным вначале данным китайских летописей о кочевом укладе хозяйства гуннов, что и заставило Г П. Сосновского предположить, вопреки свидетельствам китайских хроник, наличие полукочевого уклада хозяйства гуннов. Мы не можем в этом согласиться с Г П. Сосновским.

Произведенный выше анализ материальной культуры поселения выявил китайский характер оборонительных сооружений, жилищ, орудий производства, керамики и предметов украшения; это позволяет нам рассматривать Иволгинское городище и поселение у с. Дурен как поселки, где проживали китайские перебежчики в землю гуннов, которые, наряду с земледелием, занимались скотоводством и различными ремеслами, снабжая всем необходимым гуннские кочующие орды.

В китайских хрониках мы найдем письменное подтверждение нашего вывода о том, что в земле гуннов имелись китайские поселения, например, под 85 г. в Шицзы читаем следующее: «Вэй Люй подал Шаньюю совет выкопать колодцы, построить город и двухэтажные магазины для содержания хлеба, а хранение хлеба поручить китайцам династии Цинь»[1], но в том же месте говорится о том, что гунны не умеют оборонять укрепленных поселений: «Уже выкопано было несколько сот колодцев, срублено несколько тысяч бревен, как некоторые представили, что хунны не могут защищать городов, и собранный хлеб достанется китайцам»[2].

Следовательно, сооружение таких поселков можно приписать только китайцам. К тому же китайские хроники неоднократно сообщают о том, что в землях гуннов проживало большое число китайских перебежчиков. Под 200 г. Шицзы сообщает: «В сие время военачальники Дома Хань один за другим передавались хуннам»[3]; под 85 г. Шы-гу пишет: «При династии Цинь китайцы перебегали в земли хуннов. Ныне потомки их также называются китайцами династии Цинь. .»[4] Под 33 г. в Цяньханьшу приводится речь китайского сановника Хэу Ин, в которой он говорит следующее: «Невольники и невольницы у пограничных жителей без исключения помышляют о бегстве. Они вообще говорят, что у хуннов весело жить, и несмотря на бдительность караулов иногда перебегают за границу»[5].

Бегство к гуннам принимало, очевидно, такой широкий размах, что статья о запрещении принимать беглых была внесена специально даже в договор с гуннами: «Вслед за сим в прежний договор с хуннами введены четыре новые статьи: 1) жителей Срединного государства, бежавших к хуннам, 2) беглых усуньцев, желающих поддаться хуннам. , не принимать»[6]

Таким образом, мы можем констатировать полное совпадение письменных и археологических источников по вопросу о существовании китайских поселений в землях гуннов. Яркой этнографической параллелью Иволгинскому городищу и поселению у с. Дурен являются китайские ремесленные поселки на территории Монголии, описание которых оставил нам Бичурин и ряд других путешественников[7].

В заключение отметим, что у местного бурятского населения Иволгинское городище известно до сих пор под названием «китайское место».

---

[1] Н. Я. Бичурин (Иоакинф). Указ. соч., стр. 78.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 52.
[4] Там же, стр. 78.
[5] Там же, стр. 95.
[6] Там же, стр. 102.
[7] Н. Я. Бичурин (Иоакинф). Записки о Монголии, т. 1, СПб., 1828, стр. 101, 105, 151, 181.

М. А. ТИХАНОВА

БОРОЧИЦКИЙ КЛАД

Самый большой из всех известных до настоящего времени монетных кладов и один из наиболее интересных был обнаружен в 1928 г. в м. Борочицы Берестечковского района Волынской области, в верховьях р. Стыри, на правом берегу ее левого притока Липы.

Широко известный за рубежом, Борочицкий клад в советской литературе был впервые упомянут лишь сравнительно недавно М. Ю. Брайчевским, давшим, к сожалению, не вполне отчетливую его характеристику. М. Ю. Брайчевский несколько преуменьшил размеры клада и недостаточно точно определил время чеканки входивших в него монет, ограничив их только II в. н. э.[1]

Вторичное упоминание о Борочицком кладе находим мы у Е. В. Махно, еще менее точное как в отношении количества монет, так и их датировки: Е. В. Махно говорит о 2000 монет II—III вв. и об одной монете 2-й половины IV в.[2].

Более развернутую характеристику клада мы встречаем в статье А. В. Фенина[3]. Однако и здесь сведения о кладе недостаточно точны и полны. Так, А. В. Фенин почему-то снижает нижний хронологический рубеж входящих в клад монет[4] и определяет их как золотые и серебряные, хотя никаких указаний в литературе на наличие в Борочицком кладе золотых монет не встречается. Не вполне правильно характеризует он и вещевую часть клада: определяет, например, его двуручный лепной глиняный сосуд как сосуд византийской работы, указывает в составе клада золотую тарелку[5], не касается обстоятельств находки клада и т. д. Эта характеристика клада, данная А. В. Фениным, повторена (в сокращенном виде) В. В. Кропоткиным в его сводке римских монет в Восточной Европе[6].

---

[1] М. Ю. Брайчевський. Знахідки римських монет на території УРСР. «Археологія», III, 1950, стр. 99.

[2] Е. В. Махно. Пам'ятки культури полів поховань черняхівського типу. «Археологія», IV, 1950, стр. 70.

[3] О. В. Фенин. Знахідки римських монет у Прикарпатті. «Археологія», V, 1951, стр. 99, 100.

[4] 79—211 гг. вместо 69—211 гг. В кладе есть монеты императора Веспасиана (69—79 гг.).

[5] О. В. Фенин. Указ. соч., стр. 83—94, 99, 100. А. В. Фенин имеет, очевидно, в виду поднос, который упоминает и В. Антоневич, называя поднос золотым в кавычках (ein «goldenes» Tablett) и не допуская, повидимому, чтобы он мог быть, действительно, золотым. См. W. Antoniewicz. Der Fund von Boroczyce. Numism. Közlöny за 1929/1930 гг., т. XXVIII—XXIX, 1933, стр. 19; Я. Пастернак. Скарб з Борочиц. ЗНТШ, 1931, т. 151, стр. 14. Josef Piotrowski, Skarb Boroczycki, Lwów, 1929, стр. 9 и 33.

[6] В. В. Кропоткин. Клады римских монет в Восточной Европе. ВДИ, 1951, № 4, стр. 253, № 2а и стр. 259, № 94. Значительно более полные и точные сведения

Упоминается Борочицкий клад и в работе А. Т. Смиленко[1], и в позднейших статьях М. Ю. Брайчевского[2]. В частности, последний специально касается найденного в Борочицах медальона в статье, посвященной в основном римским медальонам, найденным на территории лесостепи, и дает его описание, правда, не вполне точное[3].

Вот почему мы считаем нужным привести краткие, но по возможности исчерпывающие сведения о Борочицком кладе, использовав всю имеющуюся о нем литературу[4].

Борочицкий клад был обнаружен случайно, во время земляных работ при постройке железнодорожной линии Стоянов — Луцк, на территории станции Борочицы, в начале июня 1928 г.

Обстоятельства находки клада не вполне ясны. По одной версии, клад был найден в земле, по другой — был обнаружен уже в выбросе. Согласно первой версии (В. Антоневича), рабочие обнаружили на глубине 0,6—2 м (? — *М Т.*) один глиняный и два серебряных сосуда, доверху заполненных римскими серебряными монетами; вместе с ними был извлечен из земли «золотой» поднос, впоследствии бесследно исчезнувший. Общий вес монет достигал будто бы 50—60 кг — цифра, как полагает В. Антоневич[5], сильно преувеличенная. Здесь же (однако не на том самом месте, где были обнаружены сосуды с монетами), в земле, выбранной из более глубокого слоя, другим рабочим был найден золотой медальон. Так описывает обстоятельства находки В. Антоневич, сообщая далее, что, как только стало широко известно о находке клада, т. е. менее чем через две недели после его обнаружения, была сделана попытка обследовать самое место находки клада. Раскопок, однако, произвести не удалось, так как стенки рва уже затвердели, покрылись новым слоем песка и глины, а частично даже

о Борочицком кладе даны в работе В. В. Кропоткина «Топография римских и ранневизантийских монет на территории СССР», ВДИ, 1954, № 3, стр. 165, № 94 (она появилась тогда, когда наша статья была уже сдана в печать).

[1] А. Т. Смиленко. Про деякі датуючі речі в культурі полів поховань. «Археологія», VI, 1952, стр. 66, 68, 71.

[2] М. Ю. Брайчевський. Час обігу римської монети в антському суспільстві. «Археологія», VI, 1952, стр. 78; его же. Антський період в історії слов'ян. «Археологія», VII, 1952, стр. 28.

[3] М. Ю. Брайчевський. Археологічні свідчення участі східних слов'ян у політичних подіях римської історії III—IV ст. н. е. «Археологія», VIII, 1953, стр. 48, 49. В статье «О распространении римских монет у древних восточных славян» (ВДИ, 1954, № 1, стр. 130). М. Ю. Брайчевский снова говорит о золотой монете.

[4] Западная литература о Борочицком кладе: 1. ZOW, III 1928, стр. 50; 2. J. Piotrowski. Skarb Boroczycki powiàt Horòchow na Wołyniu. Lwów, 1929. 3. St. Gąsiosk i. Znalezisko z okresu wędrawek ludów na Wołyniu. Sprawozdanie P. A. U., 1929, № 1—31 — II, январь — март, стр. 27—31; 4. Его же. Prace Komisji Historji Sztuki. P. A. U., т. V, 9, стр. XLII; 5. Его же. Znalezisko z Boroczyc na Wołyniu. Wiadomości numism.-archeologiczne. Kraków, 1929, т. XII, стр. 56—58; 6. E. Petersen — JPEK, 1930, стр. 67, 68; 7. ЗНТШ, 1931, т. 151, стр. 14—17 (есть неточности в определении монет.— *М. Т.*); 8. E. Beninger. Zwei germanische Funde von Wulzeshofen in Niederösterreich. Wiener PZ, XIX Jg., 1932, стр. 228; 9. W. Antoniewicz. Der Fund von Boroczyce. Numizm. Közlöny за 1929/1930 гг., t. XXVIII—XXIX, Budapest, 1933, стр. 19—21; 10. A. Alföldi. Nachahmungen römischer Goldmedaillons als germanischer Halsschmuck. Там же, стр. 5; 11. B. v. Richthofen. Zum Stand der Vor- und Frühgeschichtsforschung in den westukrainischen Ländern. PZ, 25, 1934, стр. 232; 12. R. Jakimowicz. Die Hortfunde römischer Denare in Polen und ihre Datierung. Bericht über den VI Internationalen Kongress für Archäologie. Berlin, 1940, стр. 583, 584; 13. Его же. Pánstwowe Muzeum Archeologiczne. cele, organizacja i dotychczasowe dokonania. Wiad. Archeol., XIV, 1936, стр. 218; 14. J. Kostrzewski. Prehistorja ziem Polskich. «Od mezolitu do wędrówek ludów». Encyclopedja Polska, t. IV, Kraków, 1939—1948, стр. 318, 355; 15. K. Majewski. Importy rzymskie na ziemiach Słowiańskich. Wrocław, 1949, стр. 14, № 357 и стр. 109, № 471.

[5] W. Antoniewicz. Указ. соч., стр. 19.

поросли травой. Вследствие этого оказалось невозможным воссоздать точную картину обстоятельств находки и восстановить истинную связь между отдельными ее частями. «Вероятно,— говорит в заключение В. Антоневич,— сосуды и серебряные монеты составляют единый комплекс, в то время как связь его с золотым медальоном как будто не достоверна» [1].

Страницей ниже В. Антоневич высказывается по вопросу о находке медальона более решительно: «Медальон, согласно показаниям рабочих, был поднят в совершенно другом месте, чем сосуды,— из «выбранной и отброшенной земли», и подчеркивает, что пока нет никаких данных против того, чтобы рассматривать медальон в качестве отдельной находки[2].

По другой версии, приводимой Ст. Гансиоровским, со ссылкой на сведения, полученные в Управлении Луцкого воеводства, куда поступила часть находки, и Управлении охраны памятников искусств во Львове, хранителем которого в то время был Пиотровский,— весь клад был найден рабочими не in situ, а в выкинутой земле, в выбросе. В то же время Гансиоровский, не касаясь вопроса о соотношении находки медальона и остального клада, отмечает, что, согласно указаниям Пиотровского, поблизости от места находки было нечто вроде крепостного вала, в котором Пиотровский усматривал возможный остаток римского кастеля (?! — *М. Т.*) [3].

Я. Пастернак об обстоятельствах находки клада умалчивает вовсе, подчеркивая, однако, что, «по указаниям рабочих, медальон не был найден вместе с сосудами и монетами» [4].

Если в описании обстоятельств обнаружения Борочицкого клада показания в деталях расходятся, то в изложении его дальнейших судеб они единодушны. Извлеченный из земли клад быстро разошелся по рукам, в результате чего пропала основная масса монет, исчез и «золотой» поднос. Уцелевшие серебряные сосуды оказались попорченными при поспешном извлечении из них заполнявших их монет. Впоследствии, правда, значительную часть монет удалось отобрать у тех, к кому они попали, и собрать, таким образом, до 9 кг серебряных римских монет. Половина находки (около 4 кг монет и оба серебряных сосуда) оказалась в Львовском казначействе, другая (около 5 кг монет, глиняный сосуд и золотой медальон)—в Управлении Волынского воеводства в Луцке[5]. Позднее сосуды Борочицкого клада, золотой медальон и более 1000 монет были переданы в Археологический музей в Варшаве, 362 монеты приобрел Львовский музей им. Шевченко [6], и 51 монета поступила в бывш. Украинский национальный музей во Львове [7].

Монеты, поступившие в Львовский музей им. Шевченко (в количестве

---

[1] См. W. Antoniewicz. Указ. соч., стр. 19. Ю. Пиотровский указывал, что, по утверждению части надсмотрщиков, было якобы выкопано восемь серебряных кувшинов, заполненных древнеримскими монетами. См. J. Piotrowski, Указ. соч., стр. 12.

[2] Там же, стр. 21.

[3] St. Gąsiorowski. Znalezisko z okresu..., стр. 28. Гансиоровский не вполне точен. Пиотровский ни о каком римском укреплении не говорит, упоминая лишь о нередко встречающихся в тех местах так называемых Траяновых валах. Но вообще сведения Ю. Пиотровского о находке медальона довольно сбивчивы. На стр. 21 Пиотровский говорит о находке медальона в земле, вынутой ранее, при первых земляных работах, почему не удалось точно определить местонахождение и глубину залегания медальона, на странице же 22 он указывает, что медальон найден на глубине 0,50 м, а весь клад — на глубине 0,60—2 м.

[4] ЗНТШ, 1931, т. 151, стр. 15.

[5] Там же, стр. 14.

[6] Инв. № 20 000, 22 056. В 1940 г. вместе с другими собраниями Музея перешли в Львовский государственный исторический музей.

[7] Теперь — Львовский государственный музей истории искусств.

362), оказались серебряными денариями римских императоров конца I в.—II в. н. э. Распределяются они следующим образом [1]:

Веспасиан (69—79 гг.)	1
Траян (98—117 гг.)	5
Адриан (117—138 гг.)	21
Сабина (126—138 гг.)	2
Антонин Пий (138—161 гг.)	121
Divus Antoninus [2]	10
Фаустина Старшая (ум. 141 г.)	72
Луций Вер (161—169 гг.)	6
Марк Аврелий (161—180 гг.)	34
Луцилла (ум. 183 г.)	6
Коммод (180—192 гг.)	18
Криспина (ум. 183 г.)	2
Нечеткие — неопределимые	64

В составе монет, поступивших в Варшавский археологический музей (в количестве около 1000), по предварительному определению, были серебряные денарии следующих императоров и императриц: Веспасиана (69—79 гг.), Тита (79—81 гг.), Нервы (96—98 гг.), Траяна (98—117 гг.), Адриана (117—138 гг.), Сабины (126—138 гг.), Антонина Пия (138—161 гг.), Фаустины Старшей (ум. 141 г.), Луция Вера (161—169 гг.), Марка Аврелия (161—180 гг.), Луциллы (ум. 183 г.), Коммода (180—192 гг.), Криспины (ум. 183 г.), Септимия Севера (193—211 гг.)[3].

Как мы видим, в кладе (даже в его сохранившейся части) представлены последовательно монеты всех императоров с конца I в. по начало III в. н. э., за исключением Домициана (81—96 гг.), на что нельзя не обратить внимания, а также Пертинакса (193 г.) и Дидия Юлиана (193 г.), чьи монеты, вообще редкие, в Поднестровье все же встречаются [4].

Сведения о количественном соотношении денариев отдельных императоров и о числе неопределимых монет отсутствуют. В львовской части клада наибольшее количество приходится на денарии Антонина Пия, следующее место занимают монеты его жены Фаустины Старшей, на третьем месте — монеты Марка Аврелия. Нельзя, разумеется, утверждать, что тот же максимум дает и бо́льшая (варшавская) часть находки, но, поскольку такое же соотношение мы встречаем и в некоторых кладах, состав которых нам известен [5], так же как и в единичных находках [6], можно предполагать, что оно не случайно и что денарии Антонина Пия и Фаустины Старшей, действительно, преобладали в кладе.

Итак, перед нами — огромный клад серебряных денариев конца I в.— начала III в. н. э. Монеты сильно стерты; значительная их часть (около 20%),

---

[1] ЗНТШ, 1931, т. 151, стр. 15, рис. IV, *1*, *2*.

[2] Посмертная чеканка монет Антонина Пия. Всего, таким образом, денариев Антонина Пия — 131.

[3] См. W. Antoniewicz. Указ. соч., стр. 20.

[4] В то же время вполне естественно отсутствие монет Песценния Нигера (193—194 гг.), признанного императором только в азиатских провинциях Империи и в Египте, и Клодия Альбина (193—197 гг.), признанного только на Западе.

[5] Например, в кладе из Переорок Винницкой области (в среднем течении Южного Буга).

[6] Тот же максимум серебряных денариев Антонина Пия дают и северо-западные районы Среднего Поднестровья и правобережья Верхнего Днестра и верховьев Прута. На большинстве тех поселений культуры полей погребений, на которых найдены римские монеты, мы также встречаем монеты Антонина Пия, нередко в сочетании с монетами Фаустины Старшей.

как мы видели, даже не поддается определению, что говорит о длительном их хождении до того, как они попали в землю.

Каким же путем образовался этот клад, как могла накопляться (да и накоплялась ли она вообще?) эта огромная масса римской серебряной монеты? А. В. Фенин полагает, что она накоплялась постепенно, путем торговых связей с Римом с конца I в. по начало III в. н. э. включительно, пополнившись позднее серебряными сосудами IV—V вв. и медальоном Иовиана, в которых А. В. Фенин усматривает военный трофей[1]. Такой путь сложения Борочицкого сокровища представляется маловероятным. Допущение существования оживленной, регулярной торговли с Римом в I в.— начале III в. н. э., а затем ее прекращения и замены ее грабительскими походами, в которых вожди варварских племен и их дружины добывали себе сокровища, исторически не оправдано.

Гораздо вероятнее, что это сокровище, как и другие крупные клады, образовалось путем накопления ценностей в руках представителей одной знатной семьи в результате торгово-грабительских походов,— в тогдашних условиях торговля и грабеж по существу неотделимы. Не исключено образование таких богатств и путем получения от той же Империи «подарков»[2], откупов[3], наконец, дани, которую уплачивали соседние подвластные племена. Все это создавало немалые накопления, передававшиеся по наследству. Единицей накопления могло быть только римское серебро.

Серебряные сосуды, в которых Борочицкий клад был зарыт в землю, весьма выразительны и хорошо датируются началом V в. н. э. Их датой определяется и terminus post quem самого зарытия клада.

Один из сосудов амфоровидный, с раздутым туловом и узким коническим горлом с воротником, богато орнаментированный тройным поясом из листьев аканфа по плечикам и виноградной лозой и пальметтами по горлу. Сосуд кован из листового серебра, толщиной 1,5 мм; орнамент исполнен чеканом. Высота сосуда — 38 см, окружность — 59 см, диаметр дна — 8,5 см, диаметр горла — 2,5 см; вес сосуда — 1205 г. Сосуд сильно пострадал: стенки его помяты, дно было оторвано (впоследствии припаяно). Этот сосуд по своей форме и диаметру близок[4] к серебряной амфоре из Концештской находки на Пруте в Молдавской ССР[5].

Второй сосуд, несколько меньших размеров, яйцевидной формы, гладкий, не орнаментированный, также кован из листового серебра, более тонкого (толщина — 4 мм). Высота сосуда — 21 см, окружность — 48 см, вес—522 г. Он имел, повидимому, ручку, отломанную при выемке из земли. Об этом говорит обнаруженная среди вещей серебряная ручка (толщина — 2,2 мм, ширина — 2 см, вес — 76 г) с двумя дырочками на концах. Сосуд также сильно поврежден в нижней части[6].

Третий сосуд — глиняный, биконической формы, с острым ребром на тулове, на кольцевой ножке, с цилиндрической шейкой и поднимающимися над туловом ручками, желто-коричневого цвета, леплен от руки. Высота сосуда — 14,3 см, окружность — 49 см, диаметр отверстия — 9 см (рис. 1).

[1] О. В. Фенин. Указ. соч., стр. 100.

[2] Вспомним, например, обязательство императора Коммода ежегодно уплачивать вождям сарматских (западных) племен «подарки» (donationes).

[3] Например, ежегодные платежи карпам и готам в 238—242 гг., при Гордиане III, и в 251—253 гг., при Требониане Галле.

[4] По определению А. Альфёльди, «в точности совпадает». A. Alföldi. Указ. соч., стр. 5.

[5] L. Matzulewitch. Bysantinische Antike. Berlin, 1929, табл. XVIII.

[6] Описание серебряных сосудов см.: W. Antoniewicz. Указ. соч., стр. 19; J. Piotrowski. Указ. соч., стр. 15—21, рис. 1—4; St. Gąsiorowski. Указ. соч.; ср. А. Т. Смиленко. Указ. соч., стр. 66.

Вряд ли можно считать этот сосуд типично волынским, а тем более определять его, как это делает В. Антоневич, как сосуд «вандальской» формы (даже если разуметь под «вандальской» пшеворскую форму.—*М. Т.*) с сильным римским воздействием[1]. Тем менее можно признать лепной борочицкий сосуд изделием византийской работы или даже позднеримским, как его определяет А. В. Фенин[2].

Борочицкий сосуд — типичный образец сосуда более южных форм — липицких, притом архаических. Вспомним близкие по форме двуручные сосуды с приподнятыми над туловом ручками белопотоцкой культуры эпохи бронзы. Сомневаться, однако, в его синхронности с серебряными сосудами нет никаких оснований[3]. Представляется в то же время весьма интересным самый факт доживания архаических форм до столь позднего времени и в относительном отдалении от центров липицкой культуры.

Рис. 1. Глиняный сосуд из Борочицкого клада.

Таким образом, перед нами 2 сосуда — изделия мастерских одного из крупных центров поздней Империи, возможно, даже Константинополя[4], рубежа IV—V вв. или начала V в. и лепной сосуд местного домашнего производства того же времени.

Как мы указывали выше, в состав Борочицкого клада обычно включают и найденный вместе с кладом медальон императора Иовиана (363 — 364 гг.) — золотой multiplum в великолепном обрамлении, украшенном филигранью и зернью (рис. 2). Подчас его неправильно определяют при этом не как медальон, а как солид Иовиана или даже просто как монету IV в.[5] Но есть и исследователи, которые рассматривают медальон в качестве самостоятельной находки, не связанной с кладом. Таковым выступает медальон у К. Маевского[6]. Сомнение в возможности включения медальона в состав клада высказывал в свое время и А. Н. Зограф, ссылаясь на недостаточное знакомство с литературой предмета[7]. Наоборот, А. В. Фенин,

[1] См. W Antoniewicz. Указ. соч., стр. 20.

[2] О. В. Фенин. Указ. соч., стр. 94.

[3] Н. Костржевский датирует этот сосуд V в. См. J. Kostrzewski. Указ. соч., стр. 355.

[4] Вряд ли можно согласиться с Л. А. Мацулевичем в том, что концештский сосуд — изделие какой-то северочерноморской мастерской. См. L. Matzulewitsch. Указ. соч., стр. 123.

[5] Хранится в Государственном археологическом музее в Варшаве. См. R. Jakimowicz. Państwowe Muzeum Archeologiczne..., стр. 218. М. Ю. Брайчевский, например, говорит о Борочицком кладе, как о содержащем «несколько тысяч монет II в. и одну монету IV в.», разумея, очевидно, под этой последней золотой медальон Иовиана См. М. Ю. Брайчевський. Знахідки римських монет..., стр. 99; его же. Час обігу..., стр. 78; его же. Археологічні свідчення..., стр. 48; его же. О распространении римских монет у древних восточных славян. ВДИ, 1954, № 1, стр. 130. Ср. Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 72.

[6] K. Majewski. Указ. соч., стр. 14, 437

[7] А. Н. Зограф. Отзыв о работе В. А. Шугаевского «Клад римских золотых медальонов и серебряных бытовых предметов эпохи переселения народов, найденный на Волыни». Архив ИИМК, ф. № 35, оп. 2, д. № 302, стр. 4.

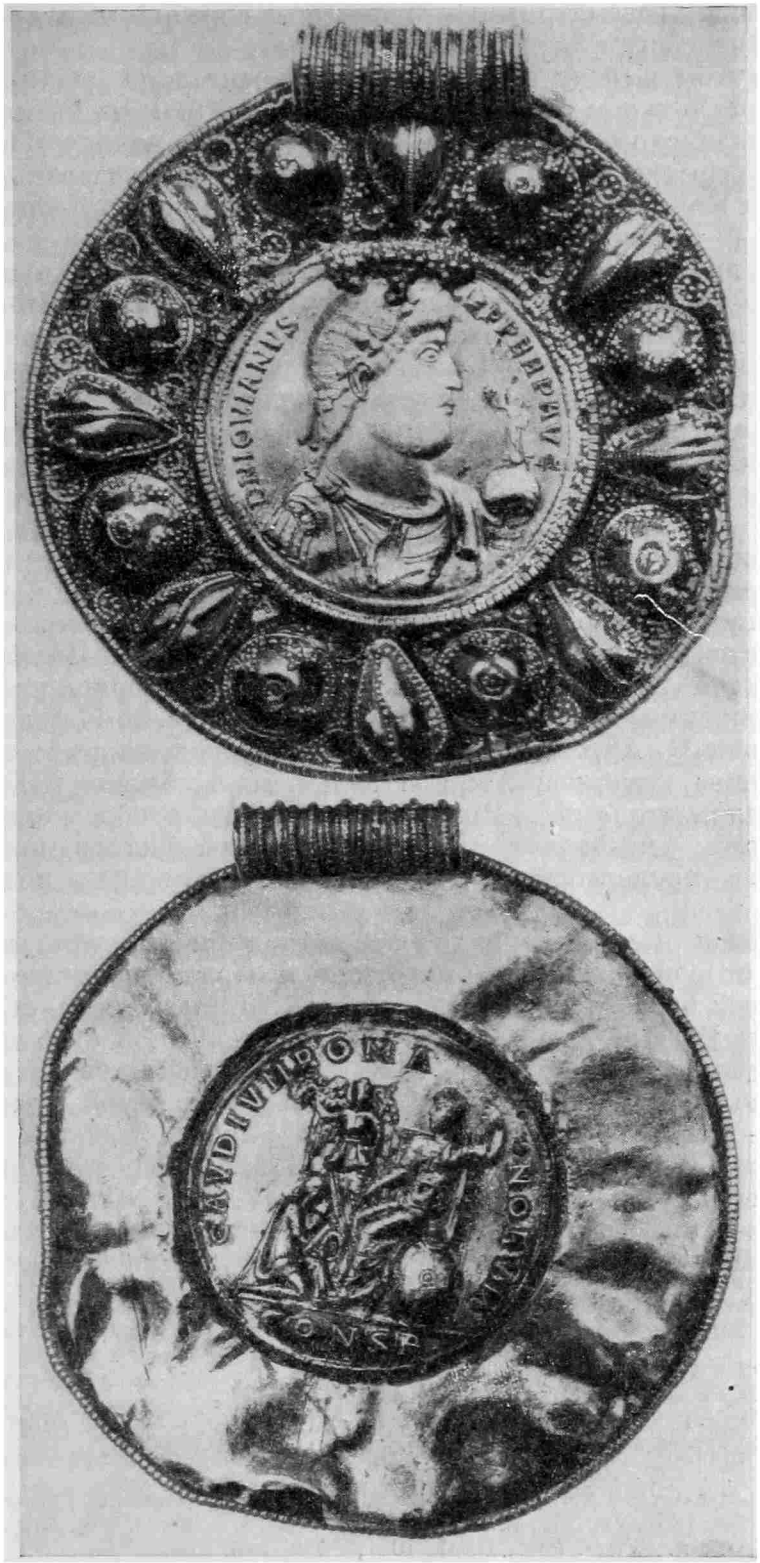


Рис. 2. Медальон Иовиана из Борочицкого клада.

ссылаясь на работу Пиотровского[1], безоговорочно включает медальон в состав клада, рассматривая его вместе с серебряными сосудами как «вторую, позднейшую часть клада»[2].

К какому бы выводу ни приходить относительно медальона — рассматривать ли его как отдельную находку, или как часть клада,— дата зарытия клада серебряных денариев конца I в.— начала III в. остается неизменной. Сосуды, в которых был найден клад, настолько выразительны, что зарытие клада не может быть отнесено ко времени ранее рубежа IV—V вв. или, вернее, начала V в.[3]

В то же время признавать находку медальона Иовиана в отрыве от клада — значит умножать число поздних находок на территории Южной Волыни. Напомним, что в ближайшем соседстве с Борочицами, на том же левобережье р. Липы, в м. Красове, давно известна находка золотого солида (именно солида, а не медальона) императора Юлиана (361—363 гг.)[4]. Несколько севернее, ниже по Западному Бугу, на его правобережье, в Волынской области был найден монетно-вещевой Ласковский клад, в составе которого имеется несколько золотых медальонов и украшений рубежа IV—V вв.[5]

Однако интерес заключается отнюдь не только в факте находки медальона Иовиана в верховьях Стыри,— в составе ли клада, или вне его (лично мы предполагаем первое),— но и в самом медальоне.

Борочицкий медальон представляет собой multiplum Иовиана из светложелтого золота, чеканенный в Константинополе в период кратковременного правления императора Иовиана (с 27 июня 363 г. по 17 февраля 364 г.). Как указывает В. Антоневич, экземпляр этот уникальный: второй multiplum Иовиана, хранившийся в парижском Кабинете медалей, исчез еще в прошлом столетии[6]. Multiplum заключен в обрамление из двух листков золота, украшенное с лицевой стороны филигранью и зернью и снабженное продолговатым трубчатым ушком для подвешивания (рис. 2).

Остановимся несколько подробнее на самом золотом multiplum'е. На лицевой стороне его имеется погрудное изображение императора вправо, с круговой (с перерывом) надписью: D(ominus) N(oster) IOVIANVS || P(ius) F(elix) PERP(etuus) AVG(ustus). На оборотной стороне — сцена, изображающая традиционную προσκύνησις в обычной ее трактовке: император на троне влево, с лабаром в поднятой левой руке и щитом; у его ног — коленопреклоненная женская фигура с венком в руке, на заднем плане — богиня победы, также с венком в поднятой правой руке; вокруг надпись (с перерывом): GAVDIVM ROMA || NORVM. В нижнем обрезе поля — под изображением — CONS P. Multiplum чеканен на 1-м Константинопольском монетном дворе, на что указывает надпись в ниж-

---

[1] J. Piotrowski. Указ. соч.

О. В. Фенин. Указ. соч., стр. 99.

[3] А. В. Фенин допускает возможность еще более позднего зарытия клада — в период славянско-византийских войн середины I тысячелетия н. э. См. О. В. Фенин. Указ. соч., стр. 100.

[4] В. Б. Антоневич. Археологическая карта Волынской губернии. Труды XI АС, т. I, Киев, 1901, стр. 59, № 130; K. Majewski. Указ. соч., стр. 126, № 695; В. В. Кропоткин. Указ. соч., ВДИ, 1951, № 4, стр. 253.

[5] Подробное описание Ласковского клада см. М. А. Тиханова. Ласковский клад. Архив ИИМК; ее же. Забытый памятник (Волынский клад 1610 г.). Рефераты научно-иссл. работ за 1945 г., Отд. истории и философии Академии наук СССР, 1947, стр. 81.

[6] W. Antoniewicz. Указ. соч., стр. 21.

нем обрезе поля оборотной стороны — CONS P, т. е. Cons(tantinopoli) P(rima officina)[1].

Размеры медальона: диаметр — 9,91 см, ширина обрамления — 2,3—3 см, длина трубкообразного ушка — 2,85 см, вес — 173 г[2].

В. Антоневич относит медальон Иовиана к группе готских древностей и видит в нем изделие венгерского художественного ремесла эпохи переселения народов. По его предположению, медальон был привезен на Волынь в V в. из Венгрии через Молдавию и Семиградье[3].

А. Альфольди видит в Борочицком медальоне одно из наиболее «впечатляющих произведений ювелирного искусства германцев, быть может, гепидов», хотя и признает его «возрастание» на почве старого иллиро-кельтского искусства»[4].

К. Маевский, не подвергая медальон специальному рассмотрению, относит его к изделиям восточноримским[5].

Позволим себе несколько задержать внимание на обрамлении медальона. Описывая медальон, В. Антоневич определяет «иконографию» его обрамления как чередование миндалевидных и округлых «выпуклин» (Buckel), богато украшенных филигранью и зернью, которым он не придает, однако, никакого смыслового значения[6] Наоборот, А. Альфёльди подходит к обрамлению медальона совершенно иначе: он пытается осмыслить самое содержание его декорировки. В «овалах» и «полукружиях» Альфёльди видит не простые геометрические фигуры,— пусть даже объемные, поскольку они даны в рельефе,— не случайное их сочетание, а осмысленное «чередование пчеловидных выпуклин с округлыми щитами», и усматривает в декорировке иовиановского медальона прямое соответствие с фризом из человеческих масок обрамления медальона Грациана из II клада в Силадь-Шомлио (рис. 3)[7] Этот последний медальон Альфёльди возводит к гальштатско-латенским иллиро-кельтским образцам; Альфёльди полагает, что пчеловидные выпуклины обрамления борочицкого медальона заменяют человеческие маски, округлой же формы щиты, украшенные зернью, воспроизводят аналогичные по форме фибулы из того же Силадь-Шомлио[8]

Однако, признав широкое распространение этих мотивов в мире кельтско-иллирийском еще в эпоху гальштата и латена, Альфёльди, в полном соответствии со своей концепцией, согласно которой черноморско-дунайские искусство и культура эпохи переселения народов рассматри-

[1] У М. Ю. Брайчевского эта часть надписи опущена вовсе. Неточно читает М. Ю. Брайчевский и начальную часть надписи — а именно: DN IOVIANUS (...) E PERP AUG,—утверждая, что в скобках им показана буква, которая должна была стоять, но была закрыта украшением. В действительности этого нет (см. рис 2 в настоящей статье). Неточно указан М. Ю. Брайчевским и размер медальона — 5,4—5,5 см. См. М. Ю. Брайчевський. Археологічні свідчення..., стр. 48, 49.

[2] Нельзя не отметить, что А. В. Фенин, говоря о медальоне Иовиана, умалчивает о том, что он имеет обрамление, и датирует медальон годами правления самого Иовиана. См. О. В. Фенин. Указ. соч., стр. 94, 99, 100.

[3] См. W. Antoniewicz. Указ. соч., стр. 21. Путь «привоза» более чем невероятный: проникнуть из Венгрии на Волынь можно через Потисье и Карпатские перевалы, можно через Семиградье (Трансильванию) и Молдавию, далее через Прут, Днестр и по его левым притокам на Волынь, но попасть на Волынь из Венгрии сначала через Молдавию (пусть даже зарубежную), а затем через Семиградье — невозможно.

[4] A. Alföldi. Указ. соч., стр. 17.

[5] K. Majewski. Указ. соч., стр. 14—15, № 357.

[6] W. Antoniewicz. Указ. соч., стр. 21. Чередование зерен бука или подсолнуха с поперек перерезанными желудями видел в обрамлении медальона и Ю. Пиотровский. См. J. Piotrowski. Указ. соч., стр. 22.

[7] N. Fettich. Der zweite Fund von Szilágy-Somlyo. Archaeologia Hungarica, VIII, 1932, стр. 50, 51.

[8] См. A. Alföldi. Указ. соч., стр. 15.

ваются как германские, утверждает, что подлинными наследниками и восприемниками искусства кельтско-иллирийского мира и его художественных образов являются германцы, творчеству которых он приписывает и вещи из клада Силадь-Шомлио, и весь круг близких им памятников.

Не отрицая правильности некоторых наблюдений Альфёльди и отмеченных им параллелей[1], мы не можем принять германской атрибуции ни борочицкого медальона, ни медальона Грациана, ни всего комплекса Силадь-Шомлио и близких ему, все параллели которым сам же Альфёльди не случайно, конечно, ищет и находит в памятниках сармато-аланских.

Рис 3. Медальон Грациана из клада в Силадь-Шомлио.

Думается также, что возможно и иное истолкование декорировки обрамления борочицкого медальона. Наиболее просто было бы, может быть, принять пчеловидные его выпуклины за овальные щиты и тем самым усматривать в чередовании овалов и округлостей чередование овальных варварских щитов с округлыми римскими, что, разумеется, не было бы лишено смысла. Нам представляется, однако, что замысел мастера, исполнившего обрамление для золотого императорского multiplum'а, — человека, несомненно, не римской, а «варварской» культуры, — был иной. Как нам кажется, мастер не случайно чередовал выпуклые овалы и круги, и изображал он не щиты, а конские головы, чередующиеся с округлыми фаларами.

Предлагаемое нами толкование обрамления борочицкого медальона подсказывается декорировкой одной из чаш Черняховского могильника, хранящейся в Государственном Историческом музее в Москве (рис. 4)[2]. Чашу опоясывает фриз, в котором изображения конских голов чередуются с округлыми фаларами — атрибутами парадного конского убора[3]. Черняховская пиршественная чаша является, насколько нам известно,

---

[1] В частности, — близость обрамления грацианoвского медальона (A. Alföldi. Указ. соч., табл. II) со штампованной пластинкой с фризом из человеческих голов в одном из курганов с сожжением близ Покровска (см. Т. М. Минаева. Погребение с сожжением близ г. Покровска. Саратов, 1927, табл. 2). Число этих параллелей можно умножить за счет других восточноевропейских и северочерноморских памятников. Напомним прежде всего о подвеске Новочеркасского клада с человеческой личиной между двумя конскими головами. Укажем на бронзовую человеческую голову-маску из Кобеляк, Полтавской области (хранилась до Великой Отечественной войны в Полтавском музее; не опубликована), на бронзовую маску-подвеску в открытом в 1950 г в Крыму близ Инкермана Чернореченском могильнике (хранится в Музее пещерных городов в Бахчисарае). В могильнике, датируемом II—IV вв. н. э., много элементов, связывающих его, с одной стороны, с языгами междуречья Дуная и Тиссы; с другой, — с сарматами Поволжья. Материалы еще не опубликованы. См. М. А. Тиханова. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма. МИА, № 34, 1953, стр. 322.

[2] См. Отчет Исторического музея за 1908 г., табл. II.

[3] Не можем не вспомнить также о находке в м. Белостоке, тоже Волынской области, бронзовой лунницы, украшенной плетенкой и стилизованными изображениями конских головок на концах. Отмечена в инвентарной книге Луцкого музея. См. М. Ю. Брайчевський. Археологічні матеріали до вивчення культури східнослов'янських племен VI—VIII ст. «Археологія», IV, 1950, стр. 18.

пока единственным образцом такой декорировки глиняного сосуда, но поскольку она сделана в форме, можно думать, что в свое время она не была единственной. Нет в то же время сомнений, что такая декорировка сосуда, выполненного в глине, воспроизводит какой-то металлический образец, притом явно сарматского облика. Последнее не должно удивлять: в Черняховском могильнике, как мы уже отмечали, отчетливо выступают сарматские черты не только в некоторых деталях погребального обряда; налицо, повидимому, и собственно сарматские погребения[1].

В обрамлении медальона из Борочицкого клада не только его иконография, но и самые приемы декорировки — зернь и филигрань — ведут нас в тот черноморский сармато-аланский мир, где эти приемы, проявившись еще на рубеже нашей эры, получают наибольшее развитие и применение в IV в. и на рубеже IV и V вв., распространяясь на широких пространствах от Восточного Казахстана до берегов Дуная, верховьев Вислы и Одера. В данном случае нет надобности перечислять все те памятники, в которых мы встречаемся с этими приемами декорировки, начиная от подвески с человеческой личиной с хутора Хохлач, и затем в многочисленных находках из позднесарматских погребений Поволжья, Керчи, степной полосы в междуречье Дона и Днепра, а также в низовьях Днепра и Южного Буга (Ольвия), Нижнего Дуная, Словакии и Южной Силезии. Центры изготовления этих изделий, как и украшенных перегородчатой инкрустацией, находились, как известно, на Боспоре, а также, повидимому, в низовьях Дуная. Нельзя не обратить внимания на то, что медальон Иовиана среди всех перечисленных занимает особое место также потому, что основу его составляет не литой медальон «местного» изготовления, а подлинный золотой multiplum официальной имперской чеканки, выполненный к тому же на Востоке, а не на Западе Империи, — на монетном дворе Константинополя.

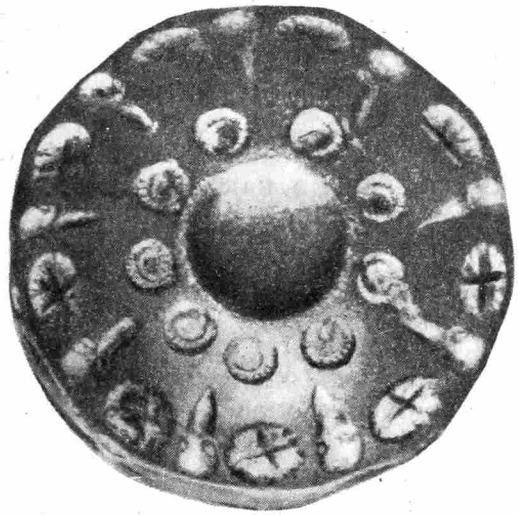


Рис. 4. Глиняная чаша из Черняховского могильника (вид снизу).

Все сказанное о медальоне позволяет думать, что перед нами — памятник, в своем окончательном виде созданный мастером, вышедшим из одной из северочерноморских или нижнедунайских мастерских, весьма вероятно, — из мастерских Боспора-Керчи.

Несколько слов о назначении медальона и о том, как мог он оказаться в Борочицком сокровище.

Как известно, «золотые римские медальоны императорского времени, хотя веса их всегда оказываются равными определенному количеству ауреусов или (с начала IV в.) солидов, не могли служить ходячей монетой, чеканились в очень ограниченном количестве и предназначались для наград военачальникам и приближенным императоров или для подарка вождям подступавших к границе империи племен»[2]. Подтверждением

[1] М. А. Тиханова. Культура полей погребений. (Рукопись).
[2] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 103.

бесспорности[1] последнего назначения медальонов является доживание обычая дарения императорских медальонов варварским «риксам», по крайней мере, до конца VI в. Вспомним рассказ Григория Турского о том, что франкский король Хильперих похвалялся полученным им в дар от византийского императора золотым медальоном весом в 1 фунт («1 либру— unam libram»)[2].

В связи со сказанным надо думать, что и иовиановский медальон был тоже таким донативом, но подарен он мог быть в виде простого multiplum'а, а не в том великолепном обрамлении, в котором он оказался в недрах Волынской земли.

А. В. Фенин полагает, что медальон, как и серебряные сосуды, являлся военным трофеем[3].

Поскольку, как говорилось выше, мы полагаем, что медальон — изделие черноморского мастера, то естественно, что и мы склонны будем признать его военным трофеем, захваченным, правда, не в схватке с римскими войсками, как, вероятно, думает А. В. Фенин, а, скажем, с теми же черноморско-дунайскими гуннами. Разумеется, в таком предположении нет ничего неправдоподобного. Нам, однако, представляется, что великолепное нагрудное или нашейное украшение из Борочиц не было только военным трофеем, хотя самый multiplum и мог быть захвачен, а не получен в качестве подарка.

Когда мы говорили об изготовлявшем его мастере, мы сознательно подчеркивали слово «мастер», а не «мастерская». Нам кажется более вероятным, что борочицкий медальон получил свою оправу здесь же, на Волыни, что этот уникальный предмет был изготовлен в полной мере на заказ, мастером, сделавшим его по специальному заказу, во вкусе царившей тогда среди разноплеменной знати моды. Таким мастером мог явиться искусный «умелец», попавший ко двору местного князя. Вопрос о бродячих мастерах, работавших на заказ, как-то совсем выпал из поля зрения археологов. Недавно, правда, о них напомнил, хотя и чрезмерно расши-

---

[1] А. Н. Зограф начинает свое определение назначения медальона словами «бесспорно» (А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 103).

[2] См. Gregorii Turonensis Historia Francorum, MGH, Scriptores rerum Merovingicarum, t. I, p. I. Hannoverae, 1883, стр. 245—246.

[3] Не можем попутно не выразить удивления той решительности, с какой А. В. Фенин отрицает исключительно мемориально-донативное назначение римских медальонов, утверждая, что новейшая историко-нумизматическая литература будто бы отвергает такое их толкование и допускает двоякое их назначение, в том числе и чисто монетное. А. В. Фенин ссылается при этом на статью М. К. Каргера «К вопросу о древнейшей истории Киева» (СА, X, 1948, стр. 247, 248). Следует указать, что у М. К. Каргера положение о двойном назначении медальонов (к тому же речь идет о бронзовом медальоне 2-й половины II в. Луция Вера) выражено отнюдь не с той категоричностью, которую ему приписывает А. В. Фенин, а, во-вторых,— да простит мне М. К. Каргер,— вряд ли он сам согласился бы признать себя решающим авторитетом в этом сугубо нумизматическом вопросе. Между тем, насколько известно, ни в старых работах, ни в новой нумизматической литературе такая точка зрения никем не высказывалась, крупнейший же наш авторитет в этих вопросах А. Н. Зограф, как мы видели, считал бесспорным не только мемориально-донативный характер медальонов, но и то, что часть поздних медальонов дарилась военным вождям варварских племен. Уже после того как настоящая статья была сдана в печать, в Ленинграде появилась статья венгерского археолога Д. Ласло о золотом гуннском луке. В ней золотые медальоны в богатейших княжеских кладах на территории Польши, Венгрии и Румынии, в том числе и прежде всего Борочицкий медальон, рассматриваются как полученные пограничными варварскими князьями от римских императоров и служившие символом власти, скрепленной императором. См. Gy. Laszlo. The significance of the Hun goldenbow (Contribution to the structure of the Hun Nomad empire). Acta Archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae, t. I, f. 1-2, Budapest, 1951, стр. 101—102

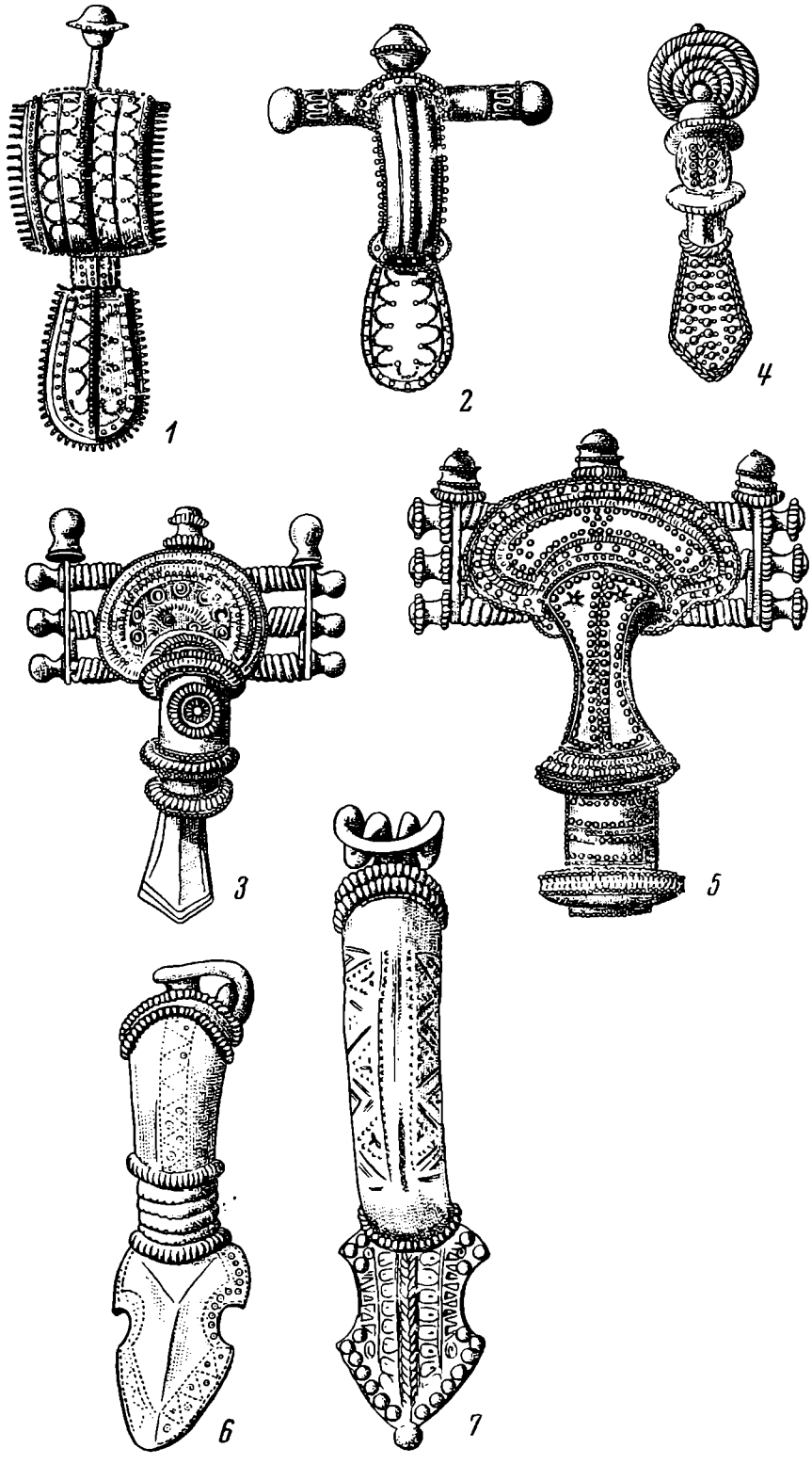


Рис. 5.
1, *2* — золотые фибулы (из Островян); *3—7* — серебряные фибулы (*3—5* — из Закжова; *6* — из Зельц; *7* — из Кшинне).

рительно, К. Маевский[1], причем для слишком раннего периода — рубежа и первых веков нашей эры.

Между тем для интересующего нас времени, в условиях установившихся широких связей Верхнего Поднестровья и Побужья с Северным Причерноморьем и Подунавьем, в условиях (и это самое главное) далеко зашедшей социально-экономической дифференциации, широкое развитие бродячего ремесла, обслуживавшего потребности знати прежде всего в предметах роскоши, совершенно закономерно. Для Запада об этом свидетельствуют письменные источники, для северо-востока Центральной Европы — археологические памятники. Вспомним знаменитый прусский Фрауенбургский клад 2-й половины V в.[2], в котором есть и сырье — бронзовый лом, и серебряные денарии двух первых веков нашей эры, и полуфабрикаты — пряжки и фибулы с высоким держателем иглы, однотипные с приднестровскими[3] и ольвийскими[4]. Владельцем клада был, несомненно, бродячий мастер. Такой же бродячий златокузнец, выученик лучших тогдашних мастерских нашего черноморского Юга, мог изготовить и замечательное борочицкое нагрудное украшение.

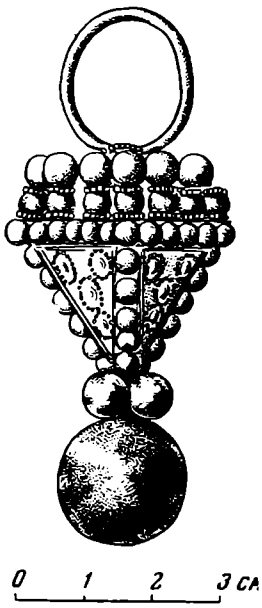


Рис. 6. Золотая серьга-подвеска из Устье-Бискупе (Днестр).

Насколько распространенной была «мода» на вещи, украшенные зернью, как в Северном Причерноморье, так и в западнославянских землях, в частности на территории соседней с Приднестровьем Словакии и Южной Силезии, говорит, например, особый тип фибулы, выработавшийся из черноморской фибулы с обернутой ножкой, известный по таким находкам, как погребения в Закжове (б. Сакрау, в Силезии)[5], в Островянах (б. Остропатака, в Словакии)[6] — IV в., в Кшинне[7] и Зельцах[8] (Словакия) и в Кошовени, в Малой Валахии (Румыния)[9] — V в.

[1] K. Majewski. Указ. соч., стр. 28.

В нем есть солид Феодосия II (408—450 гг.). См. F. F. Peiser. Depotfund von Frauenburg, I Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft «Prussia», 1914, Bd. 23. 1, стр. 58 и сл. и табл. I, а также Sture Bolin, № 8 и W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg, 1929, стр. 249.

[3] М. А. Тиханова. Раскопки поселения первых веков нашей эры в Луке-Врублевецкой (Днестр). КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 73; ее же. Археологические памятники Среднего Поднестровья в первой половине I тысячелетия н. э. Краткие сообщ. Ин-та археологии, вып. 2, Киев, 1953, стр. 18; М. Ю. Смишко. Раннеславянская культура Поднестровья в свете новых археологических данных. КСИИМК, вып. XLIV, 1952, стр. 79 и рис. 24—*6*, *7*, *8*.

[4] А. І. Фурманська. Фібули з розкопок в Ольвії. «Археологія», VIII, 1953, стр. 85—88 и табл. V,—специально рис. 7.

[5] Dr. Grempler. Der Fund von Sackrau. Brandenburg, 1887, табл. V, *9*, *a*; 11, *a*, *b*; его же. Der II und III Fund von Sackrau. Berlin, 1888, стр. 8, табл. III, *1—3*.

[6] Jan Eisner. Slovensko v pravěku. Bratislawa, 1933, стр. 201; Eduard Beninger. Der Wandalenfund von Czéke-Cejkov. Annalen des Naturhistorischen Museums in Wien. Bd. XLV, стр. 214—220, табл. XX.

[7] Jan Eisner. Germanische Silberfibeln des 5 Jahrhunderts in der Slowakei. «Germania», 1938, стр. 249—252, табл. 49.

[8] E. Beninger. Die germanischen Bodenfunde in der Slowakei, 1937, стр. 43 и 92. В кладе в Зельцах вместе с серебряными позолоченными фибулами V в. с зернью находилась фибула с обернутой ножкой и денарии 114/117—193 гг., т. е. почти синхронные с борочицкими.

[9] Berciu und E. Beninger. Germanenfunde aus der Kleinen Walachei. Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien. Wien, Bd. XXVII, H. III—IV, 1937, стр. 190—195.

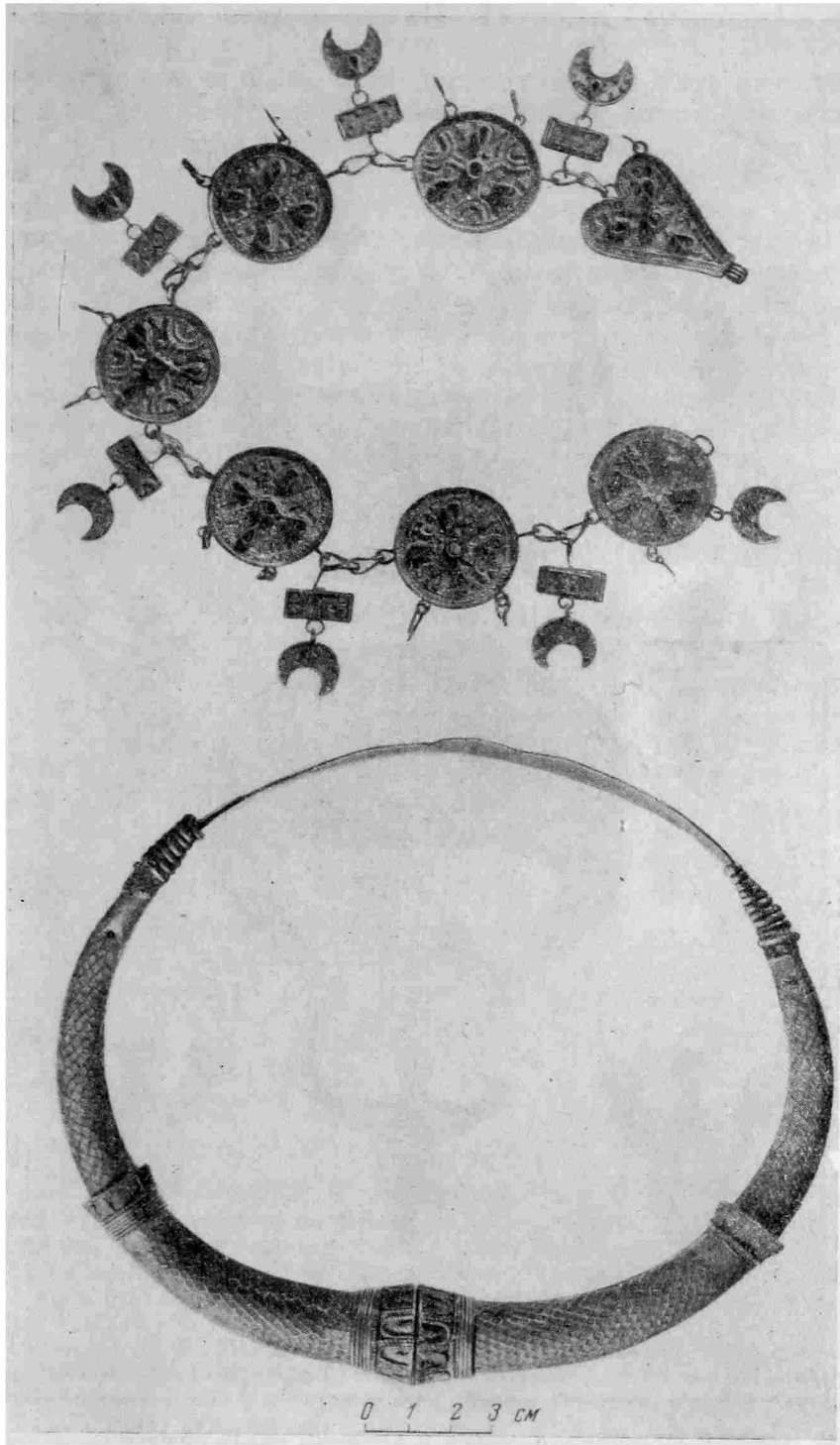


Рис. 7. Золотое ожерелье (вверху) и гривна (внизу) из клада в Залесье (Днестр).

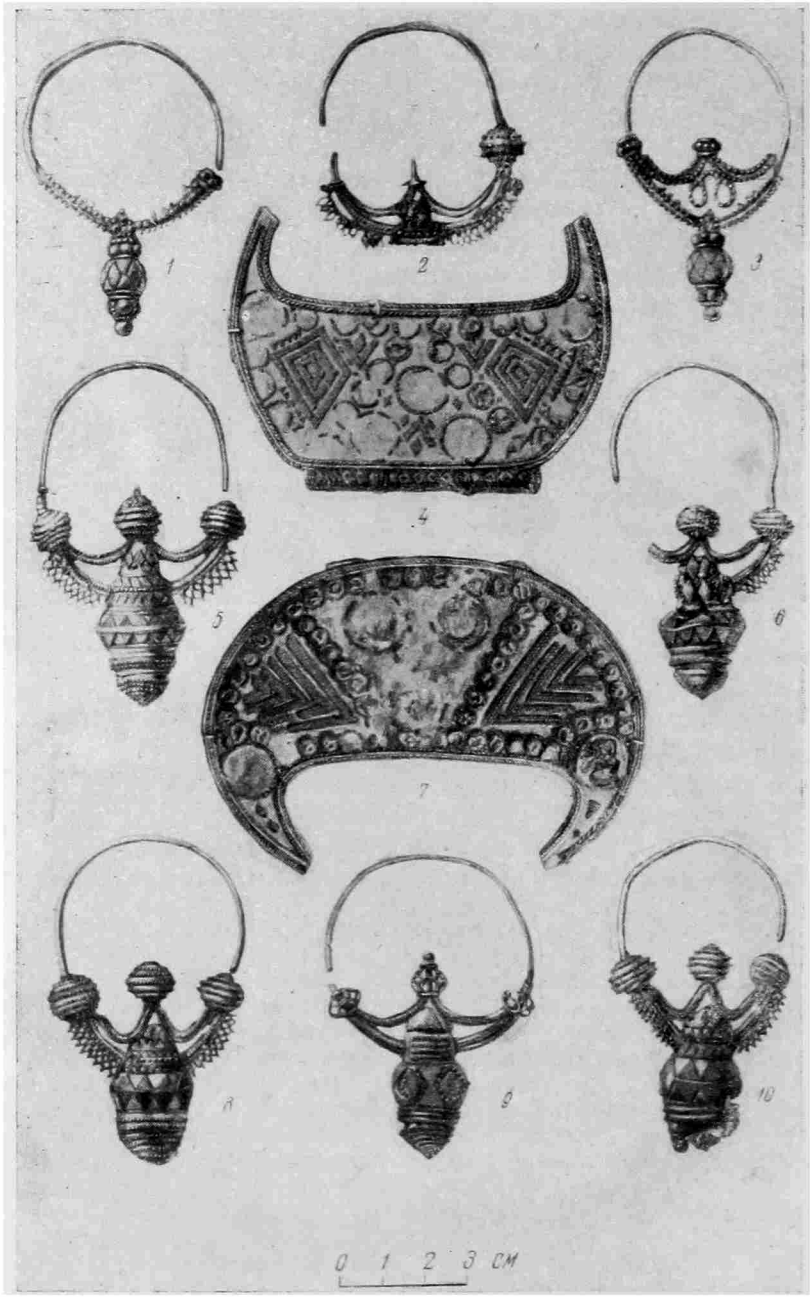


Рис. 8. Серебряные серьги и лунницы из Боршевского клада (Волынь).

(рис. 5.) Вспомним и днестровские серебряные и бронзовые фибулы с высоким держателем иглы конца III—IV вв. в Городнице[1] и в Марковцах[2].

Любовь к зерни не была, очевидно, случайной. Вкус этот здесь привился и жил долгие годы. Об этом говорят и пирамидальная золотая подвеска, украшенная зернью, из Устье-Бискупе на Днестре, V—VI вв.[3] (рис. 6), и вещи из Залесского клада, VI—VII вв.[4] (рис. 7).

Украшение зернью осталось излюбленным приемом декорировки уборов славянской знати и много позднее, уже в период Киевской Руси. Не забудем, что наиболее ранние и выразительные проявления этого вкуса дала именно Волынь. Вспомним, что именно здесь, в Пересопницком могильнике, было обнаружено погребение мастера-ювелира[5], изготовлявшего украшенные зернью уборы, вспомним и великолепные серебряные лунницы и серьги Боршевского клада из-под Дубно на Волыни[6] (рис. 8).

---

[1] Kopernicky — ZWAK, t. II, 1878, стр. 47—53, табл. III, *c*, рис. 6.

[2] Курган VII. Материал не опубликован. См. рукопись М. Ю. Смишко «Подкарпатские курганы». Архив Ин-та археологии, Киев, 1940, табл. IV.

[3] W Antoniewicz. Archeologia Polski. Warszawa, 1929, стр. 274, рис. 41.

[4] J. Arneth. Die antiken Gold-und Silbermonumente des Münz-und Antiken Cabinettes in Wien. Wien, 1859, стр. 80 и сл., № 101—116, табл. VIII—X; Nandor Fettich. Archäologische Studien zur Geschichte der späthunnischen Metallkunst. Archaeologia Hungarica, XXXI, Budapest, 1951, стр. 109—114, табл. I—IX; Bedřich Svoboda. Poklad byzantského kovotepce v Zemianském Vrbovku. Památky archeologické. Ročznik, XLIV, 1953, стр. 63—83.

[5] Е. И. Мельник. Раскопки в земле лучан. Труды XI АС, т. I, Киев, 1901, стр. 506—610, 540—542 и табл. VIII; Г. Ф. Корзухина. О технике тиснения и перегородчатой эмали в древней Руси. КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 45—49.

[6] И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. V, СПб., 1897, стр. 64—67; А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. М.— Л., 1936, табл. XI; Г. Ф. Корзухина. Русские клады. М.— Л., 1954, стр. 85, № 17 и карта 2, *17*; ср. также стр. 65. Монография Г. Ф. Корзухиной вышла в свет уже после того, как наша статья о Борочицком кладе была сдана в печать.

Г. Ф. КОРЗУХИНА

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАСКОПКАХ В. В. ХВОЙКО НА УСАДЬБЕ ПЕТРОВСКОГО В КИЕВЕ

Древнейшая территория Киева в пределах Святославова и Владимирова города издавна привлекала к себе внимание любителей старины. Археологические раскопки, преследовавшие самые различные цели, начались здесь еще в XVII в. и продолжались в течение XIX в. и начала XX в. Не в меньшей мере данная территория интересовала и интересует советских археологов, неоднократно возвращавшихся к исследованию этого важнейшего для истории Киева участка. К сожалению, многое из того, что было здесь вскрыто, вследствие неудовлетворительной методики раскопок, отсутствия должной документации и ряда других причин либо наполовину обесценено, либо полностью погибло для науки. Поэтому обнаружение материалов, в какой-то мере помогающих раскрыть содержание проводившихся здесь работ, представляет несомненный интерес. Публикация таких материалов и составляет основную цель настоящей статьи.

* * *

Заметив однажды в обрезе горы над Андреевским спуском фундаменты, сложенные из красного камня, хранитель Киевского музея древностей и искусств В. В. Хвойко, известный уже в то время своими открытиями в области палеолита, триполья, культуры полей погребений и славянских памятников Киевской губернии, решил заняться исследованием самого древнего Киева.

Территория, на которую он обратил внимание, занимала северо-восточную часть мыса Киевской горы и принадлежала доктору М. М. Петровскому. Это была большая усадьба площадью около 3 десятин, расположенная на территории древнего города Игоря и Святослава и частично города Владимира. Она находилась по соседству с усадьбами Десятинной церкви и домовладельца Слюсаревского и была в основном занята садом.

Получив разрешение на раскопки с условием не портить деревьев и кустов, В. В. Хвойко в 1907 г. начал свои исследования, продолжавшиеся 2 года и субсидировавшиеся Б. И. Ханенко. Условия, поставленные М. М. Петровским, крайне затрудняли работы. Используя свободные участки между деревьями и садовые дорожки, В. В. Хвойко заложил в 1907 г. около 40 раскопов. Несмотря на то, что до него территория усадьбы была уже изрыта бывшими владельцами усадьбы — А. С. Анненковым, искавшим здесь клады, А. Н. Муравьевым и др.,— результаты, полученные В. В. Хвойко, превзошли все ожидания. Впервые в истории археологического изучения Киева культура Киевской Руси предстала перед исследователем во всем своем многообразии и богатстве. Каменные дворцы, расписанные фресками и украшенные резным камнем, деревянные постройки

и мастерские; богатейшие находки из металла, кости, стекла; оружие, бытовой инвентарь, украшения, предметы импорта и тончайшие изделия киевских мастеров — все это было необычно, неожиданно и поражало своим разнообразием и высоким уровнем культуры и мастерства.

Современная раскопкам пресса знакомила своих читателей с ходом работ на усадьбе Петровского[1]. В многочисленных статьях рассказывалось о княжеских теремах, о языческих жертвенниках, о городских укреплениях, о подземных ходах, о многочисленных мастерских, о жертвах Батыева погрома, о найденных реликвиях и пр. Знакомиться с результатами раскопок приезжали в Киев крупнейшие ученые того времени —Н. П. Кондаков, Я. И. Смирнов, Д. В. Айналов и др. И. А. Линниченко сделал на XIV Археологическом съезде специальный доклад о раскопках В. В. Хвойко, в котором он назвал усадьбу Петровского «русским капитолием» и «киевским форумом»[2].

Однако тогда же на съезде было отмечено, что «и ведение раскопок, и положение найденных вещей совершенно не обеспечены», что важнейшая по своему историческому значению территория принадлежит частному лицу. Съезд вынес решение обратиться с ходатайством о приобретении усадьбы Петровского в казну. В 1911 и 1913 гг. в Государственную Думу было внесено два законодательных проекта об отпуске из казначейства средств на приобретение усадьбы. Значительность суммы на ее приобретение, а также ряд других соображений побудили правительственные организации в 1912 г. обратиться в Археологическую комиссию с просьбой высказаться относительно целесообразности приобретения усадьбы в казну.

К этому времени первые впечатления об открытиях на усадьбе Петровского уже несколько улеглись. За прошедшие 4 года кое-кто уже успел заняться изучением добытого материала. Некоторые стали относиться к раскопкам В. В. Хвойко более осторожно, даже скептически, считая результаты их преувеличенными. Так, Б. В. Фармаковский считал, «что все почти парадоксальные утверждения об «основании идола Перуна», «княжеских теремах» и т. п.... были по большей части плодом смелой и невежественной фантазии газетных сотрудников»[3], а в докладе проф. С. Т Голубева капище со статуей Перуна превратилось в остатки погребов XVII в.[4] Председатель Археологической комиссии А. А. Бобринский «при более подробном изучении вопроса» пришел к убеждению, что отчет о раскопках В. В. Хвойко «не дает возможности прийти к положительным и бесспорным выводам о значении усадьбы Петровского», что проф. И. А. Линниченко на XIV Археологическом съезде «не удалось убедить специалистов дела в безусловно выдающемся значении произведенных на усадьбе Петровского исследований... Принимая же во внимание, что почва усадьбы Петровского давно уже раскапывается... Археологическая комиссия полагала бы, что приобретение усадьбы Петровского... подлежит отклонению»[5]. Возникшая кое у кого мысль о приобретении не только усадьбы Петровского, но и близлежащих усадеб Трубецкого и Слюсаревского послужила лишь к осложнению вопроса и его затяжке, а начавшаяся в 1914 г. война вообще прекратила дело о приобретении усадьбы Петровского в казну.

---

[1] Прибавл. к вып. 26 ПАК, 1908, стр. 28, 29; Прибавл. к вып. 31 ПАК, 1909, стр. 81—83; Прибавл. к вып. 32 ПАК, 1909, стр. 21.

[2] Тр. XIV АС, т. III, 1911, стр. 68, 69 (протоколы).

[3] ЗОРСА, т. IX, 1913, стр. 324 (протоколы).

[4] Архив ИИМК, ф. № 1 (АК), 1908, д. № 30, ч. 4, л. 72.

[5] Там же, л. 71 об., 72.

Несмотря на некоторое охлаждение к раскопкам на усадьбе Петровского, материал, добытый В. В. Хвойко и переданный на хранение в основном в Киевский исторический музей, был оценен по достоинству и использован в ряде работ как в первые послереволюционные годы, так и в последующие[1]. Но, обращаясь к раскопкам на усадьбе Петровского, исследователи, кроме первоклассного вещевого материала, не имели ничего, а вместо полевой документации вынуждены были довольствоваться лишь общими, краткими описаниями, опубликованными в небольшой, неиллюстрированной книге В. В. Хвойко[2]. В этой книге раскопкам на усадьбе Петровского уделено лишь 12 страниц. В распоряжении исследователей было также несколько рисунков В. В. Хвойко, сделанных в своеобразной манере и опубликованных Л. Нидерле[3]. Использовать эти рисунки, соединить их с данными кратких описаний вскрытых В. В. Хвойко объектов почти не удавалось, поскольку отчетная документация по раскопкам в руки исследователей не попала.

Отсутствие документации затрудняло не только использование добытого В. В. Хвойко материала; оно не давало возможности раскрыть содержание раскопанных В. В. Хвойко комплексов — дворцовых зданий, многочисленных мастерских и других построек, не позволяло связать вещевой материал с постройками, затрудняло дальнейшее исследование территории, столь богатой памятниками исключительной ценности. Опубликованный Д. И. Багалеем план усадьбы Петровского с нанесенными на него раскопанными участками оставался немым[4]. К 48 раскопанным и пронумерованным участкам недоставало легенды, которая помогла бы разместить на плане все то, что было здесь раскрыто в 1907—1908 гг. (рис. 1).

Учитывая исключительную важность данной территории для истории древнего Киева и для истории культуры древней Руси в целом, в 1936 г. Институт археологии Академии наук УССР возобновил здесь археологические работы, которые продолжались с небольшими перерывами до 1949 г.[5] В 1936 и 1937 гг. были повторно вскрыты некоторые уже ранее исследованные памятники («капище», «терем»). К сожалению, и на этот раз методика раскопок и фиксация раскрытых памятников не вполне отвечали нашим современным требованиям, и памятники, исследованные повторно, так и остались не понятыми до конца.

Несмотря на новые интереснейшие открытия на усадьбе Петровского, сделанные в послереволюционные годы, материалы раскопок В. В. Хвойко

---

[1] Например, Д. В. Айналов. История древнерусского искусства. Киев — Царьград — Херсонес. ИТУАК, вып. 57, 1920; А. С. Гущин. К вопросу о славянском земледельческом искусстве. Сборник «Изобразительное искусство», Л., 1927 см. также А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. М.— Л., 1936; М. И. Артамонов. Обзор археологических источников эпохи возникновения феодализма в Восточной Европе. ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 276—278.

[2] В. В. Хвойко. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913.

[3] L. Niederle. Slovanské starožitnosti, т. I, вып. 2, Praha, 1913, табл. XLIII, 1, *C*, *D*, *E*; LIV, *2*, *3*, *7*; рис. 133 и 134; его же. Rukověť slovanských starožitností. Praha, 1953, табл. 38, *A*, *C*, *D*, *E*; 48, *2*, *3*, *7*, рис. 46 и 47. Мне неизвестно, сам ли В. В. Хвойко был автором этих рисунков. За отсутствием данных я условно называю их «рисунками В. В. Хвойко». Негативы рисунков В. В. Хвойко были найдены перед войной в Киеве М. К. Каргером; два рисунка с них здесь воспроизводятся на рис. 5 и 7.

[4] Д. И. Багалей. Русская история, т. I, М., 1914, стр. 504, рис. 175.

[5] В 1936 и 1937 гг. работы проводились Институтом археологии Академии наук УССР. С 1938 г. работы велись совместно с Институтом истории материальной культуры Академии наук СССР.

не утратили своего значения и до сего дня. Расшифровка их тем более необходима, что за 40 с лишним лет, прошедших после раскопок В. В. Хвойко, многое из того, что здесь им было найдено, не повторилось ни разу при исследовании самого Киева и других древнерусских городов. Поэтому и теперь еще остается неясным, исследовал ли В. В. Хвойко район, жизнь которого сложилась под влиянием каких-то специфических условий, или же все то особенное, неповторимое, что было им зафиксировано, должно

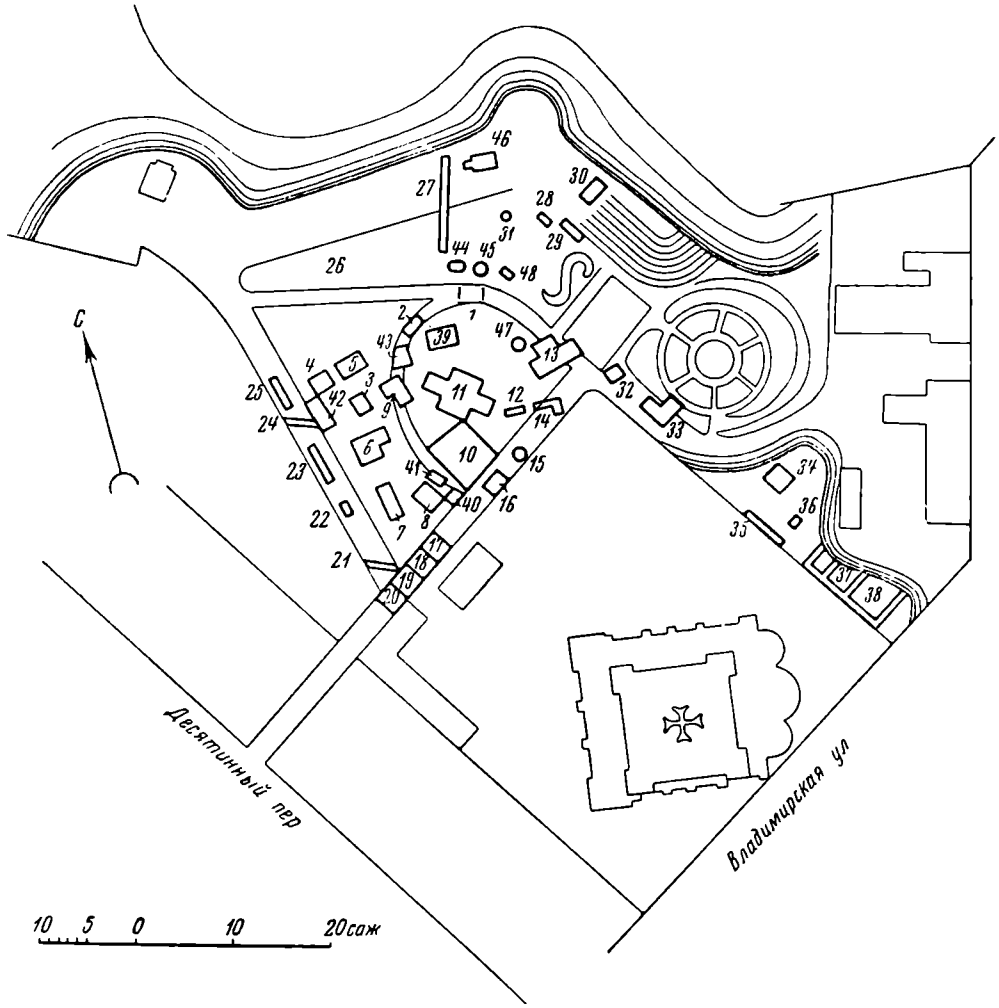


Рис 1. План усадьбы Петровского в Киеве с участками, раскопанными в 1907 и 1908 гг.

(*1—48* — номера участков).

быть отнесено за счет несовершенства методики раскопок и фантастичности выводов. В связи с этим находка материалов, проливающих хоть какой-то свет на раскопки В. В. Хвойко на усадьбе Петровского, имеет, безусловно, существенное значение.

Материалы, о которых идет речь, обнаружены в 1954 г. в личном архиве А. А. Спицына [1]. Это выписки, сделанные А. А. Спицыным из дневника раскопок В. В. Хвойко в 1907 г. на усадьбе Петровского. К сожалению, материалов о раскопках 1908 г. в деле нет. Материалы сгруппированы А. А. Спицыным по участкам; последние пронумерованы, и их номера соответствуют номерам, проставленным у раскопанных участков

[1] Архив ИИМК, ф. № 5 (архив А. А. Спицына), д. № 384, лл. 209—238.

на плане, опубликованном Д. И. Багалеем (рис. 1). В выписках имеются сведения о 39 участках; на плане же их 48. Очевидно, на участках 40—48 работы велись уже в 1908 г., но данные о них у А. А. Спицына отсутствуют.

Благодаря выпискам А. А. Спицына, памятники, вскрытые в 1907 г., теперь могут быть точно локализованы на плане усадьбы. Не на всех участках получены одинаково интересные результаты. Исследования, проведенные на некоторых участках, не дали ясного, законченного представления о раскопанных памятниках. Местами В. В. Хвойко попадал на перекопанные участки. Иногда для полного раскрытия памятника требовалось расширить площадь раскопа, сделать же это было невозможно.

В настоящей статье не ставится задача дать исчерпывающий анализ материалов из выписок А. А. Спицына. Здесь будут изложены лишь некоторые наблюдения и соображения по поводу новых данных о некоторых раскопанных В. В. Хвойко объектах, главным образом о постройках. Сведения обо всем остальном можно найти в самих материалах, публикуемых в приложении. [1].

* * *

Интересное большое сооружение было исследовано на участке 10 (рис. 2,*1*). Прежде чем оно было обнаружено, в земле была расчищена толстая балка, покрытая сверху одним-двумя рядами досок. Ниже балки найдены остатки большой прямоугольной постройки, площадью примерно 120 кв. м (13,3 × 9,2 м). В нее вели 2 лестницы, выкопанные в земле. Ступени одной из них были покрыты толстыми досками. В северо-западной части постройки в особых материковых канавках оказались 3 балки на расстоянии 2,3 и 2,2 м друг от друга. Поверх балок лежали доски в один-два ряда.

К сожалению, данные о постройке неполны. Нет указаний на глубину отдельных частей здания, неясно отношение вышележащей балки к открытой ниже постройке, а потому нельзя решить, была ли эта балка связана с перекрытием помещения. Нет также сведений о характере стен постройки. Указано лишь, что на некотором расстоянии (видимо, от балок и досок, лежавших на полу) прослежены наружные стены. По аналогии с другими постройками на усадьбе Петровского можно предполагать, что стены были дощатыми. Нет также указаний, в материке или культурном слое было выкопано углубление для постройки. Что она в какой-то мере была углублена, ясно из того, что лестницы были выкопаны в земле. В помещении не было печи, поэтому вряд ли его можно считать жилым[1]. По аналогии с постройками, которые будут рассмотрены ниже, данная постройка могла быть подвалом. Постройка была очень большой; она превышала по площади обычное полуземляночное жилище примерно в 10 раз. По аналогии с другими постройками на усадьбе Петровского найденные на полу бревна или «подвалины», как их называл В. В. Хвойко, служили основаниями перегородок, деливших это большое помещение на ряд клетей. Доски, лежавшие на бревнах, могли составлять стены перегородок.

Данные для датировки постройки очень шатки. Из вещей, найденных в ней, известна только одна, но зато очень интересная. Это наконечник ножен меча (рис. 3), чрезвычайно своеобразный по форме и орнаментации,

[1] В. В. Хвойко обращал большое внимание на печи, и отсутствие сведений о печи в данной постройке вряд ли можно считать его оплошностью. Описания раскопанных жилищ, судя по выпискам А. А. Спицына, он начинал всегда именно с печи, жилище же считал находящимся при печи.

что и затрудняет его датировку. В выписках из дневника он назван «скандинавским». Вряд ли это верно, так как среди многочисленных скандинавских наконечников ножен мечей подобные неизвестны. Сохранность его плохая — некоторые детали утрачены, верх обломан; первоначально он был, видимо, более глубоким. С уверенностью можно сказать, что

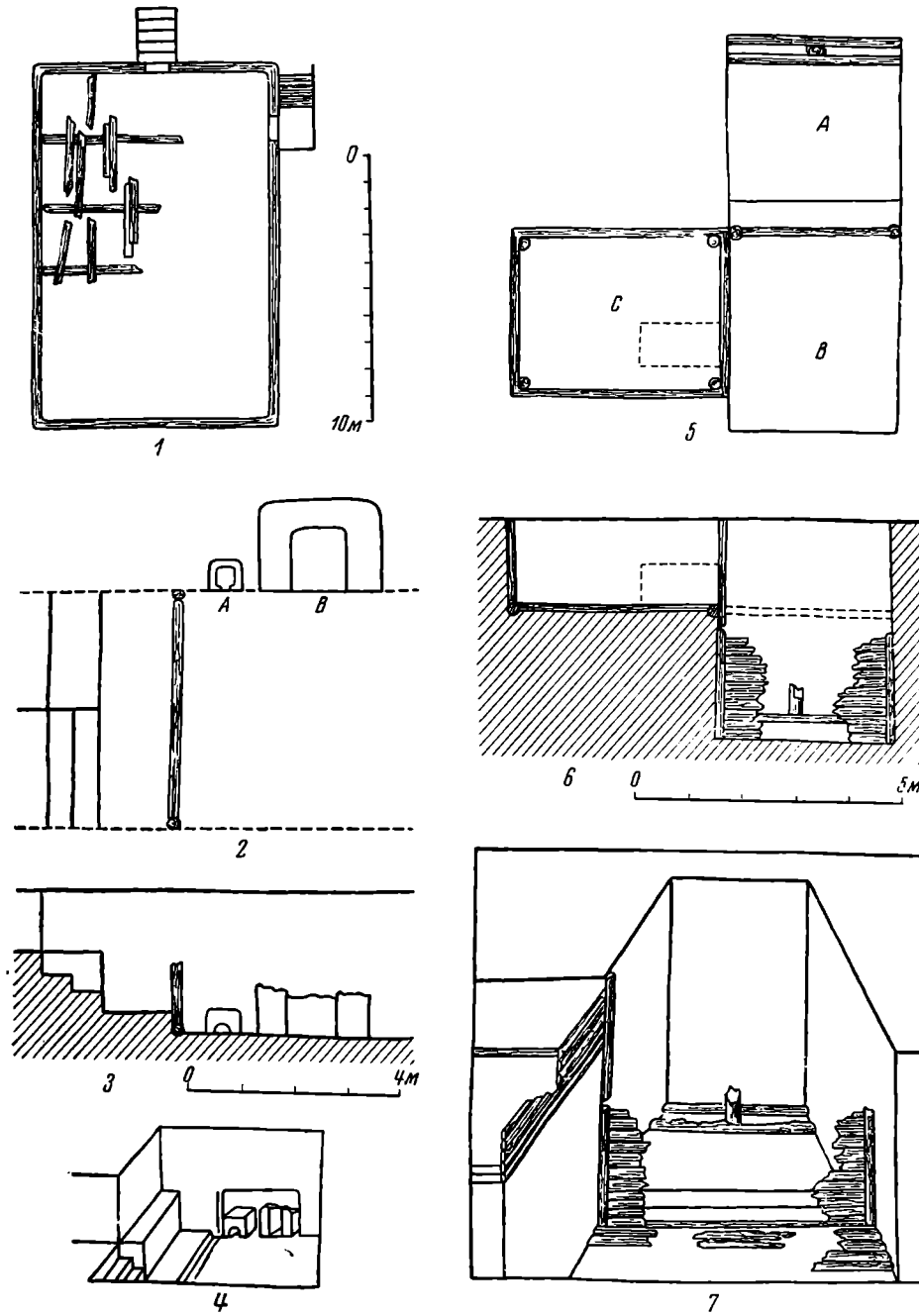


Рис. 2. Постройки, открытые В. В. Хвойко.

1 — постройка на участке 10 (реконструкция); *2*, *3* — мастерская ювелира Максима на участке 19 (реконструкция); *4* — та же мастерская по Л. Нидерле с рисунка В. В. Хвойко; *5*, *6* — постройка на участке 33 (реконструкция); *7* — та же постройка по Л. Нидерле с рисунка В. В. Хвойко.

наконечник не относится к X в. Без особой уверенности его можно датировать XI в. Оружие XII в. очень плохо известно, поэтому для отнесения наконечника к XII в. нет данных. Причины, по которым постройка была заброшена, неясны. Следы пожара в выписках не отмечены.

Второе, чрезвычайно интересное сооружение раскопано на участке 11 (рис. 4). Оно состояло из 3 помещений. Центральное помещение *А* и одно из боковых — *С* были выкопаны в материке. Пол их находился на глубине 3,8 м от поверхности. Третье помещение—*В* расположено на культурном слое, и пол его находился на глубине лишь 1,55 м. На этом же уровне над двумя углами центрального помещения *А* — «слой золы и угля, сильно перемешанных с мусором и деревом» (сгоревшее перекрытие). На полу — слой истлевшего дерева, вдоль стен — канавки со следами толстых бревен — «подвалин». Над «подвалинами» — следы деревянных (дощатых) стен. Одна из «подвалин», пересекающая помещение *А*, составляет основу наружной стены помещения *С*. Между помещениями *А* и *С* — 2 столба, повидимому, от двери. Стены помещения *С* представляют собой бревенчатый сруб; в срубе — большой горн (рис. 5), под и стенки которого сложены из кирпича на глине. Стенки сохранились лишь на высоту 0,55 м. Устье обращено к двери. Вокруг горна в 4 ямках — остатки толстых столбов, прямоугольных в сечении. В помещении *В* вдоль трех (?) наружных стен— «подвалины», следы стен в виде трухлявого дерева и большая прямоугольная печь длиной почти 3 м. Низ печи сложен из камня на глине в виде постамента; стенки — из кирпича на глине. Свод не сохранился. По всем 4 углам печи — деревянные столбы, которыми укреплена дощатая обшивка, обходящая печь с 3 сторон, за исключением лицевой. Обшивка обмазана слоем глины.

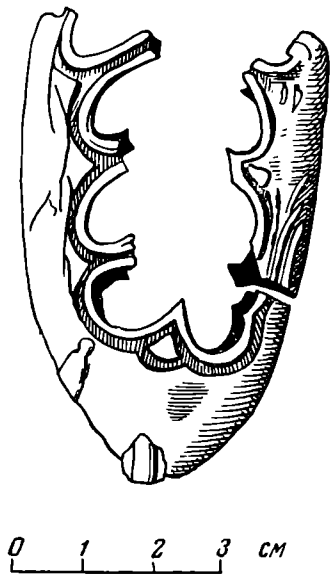


Рис. 3. Наконечник ножен меча из постройки на участке 10.

Для реконструкции архитектуры облика постройки, к сожалению, не хватает довольно существенных данных. Прежде всего неясно, связаны ли все 3 помещения в одну постройку, или помещение *В*, основанное не на материке, а на культурном слое, и лежащее на 2,25 м выше помещений *А* и *С*, только случайно примыкает к ним. Если все 3 помещения органически связаны друг с другом, то постройка была не только трехкамерной, но и двухъярусной. Прямых данных для ответа на этот вопрос нет, но косвенные имеются.

На участке 33 раскопана постройка с аналогичным расположением 3 помещений на двух разных уровнях (рис. 2, *5—7*). Разница в уровне пола верхнего и двух нижних помещений была примерно такой же, как в постройке на участке 11—2,45 м. Верхнее помещение с печью было оштукатурено и окрашено красной краской. Отдельные куски штукатурки проникли в нижележащее помещение, в котором печи не было. Видимо, оно было подвальным, а верхнее — жилым. Здесь найдены топор, ножи, замки, пряслица, стеклянные браслеты, фрагменты стеклянных и глиняных сосудов с поливой и росписью, фрагмент цепи и, наконец, части «железного панцыря», копье и стрелы. Жилище принадлежало видимо, знатному воину.

Повидимому, такие же двухъярусные, но хуже сохранившиеся постройки были раскопаны на участках 4 и 13. На участке 4, на культурном слое, на глубине 1,4 м стояла печь, около которой был глиняный пол, «а все ос-

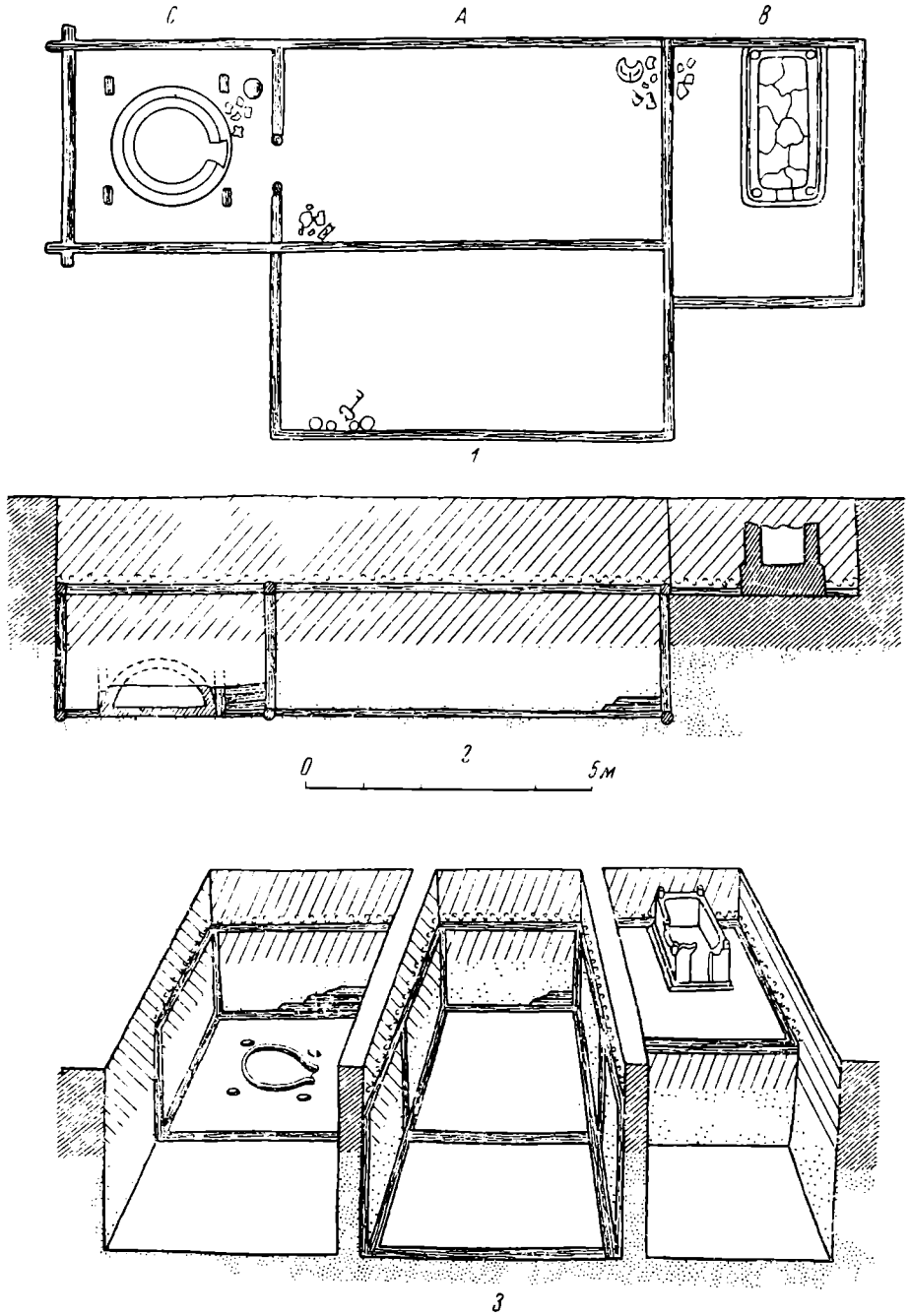


Рис. Мастерская на участке 11.

1, 2 — реконструкция; *3* — по рисунку В. В. Хвойко.

тальное пространство ямы (т. е. раскопа.— *Г. К.*) занято деревянным полом — потолком нижнего помещения. В последнем — следы досок и балок». Верхнее помещение постройки на участке 13 находилось на глубине 1,5 м, нижнее — на глубине 3,7 м; следовательно, разница в уровнях верхнего и нижнего этажей равнялась 2,2 м. Верхнее помещение было

оштукатурено и окрашено в два цвета: фон — одного цвета, бордюр — другого. Отдельные куски штукатурки попали в нижнее помещение. Постройка, как и аналогичная ей на участке 33, была жилищем знатного лица. Здесь найдены интереснейшая импортная вещь — лиможская эмаль XIII в. (рис. 6, *4*), а также бронзовая булавка со стилизованной черепахой вместо головки, украшенная выемчатой эмалью (рис. 6, *5*).

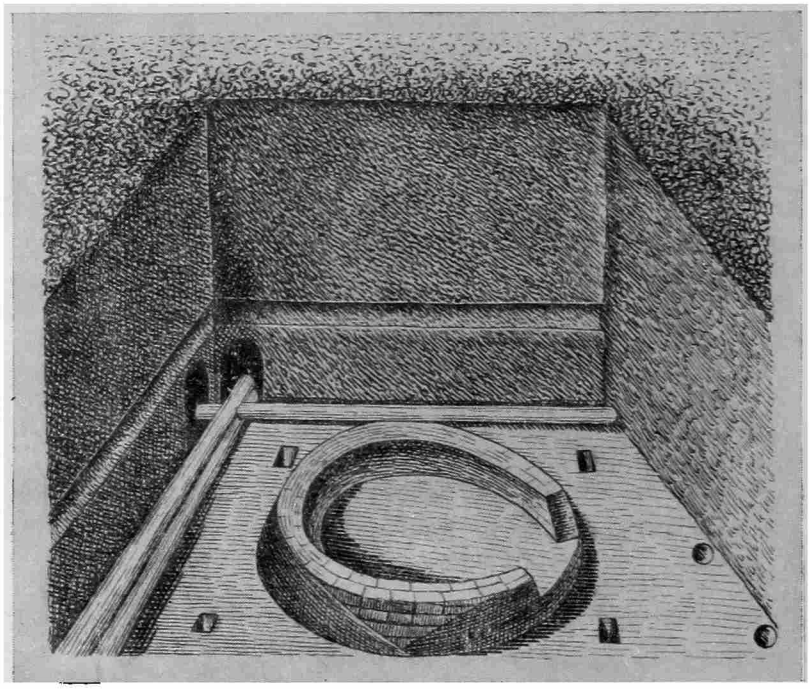


Рис. 5. Горн из мастерской на участке 11. (По рисунку В. В. Хвойко).

Едва ли можно объяснить случайностью, что и у постройки на участке 11, и у постройки на участке 33 три помещения, составляющие каждую из них, тесно примыкают друг к другу. Повторяемость этой черты делает довольно вероятным предположение о синхронности помещений, расположенных на разных уровнях.

Подтверждением того, что все 3 помещения на участке 11 были связаны между собой и входили в одну постройку, служат находки, сделанные в них. Во всех 3 помещениях найдены куски эмали и инструментарий, связанный с ее использованием. Существенно, что находки эти сделаны на разных уровнях: в помещении *C* — на полу, на глубине 3,8 м; в помещении *A* — как на том же уровне, так и на уровне пола верхнего помещения, т. е. на глубине 1,55 м; в помещении *B* — на полу, на глубине 1,55 м.

Особый интерес представляют находки в помещении *A* и на уровне пола помещения *B*. В выписках из дневника говорится, что на уровне пола помещения *B* был слой пожара, состоявший из золы, угля и остатков дерева. Он перекрывал помещение *B* и был прослежен в двух противолежащих углах над помещением *A*. Повидимому, слой образовался от пожара, охватившего вышележащее помещение *B* и перекрытие над помещением *A*. В двух углах над помещением *A* перекрытие уцелело. Здесь и были найдены куски эмали и другие предметы, связанные с ее производственным использованием; они лежали на деревянном перекрытии центрального помещения. Чтобы куски эмали и другие вещи могли

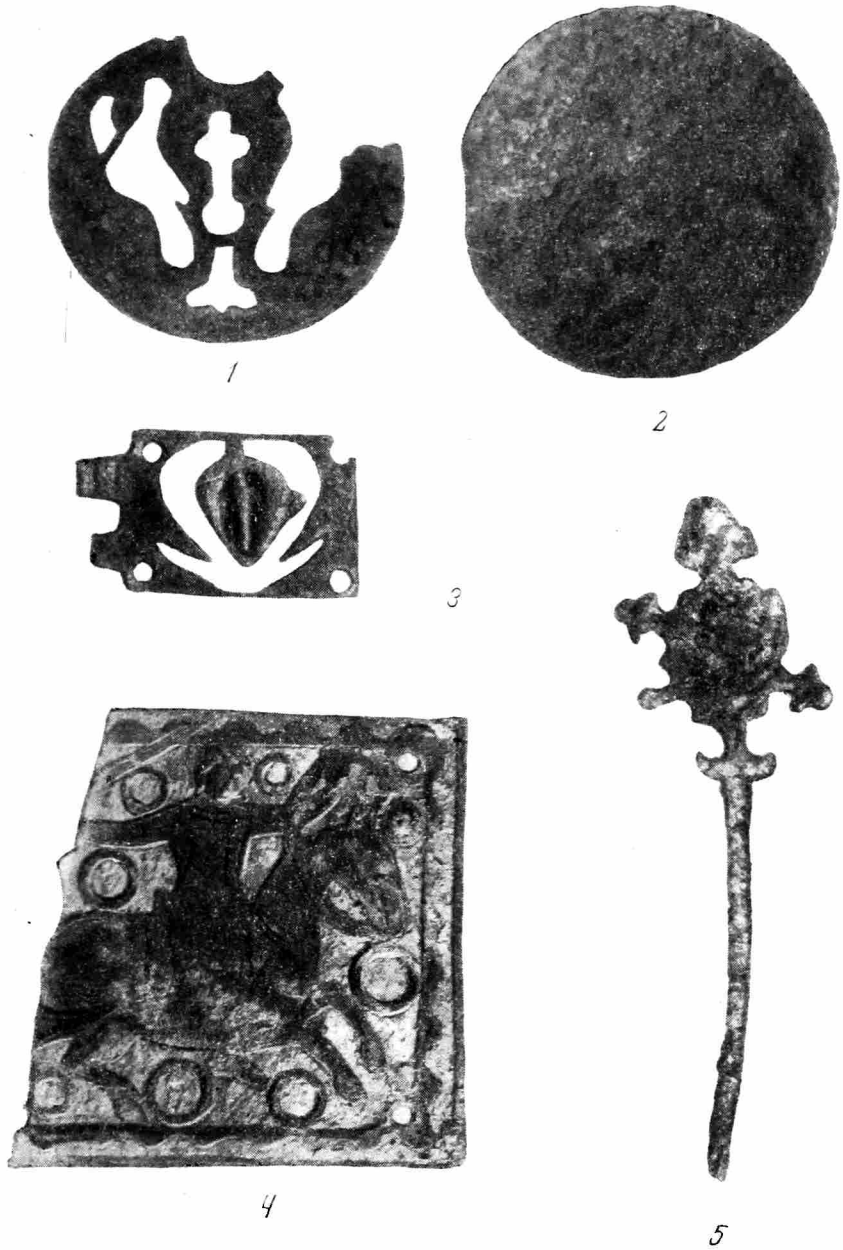


Рис. 6. Предметы из раскопов на участках 11 (*1—3*) и 13 (*4—5*). *1* — трафарет; *2* — болванка для изготовления колтов; *3* — бронзовая поделка с эмалью; *4* — бронзовая пластинка, лиможская эмаль XIII в.; *5* — бронзовая булавка с эмалью. (Вес 4/5 н. в.)

оказаться поверх перекрытия помещения *А*, перекрытие это должно было быть сверху открытым, т. е. быть полом вышележащего помещения.

Таким образом, получается, что центральное помещение полностью или частично было двухэтажным (второй этаж мог быть облегченного, чердачного типа), боковые же — одноэтажными, но расположенными на разных уровнях. Высота подвального этажа была вполне достаточной для взрослого человека (2,25 м). Указания на двухэтажность некоторых построек, раскопанных на усадьбе Петровского, на постройки с подвальным этажом, имеются в работе В. В. Хвойко. Показаны они и на двух рисунках В. В. Хвойко. Однако беглые указания, лишенные доказательств, и своеобразные зарисовки, которые не удавалось связать с текстом В. В. Хвойко, не вызывали доверия. Все это казалось неправдоподобным, поскольку ни в Киеве, ни в других городах Среднего Поднепровья двухэтажные сооружения не были обнаружены. Выписки из дневников В. В. Хвойко помогли расшифровать рисунки, а рисунки в свою очередь помогли понять то, что не было бы понято по одним выпискам.

Судя по рисунку В. В. Хвойко, помещения *А* и *С* только частично были углублены в материк. Примерно с половины высоты помещений начинался культурный слой. Считать, что культурный слой целиком образовался позже сооружения помещений *А* и *С* нельзя, так как помещение *В* полностью построено на культурном слое на уровне потолка помещений *А* и *С*. Однако остается неясным, было ли помещение *В* полностью наземным, или оно было частично углублено в землю; так же неясно, были ли помещения *А* и *С* полностью сооружены в земле или частично возвышались над землей [1]

Описанную постройку В. В. Хвойко справедливо считал мастерской. Огромный горн в подвале и трехметровой длины печь в верхнем этаже были «сооружены с производственными целями. Во всех помещениях найдены большие куски расплавленной и в таком виде застывшей эмалевой массы»[2]— желтой, красной, зеленой, белой и коричневой. На перекрытии центрального помещения, близ помещения *В*, обнаружена бронзовая пластинка — трафарет для производства золотых колтов с перегородчатой эмалью (рис. 6,*1*). Здесь же лежали два сопла. Болванка, на которой стенкам колтов придавалась сферическая форма (рис. 6,*2*), найдена в подвале на полу, у горна. В подвале же обнаружена бронзовая пластинка с позолотой и эмалью в углублениях, вытисненных в форме цветка и заполненных бледнорозовой и светлозеленой полупрозрачной эмалью (рис. 6, *3*). У горна найден крестик с эмалью. Следовательно, в мастерской работали эмальеры, которые не только декорировали вещи эмалью, но обрабатывали и самую металлическую основу эмалевых изделий, о чем свидетельствует находка трафарета для колтов. Повидимому, обработка металла — разогрев его для литья и другие операции — велась в горне; печь же служила для обжига эмалевых изделий.

[1] Не исключена возможность, что раскопанная в 1949 г. на усадьбе Михайловского монастыря в Киеве двухкамерная постройка, которую автор раскопок М. К. Каргер считал полуземляночным жилищем XIII в., на самом деле является лишь подвальным помещением двухъярусной постройки. В помещении нет печи. (Завал брускового кирпича и докрасна обожженная стенка неподалеку от завала едва ли могут считаться остатками печи.) Скорее всего, печь находилась в верхнем помещении и при пожаре рухнула вниз. Кроме того, указанная М. К. Каргером глубина помещений (1,10—1,36 м) велика для полуземлянки. Правда, для подвального этажа она мала. Однако настоящая глубина их могла быть значительно больше, так как верхние части могли быть вырыты в культурном слое. Проходившие по площади раскопа водопроводные трубы могли уничтожить все вышележащие остатки постройки. См. М. К. Каргер. Новые данные к истории древнерусского жилища. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 4 и сл.

[2] В. В. Хвойко. Указ. соч., стр. 71.

Мастерская была занята не только эмальерными работами. У одной из стен центрального помещения найдено несколько раздавленных стеклянных сосудов с раскраской и орнаментом из зеленых нитей. Кроме того, В. В. Хвойко писал, что в этой же мастерской «было найдено большое количество сломанных, поврежденных огнем и отчасти расплавленных стеклянных браслетов и таких же колец» [1]. Следовательно, две близкие друг другу отрасли ремесла — эмальерное и стекольное — были объединены в одной мастерской.

Мастерская была, повидимому, в то же время и жильем. В помещении *В* у печи оказалось много рыбьих костей и два пряслица. Ножи, бруски и керамика могли быть связаны как с домашним хозяйством, так и с производством. Помещение освещалось глиняным светильником. Повидимому, помещение *В* было наиболее обжитым.

Мастерская погибла от пожара, которому, может быть, предшествовало ее разграбление, так как в центральном помещении в ямке стоял сосуд листовой меди с короткой шейкой, разрубленный надвое. Следует отметить также, что ни одного кусочка драгоценного металла в мастерской найдено не было.

Если предложенная реконструкция ряда построек, раскопанных на усадьбе Петровского, в принципе верна, т. е. если рассмотренные жилища и мастерская были действительно двухэтажными, то из этого совершенно не следует, что все полуземляночные жилища были подвальными этажами наземных построек. В настоящее время существует тенденция считать полуземляночные жилища лишь временными постройками, возникавшими в результате народных бедствий (пожар, война и пр.)[2]. Сторонники данной точки зрения не допускают мысли о том, что обычным, массовым типом жилища на огромной территории древней Руси было жилище именно полуземляночное. Следует предостеречь их от попытки увидеть в реконструированных постройках на усадьбе Петровского тот массовый тип городского дома, который они ищут. В настоящее время известно чрезвычайно большое количество хорошо сохранившихся и детально изученных полуземляночных жилищ. Именно этот тип и был массовым типом построек рядового населения. Постройки же с подвальным этажом — явление редкое; судя по находкам, это были жилища знати и постройки производственного назначения.

Чрезвычайно интересная, но неполностью раскопанная постройка обнаружена на участке 19 (рис. 2,*2—4*). В раскоп попали только часть помещения со спускавшейся в него лестницей и торцы двух печей, частично исследованных, видимо, подбоем. Одна печь была очень маленькой, вторая, стоявшая рядом, — наоборот, очень большой. Стенки ее достигали толщины 0,55—0,58 м. На полу помещения лежал слой угля и обгорелого дерева, в том числе — части обгоревших стола и стула. Под слоем пожара найдены 3 замка, 4 ножа, гребень и большой набор каменных литейных формочек для сережек, колтов, бус, наручий, энколпионов и пр., куски медного шлака и большое количество кусков разноцветной эмали — легкой и тяжелой [3]. В. В. Хвойко называл данное помещение ювелирной мастерской. Найденные в ней формочки сразу же обратили на себя вни-

---

[1] Там же.

В. А. Богусевич. Археологические раскопки 1950 г. на Подоле в Киеве. КСИИМК, вып. XLI, 1951, стр. 47, 48.

[3] Кроме выписок из дневника В. В. Хвойко, см. В. В. Хвойко. Указ. соч., стр. 71. Указание на штампы «для тиснения металлических украшений» сомнительно.

мание исследователей и вскоре после их находки были опубликованы[1]. Позже к ним не раз возвращались [2].

Мне также однажды пришлось обратиться к этому материалу[3]. Местоположение мастерской, в которой найдены формочки, было мне в то время неизвестно. Определение его представляло интерес, так как одна из формочек для серьги, найденная в мастерской, оказалась частью формочки, найденной в тайнике Десятинной церкви, под развалинами которой погиб ювелир вместе с целым набором литейных форм. Я попыталась определить местоположение мастерской по находке серии формочек в 1936 г. на границе усадеб Петровского и Слюсаревского, примерно в 50 м к северо-западу от Десятинной церкви. При этом выяснилось, что мастера звали Максимом[4]. Предположение оказалось правильным. Находка легенды к «археологическому» плану усадьбы Петровского позволила точно определить местоположение мастерской: она находилась, действительно, в этом районе, лишь несколькими метрами восточнее места находки формочек в 1936 г.

В том же районе, на несколько метров южнее мастерской, в 1948 г. была найдена еще одна каменная формочка. Здесь М. К. Каргер раскопал землянку, которую он считал не только жилищем, но и мастерской[5] и высказал предположение, что она является мастерской литейщика Максима[6]. Вряд ли, однако, можно с этим согласиться. Мастерская Максима ныне локализуется совершенно точно, а землянка не могла быть мастерской ювелира-литейщика, поскольку в ней не было специального оборудования[7]

Представление о том, какими горнами и печами оборудовались мастерские, связанные с обработкой металла, дают мастерские на участках 11 и 19. Кроме того, мастер Максим погиб под развалинами Десятинной церкви в 1240 г.; над землянкой же, обнаруженной в 1948 г., успел нарасти мощный культурный слой с вещами домонгольского времени толщиной 1,3—1,45 м, т. е. она погибла задолго до татарского разгрома. Связь формочки с жилищем из-за неясности и противоречивости сведений об условиях ее находки[8] не может быть установлена.

Таким образом, раскопками В. В. Хвойко были обнаружены 2 мастерские, в которых выделывались вещи с эмалью. В одной из них мастер пользовался каменными литейными формочками для отливки украшений, внешне напоминавших богатые украшения кладов, отчего Б. А. Рыбаков и назвал формочки «имитационными». В другой мастерской делались не

---

[1] Д. И. Багалей. Указ. соч., стр. 503, рис. 167 и 169.

[2] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 271—278.

[3] Г. Ф. Корзухина. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания. СА, XIV, 1950.

[4] Г. Ф. Корзухина. Указ.соч., стр. 230.

[5] М. К. Каргер. Розкопки на садибі Київського Історичного музею. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, 1952, стр. 6—10.

[6] Сб. «По следам древних культур», 1953, стр. 70, 71; Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 113.

[7] В статье «Новые данные к истории древнерусского жилища» (КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 7) М. К. Каргер, видимо, ошибочно указывает, что в данном жилище им была найдена печь из брускового кирпича. В первоначальной публикации он писал, что печь была глинобитной. (М. К. Каргер. Розкопки на садибі..., стр. 8).

[8] В сборнике «По следам древних культур» (1953, стр. 70) М. К. Каргер пишет, что формочка найдена на полу землянки. Однако в первоначальной публикации материалов раскопок 1948 г. он не упоминает ее в числе находок на полу. Из контекста же следует, что формочка была найдена либо в заполнении землянки, либо в культурном слое над ней. Следует учесть также, что над землянкой найдены 4 захоронения XVII в., в результате чего культурный слой здесь был перемешан.

имитации, а подлинно драгоценные украшения с перегородчатой эмалью. Однако наряду с дорогими изделиями здесь же производились вещи, рассчитанные на широкий спрос,— крестики с эмалью. В той же мастерской вырабатывались и стеклянные изделия двух видов: дорогие стеклянные сосуды с цветными напаянными нитями и росписью, а также пользовавшиеся массовым спросом стеклянные браслеты.

Возможно, что мастерские функционировали не одновременно. Первая погибла в декабре 1240 г., вторая же могла прекратить свое существование еще на рубеже XII и XIII вв., во время одного из разгромов Киева — в 1171, 1175 или 1203 гг.

По соседству с мастерской эмалевых и стеклянных изделий на участке 11 была раскопана еще одна постройка на участке 39, в которой сохранились следы производства, возможно, также связанного со стеклом. В одном из помещений на широкой материковой ступеньке помещался небольшой открытый горн, типа кузнечного, для разогрева металла. В соседнем помещении на полу найдено «9 кусков стекловидной мозаики». Последнее определение несколько непонятно. Возможно, что здесь были найдены куски смальты, а горн предназначался для разогрева не металла, а стекла. В целом, однако, характер производственной деятельности данной мастерской неясен.

Остатки разрушенных или неполностью раскопанных мастерских обнаружены еще в ряде мест усадьбы Петровского. Так, на участке 34 найдены 2 «подвалины», т. е. 2 толстых бревна в канавках, лежавшие под прямым углом друг к другу, и остатки большой печи из валунов с очень толстыми стенками (0,4—0,5 м; ср. печь в мастерской на участке 19). Находки в этом помещении, о которых будет сказано ниже, не дают возможности установить какого рода производственной деятельностью здесь занимались. В. В. Хвойко предполагал, что это была баня.

Печь, повидимому, производственного назначения, была раскопана также на участке 15. Следов постройки вокруг нее не было выявлено. Печь сложена из квадратного кирпича, имеет форму усеченного конуса, устье ее выдается несколько вперед, а имеющееся посередине вверху отверстие закрыто большим квадратным кирпичом. Толщина стенок печи — 0,18 м.

Остатки построек с печами и без них найдены на многих участках. Бóльшая часть их, повидимому, не имела производственного назначения. Это были просто жилые постройки. Особенностями построек, открытых на усадьбе Петровского, являются обилие дерева (сосна), а также материал и форма печей. Большей частью печи были не чисто глинобитные, а из кирпича и камня, скрепленных глиной. Такие печи встречаются за пределами усадьбы довольно редко, здесь же они явно преобладают. Кроме того, большинство печей здесь имело не круглую, полусферическую, как обычно, а прямоугольную форму. В отдельных случаях печи были расписаны синей и красной краской (участок 25). В ряде случаев на месте разрушенных жилищ были построены новые (участки 22 и 23). В большинстве случаев жилища погибли от пожара. Не сгоревшие постройки сохранились хуже (участок 8). На участке 27 было открыто небольшое хозяйственное сооружение без печи, с бревенчатым каркасом.

Наиболее богаты и интересны по инвентарю, кроме описанных, постройки на участках 1, 2, 5, 7 и 9. В них, помимо обычных вещей — керамики, ножей, топоров, брусков, шиферных пряслиц, стеклянных браслетов, бус и пр.,— найдены жернова (участки 1, 2, 5 и 9), круглое оконное стекло (участки 7 и 9), кожаная обувь (участки 1 и 9), стеклянные сосуды (участки 2 и 9), поливная керамика (участки 7 и 9), керамика

с росписью (участки 4 и 7). Во многих жилищах обнаружены фрагменты амфор (на участке 7—круглодонная); глиняные светильники в количестве от одного до трех на одно жилище; железные замки до трех на жилище; медный котелок, железный треножник, «бляшка с арабской надписью» (все—на участке 7); заготовки из рога оленя и лося и пр. В жилище на участке 7 был расчищен целый слой обгоревших зерен пшеницы и проса. В горелой пшенице были найдены, видимо, спрятанные в нее бусы и ключ. В жилище на участке 5 у печи оказался маленький «клад» в горшочке — 3 пряслица, серебряные бусы и нож с серебряной рукоятью.

Кроме перечисленных жилищ с применением деревянных и дерево-глинобитных конструкций, в ряде мест усадьбы Петровского были обнаружены остатки каменных сооружений. Наиболее известным из них стало неоднократно описанное в литературе большое гражданское здание над Андреевским спуском (участок 37/38). От здания остались одни фундаменты, большая часть их обрушилась под откос. Не останавливаясь на описании этого здания, поскольку выписки из дневников не содержат никаких принципиально новых сведений о нем, напомню лишь, что В. В. Хвойко связывал гибель здания с пожаром Киева в 1017 г. Данных для проверки предположения В. В. Хвойко нет. Однако совершенно бесспорно, что к 1240 г. здание уже, безусловно, не существовало, так как братская могила жертв татарского погрома была выкопана поверх одного из отрезков его фундамента.

В еще худшем состоянии оказались каменные постройки, обнаруженные на других участках усадьбы. Это были небольшие отрезки фундаментов из камня (кварцит и серый песчаник; участки 14, 24 и 36) и иногда — фундаментов с несколькими рядами кирпича (участки 12 и 21). В ряде случаев указана форма кирпича — «квадратный тонкий», «продолговатый толстый с бороздками». На участке 14 сохранился угол здания, с которым, может быть, связана стенка на участке 12, но данных так мало, что сказать что-либо определенное об этих стенах и о стенах на участках 24 и 36 очень трудно. Возможно, что стена на участке 36 связана с дворцовым зданием на участке 37/38, поскольку она идет параллельно его поперечным стенам. Несколько подробнее придется остановиться только на постройке, следы которой выявлены, повидимому, на ряде раскопов, расположенных в юго-западной части усадьбы Петровского. В. В. Хвойко писал, что в этом районе были вскрыты им остатки богатого каменного здания: «Здесь были обнаружены фундаменты какой-то гражданской постройки, прикрытые сверху сплошными повалившимися один на другой слоями штукатурки, обрушившейся вместе со стенами здания. Лицевая сторона этой штукатурки оказалась украшенной богатой фресковой росписью»[1].

Попытка 1936—1937 гг. найти это здание, предпринятая Институтом археологии Академии наук УССР, не дала результатов. Поиски здания были затруднены отсутствием точных данных о месте находки его в 1907 г. «Местоположение этих руин,— писал М. К. Каргер,— как и местоположение многих других открытых в 1907—1908 гг на усадьбе Петровского памятников, к сожалению, можно определить только приблизительно»[2]. Повторные поиски здания, проведенные в 1948 г. М. К. Каргером, также не привели к обнаружению постройки. Последними исследованиями установлено, однако, одно существенное обстоятельство. Вся площадь раскопа, заложенного по соседству с раскопом, В. В. Хвойко (№ 20), была покрыта мощным (0,4—0,5 м) слоем гумуса, насыщенного строительными остатками какого-то древнего здания. Ниже

[1] В. В. Хвойко. Указ. соч., стр. 69.
[2] М. К. Каргер. Розкопки на садибі.... стр. 5.

слоя со строительным мусором залегал слой с находками, обычными для древнерусских городов домонгольского времени. В этом слое было несколько поздних погребений (XVII в.?), могильные ямы которых не перерезали слоя строительного мусора. Следовательно, слой этот образовался после того, как были совершены погребения. М. К. Каргер считает, что слой этот появился в результате довольно поздней планировки местности[1].

Выписки из дневников В. В. Хвойко дают кое-что новое относительно этого загадочного здания. Остатки его, как мне представляется, были обнаружены на 3 участках — 17, 20 и 21, т. е. в районе поисков здания Институтом археологии Академии наук УССР и М. К. Каргером. На участке 21 была раскрыта стена длиной 2,7 м, сложенная из тонкого квадратного и толстого брускового с бороздками кирпича. Стена шла с северо-запада на юго-восток. На участке 20, в 6—8 м от стены участка 21, рядом с тем местом, где М. К. Каргер искал в 1948 г. дворцовое здание, В. В. Хвойко обнаружил на глубине 3,1 м две упавшие стены, которые, по данным выписок, «в наклонном положении шли к церкви и к Слесаревскому», т. е. к Десятинной церкви и к усадьбе Слюсаревского. Стены были покрыты фресками, лежавшими лицом друг к другу Следовательно, стены упали одна на другую. По данным дневника, на фресках были «изображения нескольких человеческих фигур в натуральную величину» и орнамент. Очень может быть, что упавшие стены принадлежали тому зданию, остатки которого были обнаружены в 6—8 м от них на участке 21. Наблюдение М. К. Каргера над могильными ямами позднего кладбища, не перерезавшими слоя со строительным мусором, правильно и для участка 20. В. В. Хвойко на большой площади (участки 17—20) также наткнулся на позднее кладбище (в одном погребении была найдена половина монеты XVI в.). Судя по рисунку В. В. Хвойко (рис. 7), погребение на участке 20 также не перерезало упавших стен древнего здания. Отсюда следует, что отдельные участки постройки могли возвышаться над землей еще в XVI—XVII вв.

Под упавшими стенами на материке, на глубине 4,5 м, В. В. Хвойко обнаружил пол, «выложенный из древнего кирпича и покрытый цементом». Он считал, что этот пол был связан с мастерской поливных плиток. В своей книге В. В. Хвойко про пол не упоминает, о мастерской же говорит очень кратко и не указывает даже, что она обнаружена под упавшими стенами. Он перечисляет лишь находки, связанные с производством поливных плиток,—куски разноцветной эмали и тигли с ячейками для эмали разных цветов[2]. Н. Д. Полонская сообщает некоторые дополнительные сведения о мастерской. Она пишет, что здесь было найдено большое количество «недоделанных, испорченных и только подготовленных к обливке, но еще не облитых эмалью плиток»[3]. В выписках из дневника указано, что на полу «был мусор (главным образом, щебень), разбитые поливные плитки (некоторое количество), куски эмали, два литничка для эмали и карниз из лабрадора».

Сопоставив все имеющиеся данные о каменном здании и о мастерской плиток, мы все же не получаем отчетливого представления о двух различных сооружениях, следы которых обнаружены на участках 20 и 21. Повп-

---

[1] Там же, стр. 10.

[2] В. В. Хвойко Указ. соч., стр. 70.

[3] Н. Д. Полонская. Археологические раскопки В. В. Хвойко 1909—1910 гг. в мест. Белгородке. Труды Моск. предв. ком. по устройству XV АС, т. I, 1911, стр. 61.

димому, кирпичный пол, покрытый раствором, относится все же не к мастерской, а к каменному зданию. Остатки мастерской поливных плиток могли попасть сюда, вернее всего, в результате позднейших земляных работ, связанных, в частности, с погребениями XVII в.

Существенно, что на кирпичном полу вместе с плитками был найден карниз из камня, который В. В. Хвойко называет лабрадором. Архитектурные детали из камня, в частности из того же лабрадора, в большом количестве и на гораздо меньшей глубине (0,7—1,8 м) найдены на соседнем участке 17. Здесь залегал мощный слой камня — «гранит, шифер, извест-

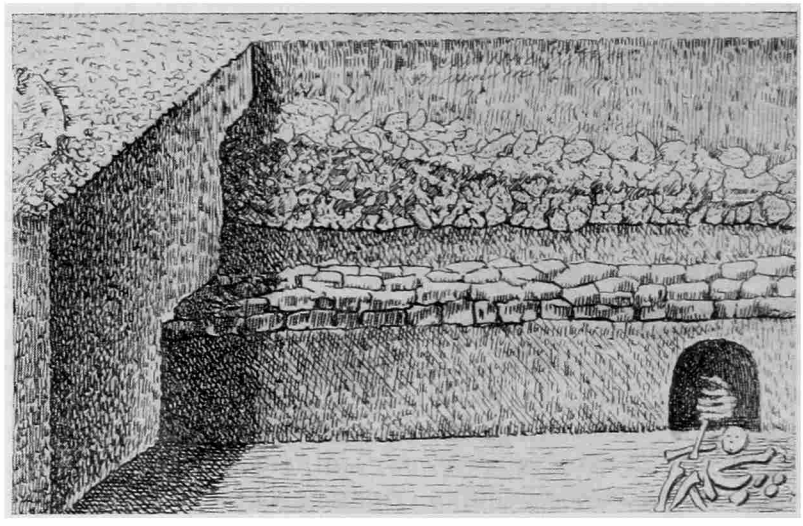


Рис. 7. Остатки каменного здания на участке 20. (По рисунку В. В. Хвойко).

няк, мрамор, лабрадор». Бо́льшая часть камня была обработана. В. В. Хвойко считал, что здесь была мастерская по обработке архитектурных деталей из камня для Десятинной церкви[1]. Согласиться с этим, однако, вряд ли можно, так как на некоторых камнях были следы раствора. Следовательно, камни побывали в кладке. Образование мощного слоя камня, скорее всего, связано с разрушением все того же каменного здания, следы которого были обнаружены на участках 20 и 21 и которое разыскивают советские археологи. Из этого развала здания карниз из лабрадора, в результате земляных работ, мог попасть на значительно бо́льшую глубину. Поэтому и остатки бывшего где-то поблизости производства керамических плиток (может быть, на соседнем участке 19) могли попасть на каменный пол разрушенного здания случайно.

В настоящее время участок с древним, сильно разрушенным зданием застроен новыми домами, что будет крайне затруднять дальнейшие поиски его.

Время сооружения каменной постройки, при отсутствии данных о толщине плиточного кирпича, определить трудно. Записи в дневниках о наличии в кладке толстого брускового кирпича с бороздками указывают на XIII в. К этому времени относятся, скорее всего, какие-то починки, доделки, перестройки, а не возведение здания целиком. О времени гибели здания сведений нет. Отдельные участки стен, как говорилось выше, по-видимому, возвышались над землей еще в XVII в.

[1] В. В. Хвойко. Указ. соч., стр. 69, 70.

Выписки из дневников содержат также данные о разгроме города и об истреблении его населения полчищами Батыя. Выше говорилось, что бо́льшая часть построек погибла от пожара. Многие из них сгорели именно в 1240 г. На многих участках в жилищах обнаружены скелеты погибших людей. На участке 5 в сгоревшем жилище на полу найден скелет девочки. При ней найдены височные кольца, бусы и пр. В том же жилище у печи был обнаружен маленький «клад» в горшочке, о котором говорилось выше. На участке 1, также в сгоревшем жилище, оказались 2 скелета, лежавшие один над другим. Возле одного из них, у головы, была стрела, у локтя— нож. На участке 22 в яме разрушенного жилища найден костяк, видимо, женский (с бусами), а на участке 34, в постройке с большой печью (мастерская?), был обнаружен скелет воина, погибшего с мечом в руках. Тут же лежали копье и 2 стрелы. На участке 32 в небольшой яме (1,7 × 1,2 × 1,15 м), покрытой сверху обгоревшими бревнами, лежали 3 черепа и остатки деревянного щита, обтянутого кожей и обитого медными гвоздиками. На участках 26 и 31 В. В. Хвойко обнаружил, как он считал, погребения с сожжением. Это были обширные кострища, состоявшие из золы, угля, кусков обожженной глины, обгорелых человеческих костей, тканей, керамики, сплавившихся медных предметов. При костяках найдены бусы, височные кольца, каменный крестик, каменная иконка богоматери, три энколпиона. Не может быть сомнения в том, что эти «кострища» не были погребениями с сожжением. Ни место находки «кострища» (территория Святославова города), ни инвентарь не позволяют отнести их к языческому времени. Это, безусловно, жертвы татарского погрома, либо сгоревшие в пожаре, либо намеренно сожженные при уборке города после разгрома. О том, что такая уборка была, что трупы убитых были собраны и похоронены, свидетельствуют братские могилы, обнаруженные в разных частях города, в частности и на усадьбе Петровского, над фундаментами каменного здания у Андреевского спуска.

История древнейшей территории Киева очень сложна и не может считаться выясненной даже в общих чертах. Очевидно, все то, что вскрыто на усадьбе Петровского, не существовало одновременно. Одни постройки разрушались, другие сооружались на их месте. При отсутствии надлежащей документации о вскрытых памятниках, при неясности хронологии появления и гибели отдельных сооружений, очень трудно судить о последовательности возникновения известных нам на данной территории построек и об облике этого района в ту или иную эпоху. Неизвестно, с каких пор в этой части города, бывшей в X в. и начале XI в. центральным районом города с каменными дворцами, группировавшимися вокруг Десятинной церкви, появились крупные ремесленные мастерские. Существовали ли те и другие одновременно, или, с перемещением центра города к Софии, некоторые хоромы потеряли свое значение и были заброшены, а другие попросту разобраны. Об исчезновении еще в домонгольское время здания над Андреевским спуском говорилось выше. Жалкие остатки других каменных сооружений обнаружены еще в ряде мест усадьбы. Одно из них в районе участков 17, 20 и 21, возможно, дожило до монгольского нашествия, а, может быть, и пережило его. Некоторые другие могли быть разобраны еще в домонгольское время. Не этим ли объясняется и то, что только в данном районе древнего Киева при устройстве печей в жилищах и мастерских столь широко применялся древний плиточный кирпич?

С перемещением центра города к Софии облик древнейшей части Киева мог сильно измениться и приобрести характер торгово-ремесленного центра. Может быть, с этого времени здесь и разместились крупные ре-

мес ленные мастерские со специальным оборудованием. Здесь же находился и городской рынок — Бабин Торжок.

Восстановление истории древнейшей территории Киева — задача увлекательная, но нелегкая. Территория усадьбы Петровского археологически не исчерпана, в ее недрах еще могут быть обнаружены ценнейшие памятники прошлого. Но, кроме памятников, которые могут появиться в будущем, для нас важны документы, повествующие о памятниках, уже не существующих. Поэтому материалы о раскопках В. В. Хвойко представляют для исследователей определенный интерес.

ПРИЛОЖЕНИЕ К СТАТЬЕ Г. Ф. КОРЗУХИНОЙ «НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАСКОПКАХ В. В. ХВОЙКО НА УСАДЬБЕ ПЕТРОВСКОГО В КИЕВЕ»

Выписка А. А. Спицына из дневника раскопок В. В. Хвойко на усадьбе Петровского в 1907 г.[1]

Ниже публикуется только часть заметок А. А. Спицына, связанных с раскопками В. В. Хвойко на усадьбе Петровского, — выписки из дневника В. В. Хвойко (лл. 224—238). Кроме выписок в деле имеются выборки из этих же выписок, сгруппированные А. А. Спицыным по темам: «печи», «постройки», «каменные стены», «погребения» и пр., которые использованы только в тех случаях, когда в них содержатся какие-то дополнительные к основному материалу сведения. Эти дополнительные сведения приводятся в сносках с указанием номера листа дела. Текст выписок из дневника публикуется полностью, но в несколько обработанном виде: недописанные слова даны полностью, подставлены единицы измерения (метры) там, где они были пропущены, цифровые обозначения оставлены только для обозначения размеров, в редких случаях изменена пунктуация, пропущенные слова добавлены в квадратных скобках. В соответствующих местах воспроизведены некоторые кроки, сделанные А. А. Спицыным на полях выписок.

№ 1. 5,5×4,2 м[2]., глуб. ок. 2 м. 1)[3] 0,30 м. Серо-желтая земля из вала. 2) Прослоек позднего чернозема. 3) 1,52 м культурный слой. Камни. Кирпичи. Много золы, глина обожженная, кости оленя, козы, кабана, овцы, быка. В ЮЗ стенке передняя часть печи из глины и кусков древних кирпичей в виде свода; выложена камнями; пол печи также каменный; 0,3×0,95×0,7 м; толщ. стенок 0,20 м, пода 0,18 м; свод обрушен; на полу в золе черепки. Рядом с печью каменный жернов, обрывки кожаной обуви. В СВ стенке, на глуб. 1,3 м два скелета, один над другим, головой [на] З. У одного у головы стрела, у локтя нож. 4) На 0,35 м глубже (чего?) слой из прослоек раковин, золы с костями животных (+ домашних), с кусками пережженной глины и черепками каменного века. Толщина [неизвестна]. На глине.

№ 2. 3,4×2,6 м, глуб. 2,8—2,9 м (?). 1) Слой щебня и мусора. 2) Чернозем до глуб. 1,3 м. Часть шиферной плиты с рельефным орнаментом. Ниже кости животных, черепки, куски древнего кирпича, части сломанных стеклянных браслетов, половина жернова, три фрагмента амфоры, два пряслица шиферных, два донышка стеклянных сосудов. В нижней части завалившаяся печь, в передней основе выложенная булыжником, 1,15 ширины. Древне-славянская. 3) Однообразный слой 1,4 м (?) серо-желтоватой земли. На материке в СЗ части ямы значительное количество раковин и шелухи рыбы.

№ 3. 4,5×3,2 м, глуб. 3,15 м. 1) Слой дерна. 2) 1,1 м. Славянский слой. Многочисленные слои золы и угля, чередовавшиеся с черноземом. Кирпичи древние, куски обожженной глины. Кости животных, обрезки рогов оленя. Черепки, три ручки амфоры. Части оконных стекол круглой формы. Донышки желтоватого стекла. 3) Серо-желтоватый слой 2,05 м. Черепки скифской эпохи. 4) Четыреугольник 4,3×2,9×0,3 м (на глуб. 3,15—3,45 м). В нем [четырехугольная][4] яма 2,8×1,6×0,75 м. Оба [четырехугольника] заполнены черноземом. У главного — ямки от деревянных столбиков. В первой яме чернозем с примесью обожженных кусков глины с отпечатками прутьев и хвороста. На дне раковины черепки каменного века и кости. В малой яме то же+ зола. Два роговые топорика, обломки рога. Тут же при боковых стенках три круглые очага из глины диам. 0,7—0,75—0,9 м.

---

[1] Архив ИИМК АН СССР, фонд № 5 (архив А. А. Спицына), д. № 384, лл. 209—243.

[2] Здесь и в дальнейшем после номера участка указаны его размеры.

[3] Цифрами с круглой скобкой А. А. Спицын нумеровал слои.

[4] Вместо слова «четырехугольная» у А. А. Спицына сделан рисунок.

№ 4. 3,5×5 м, глуб. 3,6 м. 1) Верхний пласт 0,3 м. 2) Чернозем, кое-где прослойки золы, кирпич, кости, на 1,4 м завалившаяся печь 1,6×1,25 м не на материке. Под из валунов и кусков древнего кирпича; стенки снаружи сглажены. Впереди глиняный пол на протяжении 1,5 м, а все остальное пространство ямы занято деревянным поломпотолком нижнего помещения. В последнем следы досок и балок. Стеклянные браслеты, шиферные пряслица, окрашенные черепки. Сооружение не выяснено. Княжеское время.

№ 5. 6,2×3,6 м. 1) До глуб. 1,2 м новая яма (парниковая?). 2) Более плотный слой, сменившийся сплошным слоем золы и угля с комками обожженной глины от обмазки (остатки сожженной постройки?). На глуб. 1,8 м печь 1,05×1,45 м. Дно — булыжник и нижняя часть стенок тоже. Светильник. На глуб. 1,7 м детский костяк головой [на] ЮЗ (стеклянный браслет, иконка, бусы, два медных височных кольца). Ниже на 0,15 у печи остатки клада (три пряслица, серебряные бусы, нож с серебряной рукоятью, часть горшка). Кости, черепки, замок, ключ, стрела, два глиняных светильника, часть жернова, браслеты. Следы деревянной стенки.

№ 6. 7×7 м + 3×3,5 м. Слой чернозема, перемешанного с щебнем кирпича; кости, черепки, прослойки золы. 2) Слой золы и угля почти по всему пространству ямы. В СВ части масса мусора, из которого выходят остатки стены от печи. Под и нижние карнизы из камней на глине, потом обожженной.

№ 7. 4×3 м. 1) Чернозем, как бывало и в других местах; найдены более или менее значительной толщины прослойки высыпанной здесь золы, кости животных, шелуха рыбы, черепки, камни, кирпич и пр. На глубине 1,8 м остатки печи. Начиная отсюда, пошли по всей площадке куски истлевшего дерева на разных глубинах, которые на глубине 2,2 м (у самого материка) обратились в целый слой. Тут много черепков с коричневой окраской. В стороне печи грунтовая яма 1,4×0, 9×1,1 м; в углах остатки четырех сосновых столбиков; тут же части трех сосудов и черепки разбитой круглодонной амфоры. Далее место было раскопано (вероятно Анненков). Печь (какая?) сложена из остатков кирпичей и глины. Она на глубине 1,35 от 0, почти прилегала к материку; ее размеры 0,75×1,4 м. Дно жилья на глубине 1,9 от 0; близ печи ножи, пряслице, ключ, железный треножник, глиняный светильник, кости, черепки. Тут же с трех сторон обнаружены нижние части бревен от наружных стен постройки. В другой, большей части ямы слой золы и угля продолжается почти до материка. В нем еще много мусора из мелкой пыли и куски обожженной глины. У Ю стенки у самого материка слой поджаренных зерен пшеницы, в комках (в одном до десятка стеклянных бус, в другом ключ). Рядом слой из таких же зерен проса. Еще на полу: три замка, топоры, медный котелок, два точильных камня, три пряслица, куски глиняных плиток с поливой, медная пряжка, медное кольцо, стеклянные браслеты, части поливного сосуда, черепки, глиняный светильник, круглое оконное стекло и пр. В яме следы деревянных стенок (подвалины). Сгоревшее жилье княжеской эпохи. Можно было восстановить его устройство[1].

№ 8. 6×4 м. 1) На глубине 1,8 м части стенок и дна печи, а рядом остатки какой-то деревянной постройки из сосновых бревен, стесанных с четырех сторон. Материк на глуб. 2,3 м. Следов мало, так как, вероятно, постройка не обгорела, а гнила постепенно.

№ 9. 1) Черноземный слой до 2 м (местами прослойки мусора). 2) Значительное количество золы и угля с комками обожженной земли. На глубине 2,25 м значительных размеров печь с обрушенным сводом. Дно лежало на материке; пол из камней, тщательно смазан глиной; стенки внизу в виде карниза из кусков древних кирпичей и глины. На дне наискось лежала балка длиной 6,1 м, при ней две другие поперечные. На дне: жернов, медная бляшка с арабской надписью, два медных кольца, части глиняного поливного сосуда, два стеклянных донышка, куски круглых оконных стекол, три ручки от амфор, заготовка из лосиного рога, три стеклянных бусы, две пряслицы, три костяных застежки, гвозди, стеклянные браслеты, кожаная обувь, три точилки, три глиняных светильника, черепки. Постройка сгорела.

№ 10. 12×9 м. Толстая балка, покрытая сверху 1 и 2 рядами досок. В СЗ части на дне ямы, на материке, в слое древесной трухи, нашли три балки, расположенные в расстоянии 2,3 и 2 м в особых материковых канавках. На них по одному и по два ряда досок, медный наконечник с прорезным скандинавским орнаментом[2]. Прослежены на некотором расстоянии наружные стены. Это здание 13,3×9,2 м; с В и С по двери для входа в нижние помещения; в первой стенке дверь была на СВ конце, при другой посредине. К восточным дверям шла в земле лестница из ступенек с толстыми досками, параллельно стенке; к северной стенке ход спускался прямо (ширина 1,15 м). (Рис. 2, *1* и 3).

---

[1] L. Niederle. Slovanské starožitnosti т. I, вып. 2, Прага, 1913, табл. XLIII, C_{1-2}; он же, Rukověť slovanských starožitností, Прага, 1953, табл. 38, C_{1-2}.

[2] На л. 219 имеются следующие дополнительные сведения о постройке на уч. *№ 10*: «Постройка на материке, подвальная. Наконечник скандинавского меча».

№ 11. Четыре ямы. Постройка из трех частей. Средняя часть 7×7 м. (Литовская постройка). С)[1] Следы на глубине 3,8 м, на материке три балки в специальных ямках; это основная стенка. На материке очаг. Пол круглый из двух рядов кирпича, соединенных между собой и обмазанных сверху глиной (толщ. 0,25 м); стенки из кирпича и глины; пролет 0,35 м; внизу 2 м, вверху 1,7 м, высота 0,55 м, толщина 0,25 м. По четырем сторонам очага следы толстых столбов (0,30—0,35 м); остатки их в ямках. А) На глубине 1,5 м на Ю и С сторонах слой золы и угля, сильно перемешанных с мусором и деревом (такой же обнаружен и по сторонам С). На глуб. 3,8 м материк, слой истлевшего дерева, по сторонам канавки со следами подвалин и стен. Посредине еще подвалина общая с наружной стеной С. Между А) и С) два столба (от двери?). В) На глубине 1,55 м большая обвалившаяся печь в ЮВ углу, на культурной земле; 2,8×1,35 м, вышина сохранившейся [части] 0,75 м. С трех сторон деревянная обшивка с четырьмя столбами. Под и низ из камня и глины; верхняя часть из кирпича и глины; деревянная обшивка оштукатурена глиной; толщина стенок 0,35 м; толщина пода и низа 0,5 м. Следы стены в виде трухлого дерева. Подвального помещения не было; раскопки здесь далее не было. На первом уровне (слой золы) в В) у печи много костей рыбы (верхний слой со следами огня). Три ножа, две точилки, глиняный светильник, два пряслица, черепки. В А) в ЮВ углу под слоем золы два куска желтой и один кусок красной эмали, медный штамп с изображением птицы и две глиняных трубки. У стенки с А) на той же глубине 1,55 м из-под слоя золы извлечено еще четыре куска эмали (желтой, зеленой и коричневой). В С) на глуб. 3,8 м у очага несколько кусков в целом и расплавленном виде эмали, медный штамп и медный крестик со следами эмали (двух-трех цветов) В А) ямка, в которой медный сосуд листовой с короткою шейкой, разрубленный на двое. У двери замок. Возле стенки пять кусков эмали (два больших куска белой) и медная бляшка с орнаментом, позолотой и следами эмали. При СЗ стенке несколько раздавленных землею стеклянных желтых сосудов с орнаментом из зеленых нитей и краски. Медный ключ с прорезным орнаментом в виде двух птичьих головок[2]. (Рис. 4,5 и 6, *1, 2, 3*).

№ 12. На глубине 0,7 м остатки стены из древних кирпичей; В—З[3]; длина 4,3 м, ширина 0,95 м; фундамент на материке, на глубине 1,6 м. Иной материал и кладка (XII в.?). Половина энколпиона на глуб. 0,85 м у стены.

№ 13. [Глубина] 3,7 м. Было копано раньше. Тут же водопроводные трубы. В уцелевших местах на глуб. 1,4—1,5 м слой мелкого мусора с кусками твердой штукатурки с рисунками (под слоем золы и угля). Далее до глубины 3,7 м (до материка) остатки дерева и иногда в разрозненном виде куски таких же фресок. Тут же медная пластина с изображением всадника (эмаль!) и предмет в виде отлитой булавки с лучеобразной головкой (на ней такая же эмаль). Тут была постройка деревянная с подвальным этажом, довольно значительная. Стены верхней части оштукатурены. Цвет фона один, а бордюры другого. Виден длинный ряд кусков. Здание знатного лица! (Рис 6, *4,5*).

№ 14. На глуб. 0,85 м стена, сложенная большею частью из больших камней серого песчаника и красного гранита. Фундамент — СВ, [лежит] на глуб. 1,5 м, у поперечной стены — выс. 1,7 м. Северная часть длиной 5 м, восточная — разрушена и прослежена на 3 м.

№ 15. Канавка. На глубине 1,65 м [печь] из широкого [квадратного][4] кирпича или плиты (соединенные помощью бороздок, наполненных известковой глинистой массой). Пол и стенки из той же массы. Глубина выступа — 0,25 м, высота — 0,65, ширина отверстия — 0,50 м, толщина свода и стенок — 0,18 м, толщина пола—0,15 м. Наверху посредине большой древний четырехугольный кирпич[5].

№ 16. На глуб. 1,3 м у стены остатки плохо сохранившейся печи. Несколько далее под слоем золы и обгоревшего дерева (покрывавшего печь) остатки какой-то глиняной чаши из беловато-желтой глины (диам. 1,2 м, глуб. 0,88 м, толщ. 0,1 м); в ней остатки обугленных досок, зола, уголь, кости животных, черепки, мелкие куски обожженной глины.

№ 17—20. Кладбище XVI в. 27 №[6] на глуб. 0,5—0,7 м и 1,2 и 1,4 м. У шеи некоторых медные колокольчики, кресты, кресала, при 4 № половина монеты XVI в.

№ 17. 5,2×3,4 м. С глубины 0,7 м до глубины 1,5 м (и до 1,8 м) сплошная масса щебня от камня и камни (гранит, шифер, известняк, мрамор и лабрадор), большинство камней обработано; на некоторых следы извести.

---

[1] Буквами А, В и С с круглой скобкой здесь и в дальнейшем обозначаются отдельные помещения построек; только на уч. *№ 19* ими обозначены печи. На кроки постройки на уч. *№ 11* А. А. Спицын спутал буквенные обозначения помещений.

[2] L. Niederle. Указ. соч., 1913, табл. XLIII, *A*; 1953, табл. 38, *A*.

[3] То есть стена вытянута в направлении восток—запад.

[4] Слова «печь» и «квадратного» поставлены взамен рисунков, которыми А. А. Спицын заменил эти слова.

[5] L. Niederle. Указ. соч., 1913, табл LIV, *3*; 1953, табл. 48, *3*.

[6] То есть 27 погребений.

№ 18. На материке (2,15 м) печь (низ и передняя стенка). Карниз (выступает на 0,2 м), нижняя часть стены и под из камней и глины, верх из кирпича на глине. Ширина 1,1 м, высота 0,95 м, уходит в усадьбу. В 1,3 м от печи яма круглая котлообразная (1,45×1,2 м) с золой и кухонными остатками. Уходит под стену.

№ 19. 4,8×3,5 м. На материке, в котором до глуб. 2,6 м [квадратная] яма. У ее стороны два столба, сгнившие в нижней части и обугленные в верхней (начали попадаться на глуб. 1,4 м). Лестница 2,15—1,4 м. Нижняя ступень (1,4 м, выс. 0,35 м). Между столбами в канавке подвалина. А) Печь из кусков кирпича и глины; отверстие в виде полукруга; шир. 0,6 м, выс. 0,4 м, глуб. 0,45 м (отверстие 0,15×0,25 м). В) Две боковых стенки из кирпича, а отчасти из камня и глины; пол из кирпича и камня. Первая стенка: выш. 0,9 м, шир. 0,55 м; вторая [стенка]: выш. 0,8 м шир. 0,58 м; глубина 1,20 м. На низу масса золы, угля, золы и обгоревшего дерева (части обгоревших стола и стула). На самом полу под штукатуркой вещи: каменные формочки для креста (со вставкой), формочки для отливки колтов, бус, широких браслетов и пр. Три замка, четыре ножа, гребень, куски шлака медного[1]. (Рис. 2, *2—4*).

№ 20. 5×4 м. На глубине 3,1 м два слоя штукатурки с фресковой живописью, во всю яму, в наклонном положении, шли к церкви и к Слесаревскому[2]. (Рис. 7). Слои лицом друг к другу, изображения нескольких человеческих фигур в натуральную величину, орнамент. Ничего не удалось сохранить: штукатурка рассыпалась при малейшей попытке поднять [ее]. Проливной дождь[3]. Под слоями на глубине 4,5 м необыкновенно крепкий пол на материке (желтая глина), выложенный из древнего кирпича и покрытый цементом. На нем мусор (главным образом кирпичный щебень) и [треугольные, квадратные и восьмигранные плитки][4], угли и разбитые поливные плитки (некоторое количество), куски эмали, два литничка для эмали[5], карниз из лабрадора. Плитки, подобные Софийским. Мастерская сгорела. Фрески от более нового сооружения. Главная дорога прокопана вся.

№ 21. На глуб. 1,8—2,3 м стенка на протяжении 2,7 м. Сооружена из кирпича квадратного (тонкие) и продолговатого толстого с бороздками. Поперек лежала деревянная балка.

№ 22. На глубине 1,25 м под развалившейся печи (1,3 м шириною). На том же уровне половина энколпиона. На глубине 2,8 м [под прямым углом] две балки. Рядом в неглубокой яме костяк в беспорядке, черепки, часть стеклянного сосуда, две бусы.

№ 23. На глуб. 2,5 м на протяжении 8 м значительный слой золы и угля, в котором остатки обгоревшей стены и бревна с потолка. Расстояние между стенами 4,4 м. На глубине 1,1 м остатки развалившейся печи, ширина 1,25 м[6].

№ 24. На глубине 1,3 м стенка из больших камней (фундамент на глубине 2,5 м, на материке). Кольцо с русской надписью.

№ 25. На глубине 1,2 м остатки значительно разрушенной печи, стенки которой (как и *№ 23*) оштукатурены и окрашены серовато-синей или же красной краской. На глубине 1,5 м деревянная стенка протяженностью 5,7 м из толстых бревен (низ на материке на глуб. 3—4 м). Длина 10—12 м (по исследованию у Слесаревского).

№ 26. Место раскопок Муравьева. Разоренные погребения. Четыре погребения с сожжением (одно целое в виде обширного кострища из золы и угля с обожженными человеческими костями, куски обожженной материи, черепки, части сплавленных медных предметов). При костяках три энколпиона, каменная иконка божьей матери, каменный крестик, медный маленький крестик, до 20 бус, куски материи и височные кольца.

№ 27. На глубине 1,1 м верхняя часть деревянного сооружения до глубины 2,6 м (желтая глина)[7]. Три стены, скрепленные между собой брусьями по низу и верху. По углам по одному, по середине по два столба. 3,3×2,2×1,5 м[8].

---

[1] На л. 219 имеются следующие дополнительные данные о постройке на уч. № 19: «Мастерская с двумя печами... Ценное все унесено». См. Д. И. Багалей. Русская история, т. I, М., 1914, стр. 503, рис. 167 и 169.—L. Niederle. Указ. соч., 1913, табл. XLIII, *E*; LIV, *2* и *7*; 1953, табл. 38, *E*; 48, *2* и *7* — Г. Ф. Корзухина. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания. СА, т. XIV, М—Л., 1950, рис. 4.

[2] Имеется в виду усадьба Слюсаревского, соседившая с усадьбой Петровского.

[3] Имеется в виду проливной дождь, погубивший фрески.

[4] Вместо слов, заключенных в квадратные скобки, у А. А. Спицына сделаны рисунки. Н. Д. Полонская. Указ. соч., рис. 45. — Она же. Историко-культурный атлас по русской истории, вып. 1, Киев, 1913, табл. XXIX, *11*; Д. И. Багалей. Указ. соч., стр. 503, рис. 168.

[5] На л. 218 указано, что печь была окрашена.

[6] На л. 220 указано, что на глуб. 260 м находился материк.

[7] L. Niederle. Указ. соч., 1913, рис. 134; 1953, рис. 46.

№ 28. На глуб. 1,9 м и 2,1 м два беспорядочных костяка; у одного маленький складной крест. На глуб. 2,35 м костяк в кирпичном гробу из больших кирпичей, в беспорядке. Под ними материк обожжен и устроен помост из цемента.

№ 29. Лишь несколько черепков скифского и каменного века.

№ 30. Состав вала. Из желтой глины с прослойками болотных трав. Внизу колья, может быть, от плетня против осыпанья земли. На слое древнего чернозема с черепками каменного века, полей урн и погребений II —IV вв. и древних славянских; толщина 1 м. Высота вала до 6 м, ширина до 9 м.

№ 31. На глуб. 1,4 м погребение с сожжением. Кострище 3×2,5 м из слоя золы, угля, комков обожженной глины, обожженные человеческие кости (с ними), обгоревшая материя, части сплавившихся предметов.

№ 32. На глуб. 3,6 м яма с обгоревшими бревнами наверху (как бы потолок) (яма 1,7×1,20×1,15 м). На полу три черепа, остатки деревянного щита, покрытого кожей и с медными гвоздиками. Раскопано раньше.

№ 33. На глуб. 1,4 м в слое золы с мусором — куски штукатурки, окрашенной красной краской, части железного панцыря, копье, две стрелы, часть цепи, черепки окрашенные, стеклянные браслеты. На глубине 4,1 м в материке остатки сооружения в виде двух подвальных сооружений. А) 3,6×3,2 м; в ЮВ стенке толстый брус, покрытый смолой; посредине его отрезок столба; стенка со столбами по ту и другую сторону. В) Ниже на 0,3 м; уступ с подвалиной; 3,2 м и на 0,5 м длиннее[1]; на полу под слоем сора толстый слой истлевшего дерева, части брусьев и досок от потолка и куски штукатурки (кое-где). С) Открылась уже на глубине 1,65 м; 4×3,15 м; подвала нет; на материке четыре балки; во всех углах по столбу; брусья СЗ стены; еще балка от пола. Где-то у внутренней стенки между А) и В) (?) остатки разрушенной печи. На полу (где?): топор, три ножа, два замка, ключ, две пряслицы, стеклянные браслеты, черепки стеклянной и глиняной посуды (многие с поливой или с красными разводами). Итак, это обширная постройка с подвалом посредине[2] (Рис. 2, *5—7*).

№ 34. На глуб. 2,5 м канавка и балка 4,3 м длины, под прямым углом другая балка. Тут же остатки печи, сложенной из валунов, очень толстые стенки, 0,4 и 0,5 м толщины; свод и верх стен разрушены; пол 0,45 м, обмазанный глиной; ширина 2,1 м, длина [неизвестна] (уничтожена Анненковым). Баня? Рядом на глубине 1,9 м в желтой глине костяк головой [на] З; в руках короткий меч с костяной рукоятью, справа у головы копье и две стрелы, у шеи две медных пуговки, у таза справа нож, кресало, кремень, два куска серы. Рядом еще яма, в которой четыре углубления для сосудов на глуб. 2 м; один был еще на месте. Место перекопано.

№ 35. На глуб. 0,8 м слой кирпичного щебня, перемешанного со штукатуркой (особенно крепкая с соломой и половой, фрески с изображением орнамента и отчасти фигур. Слой 11×2×0,6 м). На глуб. 2,6 м в материке костяк головой [на] З; бусы из массы и стеклянный раздавленный сосуд у головы (язычник?).

№ 36. На глуб. 0,9 м сооруженная из камня стена 1,4 м длины, шир. 1,1 м, выш. 0,6—0,7 м. По ту и другую сторону стенки следы давней раскопки.

№№ 37 и *38*. 27 × 5×10 м. Почти от 0 до 2—2,7 м глубины (материк—желтая глина) остатки древнего кирпича желтоватого цвета особой формы, куски и пласты известковой массы с примесью толченого кирпича и камня, гранитного камня, земля, местами прослойки золы, угля и обгоревшего дерева. Далее фундаменты здания из камня, красного гранита; выс. 0,3—1 м, у поперечного фундамента даже 2 м; ширина 1,15—1,3 м. На глуб. 0,5—0,9 м сплошной (до глуб. 1,25—1,4 м) слой из небольших камней красного гранита, обломков древнего кирпича, кусков известковой массы (на протяжении 21 м), рядом с длинной стенкой. Глубина 2—2,7 м. Расстояния поперек 8,6—7—5,5 м. В нижней части фундамента пол из цементообразной массы с примесью мелко истолченных камней и кирпича. В С) кирпич древний с монограммой «Владимир»; на обороте крепкая известковая масса. Еще два камня на четыре грани; на одном конце углубление 0,5×0,4 м, широкое углубление (от дверей? 0,7×0,25 м). Части перебитых колонн от окон или дверей (арки?); внутри битый кирпич на извести, замазанный известью с толченым кирпичом; толщина 0,15 м. В) Перекопано. В С) и В) куски фресок, слоем, две мраморных плитки, куски круглых оконных стекол со следами огня. В В) яма грунтовая с остатками костяка, беспорядочного, головой [на] В; в головах железная ручка, обручи от ведерка и куски стеклянного сосуда. В А) на глуб. 0,7—0,8 м справа несколько, а потом множество костяков, лежавших рядами в различных положениях; куча 4,5×2,3 м до фундамента и пола; и дети. Крест энколпион [с изображением] Бориса и Глеба, каменный крест с серебряными концами (зернь), три маленьких и один большой каменные крестики, стеклянные браслеты, несколько бус. Крест

---

[1] Последнюю фразу следует понимать так: помещение В) имело ту же ширину, что и помещение А), но было длиннее его на 0,5 м, то есть 4,1 м.

[2] L. Niederle. Указ. соч., 1913, рис. 133; 1953, рис. 47. А. А. Спицын не совсем разобрался в планировке данного жилища.

сирийский[1] на глуб. 2,2 м, под кучей, на остатках каменной стенки бывшего здания. По обеим сторонам стенки под слоем мусора (главным образом кирпичного щебня) значительное количество золы, угля и обгоревшего дерева, которым он покрыт (а отчасти смешивался), слой фресок, лежавший на полу (на крепкой известке; мелкие, разноцветные; фигуры; следы огня). Черепа вообще длинноголовые.

№ 39. На глуб. 1,85 м на особом материковом возвышении остатки печи; под 1,2×0,8 м; на глуб. 2,3 м пол от деревянной постройки. Она 5,7×4 м, ямки от столбов; посредине подвалина со столбами, в которой два столба на расстоянии 0,7 м, от двери. А) 3,1×4 м. Уступ, вышиной 0,45 м с двумя ступенями, ширина 0,5—0,7 м; в углу на нем печь (упомянутая). У северной стены яма 0,75×0,95 с кухонными остатками (остатки рыбы). В) 2,6×4м. На полу: девять кусков стекловидной мозаики, два ножа, замок, черепки. Это кухня с жильем, устроенная отчасти в материке[2].

Были раскопки и в других местах, не показанных на плане или не замечательных или раньше раскопанных. Везде прослойки золы, обожженной глины, кости, кирпичный щебень, мусор, камни со следами употребления... Дерево исключительно сосна.

РЕЦЕНЗИИ

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА (ХЕРСОНЕС, МАНГУП).

МИА, № 34, 1953

За последние годы значительно возрос интерес к истории античного и средневекового Крыма. Свидетельством этого является издание ряда новых работ, посвященных истории и археологии Таврики[1]. Вопрос о времени славянской колонизации Крыма и Тамани стал предметом широкой и оживленной дискуссии[2]. Историческими судьбами Крыма интересуются теперь широкие круги советской общественности.

Поэтому своевременное издание и введение в научный оборот доброкачественных научных материалов, добытых многолетними раскопками советских археологов в Крыму и на Тамани, приближают нас к правильному решению целого ряда важных исторических проблем.

Сборник материалов и исследований по археологии Юго-Западного Крыма, вошедший в серию «Материалов и исследований по археологии СССР», посвящен результатам археологических раскопок Херсонеса и Мангупа в 1937—1948 гг.

Вводная статья о новейших раскопках Херсонеса принадлежит руководителю этих раскопок Г Д. Белову, отчеты о раскопках составлены Г. Д. Беловым, С. Ф. Стржелецким и А. Л. Якобсоном. В статье Г. Д. Белова «Северный прибрежный район Херсонеса» подведены краткие итоги археологического изучения городища за 20 лет — с 1931 г. по 1950 г. Автор отмечает, что в истории Херсонеса были периоды экономического расцвета и упадка, но социально-экономическая история города связывается автором главным образом с внешними военно-политическими событиями. Нет сомнения, что римская и византийская оккупация Херсонеса имели большое значение в жизни города.

У нас нет никаких оснований отрицать серьезные последствия вторжения кочевников-гуннов и хазарского владычества в судьбах средневековой Таврики. С другой стороны, нельзя изучать историю Крыма, не учитывая значительную роль древней Руси в истории Северного Причерноморья в средние века. Русские дружины в IX—X вв. н. э. неоднократно появлялись перед стенами причерноморских городов, русские купцы прочно обосновались в Херсонесе и Тмутаракани, Корчеве и Суроже. Но, изучая историю народов и государств Северного Причерноморья, мы не должны преувеличивать роль внешних политических факторов.

---

[1] П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953; А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). МИА, № 17, 1950, и др.

[2] Е. В. Веймарн и С. Ф. Стржелецкий. К вопросу о славянах в Крыму. ВИ, 1952, № 4, стр. 94—99; Б. А. Рыбаков. Славяне в Крыму и на Тамани. Симферополь, 1952; А. П. Смирнов. К вопросу о славянах в Крыму. ВДИ, 1953, № 3, стр. 32—45.

До последнего времени социально-экономическая история Таврики в средние века изучалась совершенно недостаточно и крайне односторонне. Археологи раскапывали дворцы и базилики, городские кварталы и мусорные свалки, но не исследовали до сих пор ни одного сельского поселения, ни одной феодальной деревни. Этот серьезный недостаток в изучении средневекового Крыма нашел свое отражение и в рецензируемом сборнике. Г Д. Белов признает, что исследователи еще не располагают достаточным материалом для решения вопроса о разложении рабовладельческой формации в Крыму и формировании феодальных отношений (стр. 24).

Дополнением к статье Г Д. Белова и отчетным материалам являются интересные публикации Л. Н. Беловой «Монеты из раскопок кварталов XV—XVIII», Г. Д. Белова «Эллинистическая мозаика», А. В. Банк «Вислая свинцовая печать XI—XII вв.» и В. Ф. Гайдукевича «Мнимая базилика Лаврентия-Леонтия».

Для характеристики экономического положения и торговых связей Херсонеса важно наблюдение Л. Н. Беловой, что среди общей массы найденных монет имеется весьма значительное количество монет римских императоров, начиная с конца III в. н. э., но главным образом относящихся к IV в. и началу V в. н. э. (стр. 256). Если в Херсонесе позднеримские и ранневизантийские монеты найдены в изобилии, то в других городах Северного Причерноморья (Боспор, Фанагория, Тмутаракань) эти монеты встречаются в порядке исключения. Крайне редко находят клады позднеримских и ранневизантийских монет в степной и лесостепной зоне Восточной Европы, где обитали в эту эпоху славянские, сармато-аланские и тюркские племена. Многие клады заканчиваются монетами середины и 2-й половины IV в. н. э., что, очевидно, свидетельствует о том, что они были зарыты в эпоху гуннского нашествия (Лукашевка, Кирилены и др.).

Таким образом, нумизматические данные указывают на то, что торговые связи Херсонеса с Византией IV—VI вв. н. э. были интенсивными, а с племенами юга СССР, очевидно, очень незначительными.

Небольшой историко-архитектурный этюд В. Ф. Гайдукевича «Мнимая базилика Лаврентия-Леонтия» посвящен анализу одного из памятников херсонесской средневековой архитектуры, так называемой «базилике Лаврентия-Леонтия», находящейся возле 19-й куртины. Автор, сопоставляя этот памятник со средней оборонительной стеной Чуфут-Кале и церковью Троицы близ с. Лаки, датирует его XII—XIII вв. Автор доказывает необоснованность принятого в науке наименования этой часовни «базиликой Лаврентия-Леонтия».

В статье Г. Д. Белова «Эллинистическая мозаика» опубликован замечательный памятник античного искусства 1-й половины II в. до н. э.— мозаика с изображением двух обнаженных женщин, стоящих по сторонам лутерия, на котором сидит голубь (сцена омовения). К статье приложен рисунок мозаики, выполненный в красках.

Исследование М. А. Тихановой «Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма» является по существу кратким очерком истории Юго-Западного Крыма, в котором затронуты и некоторые общие проблемы истории средневековой Таврики. Автор правильно решает вопрос о локализации Дороса-Феодоро. Раскопки в Мангупе доказали, что феодальному городу на этом месте предшествовало небольшое поселение, относящееся к III—V вв. н. э. Поэтому, заключает автор, противопоставлять ранний Эски-Кермен якобы позднему Мангупу нет никаких оснований. Попытки некоторых ученых локализовать столицу древней Готии в Эски-Кермене (Н. И. Репников, В. И. Равдоникас и др.) не находят подтверждения в

источниках и археологическом материале и должны быть окончательно отвергнуты[1].

С некоторыми положениями статьи М. А. Тихановой согласиться трудно. Комментируя свидетельство Прокопия Кесарийского о стране Дори (De aedificiis, III, 7), автор полагает, что под «длинными стенами» следует разуметь ту «цепь горных укреплений, крепостей, которая опоясывает вторую гряду Крымских гор и запирает горные проходы» (стр. 324). Если мы внимательно рассмотрим положение пещерных городов, например Чуфут-Кале или Тепе-Кермен, то увидим, что эти неприступные крепости не могли защищать, а тем более запирать горные проходы. Пещерные города Крымского нагорья — это типичные феодальные замки и феодальные города, расположенные в неприступных местах. Стены, окружавшие эти города и замки, защищали их прежде всего не от вторжения неприятелей, а от крестьянского населения, жившего в долинах, от крестьян, которые находились в феодальной зависимости у местных феодалов.

Если мы посмотрим, как расположены эти крепости и замки на карте, то не сможем установить единой оборонительной линии.

Начало сложения в Крыму феодальных отношений автор относит к VIII в. н. э., неправильно связывая эти внутренние социально-экономические процессы с бегством византийского монашества в Крым и возникновением монастырей в эпоху иконоборчества (VIII—IX вв. н. э.).

В краткой рецензии, конечно, невозможно изложить наше понимание этой сложной и малоизученной проблемы, а тем более аргументировать основные положения. Отмечу, тем не менее, что развитие феодальных отношений в Крыму мы связываем с разложением рабовладельческих отношений и возникновением «варварских» государств на территории Таврики в результате вторжений и завоеваний III—IV вв. н. э.

Несмотря на то, что письменные источники рассказывают о событиях в Крыму в III—VI вв. н. э. очень глухо, мы можем смело предположить, что гибель рабовладельческих государств в результате «варварских» завоеваний (вторжение аланов, готов, гуннов) имела те же последствия, что и в Западной Европе, т. е. возникновение целого ряда «варварских» государств. У нас есть основания предполагать, что такие государства возникли на Боспоре и в юго-западной части Крыма.

Элементы феодальных отношений развивались еще в недрах рабовладельческого общества в первые века нашей эры. Завоевание Крыма сармато-аланскими, готскими и гуннскими племенами в III — V вв. н. э. имело чрезвычайно важные последствия для дальнейшей истории Таврики. Рабовладельческие государства (Боспорское и Скифское) прекращают свое существование. Появление в Юго-Западном Крыму свободного землевладения в форме соседской общины создало предпосылки для сравнительно быстрого развития феодальных отношений (Procopii De aedificiis, III, 7)[2]. Часть кочевников, повидимому, оседает на землю в районе крымских предгорий и в восточной части Крыма. Развитие земледелия и ремесла мы хорошо прослеживаем на поселениях салтово-маяцкой культуры в Восточной Таврике (пос. Аршинцево, Морское, Ивановка, Планерское и т. д.).

---

[1] В популярной статье Э. Шварца «Крымские горы», напечатанной в журнале «Saeculum» (IV, 2, 1953), Эски-Кермен назван столицей Готии, а Мангуп по непонятным причинам помещен в степном Крыму, к востоку от Симферополя. Автор, очевидно, повторил ошибку А. Васильева в его работе «The Goths in the Grimea» (Cambridge, 1936 см. карту в этом сочинении).

[2] Русский перевод: ВДИ, 1939, № 4, стр. 249, 250.

М. А. Тиханова совершенно правильно связывает с аланами могильники Крыма и Северного Кавказа с каменными или, точнее, плиточными гробницами. Следует только уточнить, что этот обряд появляется в Крыму в глубокой древности, когда аланы там еще не жили. Повидимому, аланы заимствовали этот обряд погребения у местного тавро-скифского населения. С другой стороны, аланские могильники горного и восточного Крыма содержат различные погребальные сооружения: так, например, могильник на холме Тепсень у с. Планерского состоит из обычных грунтовых могил с заплечиками. Могильник на юго-западном склоне Чуфут-Кале VI—IX вв. н. э., исследованный в 1946—1955 гг., дает два типа погребальных сооружений: земляные склепы и подбойные могилы[1]. В могильнике Суук-Су близ Гурзуфа обнаружены земляные склепы, подбойные и плитовые могилы. Разнообразие погребальных обрядов в могильниках горного Крыма объясняется пестротой населения этого района Таврики (аланы, готы, греки и др.).

Нельзя согласиться с М. А. Тихановой и другими авторами сборника, отождествляющими вслед за А. Л. Бертье-Делагардом, древние Фуллы с пещерным городом Чуфут-Кале (стр. 311 и 324)[2]. Уже Ю. А. Кулаковский, по нашему мнению, убедительно доказал, что загадочные Фуллы, упоминаемые средневековыми авторами и документами, начиная с VIII в. н. э., надо искать в восточной части Таврики (по мнению Ю. А. Кулаковского, они находились на месте Старого Крыма)[3]. Отвергая локализацию Ю. А. Кулаковского, мы склонны искать древние Фуллы в области Крымского побережья между Кафой (современной Феодосией) и Сугдеей (современным Судаком). Краткие свидетельства письменных источников [житие Иоанна Готского, славянская редакция жития Константина (Кирилла) Философа, Notitia episcopatuum VIII в. и более поздние описи константинопольских епархий] и археологические данные позволяют предположительно локализовать Фуллы на холме Тепсень у с. Планерского, где Н. П. Барсамовым и В. П. Бабенчиковым обнаружена большая базилика VIII—X вв. н. э. и другие более ранние храмовые постройки[4]. Не может быть сомнения, что это ныне заброшенное городище являлось в раннем средневековье крупным религиозным центром. Поселение у с. Планерского прекратило свое существование, очевидно, в X в., в то время как сугдо-фуллъская и кафо-фуллъская епархии упоминаются вплоть до конца XVII в. Это кажущееся противоречие можно отвести тем соображением, что церковная терминология отличается крайним консерватизмом, и многие средневековые понятия и титулы дожили до современности.

В целом рецензируемый сборник производит самое отрадное впечатление. Он вводит в научный оборот ценные археологические материалы и дает их историческую интерпретацию. Следует пожелать, чтобы результаты раскопок Н. И. Репникова в Эски-Кермене в 1936—1937 гг. и раскопок Е. В. Веймарна в окрестностях Инкермана, где открыты могильники III—VIII вв. н. э., были полностью и как можно скорее опубликованы.

В. Кропоткин

---

[1] Раскопки В. П. Бабенчикова (1946—1947 гг.), Е. В. Веймарна (1948 г.) и наши (1952, 1954 и 1955 гг.).

[2] А. Л. Бертье-Делагард. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Таврике. ИТУАК, № 57, 1920, стр. 66 и сл.

[3] Ю. Кулаковский. Где находились Фуллы? ЖМНП, 1898, № 2, стр. 194—202.

[4] В. П. Бабенчиков. Средневековое поселение близ села Планерское. (Раскопки 1949—1951 гг.). КСИИМК, вып. XLIX, 1953, стр. 104—116.

К. КАФАДАРЯН. ГОРОД ДВИН И ЕГО РАСКОПКИ

Результаты работ археологической экспедиции Академии наук Арм. ССР 1937—1950 гг. Изд. Академии наук Арм. ССР. Ереван, 1952, 300 стр. (на арм. яз.).

Известно, какую роль сыграли города и укрепления-замки Армении в средневековье. К сожалению, до сих пор обследовано и подверглось раскопкам лишь небольшое количество этих населенных пунктов. Пожалуй, Ани является единственным из них, где систематические раскопки проводились в конце XIX в. и начале XX в., вплоть до 1917 г. В советское же время, если не считать Кармир-блура (Тейшебаини) с Аринбердом и Гарни, которые относятся к так называемому античному, или дофеодальному, периоду, начаты раскопки в Анберде, затем Двине, где они продолжаются и ныне. На результатах раскопок Двина 1937—1939 гг. и основаны монографии А. Шахназаряна, В. Арутюняна, Б. Шелковникова и др., опубликованные в 1949—1950 гг.

«Город Двин и его раскопки» — довольно обширная монография, доставившая автору ее, К. Кафадаряну, ученую степень доктора исторических наук, подытоживающая результаты раскопок за все время до 1950 г. (в 1937—1939 гг. и в 1946—1950 гг.).

Книга открывается «Предисловием» (стр. 5—9) и «Введением» (стр. 11—19), за которыми следует основной текст монографии, состоящий из 4 глав: 1. Развалины города (стр. 21—35); 2. Раскопки Двина (стр. 37—66); 3. Архитектурные сооружения города (стр. 67—152) и 4. Найденные предметы (стр. 153—263). К основному тексту приложены: резюме на русском языке под заглавием «Результаты раскопок города Двина» (стр. 265—277), список иллюстраций на армянском и русском языках (стр. 281—286, 287—292) и указатель (стр. 293—298).

Книга богато иллюстрирована. Нужно сказать, что и автор, и издательство не пожалели сил, чтобы работа появилась в надлежащем оформлении; для этого использованы фотографии, планы, обмеры, эскизы и пр., причем из таблиц, содержащихся в книге, шесть—цветные.

В «Предисловии» дается краткий обзор проводимых в Советской Армении археологических изысканий и раскопок. Автор оговаривается, что сам он не имел целью «дать детальное специальное исследование многотысячных предметов, найденных при раскопках Двина», которое «превышает силы одного человека» и «для осуществления которого необходим долголетний труд целого коллектива ученых разных специальностей».

Во «Введении» автор рассматривает два вопроса: 1) название Двина (стр. 11—13) и 2) город Двин в литературе (стр. 13—19).

Исследовав соответствующие первоисточники (Моисей Хоренский, Фома Арцруни) и литературу по первому вопросу, автор приходит к такому заключению: «Вероятно, что название Двин... является наименованием проживавшего на холме племени или рода, каковое [наименование] застыло как название места» (стр. 11).

Пользуясь случаем, мы хотели бы высказать несколько замечаний

по этому вопросу, быть может, формы «Дуин» и «Двин» (по-армянски), «Абадин» (по-сирийски и «Дабиль» (по-арабски), действительно, имеют отдаленную связь с наименованием племени, встречающимся в ассирийских и урартских клинописях в форме Daiaeni — Daiani—Diauchi (ni)—Diauhi (ni) и пр.[1]

Интересно образование географических названий с окончанием на *-ин*: Ду*ин*, Кар*ин*, Тал*ин*, Аг*ин*, Элф*ин*, Шабад*ин*, Шат*ин* и др., однако, с тем различием, что «Дуин» дает в родительном падеже «Дунай», почему и постановления церковных соборов, созывавшихся в Двине в 506, 554—555 и 658 гг., в древнеармянской «Книге канонов» озаглавлены: «Канонк *Дунай* сурб жоговуйн»[2]. В «Книге посланий»[3] читаем: «Жоговн *Дуни*» (стр. 221—223), «жоговн *Дунай*» (стр. 223). Иоанн Мамиконян[4] упоминает «*Дунай* дашт», «*Довнай* дашта»—Двинская равнина. Себеос употребляет формы «*Дывни*», «*Дывнай*».

К. Кафадарян, между прочим, упоминает (стр. 11) мнение Н. Г Адонца[5], согласно которому «название города [Двина]... одного происхождения с *Давана*, городом в Малой Азии, и означает «деревня», от доарийского арм. dava, груз. daba». Так или иначе, с названием «Двин» созвучны «Дван-и» в Восточной Грузии близ Гори, а также «Двина» (Северная и Западная) в Восточной Европе.

В разделе «Город Двин в литературе» (стр. 13—19) К. Кафадарян показывает, как «древнеармянские авторы в своих писаниях упоминают город Двин и связанные с ним исторические события, начиная с V века и до XIII века» (стр. 13). Тут читатель найдет имена Иоанна Мамиконяна, Гевонда, Иоанна Драсханакертского, Ухтанеса, Фомы Арцруни, Асогика, Киракоса Гандзакского, Мхитара Айриванского, Вардана и Стефана Орбеляна (стр. 13, 14). Наряду с этим читатель встретит имена Прокопия Кесарийского и до десяти арабских авторов IX—X вв., равно как и грузинского историка IX в. Арсения Сафарского (стр. 11—15) и, наконец, авторов географо-топографических сочинений на армянском и европейских языках более позднего времени: Тагиадяна, Тавернье, Шардена, Мориера, Кер-Портера, Дюбуа, Фрейгана, Коцебу, Джонсона, Алишана (стр. 15—19).

Однако «Введение» не лишено дефектов.

Во-первых, автор упоминает европейских путешественников 1-й половины XIX в. Кер-Портера и Дюбуа де Монперё, которые, по его словам, «приблизительно за 100 лет [до нас] посетили Двин и дают более или менее точное представление о стенах города» (стр. 17). Но вместе с тем эти же самые путешественники кое-где в книге объявлены авторами XVII в. (см. рис. 2 и 3, стр. 17, 18, а также «Указатели»: армянский — стр. 281, русский — стр. 287).

Во-вторых, при использовании памятников древнеармянской литературы автор недооценивает значение для истории Двина документов, помещенных в «Книге посланий». Не использована также часть вторая грузинского памятника «Обращение Картли», т. е. «Житие св. Нины», где отмечен факт пребывания Нины в Армении на воспитании в течение двух лет у некоей старухи Ниафоры *Двинской*[6]. Значит, Нина проживала в Двине

[1] Ср. Г А. Меликишвили. Диаухи. ВДИ, 1950, № 4, стр. 26—42.
[2] См. журнал «Арарат», 1905, февраль, приложение, стр. 177—202; Арсен Клитчян. Армянская книга канонов. Тифлис, 1913, стр. 121, 135 (на арм. яз.).
[3] Книга посланий. Тифлис, 1901.
[4] Иоанн Мамиконян. История. Ереван, 1914.
[5] Н. Г. Адонц. Армения в эпоху Юстиниана. СПб., 1908, стр. 222, примечание.
[6] Ср. Л. М. Меликсет-Бек. Грузинские источники об Армении и армянах, т. I, Ереван, 1934, стр. 22 (на арм. яз.).

в 1-й половине IV в. и, следовательно, Двин был тогда более или менее известным населенным пунктом.

В-третьих, от внимания автора ускользнуло то обстоятельство, что задолго до Н. Я. Марра, в 1850 г., вопросом о локализации Двина занимался и провел пробные раскопки на месте, по поручению наместника Кавказа кн. М. С. Воронцова, чиновник канцелярии наместника Токарев, результаты работ которого нашли определенное отражение в архивных документах названной канцелярии — в делах № 194 (за 1846 г.) и 243 (за 1851—1852 гг.) фонда № 4/30 Центрального государственного исторического архива Грузии, обзор которых дан в нашей статье «Из истории археологических изысканий в Армении»[1].

Первая глава труда К. Кафадаряна посвящена детальному описанию развалин города Двина, с приложением карт, чертежей и фотографий, и имеет три раздела, из которых в первом трактуется о вышгороде, во втором — о центральном квартале города и в третьем — об остальных кварталах и предместьях. Согласно изысканиям автора, Двин как крепость существовал задолго до урартов.

Вторая глава содержит отчеты об археологических раскопках в Двине. Здесь в первом разделе читатель знакомится с историей раскопок в Двине, проведенных частично в досоветское время. Упомянуты раскопки 1899 г. (стр. 37—39), а также раскопки архимандрита Хачика Дадяна в 1904 г. (под вопросом) и в 1907—1908 гг. (стр. 39).

По поводу этого раздела мы имеем два замечания: во-первых, говоря о частичных раскопках в Двине, автор не упоминает изыскания Токарева и, во-вторых, неправильно указание на раскопки Х. Дадяна в 1904 г., поскольку последний в 1904—1905 гг. находился вне пределов Кавказа.

Следующий, второй, раздел этой главы содержит отчет о раскопках в Двине за 1937—1939 гг. и за 1946—1950 гг.

Третья глава труда К. Кафадаряна посвящена анализу архитектурных сооружений города Двина, прослеженных в некоторых комплексах. Первый комплекс — это центральная часть города, с кафедральным собором, однонефной базиликой и дворцом католикоса. Затем говорится о сооружениях вышгорода.

Материал, помещенный в этой главе, во многом неизбежно повторяет то, что имеется в работе В. Арутюняна «Архитектурные памятники Двина V—VII вв. (по материалам 1937—1939 гг.)»[2], с тем различием, что в труде К. Кафадаряна использованы материалы по архитектурным памятникам Двина, обнаруженным кампаниями 1946—1950 гг., между тем как работа В. Арутюняна, по вполне понятной причине, не выходит за рамки кампаний 1937—1939 гг. Задолго же до обоих исследователей вопросами архитектуры Двина занимался Т. Тораманян, который еще в 1909 г. в своей «первой записной книжке по путешествию» приложил «внутренний контур и обмер плана Двинского собора»[3].

Приложенные к этой главе обмеры и фотографии (№ 60—63, 68, 69, 73—79, 84—86), где представлен ансамбль центрального или так называемого католикосского квартала Двина во всех деталях, кажутся настолько убедительными, что исследование одного лишь этого ансамбля само по себе могло послужить темой для специальной монографии.

---

[1] Л. М. Меликсет-Бек. Ук. соч. Известия Академии наук Арм. ССР, 1947, № 6, стр. 45—50.

[2] В. Арутюнян. Ук. соч. Ереван, 1950.

[3] Т. Тораманян. Материалы по истории армянской архитектуры, т. II, Ереван, 1948, стр. 159, рис. 131 (на арм. яз.).

В частности, убедительны положения К. Кафадаряна относительно тех изменений, которые постоянно претерпевал Двинский кафедральный собор. Очевидно, что этот памятник был построен не позже IV в., вначале как трехнефная базилика с 7 парами пилонов и наружной апсидой с восточной стороны; впоследствии пристроили боковые помещения справа и слева, а с северной и южной сторон здания — наружные галлереи с колоннадой, как, например, в Ереруйке, Одзуне и пр. Стены и пол храма были покрыты мозаикой. Затем, в связи с какой-то катастрофой, была произведена реконструкция, выразившаяся, как полагает К. Кафадарян, в следующих мероприятиях:

1) наружные галлереи с колоннадой совершенно удалили;

2) две пары массивных пилонов в западной части храма использовали для возведения на них большого купола;

3) восточную наружную апсиду и боковые помещения при ней удалили, и взамен их на внутренней территории храма соорудили новую апсиду и боковые меньшего размера помещения, с сокращением длины храма на несколько метров;

4) напротив пилонов, поддерживающих купол, возвели с севера и юга наружные апсиды, поэтому в здании появился элемент крестово-купольный;

5) пол храма подняли на 20 см и мозаику заменили каменными плитами[1].

В таком виде «Двинский кафедрал как соборный храм просуществовал до 893 года, когда вследствие большого землетрясения окончательно рухнул и в связи с этим Двин перестал быть католикосской резиденцией»; «затем это грандиозное сооружение Двина в состоянии руин оставалось вплоть до окончательного падения города в XIII веке» (стр. 100).

С этим положением К. Кафадаряна, которое вытекает из детального архитектурно-археологического обследования сооружений Двина, конечно, нельзя не согласиться. Более того, это положение окончательно устраняет ошибочное мнение, высказанное некогда в литературе, будто Двинский и Талынский кафедральные соборы являются копиями храма Баграта в Кутаиси, между тем как последний, построенный в 1003 г., является ровесником анийских кафедрального собора и храма Гагика, сооруженных в 1001—1003 гг.

Нельзя не согласиться также с замечанием автора относительно функций прочих сооружений того же центрального квартала, т. е. католикосского ансамбля, и, в частности, колонного зала католикосского дворца. Однако по поводу этого замечания мы считаем нужным внести некоторые коррективы.

1. Вопрос о дислокации восточной апсиды Двинского кафедрального собора на 9 м вглубь. По нашему мнению, неубедительно положение автора, что такая дислокация обусловлена была необходимостью приблизить алтарь к центру после того, как там был воздвигнут купол. Спрашивается: что же мешало архитектору, оставив алтарь на старом месте, воздвигнуть купол ближе к востоку и, соответственно с этим, боковые апсиды с севера и юга соорудить ближе к восточной части здания, нежели к западной?

2. Два рисунка, а именно: «Общий план центрального квартала города после раскопок 1950 г.» (№ 73, стр. 104) и «Реконструкция монументаль-

---

[1] Относительно архитектурных реконструкций базилик в Армении вообще см. А. Саинян. Формирование базиличных строений в Армении и ход их дальнейшего развития. Известия Академии наук Арм. ССР, 1953, № 3, стр. 63—87 и особенно стр. 83, рис. 13.

ных сооружений центрального квартала» (№ 75, стр. 107), по нашему мнению, дефектны в одной детали. Однонефная базилика или, вернее, зального типа церковь, расположенная к северу от кафедрального собора и к востоку от католикосского дворца, в которой усматривается мартириум св. Езидбозида, несомненно, должна была выполнять ту же функцию, что и такого же типа церковь в нижнем этаже католикосского дворца при Звартноце, т. е. домовой церкви или молельни католикоса. В зависимости же от этого простая логика требовала, чтобы католикосский дворец имел непосредственный выход к этой церкви-молельне, минуя соборную ограду, что как будто предусмотрено на рис. 74 (стр. 105), но отсутствует на рис. 73 (стр. 104).

3. По словам автора, «на расстоянии 25 м к западу от католикосского дворца заметны развалины здания из тесаного камня, имевшего сводчатое перекрытие и назначение которого, возможно, выяснится в процессе дальнейших раскопок» (стр. 32). Это самое здание на рис. 74 (стр. 105) упомянуто как «светское здание неизвестного назначения». Вскользь автор указывает также, что католикосский монастырь не имел настоятеля (стр. 117). По этому поводу мы должны заметить, что католикосский монастырь имел главного ризничего, ключаря и что «здание неизвестного назначения» как раз и могло быть помещением для этого ризничего или ключаря, либо комплексом келий для братии монастыря.

4. Автор вполне прав, когда, исходя из указаний историков X в. Фомы Арцруни и Ал-Истахри, полагает, что после землетрясения 893 г. Двинский кафедральный собор и католикосский дворец при нем перестали служить резиденцией католикоса, а собор был переделан в мечеть (стр. 119, 120, 151). Против этого положения мы ничего не имеем. Однако в данном случае автор мог бы сказать гораздо больше, если бы использовал указание армянского историка XIII в. Стефана Орбеляна о созыве в 1216 г. именно в Двине верховного судилища для разбора одного спорного дела, при участии представителя грузинского царского двора, армянской и грузинской феодальной знати, армянского и грузинского высшего духовенства и, в качестве нейтральной стороны, сурмаринского шейха и кадиев тбилисского, анийского и двинского. В этом указании отсутствует упоминание о двинском епископе, между тем как там фигурируют епископы Ани, Бджни и Ахпата. Следовательно, в начале XIII в. Двин настолько потерял свое значение, что не только не был резиденцией католикоса, но не был даже кафедрой армянского епископа. Зато в Двине сидел мусульманский (шиитский) кадий.

5. Автор неправ, когда уверяет, что церковные соборы, в частности объединенный собор армянской, грузинской, албанской и сюнийской церквей в 506 г., должны были происходить в колонном зале католикосского дворца (стр. 270), между тем как из истории церковных соборов известно, что они происходили не в светском помещении, а в самом храме.

6. Касаясь фрагментов мозаики в Двине, автор ограничивается констатацией их обнаружения (стр. 39, 97, 98), привлекая при этом в своем труде в качестве иллюстрации лишь один образчик (№ 105, рис. 136). Однако было бы очень важно в связи с этим хотя бы вкратце коснуться мозаик в Армении и Грузии вообще[1].

7. О крестных камнях Двина следовало бы написать подробнее, чем автор говорит на стр. 145—152 и 172 рецензируемой книги. Ведь факт,

[1] См. литературу вопроса: Н. Марр. Ани. М.— Л., 1934, табл. VII, рис. 21. Я. И. Смирнов. Цромская мозаика. Тифлис. 1935; Georgische Baukunst, Bd. II. Die Kirche in Zromi und ihre Mosaik, von Georg Tschubinaschwili und Jakob Smirnov. Massaufnahmen des Architekten Severov. Tiflis, 1934, табл. 45—60; Ш. Амиранашвили. История грузинского искусства, т. 1. М., 1950, табл. 43, 44.

что каменные кресты того типа, которые обнаружены в процессе раскопок Двина, напоминают аналогичные кресты в Цроми[1]. Но это автором не замечено. Не отмечено им также то, что мотивы крестов двинского типа в X в., использованы на крестных камнях (хачкарах), например, в Ани[2].

8. На рис. 71 автор делает попытку представить все «знаки каменотесов на камнях» Двинского кафедрального собора, в количестве девяти. Сгруппировав эти знаки в одну таблицу, автор пишет: «Из этих знаков № 1, 2, 3, 4, 5 и 6 известны были нам из Звартноца (в примечании дается указание на соответствующие работы Т. Тораманяна и А. Шахназаряна), № 7, 8 и 9 там не встречаются. Следовательно, из каменотесов, участвовавших в последней реконструкции Двинского кафедрального собора, некоторые (согласно этим знакам, первые шесть) работали над сооружением Звартноца и, поскольку Двинский кафедрал реконструирован в первые два десятилетия VII в., а храм Звартноц сооружен в середине того же века, нужно полагать, что многие из работавших при реконструкции Двинского кафедрала молодых мастеров на склоне лет участвовали в сооружении Звартноца» (стр. 101). Это наблюдение К. Кафадаряна весьма остроумно и в известной мере гармонирует с нашими положениями относительно принципа разделения труда при сооружении Атенского Сиона, являющегося копией Мцхетского Джвари[3].

Но, независимо от этого, вопрос о распознавании каменотесных знаков Двинского кафедрального собора осложняется вследствие того, что некоторые из них повторяются не только в Звартноце[4], как правильно замечено К. Кафадаряном, но и в Адиамане и в Грузии — в Цромском храме. В таблице каменотесных знаков мастеров Адиаманского храма, которую составил Т. Тораманян еще в 1909 г.[5], воспроизведено 12 знаков, из которых только один (№ 1) совпадает с № 5 двинского ряда, между тем как № 3, 4, 5 и 6 из двинского ряда имеют двойников в Цроми[6].

Четвертая глава труда К. Кафадаряна посвящена описанию и анализу археологического материала, открытого раскопками Двина, с попутным выяснением вопроса о занятиях и быте населения Двина. Это самая обширная глава в рецензируемой книге, занимающая стр. 153—263 и богато иллюстрированная (рис. 137—234, в том числе семь — на отдельных таблицах, из которых шесть цветных); вместе с тем это, несомненно, самый актуальный раздел монографии, где говорится о различных моментах процесса производства трудового населения Двина.

Здесь автор подробно трактует о металлических изделиях и в связи с этим о металлообработке, предметах из железа, кузнечном и слесарном деле, об оружии и оружейном производстве, предметах из меди и соответствующей отрасли производства, о серебряных вещах и серебряных дел мастерстве, о золотых украшениях и золотых дел мастерстве. Затем говорится о костяных предметах и в связи с этим о резьбе по кости, портняжном и ткацком ремеслах, черепичном и гончарном производстве, стекольном деле, о монетах, об остатках животного мира, скотоводстве и охоте, об остатках растительного мира, земледелии, садоводстве и лесном

---

[1] Georgische Baukunst, Bd. II, табл. 13; Г. Чубинашвили. История грузинского искусства, I, Тбилиси, 1936, стр. 163 (на груз. яз.).

[2] Несомненно, что к числу древнейших каменных крестов относится крест, высеченный на фасе престольного камня (вемкара) в одной из церквей сел. Арыхло-Нахидури, Болнисского района, Груз. ССР (по нашему предположению, дрèвнем Цурта́ве).

[3] Известия Академии наук Арм. ССР, 1945, № 5, стр. 4, 5.

[4] Т. Тораманян. Указ. соч., т. I, Ереван, 1947, стр. 269, рис. 169.

[5] Т. Тораманян. Указ. соч., т. II, стр. 162, рис. 135.

[6] Ср. Georgische Baukunst, табл. 9.

хозяйстве, о лапидарных надписях и прочих памятниках, мемориальных монументах и остатках иконописи. В заключение всего этого следуют «Замечания о ремеслах и торговле».

Эта глава дает, выражаясь словами автора, «обильный материал... для составления подлинной истории различных этапов развития и культуры армянского народа» (стр. 6).

По поводу четвертой главы у нас есть следующие замечания. При сравнении керамики Двина с керамикой Ани, Дманиси и других мест автор использует труды Б. Шелковникова (1940, 1942 гг.), Г Чубинашвили (1916 г.), Р Джанполадян (1950 г.), А. Якобсона (1950 г.), Э. Кверфельда (1947 г.) и грузинского этнографа Л. Бочоришвили (1947 г.). К сожалению, от внимания автора ускользнула статья Т. Измайловой «Керамика из раскопок в Анберде»[1], где изучена керамика Анберда сравнительно, между прочим, с керамикой Двина. Точно так же автор не уделил внимания одному важному обстоятельству — сравнению керамики Двина с синхронной керамикой Мингечаура, в особенности с зооморфными типами ее[2].

Раздел «Монеты», хотя и очень краток, однако дает читателю определенное представление о характере денежного обращения в Двине. Некоторые из монет — грузинские, чеканки царицы Тамары и ее мужа Давида Сослана, 420 г. грузинского летоисчисления, т. е. 1200 г. н. э., все с эмблемой названных венценосцев. Эта эмблема налицо не только на монетах чеканки 1200—1208 гг., но и на каменных стелах, наделенных функцией документа, подтверждающего право иммунитета на феодальное владение, где эта стела водружена (они в большом количестве обнаружены в Южной Картли, среди них с подобной эмблемой — в Триалети-Цалке: две — в сел. Хачков, по одной — в Гуниа-кале и Чхиквта).

К рецензируемой книге приложены резюме и список иллюстраций на русском языке, благодаря чему она до некоторой степени оказывается доступной широкой массе советских читателей.

Касаясь книги К. Кафадаряна в целом, мы не можем не отметить, что ряд вопросов в его труде вызывает недоумение.

1. Автор слишком кратко излагает историю Двина, которая оставляет впечатление конспекта, в особенности при наличии этюдов о Двине А. Шахназаряна и В. Арутюняна. Быть может, он поступил так во избежание повторения, однако читатель не в курсе этого.

2. Положение автора относительно превращения языческих храмов в христианские после IV в., в основном, конечно, правильно. Однако возникает вопрос: неужели языческие храмы-капища были ориентированы на восток? Ведь языческий храм в Гарни, который не был превращен в церковь, имеет ориентацию с севера на юг, тогда как сооруженная впоследствии рядом четырехапсидная и круглая (шестнадцатигранная) снаружи церковь точно ориентирована на восток.

3. Автор, говоря о резиденции католикоса в Двине, не останавливается на вопросе о взаимоотношениях Двина и Авана как контр-престолов, отделенных друг от друга р. Азат или, что то же, Гарни (Гарничай), сосуществование которых было вызвано в конечном счете политико-идеологи-

---

[1] Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа, т. IV, 1947, стр. 181—204.

[2] Ср. В. В. Джапаридзе. Художественная и глазурованная керамика Грузии XI—XIII вв. Краткий очерк. СА, XVII, 1953, стр. 197—210. Ср. Материальная культура Азербайджана, т. II, Баку, 1951.

ческими условиями, как это определенно отмечено грузинским историком IX в. Арсением Сафарским и затем армянским историком X в. Иоанном Драсханакертским; так, например, Арсений, касаясь деятельности католикоса Двина Моисея II Егвардского (574—604 гг.), цитирует высказывание последнего: «Не перейду реку Азат, которая является границей Персии, не вкушу греческой просфоры и не выпью их термона»[1].

Труд К. Кафадаряна не свободен также от дефектов и ляпсусов технического порядка.

1. В труде имеются противоречивые суждения. Так, например, грузинский историк Арсений Сафарский в одном месте (стр. 15) упомянут как «автор IX века», в другом же месте (стр. 106)— как «относящийся к IX—X вв.»; правильнее — IX в.

2. Автор не ощущает неудобства при неуместном использовании термина «рукоположение», «консекрация», как, например: «В момент рукоположения Вагана Мамиконяна в марзпаны» (стр. 95; здесь и ниже подчеркнуто нами.— *Л. М.-Б.*); «После своего рукоположения Ваган Мамиконян возобновил...» (стр. 96); «Чин консекрации Вагана Иоанн Мандакуни совершил в Двине» (стр. 117) и пр. Понятие «рукоположение», т. е. хиротония или хиротезия, как известно, относится к лицам духовного состояния при возведении их из низшего в высший сан, но не к светским должностным лицам, каким был марзпан, да еще представитель персидских Сасанидов. Поэтому было бы правильнее сказать: «В момент вступления Вагана Мамиконяна в должность марзпана»; «Ритуал возведения Вагана Мамиконяна в должность марзпана Иоанн Мандакуни совершил в Двине» и т. д.

3. Неправильно выражение «кафолический дворец» (стр. 114); должно быть: «католикосский дворец», «дворец католикоса», или «католикосат». Точно так же: не «дворцовый зал католикоса» (стр. 44, 281, 286), а «зал католикосского дворца».

4. Автор называет Двинский собор «кафоликэ», однако этот термин мог быть применен к Двинскому кафедральному собору лишь после превращения его в купольный храм, но отнюдь не к первоначальному сооружению — базилике, которая в армянской терминологии никак не могла называться «кафоликэ».

5. Автор отмечает «железную люстру», обнаруженную «внутри католикосского дворца на высоте 40 см от кирпичного пола», которая, «по всей вероятности,— по словам его,— одним краем прикреплена была к стене» (стр. 46). Полагаем, что люстра не могла быть прикреплена к стене, а должна была свисать с потолка.

6. Автор слишком часто употребляет прилагательные «страшный», «потрясающий» и пр. для обозначения монументальности стен (стр. 24), высоты (стр. 26), размера (стр. 89) и пр.

Капитальный труд К. Кафадаряна «Город Двин и его раскопки» является результатом большой работы, проведенной им в течение многих лет в Двине совместно с коллективом энергичных сотрудников.

Труд, надлежащим образом оформленный и богато иллюстрированный, несомненно, является крупным вкладом в дело изучения прошлого средневековой Армении. Недостатки же, отмеченные нами, конечно, не снижают ценности этого труда в целом.

Л. М. Меликсет-Бек

---

[1] Ср. Л. М. Меликсет-Бек. Грузинские источники об Армении и армянах, т. I, стр. 43; ср. стр. 63—64, примечания 66, 67, 68.

Г. Ф. КОРЗУХИНА. РУССКИЕ КЛАДЫ IX—XIII вв.

Изд. Академии наук СССР М.—Л., 1954. 156 стр., 62 табл., 5 карт. Тираж 3000 экз. Цена 21 р. 20 к.

Выход в свет фундаментального исследования Г. Ф. Корзухиной «Русские клады IX—XIII вв.» — одно из наиболее замечательных событий в советской археологической литературе последних лет. Трудно назвать какую-нибудь другую категорию вещественных памятников, с которыми археологи были бы так хорошо и в то же время так плохо знакомы, как древнерусские ювелирные вещи, столь обильные в наших собраниях. Эти вещи всегда были одним из лучших украшений наших музеев, без них не обходилось ни одно иллюстрированное издание, посвященное культуре древней Руси, и все же до выхода рецензируемой работы вряд ли кто-либо мог всерьез говорить о том, что в нашем знании этих вещей существует система. Историческая литература о русских вещевых кладах располагала двумя сводками избранных кладов[1] и множеством рассыпанных в разных изданиях заметок и упоминаний об отдельных кладовых находках. Все эти материалы нуждались в обобщении, перекрестной проверке, пополнении значительным количеством неизданных находок, наконец, в серьезном историческом анализе, который обычно подменялся искусствоведческим анализом.

В самом характере исследованного Г. Ф. Корзухиной материала заложено ценнейшее качество, которое создает возможность самого твердого обоснования научных выводов, — его массовость. В сочетании с полнотой материала массовость находок делает возможной и серьезную проверку этих выводов.

Работа Г. Ф. Корзухиной состоит из двух частей. В первой части содержится исследование русских вещевых кладов IX—XIII вв., включающее в себя вопросы методики изучения материала, хронологический и территориальный анализ состава кладов и обоснование принципов их классификации. Наконец, центральное место в этой части работы занимают вопросы истории русского художественного ремесла и развития металлического убора. Вторую часть работы составляет сводка вещевых кладов, учтенных автором с исключительной полнотой[2]. Сводка содержит подробное описание 175 кладов, из которых около 50 впервые вводятся в на-

---

[1] Н. П. Кондаков. Русские клады, т. I, СПб., 1896; А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. М.— Л., 1936.

[2] Можно указать только на один досадный пропуск опубликованного еще в 1927 г. клада из с. Молфа, Бежицкого уезда, Брянской губернии. В этом кладе, помимо 40 куфических дирхемов, было обнаружено: 2 слитка «в виде сургучных палочек», 2 семилучевых височных кольца, 2 серебряных браслета, серебряный ажурный перстень, серебряная проволока толщиной 2 мм и несколько «медных чеканных дробниц сердцевидной и криновидной формы».— С. С. Деев. Археологические памятники Брянской губернии. Материалы к доистории Центрально-Промышленной области. М., 1927, стр. 33.

учный оборот. Ценность топографической сводки заключается не только в полноте подбора материала. В отличие от нумизматических кладовых сводок, которые до сих пор составлялись обычно только как основа для дальнейшего исследования, сводка рецензируемой работы является результатом исследования, благодаря чему материал в ней сгруппирован по территориально-хронологическому признаку. В силу этого сводка Г. Ф. Корзухиной может служить замечательным методическим образцом для самых разнообразных историко-топографических сводок.

Большую ценность имеют таблицы иллюстраций и карты, приложенные к работе. На 62 таблицах изображено около 600 древнерусских ювелирных вещей, дающих представление о богатстве и разнообразии кладовых комплексов. Можно только пожалеть о том, что автором не были переизданы и предметы, опубликованные в сводках Н. П. Кондакова и А. С. Гущина. Эти издания давно уже превратились в библиографическую редкость, а табличное обозрение материала в рецензируемой работе, безусловно, страдает от отсутствия наиболее выдающихся вещей русских кладов. Если в остальных частях Г. Ф. Корзухина делает сводки Кондакова и Гущина устаревшими, то в этой части работы она только дополняет их.

Значительный интерес представляют исторические выводы автора. Г. Ф. Корзухина совершенно обоснованно настаивает на том, что процесс зарывания вещевых кладов не был хронологически ограничен временем монгольского нашествия, а был длительным. Монгольское нашествие, действительно, послужило причиной сокрытия в земле значительной массы сокровищ, однако около трети русских кладов, по подсчетам автора, было зарыто вне связи с этим событием, а значительно раньше его, на протяжении IX—XII вв. Выяснение детальной хронологии находок дает Г. Ф. Корзухиной возможность проследить эволюцию металлического убора во времени.

Установив принципиальное деление кладовых украшений на две группы — древние традиционные и широко распространенные шейные гривны, браслеты, височные кольца, с одной стороны, и новые формы убора — колты, наручи, ожерелья, диадемы и т. д.,— с другой (стр. 63),— автор признает украшения второй группы результатом развития древнерусского городского ремесла, достигшего с середины X в. чрезвычайно высокого уровня. Быстрое развитие украшений второй группы, установленная Г. Ф. Корзухиной четырехкратная смена стилей убора, быстрая реакция ювелиров на движение моды — все эти обстоятельства дают очень эффектную картину состояния древнерусского городского ремесла в его ювелирной отрасли. Несмотря на то, что автор не касается вопросов техники производства украшений, ее работа является прежде всего работой о русских ремесленниках-виртуозах.

Большую важность имеют страницы работы, посвященные реконструкции убора. Привлечение к анализу изображений Боянской фрески (стр. 53), ряд тонких наблюдений над самими вещами, наконец, использование многочисленного терминологического материала являются прочной основой для выводов в этой части работы. Вопрос о месте колтов и «аграфов» в уборе решен оригинально и убедительно. Некоторые возражения может вызвать толкование термина «обруч». Автор признает, что этимологически этот термин связан с рукой (стр. 55), однако, основываясь на том, что в контекстах XI в. он сочетается со словом «вскладаху», допускает, что сначала он применялся и к браслетам, и к шейным гривнам, а потом только к браслетам. Такая эволюция значения слова не совсем понятна. Скорее можно предположить здесь неполноту письменных сведений более позднего вре-

мени, их случайность. Если в XI в. этот термин употреблялся уже безразлично, то его уточнение в дальнейшем кажется странным.

Большой интерес представляет убедительное отнесение автором серебряных колтов исключительно к XII—XIII вв. Вопрос об их хронологии, по существу, решен в общем плане работы, поскольку обоснована сама датировка кладов, включающих в свой состав серебряные колты. Однако вывод автора несколько ослаблен не доведенной до конца полемикой с Б. А. Рыбаковым о принадлежности княжеского знака на одной из матриц такого колта (стр. 69 и сл.). Автор совершенно справедливо сомневается в правильности отнесения этого знака ко Всеволоду Ярославичу (1030—1093 гг.), но все его сомнения вращаются вокруг чисто геральдических вопросов. Между тем, для решения вопроса о принадлежности этого знака важно привлечение и данных сфрагистики.

Приписываемая Всеволоду Ярославичу печать с изображением св. Андрея и княжеского знака с крестообразным основанием, аналогичного изображению матрицы[1], выпадает из всего круга русских сфрагистических памятников XI в., развивающихся в стиле так называемых «греко-русских» печатей. Известен целый ряд достоверных печатей Всеволода Ярославича[2]. Они несут на себе греческие надписи и обладают некоторой тяжеловесностью, столь присущей всем печатям XI в. Печать же Андрея со знаком — небольшого диаметра, выполнена тонко и изящно, в манере, хорошо известной по печатям XII в. и самого начала XIII в.

Особенности княжеского знака этой печати и матрицы также противоречат отнесению их к более раннему времени и датировке XI в. Княжеская геральдика в своем развитии прошла важный этап перехода от так называемых «парадных» знаков, образованных сочетанием фигур, к более простым знакам, образованным сочетаниями линий. Наблюдения над всей совокупностью известных к настоящему времени княжеских знаков позволяют предположить, что этот переход совершился сразу после кончины Ярослава. Знаки различных ветвей его потомства развиваются с сохранением некоторого общего элемента, который всегда служит указанием на принадлежность знака потомку определенного сына Ярослава. Таким общим элементом было строение нижней части знака. Известные к настоящему времени знаки Мстислава-Федора Владимировича[3] и его сыновей Всеволода-Гавриила[4] и Ростислава-Михаила[5] имеют раздвоенный низ. Знак Юрия Владимировича Долгорукого[6] имеет внизу изогнутый отрог. Эта последняя особенность сохраняется и у знаков всех сыновей Юрия и части его внуков[7]. Поскольку все перечисленные князья принадлежат к потомству Всеволода Ярославича, мы можем с достоверностью предполагать, что знак этого князя не имел крестообразного основания. Последнее присуще другой группе княжеских знаков, известной по печатям с изображениями Иоанна Богослова[8] и святого воина с неразборчивым именем[9].

---

[1] Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2. Без м. и г. издания, стр. 200, рис. 174.

[2] Н. П. Лихачев. Указ. соч., вып. 1, Л., 1928, стр. 146—154. Печати с греческой надписью «Господи, помози рабу твоему Андрею-Всеволоду».

[3] Н. П. Лихачев. Указ. соч., вып. 2, стр. 202, 203, рис. 178 (экземпляр с не сохранившимся именем, на лучших имя читается).

[4] Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. VII, *12*.

[5] Н. П. Лихачев. Материалы..., вып. 2, стр. 201, рис. 175.

[6] Там же, стр. 205, рис. 183.

В. Л. Янин. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей. КСИИМК, вып. 62, 1956.

[8] Н. П. Лихачев. Материалы..., вып. 2, стр. 208, рис. 187.

[9] Там же, рис. 188.

Поскольку последние печати, несомненно, относятся к XII в. или началу XIII в., они не могут принадлежать князьям — потомкам Всеволода, особенности знаков которых описаны выше. Владельцев этих печатей и знаков следует скорее искать среди черниговской ветви князей. Указанные печати известны только из новгородских находок, а новгородский стол занимался представителями только двух ветвей Ярославичей — потомками Всеволода и потомками Святослава.

Следует отметить, что по своему строению, по развитию второстепенных (личных, а не групповых) элементов знак матрицы и печати Андрея наиболее близок знакам суздальских Юрьевичей 2-й половины XII в. Им он, повидимому, и синхронен. Датировать этот знак XI в. значит отрицать вообще существование каких-либо закономерностей в развитии русских сфрагистических типов и княжеских геральдических знаков.

Одной из основных и наиболее важных частей рецензируемой работы является вопрос конкретной датировки русских кладов. В основу датировок Г Ф. Корзухиной положен нумизматический материал, часто встречающийся в кладах вместе с украшениями. Такое широкое привлечение монетных данных впервые применено к датировке русских вещевых кладов. Оно является одной из важнейших заслуг автора. Однако нумизматические материалы в рецензируемой работе привлекаются к датировкам не всегда последовательно и не всегда с должным пониманием особенностей древнерусского денежного обращения. Автор оговаривается, что к нумизматическим материалам следует подходить с осторожностью, корректируя их показания также и составом вещевой части клада (стр. 18). Это применимо прежде всего к таким кладам, монетная часть которых сохранилась в единичных экземплярах и не может быть бесспорным показателем даты.

Однако в ряде случаев автор корректирует и показания монетной части целых кладов или таких кладов, от которых сохранилось вполне достаточное для датировки количество монет. Эти случаи, повидимому, основываются на следующих соображениях: 1) «при отсутствии собственного чекана, раз попав в пределы древней Руси, монеты имели хождение здесь и несколько столетий спустя после их выпуска» (стр. 15); 2) «если вещевая часть клада и накапливалась в течение полутора-двух столетий, то между временем отдельных вещей нет больших интервалов», наряду с чем в монетных кладах «между временем монет имеются значительные интервалы» (там же). В качестве примера этих особенностей Г Ф. Корзухина называет известный Гнездовский клад 1868 г., в который входили монеты «VI в., затем сразу VIII, и, наконец, X—XI вв.» (стр. 15). По мнению автора, характер этого клада говорит не только о смешении в обращении разновременных монет, но и о том, что обращение в значительной степени было насыщено старой монетой. Если это, действительно, так, то, повидимому, не существует никаких гарантий правильности определения монетных кладов вообще. В развитие своих соображений Г Ф. Корзухина предполагает, в частности, что вятичские клады, состоящие из монет IX в., вполне могли быть зарытыми только в X в. (стр. 36). Ниже нам еще раз придется вернуться к вятичским кладам, здесь же отметим сам прием подхода к монетной части кладов.

Следует решительно возразить против такого подхода. Приведенный Г. Ф. Корзухиной в качестве примера Гнездовский клад совершенно не типичен. В нем прежде всего содержалось только 20 монет, а из их числа все экземпляры VI и VIII вв. были пробиты и превращены в подвески. Эти последние ни в коем случае нельзя привлекать для характеристики монетной части кладов, поскольку к моменту сокрытия они не являлись

средством обращения и подчинялись закономерностям накопления вещевой части кладов; монетная же — в полном смысле этого слова — часть Гнездовского клада вполне компактна. Наблюдения над большим числом типичных для древней Руси монетных кладов позволяют установить, что русскому монетному обращению было свойственно постоянное обновление. Подавляющее большинство попавших в русское обращение монет не оставалось в нем навсегда, а постепенно, но достаточно быстро устранялось из него, сменяясь новыми типами. Невозможно сбрасывать со счета тот факт, что серебряные монеты были не только материалом денежного обращения, но и сырьем для литья утвари и всевозможных украшений. В условиях древней Руси, лишенной собственных ресурсов серебра, монетная часть кладов была потенциальной сырьевой основой их вещевой части. Потребность ремесла в монете как основной форме сырья была серьезнейшей причиной постоянного обновления состава монетных кладов.

В любом русском кладе формальный диапазон хронологического колебания монет, правда, достигает часто нескольких столетий, но исключительно за счет немногочисленных древних экземпляров; диапазон же колебания основной, подавляющей массы монет умещается, как правило, в пределах 50 лет, предшествующих дате зарытия клада. Несколько шире этот диапазон в кладах IX в., но это объясняется совершенно исключительным явлением длительного переживания ранних монет в то время не только в денежном обращении древней Руси, но в первую очередь на Востоке. Каналы денежного обращения халифата в IX в. были насыщены ранней монетой, чеканенной в основном Гарун-ар-Рашидом, и ее не успевали изымать и заменять новой. Однако и эти клады датируются весьма точно уже по месту чеканки основной массы монет: в 1-й четверти IX в. преобладали африканские монеты, затем их место заняли азиатские[1].

Важнейшее значение для датировки русских кладов с монетами имеют такие серьезные периоды развития древнерусского денежного хозяйства, как прекращение обращения восточной монеты в южнорусских областях, происшедшее в 60—70-х годах X в. (более поздние южные клады в Рудках и Денисах носят случайный характер), и смена дирхема денарием на севере в начале XI в. К настоящему времени не известно ни одного русского клада XI в., который состоял бы только из дирхемов, без примеси денариев. Эта примесь к середине XI в. достигала 50%, а в кладах 2-й половины XI в. встречаются, как правило, только западноевропейские монеты.

Все эти обстоятельства требуют максимального доверия к дате младшей монеты клада, разумеется, в тех случаях, когда монетная часть кладов сохранилась достаточно полно.

При учете этих обстоятельств кажутся совершенно не обоснованными датировки клада № 12, найденного в Киеве (в кладе содержалось 2—3 тыс. монет, из них определены 529, младшая монета — 906 г.; автором клад датирован рубежом X—XI вв.); Киевского клада № 13 (в кладе содержалось 2930 дирхемов, младшая монета — 906 г., клад автором отнесен к рубежу X—XI вв.); Киевского клада № 14 (клад состоял из 192 дирхемов, младшая монета — 936 г.; автором клад датирован 2-й половиной X в.); Гнездовского клада № 24 (первого из двух показанных под одним номером кладов; монеты этого клада относятся к 1-й половине X в.; клад автором датирован 2-й половиной X в.); Струповского клада № 36 (в кладе было

[1] Р. Р. Фасмер. Клад куфических монет, найденный в Новгороде в 1920 г. ПРАИМК, т. IV, 1925, стр. 269.

около четверика монет, сохранилось 79, младшая монета — 912 г.; по Г. Ф. Корзухиной, клад относится к XI в.— началу XII в.!); кладов № 61 и 63 (оба последних клада датированы автором XI в.— началом XII в., хотя их монетная часть составлена только дирхемами).

Целый ряд возражений вызывают попытки Г Ф. Корзухиной обосновать датировку некоторых кладов по наличию в них обломков монет. Судя по некоторым замечаниям на стр. 21 и 22, автор считает, что наличие в кладах монетных обломков является прямым указанием на позднюю дату клада. На указанных страницах этой поздней датой оказывается конец IX в., а при описании клада № 12, младшая монета которого относится к 906 г., наличие в кладе обломков свидетельствует уже почему-то о второй половине X в. (стр. 83). Между тем, если даже отрешиться от этой путаницы, наличие в кладах обломков нельзя рассматривать как признак поздней даты. Все русские клады куфических монет, включающие в свой состав обломки, делятся на три хронологические группы. В первую группу входят клады 1-й четверти IX в., во вторую — клады 60—70-х годов IX в., наконец, в третью группу — все клады, начиная с 939 г. В указанные периоды обращение обломков было общерусским или, по крайней мере, распространенным на обширной территории древней Руси. Отдельные клады, выпадающие из этой хронологической схемы (Киевский 906 г., № 12; Соболевский 857 г.), отличаются значительными размерами и включают в свой состав обломки вполне закономерно.

Появление в русском денежном обращении обломков в указанные периоды хорошо объясняется метрологически. Клады 1-й четверти IX в. включают в себя чрезвычайно пестрый в весовом отношении материал, что неизбежно вызывало весовой прием монеты. Затем в течение длительного периода в Восточную Европу поступает аббасидский дирхем очень выдержанного веса, позволяющий перейти к его счетному приему. В 60-х годах IX в. вес этого дирхема впервые начинает портиться, заметно увеличиваясь. Это вновь приводит к употреблению обломков, к взвешиванию сумм металла. Однако уже в 70-х годах IX в. начинается хорошо прослеживаемая по русским кладам сортировка восточной монеты по русским нормам куны и ногаты. Большинство монет, не соответствующих этим нормам, устраняется из обращения. В связи с этим обломки в кладах вплоть до конца 30-х годов X в. не встречаются. Наконец, с 30-х годов X в., когда вес дирхемов стал исключительно непостоянным, в кладах снова в большом количестве появляются обломки монет, теперь уже на долгий период.

Эти факты говорят о том, что наличие обломков в кладах можно и нужно привлекать для проверки датировок, но глубже, чем это сделано в рецензируемой работе. В частности, анализ кладов на наличие в них обломков в сочетании с тем, что было сказано выше о роли младшей монеты для датировки клада, дает возможность выделить известную группу кладов 1-й половины X в., представленную в работе Г Ф. Корзухиной в виде «белого пятна».

В периодизации кладов Г Ф. Корзухиной существует еще одно «белое пятно» — весь XII в. вплоть до 1170 г. Последний раздел ее сводки озаглавлен «Клады, зарытые между 70-ми годами XII в. и 1240 г.». Предыдущий раздел сводки включал в себя клады, зарытые в XI в.— начале XII в. Одним из основных мотивов для датировки позднейшей группы кладов послужило наличие в значительном их числе (в 33 случаях из 111) денежных слитков так называемого киевского типа. Автор принимает распространенное в литературе положение о том, что «период обращения серебряных слитков установившегося веса и формы наступил с 1150 г.» (стр. 28), хотя и оговаривается, что отливка слитков определенного веса, повиди-

мому, началась в конце XI в. На принятие поздней даты обращения киевских слитков, вероятно, повлияло то, что они ни разу не были встречены с монетами XI в. Если монетное обращение продолжалось до рубежа XI и XII вв., то взаимовстречаемость монет со слитками в случае ранней датировки последних, казалось бы, должна быть неизбежной. Однако это не совсем так. Шестиугольные слитки распространялись в пределах очень небольшого ареала, в котором монетное обращение прекратилось не на рубеже XI и XII вв., а гораздо раньше, в начале XI в. Поэтому отсутствие взаимовстречаемости этих слитков с монетами XI в. не может быть поводом для отнесения всех их к последней трети XII в. и к 1-й половине XIII в. Последняя датировка основывается на трех случаях находок шестиугольных слитков с византийскими монетами середины и 2-й половины XII в. (Киев, усадьба Гребеновского; Девица; Старая Рязань, 1908 г.), однако не следует забывать, что эти слитки около ста раз были обнаружены без сопровождающего материала вообще. Сомнения в правильности принятой поздней датировки шестиугольных слитков подтвердились летом 1954 г., когда при раскопках в Новгороде на Неревском конце киевский слиток был обнаружен в непотревоженном слое 2-й половины XI в. По-видимому, имеется достаточно оснований для того, чтобы углубить раннюю дату последней группы вещевых кладов, представленных в сводке Г. Ф. Корзухиной.

Неправильным представляется наименование «монетная гривна», примененное автором к киевским шестиугольным слиткам. Слово «гривна» соответствовало реальной денежной единице, будучи сначала обозначением определенного веса или количества серебряных монет, а затем определенного количества товаро-денег («гривна кун») или особого вида денежного слитка, употреблявшегося на севере («гривна серебра»). Для обозначения шестиугольного слитка этот термин не применялся. Основываясь на некоторых письменных источниках, мы можем утверждать, что в древней Руси киевский слиток назывался литрой. Во всяком случае, правильнее этот вид памятников именовать «киевским денежным слитком».

Автором рецензируемой работы высказаны некоторые сомнения в правомерности связывать дату зарытия вятичских кладов с датой их младшей монеты (стр. 36). «Не следует забывать,— пишет Г. Ф. Корзухина,— что верховья Оки — это глубокая глухая окраина по отношению к великому Волжскому пути и что монеты IX в. могли дожить здесь до X в. и только в X в. быть зарытыми». Против этих соображений следует возразить самым решительным образом. Воротами, через которые в течение более двухсот лет вливалась в древнюю Русь серебряная монета, был Булгар. Первая славянская территория, на которую эти монеты проникали, была именно земля вятичей. И именно верховья Оки на всем протяжении IX в. и 1-й половины X в. были основной магистралью, по которой эти монеты направлялись далее в Киев. Следовательно, не верховья Оки, а Киев был «глубокой глухой окраиной по отношению к великому Волжскому пути». Если принять соображения автора, то из них органически должны вытекать представления о том, что Киев и вятичские территории снабжались монетой не через Булгар, а через Итиль. Между тем мы знаем, что путь из Итиля в Киев отмечен лишь изолированными монетными находками, в основном VIII в. и начала IX в. Об активном товарном движении здесь говорить не приходится.

С выводами о датировках кладов и вещей непосредственно связан раздел рецензируемой работы о причинах зарытия кладов. Автор высказывает в этом разделе ряд важных соображений, однако его анализ причин сокрытия сокровищ кажется неполным. Суммируя эти причины, Г. Ф. Корзу-

хина называет следующие обстоятельства: 1) в период формирования территории Киевского государства — борьба за объединение славянских племен и включение некоторых иноязычных племен в состав Киевской Руси; 2) острая социальная борьба внутри Киевского государства, приводившая к народным восстаниям против феодальной знати; 3) междукняжеская борьба, особенно в период феодальной раздробленности; 4) не прекращавшаяся борьба против кочевников (стр. 47). Во всех четырех случаях причиной зарытия кладов признается исключительно политический фактор. Начав свою работу с утверждения о том, что русские вещевые клады являются богатейшим историческим источником для истории внешней и внутренней торговли (стр. 5), автор на стр. 76 приходит к диаметрально противоположному выводу о том, что «топография вещевых кладов отражает не районы с наиболее развитым ремеслом и не направление торговых путей, она указывает пункты и целые районы, испытавшие те или иные бедствия». Это стремление связывать зарытие кладов исключительно с политическими событиями не совсем понятно. Нам кажется, что самое пристальное внимание должны привлечь факты совместных находок вещей и монет. Г. Ф. Корзухина делит русские клады на нумизматические, вещевые и смешанные; среди последних иногда называются и «почти нумизматические». Это прямолинейное деление предполагает, повидимому, что состав кладов и принципиально делился всегда на монеты, выполнявшие свои функции средства обращения, и вещи, служившие только частями убора. Между тем существование в русском денежном обращении нескольких периодов весового приема серебра превращало в средство денежного обращения и серебряные украшения. Особенно показательны в этом отношении клады XI в., включающие в свой состав ломаные украшения (Hacksilber). Последние к моменту тезаврации уже не являлись больше частями убора, а были такими же деньгами, как и целые и ломаные монеты.

Следовательно, к числу закономерностей сокрытия вещевых и смешанных кладов должны быть отнесены и некоторые специфические закономерности сокрытия чисто монетных кладов. Маркс говорит о потрясениях общественного обмена как причине зарытия кладов[1]. В таких потрясениях немаловажную роль играют потрясения экономического порядка: перебои в поступлении серебра, приводящие к колебанию цен на него, периоды ломки денежных систем, различные экономические «реформы» и т. д., наконец, переполнение каналов товарного обращения монетой, создающее излишки последней и выводящее ее в сокровище. Во всяком случае, полное представление о причинах сокрытия вещевых кладов может дать только параллельное рассмотрение и хронологии чисто монетных кладов.

Поскольку такие клады не привлечены к исследованию, представляется неоправданным данное автором слишком широкое название работы.

Очень мало говорится в рецензируемом труде о вещевых кладах как источнике для изучения внешней торговли древней Руси. В данном случае автор пошел по пути, прямо противоположному тому, которым идут зарубежные исследователи аналогичного материала. Ограничившись пределами Руси, Г. Ф. Корзухина анализирует в основном внутренние особенности хронологии и топографии кладов. Между тем, для понимания последних важно выяснить и внешние аналогии, поскольку внешняя торговля в рассматриваемый период играла исключительную роль. Скандинавские вещи рассмотрены в работе в ряде случаев, однако аналогии на-

[1] См. К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат, 1953, стр. 128.

зываются не всегда. Повидимому, только сравнительное изучение русских и западных кладов поможет, например, выяснить место происхождения так называемых «обрезков браслетов и шейных гривен» Полоцкого клада 1910 г. (№ 48), которые в действительности являются небольшими слитками с прокованной ребристой поверхностью и в значительном числе встречаются в кладах Готланда, материковой Швеции и Дании. Исключительно большой интерес представил бы анализ топографии и хронологии вещей русского происхождения в западноевропейских находках. Понятно, что автор не преследовал всех этих целей и специально оговорил это, однако следует отметить, что задача исследователя всех этих вопросов очень облегчена выходом в свет хороших сводок западноевропейских кладов: Р. Сковманда — для Дании, Шлезвига и Сконе и М. Штернбергера — для Готланда[1].

Опираясь на нумизматический материал, автор в меньшей степени пользуется курганными аналогиями. В случае определения стилистической разницы вещей X и XI вв. (зернь и чеканка) такие аналогии для северных областей, бедных кладами, следовало бы привлечь по возможности шире; некоторые случаи обнаружения вещей, обработанных пунсонами, в кладах середины X в. отметить можно. В качестве примера назовем миниатюрную лунницу из Новгородского клада 972 г. Клад этот обнаружен при раскопках в 1953 г., еще не издан и автору, таким образом, неизвестен.

Приведенные замечания не противоречат основным выводам автора. Напротив, большинство их направлено к подкреплению этих выводов. Исследование Г Ф. Корзухиной, несомненно, войдет в золотой фонд советской археологии и послужит основой для решения многих важных и давно назревших вопросов истории ремесла, обмена и культуры древней Руси.

В. Л Янин

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИЗ — Археологические известия и заметки изд. Московского археологического общества.
АС — Археологический съезд
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВЛУ — Вестник Ленинградского университета
ВООК — Вісник Одеської Комісії краєзнавства при Всеукраїнській Академії наук
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ГМ — Государственный музей
ДАК — Дело Археологической комиссии
ДБК — Древности Боспора Киммерийского
ДП — Древности Приднепровья
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗИН АН— Зоологический институт Академии наук
ЗНТШ — Записки наукового товариства імени Шевченка у Львові
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии
ЗРАО — Записки Русского археологического отделения
ЗРОРАО — Записки русского отделения Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИОЛЕАЭ—Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии
ИОН — Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук
ИРГО — —Известия Русского географического общества
ИТУАК — Известия Таврической Ученой архивной комиссии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ПВЛ — Повесть временных лет
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
РАНИОН — Российская ассоциация научных институтов общественных наук
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская Археология
СОГА — Свердловский областной государственный архив
СЭ — Советская этнография.
Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
Труды ТКОПОРГО — Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отела Русского географического общества
ВОЛЕ — Уральское общество любителей естествознания
УСН — Bulletin Correspondance Hellinique
ESA — Eurasia Septentrionalis Antique
IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
JPEK — Jahrbuch der praehistorischen und ethnographischen Kunst
Sprawozdanie PAU — Sprawozdanie Polskiej Akademii Umiejętności w Krakowie
PZ — Praehistorische Zeitschrift.
ZOW — Z otchlani wieków. Poznań.
ZWAK — Zbiór wiadomości do antropologii krajowéj, wydawany staranniem komissyi antropologicznej Akademii Umiejętności w Krakowie.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Е. И. Крупнов (Москва). О жизни и научной деятельности В. А. Городцова 5
Д. А. Крайнов (Углич). Жилища Тимоновской палеолитической стоянки. (По раскопкам В. А. Городцова) 13
А. Я. Брюсов (Москва). Археологические данные об экономике доклассового общества в неолитическую эпоху. (Производительные силы и производственные отношения в эпоху неолита). . . . 35
В. В. Чердынцев (Алма-Ата). Определение абсолютного возраста палеолита 64
В. Н. Скалон (Иркутск). Оленные камни Монголии и проблема происхождения оленеводства 87
М. Т. Гембарович (Львов). К вопросу о значении трипольских женских статуэток 106
Н. Н. Бондарь (Киев). Торговые сношения Ольвии со Скифией в IV—I вв. до н. э. 124
Г. Ф. Соловьева (Москва). Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. н. э. (вятичи, радимичи, северяне) 138

Материалы

П. И. Борисковский (Ленинград). Раскопки палеолитического жилища и погребения в Костенках II в 1953 году. 173
К. В. Сальников (Свердловск). Исетские древние поселения. (По материалам обследования среднего течения реки Исети в 1940 году) 189
М. И. Максимова (Ленинград). Ритон из Келермеса . . . 215
И. Т. Кругликова (Москва). Позднеантичные поселения Боспора на берегу Азовского моря. 236
А. В. Давыдова (Ленинград). Иволгинское городище. (К вопросу о гуннских поселениях в Забайкалье) . . . 261
М. А. Тиханова (Ленинград). Борочицкий клад. 301
Г. Ф. Корзухина (Ленинград). Новые данные о раскопках В. В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве 318
Прпложение 337

Рецензии

В. В. Кропоткин (Москва). Материалы по археологии Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). МИА, № 34, 1953. 345
Л. М. Меликсет-Бек (Тбилиси). К. Кафадарян. Город Двин и его раскопки. Результаты работ археологической экспедиции Академии наук Арм. ССР 1937—1950 гг. Изд. Академии наук Арм. ССР. Ереван, 1952. . . 349
В. Л. Янин (Москва). Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. Изд. Академии наук СССР. М.— Л., 1954 357
Список сокращений 366

Советская археология, т. XXV

*

Утверждено к печати
Институтом истории материальной культуры
Академии наук СССР

*

Редакторы издательства *О. Д. Дашевск*
и *Б. С. Шохет*
Технический редактор *Е. Н. Симкина*

РИСО АН СССР. № 125—83В. Сдано в набор
21/V-56 г. Подп. в печать 21/IX-56 г. Формат бум.
70 ×108¹/₁₆. Печ. л. 23+4 вкл. (31,51+ вкл. 1,0.
Уч.-изд. лист. 31,5. Тираж 1500
Т-69324. Изд. № 1439. Тип. зак. 501.

Цена 20 р. 35 к.

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Б-64, Подсосенский пер., д. 21

2-я типография Издательства АН СССР.
Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
148	8-7 сн.	роменской»	«роменской»
156	4 сн.	дасьледчы і каў	дасьледчыкаў
209	3 сн.	(рис. 16, 1_0)	(рис. 16, *10*).
238	(рис. 1)	Чово-Отрадное	Ново-Отрадное
265	10 сн.	(сечение 0,10—0,15 см)	(сечение 0,10—0,15 м)
302	20-21 сн.	st. gasioski	st. gasiorowski
366 (Список сокращений)	10 сн.	ВОЛЕ	УОЛЕ
	9 сн.	УСН	ВСН